

English, Russian and German versions of the autobiography "Sturmzeiten" by Waldemar Kunz
STORMY TIMES: A Factual Report from Czarist and Communist Russia
by Waldemar Kunz (1892-1973)
originally written in German, and published in 1956
by the "Verlag AG Buchdruckerei B. Fischer" in the town of Muensingen in Switzerland

<https://familyhistorytreasures.com/pdf/Sturmzeiten.pdf>

Life Overview of Cousin Waldemar

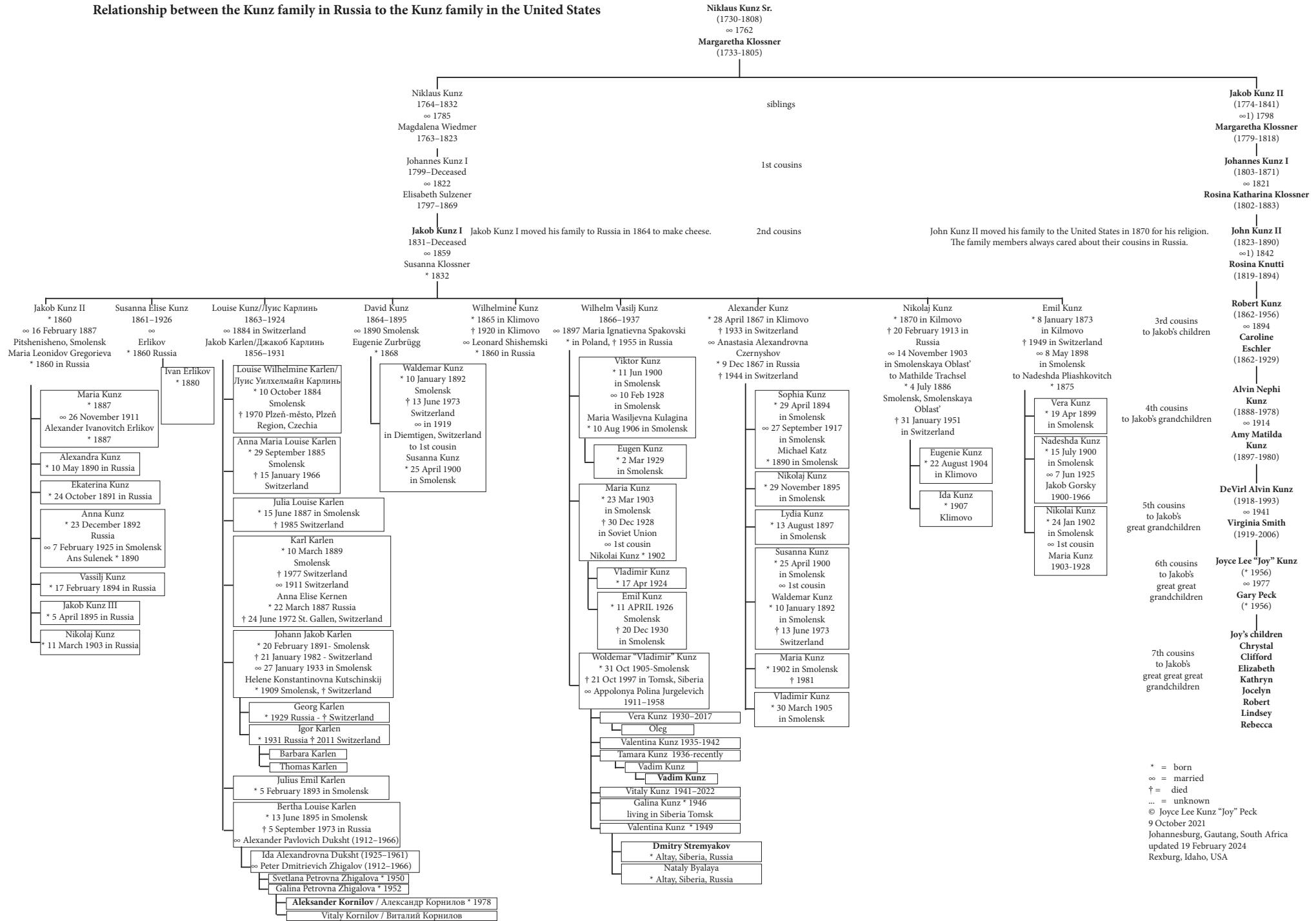
1892 - Waldemar was born in Russia
1895 - His father died
1899 - Waldemar was sent to Switzerland for school
1900 - His mother died in Russia
1907 - Returned to Russia. Lived with uncle
1910 - With Uncle Leonard Shishemski in Klimovo
1911 - Uncle Nicholaj Kunz sent him back to Switzerland.
1915 - Met Lenin
1919 - Lived in Berlin
1946 - Returned to Russia

Waldemar had a unique world vantage point during these stormy historic times. He twice met Lenin, the Communist President of Russia. Waldemar was brilliant and his words are timeless.

Table of Contents

Relationship Chart	2	1909 - The Academic Youth Revolt	124
Preface	3	1909 - Bearing the inevitable with dignity	136
1895 - The Early Death of my Father	5	The Jews in Russia	153
1864-1895 Homeland of my Ancestors	13	1910 - Klimovo	165
Fifth Commandment.	16	1911 - My second departure to Switzerland	185
Fritz Haueter.	18	How I found Maslenikov	195
My First Class.	21	1914 - The First World War/Revolution in Russia.	203
Wasska.	29	1915 - Encounters with Lenin	209
Vandalism.	32	1919 - Four years in Berlin	225
1899 - Departure for Switzerland	42	The Second World War and its Consequences	233
Saul became Paul	45	1946 - After 35 years, saw the country of my birth	235
Back on Russian Soil	51	Maslenikov chief hospital physician in Moscow	241
Wassily "Wasska" Petrovich Maslenikov	60	Encounter a person from the good old days.	262
Two shots were fired that night.	74	Judaism in Russia	270
Hunting with Nilka and around the fire	83	1947 - The Eternal Clay Streets	278
1908 - Fritz Haueter leaves Murentsewo	96	Final word	284
When the cornflowers bloomed	109	Biographical Summaries	287

Relationship between the Kunz family in Russia to the Kunz family in the United States

As spring was about to turn into summer again, I became homesick for the mountains. I packed my backpack and fled from the turmoil of the lowlands to the quiet Prättigau [in the Canton of the Grisons in easternmost Switzerland].

I found a hospitable welcome in a purely Romanesque house with a round arched doorway and deep window niches in the whitewashed masonry. Wood-framed pictures in delicate watercolors hung on the walls, and through the window in my room I could see ice and rock from the Silvretta Alps. On the front of the house an artist's hand had painted a colorful sundial with the reflective saying:

“Do it like the sundial:
just notice the beautiful hours!”

Deep down in the valley I could hear the whitewater torrents of the Landquart River, on the banks of which cowslips and primroses grow. The earth breathed dry, bitter air. In the evening, long shadows spread across the plain, and at the same time the bright play of colors on the old snow had begun.

And whenever I stood on the Casanna Massif above the local landmark of Mount Gotschnagrat, I saw the Piz Buin mountain [on the border between Austria and Switzerland] and right next to it, the heart of the Silvretta Mountains: the Dreiländerspitze [which means "the peak of three countries"]. This unique landmark between Vorarlberg, Tyrol and Switzerland not only separates two states, but also two opponents of southern European and Alpine history: the Latin-based speaking populations in the south and

Als sich das Frühjahr wieder einmal zum Sommer wenden wollte, ergriff mich das Heimweh nach den Bergen. Ich packte den Rucksack und floh vor der Unrast des Tieflandes in das stille Prättigau.

In einem rein romanischen Haus mit rundgewölbtem Türbogen und tiefen Fensternischen im weißgetünchten Mauerwerk fand ich gastliche Aufnahme. An den Wänden hingen holzumrahmte Bilder in zarten Aquarellfarben, und durch das Fenster schauten Eis und Fels der Silvrettagruppe in meine Stube. Auf der Stirnseite des Hauses hat die Künstlerhand eine bunte Sonnenuhr gemalt, mit dem besinnlichen Spruch:

«Mach’ es wie die Sonnenuhr:
Merk’ die schönen Stunden nur!»

Tief unten im Tal hörte ich das Wildwasser der Landquart rauschen, an deren Ufern gelbe Dotter- und Schlüsselblumen standen. Die Erde atmete trockene, herbe Luft. Am Abend breiteten sich in der Ebene lange Schatten, während auf dem Firn das leuchtende Farbenspiel begann.

Und wenn ich jeweils auf dem Casanna-Massiv oberhalb dem Gotschnagrat stand, erblickte ich den Piz Buin und dicht daneben das Herz der Silvrettaberge: die Dreiländerspitze. Dieser einzigartige Markstein zwischen Vorarlberg, Tirol und der Schweiz trennt nicht nur zwei Staaten, sondern auch zwei Gegenspieler der südeuropäischen und alpinen Geschichte: Romanen im Süden und Germanen im Norden. Uebermäßig schön ist das Bündnerland! Es vermittelt auf eine fast

Поскольку весна вот-вот сменится летом, я затосковал по горам. Я собрал рюкзак и сбежал из суеты низин в тихий Претигау.

Я нашел гостеприимный прием в чисто романском доме с круглым арочным дверным проемом и глубокими оконными нишами в побеленной каменной кладке. На стенах висели картины в деревянных рамках, выполненные нежными акварельными красками, а лед и камни группы «Сильвретта» заглядывали в мою комнату через окно. На фасаде дома художник нарисовал красочные солнечные часы с созерцательной надписью:

«Сделай это как солнечные часы:
Просто вспомните прекрасные часы!»

Глубоко в долине я слышал шум бурной воды Ландквартса, по берегам которой росли желтые бархатцы и первоцветы. Земля дышала сухим, горьким воздухом. Вечером по равнине раскинулись длинные тени, а на снегу началась яркая игра красок.

И когда я стоял на массиве Казанна над Гочнагратом, я увидел Пиц Буйн и прямо рядом с ним сердце гор Сильвретта: Драйлендершпитце. Эта уникальная достопримечательность между Форарльбергом, Тиролем и Швейцарией не только разделяет два государства, но и двух противников южноевропейской и альпийской истории: романов на юге и германцев на севере. Граубюнден невероятно красив! Почти невероятным образом он передает максимум удовольствия, которое

Germanic peoples in the north. The Canton of the Grisons [German: Graubünden] is incredibly beautiful! In an almost improbable way, it conveys the optimum of what Alpine splendor offers the eye in terms of enjoyment.

The silence and seclusion of the mountains encourage inner contemplation. I had the leisure to reminisce about a long-vanished era in the room of that lonely Romanesque house. It was there that I decided to start working on this book. When the pendulum clock on the wall above my head quietly and conscientiously counted the passing seconds, I imagined a reunion with dear and also evil people from far away lands. Many familiar faces appeared in a flash in the mind's eye, very clearly and distinctly, and then disappeared again into the darkness of the past. I drew on the treasure of my deepest experiences in Russia, exactly as reflected in my memory.

I ask the honored readers not to blame me this time for ignoring the old sundial's good advice and practically letting it go unnoticed. Objectively speaking, I had to write even more about difficult times, about historical upheavals which shook the foundations of Russia and later on actually shocked the entire world.

The author.

unwahrscheinliche Weise das Optimum dessen, was die Alpenherrlichkeit dem Auge an Genuß überhaupt zu bieten vermag.

Die Stille und Abgeschiedenheit der Berge regen zu innerer Einkehr an. Ich hatte Muße, in der Stube jenes einsamen romanischen Hauses Reminiszenzen über eine längst entchwundene Zeitepoche anzustellen. Dort faßte ich den Entschluß, mit der Arbeit an diesem Buch zu beginnen. Wenn über meinem Kopf an der Wand die Pendeluhr leise und gewissenhaft die fortelenden Sekunden zählte, feierte ich in Gedanken ein Wiedersehen mit lieben und auch bösen Menschen aus fernem Lande. Viele vertraute Gesichter tauchten blitzschnell, aber klar und deutlich, vor dem geistigen Auge auf und verschwanden dann wieder im Dunkel der Vergangenheit. Ich schöpfte aus dem Schatz meiner tiefsten Erlebnisse in Rußland, genau wie sie mir die Erinnerung wiedergab.

Ich bitte die verehrten Leser und Leserinnen, mir nicht etwa zu verdenken, daß ich den guten Rat der alten Sonnenuhr diesmal unbeachtet ließ. Objektiverweise mußte ich vielmehr von schweren Zeiten schreiben, von geschichtlichen Umwälzungen, welche die Grundfesten Rußlands und später sogar der ganzen Welt zu erschüttern vermochten.

Der Verfasser.

может предложить глазу альпийское великолепие.

Тишина и уединение гор побуждают к внутреннему созерцанию. У меня было свободное время, чтобы вспомнить давно ушедшую эпоху в комнате того одинокого романского дома. Именно там я решил начать работу над этой книгой. Когда маятниковые часы на стене над моей головой тихо и добросовестно отсчитывали проходящие секунды, я мысленно праздновал встречу с дорогими и такими же плохими людьми из далеких стран. Многие знакомые лица возникали перед мысленным взором в мгновение ока, но четко и отчетливо, а затем снова исчезали во тьме прошлого. Я черпал сокровище из своих глубочайших переживаний в России так, как их отражала моя память.

Прошу моих дорогих читателей не винить меня за то, что на этот раз я проигнорировал добрый совет старых солнечных часов. Объективно говоря, мне приходилось писать о трудных временах, об исторических потрясениях, которые могли поколебать устои России, а затем и всего мира.

Автор.

Original Page 1

The Early Death of My Father

It was on the pitch-black, storm-tossed night of April 20th to 21st, 1895, on a large estate in the deep Russian province. At that time I was still a tender boy.

Loud female voices in the hallway suddenly woke me from my slumber. I tentatively opened my eyes and looked around in surprise. My room was next to my parents', but the environment I was currently in was alien to me. I had to first remember what had happened. Then everything came back to me: my father was suffering from severe pneumonia. He had been battling death for eight days. The young district doctor, who had recently completed his studies at Moscow University and therefore had little practical experience, found it appropriate to call two colleagues from the nearby governorate town of Kaluga to his bedside. This council now tried to save the young human life, which proved to be a hopeless undertaking given the lack of medicines for high fever and shortness of breath at the time.

Everything in our house was going haywire, which is why it was decided to accommodate us children elsewhere, especially at night. My sister Schenja (diminutive of Eugenie) and my brother Kolja (the one of Nikolai) were taken in by the estate manager. Actually I should have gone with them, but shortly beforehand I took the finch line [*move away quickly and unnoticed*] and hid with Nilka, whose bedroom was on the ground floor in the servants' quarters.

Der frühe Tod meines Vaters

Es war in der stockfinsteren, sturmgepeitschten Nacht vom 20. auf den 21. April 1895, auf einem großen Landgut in tiefer russischer Provinz. Ich stand damals noch in zartem Knabenalter.

Laute Frauenstimmen auf dem Hausflur rissen mich jählings aus dem Schlummer. Ich öffnete zaghaft die Augen und sah mich verwundert um. Mein Zimmer lag neben dem meiner Eltern, doch diese Umgebung, in der ich mich augenblicklich befand, war mir fremd. Ich mußte mich zuerst besinnen, was sich ereignet hatte. Dann kam mir alles wieder zum Bewußtsein: Mein Vater war an schwerer Lungenentzündung erkrankt. Seit acht Tagen kämpfte er mit dem Tode. Der junge Bezirksarzt, welcher erst kürzlich sein Studium an der Moskauer Universität abgeschlossen und daher noch wenig praktische Erfahrung hatte, fand es für angezeigt, zwei Kollegen aus der nahen Gouvernementsstadt Kaluga ans Krankenbett zu rufen. Dieses Konsilium versuchte nun, das junge Menschenleben zu retten, was angesichts der zu jener Zeit fehlenden Arzneimittel gegen hohes Fieber und Atemnot sich als aussichtsloses Unterfangen erwies.

In unserem Hause ging alles drunter und drüber, weshalb beschlossen wurde, uns Kinder besonders während der Nacht anderswo unterzubringen. Die Schwester Schenja (Diminutiv von Eugenie) sowie der Bruder Kolja (dasjenige von Nikolai) fanden Aufnahme beim Gutsverwalter. Eigentlich hätte ich mitgehen sollen, doch nahm ich kurz vorher den Finkenstrich und versteckte mich bei Nilka, dessen Schlafräum im Gesindehaus zur ebenen Erde lag.

Ранняя смерть моего отца

Это было тёмной, бурной ночью с 20 на 21 апреля 1895 года, в большом имении в глубокой русской провинции. В то время я был еще маленьким мальчиком.

Громкие женские голоса в коридоре внезапно разбудили меня от сна. Я осторожно открыл глаза и удивлённо огляделся. Моя комната находилась рядом с комнатой моих родителей, но обстановка, в которой я сейчас находился, была мне чужда. Сначала мне нужно было вспомнить, что произошло. Потом все вспомнилось: мой отец болел тяжелой пневмонией. Он боролся со смертью восемь дней. Молодой участковый врач, недавно закончивший обучение в Московском университете и потому не имевший большого практического опыта, счел уместным пригласить к своей постели двух коллег из соседнего провинциального города Калуги. Этот совет теперь пытался спасти молодую человеческую жизнь, что оказалось безнадежной затеей, учитывая отсутствие в то время лекарств от высокой температуры и одышки.

В нашем доме все шло наперекосяк, поэтому нас, детей, было решено поселить в другом месте, особенно на ночь. Сестру Щеню (уменьшительное от Евгении) и брата Колю (тот, что Николая) взял на воспитание управляющий имением. Вообще-то мне следовало пойти с тобой, но незадолго до этого я взял веревку и спрятался у Нильки, спальня которой находилась на первом этаже в помещении для прислуги.

Nilka was a young man from the neighboring farming village of Dubrowka. Thanks to his extraordinary professional skills as well as absolute reliability and loyalty, he quickly became my father's first assistant on the estate dairy. His whole appearance remains vivid in my memory to this day: his step was light and elegant, regardless of the high, heavy boots that Nilka wore to work. Copper-brown, narrow and beautiful face, with cheerful eyes, deep black, long hair combed back. A cigarette sits casually in the corner of his mouth. "The image of Apollo of Bel Védère!" my father used to say when he saw Nilka coming along.

Original Page 2

I had taken Nilka into my heart, especially because of his great love and attention for us children. But that wasn't the only reason for it. Nilka had qualities that would look so good on every man. Courage, self-discipline and open-mindedness were his special characteristics. He also loved danger, especially the moment when death and life lay together on the balance, slowly balancing out according to chance or fate. Therein lies the ancient riddle of the Russian soul! Nilka's dark eyes could switch between fiery glow and icy cold in a flash, depending on what was stirring within him.

When I grew up, I was allowed to accompany Nilka on hunts. He carried a modern shotgun, I carried an antediluvian muzzleloader, which usually failed. As soon as we entered the forest, Nilka felt in his element. His ears picked up every whispering sound

Nilka war ein junger Mann aus dem benachbarten Bauerndorf Dubrowka. Durch außerordentliche berufliche Fähigkeiten sowie absolute Zuverlässigkeit und Treue rückte er innerhalb kurzer Frist zum ersten Gehilfen meines Vaters auf der Gutsmolkerei vor. Seine ganze Erscheinung ist mir bis heute in lebhafter Erinnerung haften geblieben: Leicht und elegant der Schritt, ungeachtet der hohen, schweren Stiefel, die Nilka bei der Arbeit trug. Kupferbraun, schmal und schön das Gesicht, mit lebensfrohen Augen, tiefschwarz das lange, nach hinten gekämmte Haar. Im Mundwinkel lässig eine Papirossa (Zigarette). «Das Ebenbild von Apollon von Belvedere! », pflegte mein Vater zu sagen, wenn er Nilka daherkommen sah. - 1

Ich hatte Nilka in mein Herz geschlossen, vor allem wegen seiner großen Liebe und Aufmerksamkeit zu uns Kindern. Aber dies war nicht der einzige Grund dazu. Nilka hatte Eigenschaften, die jedem Manne so gut anstehen. Mut, Selbstzucht und Aufgeschlossenheit waren seine besonderen Merkmale. Er liebte auch die Gefahr, besonders den Augenblick, wenn Tod und Leben zusammen auf der Waage lagen, die sich langsam auspendelten nach Zufall oder Schicksal. Darin liegt eben das uralte Rätsel der russischen Seele! Nilkas dunkle Augen konnten blitzschnell zwischen feurigem Glühen und eisiger Kälte wechseln, je nach der Ursache, die sein Inneres bewegte.

Als ich größer wurde, durfte ich Nilka auf der Jagd begleiten. Er trug eine moderne Schrotflinte, ich einen vorsintflutlichen Vorderlader, der meistens versagte. Sobald wir den Wald betraten, fühlte sich Nilka in seinem Element. Seine Ohren nahmen jedes wispernde Geräusch mit der Empfindsamkeit überfeinerter

Нилка был молодым человеком из соседней деревни Дубровка. Благодаря своим исключительным профессиональным качествам, а также абсолютной надежности и преданности, он быстро стал первым помощником моего отца на молочной ферме. Весь его облик до сих пор жив в моей памяти: походка его была легкой и изящной, несмотря на высокие тяжелые сапоги, в которых Нилька ходила на работу. Медно-коричневое, узкое и красивое лицо, с живыми глазами, темно-черными, длинными, зачесанными назад волосы. Папиросса (сигарета) небрежно лежит в уголке его рта. «Образ Аполлона Бельведерского! — говорил мой отец, когда видел идущую Нильку. - 1

Я приняла Нильку в свое сердце, особенно из-за его огромной любви и внимания к нам, детям. Но это была не единственная причина. Нилка обладала качествами, которые так хорошо смотрелись бы на каждом мужчине. Его особыми характеристиками были смелость, самодисциплина и непредвзятость. Он также любил опасность, особенно тот момент, когда смерть и жизнь находились на волоске, медленно балансируя в зависимости от случая или судьбы. В этом древняя загадка русской души! Темные глаза Нильки в мгновение ока могли переключаться между огненным сиянием и ледяным холодом, в зависимости от того, что происходило внутри него.

Когда я подрос, мне разрешили сопровождать Нильку на охоте. У него был современный дробовик, у меня — допотопный дульнозарядный пистолет, который обычно выходил из строя. Как только мы вошли в лес, Нилка почувствовал себя в

with the sensitivity of highly sophisticated listening devices. When I wandered carelessly through the undergrowth, he would suddenly stop me and suck in the air slowly, just like a hunting dog scenting a hare. Before I knew what it was, Nilka had already lifted the rifle to his shoulder and fired. He knew every lead; The entire fauna was more familiar to him than the groom was to his horses. I have Nilka to thank for the many hunting joys that I enjoyed in my youth. Through him I learned all the secrets of the Russian jungle, how to find my way there using the direction of the wind, the sun, the moon or the stars and how to track down the game according to its habits and follow it until the shot was fired.

And now, quite unexpectedly, I woke up in Nilka's bedroom. A wax candle flickered on the nearby table, casting ghostly shadows on the walls. It smelled of damp, sweat and leather.

Suddenly I heard the front door open. It creaked back and forth, and women's voices came from outside. I clearly distinguished the bright, excited voice of the maid Akulina. Then it became quiet again. A barely audible cough came from the corner of the room. I turned my head in that direction. Nilka was sitting there on a chair. A puddle of water had formed around him. He had returned from a sharp ride through the

Original Page 3
rainy night with medicine for my dying father.

The silence and loneliness of that dark, stormy night had their depressing effect on me. When I

Horchgeräte auf. Wenn ich sorglos durch das Unterholz streifte, hielt er mich plötzlich zurück und zog die Luft langsam ein, genau wie ein Jagdhund, der einen Hasen wittert. Bevor ich wußte, um was es sich handelte, hatte Nilka bereits das Gewehr an die Schulter gerissen und gefeuert. Er kannte jede Fährte; die gesamte Fauna war ihm vertrauter als dem Stallknecht seine Pferde. Die vielen Jagdfreuden, die mir in meiner Jugendzeit zuteil wurden, habe ich Nilka zu verdanken. Durch ihn lernte ich alle Geheimnisse des russischen Urwaldes kennen, mich dort unter Zuhilfenahme von Windrichtung, Sonne, Mond oder Sternen zurechtzufinden und das Wild nach seinen Lebensgewohnheiten aufzustöbern und bis zur Schußabgabe zu verfolgen.

Und nun erwachte ich ganz unverhofft in Nilkas Schlafraum. Auf dem nahen Tisch brannte flackernd eine Wachskerze und warf gespenstische Schatten an die Wände. Es roch nach Feuchtigkeit, Schweiß und Leder.

Plötzlich hörte ich die Haustüre gehen. Sie knarrte hin und her, worauf die Frauenstimmen von draußen kamen. Ich unterschied deutlich das helle, aufgeregte Organ des Dienstmädchens Akulina. Dann wurde es wieder ruhig. Aus der Zimmerecke kam ein kaum hörbares Räuspern. Ich wandte den Kopf nach jener Richtung. Dort saß Nilka auf einem Stuhl. Rings um ihn herum hatte sich eine Wasserlache gebildet. Er war von einem scharfen Ritt durch die - 2

regenschwere Nacht zurückgekehrt, mit Medikamenten für meinen sterbenden Vater.

Die Stille und Einsamkeit in dieser dunklen, stürmischen Nacht hatten ihre niederdrückende Wirkung

своей стихии. Его уши улавливали каждый шепчущий звук с чувствительностью очень сложных подслушивающих устройств. Когда я беспечно бродил по зарослям, он вдруг останавливал меня и медленно втягивал воздух, как охотничья собака, чуявшая зайца. Прежде чем я успел понять, что это такое, Нилка уже подняла винтовку к плечу и выстрелила. Он знал каждую зацепку; вся фауна была ему более знакома, чем конюх своим лошадям. Я должен поблагодарить Нильку за многочисленные охотничьи радости, которыми я наслаждался в юности. Благодаря ему я узнал все тайны русских джунглей, как найти дорогу туда по направлению ветра, солнца, луны или звезд, как выследить дичь по ее повадкам и следовать за ней до тех пор, пока не прозвучит выстрел.

И вот я совершенно неожиданно проснулся в спальне Нильки. На ближайшем столе мерцала восковая свеча, отбрасывая на стены призрачные тени. Пахло сыростью, потом и кожей.

Вдруг я услышал, как открылась входная дверь. Он скрипел взад и вперед, и снаружи доносились женские голоса. Я отчетливо различал яркий, возбужденный орган горничной Акулины. Потом снова стало тихо. Из угла комнаты донеслось едва слышное покашливание. Я повернул голову в ту сторону. Нилка сидела на стуле. Вокруг него образовалась лужа воды. Он вернулся из крутой поездки в тяжелую дождливую - 2

ночь с лекарством для моего умирающего отца.

Тишина и одиночество той темной, бурной ночи действовали на меня угнетающе. Когда я увидел Нильку, у меня не было слов, чтобы выразить охватившее

saw Nilka, I was at a loss for words to express the feeling of security that had gripped me. I lay still in bed with my eyes wide open and my whole face beaming with joy. Nilka couldn't miss my behavior. With the cigarette between the slender fingers of his long, sinewy hand, he watched me for a while. Every now and then a hint of a friendly smile flickered across the corners of his mouth. He carefully took off his wet riding boots and placed them on the wall next to the stove. Then he crushed the cigarette he had just smoked in the ashtray, got up from the chair and walked close to my bed.

"You should sleep, dear boy, and not philosophize!" Nilka said in a deep voice and brushed my strands of hair from my forehead. With a kind look, he let his words resonate with me. That's just how the Russians are. He is capable of bowing with deep emotion over a child entrusted to his care, but this in no way prevents him from striking down his comrade a moment later over a petty argument.

I pretended to be asleep, but kept my half-closed eyes on Nilka as he slowly returned to his place. He took a pack of cigarettes out of his pocket and started smoking again. Outside the room door, Tresor, the young hunting dog, scratched and whined several times. He asked for entry in this way. Nilka tiptoed to the door and opened it quietly. Tresor entered, tail wagging, and lay curled up at his master's feet. Then there was a long silence. The raindrops hit the window panes. I didn't move.

auf mich nicht verfehlt. Als ich Nilka gewahrte, gebrach es mir an Worten, das Gefühl der Geborgenheit, das mich ergriffen hatte, auszusprechen. Ich lag still mit weitaufgerissenen Augen im Bett und strahlte vor Freude über das ganze Gesicht. Mein Verhalten konnte Nilka nicht entgehen. Mit der Zigarette zwischen den schmalen Fingern seiner langsehnigen Hand beobachtete er mich eine Weile. Hin und wieder huschten Vorläufer eines freundlichen Lächelns über seine Mundwinkel. Vorsichtig zog er die nassen Reitstiefel aus und stellte sie neben dem Ofen an die Wand. Dann zerdrückte er die eben angerauchte Zigarette im Aschenbecher, erhob sich vom Stuhl und trat dicht an mein Bett heran.

«Schlafen sollst du, lieber Junge, und nicht philosophieren! » sagte Nilka mit tiefer Stimme, und strich mir das strähnige Haar aus der Stirne. Mit gütigem Blick ließ er seine Worte in mir nachwirken. So ist nun einmal der Russe. Er ist imstande, sich in tiefer Rührung über ein ihm anvertrautes Kind zu beugen, was ihn aber keineswegs daran zu hindern vermag, einen Augenblick später seinen Kameraden wegen eines geringfügigen Streites niederschlagen.

Ich tat so, als ob ich schliefe, behielt jedoch Nilka, der gemächlichen Schrittes wieder an seinen Platz zurückkehrende, aus halbgeschlossenen Augen im Blickfeld. Er holte ein Päckchen Zigaretten aus der Tasche und fing erneut an zu rauchen. Draußen an der Zimmertüre kratzte und winselte mehrfach Tresor, der junge Jagdhund. Er bat auf diese Weise um Einlaß. Nilka schlich auf Zehenspitzen zur Türe und öffnete sie leise. Tresor trat schweifwedelnd ein und legte sich eingerollt zu Füßen seines Herrn nieder. Dann folgte langes Schweigen. Die Regentropfen schlügen an die Fensterscheiben. Ich rührte mich nicht.

меня чувство безопасности. Я неподвижно лежал в постели с широко открытыми глазами, и все мое лицо сияло от радости. Нилька не могла не заметить моего поведения. С сигаретой между тонкими пальцами своей длинной жилистой руки он некоторое время наблюдал за мной. Время от времени в уголках его рта мелькали намеки на дружескую улыбку. Он осторожно снял мокрые сапоги для верховой езды и положил их на стену рядом с печкой. Затем он раздавил только что выкуренную сигарету в пепельнице, встал со стула и подошел к моей кровати.

«Тебе бы спать, дорогой мальчик, а не философствовать! — сказала Нилька глубоким голосом и откинула пряди волос со лба. С добрым взглядом он позволил своим словам найти отклик во мне. Вот такие русские. Он способен с глубоким волнением поклониться ребенку, вверенному его заботе, но это ни в коей мере не мешает ему через мгновение ударить своего товарища из-за мелкого спора.

Я притворился спящим, но полузакрытыми глазами смотрел на Нильку, пока он медленно возвращался на свое место. Он достал из кармана пачку сигарет и снова начал курить. За дверью комнаты несколько раз царапался и скулил молодой охотничий пес Трезор. Он попросил войти таким образом. Нилка на цыпочках подошла к двери и тихо открыла ее. Вошел Трезор, виляя хвостом, и свернулся калачиком у ног своего хозяина. Затем наступило долгое молчание. Капли дождя ударились об оконные стекла. Я не двигался.

In this moment, someone suddenly banged on the window frame with all their might. At the same time, a woman's voice called out to Nilka. He took his riding boots under his arm and blew out the candlelight as he left. The wick of the candle slowly burned out, leaving behind a pungent smell. I turned toward the wall, hoping to fall asleep. The attempt failed, my senses were wide awake. Then something else came along which made me lose sleep.

Original Page 4

I was attacked by bedbugs. At first I felt a tentative, then increasingly intense itching. It crawled all over my body until finally the first stitches followed. I was dealing with fear, my pulses were racing, my heart was pounding. At my cries for help, Nilka rushed into the room and lit the candlestick again. What did I see? I was littered with cute little brown animals that were quickly heading towards their hiding place. Nilka committed a terrible murder.

The bugs' general attack was repelled. But what good did it do? They could come back after dark. Nilka suddenly took me in his strong arms and carried me away. Cold rain mixed with snow hit us. Nilka carefully walked with his load across the wide estate and through the dark park of ancient linden trees into the mighty stone building, in the basement of which most of the windows were brightly lit.

There were three bespectacled men in the anteroom. One of the three men spoke quietly, the other two listened attentively. I looked at the speaker with increasing interest. He was a short man, stocky

In dieses Idyll hinein trommelte plötzlich jemand mit aller Kraft gegen den Fensterrahmen. Gleichzeitig rief eine Frauenstimme nach Nilka. Dieser nahm die Reitstiefel unter den Arm und blies das Kerzenlicht beim Weggehen aus. Der Docht der Kerze vergloste langsam und ließ einen penetranten Geruch zurück. Ich drehte mich der Wand zu, in der Hoffnung, einschlafen zu können. Der Versuch mißlang, meine Sinne waren hellwach. Dann kam noch etwas anderes hinzu, was mir den Schlaf verjagte. -3

Ich wurde von Wanzen angezapft. Zuerst verspürte ich ein zaghaftes, dann immer stärkeres Jucken. Es krabbelte überall auf meinem Körper, bis schließlich die ersten Stiche folgten. Ich bekam es mit der Angst zu tun, die Pulse jagten, das Herz hämmerte. Auf meine Hilferufe stürzte Nilka in das Zimmer und zündete das Kerzenstümpflein wieder an. Was sah ich? Die Wand war mit niedlichen braunen Tierchen besät, die schleunigst ihrem Schlupfwinkel zustrebten. Nilka hub ein fürchterliches Morden an.

Der Generalangriff der Wanzen war abgeschlagen. Aber was half's? Sie konnten bei Dunkelheit wiederkommen. Nilka nahm mich kurz entschlossen auf seine starken Arme und trug mich fort. Kalter Regen, vermischt mit Schnee, schlug uns entgegen. Sorgsam schritt Nilka mit seiner Last über den weiten Gutshof und durch den dunklen Park uralter Linden in den mächtigen Steinbau, in dessen Untergeschoß die meisten Fenster hell erleuchtet waren.

Im Vorzimmer standen drei bebrillte Männer. Einer der drei Männer sprach leise, die beiden andern hörten aufmerksam zu. Ich betrachtete den Sprechenden mit steigendem Interesse. Er war ein kleiner Mann, stämmig

В этой идиллии кто-то вдруг со всей силы ударили по оконной раме. В это же время Нилку окликнул женский голос. Он взял ботинки для верховой езды под мышку и, уходя, задул свечу. Фитиль свечи медленно догорал, оставляя после себя резкий запах. Я отвернулся к стене, надеясь заснуть. Попытка не удалась, мои чувства пробудились. Потом произошло еще кое-что, из-за чего я потерял сон. - 3

Меня прослушивали клопы. Сначала я почувствовал слабый, затем все более сильный зуд. Он полз по всему моему телу, пока, наконец, не последовали первые швы. Я боролся со страхом, мой пульс участился, сердце колотилось. В ответ на мои крики о помощиNilka бросилась в комнату и снова зажгла подсвечник. Что я увидел? Стена была покрыта милыми маленькими коричневыми животными, которые быстро направлялись к своему укрытию. Nilka совершила ужасное убийство.

Общая атака жуков была отбита. Но какую пользу это принесло? Они могли вернуться после наступления темноты. Nilka вдруг взял меня в свои сильные руки и понес. На нас обрушился холодный дождь, смешанный со снегом. Nilka осторожно прошел со своей ношей через широкую усадьбу и через темный парк вековых лип в могучее каменное здание, в подвале которого большинство окон было ярко освещено.

В прихожей находились трое мужчин в очках. Один из троих мужчин говорил тихо, двое других внимательно слушали. Я смотрел на говорящего с возрастающим интересом. Это был невысокий

and corpulent, about forty years old, with a round head, red face. When he noticed me, he was silent for a moment and carefully cleaned his glasses with his handkerchief. Then he continued hesitantly: "I would have liked to know whether, according to your opinion . . ." With these words the door that led into my bedroom closed behind me and Nilka.

That night my father's heart beat slower and slower, and then it stopped.

Late in the morning of the following day, as I was still lying in bed wondering whether I should get up or not, the door to the room opened quietly. My mother stood on the threshold in black. She couldn't speak only nodded silently and wiped away her tears. Then she came closer with slow steps, sat on the edge of the bed and gently stroked my hair, once, twice, three times, forever...

I got the feeling that something terrible had happened, jumped up, hugged my mother and covered her face with kisses. My eyes searched hers,

Original Page 5
as if they wanted to read from them the true reason for the deep sadness.

When my mother finally broke the silence and told me that my dear father had left us, I turned away. The expectation and hope that still existed up to that point, despite bad forebodings, disappeared from my face.

gebaut und korpulent, von ungefähr vierzig Jahren, mit einem runden, roten Gesicht. Als er meiner gewahr wurde, schwieg er einen Augenblick und reinigte mit dem Taschentuch umständlich die Brillengläser. Dann fuhr er zögernd fort: «Ich hätte gerne gewußt, ob nach Ihrer Ansicht . . .» Bei diesen Worten schloß sich die Türe, die in mein Schlafzimmer führte, hinter mir und Nilka zu.

In jener Nacht schlug das Herz meines Vaters langsamer und langsamer, und dann blieb es stehen..

Als ich am späten Morgen des folgenden Tages noch im Bett lag und überlegte, ob ich aufstehen sollte oder noch nicht, öffnete sich leise die Zimmertüre. Auf der Schwelle stand meine Mutter in Schwarz. Sie konnte nicht sprechen, nickte nur stumm und wischte sich die Tränen fort. Dann kam sie mit langsam Schritten näher, setzte sich auf den Bettrand und strich zärtlich über mein Haar, einmal, zweimal, dreimal, immerfort...

Ich bekam das Gefühl, daß etwas Schreckliches geschehen war, sprang auf, umarmte die Mutter und bedeckte Antlitz mit Küssem. Meine Augen suchten die ihren, - 4

wie wenn sie daraus den wahren Grund der tiefen Trauer ablesen wollten.

Als die Mutter endlich das Schweigen brach und mir sagte, daß der liebe Vater von uns gegangen sei, wandte ich mich ab. Aus meinem Gesicht schwanden Erwartung und Hoffnung, die es trotz böser Ahnung bis dahin doch noch erfüllt hatten.

мужчина, коренастый и дородный, лет сорока, с круглым красным лицом. Заметив меня, он на мгновение замолчал и старательно протер очки носовым платком. Затем он нерешительно продолжил: «Я хотел бы знать, по вашему мнению. . .» С этими словами дверь, ведущая в мою спальню, закрылась за нами с Нилкой.

Той ночью сердце моего отца билось все медленнее и медленнее, а затем остановилось.

Поздно утром следующего дня, когда я все еще лежал в постели и раздумывал, вставать мне или нет, дверь в комнату тихо открылась. Моя мать стояла на пороге в черном. Она не могла говорить, только молча кивнула и вытерла слезы. Потом она медленными шагами подошла ближе, села на край кровати и нежно погладила меня по волосам, раз, два, три раза, навсегда...

У меня появилось ощущение, что произошло что-то ужасное, я вскочил, обнял маму и покрыл ее лицо поцелуями. Мои глаза искали ее, - 4

как будто хотели прочитать в них истинную причину глубокой печали.

Когда моя мать наконец нарушила молчание и сказала мне, что мой дорогой отец оставил нас, я отвернулся. Ожидание и надежда, сбывшиеся до этого момента, несмотря на плохие предчувствия, исчезли с моего лица.

During the morning my father was laid out in the large hall. Two candles burned on tall candlesticks at the head and foot ends. Since there was no possibility of having a Protestant priest attend the funeral, it took place according to the rite of the Greek Catholic faith.

"Dear children," said mother, "there are different religions, but only one God!" She herself belonged to the Greek Catholic Church. Although Swiss by birth, she had a Russian mother. According to the state laws at the time, the children in such cases had to join the Russian Church.

On the second day after my father's death, numerous relatives from near and far arrived with horse and cart. Uncles and aunts appeared, familiar faces from the present, unknown ones from the darkness of ancient times, whose existence was only known to us children from the photograph album. Stately, full-bearded men, women with wasp waists, today only memories of the romantic fashion of the last century.

My mother's eyes were puffy from crying as we all sat down around the dinner table. My paternal grandparents sat among the many family members. Grandmother's head was covered with a ruffled hood, from which emerged a face lined with innumerable wrinkles. The old woman had great love for her second eldest son, i.e. she was attached to my father and simply couldn't believe that he was no longer with us. She couldn't cry or speak because of the pain; she sat at the table the whole time, frozen in stone. Her lips hung slackly,

Im Laufe des Vormittags wurde der Vater im großen Saal aufgebahrt. An den Kopf- und Fußenden brannten je zwei Kerzen auf hohen Leuchtern. Da keine Möglichkeit bestand, zur Bestattung einen protestantischen Pfarrer beizuziehen, fand sie nach dem Ritus des griechisch-katholischen Glaubens statt.

«Liebe Kinder», sagte die Mutter, «es gibt wohl verschiedene Religionen, jedoch nur einen Gott!» Sie selber gehörte der griechisch-katholischen Kirche an. Obwohl von Geburt Schweizerin, hatte sie eine Russin zur Mutter. Nach den damaligen Landesgesetzen mußten die Kinder in solchen Fällen der russischen Kirche beitreten.

Am zweiten Tage nach dem Tode meines Vaters trafen zahlreiche Verwandte aus nah und fern mit Pferd und Wagen bei uns ein. Onkeln und Tanten gelangten zum Vorschein, bekannte Gesichter aus der Gegenwart, unbekannte aus dem Dunkel alter Zeiten, deren Existenz uns Kindern nur dem Photographiealbum nach bekannt war. Stattliche, vollbärtige Männer, Frauen mit Wespentaille, heute nur noch Erinnerungen an die romantische Mode des vorigen Jahrhunderts.

Meine Mutter hatte vom vielen Weinen verquollene Augen, als wir uns alle um den Abendbrottisch setzten. Zwischen den vielen Familienangehörigen saßen meine Großeltern väterlicherseits. Der Kopf der Großmutter war mit einer gekräuselten Haube bedeckt, aus der ein von unzähligen Falten durchfurchtes Gesicht auftauchte. Die Greisin hatte mit großer Liebe an ihrem Zweitältesten Sohn, d. h. an meinem Vater, gehangen und konnte es einfach nicht fassen, daß er nicht mehr unter uns weilte. Sie konnte vor Schmerz weder weinen, noch sprechen, sie saß die ganze Zeit am Tisch wie zu Stein erstarrt.

Утром отца положили в большом зале. Две свечи горели на высоких подсвечниках у изголовья и изножья. Поскольку на похоронах не было возможности пригласить протестантского священника, они прошли по обряду греко-католической веры.

«Дорогие дети, — сказала мать, — есть разные религии, но Бог только один!» Сама она принадлежала к греко-католической церкви. Хотя по происхождению она была швейцаркой, мать у нее была русская. По государственным законам того времени дети в таких случаях должны были присоединиться к Русской Церкви.

На второй день после смерти отца приехали многочисленные родственники из ближнего и дальнего зарубежья на лошадях и телегах. Появились дяди и тети, знакомые лица из современности, неизвестные из тьмы древних времен, о существовании которых нам, детям, было известно только по фотоальбому. Статные, бородатые мужчины, женщины с осиной талией — сегодня лишь воспоминания о романтической моде прошлого века.

Глаза моей матери опухли от слез, когда мы все сели за обеденный стол. Мои бабушка и дедушка по отцовской линии сидели среди многих членов семьи. Голову бабушки покрывал взъерошенный капюшон, из которого выглядывало изборожденное бесчисленными морщинами лицо. Старуха очень любила своего второго старшего сына, т. е. ЧАС. привязан к отцу и просто не мог поверить, что его больше нет с нами. От боли она не могла ни плакать, ни говорить, все время сидела за столом, застывшая в камне. Ее губы вяло свисали, как будто

as if they had never smiled or spoken. From time to time a heavy sigh would come from deep within her chest. Our grandfather leaned toward her worriedly and tried to comfort her.

Original Page 6

On April 23rd the father was buried. The path to the church and the adjacent cemetery was long and very bad at that time. Four of my father's brothers lifted the coffin and carried it out to the churchyard. The Russian priest led the funeral procession, reciting a litany. I can still see him in my mind, as if cast from brass, his sharp face showing a weather tan.

Before my father's remains were handed over to the earth, the priest and his deacon celebrated a long requiem mass in the church, strongly supported by a mixed choir. They gave the act consecration and deep seriousness.

There are no pews in the Russian church. All people therefore had to stand. Many prayed with us. They bowed from time to time and made the cross on their foreheads, chests and both shoulders. Precious icons decorated with gold, silver and precious stones adorned the walls of the church interior. They showed images of the life and suffering of Christ. Long, thin candles burned cracklingly in front of the images of saints. Wax dripped with a hissing sound. The many pools of light created a mystical atmosphere in the high, dim domed rooms.

After the funeral mass, the priest addressed the mourners. His voice rose softly and yet clearly audible in the monotonous sound of the rain: "Lord

Ihre Lippen hingen schlaff nach unten, als hätten sie nie gelächelt und sich nie zur Rede geöffnet. Von Zeit zu Zeit kam ein schwerer Seufzer aus der Tiefe ihrer Brust. Der Großvater beugte sich besorgt zu ihr und versuchte sie zu trösten. 5

Am 23 April wurde der Vater zu Grabe getragen. Der Weg zur Kirche und zum anliegenden Friedhof war weit und zu dieser Zeit sehr schlecht. Vier Brüder meines Vaters hoben den Sarg hoch und trugen ihn zum Gottesacker hinaus. Der russische Priester schritt, eine Litanei betend, dem Trauerzug voran. Ich sehe ihn in Gedanken noch jetzt vor mir, wie aus Erz gegossen, sein scharf geschnittenes Gesicht zeigte Wetterbräune.

Bevor die sterblichen Ueberreste meines Vaters der Erde übergeben wurden, zelebrierte der Priester mit seinem Diakon im Gotteshaus eine lange Totenmesse, kräftig sekundiert von einem gemischten Chor. Sie gab dem Akt Weihe und tiefen Ernst.

In der russischen Kirche gibt es keine Bänke. Alle Menschen mußten daher stehen. Viele beteten mit. Sie verbeugten sich von Zeit zu Zeit und schlugen das Kreuz auf Stirn, Brust und beide Schultern. Kostbare, mit Gold, Silber und Edelsteinen verzierte Ikonen schmückten die Wände des Kircheninnern. Sie zeigten Bilder vom Leben und Leiden Christi. Vor den Heiligenbildern brannten knisternd lange, dünne Kerzen. Wachs tropfte zischend. Die vielen Lichtbecken erzeugten eine mystische Stimmung in den hohen, dämmerigen Kuppelräumen.

Nach der Totenmesse wandte sich der Priester an die Trauergemeinde. Seine Stimme erhob sich leise und doch klar verständlich, in dem einförmigen Rauschen

они никогда не улыбались и не разговаривали. Время от времени из глубины ее груди вырывался тяжелый вздох. Дед обеспокоенно наклонился к ней и попытался утешить. - 5

23 апреля похоронили отца. Путь к церкви и прилегающему к ней кладбищу был по тем временам долгим и очень плохим. Четверо братьев моего отца подняли гроб и вынесли его на погост. Русский священник возглавил похоронную процессию, прочитав ектению. Я все еще вижу его в своих мыслях, словно отлитого из латуни, на его остром лице виден загар.

Прежде чем останки моего отца были преданы земле, священник и его дьякон отслужили в церкви длинную заупокойную мессу при активной поддержке смешанного хора. Она придала поступку освящение и глубокую серьезность.

В русской церкви нет скамеек. Поэтому всем людям пришлось стоять. Многие молились вместе с нами. Время от времени они кланялись и крестились на лбу, груди и обоих плечах. Драгоценные иконы, украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, украшали стены внутреннего интерьера церкви. На них были показаны изображения жизни и страданий Христа. Перед изображениями святых с треском горели длинные тонкие свечи. Воск капал с шипением. Множество луж света создавало мистическую атмосферу в высоких, затемненных куполообразных помещениях.

После отпевания священник обратился к

God, you are our refuge forever and ever. Before the mountains and the earth and the world were created...» It was the 90th Psalm about God's eternity and human transience.

I was always drawn to my mother's pale face. What she must have endured! An infinite pain was written on her facial features. She knelt next to the coffin the whole time, her lips moving in silent prayer. She had black curls all over her head, which contrasted sharply with her pale face. Nobody suspected at the time that this young woman would follow her husband in death five years later.

When the coffin lay in the open crypt, close to the final resting place of my maternal grandparents, the old grandfather said goodbye to his son, in a moving voice in Swiss German, who fate only allowed to live to be thirty.

Original Page 7

The Homeland of my Ancestors

Before I continue to talk about old times, I would like to make sure to introduce my dear readers to my ancestors and tell them when and why they had to leave their beautiful homeland to emigrate to Russia.

Not far from the Grimmialp in the Simmental (Bernese Oberland) is a small farming village. Village is actually saying too much; a few dark brown, crouched wooden houses, with stone-weighted, slate-grey shingle roofs, grouped around

des Regens: «Herr, Gott, der Du bist unsere Zuflucht für und für. Ehe denn die Berge und die Erde und die Welt geschaffen wurden . . .» Es war der 90. Psalm von der Ewigkeit Gottes und der Menschen Vergänglichkeit.

Immer wieder zog mich das blaue Antlitz meiner Mutter an. Was muß sie ausgestanden haben! Ein unendlicher Schmerz stand in ihren Gesichtszügen geschrieben. Sie kniete die ganze Zeit neben dem Sarg, ihre Lippen bewegten sich im stillen Gebet. Den ganzen Kopf hatte sie voll schwarzer Locken, die zum blauen Gesicht scharf kontrastierten. Niemand ahnte damals, daß diese junge Frau fünf Jahre später ihrem Gatten im Tode nachfolgen würde.

Als der Sarg in der offenen Gruft lag, dicht neben den letzten Ruhestätten meiner Großeltern mütterlicherseits, nahm der greise Großvater mit bewegter Stimme auf schweizerdeutsch Abschied von seinem Sohn, den das Schicksal nur dreißig Jahre alt werden ließ. - 6

Die engere Heimat meiner Vorfahren

Ehe ich von alten Zeiten weiter erzählen werde, möchte ich es nicht unterlassen, die verehrten Leser und Leserinnen mit meinen Vorfahren bekanntzumachen und dabei sagen, wann und aus welchem Grunde sie ihre schöne Heimat verlassen mußten, um nach Russland auszuwandern.

Unweit der Grimmialp im Simmental (Berner Oberland) ist ein kleines Bauerndorf. Dorf ist eigentlich zu viel gesagt; ein paar dunkelbraune, geduckte

скорбящим. Его голос повысился мягко, но ясно слышен в монотонном шуме дождя: «Господь Бог, Ты наше прибежище во веки веков. Прежде чем были сотворены горы, земля и мир. . .» Это был 90-й псалом о вечности Бога и бренности человека.

Меня всегда привлекало бледное лицо моей матери. Что ей, должно быть, пришлось пережить! На чертах ее лица была написана бесконечная боль. Она все время стояла на коленях возле гроба, ее губы шевелились в молчаливой молитве. У нее были черные кудри по всей голове, которые резко контрастировали с ее бледным лицом. Тогда никто не подозревал, что эта молодая женщина спустя пять лет последует за своим мужем.

Когда гроб лежал в открытом склепе, недалеко от места последнего упокоения моих бабушки и дедушки по материнской линии, старый дедушка прощался со своим сыном, которому судьба позволила дожить лишь до тридцати лет, трогательным голосом на швейцарском немецком языке. - 6

Ближайший дом моих предков

Прежде чем продолжить рассказ о старине, мне было бы хотелось обязательно познакомить дорогих читателей с моими предками и рассказать им, когда и почему им пришлось покинуть свою прекрасную родину и эмигрировать в Россию.

Недалеко от Гриммиальпа в Симментале (Бернский Оберланд) находится небольшая фермерская деревня. Деревня на самом деле говорит слишком много: несколько темно-коричневых приземистых

a schoolhouse - that's all. But a wonderful piece of earth! It lies dreamily in the narrow valley basin, completely untouched by the haste and turmoil of today's life. It seems as if time stands still there. You can return to these ancient houses after a generation of people and will be astonished to find that nothing has changed about them, neither their appearance nor their number. Only the people who live there come and go.

The rocky mountains rise almost vertically against the sky. A tumult of rugged gullies, chimneys, towers and smooth walls. In summer the rocks seem to glow under the sun, in winter there is a velvet blanket of snow over everything. Solemn silence all around.

This wonderful piece of earth is significantly called Zwischenflüh. Our family has been entitled to a home there for centuries.

But people cannot live on natural beauty alone. The mountain farmer in Diemtigtal is poor, very poor. His home is often only the size of a stone's throw. Since he can't always keep cows, he makes do with just a few goats and is therefore called a goat farmer. There is no industry in Diemtigtal and therefore no additional income for its residents. If, on top of all this, it is a family with many children, some of its members have no choice but to leave their parents' house and build a new livelihood abroad. The farmer loves his soil more than anything; he is reluctant to part with it. That's why he tries to take up a

Holzhäuschen, mit steinbeschwerten, schiefergrauen Schindeldächern um ein Schulhaus herumgruppert — das ist alles. Aber ein herrlicher Flecken Erde! Verträumt liegt er im engen Talkessel, völlig unberührt von der Hast und Unruh des heutigen Lebens. Es will scheinen, als ob die Zeit dort stillstehe. Man kann nach einer Menschengeneration zu diesen uralten Häuschen zurückkehren und wird mit Erstaunen feststellen, daß sich an ihnen nichts verändert hat, weder ihr Aussehen, noch ihre Anzahl. Nur die Menschen, die darin wohnen, kommen und gehen.

Fast lotrecht ragen die Felsberge gegen den Himmel. Ein Tohuwabohu von schroffen Rinnen, Kaminen, Türmen und mauerglatten Wänden. Zur Sommerszeit scheinen die Felsen unter der Sonne zu glühen, im Winter liegt über allem eine samtene Schneedecke. Ringsum feierliche Stille.

Dieser herrliche Flecken Erde wird bezeichnenderweise Zwischenflüh genannt. Dort ist unser Geschlecht seit Jahrhunderten heimatberechtigt.

Aber, von Naturschönheiten allein können die Menschen nicht leben. Arm, sehr arm ist der Bergbauer im Diemtigtal. Nur steinwurfs groß ist sehr oft sein Heimwesen. Da er nicht immer Kühe zu halten vermag, begnügt er sich eben mit ein paar Ziegen und wird deshalb Geißbauer genannt. Es gibt keine Industrie im Diemtigtal und daher auch keinen Nebenverdienst für seine Einwohner. Handelt es sich zu all dem noch etwa um eine kinderreiche Familie, bleibt einem Teil ihrer Angehörigen nichts anderes übrig, als das Elternhaus zu verlassen und in der Fremde eine neue Existenzmöglichkeit aufzubauen. Der Bauer liebt seine

деревянных домов с каменными, серо-сланцевыми черепичными крышами, сгруппированными вокруг здания школы... и все. Но чудесный кусочек земли! Мечтательный Он находится в узкой котловине долины, совершенно не тронутой спешкой и суматохой сегодняшней жизни. Кажется, будто время там остановилось. В эти старинные дома можно вернуться через поколение людей и с изумлением увижу, что в них ничего не изменилось, ни внешний вид, ни численность: только люди, живущие там, приходят и уходят.

Скалистые горы возвышаются почти вертикально на фоне неба. Сумятица бурных оврагов, дымоходов, башен и гладких стен. Летом скалы словно светятся под солнцем, зимой все покрыто бархатным одеялом снега. Вокруг торжественная тишина.

Этот чудесный кусочек земли многозначительно называется Цвишенфлю. Наша семья веками имела право на дом там.

Но люди не могут жить только природной красотой. Горный фермер в Димтигтале беден, очень беден. Его дом зачастую размером с бросок камня. Поскольку он не всегда может держать коров, он обходится всего несколькими козами, и поэтому его называют козоводом. В Димтигтале нет промышленности и, следовательно, нет дополнительного дохода для его жителей. Если, к тому же, это многодетная семья, некоторым ее членам ничего не остается, как покинуть родительский дом и строить новые средства к существованию за рубежом. Земледелец

career that is close to him, far from his home hearth. What he takes with him on the journey

Original Page 8

is hard work and honesty. If he still has a graduation certificate from the Rütti Dairy and Agricultural School near Bern in his pocket, he doesn't have to worry about his future.

So it happened that around the middle of the last century, my grandfather and his young wife left the small property to be managed by their many siblings and emigrated to Russia. At that time, Russia, which had been in a state of slumber until then, needed capable specialists for its dairy and agricultural sectors. It also did all it could to encourage Swiss pioneers to enter the field and offered them good opportunities for advancement. Many became managers of country estates, others managers or even owners of dairies.

My grandfather took over a dairy on the Klimovo estate in Smolensk Governorate, which, in addition to a large forest area, included around 2,000 types of meadow, pasture and arable land and belonged to a Baltic baron named von Engelhard. His six sons later became self-employed on the surrounding estates.

My father first ran the dairy in Pitschenischeno (seven kilometers from Klimovo), and after three years he inherited that of his late father-in-law, Johann Zurbrügg, in Murenzevo, Kaluga Governorate. Murenzevo was a manor that was

Scholle über alles, er trennt sich nur ungern von ihr. Darum versucht er auch, fern von seinem heimatlichen Herd einen Beruf zu ergreifen, der ihm naheliegt. Was er auf den Weg mit sich - 7

nimmt, ist Fleiß und Redlichkeit. Hat er noch etwa ein Abgangszeugnis von der Molkerei- und Landwirtschaftlichen Schule Rütti bei Bern in der Tasche, braucht er um seine Zukunft nicht bange zu sein.

So kam es, daß auch mein Großvater um die Mitte des vorigen Jahrhunderts mit seiner jungen Frau den kleinen Grundbesitz den vielen Geschwistern zur Bewirtschaftung überließ und nach Rußland auswanderte. Damals brauchte Rußland, das bis dahin im Dornröschenschlaf lag, tüchtige Fachleute für seine Milch- und Landwirtschaft. Es förderte auch mit allen Kräften die Einreise der schweizerischen Pioniere auf diesem Gebiet und bot ihnen gute Aufstiegsmöglichkeiten. Viele wurden Verwalter auf Landgütern, andere Leiter oder gar Besitzer von Molkereien.

Auf dem Landgut Klimowo im Gouvernement Smolensk, das nebst großem Waldbestand rund 2000 Jucharten Wies-, Weide- und Ackerland umfaßte und einem baltischen Baron, namens von Engelhard, gehörte, übernahm mein Großvater eine Molkerei. Seine sechs Söhne machten sich später auf den umliegenden Gütern selbstständig.

Mein Vater betrieb zuerst die Molkerei in Pitschenischeno (sieben Kilometer von Klimovo), um nach drei Jahren diejenige seines verstorbenen Schwiegervaters, Johann Zurbrügg in Murenzovo, Gouvernement Kaluga, erbschaftlich anzutreten.

больше всего на свете любит свою почву и не хочет с ней расставаться. Поэтому он старается заняться карьерой, которая близка ему, вдали от домашнего очага. В путешествие он берет с собой - 7

трудолюбие и честность. Если у него в кармане еще лежит аттестат зрелости Молочно-сельскохозяйственной школы Рютти недалеко от Берн, ему не придется беспокоиться о своем будущем.

Так получилось, что примерно в середине прошлого века мой дедушка и его молодая жена оставили небольшое имение на управление своим многочисленным братьям и сестрам и эмигрировали в Россию. В то время находившаяся до этого в состоянии спячки Россия нуждалась в способных специалистах для молочной и сельскохозяйственной отраслей. Оно также делало все возможное, чтобы побудить швейцарских пионеров выйти на поле деятельности и предлагало им хорошие возможности для продвижения. Многие стали управляющими поместьями, другие — управляющими или даже владельцами молочных заводов.

Мой дед взял в свои руки молочное хозяйство в имении Климово Смоленской губернии, которое, помимо большого лесного массива, включало около 2000 видов лугов, пастбищ и пахотных земель и принадлежало балтийскому барону фон Энгельхарду. Его шесть сыновей позже стали работать не по найму в близлежащих поместьях.

Мой отец сначала управлял молочным заводом в Питщенищено (в семи километрах от Климово), а через три года он унаследовал молочный завод своего покойного тестя Иоганна Цурбрюгга в Муренцево Калужской губернии. Муренцево — усадьба, подаренная царицей Екатериной

donated by Tsarina Ekaterina II, the Great, to her favorite Serge Severski in her will for special services as a diplomat. At the same time, she elevated the simple farmer to the hereditary nobility.

The last offspring of this family held the rank of chamberlain at the tsar's court in Saint Petersburg. With his rough, truly Slavic facial features, he clearly betrayed his rural origins.

Murentsewo exceeded Baron von Engelhard's estate in Klimovo twice in terms of area and forest cover. The dairy was set up according to the most modern concepts at the time. It was supplied with milk from three other estates, so that my father employed a staff of eight men. Emmental cheese and butter were produced during the summer months, in contrast to Dutch and Tilsit cheese during the long winter months.

Original Page 9

The management of this extensive operation required the prudence and skill of a man in his prime. My father took on this task with great dedication and joy. He had a chance of professional success. But things turned out differently. His untimely death was a terrible blow for our mother and us small children. Our future has been fundamentally affected by this.

The fifth commandment

Hospitality on every occasion is the outstanding characteristic of the Russian people. For many,

Murenzowo war ein Rittergut, das seinerzeit von der Zarin Ekaterina II., der Großen, ihrem Günstling Serge Sewerski durch letztwillige Verfügung für besondere Verdienste als Diplomat zugewandt wurde. Gleichzeitig erhob sie den einfachen Bauern in den erblichen Adelsstand.

Der letzte Sproß dieses Geschlechtes bekleidete den Rang eines Kammerherrn beim Zarenhof in Sankt Petersburg. Mit seinen derben, echt slawischen Gesichtszügen verriet er deutlich die bäuerliche Abkunft.

Murenzowo übertraf das Gut des Freiherrn von Engelhard in Klimovo hinsichtlich des Flächeninhaltes und des Waldbestandes um das Zweifache. Die Molkerei war nach den damals modernsten Begriffen eingerichtet. Sie wurde von drei weiteren Gütern mit Milch beliefert, so daß mein Vater einen Arbeiterstab von acht Mann beschäftigte. Während den Sommermonaten wurden Emmentaler Käse und Butter fabriziert, im Gegensatz zum Holländer und Tilsiter Käse in den langen Wintermonaten. - 8

Für die Leitung dieses umfangreichen Betriebes brauchte es die Umsicht und Könnerschaft eines in den Jahren seiner Vollkraft stehenden Mannes. Mein Vater ging mit großer Hingabe und Freude an diese Aufgabe. Er hatte Aussicht auf beruflichen Erfolg. Doch es kam anders. Sein allzu früher Tod bedeutete für die Mutter und uns kleine Kinder einen schweren Schlag. Unsere Zukunft wurde dadurch grundlegend beeinflußt.

Das fünfte Gebot

Gastfreundlichkeit bei jeder Gelegenheit ist das hervorragende Merkmal der russischen Menschen. Gut essen und trinken ist für viele der Zweck ihres Erdendaseins

II Великой своему фавориту Сержу Северскому по завещанию за особые дипломатические заслуги. В то же время она возвела простого земледельца в потомственный дворянин.

Последний отпрыск этой семьи имел чин камергера при царском дворе в Санкт-Петербурге. Своими грубыми, истинно славянскими чертами лица он явно выдавал свое сельское происхождение.

Муренцево по площади и лесистости вдвое превосходило имение барона фон Энгельгарда в Климово. Молокозавод был построен по самым современным на тот момент концепциям. Ее снабжали молоком из трех других поместий, так что у моего отца был штат из восьми человек. Сыр Эмменталь и масло производились в летние месяцы, в отличие от голландского и тильзитского сыра в долгие зимние месяцы. - 8

Управление этой обширной операцией требовало благородства и умения человека в расцвете сил. Мой отец взялся за эту задачу с большой самоотдачей и радостью. У него были шансы на профессиональный успех. Но все обернулось иначе. Его безвременная смерть стала страшным ударом для его матери и нас, маленьких детей. Это коренным образом повлияло на наше будущее.

Пятая заповедь

Гостеприимство во всех случаях — выдающаяся черта русского народа. Для многих хорошо есть и пить — цель их земного существования и изюминка жизни, независимо от того, радостные

eating and drinking well is the purpose of their earthly existence and the highlight of life, regardless of whether happy or sad events give rise to it. In this regard, we Swiss had to stand up for ourselves, since we lived in the bosom of the Russian people and earned our bread. And so, after my father's funeral, the large congregation of mourners was treated to delicious things that the kitchen and cellar could offer.

Towards the evening it became quieter in our house. But before the relatives left again, a family council was held under the chairmanship of the grandfather. They wanted to help and advise my mother, who was only twenty-six years old and had no experience in economic matters.

It was established in advance that Nilka was a very good assistant, but could in no way be considered as manager of the dairy. It was generally said that he was too young for this position and that he also lacked professional training. Nikolai, my father's second eldest [*sic*] (second youngest) brother, who was well off at home, was supposed to stay with us for the time being until a trained specialist arrived from Switzerland. The grandfather immediately sent a corresponding letter to the director of the Rütti Dairy School, whom he knew personally.

Then the grandfather called us children together and kindly encouraged us to be good and to obey our mother, who had lost her great support. He quoted the fifth commandment from the Book of Moses: "Honor your father and your mother, that your days may be long in the land which the Lord your God is giving you."

und der Höhepunkt des Lebens, ungeachtet dessen, ob fröhliche oder traurige Ereignisse dazu Anlaß geben. In dieser Beziehung mußten wir Schweizer, da wir nun einmal im Schoße des russischen Volkes lebten und unser Brot verdienten, Gegenrecht halten. Und so wurde die große Trauergemeinde nach der Bestattung meines Vaters mit köstlichen Dingen bewirkt, was Küche und Keller bieten konnten.

Gegen den Abend wurde es dann stiller in unserem Hause. Bevor aber die Verwandtschaft wieder abreiste, fand unter dem Vorsitz des Großvaters ein Familienrat statt. Man wollte meiner Mutter, die erst sechzundzwanzig Jahre alt war und in wirtschaftlichen Angelegenheiten keine Erfahrung hatte, mit Rat und Tat beistehen.

Vorab wurde festgestellt, daß Nilka zwar ein sehr guter Gehilfe sei, aber als Leiter der Molkerei keinesfalls in Frage kommen könne. Er sei zu jung für diesen Posten, hieß es allgemein, ferner mangle es ihm an beruflicher Vorbildung. Nikolai, der zweitälteste [*sic*] (zweitjüngster) Bruder meines Vaters, der von zu Hause gut abkömmling war, sollte vorderhand bei uns bleiben, bis ein gelernter Fachmann aus der Schweiz eintraf. Der Großvater richtete sofort ein entsprechendes Schreiben an den Direktor der Molkereischule Rütti, den er persönlich kannte.

Dann berief der Großvater uns Kinder zu sich und redete uns gütig zu, brav zu sein und der Mutter, die ihre große Stütze verloren habe, zu gehorchen. Er zitierte das fünfte Gebot aus dem Buch Moses: «Ehre deinen Vater und deine Mutter, auf daß du lange lebst in dem Lande, das dir der Herr, dein Gott, gibt.» - 9

или печальные события ее порождают. В этом отношении нам, швейцарцам, пришлось ответить взаимностью, поскольку мы жили в лоне русского народа и зарабатывали себе на хлеб. Итак, после похорон моего отца большое собрание скорбящих угощали вкусностями, которые могли предложить кухня и подвал.

К вечеру в нашем доме стало тише. Но перед тем, как родственники снова уехали, был проведен семейный совет под председательством дедушки. Они хотели помочь и дать совет моей матери, которой было всего двадцать шесть лет и которая не имела опыта в экономических вопросах.

Заранее было установлено, что Нилка была очень хорошей помощницей, но никоим образом не могла считаться заведующей комбинатом. Обычно говорили, что он слишком молод для этой должности и что ему также не хватает профессиональной подготовки. Николай, второй по старшинству [*так*] (возрасту) брат моего отца, живший дома, должен был остаться с нами до тех пор, пока из Швейцарии не приедет подготовленный специалист. Дедушка немедленно отправил соответствующее письмо директору молочной школы Рютти, которого знал лично.

Тогда дедушка созвал нас, детей, и по-доброму посоветовал нам быть хорошими и слушаться маму, потерявшую большую поддержку. Он процитировал пятую заповедь из Книги Моисея: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». - 9

Original Page 10

Fritz Haueter

After just a month, a very young man, Fritz Haueter, a native of Erlenbach im Simmental and a graduate of a one-year course at the Rütti Dairy School, arrived in Murenzewo.

Haueter was an athletically built man who had great strength. A long, sinewy figure with broad shoulders and a powerful chest. Wherever he struck with his huge right hand, grass no longer grew. I can remember an incident in which Haueter had the opportunity to demonstrate his physical superiority in a man-to-man fight.

Shortly before the turn of the century, fistfighting was introduced as a sport in Russia and was subsequently heavily promoted. A young Russian named Andrei Fatov stayed in the United States of America for a long time and, after returning, founded a school for physical exercises in St. Petersburg, where, among other things, Boxing lessons were also given.

In the old days, when it was still allowed, the Russians took great pleasure in fighting. They took every opportunity to do so. Anyone who knew how to use their fists well was feared and celebrated as a hero. The Russian people's tendency to come to blows is aptly illustrated by an anecdote. According to the story, a Russian who was abroad once asked in a good-hearted manner during a bar fight, with his shirt sleeves rolled up as a precaution, whether it was a private argument or whether anyone could take part in it.

Fritz Haueter

Bereits nach Ablauf eines Monats kam ein blutjunger Mann, Fritz Haueter, gebürtig aus Erlenbach im Simmental, Absolvent eines Jahreskurses an der Molkereischule Rütti, in Murenzewo an.

Haueter war ein athletisch gebauter Mann, der über Bärenkräfte verfügte. Eine lange, sehnige Gestalt mit breiten Schultern und einem mächtigen Brustkorb. Wo er mit seiner riesigen Rechten hinschlug, wuchs kein Gras mehr. Ich kann mich eines Vorfallen erinnern, bei dem Haueter Gelegenheit hatte, seine physische Ueberlegenheit im Kampf von Mann gegen Mann unter Beweis zu stellen.

Kurz vor der Jahrhundertwende wurde in Rußland der Faustkampf als Sportart eingeführt und in der Folge stark gefördert. Ein junger Russe, namens Andrej Fatow, weilte längere Zeit in den Vereinigten Staaten von Nordamerika und gründete nach der Rückkehr in St. Petersburg eine Schule für Leibesübungen, wo u. a. auch im Boxen Unterricht erteilt wurde.

Die Russen rauften sich in früheren Zeiten, als es noch erlaubt war, mit größtem Vergnügen. Sie wahrten dazu jede Gelegenheit. Wer mit seinen Fäusten gut umzugehen wußte, wurde gefürchtet und als Held gefeiert. Die Neigung zu Handgreiflichkeiten im russischen Volke wird durch eine Anekdote treffend gekennzeichnet. Nach der soll einmal ein Russe, als er sich im Ausland befand, bei einer Wirtshausschlägerei mit vorsorglich aufgeklempten Hemdärmeln gutherzig die Frage gestellt haben, ob es sich um eine private Auseinandersetzung handle oder ob jedermann daran teilnehmen dürfe.

Фриц Хаутер

Всего через месяц в Муренцево прибыл совсем молодой человек, Фриц Хаутер, уроженец Эрленбаха-им-Зимменталя и выпускник годичного курса молочной школы Рютти.

Хаутер был человеком спортивного телосложения и огромной силы. Длинная, жилистая фигура с широкими плечами и мощной грудью. Куда бы он ни наносил удары своей огромной правой рукой, трава больше не росла. Я помню случай, когда Хаутер имел возможность продемонстрировать свое физическое превосходство в рукопашной схватке.

Незадолго до начала века кулачный бой был представлен в России как вид спорта и впоследствии получил широкую популяризацию. Молодой россиянин по имени Андрей Фатов надолго остался в Соединенных Штатах Америки и по возвращении основал в Санкт-Петербурге школу физических упражнений, где, помимо прочего, также проводились уроки бокса.

В прежние времена, когда это еще было разрешено, русские с большим удовольствием воевали. Они использовали для этого любую возможность. Любой, кто умел хорошо владеть кулаками, боялись и прославляли как героя. Склонность русского народа к дракам хорошо иллюстрируется анекдотом. По легенде, один россиянин, находившийся за границей, однажды во время драки в баре, засучив рукава рубашки, добродушно спросил, был ли это частный спор или может ли кто-нибудь принять в нем участие.

In any case, the Fatow School was well received by the broad sections of the population. Until then, people fought with brutal force, in an “uncultured” way, devoid of any chivalry. And now things were to turn out differently. People wanted to measure their physical strength in fistfights according to certain rules, taking sporting fairness into account. Basically, this resolution was a hopeless undertaking, because the large group continued to fight according to tried and tested fatherly customs.

At that time there lived a young, gigantic blacksmith in Murentsewo. His name was Roman. Nobody knew his family name, perhaps not even he himself.

Original Page 11

Roman had also completed a boxing course and boasted about it. He gave everyone lessons in this art of giving and receiving for a small fee. Fritz Haueter was one of his most teachable students.

Roman was a gruff, obnoxious person, especially when he was heavy on alcohol. In this state he always tried to start a fight, always displaying unbridled bravado. It was the same at a folk festival. This time he enjoyed harassing those who wanted to dance, for the simple reason that no girl wanted to dance with him. The giant was used to swinging the heavy hammer masterfully in the blacksmith's workshop, and so after a short exchange of words he brought his clenched fist down more or less in style on the head of a blonde youth. The farm boy fell to the ground, got

Die Fatow-Schule fand jedenfalls in den breiten Volksschichten guten Anklang. Bis dahin schlug man sich mit brutaler Kraft, gewissermaßen «unkultiviert», bar jeglicher Ritterlichkeit. Und nun sollte es anders kommen. Man wollte seine Körperkräfte auch im Faustkampf nach bestimmten Regeln, unter Berücksichtigung der sportlichen Fairness, messen. Im Grunde genommen war dieser Vorsatz ein aussichtsloses Unterfangen, denn der große Haufe schlug sich auch weiterhin nach bewährter Vätersitte.

In Murenzewo lebte zu jener Zeit ein jinger, hünenhafter Hufschmied. Er hieß Roman. Seinen Familiennamen kannte niemand, vielleicht nicht einmal er selber. Roman hatte auch - 10

einen Boxkurs absolviert und brüstete sich damit. Er gab jedermann gegen kleines Entgelt Unterricht in dieser Kunst des Gebens und Nehmens. Zu seinen gelehrigsten Schülern gehörte Fritz Haueter.

Roman war ein ruppiger, unausstehlicher Mensch, besonders dann, wenn er dem Alkohol stark zugespochen hatte. In diesem Zustand versuchte er immer, einen Streit vom Zaune zu brechen, wobei er jeweils ein unbändiges Draufgängertum an den Tag legte. So war es auch an einem Volksfest. Diesmal gefiel er sich darin, die Tanzlustigen zu belästigen, aus dem einfachen Grunde, weil kein Mädchen mit ihm tanzen wollte. Der Hüne war in der Schmiedewerkstatt gewohnt, den schweren Hammer meisterhaft zu schwingen, und so ließ er nach kurzem Wortwechsel seine geballte Faust mehr oder weniger stilgerecht auf das Haupt eines blonden Jünglings niedersausen. Der Bauernbursche ging zur Erde, stand wieder auf,

В любом случае школа Фатоу была хорошо принята широкими слоями населения. До тех пор люди сражались с грубой силой, «некультурным» способом, лишенным всякого рыцарства. А теперь все должно было обернуться иначе. Люди хотели измерить свою физическую силу в кулачных боях по определенным правилам, учитывая спортивную справедливость. По сути, эта резолюция была безнадежной затеей, потому что большая группа продолжала сражаться по проверенным отцовским обычаям.

Жил в то время в Муренцеве молодой, могучий кузнец. Его звали Роман. Никто не знал его фамилии, возможно, даже он сам. Роман тоже - 10

прошел курсы бокса и хвастался этим. Он давал всем уроки искусства давать и получать за небольшую плату. Фриц Хаутер был одним из его самых способных учеников.

Роман был грубым и неприятным человеком, особенно когда он сильно употреблял алкоголь. В этом состоянии он всегда пытался завязать драку, всегда проявляя необузданную браваду. То же самое было на фольклорном празднике. На этот раз ему нравилось приставать к тем, кто хотел танцевать, по той простой причине, что ни одна девушка не хотела танцевать с ним. Великан привык виртуозно размахивать тяжелым молотом в кузнечной мастерской, поэтому после короткого обмена словами он более или менее стильно обрушил сжатый кулак на голову блондинистого юноши. Крестьянский мальчик упал на землю, снова поднялся, но не предпринял

up again, but made no move to defend himself. This irritated Roman even more. With a terrible hook on the jaw he knocked the farm boy to the ground again, continued his rage and finally came near the table where Haueter was drinking his bottle of beer. He resembled a gunman who blindly shoots to fulfill his madness.

Roman's behavior finally became too stupid for Haueter. He took the tobacco pipe out of his mouth and growled in broken Russian: "Roman, sit down and finally be sensible!"

Roman stood in front of us, completely enveloped in the steam of his breath. He blinked, startled. Then he stared at Haueter, the corners of his mouth turning down in contempt. With his thinning hair and somewhat stupid, brutal facial features, he seemed much older than his twenty-five years. The Russian took a step closer and spoke unbearably slowly: "What do you want from me, Nemetz?" (Nemetz is the nickname for German).

Regardless of the collective resentment of part of the Russian population against foreigners, Haueter now decided to act quickly. In a flash, he gave the Russian a well-aimed punch, so that he left the place bleeding profusely and with a split lower lip. Haueter had taught his teacher a lesson. The crowd registered Roman's defeat with more

Original Page 12
undisguised satisfaction. I had never seen so many teeth shining with laughter.

machte jedoch keine Anstalten, sich zur Wehr zu setzen. Das reizte Roman noch mehr. Mit einem fürchterlichen Kinnhaken streckte er den Bauernburschen nochmals zu Boden, tobte weiter und kam schließlich in die Nähe des Tisches, an dem Haueter seine Flasche Bier trank. Er glich einem Amokläufer, der blind um sich schießt, um seinen Wahn zu erfüllen.

Romans Verhalten wurde Haueter endlich zu dumm. Er nahm die Tabakpfeife aus dem Munde und knurrte in gebrochenem Russisch: «Roman, setz' dich und sei endlich vernünftig!»

Roman stand vor uns, ganz im Dampf seines Atems gehüllt. Er blinzelte verblüfft. Dann fixierte er Haueter, seine Mundwinkel zogen sich verächtlich nach unten. Mit dem schütteren Haar und den etwas dümmlich-brutalen Gesichtszügen wirkte er viel älter als seine fünfundzwanzig Jahre. Der Russe kam einen Schritt näher und sprach unerträglich langsam: «Was willst du von mir, Nemetz?» (Nemetz ist der Spitzname für Deutscher).

Ohne Rücksicht auf das Kollektivressentiment eines Teils der russischen Bevölkerung gegen die Ausländer, entschloß sich jetzt Haueter zu raschem Handeln. Er gab dem Russen blitzschnell einen gutgezielten Boxhieb, so daß dieser heftig blutend, mit gespalterner Unterlippe den Platz verließ. — Haueter hatte seinem Lehrmeister eine Lektion erteilt. Die Menschenmenge registrierte Romans Niederlage mit - 11

unverhohlener Genugtuung. So viele vor Lachen blitzende Zähne hatte ich noch nie gesehen.

никаких попыток защититься. Это еще больше разозлило Романа. Ужасным ударом челюсти он снова повалил фермерского мальчика на землю, продолжал бушевать и наконец подошел к столу, за которым Хаутер пил бутылку пива. Он напоминал боевика, который стреляет вслепую, чтобы осуществить свое безумие.

Поведение Романа в конце концов стало для Хаутера слишком глупым. Он вынул изо рта трубку и прорычал на ломаном русском языке: «Роман, присядь и будь наконец благоразумным!»

Роман стоял перед нами, полностью окутанный паром своего дыхания. Он испуганно моргнул. Затем он посмотрел на Хаутера, уголки его рта презрительно опустились. С редеющими волосами и несколько глупыми, жестокими чертами лица он казался намного старше своих двадцати пяти лет. Русский сделал шаг ближе и заговорил невыносимо медленно: «Чего ты хочешь от меня, Немец?» (Немец — прозвище немецкого языка).

Несмотря на коллективное недовольство части русского населения иностранцами, Хаутер теперь решил действовать быстро. Он быстро нанес россиянину меткий удар, так что тот покинул это место истекая кровью и с разбитой нижней губой. — Хаутер преподал своему учителю урок. Толпа с нескрываемым удовлетворением отметила -11

поражение Романа. Я никогда не видел столько зубов, блестящих от смеха.

Haueter was an excellent dairy expert. He stayed with us for many years. He later became self-employed. After the revolution, however, he had to give up his dairy and returned to Switzerland penniless. I'll speak of him later.

My first class

Before the Great October Revolution in 1917, the school system in Russia was partly under the control of the Ministry of Public Enlightenment. Only Finland had compulsory education. School education was poor. In rural areas, up to 84 percent were illiterate. There were elementary schools (usually one-class, three-year course), city schools (four-class, six-year), as well as pro-gym schools, classical high schools, and secondary schools. Russia had only 9 universities (Jan. 1, 1914: 19,394 students), spread across St. Petersburg, Moscow, Kazan, Kharkov, Kiev, Odessa, Dorpat (Yuryev), Warsaw and Tomsk. There were technical universities: institutes in St. Petersburg, Kharkov, Tomsk, Moscow Technical and Engineering School, polytechnics in Riga, Kiev, Warsaw and St. Petersburg, mining institutes in St. Petersburg and Yekaterinoslav, and surveyor institute in Moscow. 101 commercial schools and 47 commercial schools served the trade sector. The art schools included the Art Academy in St. Petersburg, a drawing school and a conservatory in St. Petersburg and Moscow, and the musical institute in Warsaw. Industrial, crafts, agricultural, forestry, railway and other schools were available for technical and industrial training.

Haueter war ein vorzüglicher Molkereifachmann. Er blieb viele Jahre bei uns. Später machte er sich selbstständig. Nach der Revolution mußte er jedoch seine Molkerei aufgeben und kam dann mittellos in die Schweiz zurück. Ich werde noch auf ihn zu sprechen kommen.

Mein erster Schulgang

Vor der Großen Oktoberrevolution 1917 unterstand das Schulwesen in Rußland zum Teil dem Ministerium für Volksaufklärung. Allgemeine Schulpflicht kannte nur Finnland. Die Schulbildung war gering. Auf dem Lande hatte es bis 84 Prozent Analphabeten. Es bestanden Elementarschulen (meist einklassig, dreijähriger Kurs), Stadtschulen (vierklassig, sechsjährig), ferner Progymnasien, klassische Gymnasien, Realschulen. Rußland besaß nur 9 Universitäten (1. Jan. 1914: 19 394 Studenten), die sich auf St. Petersburg, Moskau, Kasan, Charkow, Kiew, Odessa, Dorpat (Jurjew), Warschau und Tomsk verteilten. An technischen Hochschulen waren vorhanden: Institute in St. Petersburg, Charkow, Tomsk, Moskauer Technische und Ingenieurschule, Polytechnika in Riga, Kiew, Warschau und St. Petersburg, Berginstitute in St. Petersburg und Jekaterinoslaw, sowie Feldmessserinstitut in Moskau. Dem Handelswesen dienten 101 Handelsschulen und 47 Kommerzschulen. An Kunstschulen bestanden die Kunstabakademie in St. Petersburg, je eine Zeichenschule und ein Konseratorium in St. Petersburg und Moskau und das musikalische Institut in Warschau. Der technischen und gewerblichen Ausbildung standen Gewerbe-, Handwerker-, Ackerbau-, Forst-, Eisenbahn- und andere Schulen zur Verfügung.

Хаутер был превосходным экспертом по молочным продуктам. Он оставался с нами много лет. Позже он стал самозанятым. Однако после революции ему пришлось отказаться от своей молочной фермы и вернуться в Швейцарию без гроша в кармане. Я поговорю с ним позже.

Мой первый класс

До Великой Октябрьской революции 1917 года школьная система в России частично находилась под контролем Министерства народного просвещения. Только в Финляндии было обязательное образование. Школьное образование было плохим. В сельской местности до 84 процентов были неграмотными. Существовали начальные школы (обычно одноклассные, трехлетние), городские школы (четырехклассные, шестилетние), а также профкультурные школы, классические гимназии и средние школы. В России было всего 9 университетов (1 января 1914 г.: 19 394 студента), расположенных в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Харькове, Киеве, Одессе, Дерпте (Юрьеве), Варшаве и Томске. Существовали технические университеты: институты в Петербурге, Харькове, Томске, Московское инженерно-техническое училище, политехники в Риге, Киеве, Варшаве и Петербурге, горные институты в Петербурге и Екатеринославе, маркшейдерский институт в Москве. Сектор торговли обслуживали 101 коммерческое училище и 47 коммерческих училищ. К художественным школам относились Академия художеств в Петербурге, рисовая школа и консерватория в Петербурге и Москве, музыкальный институт в Варшаве. Для технического и производственного обучения существовали промышленные, ремесленные, сельскохозяйственные, лесохозяйственные, железнодорожные и другие школы.

In relation to the great empire and its population numbering many millions, these educational institutions were just a drop in the ocean. The incredible change in school teaching that occurred in Russia after the revolution can only be fully understood by someone who knew this country before the revolution

Yes, those were the days for children! Glorious times! It suited them perfectly to just laze around in the winter. Nobody stopped them

Original Page 13
from sitting behind the warm stove and adding to the huge army of illiterates. They couldn't yet realize that they were cutting their way to the sunny side of life. They couldn't possibly have guessed that people who didn't know how to read, write or do arithmetic had no chance of getting a successful career, even in the "Empire of Nichevo".

But fortunately there were also sensible parents in Russia who sent their children to school. And there were also children eager to learn who spontaneously made their way to elementary school and later to the lecture halls of higher education institutions.

This was true even in the remote village of Dubrowka, where Nilka came from. There I went to school for the first time in my life. The aged landowner of Murentsevo, Seversky, was by no means stingy when it came to money matters, especially when it was necessary to do something for welfare and public education. He always had great understanding and an open hand. For example, in addition to many other

Im Verhältnis zum großen Reich und seiner nach vielen Millionen zählenden Bevölkerung waren diese Lehranstalten nur ein Tropfen auf den heißen Stein. Den unerhörten Wandel in bezug auf den Schulunterricht, wie er in Rußland nach der Revolution eingetreten ist, vermag nur der voll zu erfassen, der dieses Land schon vor der Revolution kannte.

Ja, das waren noch Zeiten für die Kinder! Herrliche Zeiten! Es stand ihnen vollkommen, Winter einfach zu faulenzen. Niemand hinderte sie daran, im - 12

hinter dem warmen Ofen zu sitzen und die riesige Armee der Analphabeten zu vergrößern. Daß sie sich damit den Weg zur Sonnseite des Lebens abschnitten, verflochten sie noch nicht zu ermessen. Sie konnten unmöglich ahnen, daß Menschen, die des Lesens, Schreibens und Rechnens unkundig waren, selbst im «Reiche des Nitschewo» keine Aussicht hatten, beruflich auf einen grünen Zweig zu kommen.

Doch glücklicherweise lebten auch in Rußland einsichtsvolle Eltern, die ihre Kinder auf die Schulbank schickten. Und es fanden sich auch lernbegierige Kinder, die spontan den Weg zur Elementarschule und später in die Hörsäle der höheren Lehranstalten einschlugen.

Das traf sogar im entlegenen Dorfe Dubrowka, wo Nilka herkam, zu. Dort drückte ich zum ersten Male im Leben die Schulbank. Der greise Gutsherr von Murenzowo, Sewerski, verhielt sich in Geldsachen keineswegs knausig, besonders wenn es galt, für die Wohlfahrtspflege sowie Volksaufklärung etwas zu tun. Dazu hatte er stets ein großes Verständnis und eine offene Hand. So gründete er beispielsweise nebst vielen anderen Institutionen

По отношению к великой империи и ее многомиллионному населению эти учебные заведения были лишь каплей в море. Невероятную перемену в школьном преподавании, произошедшую в России после революции, может до конца понять только тот, кто знал эту страну до революции.

Да, это были дни детей! Славные времена! Им идеально подходило просто бездельничать зимой. Никто не мешал им сидеть за теплой печкой - 12

и пополнять огромную армию неграмотных. Они еще не могли осознать, что прокладывают себе путь к солнечной стороне жизни. Они никак не могли догадаться, что люди, не умеющие читать, писать и считать, не имеют шансов сделать успешную карьеру даже в «Ничевской империи».

Но, к счастью, в России нашлись и разумные родители, которые отправили своих детей в школу. А были и жаждущие учиться дети, которые спонтанно попали в начальную школу, а затем и в лекционные аудитории высших учебных заведений.

Так было даже в глухой деревне Дубровке, откуда родом Нилка. Там я впервые в жизни пошел в школу. Престарелый муренцевский помещик Северский ни в коем случае не был скончан в денежных делах, особенно когда нужно было что-то сделать для благосостояния и народного образования. У него всегда было большое понимание и открытая рука. Например, помимо многих других общественных учреждений,

institutions for the public, he also founded a retirement home on his property and, at the suggestion of the village elder in Dubrowka, an elementary school.

After I turned seven, my mother called me to live with her. She started to get sick. The doctor diagnosed a lung problem and urgently recommended that she take a treatment in Switzerland. However, she felt she could not follow the doctor's advice for business reasons.

When I entered her room, she was lying in bed with hectic red spots on her cheeks. She looked at me with a kind smile with her beautiful, always somewhat melancholy eyes and stroked my head of hair caressingly with her long, slender hand, constantly, as she did when her father died. Her poor health was not lost on me. The chambermaid Akulina confirmed my suspicions, apparently in order to train me to be obedient to my mother, because I was a boy with a very quick temper.

I had thought carefully beforehand about what I wanted to say to my mother, at least something kind, good and beautiful. But the whole concept of my words fell apart. I pressed my head deep into my mother's pillow and cried desperately. With sadness in my heart I saw the day coming when I would lose her. At that moment she must have felt what was moving

Original Page 14
me. She also seemed to lack the right words to comfort me. And so mother and child stayed together in silence for a while, each occupied with their own thoughts.

für die Öffentlichkeit auf seinem Gute auch ein Altersheim, und auf die Anregung des Dorfältesten in Dubrowka eine Volksschule.

Nach Vollendung des siebenten Lebensjahres berief mich die Mutter zu sich. Sie fing an zu kränkeln. Der Arzt stellte ein Lungenleiden fest und empfahl ihr dringend eine Kur in der Schweiz. Sie glaubte jedoch aus geschäftlichen Gründen den ärztlichen Rat nicht befolgen zu können.

Als ich ihr Zimmer betrat, lag sie im Bett, mit hektisch roten Flecken auf den Wangen. Sie blickte mich mit ihren schönen, immer irgendwie ein wenig schwermütigen Augen gütig lächelnd an und strich mit der langen, schlanken Hand liebkosend über meinen Haarschopf, fortwährend, wie damals, als der Vater starb. Ihr schlechter Gesundheitszustand war mir nicht entgangen. Das Zimmerädchen Akulina bestätigte mir meine Vermutungen, offenbar deshalb, um mich zum Gehorsam gegenüber der Mutter zu erziehen, denn ich war ein Knabe mit sehr raschem Temperament.

Ich hatte mir vorher genau überlegt, was ich der Mutter sagen wollte, jedenfalls etwas Liebes, Gutes und Schönes. Aber das ganze Konzept meiner Worte fiel ins Wasser. Ich drückte meinen Kopf tief in das Kissen meiner Mutter und weinte verzweifelt. Mit Wehmut im Herzen sah ich den Tag kommen, an dem ich sie verlieren sollte. In diesem Augen -13

blick muß sie gefühlt haben, was mich bewegte. Auch ihr schien es an den richtigen Worten zu fehlen, mir Trost zuzusprechen. Und so verweilten Mutter und Kind zusammen in aller Stille eine Zeitlang, jedes mit den eigenen Gedanken beschäftigt.

он основал на своей территории также дом престарелых и, по предложению старосты в Дубровке, начальную школу.

Когда мне исполнилось семь лет, мама позвала меня жить к ней. Она начала болеть. Врач диагностировал проблему с легкими и срочно рекомендовал ей пройти лечение в Швейцарии. Однако она чувствовала, что не может последовать совету врача по деловым причинам.

Когда я вошел в ее комнату, она лежала в постели с беспокойными красными пятнами на щеках. Она смотрела на меня с добной улыбкой своими красивыми, всегда несколько меланхоличными глазами и ласково гладила мою шевелюру своей длинной, тонкой рукой, постоянно, как делала, когда умер ее отец. Ее плохое здоровье не прошло мимо меня. Горничная Акулина подтвердила мои подозрения, видимо, для того, чтобы приучить меня к послушанию матери, ведь я был мальчиком с очень вспыльчивым характером.

Я заранее тщательно обдумал, что хочу сказать маме, хоть что-то доброе, хорошее и красивое. Но вся концепция моих слов развалилась. Я прижалась головой к маминой подушке и отчаянно заплакала. С грустью в сердце я предвидел день, когда я потеряю ее. В тот момент она, - 13

должно быть, почувствовала, что мной движет. Ей также, казалось, не хватало подходящих слов, чтобы утешить меня. Так мать и ребенок некоторое время оставались вместе молча, занятые каждый своими мыслями.

A young girl dressed as a nurse came into the room. She brought medicine powder with a glass of water. A beautiful, slender creature with dark brown hair and particularly large, expressive eyes and a complexion that is only slightly tan. Her face showed the unmistakable cut of an ancient race.

I rose from the chair, wiped the tears from my eyes, and willingly made room for the nurse. She glanced sideways at me, a stupid boy who couldn't take his admiring eyes away from her.

Twilight slowly crept into the hospital room. The sister gave the mother the medicine, checked her pulse and temperature, ventilated the room slightly and then lit the petrol lamp. When she finally left the room, my mother told me that I had now grown up and was therefore required to go to school. Nilka will take me to Dubrovka every day for the first few months and pick me up again there. Later I will probably find the way alone.

I nodded silently.

“I don't know,” the mother continued her explanations, “whether you will follow in your father's footsteps or perhaps take up a different profession. That will be decided in a few years. The father has provided materially for us. In any case, the funds are sufficient for your studies - if it comes to that. Study hard, Volodya, so that you can pass the entrance exam to the Kaluga high school. From there, God willing, the path would lead to the university. I would be very happy if it came to that.”

Ein junges Mädchen in der Tracht einer Krankenschwester kam in das Zimmer. Sie brachte Arzneipulver mit einem Glas Wasser. Ein schönes, schlankes Geschöpf mit dunkelbraunem Haar und besonders großen, ausdrucksvollen Augen und einem nur ganz leicht ins Bräunliche gehenden Teint. Ihr Gesicht zeigte unverkennbar den Schnitt einer alten Rasse.

Ich erhob mich vom Stuhl, wischte die Tränen aus den Augen und machte der Krankenschwester bereitwillig Platz. Sie schielte von der Seite nach mir, einem dummen Jungen, der seine bewundernden Augen von ihr nicht abzuwenden vermochte.

Langsam kroch die Dämmerung in das Krankenzimmer. Die Schwester verabreichte der Mutter die Arznei, prüfte Puls und Temperatur, lüftete leicht das Zimmer und zündete dann die Petrollampe an. Als sie das Zimmer schließlich verlassen hatte, eröffnete mir die Mutter, daß ich nun groß geworden sei und damit schulpflichtig. Nilka werde mich während den ersten Monaten jeden Tag nach Dubrowka bringen und dort wieder abholen. Später werde ich den Weg wohl allein finden.

Ich nickte stumm.

«Ich weiß nicht», setzte die Mutter ihre Erklärungen fort, «ob du in die Fußstapfen deines Vaters treten oder allenfalls einen anderen Beruf ergreifen wirst. Das wird sich in einigen Jahren entscheiden. Der Vater hat für uns materiell vorgesorgt. Die Mittel reichen für dein Studium — sofern es dazu kommen sollte — jedenfalls gut aus. Lerne fleißig, Wolodja, damit du das Aufnahmeexamen in das Gymnasium von Kaluga bestehen kannst. Von dort würde der Weg — so Gott will — zur Hochschule führen. Ich hätte große Freude, wenn es soweit kommen sollte.»

В комнату вошла молодая девушка в костюме медсестры. Она принесла лекарственный порошок и стакан воды. Красивое, стройное существо с темно-каштановыми волосами, особенно большими, выразительными глазами и лишь слегка загорелым цветом лица. На ее лице безошибочно угадывались черты древней расы.

Я встал со стула, вытер слезы с глаз и охотно уступил место медсестре. Она покосилась на меня, глупого мальчика, который не мог оторвать от нее восхищенных глаз.

Твайлайт медленно прокрались в больничную палату. Сестра дала матери лекарство, проверила ее пульс и температуру, слегка проветрила комнату и зажгла керосиновую лампу. Когда она наконец вышла из комнаты, мама сказала мне, что я уже выросла и поэтому должна ходить в школу. Нилка будет возить меня на Дубровку каждый день в течение первых нескольких месяцев и снова забирать меня там. Позже я, вероятно, найду дорогу один.

Я молча кивнул.

«Я не знаю, — продолжала мать свои объяснения, — последуешь ли ты по стопам отца или, может быть, возьмешь другую профессию. Это решится через несколько лет. Отец обеспечивал нас материально. В любом случае средств хватит на учебу — если уж на то пошло. Учись усердно, Володя, чтобы сдать вступительные экзамены в Калужскую среднюю школу. Оттуда, если Бог даст, тропа приведет к университету. Я был бы очень рад, если бы до этого дошло.»

To be successful in life, you have to work hard, very hard, no matter where you are. Because even in Russia, our host country, everything is classified and graded. The sequence of levels depends on ability, knowledge and possessions. At the top is the tsar, then comes his heir to the throne, and everything that follows is arranged with mathematical precision

Original Page 15
according to the rank that a person is entitled to.
Depending on what it is worth, it is placed on this scale.

Your sister Schenja became aware of the seriousness of life two years ago. As you know, I placed her with the Stucki family near Moscow, who had a tutor come from Switzerland for their eleven children. As I am told, Schenja learns and obeys very well. Volodya, take an example from her. You will make life easier for your sick mother!"

After the last words, the mother sank back into the pillow. She closed her eyes tiredly, but didn't fall asleep. And while the night slowly and silently descended on the steppe outside, I sat in the large rocking chair, rocking back and forth in thought. It was midnight when I left my mother. Over time it became a habit for us to spend the evenings together talking until late into the night, as sleep had become a rarity for my mother and her severe cough prevented her from doing so. She was only able to fall asleep with sleeping pills, and she preferred chatting with her little son to sleeping under narcotics.

Um im Leben Erfolg zu haben, muß man hart, sehr hart arbeiten, gleichviel, wo man steht. Denn auch in Rußland, in unserem Gastland, ist alles eingestuft und abgestuft. Die Stufenfolge richtet sich nach dem Können, Wissen und Haben. Ganz oben ist der Zar, dann kommt sein Thronfolger, und was danach folgt, ist alles mit mathematischer Exaktheit - 14

nach dem Rang, der dem Menschen zukommt, geordnet. Je nach dem, was er wert ist, wird er dieser Skala eingegliedert.

An deine Schwester Schenja ist der Ernst des Lebens bereits vor zwei Jahren herangetreten. Wie du weißt, habe ich sie bei der Familie Stucki in der Nähe von Moskau untergebracht, die für ihre elf Kinder einen Hauslehrer aus der Schweiz kommen ließ. Wie mir berichtet wird, lernt und gehorcht Schenja sehr gut. Wolodja, nimm ein Beispiel an ihr. du wirst das Leben deiner kranken Mutter erleichtern!»

Nach den letzten Worten sank die Mutter in das Kissen zurück. Sie schloß müde die Augen, schlief jedoch nicht ein. Und während draußen langsam und lautlos die Nacht auf die Steppe herabsank, saß ich im großen Schaukelstuhl, gedankenvoll hin- und herschaukelnd. Es schlug Mitternacht, als ich die Mutter verließ. Mit der Zeit wurde uns das zur Gewohnheit, die Abende zusammen bis tief in die Nacht hinein so sprechend zu verbringen, denn Schlaf war für meine Mutter zur Seltenheit geworden, der starke Husten hinderte sie daran. Nur mit Schlafmitteln konnte sie einschlummern. und Plaudereien mit ihrem kleinen Sohn waren ihr lieber als der Schlaf unter Narkotika.

Чтобы добиться успеха в жизни, нужно много, очень усердно работать, где бы вы ни находились. Потому что даже в России, нашей принимающей стране, все классифицируется и классифицируется. Последовательность уровней зависит от способностей, знаний и владения. Наверху - царь, затем идет его наследник престола, а все дальнейшее расставляется с математической точностью - 14

по рангу, на который имеет право человек. В зависимости от того, чего он стоит, он размещается на этой шкале.

Серьезность жизни приблизилась к вашей сестре Щене два года назад. Как вы знаете, я поместил ее в подмосковную семью Стуцких, у которых для одиннадцати детей был приехавший из Швейцарии наставник. Как мне сказали, Женя учится и слушается очень хорошо. Володя, бери с нее пример. Вы облегчите жизнь своей больной матери!»

После последних слов мать снова опустилась на подушку. Она устало закрыла глаза, но не уснула. И пока ночь медленно и бесшумно спускалась в степь снаружи, я сидел в большом кресле-качалке, размышляя взад и вперед. Была полночь, когда я оставил маму. Со временем у нас вошло в привычку проводить вечера вместе, разговаривая до поздней ночи, так как сон для моей матери стал редкостью, а сильный кашель мешал ей это делать. Заснуть ей удавалось только с помощью снотворного, а сну под наркотиками она предпочитала общение с маленьким сыном.

A few months later, Akulina woke me up early in the morning. It was the day of my first day of school. I hastily choked down my morning meal, fearing I would miss school. Then Nilka took my hand and led me to his home village of Dubrowka.

A cart crossed our path. It rolled towards the steppe and the herds grazing on it. With nimble hooves, the horses pulled the vehicle across the wide, short-grassed ground of the early summer plain. The sun shone and blue, glassy skies arched over the land, which gently faded into the distance. When I looked backwards, I saw the spacious estate and on the horizon the golden towers of the Murentsevo church, built in perfect all-Russian architecture.

We approached the village. The schoolhouse stood in the middle. With its round wooden beams, green tin roof and many white-framed windows, it made a sedate impression.

In contrast, the teacher made a less favorable impression. She looked like she was suffering from stomach ulcers. Who knows, maybe that was true too. With trembling hands she took my

Original Page 16

ID card and began to talk like a torrent, occasionally hitting the edge of the desk with the ruler. The students, about fifty in number, were not disturbed by this and continued to make merry noise. Only when the village elder, a patriarchal figure with a long, white beard, entered to be present at the start of the new school year did the young minds calm

Einige Monate später weckte mich Akulina in aller Morgenfrühe. Es war der Tag meines ersten Schulganges. Das Morgenessen würgte ich hastig hinunter, in der Befürchtung, den Schulunterricht zu verpassen. Alsdann ergriff Nilka meine Hand und führte mich in sein Heimatdorf Dubrowka.

Ein Fuhrwerk kreuzte unseren Weg. Es rollte der Steppe und den darauf weidenden Herden zu. Mit flinken Hufen zogen die Pferde das Gefährt über den weiten, kurzgrasigen Boden der frühsommerlichen Ebene. Die Sonne leuchtete, und blauer, gläserner Himmel wölbte sich über das sanft in die Ferne verflachende Land. Wenn ich nach rückwärts blickte, sah ich den weit ausladenden Gutshof, und am Horizont die goldenen Türme der in formvollendeten allrussischen Architektur erbauten Kirche von Murenzewo.

Wir näherten uns dem Dorfe. In dessen Mitte stand das Schulhaus. Mit seinen runden Holzbalken, dem grünen Blechdach und den vielen weißumrahmten Fenstern machte es einen behäbigen Eindruck.

Einen weniger vorteilhaften Eindruck machte im Gegensatz dazu die Lehrerin. Sie sah aus, als litt sie an Magengeschwüren. Was weiß man, vielleicht traf das auch zu. Mit zitternden Händen nahm sie meinen Ausweis entgegen und - 15

begann wie ein Wasserfall zu reden, von Zeit zu Zeit mit dem Lineal auf den Pulstrand schlagend. Die Schüler, ungefähr fünfzig an der Zahl, ließen sich dadurch nicht stören, sie lärmten fröhlich weiter. Erst als der Dorfälteste, eine patriarchalische Erscheinung mit langem, weißem Vollbart, eintrat, um beim Beginn des neuen Schuljahres anwesend zu sein, beruhigten sich die jungen Gemüter.

Через несколько месяцев Акулина разбудила меня рано утром. Это был день моего первого дня в школе. Я поспешил проглотить утреннюю еду, боясь пропустить школу. Тогда Нилка взяла меня за руку и повела в свою родную деревню Дубровку.

Нашу дорогу пересекла телега. Он покатился в сторону степи и пасущихся на ней стад. Ловкими копытами лошади тащили повозку по широкой, короткой траве равнины раннего лета. Светило солнце, и над землей, плавно исчезающей вдали, выгнулось голубое, стеклянное небо. Оглянувшись назад, я увидел просторную усадьбу и на горизонте золотые башни Муренцевской церкви, построенной в совершенной общерусской архитектуре.

Мы подошли к деревне. Здание школы стояло посередине. Круглые деревянные балки, зеленая жестяная крыша и множество окон в белых рамках производили умиротворенное впечатление.

Напротив, учитель произвел менее благоприятное впечатление. Она выглядела так, будто страдала от язвы желудка. Знаете, может быть, это тоже было правдой. Дрожащими руками она взяла мое удостоверение личности и начала - 15

говорить как поток, время от времени ударяя линейкой по краю стола. Студентов, числом около пятидесяти, это не смущило и они продолжали весело шуметь. Только когда деревенский старейшина, патриархальная личность с длинной белой бородой, вошел, чтобы присутствовать на начале нового учебного года, молодые

down. Only the teacher continued to talk eagerly. She had a voice that grated on your nerves and gave you a headache to listen to.

Martowa - that was the teacher's name - was a poor, wizened woman. Many years ago she had seen better days. On the nightstand in her room was a photograph of a young, dashing guards officer. That was her husband. He fell in battle against the Turks on the Shipka Pass in 1877 and left behind a widow of only twenty years old, without any resources. Another photograph showed Martowa herself before her inexorable fate brought her to this lonely farming village. Even with a carefree lifestyle, people are not spared from the ravages of time. However, there was little sunshine in Ms. Martowa's existence. The long years of hardship and much aloneness that followed her husband's death caused the pretty woman's facial features to wither. Only when she smiled, which was so rare, did her face still show traces of her former grace.

Martova received a monthly salary of fifteen rubles. Before the revolution, the ruble was worth 2.65 francs (Swiss currency). Of course, in tsarist times everything was much cheaper, but the servant of the people was poorly paid by the state. The teaching profession also had bad times in Russia. Their living conditions were by no means rosier than those of Peter Käser, whose economic situation Jeremias Gotthelf describes so drastically in his work "The Joys and Sorrows of a Schoolmaster". That later took a bitter toll.

Nur die Lehrerin redete eifrig weiter. Sie hatte eine Stimme, die einem auf den Nerven herumhackte und Kopfschmerzen verursachte, wenn man ihr zuhörte.

Die Martowa — so hieß nämlich die Lehrerin — war eine arme, verhutzte Frau. Vor vielen Jahren hatte sie bessere Zeiten gesehen. In ihrem Zimmer stand auf dem Nachttisch die Photographie eines jungen, flotten Gardeoffiziers. Das war ihr Mann. Er fiel im Jahre 1877 auf dem Schipkapaß im Kampfe gegen die Türken und hinterließ eine erst zwanzigjährige Witwe, bar jeglicher Mittel. Eine andere Photographie zeigte Martowa selbst, bevor sie vom unerbittlichen Schicksal in dieses einsame Bauerndorf verschlagen wurde. Auch bei unbeschwerter Lebensweise bleibt der Mensch vom Zahn der Zeit nicht verschont. Im Dasein von Frau Martowa war jedoch wenig Sonnenschein. Die langen Jahre der Not und des vielen Alleinseins, die dem Tode ihres Mannes folgten, ließen die Gesichtszüge der hübschen Frau verkümmern. Nur wenn sie lächelte, was so selten vorkam, verriet ihr Antlitz noch Spuren früherer Anmut.

Martowa bezog einen Monatslohn von fünfzehn Rubeln. Der Rubel hatte vor der Revolution einen Wert von 2.65 Fr. (Schweizerwährung). Gewiß, zu zaristischen Zeiten war alles viel billiger, doch wurde der Diener am Volke vom Staat schlecht entlohnt. Auch in Rußland hatte die Lehrerschaft schlimme Zeiten. Ihre Lebensbedingungen waren keinesfalls rosiger als etwa diejenigen Peter Käisers, dessen wirtschaftliche Lage Jeremias Gotthelf in seinem Werk «Freuden und Leiden eines Schulmeisters» so drastisch beschreibt. Das hat sich später bitter gerächt.

умы успокоились. Только учитель продолжал оживленно говорить. Ее голос действовал на нервы, и от его прослушивания болела голова.

Мартова — так звали учительницу — была бедная, сморщенная женщина. Много лет назад она видела лучшие дни. На тумбочке в ее комнате стояла фотография молодого лихого гвардейского офицера. Это был ее муж. Он пал в бою с турками на Шипкинском перевале в 1877 году и оставил после себя двадцатилетнюю вдову без каких-либо средств. На другой фотографии изображена сама Мартова до того, как неумолимая судьба привела ее в эту одинокую фермерскую деревню. Даже при беззаботном образе жизни люди не застрахованы от разрушительного воздействия времени. Однако в жизни г-жи Мартовой было мало солнечного света. Долгие годы лишений и одиночества, последовавшие за смертью мужа, заставили черты лица красивой женщины увядать. Лишь когда она улыбалась, что случалось так редко, на ее лице еще оставались следы былого изящества.

Мартова получала ежемесячное жалование в размере пятнадцати рублей. До революции рубль стоил 2,65 франка (валюта Швейцарии). Конечно, в царские времена все было гораздо дешевле, но государство плохо платило слуге народа. Педагогическая профессия в России тоже переживала не лучшие времена. Их жизненные условия были ничуть не лучше, чем у Петера Кезера, чье экономическое положение Иеремиас Готхельф так резко описывает в своей работе «Радости и печали школьного учителя». Позже это принесло горькие плоды.

Severski, the landowner, had the school building in Dubrowka built, but the teacher was paid by the state. It had many rooms, but the majority of them were occupied by the village and municipal administration for their needs. The school and its head were only given one room each. Just think, fifty children in a single room, which in Western European terms

Original Page 17

would have been enough for half that number! The Russian winter is harsh and long-lasting. If the students, almost all of whose parents were poor farmers, brought the teacher logs of wood, she could provide makeshift heat to their home and classroom; if not, she and the students would freeze. It hardly needs to be emphasized that with an annual income of 180 rubles she had to go hungry all the time, unless charitable villagers occasionally gave her food, especially bread and potatoes.

As already mentioned, the extremely rich Severski, who owned huge forests, could in no way be accused of being stingy. He was far too old to see for himself how the people in his wider area were doing economically, and no one dared to talk to him about their poverty. He spent the long winter months either on the French Riviera, where he owned a villa, or in St. Petersburg. At the Fontanka of the Russian metropolis stood a marble palace in the Baroque style, built by the famous Italian architect Rastrelli. This jewel of a mansion, nestled in a park of ancient lime trees, belonged to him. Severski only came to

Das Schulgebäude in Dubrowka hatte Sewerski, der Gutsherr, errichten lassen, doch die Lehrkraft wurde vom Staat besoldet. Es wies viele Räume auf, aber der Großteil davon beanspruchte die Dorf- und Gemeindeverwaltung für ihre Bedürfnisse. Der Schule und ihrer Vorsteherin räumte man nur je ein Zimmer ein. Man bedenke, fünfzig Kinder in einem einzigen Raum, der nach westeuropäischen Begriffen - 16

für die Hälfte dieser Anzahl ausgereicht hätte! Der russische Winter ist streng und von langer Dauer. Wenn die Schüler, deren Eltern fast durchwegs arme Bauern waren, der Lehrerin Holzscheiter brachten, konnte sie ihre Behausung mit dem Schulzimmer notdürftig heizen, wenn nicht, fror sie samt den Schülern. Daß sie mit dem Jahreseinkommen von 180 Rubeln dauernd hungern mußte, braucht wohl kaum betont zu werden, es sei denn, daß mildtätige Dorfbewohner ihr dann und wann Lebensmittel, vor allem Brot und Kartoffeln, zusteckten.

Dem steinreichen Sewerski, dem riesige Waldbestände gehörten, konnte — wie schon gesagt — keinesfalls etwa Geiz vorgeworfen werden. Er war viel zu alt, um sich persönlich davon zu überzeugen, wie es den Menschen aus seiner weiteren Umgebung wirtschaftlich ging, und ihm von deren Armut zu sprechen, traute sich wohl niemand. Die langen Wintermonate verbrachte er entweder an der französischen Riviera, wo er eine Villa besaß, oder in St. Petersburg. An der Fontanka der russischen Metropole stand ein Marmorpalais im Barockstil, erbaut vom berühmten italienischen Architekten Rastrelli. Dieses Juwel von einem Herrensitz, eingebettet in einem Park uralter

Помещик Северский приказал построить здание школы в Дубровке, но учителю платило государство. Помещений в нем было много, но большую часть из них занимала сельская и городская администрация для своих нужд. Школе и ее директору выделили только по одной комнате. Подумать только, пятьдесят детей в одной комнате, чего по западноевропейским - 16

меркам хватило бы вдвое! Русская зима сурова и продолжительна. Если бы ученики, почти все родители которых были бедными фермерами, принесли учителю дрова, она могла бы временно обогреть их дом и класс; в противном случае она и ученики замерзли бы. Едва ли нужно подчеркивать, что при годовом доходе в 180 рублей ей приходилось постоянно голодать, если только благотворительные сельчане изредка не давали ей еды, особенно хлеба и картофеля.

Как уже говорилось, чрезвычайно богатого Северского, владевшего огромными лесами, никоим образом нельзя было обвинить в скучости. Он был слишком стар, чтобы самому видеть, как обстоят дела в экономическом отношении у людей в его обширной области, и никто не осмеливался говорить с ним об их бедности. Долгие зимние месяцы он проводил либо на Французской Ривьере, где у него была вилла, либо в Петербурге. На Фонтанке российской метрополии стоял мраморный дворец в стиле барокко, построенный знаменитым итальянским архитектором Растрелли. Эта жемчужина особняка, расположенного в парке вековых лип, принадлежала ему. Северский приезжал

Murentsevo for a short time, accompanied by his large family and servants. In June of each year his harbinger, old Karp, appeared, who served as steward. He had the 75 rooms in the manor house ventilated and everything prepared for the imminent arrival of his master. Until his departure, which in any case took place no later than August, Sewerski was mainly concerned with completing a collection of rare butterflies. It cost him a fortune, considering that he even had agencies in distant countries that sent him exotic specimens. If he couldn't be of any use to anyone with his hobby horse, he certainly didn't bring anyone any harm either. Severski was a landowner who aroused neither sympathy nor hatred among the workers. I will report on the bad elements of his class below.

Original Page 18

Wasska

Day after day I sat in the middle of a large group of children who crawled out of the lice-filled and bug-infested isbas (farmers' huts) and then retreated back there. The straw-covered, mossy roofs of these isbas reached almost to the ground, and the windows, composed of small panes, were unmistakable witnesses of a real fear of light and fresh air. In some places, people and animals (including cows and pigs) lived in the same room in the isbas for warmth. Hygiene was at a low level. Here I first came into direct contact with the bitter poverty of the Russian people. My suit and linen were simple but clean and made of good fabric. In contrast, most of my comrades

Lindenbäume, gehörte ihm. Sewerski kam nur für kurze Zeit nach Murenzewo, begleitet von seiner Familie und der großen Dienerschaft. Jeweils im Juni jedes Jahres erschien sein Vorbote, der alte Karp, der das Amt eines Haushofmeisters versah. Er ließ die 75 Zimmer im Herrenhaus lüften und überhaupt alles für die baldige Ankunft seines Gebieters vorbereiten. Bis zur Wiederabreise, die jedenfalls nicht später als im August erfolgte, befaßte sich Sewerski hauptsächlich mit der Vervollständigung einer Sammlung seltener Schmetterlinge. Sie kostete ihm ein ganzes Vermögen, wenn man bedenkt, daß er sogar in fernen Ländern Agenturen unterhielt, die ihm exotische Exemplare zusandten. Wenn er mit seinem Steckenpferd keinem Menschen nützlich sein konnte, so brachte er jedenfalls auch niemandem einen Schaden. Sewerski war ein Gutsbesitzer, der bei der Arbeiterschaft weder Sympathie noch Haßgefühle weckte. Von den schlechten Elementen seines Standes werde ich im Folgenden noch berichten. - 17

Wasska

Ich saß nun Tag für Tag inmitten einer großen Schar von Kindern, die aus den verlausten und verwanzten Isbas (Bauernhütten) hervorkrochen und sich dann wieder dorthin zurückzogen. Die strohbedeckten, bemoosten Dächer dieser Isbas reichten fast bis zum Boden, und die aus kleinen Scheiben zusammengesetzten Fenster waren unmissverständliche Zeugen wahrer Scheu vor Licht und frischer Luft. Mancherorts lebten in den Isbas der Wärme wegen Menschen und Tiere (einschließlich Kühe und Schweine) im gleichen Raum. Die Hygiene stand auf einem tiefen Niveau. Hier kam ich mit der bitteren Armut des russischen Volkes erstmals in direkte Berührung. Mein Anzug und meine Wäsche waren einfach, aber sauber und aus gutem Stoff geschnitten. Im Gegensatz dazu liefen meine

в Муренцево лишь на короткое время в сопровождении своей семьи и большой челяди. В июне каждого года появлялся его предвестник, старый Карп, служивший управляющим. Он проветрил 75 комнат усадебного дома и подготовил все к скорому приезду своего хозяина. До своего отъезда, который в любом случае состоялся не позднее августа, Северский был занят главным образом пополнением коллекции редких бабочек. Это стоило ему целое состояние, учитывая, что у него даже были агентства в далеких странах, которые присыпали ему экзотические экземпляры. Если со своей лошадкой он никому не мог быть полезен, то и вреда он уж точно никому не принес. Северский был помещиком, не вызывавшим ни сочувствия, ни ненависти среди рабочих. О плохих элементах его класса я сообщу ниже. - 17

Васска

День за днем я сидел посреди большой группы детей, которые выползали из кишащих вшами и клопами изб (фермерских хижин), а затем возвращались туда. Покрытые соломой, мшистые крыши этих изб доходили почти до земли, а окна, составленные из маленьких окон, были безошибочными свидетелями настоящей боязни света и свежего воздуха. В некоторых местах люди и животные (в том числе коровы и свиньи) для тепла жили в одном помещении в избе. Гигиена была на низком уровне. Здесь я впервые непосредственно соприкоснулся с горькой нищетой русского народа. Мой костюм и белье были простыми, но чистыми и сшитыми из хорошей

walked around in rags. They didn't have any shirts or socks at all. Their feet were in basket shoes.

At first they looked at me like a creature from another world. I tried my best to bridge the social gap through open-mindedness and camaraderie. This was the right way, because snobbery would never have caught on among Russian schoolchildren.

I wasn't used to sitting still for long periods of time. At times it was so quiet in the schoolroom that I could hear my new shoes creaking unpleasantly when they came together. Then the teacher would always cast a punishing look over her glasses in my direction and say: "Are you making such a noise, Volodya?"

It wasn't difficult to identify the perpetrator. I was the only one wearing leather shoes.

I nodded silently and spread my legs so as not to worry the teacher again with the creaking.

At my side sat Vaska, the son of a poor and drunken shoemaker named Piotr Maslenikov. His father mainly made bast shoes, but also knew how to use an awl and pitch wire. My high boots came from his workshop.

Wasska was a small, sturdy boy about my age, with prominent ears and reddish hair. His bold and intelligent face was full of freckles. But there was

Kameraden größtenteils in Lumpen herum. Hemden und Strümpfe besaßen sie überhaupt nicht. Ihre Füße steckten in Bastschuhen.

Zuerst betrachteten sie mich wie ein Wesen aus einer anderen Welt. Ich gab mir alle Mühe, die soziale Kluft durch Aufgeschlossenheit und Kameradschaft zu überbrücken. Das war der richtige Weg, denn Snobismus hätte bei der russischen Schuljugend niemals verfangen.

Ich war an das lange Stillsitzen nicht gewohnt. Im Schulzimmer war es zeitweilig so mäuschenstill, daß ich meine neuen Schuhe unangenehm knarren hörte, wenn sie aneinander gerieten. Dann warf die Lehrerin jedesmal einen strafenden Blick über die Brille hinweg nach meiner Richtung und sagte: «Machst du solchen Lärm, Wolodja?»

Es war unschwer, den Uebeltäter zu ermitteln. Ich war die einzige, welcher Schuhwerk aus Leder trug.

Ich nickte stumm und spreizte meine Beine, um die Lehrerin nicht erneut mit dem Knarren zu beunruhigen.

An meiner Seite saß Wasska, der Sohn eines bettelarmen und trunksüchtigen Schusters, namens Piotr Maslenikow. Sein Vater fertigte hauptsächlich Bastschuhe, wubte jedoch auch mit Ahle und Pechdraht gut umzugehen. Meine hohen Stiefel stammten aus seiner Werkstatt.

Wasska war ein kleiner, vierjähriger Junge ungefähr meines Alters, mit weit abstehenden Ohren und rötlichen Haaren. Sein keckes und intelligentes Gesicht war voller Sommersprossen. In diesem Knabengesicht lag jedoch noch - 18

ткани. Напротив, большинство моих товарищей ходили в лохмотьях. У них вообще не было ни рубашек, ни носков. Ноги ее были в лаптях.

Сначала на меня посмотрели как на существо из другого мира. Я изо всех сил старался преодолеть социальный разрыв посредством открытости и духа товарищества. Это был правильный путь, потому что снобизм никогда бы не прижился среди русских школьников.

Я не привык долго сидеть на месте. Временами в классе было так тихо, что я слышал, как мои новые туфли неприятно скрипели, когда они сближались. Тогда учительница всегда бросала в мою сторону поверх очков карающий взгляд и говорила: «Ты что, Володя, так шумишь?»

Опознать преступника не составило труда. Я был единственным, кто носил кожаную обувь.

Я молча кивнул и раздвинул ноги, чтобы лишний раз не беспокоить учительницу скрипом.

Рядом со мной сидел Васька, сын бедного и пьяного сапожника Петра Масленикова. Отец его в основном мастерил лапти, но умел пользоваться и шилом, и смоляной проволокой. Мои высокие сапоги пришли из его мастерской.

Васска был маленьким, квадратным мальчиком примерно моего возраста, с торчащими ушами и рыжеватыми волосами. Его смелое и умное лицо было полно веснушек. Но было в лице - 18

Original Page 19

something else in that boy's face: a streak of contempt that, depending on the circumstances, could escalate to scorn.

When we looked into each other's eyes for the first time, I had no idea that Wasska would play a major role in shaping the near future of my life.

Wasska's past was anything but a clean figurehead. The shoemaker's son, who was only seven or at most eight years old, had found time to thoroughly examine the social order. Before I met him, his boyish pranks were said to have been legion. His father, a bald, puffy man with a pale moon face and a red drinker's nose, beat him after every misdeed that came to his attention. This only made Wasska more stubborn. What do you know, maybe patience and love would have achieved more with him. In any case, it should never be forgotten that there is a spark of insight and conscience lying dormant in every child, which can certainly be ignited with kind encouragement rather than with brutal corporal punishment. Wasska rebelled against his father's despotism. He accused his father of grievous bodily harm. To reinforce his accusations, he spat out blood and hissed: "You'll have to pay heavily for this! Just wait until I grow up!" It sounded like the dangerous hiss of a snake. Not everything Wasska claimed was true: the boy had the extraordinary ability to suck blood from his gums...

etwas anderes: Ein Zug von Geringschätzung, der sich je nach den Umständen bis zum Hohn steigern konnte.

Als wir uns zum erstenmal in die Augen schauten, ahnte ich nicht, daß Wasska zur Gestaltung der nahen Zukunft meines Lebens weitgehend mitbestimmend werden würde.

Wasskas Vergangenheit bildete alles andere als ein sauberes Aushängeschild. Der erst sieben- oder höchstens achtjährige Schusterssohn hatte Zeit gefunden, sich mit der Gesellschaftsordnung gründlich zu Überwerfen. Bevor ich ihn kennen lernte, sollen seine Bubenstreiche bereits Legion gewesen sein. Der Vater, ein kahler, aufgedunsener Mann mit bleichem Mondgesicht und roter Trinkernase, verprügelte ihn nach jeder Missetat, die ihm zu Ohren kam. Wasska wurde dadurch nur verstockter. Was weiß man, vielleicht hätte bei ihm Geduld und Liebe mehr erreicht. Jedenfalls darf nie vergessen werden, daß in jedem Kind ein Funken Einsicht und Gewissen schlummert, der mit gütigem Zuspruch bestimmt eher entfacht werden kann als mit brutaler körperlicher Züchtigung. Wasska bäumte sich gegen den väterlichen Despotismus auf. Er bezichtigte seinen Vater der schweren Körperverletzung. Zur Bekräftigung seiner Anklagen spuckte er Blut aus und zischte: «Das wirst du einmal schwer büßen müssen! Warte nur, bis ich erwachsen bin!» Es klang wie das gefährliche Zischen einer Schlange. Nicht alles entsprach der Wahrheit, was Wasska behauptete: Der Junge besaß die außerordentliche Fähigkeit, aus seinem Zahnfleisch Blut zu saugen ...

этого мальчика еще кое-что: полоса презрения, которая, в зависимости от обстоятельств, могла перерости в насмешку.

Когда мы впервые посмотрели друг другу в глаза, я понятия не имел, что Васска сыграет главную роль в формировании ближайшего будущего моей жизни.

Прошлое Васски было совсем не чисто номинальным. Сын сапожника, которому было всего семь, максимум восемь лет, нашел время тщательно изучить общественный строй. Говорили, что до того, как я встретил его, о его мальчишеских шалостях было множество. Отец, лысый, одутловатый человек с бледным лунообразным лицом и красным носом пьяницы, избивал его после каждого проступка, попадавшего ему на глаза. Это только сделало Васску еще более упрямым. Знаете, может быть, терпением и любовью с ним удалось бы добиться большего. В любом случае никогда не следует забывать, что в каждом ребенке дремлет искра проницательности и совести, которую, безусловно, можно разжечь добрым поощрением, а не жестокими телесными наказаниями. Васска восстал против деспотизма своего отца. Он обвинил отца в нанесении тяжких телесных повреждений. Чтобы подкрепить свои обвинения, он сплюнул кровь и прошипел: «Тебе придется за это дорого заплатить! Просто подожди, пока я вырасту!» Это было похоже на опасное шипение змеи. Не все, что утверждал Васска, было правдой: мальчик обладал необыкновенной способностью сосать кровь из десен...

Vandalism

Once, when I was alone, i.e. When I went home from school without Nilka, I was called "Nemetz" and slapped in the face by a second-year friend because of trivial differences of opinion. The lout was called Kvas. He was big and strong, but stupid and cowardly. He failed completely at school, which he tried to compensate for by mistreating his classmates who were physically weaker than him.

"I'm not Nemetz, I'm Swiss! You have no right to hit me!" I shouted indignantly, but found myself unable to repay Kvas in kind.

Then Wasska stood resolutely in front of Kvas. It was well known that he could hit hard.

Original Page 20

Wasska was feared because of the weapons he used indiscriminately.

"Does your Grace," said the dwarf, rolling his eyes at the giant, "wish to be kicked in the ass again?"

Kvas froze. The sudden presence of this daredevil took his breath away, and for a few seconds he seemed unable to believe his eyes. Then he turned around as quickly as lightning and ran off across the country.

Wasska looked after him with a mocking smile. "That's what mother's boys are like!" he exulted. "They act like rabbits who seek salvation in flight."

Lose Bubenstreiche

Einmal, als ich allein, d. h. ohne Nilka, aus der Schule nach Hause ging, wurde ich von einem Kameraden des zweiten Schuljahres wegen unbedeutenden Meinungsverschiedenheiten «Nemetz» genannt und geohrfeigt. Kwas hieß der Lümmel. Er war groß und stark, aber dumm und feige. In der Schule versagte er vollkommen, was er mit der Mißhandlung seiner Mitschüler, die körperlich schwächer waren als er, zu kompensieren versuchte.

«Ich bin kein Nemetz, sondern Schweizer! Du hast kein Recht, mich zu schlagen!» schrie ich empört, sah mich aber außerstande, Kwas mit gleicher Münze zu vergelten.

Da stellte sich Wasska entschlossen vor Kwas. Es war allgemein bekannt, daß er hart zuschlagen konnte. Gefürchtet - 19

war Wasska wegen den Kampfmitteln, die er wahllos in Anspruch nahm.

«Wünschen euer Gnaden», sprach der Zwerg mit rollenden Augen zum Riesen, «wieder einmal in den Hintern getreten zu werden?»

Kwas erstarrte. Das plötzliche Dazwischenentreten dieses Draufgängers raubte ihm den Atem, und ein paar Sekunden lang schien er seinen Augen nicht zu trauen. Dann machte er blitzschnell kehrt und raunte querfeldein davon.

Wasska schaute ihm mit spöttischem Lächeln nach. «So sind die Muttersöhnchen!» frohlockte er. «Sie handeln wie die Hasen, die ihr Heil in der Flucht suchen.»

Вандализм

Однажды, когда я был один, т.е. ЧАС. Когда я пришел домой из школы без Нильки, меня обозвал «Немцем» и дал пощечину приятелю-второкурснику из-за банальных разногласий. Хама звали Квасом. Он был большим и сильным, но глупым и трусливым. Он полностью провалился в школе, что пытался компенсировать плохим обращением со своими одноклассниками, которые были физически слабее его.

«Я не Немец, я швейцарец! Ты не имеешь права меня бить!» - закричала я возмущенно, но обнаружила, что не в силах отплатить квасом тем же.

Тогда Васска решительно встала перед Квасом. Было хорошо известно, что он может сильно ударить. - 19

Васску боялись из-за оружия, которое он использовал без разбора.

«Ваша Светлость», сказал гном, закатив глаза на гиганта, «хотите, чтобы ему еще раз надрали задницу?»

Квас застыл. От внезапного присутствия этого смельчака у него перехватило дыхание, и несколько секунд он, казалось, не мог поверить своим глазам. Затем он развернулся со скоростью молнии и побежал через всю страну.

Васска посмотрел ему вслед с насмешливой улыбкой. «Вот какие бывают мамины мальчики!» он ликовал. «Они ведут себя как кролики, которые ищут спасения в бегстве».

We continued our way home without a word. From that day on, Wasska and I remained in unbreakable friendship.

On my name day, July 15th, Wasska paid me his respects. To celebrate the day he wore a dark, tattered coat that probably came from his father's shoulders. It just hung on him. The sleeves were rolled back a hand's width.

I didn't dare lead my guest into the apartment. My mother had ineradicable prejudices against the muzhiks (nickname for farmers). She wouldn't have tolerated Wasska near her. We made do with Nilka's chamber.

Wasska offered me cigarettes. He was passionate about smoking, knowledgeable and inhaling. I tried to do the same but found myself coughing horribly.

Wasska looked at me with disdain. "Now all we need is something to drink," he growled, awkwardly pulling half a bottle of vodka out of his coat pocket. He put it to his lips and drank with long, greedy gulps. This was my turn. The highly concentrated alcohol burned my throat like fire. I heroically suppressed the urge to cough. Then, after a rush, I also drank in long, apparently enjoyable gulps, without any difficulty. I suddenly felt light and comfortable...

Wasska looked at me with awakening respect. "We will be friends," he said in a deep serious voice. "Always! Forever!" "Friends for ever!" I swore.

Wortlos setzten wir den Heimweg fort. Von diesem Tage an waren Wasska und ich in unverbrüchlicher Freundschaft verbunden.

An meinem Namenstag, dem 15. Juli, machte mir Wasska seine Aufwartung. Zur Feier des Tages trug er einen dunklen, zerschlissenen Kittel, der vermutlich von den Schultern seines Erzeugers kam. Er hing an ihm nur so herunter. Die Aermel waren handbreit zurückgekrepelt.

Ich wagte es nicht, den Gast in die Wohnung zu führen. Meine Mutter hatte gegen die Muschiks (Spitzname für Bauern) unausrottbare Vorurteile. Sie würde Wasska in ihrer Nähe nicht geduldet haben. Wir nahmen von Nilkas Kammer vorlieb.

Wasska bot mir Zigaretten an. Er rauchte leidenschaftlich gerne, sachkundig und inhalierend. Ich versuchte das gleiche zu tun, mußte aber entsetzlich husten.

Wasska musterte mich mit Geringschätzung. «Jetzt fehlt uns nur noch was zu trinken», knurrte er und holte umständlich eine halbe Flasche Wodka aus der Tasche seines Kittels. Er setzte sie an die Lippen und trank mit langen, gierigen Zügen. Hierauf kam ich an die Reihe. Der stark konzentrierte Alkohol brannte mir wie Feuer in der Kehle. Ich unterdrückte heroisch den Hustenreiz. Dann, nach einem Anlauf, trank ich gleichfalls in langen, scheinbar genießerischen Zügen, ohne Schwierigkeiten. Mir war auf einmal leicht und wohl zumute...

Wasska betrachtete mich mit erwachender Achtung. «Wir werden Freunde sein», sagte er mit tiefernster Stimme. «Immer! Ewig!» «Freunde für immer!» schwor ich. - 20

Мы продолжили путь домой, не сказав ни слова. С этого дня мы с Васской остались в нерушимой дружбе.

В мои именины, 15 июля, Васска выразил мне свое почтение. Чтобы отпраздновать этот день, он надел темное рваное пальто, вероятно, сошедшее с плеч его отца. Это просто висело на нем. Рукава были закатаны на ширину ладони.

Я не решился провести гостя в квартиру. У моей матери были неистребимые предубеждения против мужиков (прозвище крестьян). Она бы не допустила, чтобы Васска находилась рядом с ней. Мы обошлись комнатой Нильки.

Васска предложил мне сигареты. Он был страстным любителем курения, знающим и вдыхающим. Я попыталась сделать то же самое, но обнаружила, что ужасно кашляю.

Васска посмотрела на меня с презрением. «Теперь нам нужно только что-нибудь выпить», прорычал он, неловко вытаскивая из кармана пальто полбутылки водки. Он поднес его к губам и стал пить длинными жадными глотками. Это была моя очередь. Высококонцентрированный алкоголь обжег мне горло огнем. Я героически подавил желание кашлять. Затем, после спешки, я тоже пила длинными, видимо приятными глотками, без каких-либо затруднений. Мне вдруг стало легко и уютно...

Васска посмотрел на меня с пробуждающимся уважением. «Мы будем друзьями», — сказал он глубоким серьезным голосом. «Всегда! Навсегда!» «Друзья навсегда!» Я поклялся. - 20

Original Page 21

When Nilka came into the room an hour later, he found us loudly drunk. He gave Wasska a few hard slaps in the face, so that he turned on his own axis and ran away.

I turned white as a sheet and felt ashamed in front of Nilka, who looked at me for a long time with a punishing look. I had the hiccups.

“So that’s how it stands!” my friend began. “Early, much too early, you start the game with the vodka. Completely different, more important people than you have lost their lives doing this. And what will the mother say if she finds out about your activities with Wasska behind her back?”

Nilka laid me down on his bed where I immediately fell into a deep sleep.

The mother had not found out about our drinking session. However, other, much worse pranks followed.

Severski had received a rare specimen of a tiny ibex from the Caucasus as a gift. The funny little animal was called Petka. She played with the black, big-horned bull every day. The unlikely couple shared a close friendship. The ibex and the bull liked to play with each other because they had the same way of attacking, namely attacking each other with their foreheads and horns. One knew immediately what the other wanted when he approached him with his head bowed.

This friendship between harmless animals was a thorn in our side. It appealed to us somehow.

Als Nilka eine Stunde später in die Kammer kam, fand er uns lärmend betrunken. Er verabreichte Wasska ein paar saftige Ohrfeigen, so daß sich dieser um die eigene Achse drehte und davon rannte.

Ich wurde kreidebleich und schämte mich vor Nilka, der mich lange mit strafendem Blick betrachtete. Ich hatte Schluckauf.

«So steht es also!» begann mein Freund. «Früh, viel zu früh beginnst du das Spiel mit dem Wodka. Es haben schon ganz andere, gewichtigere Leute als du ihr Leben dabei verspielt. Und was wird die Mutter sagen, wenn sie von deinem Treiben mit Wasska hinter ihrem Rücken Kenntnis bekommt?»

Nilka legte mich auf seine Schlafstelle, wo ich sofort in tiefen Schlaf versank.

Von unserem Trinkgelage hatte die Mutter nichts erfahren. Es folgten jedoch andere, viel schlimmere Streiche.

Sewerski hatte ein seltenes Exemplar von einem winzigen Steinbock aus dem Kaukasus als Geschenk erhalten. Das drollige Tierchen hieß Petka. Es spielte jeden Tag mit dem schwarzen, großhornigen Bullen. Das ungleiche Paar war in inniger Freundschaft verbunden. Steinböcklein und Bulle spielten deshalb gerne miteinander, weil sie dieselbe Angriffsart hatten, nämlich die, mit der Stirne und Hörnern gegenseitig loszugehen. Der eine wußte sofort, was der andere wollte, wenn er mit gesenktem Kopf auf ihn zukam.

Diese Freundschaft zwischen harmlosen Tieren war uns ein Dorn im Auge. Sie reizte uns irgendwie.

Когда через час Нилка вошел в комнату, он застал нас сильно пьяными. Он дал Васске несколько сильных пощечин, так что тот развернулся вокруг своей оси и убежал.

Я побелел как полотно и мне стало стыдно перед Нилкой, которая долго смотрела на меня карающим взглядом. У меня была икота.

«Так вот как оно стоит!» начал мой друг. «Рано, слишком рано, с водкой начинаешь играть. Совершенно другие, более важные люди, чем вы, погибли из-за этого. А что скажет мама, если узнает о твоих с Васской занятиях за ее спиной?»

Нилька уложил меня на свою кровать, и я тут же уснул глубоким сном.

Мать не узнала о нашей попойке. Однако последовали другие, гораздо худшие шалости.

Северский получил в подарок редкий экземпляр крошечного горного козла с Кавказа. Забавного зверька звали Петька. Она каждый день играла с черным быком с большими рогами. Невероятную пару связывала близкая дружба. Козерог и бык любили играть друг с другом, потому что у них был одинаковый способ нападения, а именно атаковать друг друга лбами и рогами. Один сразу понял, чего хочет другой, когда подошел к нему, склонив голову.

Эта дружба между безобидными животными была занозой на нашем глазу. Она как-то обратилась к нам.

"The ibex has to go," said Wasska one day when he visited me again.

"That's a tough one; It can cost a lot of money," I countered.

"What do you call a lot of money? And who should it cost? But certainly Severski, this distinguished person with all the money. It doesn't matter if he loses some of it. So get rid of the beast. Prove to me that you are brave and fearless!" Wasska insisted, as if he wanted to overcome my weakness with his irrepressible willpower. "Or are you a mama's boy too?" he whispered in my ear.

That was completely enough. The ibex disappeared overnight. We threw him into the nearby pond, where it was deepest. Beforehand, we weighed down the poor victim

Original Page 22
with bricks. Strangely enough, she was led away from the stable without any resistance.

The next day, early in the morning, a big search for the buck began on the estate. The landowner had come in person to feed his favorite animal, but he couldn't find it anywhere.

I pretended I didn't know anything and casually strolled out to the pond where the goldfish were swimming around pointlessly. Wasska refrained from visiting me for the next few days. He had good reasons for it.

«Der Steinbock muß weg», sagte Wasska eines Tages, als er mich wieder besuchte.

«Das ist ein harter Brocken; er kann viel Geld kosten», hielt ich entgegen.

«Was nennst du viel Geld? Und wen soll es kosten? Doch wohl Sewerski, diese vornehme Exzellenz mit dem vielen Geld. Macht nichts, wenn er etwas davon verliert. Also weg mit dem Biest. Beweise mir, daß du mutig und unerschrocken bist!» beharrte Wasska, als wollte er mit seiner unbändigen Willenskraft meine Schwäche überwinden. «Oder bist du etwa auch so ein Muttersöhnchen?» flüsterte er mir ins Ohr.

Das genügte vollkommen. Der Steinbock verschwand über Nacht. Wir warfen ihn in den nahen Weiher, dort, wo es am tiefsten war. Vorher beschwerten wir das arme Opfer - 21

mit Ziegelsteinen. Seltsamerweise ließ es sich aus dem Stall widerstandslos abführen.

Anderntags in aller Morgenfrühe begann auf dem Gutshof ein großes Suchen nach dem Bock. Der Gutsherr war höchst persönlich erschienen, um sein Lieblingstier zu füttern, fand es jedoch nirgends.

Ich tat so, als ob ich von nichts wüßte, schlenderte beiläufig zum Weiher hinaus, wo die Goldfische sinnlos herumschwammen. Wasska sah während den nächsten Tagen von einem Besuch bei mir ab. Er hatte seine guten Gründe dazu.

«Козерог должен уйти», — сказал Васска однажды, когда снова навестил меня.

«Это сложный вопрос; «Это может стоить больших денег», — возразил я.

«Что вы называете большими деньгами? И кому это должно стоить? Но уж точно Северский, этот выдающийся человек со всеми деньгами. Неважно, потеряет ли он что-то из этого. Так что избавьтесь от зверя. Докажи мне, что ты смелый и бесстрашный!» Васска настаивал, словно хотел побороть мою слабость своей неуемной силой воли. — Или ты тоже маменькин сынок? — прошептал он мне на ухо.

Этого было вполне достаточно. Козерог исчез ночью. Мы бросили его в ближайший пруд, где он был самым глубоким. Предварительно мы отягощали бедную жертву - 21

кирпичами. Как ни странно, ее увели из конюшни без всякого сопротивления.

На следующий день рано утром в поместье начались большие поиски доллара. Помещик лично пришел покормить свое любимое животное, но нигде не нашел его.

Я сделал вид, что ничего не знаю, и небрежно пошел к пруду, где бессмысленно плавали золотые рыбки. Васска воздерживался от посещения меня в течение следующих нескольких дней. Для этого у него были веские причины.

After ten days the buck emerged and floated on the surface of the murky water like a balloon, his belly swollen.

This crime also remained unpunished, at least for the time being. Other, less significant ones followed. We gutted bird nests, slit the bellies of the little birds that hadn't fledged yet, and threw them away. Meanwhile, the delicious strawberries were ripening in the estate garden. We didn't fail to feast on them. Nothing remained safe from us; If necessary, we broke into locked rooms by lifting the locks.

The warm season passed by with this activity, which we really enjoyed. Summer was followed by autumn, which gave way to winter, and so on until the period in which the earth completed its orbit around the sun had expired.

We had school holidays. I lay in the fragrant grass and watched the larks as they trilled and whirled soaring high into the air, only to suddenly drop back to the earth like a stone. The empty horizon, the hazy merging of sky and steppe have a calming effect on people's nerves. Anyone standing on the coast and looking out at the vast sea may get the same feeling of peace and serenity.

Wasska, my school friend, was lying next to me. After dozing for a while, we decided to once again indulge our madness of destruction. «Schtutschku skrutit» (German: turn a thing), we called it.

Nach zehn Tagen tauchte der Bock auf und trieb mit aufgedunsem Bauch, wie ein Ballon, auf der Oberfläche des trüben Wassers.

Auch diese Untat blieb ungesühnt, vorderhand wenigstens. Es folgten ihr weitere, unbedeutendere. Wir nahmen Vogelnester aus, schlitzten den kleinen Vögeln, die noch nicht flügge waren, den Bauch auf und warfen sie weg. Mittlerweile reiften die köstlichen Erdbeeren im Garten des Gutshofes. Wir verfehlten nicht, uns an ihnen gütlich zu tun. Nichts blieb vor uns sicher; wenn es sein mußte, brachen wir in abgeschlossene Räume ein, indem wir die Schloßer aufwuchteten.

Bei dieser Beschäftigung, die uns großen Spaß machte, verging die warme Jahreszeit. Dem Sommer folgte der Herbst, dieser machte dem Winter Platz, und so fort, bis die Zeitspanne, in welcher die Erde ihren Lauf um die Sonne vollendet, abgelaufen war.

Wir hatten Schulferien. Ich lag im duftenden Grase und schaute den Lerchen zu, wie sie trillernd und wirbelnd hoch in die Lüfte stiegen, um sich dann plötzlich, wie ein Stein, wieder auf die Erde fallen zu lassen. Der leere Horizont, das dunstige ineinanderfließen von Himmel und Steppe wirken beruhigend auf die Nerven der Menschen. Wer an der Küste steht und auf das weite Meer hinaus schaut, mag das gleiche Gefühl der Ruhe und Gelassenheit bekommen.

Neben mir lag Wasska, mein Schulfreund. Nachdem wir eine Zeitlang vor uns hingestört hatten, beschlossen wir, wieder einmal unserem Wahn der Vernichtung zu fröhnen. «Schtutschku skrutit» (deutsch: Ein Ding drehen), sagten wir dem.

Через десять дней олень вынырнул и плавал на поверхности мутной воды, как воздушный шар, с раздутым животом.

Это преступление также осталось безнаказанным, по крайней мере до поры до времени. Затем последовали другие, менее значительные. Мы выпотрошили птичьи гнезда, разрезали брюшки еще не оперившимся птичкам и выбросили их. Тем временем в саду усадьбы созревала вкуснейшая клубника. Мы не преминули ими полакомиться. От нас ничто не оставалось в безопасности; При необходимости мы взламывали запертые помещения, снимая замки.

Теплое время года прошло с этим занятием, которое нам очень понравилось. За летом следовала осень, сменявшаяся зимой, и так до тех пор, пока не истечет период, в течение которого Земля совершила свой оборот вокруг Солнца.

У нас были школьные каникулы. Я лежал в ароматной траве и смотрел, как жаворонки трели и кружились, взлетая высоко в воздух, только для того, чтобы внезапно камнем упасть обратно на землю. Пустой горизонт, туманное слияние неба и степи успокаивающие действуют на нервы людей. Тот, кто стоит на берегу и смотрит на бескрайнее море, может испытать такое же чувство покоя и безмятежности.

Рядом со мной лежала Васска, моя школьная подруга. Немного подремав, мы решили еще раз предаться нашему безумию разрушения. «Schtutschku skrutit» (по-немецки: «поворни что-нибудь»), сказали мы ему.

I still shudder today when I look back and think of the great danger in which all of us,

Original Page 23

the residents of the estate, were because of our devilish ideas. At times our behavior in criminal matters bordered on criminality. This can happen to young people who have a bit of wild blood in their veins and who grow up without any control. My father was no longer alive, and the ailing mother simply didn't have the strength to strictly raise her son, who was completely off track. It's unbelievable what thoughts can come into the turbulent head of such a rascal. For some reason I seemed to be constantly trying to throw away my young life without really wanting to. I felt absolutely no inhibitions about doing what Wasska asked of me. But I don't want to put all the blame on my friend. He wasn't always the perpetrator of loose pranks. For example, I alone had come up with the plan for the next crime we committed together.

My mother had raised a very beautiful cat. Her fur was black as night, her eyes shone gold. If you stroked the well-groomed animal with your hand, it purred comfortably.

One day we crushed the cat in a sack and threw it, along with many stones, into the deep sod well that was in the cool birch grove next to the dairy. As we looked into the gurgling water, someone whistled short and sharp behind us. We ran away. I glanced over my shoulder. Fritz Haueter stood at his full height on the doorstep of

Mich schauderts heute noch, wenn ich zurückblickend an die hohe Gefahr denke, in der wir alle, die Bewohner des - 22

Gutshofes, durch unsere teuflischen Einfälle schwebten. Zeitweilig grenzte unser Verhalten in strafrechtlicher Beziehung an Kriminalität. Soweit kann es mit Jugendlichen kommen, die einen Schuß wildes Blut in den Adern haben und ohne Kontrolle heranwachsen. Mein Vater war längst nicht mehr am Leben, und der kränkelnden Mutter fehlten einfach die Kräfte zur strengen Erziehung ihres völlig aus dem Geleise geworfenen Sohnes. Es ist unfaßbar, welche Gedanken in den turbulenten Kopf eines solchen Lausejungen kommen können. Aus irgendeinem Grunde schien ich dauernd zu versuchen, mein junges Leben hinzuhauen, ohne es wirklich zu wollen. Ich verspürte absolut gar keine Hemmungen, das zu tun, was Wasska von mir verlangte. Aber ich will meinem Freund nicht alle Schuld in die Schuhe schieben. Er war nicht immer der Urheber loser Streiche. So hatte ich beispielsweise den Plan für die nächste Untat, die wir gemeinsam verübten, ganz allein entworfen.

Meine Mutter hatte eine sehr schöne Katze aufgezogen. Ihr Fell war schwarz wie die Nacht, die Augen leuchteten golden. Wenn man das gepflegte Tier mit der Hand streichelte, schnurrte es behaglich.

Eines Tages zertreten wir die Katze in einem Sack und warfen sie, zusammen mit vielen Steinen, in den tiefen Sodbrunnen, der sich im kühlen Birkenwäldchen neben der Molkerei befand. Als wir in das gurgelnde Wasser schauten, pfiff jemand kurz und scharf in unserem Rücken. Wir rannten davon. Ich warf einen flüchtigen Blick über die Schulter. Auf der Türschwelle der Molkerei

Я до сих пор содрогаюсь, когда оглядываюсь назад и думаю о той великой опасности, в которой все мы, жители - 22

поместья, оказались из-за наших дьявольских идей. Порой наше поведение в уголовных делах граничило с преступностью. Это может случиться с молодыми людьми, в жилах которых течет дикая кровь и которые растут без всякого контроля. Моего отца уже не было в живых, а у больной матери просто не было сил воспитывать, строго говоря, совершенно не в себе сына. Невероятно, какие мысли могут прийти в беспокойную голову такого негодяя. По какой-то причине мне казалось, что я постоянно пытаюсь выбросить свою молодую жизнь, хотя на самом деле мне этого не хочется. Я не чувствовал абсолютно никаких препятствий по поводу выполнения того, о чем меня просил Васска. Но я не хочу возлагать всю вину на своего друга. Он не всегда был виновником шалостей. Например, я один придумал план следующего преступления, которое мы совершим вместе.

Моя мама вырастила очень красивого кота. Ее мех был черным как ночь, глаза сияли золотом. Если погладить ухоженное животное рукой, оно уютно замурчит.

Однажды мы завалили кота в мешок и бросили его вместе с множеством камней в глубокий колодец, который находился в прохладной бересковой роще рядом с молочной фермой. Когда мы посмотрели на журчащую воду, кто-то позади нас коротко и резко свистнул. Мы убежали. Я оглянулся через плечо. Фриц Хаутер

the dairy, wearing a white apron. He raised the index finger of his right hand threateningly. Did he observe what we were doing? In this case, the mother would definitely receive news of the attack on her favorite cat. We ran on panting, climbed over a high fence, turned onto a dirt road, climbed over a second fence, stopped and took a breather. Only in the shade of a huge oak tree did we finally stop. Here we huddled together and listened. It was quiet.

That day I had the distinct feeling that I was being received negatively at my parents' home. But nothing happened. So things worked out; Haueter couldn't have seen anything significant. I rubbed my hands in joy. But the big end of the matter was yet to come.

Original Page 24

The sodwell in which the cat lay provided water for our household. It was pure drinking water. After some time the mother discovered that her cat was missing. But she noticed something else: the morning tea had a bad smell and taste. What was the reason for this? Haueter, who was sitting next to me at the breakfast table, watched me intently. Or did it just seem that way to me? Was he suspicious? I lowered my gaze to the floor, blushing.

The sod well was pumped out and the carcass was removed from it. We narrowly escaped death by poisoning.

The next day my mother called me into the master's room. When I walked in there I winced. Haueter was sitting in a leather chair across from my mother and had apparently told her something. It could be

stand in seiner vollen Größe, mit einer weißen Schürze angetan, Fritz Haueter. Er hob drohend den Zeigefinger seiner Rechten. Ob er wohl unser Tun beobachtet hatte? In diesem Falle würde die Mutter vom Anschlag auf ihre Lieblingskatze bestimmt Kunde erhalten. Wir rannten keuchend weiter, kletterten über einen hohen Zaun, bog in einen Feldweg ein, kletterten über einen zweiten Zaun, hielten an und verschauften eine Weile. Erst im Schatten einer riesigen Eiche blieben wir endgültig stehen. Hier kauerten wir uns zusammen und lauschten. Es war still.

An diesem Tag hatte ich das bestimmte Gefühl, im Elternhaus unfreundlich empfangen zu werden. Doch nichts geschah. Also klappte die Sache; Haueter konnte nichts Wesentliches gesehen haben. Ich rieb mir vor Freude die Hände. Doch das dicke Ende der Sache kam noch. - 23

Der Sodbrunnen, in dem die Katze lag, lieferte das Wasser für unseren Haushalt. Es war reines Trinkwasser. Nach geraumer Zeit stellte die Mutter fest, daß ihre Katze fehlte. Sie stellte aber noch etwas anderes fest: Der Morgentee wies einen üblen Geruch und Geschmack auf. Welches war der Grund dazu? Haueter, der am Frühstückstisch neben mir saß, beobachtete mich unverwandt. Oder schien es mir bloß so? Schöpfte er Verdacht? Ich senkte errötend den Blick zu Boden.

Der Sodbrunnen wurde ausgepumpt, der Kadaver daraus entfernt. Wir entgingen knapp dem Vergiftungstode.

Tags darauf ließ mich die Mutter in das Herrenzimmer rufen. Als ich dort eintrat, zuckte ich zusammen. Haueter saß meiner Mutter gegenüber in einem Ledersessel und hatte ihr anscheinend etwas berichtet. Es kann auch et-

стоял во весь рост на пороге маслодельни в белом фартуке. Он угрожающе поднял указательный палец правой руки. Он заметил, что мы делаем? В этом случае мать обязательно получила бы известие о нападении на своего любимого кота. Мы бежали, задыхаясь, перелезли через высокий забор, свернули на грунтовую дорогу, перелезли через второй забор, остановились и передохнули. Лишь в тени огромного дуба мы наконец остановились. Здесь мы собрались вместе и слушали. Было тихо.

В тот день у меня было отчетливое ощущение, что в доме родителей меня приняли недружелюбно. Но ничего не произошло. Итак, все получилось; Хаутер не мог увидеть ничего существенного. Я потер руки от радости. Но главный конец дела был еще впереди. - 23

Колодец, в котором лежал кот, обеспечивал водой нашу семью. Это была чистая питьевая вода. Через некоторое время мать обнаружила, что ее кот пропал. Но она заметила другое: у утреннего чая был неприятный запах и вкус. В чем была причина этого? Хаутер, сидевший рядом со мной за завтраком, внимательно наблюдал за мной. Или мне это только показалось? Был ли он подозрителен? Я опустила взгляд в пол и покраснела.

Дерновую яму откачали и извлекли из нее тушу. Мы чудом избежали смерти от отравления.

На следующий день мама позвала меня в комнату хозяина. Когда я вошел туда, я вздрогнул. Хаутер сидел в кожаном кресле напротив моей матери и, видимо, что-то ей сказал. Я надеялся, что это может

something business-related, I hoped. When I appeared they suddenly fell silent. I stopped dead in my tracks. My heart beat faster.

The mother was sitting in a high armchair. Despite the summer heat, she wore warm woolen clothes. Since my father's death she always dressed in black.

Now she fixed her gaze firmly and seriously on the wayward son: "Do you perhaps have any idea why I sent for you?"

"No," I replied.

"Did you throw the cat into the well?" she researched further.

"No," I lied.

"I urge you to tell the truth, Volodya!" the mother added briefly and sharply.

At that moment Haueter turned his head towards me, but otherwise remained ice cold.

Then silence followed. For minutes I feverishly considered my answer, which was long overdue; wanted to back out, but saw no possibility of doing so given the presence of an important witness in the matter. My cheeks burned painfully.

"Well, it will be soon!" urged the mother.

"Yes, I did it," I replied resignedly.

was Geschäftliches sein, hoffte ich. Bei meinem Erscheinen verstummen sie abrupt. Ich blieb wie angewurzelt stehen. Mein Herz schlug schneller.

Die Mutter saß in einem hohen Lehnsessel. Der Sommerhitze zum Trotz trug sie warme Wollkleider. Seit dem Tode des Vaters kleidete sie sich immer in Schwarz.

Jetzt richtete sie ihren Blick fest und ernst auf den mißratenen Sohn: «Hast du vielleicht eine Ahnung, warum ich dich rufen ließ?»

«Nein», antwortete ich.

«Hast du die Katze in den Brunnen geworfen?» forschte sie weiter.

«Nein», log ich.

«Ich mahne dich zur Wahrheit, Wolodja!» fügte die Mutter kurz und scharf hinzu.

In diesem Augenblick wandte Haueter seinen Kopf nach mir, verhielt sich im übrigen jedoch eiskalt.

Dann folgte Schweigen. Minutenlang. Ich überlegte fiebhaft meine Antwort, die längst fällig war; wollte auskneifen, sah jedoch angesichts der Anwesenheit eines gewichtigen Zeugen in vorliegender Angelegenheit keine Möglichkeit dazu. Meine Wangen brannten schmerhaft.

«Nun, wird's bald!» drängte die Mutter.

«Ja, ich habe es getan», antwortete ich schicksalsergeben.

быть что-то связанное с бизнесом. Когда я появился, они вдруг замолчали. Я остановился как вкопанный. Мое сердце забилось быстрее.

Мать сидела в высоком кресле. Несмотря на летнюю жару, она носила теплую шерстянную одежду. После смерти отца она всегда одевалась в черное.

Теперь она твердо и серьезно устремила взгляд на свою равнодушного сына: «Ты, может быть, знаешь, почему я послала за тобой?»

«Нет», ответил я.

«Ты бросил кота в колодец?» она исследовала дальше.

«Нет», солгал я.

«Я призываю тебя говорить правду, Володя!» добавила мать коротко и резко.

В этот момент Хаутер повернул ко мне голову, но в остальном остался ледяным.

Затем последовало молчание. Несколько минут я лихорадочно обдумывал свой ответ, который давно назрел; хотел отказаться, но не видел возможности сделать это, учитывая наличие важного свидетеля по делу. Мои щеки болезненно горели.

«Ну, это будет скоро!» призвала мать.

«Да, я это сделал», — покорно ответил я.

The mother exchanged a meaningful look with Haueter, who nodded his head. "Well then," she sighed. "From this it can be concluded that you also killed Petka the ibex!"

Original Page 25

"Yes," I breathed.

"Then the assumption cannot be dismissed," the mother continued her accusations, "that you also stole the strawberries in the stately garden!"

"Yes," I breathed again.

"But that's terrible! Child, what actually drives you to do this? What would your father say if he were still alive?" the mother sobbed. I deeply regretted the boundless recklessness that had caused my sick mother to suffer. I resolved to do better.

"I ask you to answer the last question," said the mother quietly. «Who was your accomplice? I can't believe the possibility that you did all this alone. Who helped you with this? Answer!"

I thought quickly. Wasska's words came to mind: "We will be friends. Always! Forever!" as well as my vow: "Friends forever!"

It wasn't acceptable to betray my friend, not even for the sake of my mother. By revealing the name of my accomplice, I could no longer be of any use to her, but I could destroy a friendship forever. So I remained silent.

Die Mutter wechselte einen vielsagenden Blick mit Haueter, der mit dem Kopfe nickte. «Also doch», seufzte sie. «Daraus kann gefolgert werden, daß du auch Petka, den Steinbock, umgebracht hast!» - 24

«Ja», hauchte ich.

«Dann ist die Annahme nicht von der Hand zu weisen», setzte die Mutter ihre Anklagen fort, «daß du auch die Erdbeeren im herrschaftlichen Garten gestohlen hast!»

«Ja», hauchte ich erneut.

«Aber das ist ja entsetzlich! Kind, was treibt dich eigentlich zu diesem Tun? Was würde dein Vater sagen, wenn er noch am Leben wäre?» schluchzte die Mutter. Ich bereute zutiefst den grenzenlosen Leichtsinn, der meine kranke Mutter leiden ließ. Ich nahm mir vor, mich zu bessern.

«Ich bitte dich um Beantwortung der letzten Frage», sprach die Mutter leise. «Wer war dein Komplize? Ich kann nicht an die Möglichkeit glauben, du habest das alles allein getan. Wer half dir dabei? Antwort!»

Ich überlegte blitzschnell. Wasskas Worte kamen mir in Erinnerung: «Wir werden Freunde sein. Immer! Ewig!» sowie mein Schwur: «Freunde für immer!»

Es ging nicht an, meinen Freund zu verraten, auch der Mutter zuliebe nicht. Mit der Preisgabe des Namens meines Mitschuldigen konnte ich ihr ohnehin nicht mehr nützlich sein, dagegen eine Freundschaft für immer zerstören. Ich schwieg daher.

Мать обменялась многозначительным взглядом с Хаутером, который кивнул головой. «Ну что ж,» вздохнула она. «Из этого можно сделать вывод, что ты убил еще и козерога Петьку!»

«Да,» выдохнул я.

«Тогда нельзя отбросить предположение,» продолжала мать свои обвинения, «что ты тоже украла клубнику в величественном саду!»

«Да,» снова выдохнул я.

«Но это ужасно! Дитя, что на самом деле заставляет тебя это делать? Что бы сказал твой отец, если бы он был еще жив?» мать рыдала. Я глубоко сожалел о безграничном безрассудстве, из-за которого страдала моя больная мать. Я решил добиться большего.

«Прошу тебя ответить на последний вопрос», тихо сказала мать. «Кто был вашим сообщником? Я не могу поверить в возможность того, что ты сделал все это в одиночку. Кто вам помог в этом? Отвечать!»

Я быстро подумал. На ум пришли слова Васски: «Мы будем друзьями. Всегда! Навсегда!» а также моя клятва: «Друзья навсегда!»

Недопустимо предать друга, даже ради матери. Раскрыв имя своей сообщницы, я уже не мог быть ей полезен, но мог навсегда разрушить дружбу. Поэтому я промолчал.

"Answer!" I heard my mother asking again.

I continued to remain silent, my gaze stubbornly cast down to the ground.

Then the mother got up and left the room without a word. I heard her clothes rustling. Haueter also went out. He closed the door behind him with a forceful jerk, as if he wanted to express his dislike for me.

At my mother's request, Uncle Nikolai from Klimovo arrived two weeks later. He had now taken over the dairy of my late father and my grandfather. Uncle Nikolai was now supposed to decide what to do with me in the future.

I can still see the stern uncle in my mind sitting at the desk, drumming his fingers on the desk.

"Volodya!" he began his accusation. "You seem to have two faces, like Janus. On the one hand, you are the good student who studies hard and brings home good grades,

Original Page 26
but on the other hand, you are supposed to make stories that do not do our family or Switzerland any credit."

The uncle stood up, walked slowly around the desk and stood straight in front of me with both hands in his trouser pockets.

«Antworte!» hörte ich die Mutter abermals bitten.

Ich schwieg beharrlich weiter, den Blick stur zu Boden gesenkt.

Da erhab sich die Mutter und verließ wortlos den Raum. Ich hörte ihre Kleider rauschen. Auch Haueter ging hinaus. Mit einem energischen Ruck schloß er die Türe hinter sich zu, als ob er damit seine Abneigung gegen mich zum Ausdruck bringen wollte.

Auf die Bitte meiner Mutter traf zwei Wochen später Onkel Nikolai aus Klimowo bei uns ein. Er hatte mittlerweile die Molkerei des verstorbenen Vaters bzw. meines Großvaters übernommen. Onkel Nikolai sollte nun entscheiden, was mit mir in Zukunft zu geschehen hatte.

Ich sehe den gestrengen Oheim noch jetzt in Gedanken vor mir, wie er am Schreibtisch saß, mit den Fingern auf dessen Platte trommelnd.

«Wolodja!» begann er seine Anklage. «Du hast scheint's, wie Janus, zwei Gesichter. Einerseits bist du der brave Schüler, der fleißig lernt und vorteilhafte Noten nach Hause - 25

bringt, zum andern aber sollst du Geschichten machen, die unserer Familie und der Schweiz nicht zur Ehre gereichen.»

Der Onkel stand auf, ging langsam um den Schreibtisch herum und blieb kerzengerade, beide Hände in die Hosentaschen vergraben, vor mir stehen.

"Отвечать!" Я услышал, как моя мать снова спросила.

Я продолжал молчать, упрямо опустив взгляд в землю.

Затем мать встала и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Я слышал, как шелестят их одежда. Хаутер тоже вышел. Он закрыл за собой дверь сильным рывком, как будто хотел выразить свою неприязнь ко мне.

По просьбе мамы через две недели приехал дядя Николай из Климово. Теперь он взял на себя управление молочной фермой моего покойного отца и деда. Дядя Николай теперь должен был решить, что со мной делать в дальнейшем.

Я до сих пор мысленно вижу сурового дядюшку, сидящего за столом и барабанящего пальцами по столу.

«Володя!» он начал свое обвинение. «Кажется, у тебя два лица, как у Януса. С одной стороны, вы — хороший ученик, который усердно учится и приносит домой хорошие оценки, - 25

но с другой стороны, вы должны создавать истории, которые не делают никакой чести ни нашей семье, ни Швейцарии».

Дядя встал, медленно обошел стол и встал прямо передо мной, засунув обе руки в карманы брюк.

"Look at me!" he said, smiling kindly. He spoke without affectation, with the dignity that was part of his being. «We Swiss are guests of the great Russia. We must never forget that the critical eyes of our hosts are constantly on us. Very often, the entire country to which he or she belongs is judged by the behavior of an individual citizen. This is probably absurd, but it corresponds to reality and we cannot change anything. For example, Severski also gives you his attention. Perhaps tomorrow he will do it more and more, even more than you would like. That's why you have to get away from here, the faster the better. It's best to go to relatives in Switzerland who will keep you in check for a short time. Education according to the Spartan model, as is generally the case in Switzerland, will work wonders. Today you are still too young to fully understand the importance of my decision, but later you will be grateful to me for it."

Uncle Nikolai hugged me, kissed me on both cheeks and then returned to Klimovo a few days after the mission was completed.

Departure for Switzerland

The mother wrote a long letter. It was addressed to a close relative in the Simmental, Bernese Oberland. She asked whether he would be willing to take her son to live for a few years for good pay and to raise him. The answer didn't take long to arrive. It read in the affirmative.

«Schau mich mal an!» sagte er gütig lächelnd. Er sprach ohne Geziertheit, mit der Würde, die ein Teil seines Wesens war. «Wir Schweizer sind Gäste des großen Rußlands. Wir dürfen nie vergessen, daß die kritischen Blicke unserer Gastgeber ständig auf uns ruhen. Sehr oft wird nach dem Verhalten des einzelnen Bürgers das ganze Land, dem er angehört, beurteilt. Das ist wohl abwegig, entspricht aber der Wirklichkeit, an der wir nichts ändern können. So schenkt beispielsweise auch Sewerski dir seine Aufmerksamkeit. Vielleicht schon morgen wird er es in vermehrtem Maße tun, sogar mehr, als es dir lieb sein kann. Darum mußt du von hier fort, je schneller, desto besser. Am besten zu Verwandten in der Schweiz, die dich kurz an der Kandare halten werden. Die Erziehung nach dem spartanischen Muster, wie sie in der Schweiz allgemein üblich ist, wird Wunder wirken. Heute bist du noch zu jung, um die Wichtigkeit meines Entschlusses voll zu erfassen, aber später einmal wirst du mir dafür dankbar sein.»

Onkel Nikolai umarmte mich, gab mir auf beide Wangen einen Kuß und kehrte dann einige Tage nach erfüllter Mission nach Klimowo zurück.

Abreise nach der Schweiz

Die Mutter schrieb einen langen Brief. Er war an einen nahen Verwandten im Simmental, Berner Oberland, gerichtet. Sie erkundigte sich, ob er bereit sei, ihren Sohn für einige Jahre gegen gute Bezahlung in Pension zu nehmen und ihn zu erziehen. Die Antwort ließ nicht lange auf sich warten. Sie lautete in zustimmendem Sinne.

«Посмотри на меня!» — сказал он, добродушно улыбаясь. Он говорил без притворства, с достоинством, которое было частью его существа. «Мы, швейцарцы, гости великой России. Мы никогда не должны забывать, что критические взгляды наших хозяев постоянно направлены на нас. Очень часто по поведению отдельного гражданина судят обо всей стране, к которой он принадлежит. Наверное, это абсурд, но это соответствует действительности и мы ничего не можем изменить. Например, Северский тоже уделяет вам свое внимание. Возможно, завтра он будет делать это еще и еще, даже больше, чем вам хотелось бы. Вот почему вам нужно уйти отсюда, чем быстрее, тем лучше. Лучше всего поехать к родственникам в Швейцарию, которые некоторое время будут держать вас под контролем. Образование по спартанской модели, как это вообще принято в Швейцарии, будет творить чудеса. Сегодня ты еще слишком молод, чтобы полностью понять важность моего решения, но позже ты будешь мне за него благодарен.»

Дядя Николай обнял меня, расцеловал в обе щеки и через несколько дней после завершения миссии вернулся в Климово.

Отправление в Швейцарию

Мать написала длинное письмо. Оно было адресовано близкому родственнику из Симменталя, Бернского Оберланда. Она спросила, готов ли он взять ее сына на пенсию на несколько лет за хорошую зарплату и вырастить его. Ответ не заставил себя долго ждать. Оно было прочитано утвердительно.

A short time later everything was discussed and arranged so far that we could leave. My mother wanted to personally accompany me to Switzerland. She felt better again, which is why she was able to dare to travel. On this occasion, a lung specialist in Bern should be consulted. During her absence, the management of the dairy was entrusted to Fritz Haueter.

On the eve of our departure, late at night, as the

Original Page 27

darkness grew thicker, I lay in bed with my eyes open. I could not fall asleep.

An eagle owl sent its dark call into the night. I listened. Under certain circumstances it couldn't be an eagle owl, but Wasska, with whom I had arranged this plaintive bird call, as a kind of lure to a rendezvous. The "Uhuhuhu" repeated itself, now very close. I dressed quickly, climbed noiselessly through the window into the garden and walked nimbly through the many beds straight to the old linden tree where our meeting had always been arranged. I wasn't wrong. There, leaning close to the tree trunk, was my "old" friend Wasska. Very poorly dressed, barefoot, a lit cigarette in the corner of his mouth. We fell into each other's arms.

Wasska had come to give me a homemade matchbox as a gift. This expensive souvenir is still in my possession today, after more than half a century.

Kurze Zeit später war alles so weit besprochen und geordnet, daß wir abreisen konnten. Die Mutter wollte mich persönlich nach der Schweiz begleiten. Es ging ihr wieder besser, weshalb sie die Reise wagen konnte. Bei diesem Anlasse sollte ein Lungenspezialist in Bern konsultiert werden. Während ihrer Abwesenheit wurde die Leitung der Molkerei Fritz Haueter anvertraut.

Am Vorabend unserer Abreise, spät in der Nacht, als die - 26

Finsternis dichter wurde, lag ich mit offenen Augen im Bett. Ich konnte nicht einschlafen.

Ein Uhu sandte seinen düsteren Ruf in die Nacht. Ich lauschte. Es konnte unter Umständen kein Uhu sein, sondern Wasska, mit dem ich diesen klagenden Vogelruf verabredet hatte, gewissermaßen als Lockruf zum Stelldichein. Das «Uhuhuhu» wiederholte sich, jetzt ganz in der Nähe. Ich kleidete mich flüchtig an, stieg geräuschlos durch das Fenster in den Garten und lief behend durch die vielen Beete geradewegs zur alten Linde, wo unser Treffen jeweils vereinbart worden war. Ich hatte mich nicht geirrt. Dort stand, dicht an den Baumstamm gelehnt, mein «alter» Freund Wasska. Nur ganz dürftig gekleidet, barfuß, im Mundwinkel eine brennende Zigarette. Wir fielen uns in die Arme.

Wasska war gekommen, um mir eine selbstverfertigte Streichholzschatzkel als Präsent zu überreichen. Dieses teure Andenken befindet sich auch heute noch, nach mehr als einem halben Jahrhundert, in meinem Besitz.

Спустя некоторое время все было обговорено и организовано настолько, что мы смогли уехать. Моя мать хотела лично сопровождать меня в Швейцарию. Она снова почувствовала себя лучше, поэтому смогла отважиться на путешествие. В этом случае следует проконсультироваться у пульмонолога в Берне. На время ее отсутствия управление сыроварней было поручено Фрицу Хаутеру.

Накануне нашего отъезда, поздно вечером, - 26

когда темнота сгущалась, я лежал в постели с открытыми глазами. Я не мог заснуть.

Филин послал в ночь свой темный клич. Я слушал. При определенных обстоятельствах это мог быть не филин, а Васска, с которой я устроил этот жалобный птичий крик, как своего рода приманку к свиданию. «Уху-хуху» повторилось, теперь совсем близко. Я быстро оделся, бесшумно пролез через окно в сад и проворно прошел через множество грядок прямо к старой липе, где всегда была назначена наша встреча. Я не ошибся. Там, прислонившись к стволу дерева, стояла моя «старая» подруга Васска. Очень бедно одет, босой, с зажженной сигаретой в уголке рта. Мы упали в объятия друг друга.

Васска пришел подарить мне самодельный спичечный коробок. Этот дорогой сувенир находится у меня и сегодня, спустя более полувека.

It was a silent, heartbreakingly farewell scene. I wanted to cry, but that wasn't possible, Wasska had no understanding of sentimentality. And so I pressed my lips together and bravely fought back tears. What do you know, maybe my friend basically felt the same way. After one last hug we parted. I ran back and slipped under the covers, my heart pounding.

Nilka took us to the next train station with a troika (three-horse team). That was Kaluga.

Then the train came thundering. It stopped, doors flew open.

“Everyone get in, close the doors!” shouted the conductor, whistled and jumped elegantly onto the platform of a carriage. The train started rolling, slowly at first, then faster and faster. Nilka stood tall on the platform and waved his hand. He became smaller and smaller, finally disappearing from our field of vision.

We traveled in a comfortable sleeping car and were able to lie down and rest. Our route went via Viazma, Smolensk, Minsk, Eydkuhnen, Berlin, Basel, Bern. There were passport and customs controls in Eydkuhnen. Before the First World War, Russia was one of the very few countries that had compulsory passports. The whole trip took four days with a rest day in Berlin.

Es wurde eine stumme, herzzerreißende Abschiedsszene. Am liebsten hätte ich geheult, doch ging das nicht, Wasska hatte kein Verständnis für Sentimentalitäten. Und so preßte ich die Lippen zusammen und kämpfte tapfer gegen die Tränen. Was weiß man, vielleicht erging es meinem Freunde im Grunde genommen ganz gleich. Nach einer letzten Umarmung trennten wir uns. Ich rannte zurück und schlüpfte mit klopfendem Herzen unter die Bettdecke.

Nilka brachte uns mit einer Troika (Dreigespann) zur nächsten Bahnstation. Das war Kaluga.

Dann kam der Zug angedonnert. Er blieb stehen, Türen flogen auf.

«Alles einsteigen, Türen schließen!» rief der Schaffner, pfiff und sprang elegant auf die Plattform eines Wagens. Der Zug rollte an, zuerst langsam, dann immer schneller und schneller. Nilka stand hochaufrichtet auf dem Bahnsteig und winkte mit der Hand. Er wurde kleiner und kleiner, zuletzt verschwand er aus unserem Blickfeld.

Wir reisten in einem bequemen Schlafwagen, konnten uns hinlegen, ausruhen. Unsere Route ging über Wjasma, Smolensk, Minsk, Eydkuhnen, Berlin, Basel, Bern. In Eydkuhnen gab es Paß- und Zollkontrolle. Vor dem ersten Weltkrieg war Russland eines der ganz wenigen Länder, die den Paßzwang kannten. Die ganze Fahrt mit einem Ruhetag in Berlin dauerte vier Tage. - 27

Это была тихая, душераздирающая сцена прощания. Мне хотелось плакать, но это было невозможно, Васска не понимала сентиментальности. И поэтому я сжала губы и храбро сдержала слезы. Знаете, может быть, мой друг чувствовал то же самое. После последнего объятия мы расстались. Я побежал назад и скользнул под одеяло, мое сердце колотилось.

Нилка отвезла нас на следующую станцию на тройке (упряжке из трех лошадей). Это была Калуга.

Потом поезд с грохотом прогремел. Он остановился, двери распахнулись.

«Все заходите, закройте двери!» крикнул кондуктор, свистнул и изящно вскочил на платформу вагона. Поезд покатился, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Нилка стояла на платформе и машала рукой. Он становился все меньше и меньше, наконец исчезнув из нашего поля зрения.

Мы путешествовали в комфортабельном спальном вагоне и смогли прилечь и отдохнуть. Наш маршрут пролегал через Вязьму, Смоленск, Минск, Эйткунен, Берлин, Базель, Берн. В Эйткунене был паспортный и таможенный контроль. До Первой мировой войны Россия была одной из немногих стран, где были обязательные паспорта. Вся поездка заняла четыре дня с днем отдыха в Берлине. -27

Original Page 28

Saul became Paul

I am writing this book to acquaint my dear readers not with Swiss conditions, but with those in Russia. For this reason and also for the sake of space, I will keep my stay in the Bernese Oberland brief.

I can still remember very well what a big impression my first contact with my fatherland made on me. I particularly enjoyed the beauty and wildness of the mountains. Even when I returned to Russia, the Alpine world always remained in my fondest memories. When I climbed the Niesen with my uncle on a moonlit night that was almost as bright as day and stood on the summit at sunrise, my amazement knew no bounds. On the way back, when it went steeply downhill, I almost had an accident. Born and raised in the steppe, I lacked the mountain dwellers' skill at "braking" at the right moment. I traipsed along happily, unconcerned about the law of gravity, which drove me to hurry more and more. Finally, I ran downhill as if possessed and then found a secure footing in the scree or on a boulder. Stones clattered into the depths.

I underwent tough physical training with my relatives, who ran a homestead and lived in good conditions. I worked from dawn to late evening, especially during the summer months. I didn't regret that. I had muscles of steel coupled with resilient health.

Aus dem Saulus wurde ein Paulus

Ich schreibe dieses Buch, um die verehrten Leser und Leserinnen nicht mit den schweizerischen Verhältnissen, sondern mit denen Rußlands bekanntzumachen. Aus diesem Grunde und auch raumshalber werde ich mich über meinen Aufenthalt im Berner Oberland kurz fassen.

Ich kann mich noch sehr gut daran erinnern, welch' großen Eindruck die erste Berührung mit meinem Vaterland auf mich machte. Besondere Freude fand ich an der Schönheit und Wildheit der Berge. Die Alpenwelt blieb auch dann, als ich wieder nach Rußland zurückkehrte, stets in meiner besten Erinnerung haften. Als ich in einer fast taghellen Mondnacht mit meinem Onkel den Niesen erstieg und beim Sonnenaufgang auf dessen Gipfel stand, kannte mein Staunen gar keine Grenzen. Auf dem Rückweg, als es steil bergab ging, wäre ich beinahe verunglückt. In der Steppe geboren und aufgewachsen, ging mir die Geschicklichkeit der Bergbewohner, im richtigen Augenblick zu «bremsen», ab. Ich latschte fröhlich drauflos, unbekümmert um das Gesetz des Schwerkiefes, das mich immer mehr zur Eile antrieb. Zuletzt rannte ich wie besessen talwärts und fand dann im Geröll oder an einem Felsbrocken sicheren Halt. Steine polterten in die Tiefe.

Bei meinen Verwandten, die ein Heimwesen bewirtschafteten und in guten Verhältnissen lebten, machte ich eine harte körperliche Schulung durch. Ich arbeitete — besonders während den Sommermonaten — jeweils vom Morgengrauen bis zum späten Abend. Das bereute ich nicht. Ich hatte Muskeln wie Stahl, gepaart mit einer unverwüstlichen Gesundheit.

Савл стал Павлом

Я пишу эту книгу для того, чтобы познакомить моих дорогих читателей не со швейцарскими условиями, а с российскими. По этой причине, а также ради экономии места я оставлю свое пребывание в Бернском Оберланде кратким.Бернском Оберланде кратким.

Я до сих пор очень хорошо помню, какое большое впечатление произвело на меня мое первое соприкосновение с родиной. Мне особенно понравилась красота и дикость гор. Даже когда я вернулся в Россию, альпийский мир навсегда остался в моих самых теплых воспоминаниях. Когда я вместе с дядей поднялся на Низен лунной ночью, почти такой же светлой, как день, и стоял на вершине на восходе солнца, моему изумлению не было предела. На обратном пути, когда он пошел круто под гору, я чуть не попал в аварию. Родившийся и выросший в степи, мне не хватило горского умения «тормозить» в нужный момент. Я шел с удовольствием, не обращая внимания на закон гравитации, который заставлял меня торопиться все больше и больше. Наконец я побежал вниз по склону, как одержимый, а затем нашел надежную опору на осьпи или на валуне. Камни с грохотом упали в глубину.

Я проходил тяжелую физическую подготовку у своих родственников, которые содержали усадьбу и жили в хороших условиях. Я работал с рассвета до позднего вечера, особенно в летние месяцы. Я не пожалел об этом. У меня были стальные мышцы и крепкое здоровье.

However, the transformation into a well-behaved boy only took place slowly. My educators had to put in a lot of effort and patience. They complained several times to my mother, who wrote tender letters begging me to finally come to my senses.

A year after her return from Switzerland, my mother died unexpectedly. In the last letter I received from her, I thought I could detect a longing for myself. When the news of her death arrived, I cried hot tears in the quiet room, but after a short time I forgot the great, irreplaceable loss that had affected me. It was only much later that I fully understood

Original Page 29
 what it meant to lose my mother. Conscience awakened. I became painfully aware of how difficult I had made the life of the person closest to me. When I realized all of this, the mother was no longer there. As is so often the case in human life, remorse came far too late.

There were also problems at school for a while. Then there was a violent upheaval. In ancient Russia, as I said at the beginning, children could either study or laze around as they pleased. There, in contrast to the many idle people, I stood out as a student eager to learn, which flattered me. In Switzerland it was fundamentally different. Here I had to learn according to a clearly defined program. That didn't suit me at all. I couldn't stand any coercion. Accustomed to sloppiness, I simply couldn't stand a group of exemplary students.

Die Wandlung zum wohlerzogenen Knaben vollzog sich indessen nur langsam. Meine Erzieher mußten viel Mühe und Geduld aufwenden. Sie beschwerten sich mehrmals bei meiner Mutter, die mich in Briefen mit zärtlichen Worten beschwörte, doch endlich einmal Vernunft anzunehmen.

Ein Jahr nach ihrer Rückkehr aus der Schweiz starb die Mutter ganz unerwartet. Im letzten Schreiben, das ich von ihr erhielt, glaubte ich eine Sehnsucht nach mir herauslesen zu können. Als die Kunde von ihrem Ableben eintraf, weinte ich heiße Tränen im stillen Kämmerlein, vergaß jedoch schon nach kurzer Zeit den großen, unersetzblichen Verlust, der mich betroffen hatte. Erst viel später erfaßte ich voll und - 28

ganz, was das bedeutet, die Mutter zu verlieren. Das Gewissen erwachte. Es kam mir schmerzlich zum Bewußtsein, wie schwer ich das Leben jenes Menschen, der mir am nächsten stand, gestaltet hatte. Als ich das alles einsah, war die Mutter eben nicht mehr. Die Reue kam — wie so oft im Menschenleben — viel zu spät.

Auch in der Schule haperte es eine Zeitlang. Es kam dann zum gewaltsamen Umbruch. Im alten Rußland konnten die Kinder, wie ich dies eingangs anführte, nach eigenem Befinden entweder lernen oder faulenzen. Dort trat ich im Gegensatz zu den vielen Müßiggängern als lernbegieriger Schüler vorteilhaft hervor, was mir schmeichelte. In der Schweiz war es grundlegend anders. Hier mußte ich nach einem festumrissenen Programm lernen. Das paßte mir nun schon gar nicht. Ich vertrug keinen Zwang. An den Schlendrian gewohnt, konnte ich eine Agglomeration

Однако превращение в воспитанного мальчика происходило медленно. Моим педагогам пришлось приложить немало усилий и терпения. Они несколько раз жаловались моей матери, которая писала нежные письма, умоляя меня прийти наконец в себя.

Через год после ее возвращения из Швейцарии неожиданно умерла ее мать. В последнем письме, которое я получил от нее, мне казалось, что я уловил тоску по себе. Когда пришло известие о ее смерти, я плакала горячими слезами в тихой комнате, но через короткое время забыла о великой, невосполнимой утрате, постигшей меня. Лишь намного позже я полностью понял, - 28

что значит потерять мать. Совесть пробудилась. Я с болью осознал, как усложнил жизнь самому близкому мне человеку. Когда я все это осознал, матери уже не было. Как это часто бывает в человеческой жизни, раскаяние пришло слишком поздно.

В школе тоже какое-то время были проблемы. Затем произошел жестокий переворот. В древней Руси, как я уже говорил вначале, дети могли либо учиться, либо бездельничать, как им заблагорассудится. Там, в отличие от множества праздных людей, я выделялся студентом, жаждущим учиться, что мне льстило. В Швейцарии все было принципиально иначе. Здесь мне пришлось учиться по четко определенной программе. Меня это совершенно не устраивало. Я не выносил никакого принуждения. Привыкшая к неряшливи, я просто терпеть не могла

It may be that the lack of knowledge of the local language and the foreign surroundings also had a detrimental effect on my mental state.

I went to school in Diemtigen. I was also confirmed there, in that small, ancient little church that stands in the middle of the mountain village and where my ancestors received this consecration.

At the entrance to the Diemtigtal, on an old valley terrace below Alp Tschuggen, framed on two sides by hilly slopes, lies the mountain village of Diemtigen. Anyone who looks across from the Niesenkette opposite on a bright summer day will see a lovely and peaceful picture. The simple, old church, whose white walls shine in the sunlight, and the old farmhouses, which fit harmoniously into the landscape, allow the viewer's thoughts to wander back to the quieter times of the past; because at first glance he recognizes that the Diemtig village is an old settlement.

It has been over 400 years since the Diemtigen church was separated from its Mutierkirche in Erlenbach. In 1527 the council in Bern approved its own parish. In this year the Diemtigers accepted the Reformation. The priest of Erlenbach, Peter Kunz, who later became pastor of the Bern Minster, a convinced and zealous supporter of the new teaching, had made it available in his branch in Diemtigen.

Original Page 30

The two church bells date from the 17th century. One of them, richly decorated with several friezes,

von musterhaften Schülern einfach nicht ausstehen. Es mag sein, daß auch die Unkenntnis der Landessprache und die fremde Umgebung auf meine Geistesverfassung nachteilig wirkten.

Ich ging in Diemtigen zur Schule. Dort wurde ich auch konfirmiert, in jenem kleinen, uralten Kirchlein, das mitten im Bergdorfe steht, und wo schon meine Urahnen diese Weihe erhielten.

Am Eingang des Diemtigtals, auf einer alten Talterrasse unterhalb der Alp Tschuggen, auf zwei Seiten von hügeligen Abhängen gleichsam umrahmt, liegt das Bergdörfchen Diemtigen. Wer an einem lichten Sommertag von der gegenüberstehenden Niesenkette herüberschaut, dem bietet sich ein gar liebliches und friedliches Bild. Die einfache, alte Kirche, deren weiße Mauern im Sonnenlichte weithin erstrahlen, und die bejahrten Bauernhäuser, die sich harmonisch in die Landschaft einfügen, lassen die Gedanken des Betrachters in die ruhigeren Zeiten der Vergangenheit zurückschweifen; denn auf den ersten Blick erkennt er, daß das Diemtigdörfchen eine alte Siedlung ist.

Ueber 400 Jahre sind es seit der Trennung der Kirche Diemtigen von ihrer Mutierkirche in Erlenbach. Im Jahre 1527 wurde vom Rat in Bern eine eigene Pfarrei bewilligt. In diesem Jahre nahmen die Diemtiger die Reformation an. Der Leutpriester von Erlenbach, Peter Kunz, der spätere Pfarrer am Berner Münster, ein überzeugter und eifriger Förderer der neuen Lehre, hatte ihr in seiner Filiale in Diemtigen Eingang verschafft. - 29

Die beiden Kirchenglocken stammen aus dem 17. Jahrhundert. Die eine von ihnen, reich verziert mit mehre-

группу примерных учеников. Возможно, незнание местного языка и зарубежной обстановки также пагубно сказалось на моем психическом состоянии.

Я ходил в школу в Димтигене. Конфирмовался я и там, в той маленькой, старинной церквушке, которая стоит посреди горного села и где мои предки получили это посвящение.

У входа в Димтигталь, на старой террасе долины под Альп-Чугген, обрамленной с двух сторон холмистыми склонами, находится горная деревня Димтиген. Любой, кто в яркий летний день посмотрит напротив Низенкетте напротив, увидит прекрасную и умиротворяющую картину. Простая старая церковь, белые стены которой сияют на солнце, и старые фермерские дома, гармонично вписывающиеся в пейзаж, позволяют мыслям зрителя вернуться в более спокойные времена прошлого; потому что с первого взгляда он узнает, что деревня Димтиг — старое поселение.

Прошло более 400 лет с тех пор, как церковь Димтиген была отделена от Мутьеркирхе в Эрленбахе. В 1527 году совет Берна утвердил собственный приход. В этом году Димтигеры приняли Реформацию. Священник Эрленбаха Петер Кунц, впоследствии ставший пастором Бернского собора, убежденный и ревностный сторонник нового учения, сделал его доступным в своем филиале в Димтигене. -29

Два церковных колокола датируются 17 веком. На одном из них, богато украшенном несколькими

bears the year 1629. A special frieze bears the main inscription:

“God’s word penetrates into your hearts;
After that you should fight.
Min sound in penetrates Oren sounds,
He bears no fruit.”

The other bell bears the verse:
“The — Gmein — rof — I — at —
To - Christ - the - Lord - you - should - go
1637 — MK — GM -VS -.”

The meaning of these letters has never been clarified. The two handles of the bells are strange in the shape of a human face with a cap and beard.

And now back to Diemtigen school. At the turn of the century, the lowest classes were headed by Miss Mina Streit, who passed away in July 1954 in Schwarzenburg in old age. She really tried to get as much out of me as can normally be expected from a mentally well-developed child. However, I either didn’t respond at all to the questions asked of me or gave monosyllabic, sullen answers. Out of pure spite, I feigned lack of interest. The questions repeated, followed by shrugs.

“Shame on you, Waldemar, such a lazy and evil student!” said Miss Streit, trying to give her young, happy face a serious look.

ren Friesen, trägt die Jahreszahl 1629. Ein besonderes Fries trägt die Hauptinschrift:

«Gotts Wort zu vweren Herzen dringt;
Nach dem solt ihr ringen.
Min Ton in vweren Oren klingt,
Kein Frucht thut er bringen.»

Die andere Glocke trägt den Vers:
«Die — Gmein — rof — ich — an —
Zu - Christo - dem - Herrn - solt - ihr - gan -
1637 — MK — GM -VS -.»

Die Bedeutung dieser Buchstaben konnte nie geklärt werden. Eigenartig sind die beiden Henkel der Glocken in der Form eines Menschengesichts mit Kappe und Bart.

Und nun zurück zur Schule von Diemtigen. Deren untersten Klassen stand um die Jahrhundertwende Frl. Mina Streit, die im Juli 1954 im hohen Alter in Schwarzenburg das Zeitliche segnete, vor. Sie gab sich redlich Mühe, aus mir soviel herauszuholen, was von einem geistig gut entwickelten Kind normalerweise erwartet werden kann. Auf die an mich gerichteten Fragen reagierte ich aber entweder überhaupt nicht, oder gab einsilbige, mürrische Antworten. Aus reiner Bosheit täuschte ich Interesselosigkeit vor. Die Fragen wiederholten sich, denen das Achselzucken folgte.

«Schäme dich, Waldemar, so ein fauler und böser Schüler!» sagte Frl. Streit und versuchte, ihrem jungen, frohen Gesicht einen ernsten Zug zu verleihen.

фризами, указан 1629 год. На специальном фризе основная надпись:

«Слово Божие проникает в ваши сердца;
После этого вам следует сражаться.
Минимальный звук в звуках вверена Орена,
Он не приносит плода».

На другом колоколе написано: «The — Gmein

Смысл этих букв так и не был выяснен. Две ручки колокольчиков имеют странную форму человеческого лица в шапке и бороде.

А теперь вернемся в школу Димтиген. На рубеже веков низшие классы возглавляла мисс Мина Штрайт, скончавшаяся в июле 1954 года в Шварценбурге в преклонном возрасте. Она действительно старалась получить от меня столько, сколько обычно можно ожидать от умственно развитого ребенка. Однако на заданные мне вопросы я либо вообще не отвечал, либо давал односложные, угрюмые ответы. Из чистой злости я изобразил отсутствие интереса. Вопросы повторились, после чего последовали пожимания плечами.

«Как тебе не стыдно, Вальдемар, такой ленивый и злой студент!» сказала мисс Стрейт, пытаясь придать своему молодому, счастливому лицу серьезный вид.

And then it happened. When I once again tested my teacher's patience and grinned cynically, she got tired of it. She struck, ruler in hand. I retaliated as quickly as I could empty-handed, even kicked her with my feet.

Miss Streit was horrified. She lost her speech. Something like this had probably never happened to her. But in the next moment she had control of herself again.

"Now I've had enough of you. Make sure you get out before I count to three!"

I didn't move, I measured my counterpart with a challenging look.

Original Page 31

Then the young girl reached out and hit me in the face with the flat of her hand, so that I spun around.

That worked. I quickly walked towards the exit.

Gradually I became calmer and more level-headed. I convinced myself that it was pointless as a little boy to rebel against the whole world and thereby lose what little sense God had given me. Insight triumphed over unreason. And ultimately the exemplary behavior of my classmates had a positive influence on me. They were children of mountain farmers, mostly poor, but of high moral and religious standards. Little by little I learned to understand enough German to know what they wanted from me. In a word: from now on I walked the path like a young horse that had been caught

Und dann geschah es. Als ich die Geduld meiner Lehrerin wieder einmal auf harte Probe stellte und oben-drein zynisch grinste, wurde es ihr zu dumm. Sie schlug zu, mit dem Lineal in der Hand. Ich schlug blitzschnell zurück, so gut ich mit leeren Händen konnte, trat sogar mit den Füßen nach ihr.

Frl. Streit war entsetzt. Sie verlor die Sprache. So etwas dürfte ihr wohl kaum je vorgekommen sein. Doch im nächsten Augenblick hatte sie sich wieder in der Gewalt.

«Jetzt habe ich aber genug von dir. Schau zu, daß du hinauskommst, bevor ich auf drei zähle!»

Ich rührte mich nicht, maß mein Gegenüber mit herausforderndem Blick. - 30

Da holte das junge Mädchen aus, schlug mir mit der flachen Hand ins Gesicht, daß ich nur so herumwirbelte.

Das wirkte. Ich schritt schnell dem Ausgang zu.

Allmählich wurde ich ruhiger und besonnener. Ich überzeugte mich davon, daß es sinnlos war, als kleiner Knabe sich gegen die ganze Welt aufzulehnen und dabei das bißchen Verstand, den mir Gott schenkte, zu verlieren. Die Einsicht siegte über die Unvernunft. Und letztendlich hatte das vorbildliche Betragen der Mitschüler doch einen günstigen Einfluß auf mich. Es waren Kinder von meist armen, aber in sittlicher und religiöser Hinsicht auf hoher Stufe stehenden Bergbauern. Nach und nach lernte ich auch so viel Deutsch verstehen, um zu wissen, was man von mir wollte. Mit einem Wort: Ich ging von nun an den Weg wie ein junges

И тогда это произошло. Когда я в очередной раз испытал терпение учительницы и цинично ухмыльнулся, ей это надоело. Она нанесла удар с линейкой в руке. Я ответил так быстро, как только мог, с пустыми руками, даже пнул ее ногой.

Мисс Стрейт была в ужасе. Она потеряла речь. Наверное, ничего подобного с ней никогда не случалось. Но в следующий момент она снова взяла себя в руки.

«Теперь ты мне надоел. Успей уйти, прежде чем я досчитаю до трёх!»

Я не шевелился, оценивал своего коллегу вызывающим взглядом. - 30

Затем молодая девушка протянула руку и ударила меня ладонью по лицу, так что я развернулся.

Это сработало. Я быстро пошел к выходу.

Постепенно я стал спокойнее и уравновешенее. Я убедил себя, что в детстве бессмысленно восставать против всего мира и тем самым терять тот небольшой смысл, который дал мне Бог. Проницательность победила неразумие. И в конечном итоге примерное поведение моих одноклассников оказалось на меня положительное влияние. Это были дети горных фермеров, в основном бедные, но с высокими моральными и религиозными стандартами. Мало-помалу я научился достаточно понимать немецкий, чтобы понимать, чего они от меня хотят. Словом: отныне я шел по дороге, как молодая лошадь, застигнутая в

on a wide, open steppe and had completed a masterful dressage.

One day, shortly before I moved from lower to high school, the teacher praised me in front of the whole class. She read one of my essays aloud and described it as first-rate in terms of content and style. My success most likely came from reading a lot in my free time. I devoured the entire school library, especially the captivating stories about the Sioux Indians.

I was extremely pleased with this recognition. After class I went straight to the teacher. I sat up in front of her with a beaming face and thanked her happily. The ice was finally broken. We squeezed each other's hands tightly.

When I boarded the train to Zurich at the main train station in Bern in the fall of 1907 to return to Russia via Vienna, I noticed Miss Streit on the platform. I called her name and she turned her head towards me. Her eyes shone.

The teacher stepped under the window of my compartment. "I wish you a good trip!" she said with a smile, "and happiness and prosperity for the future!" The teacher came under the window of my compartment. "I wish you good travels," she said with a smile, "and happiness and prosperity for the future!"

I thanked her with emotion. The train started moving. "And remember," were her last words, "always look forward, never backwards!"

A final wave from here and there with the handkerchief. The train raced over several switches, the axles rattled...

Pferd, das auf weiter, freier Steppe eingefangen wurde und eine meisterhafte Dressur absolviert hatte.

Kurz vor meinem Uebertritt von der Unter- in die Oberschule lobte mich eines Tages die Lehrerin vor der ganzen Klasse. Sie las laut einen Aufsatz von mir vor und bezeichnete ihn in Bezug auf Inhalt und Stil als erstklassig. Mein Erfolg kam sehr wahrscheinlich von daher, weil ich in der Freizeit sehr viel las. Ich verschlang die ganze Schulbibliothek, vorweg die fesselnden Geschichten über die Sioux-Indianer.

Diese Anerkennung freute mich ungemein. Nach dem Unterricht begab ich mich schnurstracks zur Lehrerin. Ich pflanzte mich mit strahlendem Gesicht vor ihr auf und dankte beglückt. Das Eis war endgültig gebrochen. Wir drückten uns fest die Hand.

Als ich im Herbst 1907 auf dem Hauptbahnhof in Bern den Zug nach Zürich bestieg, um über Wien nach Russland zurückzukehren, bemerkte ich Fr. Streit auf dem Bahnsteig. Ich rief ihren Namen, worauf sie den Kopf nach mir wandte. Ihre Augen leuchteten.

Die Lehrerin trat unter das Fenster meines Abteils. «Ich wünsche dir gute Reise!» sagte sie lächelnd, «und für die Zukunft Glück und Wohlergehen!»

Ich dankte bewegt. Der Zug setzte sich in Bewegung. «Und denke daran», lauteten ihre letzten Worte, «schau immer vorwärts, nie rückwärts!»

Ein letztes Winken von hüben und drüben mit dem Taschentuch. Der Zug raste über mehrere Weichen, die Achsen schlügen ratternd - 31

широкой открытой степи и окончившая мастерскую выездку.

Однажды, незадолго до того, как я перешел из младшей школы в старшую, учительница похвалила меня перед всем классом. Она прочитала вслух одно из моих эссе и назвала его первоклассным по содержанию и стилю. Мой успех, скорее всего, связан с тем, что я много читал в свободное время. Я проглотила всю школьную библиотеку, особенно увлекательные истории об индейцах сиу.

Я был чрезвычайно рад этому признанию. После занятий я пошел прямо к учителю. Я сел перед ней с сияющим лицом и радостно поблагодарил ее. Лед наконец был сломан. Мы крепко сжали друг другу руки.

Когда осенью 1907 года я садился на поезд, идущий в Цюрих, на главном вокзале Берна, чтобы вернуться в Россию через Вену, я заметил на платформе мисс Стрейт. Я позвал ее по имени, и она повернула ко мне голову. Ее глаза сияли.

Учитель подошел под окно моего купе. «Желаю вам удачного путешествия!» сказала она с улыбкой: «И счастья и процветания в будущем!»

Я эмоционально поблагодарил его. Поезд тронулся. «И помни», были ее последние слова, «всегда смотри вперед, а не назад!»

Последний взмах носовым платком отсюда и там. Поезд промчался по нескольким стрелкам, задребезжали оси... - 31

Original Page 32

Back on Russian Soil

In the summer of 1907, a holiday guest from Vienna stayed at the "Hirschen" hotel in Diemtigen. He was a tall man with an aristocratically shaped and suitably well-groomed head.

One evening the strange guest sat on the bench in front of the hotel and smoked a black Brazilian cigar. We began to talk. When I told him about my impending return to Russia, he advised me to travel via Vienna.

"I have seen many countries," began the well-traveled man, blowing curls of smoke into the air, "but I have to openly admit that Switzerland is one of the most beautiful holiday destinations. This advantage can be explained by the unique atmospheric conditions that combines the beauties of the country. The wealth of wonderful natural beauty and sights, climatic advantages and unsurpassable healing springs, modern comfort and historical memories have given Switzerland a reputation all over the world as an ideal holiday destination that can hardly be found anywhere else with similarly diverse advantages. But," continued the Viennese, "my homeland is almost a side piece in this respect. I place the emphasis on the word "almost." Why not travel through Austria? You will never regret it. The anticipation of a trip is praised as one of the greatest joys. You will find your realization in Austria fulfilled beyond all expectations."

I followed the affable Viennese's advice. The journey via Vienna-Warsaw was an unforgettable experience

Wieder auf russischem Boden

Im Sommer 1907 weilte im Hotel «Hirschen» in Diemtigen ein Feriengast aus Wien. Es war ein großer Mann mit einem aristokratisch durchgeformten und entsprechend gepflegten Kopf.

Eines Abends saß der fremde Guest auf der Bank vor dem Hotel und rauchte eine schwarze Brasilzigarre. Wir kamen ins Gespräch. Als ich ihm von meiner bevorstehenden Rückkehr nach Rußland erzählte, gab er mir den Rat, über Wien zu reisen.

«Ich habe viele Länder gesehen», begann der weitgereiste Mann und blies Rauchkringel in die Luft, «aber ich muß offen bekennen, daß die Schweiz eines der schönsten Ferienländer ist. Dieser Vorzug lässt sich mit der einzigartigen stimmungsvollen Atmosphäre erklären, welche die Schönheiten des Landes verbindet. Der Reichtum an wundervollen Naturschönheiten und Sehenswürdigkeiten, an klimatischen Vorzügen und unübertrefflichen Heilquellen, modernem Komfort und historischen Erinnerungen haben der Schweiz in aller Welt den Ruf eines idealen Ferienlandes eingetragen, wie es mit ähnlich vielseitigen Vorzügen kaum anderswo zu finden ist. Aber», so fuhr der Wiener fort, «meine Heimat stellt in dieser Beziehung beinahe ein Seitenstück dar. Ich lege den Akzent auf das Wort «beinahe». Reisen Sie doch über Oesterreich! Sie werden es nie bereuen. Die Vorfreude einer Reise wird als eine der schönsten Freuden gerühmt. Ihre Verwirklichung werden Sie in Oesterreich über alle Erwartungen erfüllt finden.»

Ich befolgte den Rat des leutseligen Wieners. Die Reise über Wien-Warschau war für mich ein un-

Вернувшись на русскую землю

Летом 1907 года в отеле «Хиршен» в Димтигене остановился гость из Вены. Это был высокий мужчина с аристократической формы и достаточно ухоженной головой.

Однажды вечером странный гость сидел на скамейке перед отелем и курил черную бразильскую сигару. Мы начали разговаривать. Когда я сообщил ему о предстоящем возвращении в Россию, он посоветовал мне поехать через Вену.

«Я повидал много стран, — начал много путешествовавший человек, пуская в воздух завитки дыма, — но должен открыто признать, что Швейцария — одно из самых красивых мест для отдыха. Это преимущество можно объяснить уникальной атмосферной атмосферой, сочетающей в себе красоты страны. Богатство удивительных природных красот и достопримечательностей, климатические преимущества и непревзойденные целебные источники, современный комфорт и историческая память создали Швейцарии репутацию во всем мире как идеального места для отдыха, которое вряд ли можно найти где-либо еще с такими же разнообразными преимуществами. Но, — продолжал венец, — моя родина в этом отношении почти второстепенная, я делаю ударение на слове "почти". Почему бы не путешествовать по Австрии? Вы никогда не пожалеете об этом. Ожидание поездки восхваляется как одна из величайших радостей. Ваша реализация в Австрии превзойдет все ожидания».

Я последовал совету приветливого венца. Поездка через Вену-Варшаву стала для меня незабываемым

for me. The world-famous Austrian mixture of joie de vivre and contemplation gives all the visible advantages of our neighboring country the splendor of a travel atmosphere that can captivate every person. The open-mindedness and hospitable nature of the Austrian population remained particularly vivid in my memory.

The train rushed from Zurich via Buchs to the east. I felt enchanted by the scenic beauties. Green valleys from which pretty villages and romantic castles greet you. The numerous lakes in Austria are like pearls.

Original Page 33

Then came the capital of the dual monarchy of Austria-Hungary, where I stayed for five days.

Over many centuries, Vienna has developed into an elegant city of millions at the foot of the Vienna Woods, where the Danube leaves the mountains and flows into the plain. These centuries shaped the face of the city, which is reflected in its buildings and art treasures. Some of the most striking examples are the historic baroque Schönbrunn Palace, the magnificent Belvedere of Prince Eugene, the Imperial Hofburg and the magnificent Gothic St. Stephen's Cathedral, to name just these for the sake of brevity. You can follow, among other things, also the monumental ring road buildings.

The weather-resistant, still warm September enabled me to take short boat and train trips to the nearby, dreamy surroundings of Vienna with the shady Vienna Woods and the mountains.

vergeßliches Erlebnis. Jene weltbekannte österreichische Mischung von Lebensfreude und Besinnlichkeit verleiht allen sichtbaren Vorzügen unseres Nachbarlandes den Glanz einer Reisestimmung, die jeden Menschen in ihren beglückenden Bann zu ziehen vermag. Die Aufgeschlossenheit und das gastfreundliche Wesen der österreichischen Bevölkerung blieben besonders lebhaft in meiner Erinnerung haften.

Der Zug eilte von Zürich aus über Buchs dem Osten zu. Ich fühlte mich von den landschaftlichen Schönheiten bezaubert. Grüne Täler, aus denen schmucke Dörfer und romantische Burgen grüßen. Perlen gleich schmücken die zahlreichen Seen Österreichs Land. - 32

Dann kam die Kapitale der Doppelmonarchie Österreich- Ungarn, wo ich einen fünfjährigen Aufenthalt einschaltete.

Wien hat sich in vielen Jahrhunderten am Fuße des Wienerwaldes zur eleganten Millionenstadt entfaltet, dort, wo die Donau das Bergland verläßt und der Ebene zufließt. Diese Jahrhunderte prägten das Antlitz der Stadt, die sich in ihren Bauwerken und Kunstschatzen widerspiegeln. Einige der markantesten Beispiele sind das historische Barockschloß Schönbrunn, das großartige Belvedere des Prinzen Eugen, die kaiserliche Hofburg und der herrliche gotische Stephansdom, um der Kürze halber nur diese zu nennen. Ihnen folgen u. a. auch die monumentalen Ringstraßenbauten.

Der wetterbeständige, immer noch warme September ermöglichte mir kurze Schiff- und Bahnfahrten in die nahe, verträumte Umgebung Wiens mit dem schattigen Wienerwald und der Bergwelt.

опытом. Всемирно известная австрийская смесь радости жизни и созерцательности придает всем видимым преимуществам соседней страны великолепие атмосферы путешествия, способной увлечь каждого человека. Открытость и гостеприимство австрийского населения особенно ярко запомнились мне.

Поезд мчался из Цюриха через Букс на восток. Я был очарован живописными красотами. Зеленые долины, откуда вас приветствуют красивые деревни и романтические замки. Многочисленные озера Австрии подобны жемчугу. - 32

Затем последовала столица двойной монархии Австро-Венгрия, где я пробыл пять дней.

За многие столетия Вена превратилась в элегантный миллионный город у подножия Венского леса, где Дунай выходит из гор и впадает в равнину. Эти столетия сформировали лицо города, которое отражено в его зданиях и художественных сокровищах. Одними из наиболее ярких примеров являются исторический дворец Шенбрунн в стиле барокко, великолепный Бельведер принца Евгения, императорский Хоффбург и великолепный готический собор Святого Стефана, и это лишь некоторые из них для краткости. Вы можете следить, среди прочего, также монументальные здания кольцевой дороги.

Устойчивый к непогоде, все еще теплый сентябрь позволил мне совершить короткие поездки на лодке и поезде в близлежащие мечтательные окрестности Вены с тенистым Венским лесом и горами.

The Austrian coziness came to an abrupt end at the Russian border. A different wind whistled there, from the north-east.

The brakes screeched, the train rolled slowly to a stop.

"Passport and customs control, everyone get out!" shouted the conductor in a loud voice. I rubbed my eyes and glanced at the clock: half past two in the morning. I stepped outside with the suitcase in my hand and looked around. A large, red brick building loomed before my eyes, the front door of which was wide open. A stream of people poured into the customs area, where the luggage was subjected to a strict inspection. I stood at the back and waited patiently.

Finally the customs officers appeared, accompanied by a tall, mustachioed police officer carrying a scimitar.

Before carrying out their official act, the men looked long and hard at the crowd, as if they wanted to identify a particular face. I felt uneasy, although I didn't feel guilty.

Finally it was my turn. I laid out my belongings much like a soldier lays out his equipment before an inspecting officer.

Original Page 34

The customs officer found nothing suspicious or subject to customs duties. So I was able to pack up again.

An der russischen Grenze fand die österreichische Gemütlichkeit ein jähes Ende. Dort pfiff ein anderer Wind, von Nord-Ost.

Die Bremsen kreischten, der Zug rollte langsam aus, hielt an.

«Paß- und Zollkontrolle, alles aussteigen!» rief der Schaffner mit lauter Stimme. Ich rieb mir die Augen, warf einen flüchtigen Blick auf die Uhr: Halb drei Uhr morgens. Mit dem Koffer in der Hand trat ich ins Freie, sah mich um. Vor meinen Augen erhob sich dräuend ein großer, roter Ziegelsteinbau, dessen Eingangstüre weit offen stand. Ein Menschenstrom ergoß sich in den Zollraum, wo das Reisegepäck einer scharfen Durchsicht unterworfen wurde. Ich stellte mich ganz hinten an, wartete geduldig zu.

Endlich erschienen die Zollbeamten, begleitet von einem baumlangen, schnauzbärtigen Polizeioffizier, der einen Krummsäbel trug.

Bevor die Männer ihre Amtshandlung vornahmen, musterten sie die Menschenmenge lange und durchdringend, so, als ob sie ein bestimmtes Gesicht herausfinden wollten. Mir wurde bekommen zumute, obschon ich kein schlechtes Gewissen hatte.

Schließlich war ich an der Reihe. Ich breitete meine Habseligkeiten aus, etwa wie ein Soldat seine Ausrüstungsgegenstände vor einem inspizierenden Offizier ausbreitet. - 33

Zöllner fand darunter weder verdächtige, noch verzollpflichtige Dinge. Ich konnte also wieder einpacken.

Австрийский уют внезапно оборвался на границе с Россией. Там свистел другой ветер, с северо-востока.

Заскрипели тормоза, поезд медленно остановился.

«Паспортный и таможенный контроль, всем выйти!» - крикнул кондуктор громким голосом. Я протер глаза и взглянул на часы: половина второго ночи. Я вышел на улицу с чемоданом в руке и огляделся. Перед моими глазами маячило большое здание из красного кирпича, входная дверь которого была широко открыта. Поток людей хлынул в зону таможни, где багаж подвергся строгому досмотру. Я стоял сзади и терпеливо ждал.

Наконец появились таможенники в сопровождении высокого усатого полицейского с ятаганом.

Прежде чем совершить официальное действие, мужчины долго и пристально смотрели на толпу, как будто хотели узнать конкретное лицо. Мне было не по себе, хотя я не чувствовал себя виноватым.

Наконец настала моя очередь. Я разложил свои вещи так же, как солдат раскладывает свое снаряжение перед офицером-инспектором. - 33

Таможенник не нашел ничего подозрительного или облагаемого таможенными пошлинами. Так что я смог снова собрать вещи.

"Your passport please!" snarled the man with the scimitar. I handed him my passport, which he eagerly began to leaf through. Meanwhile, I watched my counterpart carefully. The high, rough uniform collar had rubbed against his neck and left a red streak.

The officer looked up: "Where are you going to stay?"

"That is still uncertain. Either in Murentsevo near Kaluga, or in Klimovo, Smolensk Governorate," was my answer.

"I can't do anything with half measures. I would therefore like precise information. Where will you initially reside? Reply!" the officer asked with iron sternness. He looked at me coolly, with a hint of suspicion.

"I don't know exactly at the moment," I replied defiantly.

"Then you will have to stay here until you can give a satisfactory answer!" the officer insisted.

I then told him my entire life history, pointing out that I first had to check the conditions in Murentsevo to know whether I could stay there or not.

The officer listened to me in silence, carefully pressed the entry stamp into the passport and handed it to me. "You're discharged," he then grumbled.

«Ihren Paß, bitte!» schnarrte hierauf der Mann mit dem Krummsäbel. Ich übergab ihm meinen Reisepaß, in dem er eifrig zu blättern begann. Währenddessen betrachtete ich aufmerksam mein Gegenüber. Der hohe, rauhe Uniformkragen hatte an seinem Halse gescheuert und einen roten Streifen hinterlassen.

Der Offizier blickte auf: «Wo werden Sie Aufenthalt nehmen?»

«Das ist noch ungewiß. Entweder in Murenzewo bei Kaluga, oder in Klimowo, Gouvernement Smolensk», lautete meine Antwort.

«Mit Halbwissen kann ich nichts anfangen. Ich wünsche deshalb eine präzise Auskunft. Wo werden Sie zunächst einmal Wohnsitz nehmen? Antworten Sie!» forschte der Offizier mit eiserner Strenge. Er sah mich kühl an, mit einem Funken des Argwohns.

«Das weiß ich im Augenblick noch nicht genau», gab ich trotzig zurück.

«Dann werden Sie hier solange bleiben müssen, bis Sie eine befriedigende Antwort geben können!» beharrte der Offizier.

Daraufhin erzählte ich ihm meinen ganzen Lebenslauf, mit dem Hinweis darauf, daß ich die Verhältnisse in Murenzewo vorerst prüfen müsse, um zu wissen, ob ich dort bleiben könne oder nicht.

Der Offizier hörte mich stumm an, drückte umständlich den Einreisestempel in den Paß und händigte ihn mir aus. «Sie sind entlassen», brummte er dann.

"Паспорт, пожалуйста!" — прорычал человек с ятаганом. Я протянул ему свой паспорт, который он жадно начал листать. Тем временем я внимательно наблюдал за своим коллегой. Высокий грубый воротник мундира терся о шею, оставляя красную полосу.

Офицер поднял глаза: «Где вы собираетесь остановиться?»

«Это все еще неясно. Либо в Муренцево под Калугой, либо в Климово Смоленской губернии», был мой ответ.

«Я ничего не могу сделать полумерами. Поэтому мне хотелось бы получить точную информацию. Где вы изначально будете проживать? Ответьте!» с железной строгостью спросил офицер. Он посмотрел на меня холодно, с намеком на подозрение.

«На данный момент я точно не знаю», — ответил я вызывающе.

«Тогда вам придется остаться здесь, пока вы не дадите удовлетворительный ответ!» - настаивал офицер.

Я тогда рассказал ему всю историю своей жизни, отметив, что сначала мне нужно было проверить условия в Муренцево, чтобы узнать, смогу ли я там остаться или нет.

Офицер молча выслушал меня, аккуратно вставил в паспорт въездной штамп и вручил его мне. «Ты уволен», проворчал он затем.

I quickly left the station building, pulled myself up to the open compartment door with a jump on the handlebar and stood laughing in the express train aisle.

"You can slide down my throat, these high-handed police bigwigs!" I grumbled on my part.

I threw the suitcase into the net and took a window seat. I suddenly felt a great longing for the land of Russia and for my relatives, friends and acquaintances. Many thoughts went through my head. What fate awaited me in this great and mysterious country? Due to my years of absence, many things here will have become strange to me. This unfriendly reception in the customs area was unusual for me, because I came from a country where respect

Original Page 35
before human dignity is considered the highest commandment. In short: Russia seemed scary to me, despite the fact that I was familiar with its language and mentality.

Back in the fall of 1907, when I crossed the Russian border, I didn't think about the fact that the country of my birth had recently lost the war against Japan and was undergoing a revolution within itself. I began to feel the consequences of this. Later I became more aware of everything. Russia tried with all its might to keep the "Trojan Horse" away from its borders...

The train roared through the wide, flat land. In the east the narrow strip of fog became increasingly

Ich verließ eilig das Bahnhofgebäude, zog mich mit einem Satz an der Griffstange zur offenen Abteiltür empor und stand lachend im D-Zug-Gang.

«Sie können mir ja den Buckel hinunterrutschen, diese selbstherrlichen Polizeibonzen!» brummte ich meinerseits.

Ich warf den Koffer ins Netz und belegte einen Fensterplatz. Eine große Sehnsucht nach der Erde Rußlands sowie nach meinen Verwandten, Freunden und Bekannten packte mich plötzlich. Viele Gedanken gingen mir durch den Kopf. Welches Schicksal erwartete mich wohl in diesem großen und geheimnisvollen Lande? Durch meine jahrelange Abwesenheit wird mir hier vieles fremd geworden sein. Allein dieser unfreundliche Empfang im Zollraum war für mich ungewohnt, denn ich kam aus einem Lande, wo die Achtung - 34

vor der Menschenwürde als höchstes Gebot gilt. Kurzum: Unheimlich kam mir Rußland vor, ungeachtet der Tatsache, daß mir dessen Sprache und Mentalität vertraut waren.

Damals, im Herbst 1907, als ich die russische Grenze überschritt, dachte ich nicht daran, daß mein Geburtsland kurz vorher den Krieg gegen Japan verloren und eine Revolution in seinem Innern hatte. Die Folgen davon bekam ich andeutungsweise zu spüren. Später kam mir alles mehr zum Bewußtsein. Rußland versuchte mit allen Kräften, das «Trojanische Pferd» von seinen Grenzen fernzuhalten...

Der Zug brauste durch das weite, tellerflache Land. Im Osten wurde der schmale Nebelstreifen zusehends

Я быстро вышел из здания вокзала, подтянулся к открытой двери купе, прыгнув на руль, и, смеясь, стоял в проходе экспресса.

«Вы можете скатиться мне в глотку, эти своенравные полицейские шишки!» Я поверчал со своей стороны.

Я бросил чемодан в сетку и сел у окна. Я вдруг почувствовал сильную тоску по земле Российской, по своим родственникам, друзьям и знакомым. Много мыслей проносилось в моей голове. Какая судьба ждала меня в этой великой и загадочной стране? За годы моего отсутствия многие вещи здесь стали для меня странными. Этот недружелюбный прием на таможне был для меня необычен, поскольку я приехал из страны, где уважение - 34

человеческого достоинства считается высшей заповедью. Вкратце: Россия показалась мне страшной, несмотря на то, что я был знаком с ее языком и менталитетом.

Еще осенью 1907 года, когда я пересек границу России, я не подумал о том, что страна моего рождения недавно проиграла войну с Японией и переживает внутри себя революцию. Я начал ощущать последствия этого. Позже я стал более осведомлен обо всем. Россия всеми силами старалась удержать «Троянского коня» подальше от своих границ...

Поезд с ревом мчался по широкой равнине. На востоке узкая полоска тумана становилась все

red. The sun announced its coming. And now I saw them again, these densely grouped huts and houses of the Russian small farmers, the so-called Isbas, covered with mossy straw. Herds of cattle grazed in the fields. Life in the Russian village is stirring in every corner. Long before the roosters crow, the crack of the shepherd's whip rings out, waking up the peacefully sleeping citizens.

To the left of the railway line lay endless swampland. Like great waves on a lake, the reeds rose and fell in the wind. At times a strip of river flashed through the bushes along the banks.

Opposite me, leaning back in the deep cushion, sat an old rabbi, a man marked by death with wobbly knees and loose wrinkles on his neck.

We introduced each other and started talking. As the old man told me, he had been suffering for years from angina pectoris, the extremely painful heart disease that is said to have killed his father.

When the old man heard that I came from Switzerland, his whole face beamed. As it turned out, he knew my homeland very well and had even been there several times as a holiday guest. At the larger stops I brought him fruit and something to drink, for which the grateful rabbi warmly shook my hand.

At first the old man was very cheerful and entertaining, but later he sank into deep silence and was lost in his own thoughts. Finally he fell asleep, mouth open, hands folded on his chest.

rot. Die Sonne kündete ihr Kommen an. Und jetzt sah ich sie wieder, diese dichtgruppierten, mit bemoosten Stroh bedeckten Hütten und Häuser der russischen Kleinbauern, die sogenannten Isbas. Auf den Feldern weideten Vieherden. Das Leben im russischen Dorf regt sich in allen Winkeln. Lange bevor die Hähne krähen, erschallt der Peitschenknall der Hirten und weckt die friedlich schlafenden Bürger.

Linksseits des Schienenstranges lag endloses Sumpfgebiet. Wie große Wogen auf einem See hob und senkte sich das Schilf im Winde. Zuweilen blitzte ein Streifen Flußlauf durch das Ufergebüsch.

Gegenüber von mir saß, im tiefen Polster zurückgelehnt, ein greiser Rabbi, ein vom Tode gezeichneter Mann mit schwankenden Knien und schlaffen Falten am Halse.

Wir stellten uns gegenseitig vor, kamen ins Gespräch. Wie der alte Mann mir erzählte, litt er seit Jahren an Angina pectoris, der ungemein schmerzhaften Herzkrankheit, welche auch seinen Vater schon dahingerafft haben soll.

Als der Greis vernahm, daß ich aus der Schweiz kam, strahlte er über das ganze Gesicht. Wie es sich heraussstellte, kannte er meine Heimat sehr gut, war sogar dort öfters als Feriengast gewesen. An den größeren Haltestellen brachte ich ihm Früchte und etwas zu trinken, wofür mir der dankbare Rabbi herzlich die Hand drückte.

Zuerst war der Greis sehr aufgeräumt und unterhaltend, aber später versank er in tiefes Schweigen und hing seinen eigenen Gedanken nach. Schließlich schlief er ein, mit offenem Mund, die Hände auf der Brust gefaltet.

более красной. Солнце объявило о своем приходе. И теперь я увидел их снова, эти плотно сгруппированные избы и дома русских мелких земледельцев, так называемые исбы, покрытые мшистой соломой. На полях паслись стада крупного рогатого скота. Жизнь в русской деревне кипит на каждом углу. Задолго до того, как пропоют петухи, раздается треск пастушеской кнута, будящий мирно спящих горожан.

Слева от железнодорожной линии лежало бескрайнее болото. Подобно огромным волнам на озере, камыш поднимался и опускался под ветром. Временами сквозь кусты вдоль берега мелькала полоса реки.

Напротив меня, откинувшись на глубокой подушке, сидел старый раввин, человек, отмеченный смертью, с трясущимися коленями и рыхлыми морщинами на шее.

Мы представили друг друга и начали разговаривать. Как рассказал мне старик, он уже много лет страдает стенокардией, чрезвычайно болезненной болезнью сердца, которая, как говорят, убила его отца.

Когда старик услышал, что я приехал из Швейцарии, все его лицо просияло. Как оказалось, он очень хорошо знал мою родину и даже несколько раз бывал там в качестве гостя на праздниках. На больших остановках я приносил ему фрукты и что-нибудь питье, за что благодарный раввин тепло пожимал мне руку.

Сначала старик был очень весел и весел, но потом погрузился в глубокое молчание и погрузился в свои мысли. Наконец он заснул, открыв рот и сложив руки на груди.

Warszawa (Warsaw)! I also interrupted my journey to the East here for a few days to visit the metropolis of Russian Poland. The unfortunate country of Poland

Original Page 36
was already under foreign rule at that time. It viewed everything that came from Germany or Russia with cold hatred.

In the station hall I asked a police officer in Russian for directions to Schloßplatz. The Pole then ostentatiously turned his back on me. I repeated my question in German. The man stood his ground and didn't look at me. Only then, when I pulled out the few words of French that Pastor Egger had taught me in Diemtigen, did the policeman politely salute and readily give me the information I wanted in fluent Russian.

From Warsaw I sent Uncle Nikolai a dispatch as follows:

«... Post Klimovo
City of Duzhovschina
Smolensk Governorate stop
Arrive September twentieth
five o'clock in the evening station Sveschowo stop
Your nephew Volodya.”

Uncle Nikolai was a passionate admirer of noble, classy horses. When I got off the train in Zveshovo that September evening and was heading towards Moscow, a troika was waiting for me next to the station building. A fiery black horse was clamped between the two drawbars, flanked on the left and right by a

Warszawa (Warschau)! Ich unterbrach auch hier für einige Tage meine Reise nach dem Osten, um die Metropole Russisch- Polens zu besichtigen. Das unglückliche Polenland stand damals schon unter Fremdherrschaft. Es betrachtete alles mit kaltem Haß, was von Deutschland oder Rußland kam.

In der Bahnhofshalle erkundigte ich mich bei einem Polizisten in russischer Sprache nach dem Weg zum Schloßplatz. Der Pole kehrte mir hierauf ostentativ den Rücken zu. Ich wiederholte meine Frage in deutscher Sprache. Der Mann blieb standhaft, er würdigte mich keines Blickes. Erst dann, als ich die paar Brocken Französisch hervorholte, die mir Pfarrer Egger in Diemtigen beigebracht hatte, salutierte der Polizist höflich und gab mir in fließendem Russisch bereitwillig die gewünschte Auskunft.

Von Warschau aus sandte ich Onkel Nikolai eine Depesche folgenden Inhalts:

«... Post Klimovo
Stadt Duschowschina
Gouvernement Smolensk stop
Ankomme zwanzigsten September
fünf Uhr abends Station Sweschowo stop
Euer Neffe Wolodja.»

Onkel Nikolai war leidenschaftlicher Verehrer von edlen, rassigen Pferden. Als ich an jenem Septemberabend in Sweschowo dem Zug entstieg, der Richtung Moskau weiterrollte, wartete neben dem Bahnhofgebäude eine Troika auf mich. Zwischen den beiden Deichseln war ein feuriger Rappe eingespannt, links und rechts flankiert von

Варшава (Варшава)! Здесь я также прервал на несколько дней свое путешествие на Восток, чтобы посетить метрополию русской Польши. Несчастная Польша в то время уже находилась под властью иностранцев. Оно смотрело на все, что исходило из Германии или России, с холодной ненавистью.

В вестибюле вокзала я спросил у полицейского по-русски, как пройти до Шлоссплац. Тогда поляк демонстративно отвернулся от меня. Я повторил свой вопрос по-немецки. Мужчина стоял на месте и не смотрел на меня. Только тогда, когда я вытащил несколько слов по-французски, которым пастор Эgger научил меня в Димтигене, полицейский вежливо отдал мне честь и с готовностью дал мне нужную информацию на беглом русском языке.

Из Варшавы я отправил дяде Николаю депешу следующего содержания:

«...Пост Климово
Город Дужовщина.
остановка Смоленская губерния.
Прибытие двадцатого сентября
пять часов вечера станция Свешово остановка
Твой племянник Володя.

Дядя Николай был страстным поклонником благородных, классных лошадей. Когда в тот сентябрьский вечер я вышел из поезда в Звешово и направился в сторону Москвы, рядом со зданием вокзала меня ждала тройка. Между двумя дышлами была зажата огненно-черная лошадь, по бокам которой слева и справа стояла коричнево-серая лошадь. На козлах кучера дерзко

brown gray horse. A young boy sat cheekily on the coachman's box. The jet-black, tight-fitting Poddewka showed off his wasp waist to full advantage. On the peakless cap of the same color, colorful peacock feathers swayed elastically in the autumn wind.

The beautiful picture of the typical Russian trio made my heart beat faster. As I approached, the horses stamped their hooves impatiently. As soon as I sat down in the back of the car and the driver loosened the reins a little, the vehicle shot forward, leaving a thick cloud of dust in its wake.

For me, riding a horse and cart was a form of creation. Driving on the steppe made me free and happy. I was released from school and thought I was a personality. The very fact that my uncle sent his best horses after me strengthened my awareness of this. And it's a good thing, young people should

Original Page 37

have illusions. May they bring them joy, at least for a little while. Of course, the time is usually never far away when the iridescent soap bubbles dissolve into nothing. But what does it do? The beautiful memories of the illusions remain unforgettable...

Uncle Nikolai [1870-1913] received me with a freshness that belied his age and was visibly happy about the visit. But it was only his wide-awake mind that gave the impression that his body had been sick for some time. At dinner we sat opposite each other and contemplated the past and the future. The grandparents had long since passed away.

je einem Braunschimmel. Auf dem Kutscherbock saß keck ein junger Bursche. Die pechschwarze, knapp sitzende Poddewka ließ seine Wespentaille voll zur Geltung kommen. Auf der gleichfarbigen schirmlosen Mütze wiegten sich bunte Pfauenfedern elastisch im Herbstwind.

Das schöne Bild des typisch russischen Dreigespanns ließ mein Herz rascher schlagen. Als ich mich ihm näherte, stampften die Pferde ungeduldig mit den Hufen. Kaum hatte ich im Fond des Wagens Platz genommen und der Kutscher die Zügel etwas gelockert, schoß das Gefährt vorwärts, eine dichte Staubwolke hinterlassend.

Fahren mit Pferd und Wagen war für mich eine Form der Schöpfung. Fahren auf weiter Steppe machte mich frei und fröhlich. Ich war der Schule entlassen und glaubte, eine Persönlichkeit zu sein. Schon die Tatsache allein, daß der Oheim seine besten Pferde nach mir sandte, bestärkte mich in diesem Bewußtsein. Und es ist gut so, die Jugend soll - 36

Illusionen haben. Mögen sie ihr wenigstens für kurze Zeit Freude bringen. Gewiß, der Zeitpunkt liegt meistens nie weit, wo die schillernden Seifenblasen sich in ein Nichts auflösen. Aber was tut's? Die schönen Erinnerungen an die Illusionen bleiben unvergeßlich ...

Onkel Nikolai empfing mich mit einer sein Alter strafenden Frische und war sichtlich froh über den Besuch. Aber es war nur sein hellwacher Geist, der diesen Anschein machte, der Körper krankte schon seit geraumer Zeit. Beim Abendbrot saßen wir uns gegenüber und stellten Betrachtungen an, über die Vergangenheit und die Zukunft. Die Großeltern hatten längst das

сидел мальчик. Черная, как смоль, облегающая «Поддевка» в полной мере подчеркивала осиную талию. На бескозырке такого же цвета упруго покачивались на осеннем ветру разноцветные павлиньи перья.

Красивая фотография типичного русского трио заставила мое сердце биться быстрее. Когда я подошел, лошади нетерпеливо топнули копытами. Как только я сел на заднее сиденье и водитель немного ослабил поводья, машина рванулась вперед, оставляя за собой густое облако пыли.

Для меня езда на лошади и телеге была формой творчества. Поездка по степи сделала меня свободным и счастливым. Меня выпустили из школы, и я думал, что я личность. Сам факт, что дядя послал за мной своих лучших лошадей, укрепил мое осознание этого. И это хорошо, у молодежи должны быть - 36

иллюзии. Пусть они принесут ей радость, хотя бы на некоторое время. Конечно, обычно не за горами то время, когда переливающиеся мыльные пузыри растворяются в ничто. Но что это делает? Прекрасные воспоминания об иллюзиях остаются незабываемыми...

Дядя Николай принял меня со свежестью, противоречащей его возрасту, и был явно рад визиту. Но только его бодрствующий разум создавал впечатление, что его тело уже какое-то время болело. За ужином мы сидели друг напротив друга и размышляли о прошлом и будущем. Бабушка и дедушка давно умерли. Молочный завод в Климово

The dairy in Klimovo became the property of Uncle Nikolai. He remained single for a long time, kept a housekeeper, until he got tired of being alone and [in 1903] took a young girl [*Mathilde Trachsel (1886-1951)*] from a wealthy family of Swiss origin to the Penaten. In terms of age, the uncle could almost have been a father to his wife. The marriage resulted in two children. One of them was still in the cradle.

The uncle was suffering. The colicky pain over the right groin, which recurred for short periods of time, was undoubtedly caused by chronic appendicitis. The uncle spoke worriedly about the future of his family, which he believed was in danger. From a slight twitch in his mouth, I thought I could see what it was all about. Back then, almost fifty years ago, the art of surgery was nowhere near as advanced as it is today. An appendectomy carried the highest risk of death, let alone appendicitis in the deep Russian provinces, if no doctor was available.

Faced with these bleak prospects, the uncle lacked the resolve to act. He left the decision to fate and died five years later.

As my uncle's wife, after my Aunt Mathilde had put her children to bed, she sat down at the family table with a crochet piece and was told news from the Frutigtal, where she lived on her father's and mother's side.

Zeitliche gesegnet. Die Molkerei in Klimowo ging in den Besitz von Onkel Nikolai über. Er blieb lange ledig, hielt eine Haushälterin, bis er des Alleinseins müde wurde und ein junges Mädchen aus begüterter Familie schweizerischer Herkunft zu den Penaten führte. Altersmäßig hätte der Onkel seiner Frau beinahe Vater sein können. Der Ehe entsprossen zwei Kinder. Eines davon lag noch in der Wiege.

Der Onkel war leidend. Die in kurzen Zeitabschnitten wiederkehrenden kolikartigen Schmerzen über der rechten Leistengegend stammten ohne jeglichen Zweifel von einer chronischen Appendizitis. Der Onkel sprach sorgenvoll von der Zukunft seiner Familie, die er glaubte in Gefahr zu wissen. Aus einem leichten Zucken seines Mundes glaubte ich zu erkennen, um was es eigentlich ging. Damals, vor bald fünfzig Jahren, war die Chirurgie mit ihrer Kunst noch lange nicht so weit, wie das heute der Fall ist. Eine Blinddarmoperation barg höchste Todesgefahr in sich, geschweige denn eine Blindedarmzündung in tiefer russischer Provinz, wenn kein Arzt zur Stelle war.

Angesichts dieser trüben Aussichten fehlte dem Onkel die Entschlußkraft zum Handeln. Er überließ die Entscheidung dem Schicksal und starb fünf Jahre später.

Als die Gattin meines Onkels, d. h. meine Tante Mathilde, ihre Kinder zu Bett gebracht hate, nahm sie mit einer Häkelarbeit am Familientisch Platz und ließ sich Neuigkeiten aus dem Frutigtal erzählen, wo sie väterlicher- und mütterlicherseits beheimatet war.

перешел в собственность дяди Николая. Он долгое время оставался холостым, держал домработницу, пока ему не надоело одиночество и он не забрал в Пенаты молодую девушку из богатой семьи швейцарского происхождения. По возрасту дядя его жены почти мог быть отцом. В результате брака родилось двое детей. Один из них все еще находился в колыбели.

Дядя страдал. Коликообразная боль в правом паху, повторяющаяся кратковременно, несомненно, была вызвана хроническим аппендицитом. Дядя с тревогой говорил о будущем своей семьи, которая, по его мнению, была в опасности. По легкому подергиванию его рта мне показалось, что я понимаю, в чем дело. Тогда, почти пятьдесят лет назад, искусство хирургии было далеко не таким развитым, как сегодня. АпPENDЭКТОМИЯ сопряжена с самым высоким риском смерти, не говоря уже об аппендицизите, в глубокой российской провинции, если нет врача.

Столкнувшись с такими мрачными перспективами, дядя не хватило решимости действовать. Он предоставил решение судьбе и умер пять лет спустя.

Как жена моего дяди, т.е. ЧАС. После того как моя тетя Матильда уложила детей спать, она села за семейный стол с вязанным крючком изделием и получила новости из Фрутгтала, где она жила по линии отца и матери.

"Above all, Jürg Reichen sends you his warmest regards and wishes you well!" I said to my aunt. This good news made her eyes light up. Jürg Reichen, the funny medical student and later chief physician of the

Original Page 38

Frutigen District Hospital and the 3rd Division, was her cousin. This great humanitarian tragically fell victim to a car accident on August 19, 1935 between Bern and Thun.

Together we also discussed the conditions at the Murentsevo dairy as they had developed over the years after my mother's death.

The bank balance in Kaluga was secured years ago and transferred to the Niedersimmental Savings and Loan Bank in Wimmis for the benefit of me and my siblings. In Murenzewo, Fritz Haueter ran the dairy, strictly and conscientiously, as one would expect from a person of his ilk. When I expressed my desire to continue my journey there over the next month, Uncle Nikolai spontaneously agreed to accompany me.

Wassilij Petrovich Maslenikov

On an October evening that year, which was strangely still warm, we arrived in Kaluga by train, had a quick snack in the station buffet and then traveled on to Murentsevo by horse and carriage.

«Vor allem lässt Euch Jürg Reichen herzlich grüßen und Wohlergehen wünschen!» sagte ich zur Tante. Diese frohe Kunde ließ ihre Augen aufleuchten. Jürg Reichen, der lustige Medizinstudent und nachmalige Chefarzt des Bezirksspitals - 37

Frutigen sowie der 3. Division, war ihr Vetter. Dieser große Menschenfreund fiel am 19. August 1935 zwischen Bern und Thun auf tragische Weise einem Autounglück zum Opfer.

Wir brachten gemeinsam auch die Verhältnisse in der Molkerei Murenzewo, wie sie sich nach dem Tode meiner Mutter im Laufe der Jahre entwickelt hatten, zur Sprache.

Das Bankguthaben in Kaluga wurde schon vor Jahren sichergestellt und zugunsten von mir und meinen Geschwistern der Spar- und Leihkasse Niedersimmental in Wimmis überwiesen. In Murenzewo führte Fritz Haueter die Molkerei, streng und gewissenhaft, wie es von einem Menschen seines Schlagens nicht anders zu erwarten war. Als ich den Wunsch äußerte, meine Reise im Laufe des nächsten Monats dorthin fortzusetzen, erklärte sich Onkel Nikolai spontan dazu bereit, mich zu begleiten.

Wassilij Petrowitsch Maslenikow

An einem in jenem Jahr seltsamerweise noch warmen Oktoberabend kamen wir mit der Eisenbahn in Kaluga an, nahmen im Bahnhofbuffet einen kurzen Imbiß ein und reisten hierauf mit Pferd und Wagen nach Murenzewo weiter.

«Прежде всего, Юрг Райхен передает вам самые теплые пожелания и желает вам всего наилучшего!» Я сказал своей тете. Эта хорошая новость заставила ее глаза загореться. Юрг Райхен, забавный студент-медик, а затем главный врач районной больницы - 37

Фрутигена и 3-го отделения, приходился ей двоюродным братом. Этот великий гуманист трагически пал жертвой автокатастрофы 19 августа 1935 года между Берном и Туном.

Вместе мы также обсудили условия на Муренцевском молочно-товарном заводе, как они сложились за годы после смерти моей матери.

Счет в банке в Калуге был застрахован много лет назад и переведен в Нидерсимментальский сберегательно-ссудный банк в Виммисе в пользу меня и моих братьев и сестер. В Муренцево Фриц Хаутер руководил молочной фермой строго и добросовестно, как и следовало ожидать от человека его круга. Когда я выразил желание продолжить путешествие туда в течение следующего месяца, дядя Николай спонтанно согласился меня сопровождать.

Василий Петрович Масленников

Октябрьским вечером того года, который был на удивление еще теплым, мы прибыли в Калугу на поезде, быстро перекусили в станционном буфете и затем на лошадях и карете поехали в Муренцево.

After a three-hour drive we approached the Majorat estate.

"How is Seversky?" I asked my uncle, "is the old gentleman still alive?"

"Severski is actually still alive," replied the uncle, clearing his throat. "But he grew old and - as is the way of the world - fell into oblivion, which is ignored with a shrug of the shoulders. Sewerski has been "written off" in terms of inventory, as the technical term in commercial language is. His eldest son Dimitri now resides here, organizes large hunts for rabbits, foxes, wolves and even bears, surrounds himself with pomp and splendor and does not seem averse to beautiful women . People generally don't speak well of him. In any case, his father is made of better stuff."

Visibly tired from the long and sharp journey, the horses now walked slowly along the mansion. The garden gate was wide open. Further back, in the large park, rose a mighty house with an outside staircase, balconies and French windows that almost reached the floor and through which one could step directly outside. Most of them were brilliantly lit.

Original Page 39

A gramophone was playing somewhere. Dance music drifted softly into the nighttime garden. A melancholy female voice sang the well-known waltz melody "Na sopkach mandschurij" (German: On the hills of Manchuria). A cello started mournfully.

Nach dreistündiger Fahrt näherten wir uns dem Majoratsgut.

«Wie geht es Sewerski?» erkundigte ich mich beim Onkel, «lebt der alte Herr überhaupt noch?»

«Sewerski lebt in der Tat noch», entgegnete der Onkel und räusperte sich. «Er ist aber alt geworden und - wie das so der Welt Lauf ist - in die Vergessenheit hineingeraten, über die man mit einem Achselzucken hinweggeht. Sewerski ist inventurmäßig «abgeschrieben», wie der terminus technicus in der HandelsSprache lautet Sein ältester Sohn Dimitri residiert nun hier, veranstaltet große Treibjagden auf Hasen, Füchse, Wölfe und gar Bären, umgibt sich mit Prunk und Glanz und scheint schönen Frauen nicht abhold zu sein. Man spricht allgemein nicht gut von ihm. Sein Vater ist jedenfalls aus besserem Holz geschnitzt.»

Von der langen und scharfen Fahrt sichtlich ermüdet, gingen die Pferde jetzt im Schritt, langsam dem Herrensitz entlang. Das Gartentor stand weit offen. Weiter hinten, im großen Park, erhob sich ein mächtiges Haus mit Freitreppe, Balkonen und bis fast auf den Fußboden reichenden französischen Fenstern, durch die man direkt ins Freie treten konnte. - 38

Die meisten von ihnen waren strahlend erhellt. Irgendwo spielte ein Grammophon. Leise klang verwehte Tanzmusik in den nächtlichen Garten heraus. Eine schwermütige Frauenstimme sang die bekannte Walzermelodie «Na sopkach mandschurij» (deutsch: Auf den Hügeln der Mandschurei). Klagend setzte ein Cello ein.

Через три часа езды мы подошли к поместью Майората.

— Как Северский? Я спросил дядю: «Старый джентльмен еще жив?»

— Северский вообще-то еще жив, — ответил дядя, откашливаясь. «Но он состарился и — как это положено в мире — впал в забвение, на которое игнорируют пожимание плечами. Северского «списали» с точки зрения инвентаря, как это принято в коммерческом языке, здесь проживает теперь его старший сын Дмитрий, устраивает большие охоты на кроликов, лисиц, волков и даже медведей, окружает себя пышностью и великолепием и занимается Кажется, я не против красивых женщин. Люди обычно о нем плохо отзываются. В любом случае, его отец сделан из лучшего материала.

Видно уставшие от долгого и резкого пути, лошади теперь медленно шли вдоль особняка. Садовые ворота были широко открыты. Дальше, в большом парке, возвышался могучий дом с внешней лестницей, балконами и французскими окнами, почти до пола, через которые можно было выйти прямо наружу. - 38

Большинство из них были блестяще освещены. — Где-то играл граммофон. Танцевальная музыка тихо доносилась из ночного сада. Меланхоличный женский голос исполнил известную мелодию вальса «На сопках мандшурской» (нем. «На холмах Маньчжурии»). Заиграла виолончель скорбно.

"The gentlemen are having fun again!" replied the young coachman and spat contemptuously in a wide arc.

I paused. What was that? Essentially the coachman had said nothing of importance, but there was a hint of contempt in the tone of his words. Spitting gave him emphasis. Since when did these simple muzhiks allow themselves to openly criticize the actions of the feudal lords? Something like this didn't happen before. True, the landowners were never popular in Russia, but they were untouchable by the lowest strata of the population.

We were happily welcomed and entertained by Fritz Haueter. He looked at me and I looked at him. Each found a change in the other. Haueter was now in his prime and had even fattened up a little tummy.

I received a warm welcome from Akulina, who once cared for me as an infant. She cried out, sobbing: "God, my God, what would Evgenia Ivanovna blissfully (that meant my mother) say if she could see her grown-up son!" Russian women love to cry, be it when saying goodbye or when someone dear to them returns!

Dinner was served. Haueter fetched a bottle of red wine from the cellar. In conversation, the host inquired about the latest events in his homeland, with which he, as an ardent patriot, felt closely connected even from far away.

«Die Herrschaften amüsieren sich wieder!» versetzte der junge Kutscher und spuckte verächtlich in weitem Bogen aus.

Ich stutzte. Was war das? Im Grunde genommen hatte der Kutscher nichts von Bedeutung gesagt, aber im Tonfall seiner Worte lag doch ein Schein von Verachtung. Das Ausspucken gab ihr Nachdruck. Seit wann gestatten sich diese simplen Muschiks, das Tun und Lassen der Feudalherren offen zu kritisieren? Früher kam so etwas nicht vor. Gewiß, die Gutsbesitzer waren in Russland nie beliebt, aber seitens der untersten Bevölkerungsschichten unantastbar.

Wir wurden von Fritz Haueter freudig begrüßt und bewirtet. Er betrachtete mich, und ich betrachtete ihn. Jeder fand eine Veränderung am andern. Haueter stand jetzt im besten Mannesalter, hatte sich sogar ein Bäuchlein angemästet.

Ein warmer Empfang wurde mir von Akulina zuteil, die mich einst als Säugling pflegte. Sie rief schluchzend aus: «Gott, mein Gott, was würde Ewgenia Iwanowna selig (damit war meine Mutter gemeint) sagen, wenn sie ihren erwachsenen Sohn sehen könnte!» Weinen tun die russischen Frauen ja so gerne, sei es beim Abschied oder bei der Wiederkehr eines ihnen teuren Menschen!

Das Abendessen wurde aufgetragen. Haueter holte eine Flasche Rotwein aus dem Keller. Gesprächsweise erkundigte sich der Gastgeber über die letzten Ereignisse in der Heimat, mit der er sich als feuriger Patriot auch aus der weiten Ferne eng verbunden fühlte.

«Господа снова веселятся!» — ответил молодой кучер и презрительно сплюнул в широкую дугу.

Я сделал паузу. Что это было? В сущности, кучер не сказал ничего важного, но в тоне его слов сквозило презрение. Плевок придал ей выразительности. С каких это пор эти простые мужики позволяют себе открыто критиковать действия феодалов? Ничего подобного раньше не случалось. Правда, помещики никогда не были популярны в России, но они были неприкасаемы для низших слоев населения.

Нас радостно приветствовал и развлекал Фриц Хаутер. Он посмотрел на меня, а я посмотрел на него. Каждый нашел изменение в другом. Хаутер был сейчас в расцвете сил и даже немного набрал живот.

Меня тепло встретила Акулина, которая когда-то заботилась обо мне, когда я был младенцем. Она вскрикнула, рыдая: «Боже, Боже мой, что бы блаженно сказала Евгения Ивановна (имелась в виду моя мать), если бы она увидела своего взрослого сына!» Русские женщины любят плакать, будь то прощание или возвращение дорогого им человека!

Ужин был подан. Хаутер принес из погреба бутылку красного вина. В беседе ведущий поинтересовался последними событиями на родине, с которыми он, как ярый патриот, чувствовал тесную связь даже издалека.

"Who is currently the Swiss shooting king?" Above all, Haueter, who always hit the mark himself, wanted to know.

"Konrad Stäheli," I said promptly, happy to be able to provide information, "he achieved the highest result at the Federal Shooting Festival in St. Gallen in 1904."

We went to bed late that evening. The first bottle was followed by the second and third.

Haueter suddenly became silent. Then he stretched his long limbs and murmured to himself:

Original Page 40

"Homesickness is a bad thing, it hurts more than an illness. But after all, everything in life passes. Once I've scraped together my few thousand rubles, I'll say goodbye forever to this godforsaken country where everything is now going haywire. I then buy a house with some land in Erlenbach, on the side of the Stockhorn chain, where the sun shines so warmly and energizing even on the shortest winter days.

A confident smile flashed across the face of this Swiss man, who honored his beloved homeland with loyal pioneering work in a foreign country. He dreamed of a cozy home on the sunny slopes of his mountain village, the result of years of work. These future plans could easily have been realized if they had not been thwarted by extraordinary events. Major

«Wer ist gegenwärtig schweizerischer Schützenkönig?» wollte Haueter, der selber stets ins Schwarze traf, vor allem wissen.

«Konrad Stäheli», sagte ich prompt, glücklich darüber, Auskunft geben zu können, «er erzielte 1904 am eidgenössischen Schützenfest in St. Gallen das höchste Resultat.»

An diesem Abend gingen wir spät zu Bett. Der ersten Flasche folgte die zweite und dritte.

Haueter wurde auf einmal schweigsam. Dann reckte er seine langen Glieder und murmelte vor sich hin: «Heimweh - 39

ist eine schlimme Sache, es schmerzt mehr als eine Krankheit. Doch schließlich geht im Leben ja alles vorüber. Wenn ich einmal meine paar Tausend Rubel zusammengekratzt habe, werde ich diesem gottverlassenen Lande für immer Lebewohl sagen, wo jetzt alles drunter und drüber geht. In Erlenbach kaufe ich mir dann ein Häuschen mit etwas Land dazu, dort, auf der Seite der Stockhornkette, wo die Sonne auch während den kürzesten Wintertagen so warm und kraftspendend scheint.

Über das Antlitz dieses Schweizers, der mit treuer Pionierarbeit im fremden Lande für seine geliebte Heimat Ehre einlegte, huschte ein zuversichtliches Lächeln. Er träumte von einem trauten Heim am sonnigen Rain seines Bergdorfes, als Ergebnis jahrelangen Schaffens. Diese Zukunftspläne hätten leicht ihre Verwirklichung finden können, wenn sie nicht durch außerordentliche Ereignisse durchkreuzt worden wären. Große Ereignisse

«Кто сейчас является швейцарским королем стрельбы?» Прежде всего, Хаутер, который сам всегда попадал в цель, хотел знать.

«Конрад Штяхели, — сразу же сказал я, счастливый, что могу предоставить информацию, — он добился высочайшего результата на Федеральном стрелковом фестивале в Санкт-Галлене в 1904 году».

В тот вечер мы легли спать поздно. За первой бутылкой последовали вторая и третья.

Хаутер внезапно замолчал. Потом он вытянул свои длинные конечности и пробормотал про себя: «Тоска по дому - 39

это плохая вещь, она ранит сильнее, чем болезнь. Но ведь все в жизни проходит. Накопив несколько тысяч рублей, я навсегда попрощаюсь с этой богом забытой страной, где сейчас все идет наперекосяк. Затем я покупаю дом с участком земли в Эрленбахе, на краю цепи Стокхорн, где солнце светит так тепло и заряжает энергией даже в самые короткие зимние дни.

Уверенная улыбка мелькнула на лице этого швейцарца, почтившего свою любимую Родину верной новаторской работой на чужбине. Он мечтал об уютном доме на солнечных склонах своей горной деревни, результате многолетнего труда. Эти планы на будущее легко могли бы быть реализованы, если бы им не помешали чрезвычайные события. Крупные события

events not only destroyed the existence of a single person, but also shook the foundations of an entire country.

When I looked through the windows of my bedroom early the next morning, I was amazed to see that the whole environment was different from what I remembered from my childhood. Or did it just seem that way to me? Anyway, everything was so close, so small! I used to believe that the distance to Ueberlandstrasse with the avenue of old linden trees that led past our house was infinitely great. And now? At most a good stone's throw away. Through the eyes of a child, I saw my surroundings differently than they really were. This fact only became apparent to me later.

My first visit was to the graves of my parents and grandparents. I lingered for a long time in the church field surrounded by trees, in silent conversation with the dear deceased. I asked my mother for forgiveness for the misdeeds she had committed.

In the afternoon of the same day I paid a visit to the village of Dubrovka. I wanted to greet Nilka, who had married, was already the father of four children and was farming his father's soil. I stayed in his Isba for many hours. The samovar (tea machine) hummed the ancient song of a sweet home and family happiness, in the right corner the eternal light lamp burned in front of the icon of the Mother of God of Kazan.

zerstörten nicht nur die Existenz eines einzelnen Menschen, sondern erschütterten die Grundfesten eines ganzen Landes.

Als ich am frühen Morgen folgenden Tages durch die Fensterscheiben meines Schlafzimmers blickte, stellte ich mit Verwunderung fest, daß die ganze Umgebung anders war, als ich sie von meiner Kindheit her in Erinnerung hatte. Oder schien es mir bloß so? Jedenfalls war alles so nah, so klein! Ich glaubte früher, die Entfernung bis zur Ueberlandstraße mit der Allee alter Lindenbäume, die an unserem Hause vorbeiführte, sei unendlich groß. Und jetzt? Höchstens ein guter Steinwurf weit. Mit Kinderaugen sah ich meine Umgebung eben anders, als sie in Wirklichkeit war. Diese Tatsache offenbarte sich mir erst später.

Mein erster Gang galt den Gräbern meiner Eltern und Großeltern. Auf dem von Baumbeständen umkränzten Gottesacker verweilte ich lange, im stummen Zwiegespräch mit den lieben Verblichenen. Meine Mutter bat ich um Verzeihung für die begangenen Missetaten.

Am Nachmittag gleichen Tages stattete ich dem Dorf Dubrowka einen Besuch ab. Ich wollte Nilka begrüßen, der sich verheiratet hatte, bereits Vater von vier Kindern war und die väterliche Scholle bewirtschaftete. Ich verweilte viele Stunden in seiner Isba. Der Samowar (Teemaschine) summte das uralte Lied vom trauten Heim und Familienglück, in der rechten Ecke brannte das Ewiglichtlämpchen vor der Ikone der Mutter Gottes von Kasan. - 40

не только разрушили существование отдельного человека, но и потрясли устои целой страны.

Когда рано утром следующего дня я заглянул в окна своей спальни, я был поражен, увидев, что вся обстановка отличалась от той, которую я помнил из детства. Или мне это только показалось? В любом случае, все было так близко, так мало! Раньше я считал, что расстояние до Юберландштрассе с аллеей старых лип, проходящей мимо нашего дома, бесконечно велико. И сейчас? Максимум в двух шагах. Глазами ребенка я видел свое окружение иначе, чем оно было на самом деле. Этот факт стал для меня очевиден только позже.

Мой первый визит был на могилы моих родителей, бабушек и дедушек. Я долго задержался на церковном поле, окруженном деревьями, в молчаливой беседе с дорогим покойником. Я попросила у матери прощения за те проступки, которые она совершила.

Днем того же дня я посетил деревню Дубровку. Я хотел поприветствовать Нилку, который женился, уже был отцом четырех детей и обрабатывал землю своего отца. Я пробыл в его Исбе много часов. Самовар (чайный автомат) гудел старинную песню о милом доме и семейном счастье, в правом углу горела лампада вечного света перед иконой Казанской Божией Матери. - 40

Original Page 41

It was quiet and cozy in the farmhouse parlor. I felt at home among the common people, who prefer silence and reflection over speech, whose deepest feelings shy away from their lips.

It seemed to me, as if Nilka had become a different person, more masculine, more thoughtful. He had even shed the boldness that I so admired in him as a child. It's a shame, I thought, it suited him well. Or were appearances deceptive? Was it still smoldering inside him, ready to express itself again at any time? You couldn't say that. Nilka had self-control to the highest degree.

"How is my former schoolmate Wasska?" I broke the minute-long silence.

"Good," replied Nilka, "very good in fact. Of all your friends and acquaintances (Nilka no longer used my first name), Wasska has probably changed the most, not just outwardly, but his mental state has undergone a fundamental change.

"What happened to him?" I asked with interest.

Nilka took a new cigarette from a wooden container, lit it and started smoking again. After a while he began to talk in a calm, deep voice:

Es war still und gemütlich in der Bauernstube. Ich fühlte mich heimisch unter dem einfachen Volk, dem das Schweigen und Sinnen mehr gegeben sind als Reden, dessen tiefste Gefühle den Weg über die Lippen scheuen.

Mir schien es, als ob Nilka ein anderer geworden war, männlicher, bedächtiger. Sogar seine Verwegenheit, die ich an ihm als Kind so bewunderte, hatte er abgestreift. Schade, dachte ich, sie stand ihm gut an. Oder trügte der Anschein? Glimmte sie allenfalls in seinem Innern weiter, jederzeit bereit, wieder nach außen hin zum Ausdruck zu kommen? Das konnte man nicht sagen. Nilka verfügte über eine Selbstbeherrschung in höchster Potenz.

«Wie geht es meinem früheren Schulkameraden Wasska?» unterbrach ich das minutenlange Schweigen.

«Gut», entgegnete Nilka, «sogar sehr gut. Von allen Ihren Freunden und Bekannten (Nilka duzte mich nicht mehr) dürfte sich Wasska wohl am meisten verändert haben, nicht nur äußerlich, sondern seine Geistesverfassung hat eine grundlegende Wandlung durchgemacht.»

«Was ist aus ihm geworden?», fragte ich voll Interesse.

Nilka nahm eine neue Zigarette aus einem hölzernen Behältnis, zündete sie an und fing wieder an zu rauchen. Nach einer Weile begann er zu erzählen, mit ruhiger, tiefer Stimme:

В гостиной фермерского дома было тихо и уютно. Я чувствовал себя как дома среди простых людей, которые предпочитают молчание и размышления речи, чьи самые глубокие чувства уклоняются от их уст.

Мне кажется, как будто Нилька стала другим человеком, более мужественным, более задумчивым. Он даже утратил ту смелость, которой я так восхищался в нем в детстве. Жалко, подумал я, ему это вполне шло. Или внешность обманчива? Было ли оно все еще тлеть внутри него, готовое проявить себя снова в любой момент? Ты не мог этого сказать. Нилька обладала выдержанкой в высшей степени.

«Как поживает моя бывшая одноклассница Васска?» Я нарушил минутное молчание.

«Хорошо», — ответила Нилька, «даже очень хорошо. Из всех твоих друзей и знакомых (Нилка больше не называла моего имени) Васска, наверное, изменился больше всех, и не только внешне, но и его душевное состояние претерпело фундаментальное изменение.»

«Что с ним случилось?» - спросил я с интересом.

Нилка достала из деревянного контейнера новую сигарету, зажгла ее и снова закурила. Через некоторое время он начал говорить спокойным глубоким голосом:

"Nobody had ever thought that Wasska, this tomboy, would still submit to the social order and thus become a useful member of humanity. The ruthless, brutal nature was in his blood. He felt the need to be tough and cynical and got drunk on tobacco and alcohol. Then came the moment when he had to experience the bitterness of life. Through no fault of his own. This, oddly enough, was a turning point in his improvement.

"The tall Kwas you most likely remember disappeared from the face of the earth on a stormy winter day. Early in the morning he went to school in Dubrovka as usual and then never returned to his parents. Since Kwas was last seen in the village in the company of Vasska, suspicion immediately fell on the shoemaker's son that he might have done something bad to his schoolmate on the way home or elsewhere. Wasska's previous life had a disastrous effect. The boy was believed to be capable of anything because he would stop at nothing when angry. When the police came to the crooked hut, old Maslenikov was speechless. His son was innocent, he murmured absently. Wasska said the same thing, but he was not believed. He was taken to juvenile court. Since the circumstances spoke against the defendant, it was deemed appropriate to hand him over to the reformatory in Kaluga, as a sort of punishment.

"After a month, when the thaw came, a frost-frozen hand stuck out of the snow not far from the road that leads from Dubrovka to Murentsevo. It belonged to Kwas, who had turned away from his

«Kein Mensch hatte je daran gedacht, Wasska, dieser Wildfang, werde sich doch noch der Gesellschaftsordnung unterziehen und damit ein nützliches Glied in der Menschheit werden. Das rücksichtslose, brutale Wesen lag ihm im Blute. Er hatte das Bedürfnis, hart und zynisch zu sein, berauschte sich an Tabak und Alkohol. Dann kam der Augenblick, an dem er des Lebens Bitternis erfahren mußte. Unverschuldeterweise. Dies war sonderbarerweise ein Wendepunkt zu seiner Besserung.

Der großgewachsene Kwas, an den Sie sich sehr wahrscheinlich zu erinnern vermögen, verschwand an einem stürmischen Wintertag von der Erdoberfläche. Früh morgens begab er sich wie gewohnt zur Schule nach Dubrowka und kehrte dann nicht mehr zu seinen Eltern zurück. Da Kwas zuletzt im Dorfe in Begleitung von Wasska gesehen wurde, fiel der Verdacht sofort auf des Schusters Sohn, er hätte seinem Schulkameraden auf dem Heimweg oder anderswo Schlimmes antun können. Wasskas Vorleben wirkte sich dabei verhängnisvoll aus. Man traute dem Jungen alles zu, weil er im Zorn vor nichts zurückschreckte. Als die - 41 Polizei in die windschiefe Hütte kam, verschlugs dem alten Maslenikow die Sprache. Sein Sohn sei unschuldig, murmelte er abwesend. Das gleiche beteuerte Wasska, man glaubte ihm jedoch nicht. Er kam vor ein Jugendgericht. Da die Umstände gegen den Angeklagten sprachen, fand man es für angebracht, ihn der Erziehungsanstalt in Kaluga zu überantworten, gewissermaßen zum Strafvollzug.

Nach einem Monat, als Tauwetter eintrat, ragte unweit des Weges, der von Dubrovka nach Murenzowo führt, gespenstisch eine frosterstarre Hand aus dem Schnee. Sie gehörte Kwas, der im heftigen Schneesturm vom Heimweg abgewichen war, herumirrte und schließlich

«Никто никогда не думал, что Васска, этот сорванец, все равно подчинится социальному порядку и станет таким образом полезным членом человечества. Безжалостный, жестокий характер был у него в крови. Он чувствовал необходимость быть жестким и циничным и опьянел от табака и алкоголя. Затем настал момент, когда ему пришлось испытать горечь жизни. Не по своей вине. Это, как ни странно, стало поворотным моментом в его совершенствовании.

Высокий квас, который вы, скорее всего, помните, исчез с лица земли в ненастный зимний день. Рано утром он, как обычно, пошел в школу на Дубровке и больше не вернулся к родителям. Поскольку Кваса в последний раз видели в деревне в компании Васьки, то на сына сапожника сразу пало подозрение, что он мог сделать что-нибудь плохое своему однокласснику по дороге домой или где-то еще. Предыдущая жизнь Васски имела катастрофические последствия. Считалось, что мальчик способен на все, потому что в гневе он не остановится ни перед чем. Когда в кривую избу пришла полиция, старик Маслеников потерял дар речи. «Его сын невиновен», — рассеянно пробормотал он. Васска сказал то же самое, но ему не поверили. Его доставили в суд по делам несовершеннолетних. Поскольку обстоятельства говорили против подсудимого, в качестве меры наказания было признано целесообразным передать его в исправительную колонию в Калуге.

Через месяц, когда наступила оттепель, недалеко от дороги, ведущей от Дубровки к Муренцево, из снега торчала обмороженная рука. Оно принадлежало Квасу, который в сильную метель свернул с дороги домой, бродил вокруг и, наконец,

route home in the heavy snowstorm, wandered around and finally collapsed from exhaustion and froze to death. The autopsy of the discovered body clearly showed the white death. In any case, no signs of beating or strangling could be detected.

"Wasska was probably rehabilitated, but remained in the institution at his own request. There his life took a completely different direction. The educational institution had far better teachers than our elementary school. Wasska studied obsessively. The pupil's great dedication to learning and his extraordinarily high intelligence could not escape the attention of the management. A philanthropist, a teacher at the classical high school, gave him lessons in Latin, Greek and mathematics. Wasska passed the entrance exam at the literary department of this high school with the best possible results. Two years ago he even skipped a grade. And now he's about to take his school leaving exams."

Nilka fell silent. Outside, dusk was descending on the earth. Tanja, Nilka's wife, lit the bulbous petrol lamp. I sat lost in thought. The ash crown of my cigarette grew and grew, I didn't notice until it fell to the ground.

So this is Wasska, my playmate and schoolmate from when I was a child. His career as a senior teacher was one of those rare cases in education during the Tsarist era. Consider this: the son of a poor village cobbler went straight to college!

erschöpft zusammenbrach und erfror. Die Autopsie der aufgefundenen Leiche ergab einwandfrei den weißen Tod. Es konnten jedenfalls keine Merkmale von Schlägen oder Würgen festgestellt werden.

Wasska wurde wohl rehabilitiert, blieb jedoch auf eigenen Wunsch in der Anstalt. Dort nahm sein Leben eine ganz andere Richtung. Die Erziehungsanstalt hatte weit bessere Lehrkräfte als unsere Elementarschule. Wasska büffelte wie besessen. Die große Hingabe des Zögling zum Lernen und seine außerordentlich hohe Intelligenz konnten der Direktion nicht entgehen. Ein Philanthrop, Lehrer am klassischen Gymnasium, erteilte ihm Unterricht in Latein, Griechisch und Mathematik. Wasska bestand das Aufnahmeexamen an der Literararabteilung dieses Gymnasiums mit bestem Erfolg. Vor zwei Jahren übersprang er sogar eine Klasse. Und nun steht er knapp vor der Reifeprüfung.»

Nilka verstummte. Draußen senkte die Dämmerung sich auf die Erde herab. Tanja, Nilkas Gattin, zündete die bauchige Petrollampe an. Ich saß in Gedanken versunken. Die Aschenkrone meiner Zigarette wuchs und wuchs, ich merkte es nicht, bis sie auf den Boden fiel.

Das ist also Wasska, mein Spielgefährte und Schulkamerad aus der Zeit der Kinderjahre. Sein Werdegang zum Oberprimaner stellte einen jener seltenen Fälle im Unterrichtswesen während der Zarenzeit dar. Man bedenke: Der Sohn eines armen Dorfschusters ging geradewegs zur Hochschule!

рухнул от изнеможения и замерз насмерть. Вскрытие обнаруженного тела ясно показало белую смерть. В любом случае никаких следов избиения или удушения обнаружить не удалось.

Васска, вероятно, был реабилитирован, но остался в заведении по собственному желанию. Там его жизнь приняла совершенно иное направление. В учебном заведении были гораздо лучшие учителя, чем в нашей начальной школе. Васска усердно учился. Огромная преданность ученика к учебе и его необычайно высокий интеллект не могли ускользнуть от внимания руководства. Благотворитель, преподаватель классической гимназии, давал ему уроки латыни, греческого языка и математики. Васска сдала вступительный экзамен на литературное отделение этого вуза с наилучшими результатами. Два года назад он даже перегулял класс. А теперь ему предстоит сдавать выпускные экзамены.

Нилька замолчала. За окном на землю сгущались сумерки. Таня, жена Нильки, зажгла круглую бензиновую лампу. Я сидел, погруженный в свои мысли. Пепельный венец моей сигареты рос и рос, я не замечал, пока он не упал на землю.

Итак, это Васска, мой товарищ по играм и одноклассник с детства. Его карьера старшего учителя была одним из тех редких случаев в образовании в царское время. Вот посмотрите: сын бедного деревенского сапожника сразу поступил в институт!

I didn't feel any envy at these thoughts. On the contrary, I was happy about the good fortune of my friend,

Original Page 43

who had once so courageously and selflessly protected me from the unprovoked attack of the injured Kvas. I wanted to visit him at the next opportunity.

A week later, Uncle Nikolai traveled back to Klimovo. I escorted him to Kaluga. On this occasion I went to see Wasska. The high school principal gave me his address.

The large, one-story house in which Wasska lived was located on one of the numerous narrow and quiet streets that were bordered on both sides by thick hedges and picket fences. I searched and soon found Moskowskaja Street No. 11. The day before, heavy rain fell, turning the unpaved road into a deep mud, so that I almost lost my rubber shoes. But such shortcomings are overlooked in Russia.

On that colorful autumn day I met a young girl who would become my first love. It was about six o'clock in the evening, a fresh wind was blowing, the sun was just setting, and in the west small clouds were sailing into a blood-red sunset.

“Zolotowa,” was the name of the guesthouse owner written in bold letters on the polished brass plate on the door. I pulled the house bell. A bright-eyed girl opened the door and looked at

Ich verspürte bei diesen Gedanken keinen Neid. Im Gegenteil, ich war froh über das gute Gedeihen meines Freundes, der mich einst vor dem unprovokierten Angriff des verun - 42

ällten Kwas so mutig und selbstlos in Schutz genommen hatte. Ich wollte ihn bei nächster Gelegenheit besuchen.

Eine Woche später reiste Onkel Nikolai nach Klimowo zurück. Ich gab ihm bis Kaluga das Geleit. Bei diesem Anlaß suchte ich Wasska auf. Das Rektorat des Gymnasiums gab mir seine Adresse bekannt.

Das große, einstöckige Haus, in welchem Wasska wohnte, lag in einer der zahlreichen schmalen und stillen Straßen, die beiderseits von dichten Hecken und Staketenzäunen eingesäumt waren. Ich suchte und fand bald die Moskowskaja ulitza No. 11. Tags zuvor fiel starker Regen, der die ungepflasterte Straße in tiefen Morast verwandelte, so daß ich beinahe meine Gummischuhe verlor. Aber über solche Mängel sieht man in Rußland hinweg.

An jenem farbenfrohen Herbsttag lernte ich ein junges Mädchen kennen, das meine erste Liebe werden sollte. Es war ungefähr sechs Uhr abends, ein frischer Wind wehte, die Sonne ging eben unter, und im Westen segelten kleine Wölkchen in einen blutroten Sonnenuntergang hinein.

«Zolotowa», stand in fetten Lettern der Name der Pensionsinhaberin auf dem blankgeputzten Messingschild an der Türe. Ich zog an der Hausglocke. Ein glutäugiges Mädchen öffnete die Tür und sah

Я не чувствовал никакой зависти от этих мыслей. Наоборот, я радовался счастью моего друга, который когда-то так мужественно и самоотверженно защитил меня от неспровоцированного нападения раненого кваса. - 42

Я хотел навестить его при следующей возможности.

Через неделю дядя Николай поехал обратно в Климово. Я проводил его в Калугу. По этому случаю я пошел к Васске. Директор средней школы дал мне свой адрес.

Большой одноэтажный дом, в котором жил Васска, располагался на одной из многочисленных узких и тихих улиц, окаймленных с обеих сторон толстыми изгородями и частоколами. Я искал и вскоре нашел Московскую улицу № 1. 11. Накануне прошел сильный дождь, превративший грунтовую дорогу в глубокую грязь, так что я чуть не потерял резиновую обувь. Но в России подобные недостатки игнорируются.

В тот красочный осенний день я встретил молодую девушку, которая стала моей первой любовью. Было около шести часов вечера, дул свежий ветер, солнце только садилось, а на западе небольшие облака плыли в кроваво-красный закат.

«Золотова» — имя хозяйки пансиона было написано жирными буквами на полированной латунной табличке на двери. Я нажал на звонок дома. Ясноглазая девушка открыла дверь и

me questioningly. She seemed to be the epitome of health. I was speechless, overwhelmed by the sight of the physical assets that nature had so lavishly bestowed on the girl. I even forgot why I rang the bell. The girl came to my aid with a smile: "You wish, please?"

I apologized, gave my name and the reason I was there.

"Oh right. Yes, Wasiliy Petrovich Maslenikov is at home. Please come in. "I'll register you with him straight away," said the girl in a soft voice.

We walked down a long, dimly lit corridor. The girl strode forward, swaying her narrow hips gracefully. How beautiful such an earthly creature can be! Red, full lips, snow-white teeth, jet black curls and - as already mentioned - glowing eyes.

"This is Vasily Petrovich's room," explained the young girl and knocked energetically on the door. At the same moment she retreated silently.

Original Page 44

Speaking of Vasily Petrovich! When dealing with people with whom one is not so closely related that he can call them by their first name, the Russian uses, in addition to the first name, a term derived from the father's first name (patronymic), instead of the overly rigid and formal family name. Who, for example, whose first name is Wassiliy and whose father is called Peter, as was the case with Wasska, is called Wassiliy Petrovich, and the family name only follows in third place.

mich fragend an. Es schien der Inbegriff der Gesundheit zu sein. Ich war sprachlos, überwältigt vom Anblick der körperlichen Vorzüge, mit denen das Mädchen von der Natur in so verschwenderischem Maße bedacht worden war. Ich vergaß sogar, weshalb ich geläutet hatte. Das Mädchen kam mir lächelnd zu Hilfe: «Sie wünschen, bitte?»

Ich entschuldigte mich, nannte meinen Namen und den Grund meines Kommens.

«Ach so. Ja, Wassiliy Petrowitsch Maslenikow ist zu Hause. Treten Sie bitte ein. Ich werde Sie sogleich bei ihm anmelden », sagte das Mädchen mit weicher Stimme.

Wir gingen durch einen langen, schwach beleuchteten Korridor. Das Mädchen schritt voran, ihre schmalen Hüften graziös wiegend. Wie schön so ein irdisches Wesen sein kann! Rote, volle Lippen, schneeweisse Zähne, tiefschwarze Lokken und — wie bereits erwähnt — glutvolle Augen.

«Hier ist das Zimmer von Wassiliy Petrowitsch», erklärte das junge Mädchen und klopfte energisch an die Türe. Im gleichen Augenblick zog es sich geräuschlos zurück. - 43

A propos Wassiliy Petrowitsch! Der Russe gebraucht Personen gegenüber, mit denen er nicht in so enger Beziehung steht, daß er sie beim Vornamen nennen kann, anstatt des allzusteifen und förmlichen Familiennamens außer dem Vornamen eine vom Vornamen des Vaters abgeleitete Bezeichnung (Patronymikum). Wer z. B. mit Vornamen Wassiliy und dessen Vater Peter heißt, wie dies bei Wasska der Fall war, wird Wassiliy Petrowitsch genannt, und erst an dritter Stelle folgt der Familiename.

вопросительно посмотрела на меня. Казалось, это воплощение здоровья. Я потерял дар речи, ошеломленный видом физических качеств, которыми природа так щедро одарила девушку. Я даже забыл, зачем позвонил. Девушка пришла мне на помощь с улыбкой: «Желаете, пожалуйста?»

Я извинился, назвал свое имя и причину, по которой я был там.

“О верно. Да, Василий Петрович Масленников дома. Пожалуйста, войдите. — Я вас сейчас к нему запишу, — сказала девушка тихим голосом.

Мы шли по длинному, тускло освещенному коридору. Девушка шагнула вперед, изящно покачивая узкими бедрами. Как прекрасно может быть такое земное существо! Красные, пухлые губы, белоснежные зубы, угольно-черные кудри и, как уже говорилось, светящиеся глаза.

«Это комната Василия Петровича», — объяснила девушка и энергично постучала в дверь. В тот же момент он бесшумно отступил. - 43

Кстати о Василии Петровиче! При общении с людьми, с которыми он не настолько тесно связан, чтобы называть их по имени, русский употребляет, кроме имени, термин, производный от имени отца (отчества), вместо слишком жесткого и официальная фамилия. Кто например Б., которого зовут Василий, а отца зовут Петр, как и в случае с Васской, зовут Василий Петрович, а фамилия следует только на третьем месте.

The door was thrown open. On the threshold stood a slim, tall youth in the dark gray, tight-fitting uniform of the tsarist high school.

When I last saw Wasska many years ago, he was still a small, sturdy boy. How is it possible, I asked myself, that a person can change so much in his own favor!

I knew who I was seeing, but Wasska had little idea what the purpose of the visit was. I identified myself. The next moment we were in each other's arms.

We sat down and lit cigarettes. Then I looked around. My eyes first had to reconcile themselves to the dim light before I could take a close look at the room, because only in the corner, on the wide walnut desk, was a petrol lamp with a dark red shade burning. The whole room resembled a scholar's study. The walls were lined with long bookshelves that reached high to the ceiling. A large part of the books consisted of specialist literature, but there were also philosophical and literary works of world literature among them. The furnishings of the room were tasteful and partly very expensive; I discovered some pieces of Asian art that would be the envy of any collector.

“Who owns all this stuff?” I asked in surprise.

“The apartment furnishings are the property of Mrs. Zolotova,” replied Wasska, “her husband was a full professor at the philosophical faculty

Die Türe wurde aufgerissen. Auf der Schwelle stand ein schlanker, hochgewachsener Jüngling in der dunkelgrauen, enganliegenden Uniform des zaristischen Gymnasiums.

Als ich Wasska vor vielen Jahren zum letzten Mal sah, war er noch ein kleiner, vierjähriger Knabe. Wie ist das möglich, fragte ich mich, daß ein Mensch sich so stark zu seinen Gunsten verändern kann!

Ich wußte, wem ich gegenüberstand, Wasska hatte dagegen wohl kaum eine Ahnung, welche Bewandtnis der Besuch hatte. Ich gab mich zu erkennen. Im nächsten Augenblick lagen wir uns in den Armen.

Wir nahmen Platz, zündeten uns Zigaretten an. Dann sah ich mich um. Meine Augen mußten sich erst mit dem dümmrigen Licht versöhnen, ehe ich das Zimmer genau betrachten konnte, denn nur in der Ecke, auf dem breiten Schreibtisch aus Nußbaumholz, brannte eine Petrollampe mit dunkelrotem Schirm. Der ganze Raum glich der Studierstube eines Gelehrten. Die Wände waren von langen Bücherregalen bedeckt, die hoch bis an die Decke reichten. Ein großer Teil der Bücher bestand aus Fachliteratur, doch waren auch philosophische und belletristische Werke der Weltliteratur darunter. Die Einrichtung des Zimmers war geschmackvoll und teilweise sehr kostbar; ich entdeckte einige Stücke asiatischer Kunst, um die den Besitzer jeder Sammler beneidet hätte.

«Wem gehört dieser ganze Kram?» fragte ich erstaunt.

«Die Wohnungseinrichtung ist Eigentum von Frau Zolotowa », entgegnete Wasska, «ihr Mann war

Дверь распахнулась. На пороге стоял стройный, высокий юноша в темно-сером, облегающем мундире царской гимназии.

Когда я в последний раз видел Васску много лет назад, он был еще маленьким, крепким мальчиком. Как возможно, спрашивал я себя, что человек может так измениться в свою пользу!

Я знал, с кем встречаюсь, но Васска понятия не имел, какова цель визита. Я представился. В следующий момент мы были в объятиях друг друга.

Мы сели и зажгли сигареты. Затем я осмотрелся. Моим глазам пришлось сначала смириться с тусклым светом, прежде чем я смог внимательно рассмотреть комнату, потому что только в углу, на широком ореховом столе, горела бензиновая лампа с темно-красным абажуром. Вся комната напоминала кабинет учёного. Стены были заставлены длинными книжными полками, доходившими до самого потолка. Большую часть книг составляла специальная литература, но были среди них и философские и литературные произведения мировой литературы. Обстановка комнаты была сделана со вкусом и отчасти очень дорогая; Я обнаружил несколько произведений азиатского искусства, которым мог бы позавидовать любой коллекционер.

«Кому принадлежат все эти вещи?» — спросил я удивленно.

«Обстановка квартиры — собственность госпожи Золотовой, — ответила Васска, — ее муж был

at St. Petersburg University. He died years ago. Now I occasionally delve into works from eras of cultural peak achievement. Where would we be without Latins and Greeks?"

«I heard that you are the top of your class. "Wasska, that makes me very happy," I assured my friend with a smile.

Original Page 44

"I thank you for taking part in my fate, which has been eventful and will probably continue to be so in the future. And how are you, Volodya? When did you arrive in Russia? What do you plan to do?" Wasska also asked me with warm sympathy.

«I'm feeling fine at the moment. I arrived after mid-September; I have been staying in Smolensk Governorate so far. And what do I plan to do? Nothing at all for now."

"You just want to rest on your laurels, I guess."

"I have no reason to rest on my laurels, I have to have the right to do so for now."

"You're absolutely right, Volodya!" At our age you can't have any merit, we are unfinished people. It's no different for me either. I have had to work hard, very hard so far and I will continue at this pace. I don't expect privileges from the gods. It is certainly true that a kind person secured the state scholarship for

Ordinarius der philosophischen Fakultät an der Petersburger Universität. Er starb vor Jahren. Jetzt vertiefe ich mich gelegentlich in die Werke aus den Epochen kultureller Gipfelleistungen. Was wären wir ohne Lateiner und Griechen?»

«Ich habe vernommen, daß du der Primus deiner Klasse bist. Wasska, das freut mich von Herzen», versicherte ich meinem Freund lächelnd. - 44

«Ich danke dir für die Teilnahme an meinem Schicksal, das wechselvoll war und es wohl auch in Zukunft sein wird. Und wie geht es dir, Wolodja? Wann bist du in Rußland eingetroffen? Was gedenkst du zu tun?» fragte mich Wasska ebenfalls mit warmer Teilnahme.

«Mir geht es augenblicklich gut. Angekommen bin ich nach Mitte September; hielt mich bisher im Gouvernement Smolensk auf. Und was ich vorhave? Vorläufig rein gar nichts.»

«Willst dich wohl auf den Lorbeeren ausruhen, denke ich.»

«Habe keinen Grund dazu, mich auf Lorbeeren auszuruhen, muß vorerst einmal die Berechtigung dazu haben.»

«Du hast vollkommen recht, Wolodja!» In unserem Alter kann man noch keine Verdienste haben, wir sind unfertige Menschen. Auch bei mir ist es nicht anders. Ich mußte bisher hart, sehr hart arbeiten und werde dieses Tempo fortsetzen. Ich erwarte von den Göttern keine Privilegien. Es trifft wohl zu, daß ein gütiger Mensch das staatliche Stipendium für mich erwirkt hat, aber diese Hilfe reicht

профессором философского факультета Петербургского университета. Он умер много лет назад. Теперь я время от времени углубляюсь в произведения эпох культурного расцвета. Где бы мы были без латинян и греков?»

«Я слышал, что ты лучший в своем классе. «Васька, это меня очень радует», — с улыбкой заверил я друга. - 44

«Благодарю вас за участие в моей судьбе, которая была насыщенной и, вероятно, будет такой и в дальнейшем. А как ты, Володя? Когда вы приехали в Россию? Что ты планируешь делать?» Васска тоже спросил меня с теплым сочувствием.

«В данный момент я чувствую себя хорошо. Я прибыл после середины сентября; Я пока живу в Смоленской губернии. И что я планирую делать? Пока вообще ничего».

«Думаю, ты просто хочешь почивать на лаврах.

«У меня нет причин почивать на лаврах, я пока должен иметь на это право».

«Ты совершенно прав, Володя!» В нашем возрасте не может быть никаких заслуг, мы незаконченные люди. Для меня это тоже ничем не отличается. До сих пор мне приходилось много работать, очень усердно, и я продолжу в том же темпе. Я не жду привилегий от богов. Конечно, добрый человек обеспечил мне государственную стипендию, но этой помощи недостаточно, чтобы

me, but this help is not enough to save me from hardship. That's why I give private lessons to students who are less able and slow to learn, especially mama's boys. In return I receive money from which I make my living."

"As I gathered from your words earlier, you enjoy literature. Are you thinking of studying philosophy?" I asked Wasska.

"Never."

"Why not?"

"For the simple reason," replied Wasska, "because the state pays its servants poorly. I can never forget our primary school teacher Martowa in Dubrovka, how she had to starve because of her low monthly wage of fifteen rubles. The exact same salary ratios can be found in middle schools and universities, where the teaching staff is also inadequately paid. That's why I prefer to study medicine after graduating from high school. Of course, the doctor in Russia also has nothing to laugh about if he has no worldly goods and is dependent only on his earnings. Abroad - undoubtedly also in Switzerland - the doctor presents his carefully weighed bills to patients, unconcerned about their ability to pay. And what about this in our country? Here, in an emergency, the helper is given a maximum of one ruble, a tip, so to speak, if he goes

Original Page 46
to the house of a sick person. But, despite everything, the Russian doctor, as a freelancer,

nicht aus, mich vor der Not zu bewahren. Darum gebe ich minderbegabten und lernfaulen Schülern Privatstunden, vor allem Muttersöhnchen. Dafür erhalte ich Geld, aus dem ich meinen Lebensunterhalt bestreite.»

«Wie ich vorhin aus deinen Worten schließen konnte, hast du Freude an der Literatur. Gedenkst du allenfalls Philosophie zu studieren?» fragte ich Wasska.

«Niemals.»

«Warum nicht?»

«Aus der einfachen Ueberlegung», erwiderte Wasska gedeihnt, «weil der Staat seine Bediensteten schlecht entlöhnt. Ich kann unsere Primarlehrerin Martowa in Dubrowka nie vergessen, wie sie angesichts ihres niedrigen Monatslohnes von fünfzehn Rubeln darben mußte. Die genau gleichen Besoldungsverhältnisse sind in den Mittel- und Hochschulen anzutreffen, auch dort wird der Lehrkörper unzureichend bezahlt. Darum ziehe ich es vor, nach dem Abitur Medizin zu studieren. Gewiß, auch der Arzt hat in Rußland nichts zu lachen, wenn er über keine irdischen Güter verfügt und nur auf seinen Verdienst angewiesen ist. Im Ausland — zweifellos auch in der Schweiz — präsentiert der Arzt den Patienten seine wohlabgewogenen Rechnungen, unbekümmert um deren Zahlungsfähigkeit. Und wie steht es damit in unserem Lande? Hier wird dem Helfer in der Not höchstens ein Rubel zugesteckt, sozusagen ein Trinkgeld, wenn er sich zu einem - 45

Kranken ins Haus bemüht. Aber, trotz allem steht der russische Arzt als Freierwerbender in sozialer

спасти меня от невзгод. Вот почему я даю частные уроки ученикам, которые менее способны и медленно учатся, особенно маменькин сынкам. Взамен я получаю деньги, которыми зарабатываю на жизнь».

«Как я понял из ваших предыдущих слов, вы увлекаетесь литературой. Ты думаешь изучать философию?» Я спросил Васску.

«Никогда.»

«Почему нет?»

«По той простой причине,» ответил Васска, «что государство плохо платит своим слугам. Никогда не забуду нашу учительницу начальных классов Мартову на Дубровке, как ей приходилось голодать из-за своей маленькой месячной зарплаты в пятнадцать рублей. Точно такие же соотношения заработной платы можно встретить в средних школах и университетах, где преподавательский состав также получает недостаточно. Вот почему я предпочитаю изучать медицину после окончания средней школы. Конечно, врачу в России тоже не над чем смеяться, если он не имеет мирских благ и зависит только от своих заработка. За рубежом — несомненно, также в Швейцарии — врач выставляет пациентам тщательно взвешенные счета, не заботясь об их платежеспособности. А как с этим обстоят дела в нашей стране? Здесь в экстренной ситуации помощнику дают максимум один рубль, так сказать чаевые, если он пойдет - 45

на дом к больному человеку. Но, несмотря ни на что, российский врач как фрилансер в социальном

is socially far above the civil servant. This is why the Praetorians do not stand by their government. That is why the Russian people are dissatisfied and imperiously demanding a higher standard of living. And because the poorly paid masses of workers, these so-called have-nots, are not even gradually accommodated, they rebel against the authorities. It is deeply regrettable that the storm signs that are looming over Russia in some places are not being taken seriously at high levels. You let the cart roll on and hope that it will get on a better path of its own accord. "Two years ago, troops were ordered to shoot at peaceful citizens as thousands of them turned up in front of the Winter Palace in St. Petersburg to petition the Tsar."

That evening I left Maslenikov at an advanced hour, deeply impressed by his statements, the meaning of which had until then been completely foreign to me. The new world that Maslenikov introduced me to subsequently occupied me so much that I decided to talk about it with Fritz Haueter, whose common sense and clear judgment I could rely on. This quiet Bernese thought about his own thoughts, unaffected by the environment in which he had lived for years. Haueter read a lot, both Russian and foreign newspapers and magazines. The "Emmentaler Nachrichten" regularly found its way to Murenzewo. Haueter then sent them on to his compatriots living in Russia.

Hinsicht hoch über dem Staatsdiener. — Von daher kommt es, daß die Prätorianer nicht zu ihrer Regierung stehen. Darum ist das russische Volk unzufrieden und fordert gebieterisch einen höheren Lebensstandard. Und weil man den schlechtbezahlten Arbeitermassen, diesen sogenannten Habenichtsen, nicht einmal schrittweise entgegenkommt, lehnen sie sich gegen die Obrigkeit auf. Es ist tief bedauerlich, daß die Sturmzeichen, die mancherorts über Rußland stehen, auf hoher Ebene nicht ernst genommen werden. Man läßt den Karren weiterrollen und hofft, daß er von selbst auf bessere Bahn kommen werde. Vor zwei Jahren wurde den Truppen der Befehl gegeben, auf friedliche Bürger zu schießen, als diese zu Tausenden vor dem Winterpalast in St. Petersburg erschienen, um beim Zaren eine Bittschrift einzureichen.»

An jenem Abend verließ ich Maslenikow in vorgerückter Stunde, tief beeindruckt von seinen Darlegungen, deren Sinn mir bis dahin vollkommen fremd war. Die neue Welt, in die mich Maslenikow einführte, beschäftigte mich in der Folge so stark, daß ich beschloß, mit Fritz Haueter darüber zu sprechen, auf dessen gesunden Menschenverstand sowie klares Urteilsvermögen Verlaß war. Dieser ruhige Berner machte sich seine eigenen Gedanken, unbeeinflußt von der Umwelt, in der er seit Jahren weilte. Haueter las sehr viel, sowohl russische, als auch ausländische Zeitungen und Zeitschriften. Die «Emmentaler Nachrichten» fanden regelmäßig den weiten Weg nach Murenzewo. Haueter sandte sie dann an seine in Rußland lebenden Landsleute weiter.

отношении стоит намного выше госслужащего. — Вот почему преторианцы не поддерживают свое правительство. Именно поэтому русский народ недоволен и властно требует повышения уровня жизни. А поскольку малооплачиваемые массы рабочих, эти так называемые неимущие, даже постепенно не приспособливаются, они восстают против власти. Вызывает глубокое сожаление, что признаки шторма, нависшие над Россией в некоторых местах, не воспринимаются всерьез на высоких уровнях. Вы позволяете тележке катиться дальше и надеетесь, что она сама пойдет по лучшему пути. «Два года назад войскам было приказано стрелять в мирных граждан, поскольку тысячи из них пришли к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге, чтобы подать прошение царю».

В тот вечер я ушел от Масленикова поздно, глубоко впечатленный его высказываниями, смысл которых был до сих пор мне совершенно чужд. Новый мир, с которым меня познакомил Маслеников, впоследствии настолько увлек меня, что я решил поговорить о нем с Фрицем Хаутером, на здравый смысл и ясное суждение которого я мог положиться. Этот тихий бернец думал о своих мыслях, на него не влияла обстановка, в которой он жил долгие годы. Хаутер много читал как российские, так и зарубежные газеты и журналы. «Эмменталер Нахрихтен» регулярно добирался до Муренцево. Затем Хаутер отправил их своим соотечественникам, живущим в России.

Two shots were fired that night

A shot rang out in the night. I woke up in shock. A second shot followed. Strong window rattling. What could that mean? Haueter also woke up. I heard him open the window in the next room. A gun lock made a metallic click. Without turning on the light, I dressed quickly, took a step towards the window, bumped into something and froze.

Then I took out a loaded Smith & Wesson revolver, caliber 9 mm, from the compartment of the bedside table, which still belonged to my father. The nickel-plated weapon sparkled dully in the moonlight that streamed palely through the uncurtained window.

Original Page 47

I stood there hesitantly for a moment, then went to the window, unscrewed the shutter and opened a sash. I stayed like that listening for a while. Nothing moved nearby. The many dogs that had struck after the two shots had fallen silent again. Only in the distance was a mutt yapping.

Suddenly I felt a strong draft. The famous goosebumps crawled up my spine. I spun around quickly and pulled out the gun. The door to my room was wide open; Haueter stood close behind me, his rifle at the ready. — He had come on tiptoe. The thick carpet muffled every sound of footfall.

“Who shot?” I asked Haueter, who peered past me into the garden.

Zwei Schüsse fielen in der Nacht

Ein Schuß krachte in der Nachtl Erschreckt fuhr ich aus dem Schlaf. Ein zweiter Schuß folgte. Starkes Fensterklirren. Was konnte das bedeuten? Auch Haueter wurde wach. Ich hörte, wie er im Zimmer nebenan das Fenster öffnete. Ein Gewehrschloß knackte metallisch. Ohne Licht zu machen, kleidete ich mich rasch an, tat in der Richtung auf das Fenster einen Schritt, stieß gegen etwas und erstarrte.

Dann entnahm ich dem Fach des Nachttisches einen geladenen Revolver, Marke Smith & Wesson, Kaliber 9 mm, der noch meinem Vater gehörte. Die vernickelte Waffe funkelte matt im Mondlicht, das fahl durch das unverhängte - 46

Fenster floß. Einen Augenblick blieb ich zögernd stehen, trat dann an das Fenster, drehte dessen Verschluß auf und öffnete einen Flügel. So verharrte ich ein Weilchen lauschend. Nichts regte sich in der Nähe. Die vielen Hunde, welche nach den beiden Schüssen angeschlagen hatten, waren wieder verstummt. Nur in der Ferne kläffte noch ein Köter.

Plötzlich verspürte ich starken Luftzug. Mir kroch die berühmte Gänsehaut über den Rücken. Ich fuhr rasch herum, zückte die Waffe. Die Tür zu meinem Zimmer war weit geöffnet; dicht hinter mir stand Haueter, das Gewehr im Anschlag. — Er war auf Zehenspitzen gekommen. Der dicke Teppich verschluckte jedes Trittgeräusch.

«Wer hat geschossen?» fragte ich Haueter, der an mir vorbei in den Garten spähte.

Той ночью прозвучало два выстрела

Ночью прозвучал выстрел, я проснулся в шоке. Последовал второй выстрел. Сильный стук окон. Что это может значить? Хаутер тоже проснулся. Я слышал, как он открыл окно в соседней комнате. Замок пистолета издал металлический щелчок. Не зажигая света, я быстро оделся, шагнул к окну, наткнулся на что-то и замер.

Тогда я достал из отделения тумбочки, еще принадлежавшего моему отцу, заряженный револьвер «Смит-Вессон» калибра 9 мм. Никелированное оружие тускло блестело в лунном свете, бледно струившемся через незанавешенное окно. Я постоял в нерешительности какое - 46

то время, затем подошел к окну, отвинтил ставню и открыл створку. Я постоял так, слушая, какое-то время. Рядом ничего не двигалось. Многие собаки, нанесшие удар после двух выстрелов, снова замолчали. Лишь вдалеке послышалось тявканье дворняжки.

Внезапно я почувствовал сильный сквозняк. Знаменитые мурашки побежали по моей спине. Я быстро развернулся и вытащил пистолет. Дверь в мою комнату была широко открыта; Хаутер стоял рядом со мной, держа винтовку наготове. — Он пришел на цыпочках. Толстый ковер заглушал каждый звук шагов.

«Кто стрелял?» — спросил я Хаутера, который заглянул мимо меня в сад.

Haueter shrugged his shoulders and gestured for me to follow him with a movement of his head. We stepped outside without making a sound, stood on the porch and listened. A night bird wailed its lament in the darkness of an old oak tree. The wind carried the smell of a potato fire smoldering in a field not far away.

We crouched around the one-story house, stopping in front of the window that led to Haueter's room. The full moon shone bright as day. Its white light fell on the paths and fields, the trees and houses, giving them all the melancholy magic of an unreal fairytale world. But the moonlight fell on something else. Haueter bent low to the ground, whistled through his teeth and whispered: "So my friend Mischka is behind the explosion, I should have thought that! You know the shooter... said our compatriot Wilhelm Tell. But some of the bullets hit the target, while Mishka contented himself with shattering my windows. It really doesn't take much courage to do that."

Now I also bent down and looked carefully at the ground. The moon illuminated the sharp imprint of a short, broad military boot in the rain-softened earth. Both shots, fired at close range, penetrated the window panes and, as we later discovered, stuck in the wallpapered wooden wall. Two tiny spots indicated the bullet holes inside the room.

This attack was not difficult to solve. In the summer, Fritz Haueter fired Mischka Bondarenko, a young farmer

Haueter zuckte die Achseln und gab mir mit einer Kopfbewegung das Zeichen, ihm zu folgen. Wir traten geräuschlos ins Freie, blieben auf der Veranda stehen und lauschten. Ein Nachtvogel jammerte seine Klage in das Dunkel einer alten Eiche. Der Wind wehte den Geruch eines Kartoffelfeuers herüber, das unweit auf einem Acker glimmte.

Wir schlichen geduckt um das einstöckige Haus herum, hielten vor dem Fenster an, das zu Haueters Zimmer führte. Der Vollmond leuchtete taghell. Sein weißes Licht fiel auf die Wege und Felder, die Bäume und Häuser, es gab ihnen allen den schwermütigen Zauber einer unwirklichen Märchenwelt. Der Mondschein fiel aber noch auf etwas anderes. Haueter beugte sich tief zur Erde, stieß einen Pfiff durch die Zähne und flüsterte: «Also steckt doch mein Freund Mischka hinter der Knallerei, das hätte ich mir eigentlich denken sollen! Du kennst den Schützen sagte unser Landsmann Wilhelm Tell. Aber Tells Geschoß traf das Ziel, während Mischka sich damit begnügte, meine Fensterscheiben zu zertrümmern. Dazu braucht es wahrhaftig wenig Mut.»

Jetzt bückte auch ich mich und betrachtete aufmerksam den Boden. Der Mond beleuchtete den scharf umrissenen Abdruck eines kurzen, breiten Militärstiefels in dem vom Regen aufgeweichten Erdreich. Beide Schüsse, auf kurze Distanz abgefeuert, durchschlugen die Fensterscheiben und blieben — wie wir später feststellten — in der tapezierten Holzwand stecken. Zwei winzige Stellen zeigten die Einschüsse im Innern des Zimmers an.

Dieser Anschlag war unschwer aufzuklären. Fritz Haueter hatte im Sommer Mischka Bondarenko, einen jungen Bauern - 47

Хаутер пожал плечами и движением головы жестом пригласил меня следовать за ним. Мы вышли на улицу, не издав ни звука, остановились на крыльце и прислушались. Ночная птица завыла во тьме старого дуба. Ветер донес запах картошки, тлеющей в поле неподалеку.

Мы обогнули одноэтажный дом и остановились перед окном, ведущим в комнату Хаутера. Полная луна светила ярко, как день. Его белый свет падал на тропинки и поля, деревья и дома, придавая им все то склонное волшебство нереального сказочного мира. Но лунный свет упал на что-то другое. Хаутер низко наклонился к земле, свистнул сквозь зубы и прошептал: «Значит, за взрывом стоит мой друг Мишка, я должен был так подумать! Вы знаете стрелка... - сказал наш соотечественник Вильгельм Тейль. Но часть пули попала в цель, а Мишка ограничился тем, что разбил мне окна. На самом деле для этого не нужно много мужества».

Теперь я тоже наклонился и внимательно посмотрел на землю. Луна осветила резкий отпечаток короткого широкого военного сапога на размягченной дождем земле. Оба выстрела, выпущенные с близкого расстояния, пробили оконные стекла и, как мы позже выяснили, застряли в деревянной стене, оклеенной обоями. Два крошечных пятна указывали на пулевые отверстия внутри комнаты.

Эту атаку было нетрудно раскрыть. Летом Фриц Хаутер уволил Мишку Бондаренко, молодого - 47

Original Page 48
from the nearby village of Sloboda, who had been working as a laborer in the dairy for the last two years. That wasn't a coincidence. Bondarenko used to be considered a calm and sensible person. In the fall of 1903 he had to go into military service and took part in the war against Japan. Since then, his political attitudes had changed radically. The quiet population of our governorate, completely untouched by political passions, had not yet produced any revolutionaries. Bondarenko was also a citizen loyal to the Tsar. Where he fulfilled his military duty, he apparently came into contact with elements that incited him to rebel against the existing order. Bondarenko said: "Conversion to the modern worldview." In a short space of time he had accomplished considerable work in this regard. In a brickworks he tried to shake the workers out of their apathy, but initially fell on deaf ears. Later, much of the workforce sympathized with Bondarenko as his star rose and his power grew. There were meetings and riots.

But the police weren't sleeping. From Kaluga it was ordered to pay attention to whether it could be seen that the gatherings in the square in front of the brick factory, as well as the conspiracies against the regime, were being directed from a certain place.

If any person in the crowd makes a special appearance so that one could believe that he or she is directing the crowd, he or she should be arrested and taken away with as little attention as possible.

aus dem nahen Dorfe Sloboda, entlassen, der während den zwei letzten Jahren in der Molkerei als Hilfsarbeiter tätig war. Das kam nicht von ungefähr. Bondarenko galt früher als ruhiger und vernünftiger Mensch. Im Herbst 1903 mußte er zum Militärdienst einrücken und nahm am Krieg gegen Japan teil. Seither hatte sich seine politische Gesinnung gründlich gewandelt Die stille, von den politischen Leidenschaften völlig unberührte Bevölkerung unseres Gouvernements brachte bislang keine Revolutionäre hervor. Auch Bondarenko war ein zarentreuer Bürger. Dort, wo er seine Militärflicht erfüllte, kam er offenbar mit Elementen zusammen, die ihn zur Auflehnung gegen die bestehende Ordnung aufhetzten. Bondarenko sagte dem: «Bekehrung zur neuzeitlichen Weltanschauung». In kurzer Zeit hatte er in dieser Beziehung beträchtliche Arbeit geleistet. In einer Ziegelei versuchte er die Arbeiter aus ihrer Apathie herauszureißen, stieß indessen anfänglich auf taube Ohren. Später sympathisierte ein großer Teil der Arbeiterschaft mit Bondarenko, als sein Stern im Steigen und seine Macht im Wachsen begriffen war. Es kam zu Meetings und Unruhen.

Aber die Polizei schließt nicht. Von Kaluga aus wurde angeordnet, ein Augenmerk darauf zu richten, ob es sich erkennen lasse, daß die Zusammenrottungen auf dem Platz vor der Ziegelfabrik, ebenso wie die Verschwörungen gegen das Regime von einer bestimmten Stelle aus geleitet würden.

Falls irgendeine Person unter der Masse besonders auftrete, so daß man glauben könne, sie dirigiere die Menge, sei sie mit möglichst wenig Aufsehen festzunehmen und abzuführen.

летнего фермера из соседней деревни Слобода, который последние два года работал разнорабочим на молочном заводе. Это не было совпадением. Бондаренко раньше считался спокойным и рассудительным человеком. Осенью 1903 года ему пришлось пойти на военную службу и принять участие в войне против Японии. С тех пор его политические взгляды коренным образом изменились: тихое население нашей губернии, совершенно не затронутое политическими страстиами, еще не произвело на свет ни одного революционера. Бондаренко также был лояльным царю гражданином. Выполняя свой военный долг, он, по-видимому, вступал в контакт с элементами, которые подстрекали его к восстанию против существующего порядка. Бондаренко сказал: «Обращение к современному мировоззрению». За короткий промежуток времени он проделал в этом отношении значительную работу. На кирпичном заводе он пытался вывести рабочих из апатии, но поначалу остался без внимания. Позже большая часть рабочей силы сочувствовала Бондаренко, поскольку его звезда росла, а его власть росла. Были митинги и беспорядки.

Но полиция не спала. Из Калуги было приказано обратить внимание на то, видно ли, что собрания на площади перед кирпичным заводом, а также заговоры против режима направляются из определенного места.

Если какой-либо человек в толпе появляется специально, чтобы можно было поверить, что он или она руководит толпой, его или ее следует арестовать и увести с как можно меньшим вниманием.

But Bondarenko had his connections with the rural population, who warned him when danger threatened. The village policeman traipsed around the area, asking people questions that were aimed precisely at uncovering the group of conspirators. Where one had hoped, the clever fox did not fall into the trap, but he was all the more careless in the dairy. There Bondarenko openly railed against the local "exploiters" in general and against foreigners in particular. The result of this was that two of the best workers ended their employment with us and found employment at the brickworks at a time when the demand for labor was high due to the hay harvest. When the Stanowoj (rural police officer)

Original Page 49
came to Haueter's house one day and drank a glass of wine with him, Bondarenko's political activities came up. Haueter truthfully said what he knew from his own experience.

Stanovoy confronted the agitator and put him under pressure. However, Bondarenko, with fabulous eloquence, trivialized the accusations against him, so that the police officer, without having accomplished anything, got on his horse and rode away. The police authorities were far too lenient at the time, which later had bitter consequences.

The next day Bondarenko didn't show up for work. He came out of his bedroom straight to Haueter, who was sitting at the breakfast table.

Aber Bondarenko hatte seine Beziehungen zur Landbevölkerung, die ihn warnte, wenn Gefahr drohte. Der Dorfpolizist latschte in der Umgebung herum, stellte an die Leute Fragen, die haargenau auf die Aufdeckung des Verschwörerklüngels abzielten. Dort, wo man es hoffte, ging der schlaue Fuchs nicht in die Falle, dafür war er aber in der Molkerei um so unvorsichtiger. Dort wetterte Bondarenko ganz offen gegen die einheimischen «Ausbeuter» im allgemeinen und gegen die Ausländer im besonderen. Die Folge davon war, daß zwei der besten Arbeiter das Anstellungsverhältnis mit uns auflösten und bei der Ziegelei Beschäftigung fanden, zu einer Zeit, in der wegen der Heuernte die Nachfrage nach Arbeitskräften groß war. Als nun der Stanowoj (Landpolizeioffizier) eines Tages bei Haueter ein - 48

kehrte und mit ihm ein Glas Wein trank, kam die politische Tätigkeit von Bondarenko zur Sprache. Haueter sagte wahrheitsgetreu das, was er aus eigener Erfahrung wußte.

Der Stanowoj nahm den Hetzer vor, setzte ihn unter Druck. Bondarenko bagatellisierte jedoch mit fabelhafter Beredsamkeit die gegen ihn erhobenen Beschuldigungen, so daß der Polizeioffizier unverrichteter Sache sich auf das Pferd setzte und wegritt. Die Polizeiorgane waren damals viel zu nachsichtig, was sich später bitter rächen sollte.

Anderntags erschien Bondarenko nicht zur Arbeit. Er kam aus seiner Schlafkammer geradewegs zu Haueter, der am Frühstückstisch saß.

Но у Бондаренко были связи с сельским населением, которое предупреждало его при угрозе опасности. Поселковый полицейский слонялся по окрестностям, задавая людям вопросы, направленные именно на раскрытие группы заговорщиков. Там, где надеялся, умный лис не попал в ловушку, но тем беспечнее он был на молочной ферме. Там Бондаренко открыто критиковал местных «эксплуататоров» вообще и иностранцев в частности. В результате двое лучших рабочих уволились у нас и нашли работу на кирпичном заводе в то время, когда спрос на рабочую силу был высок из-за уборки сена. Когда Становой (сельский полицейский) - 48

однажды пришел в дом Хаутера и выпил с ним бокал вина, всплыла политическая деятельность Бондаренко. Хаутер правдиво сказал то, что знал из собственного опыта.

Становой выступил против агитатора и оказал на него давление. Однако Бондаренко с баснословным красноречием так опошлял выдвинутые против него обвинения, что милиционер, ничего не добившись, сел на лошадь и ускакал. В то время полицейские власти были слишком снисходительны, что впоследствии имело печальные последствия.

На следующий день Бондаренко не явился на работу. Он вышел из спальни прямо к Хаутеру, сидевшему за завтраком.

"You ratted me out to the police!" shrieked the Russian in a cracking voice. "I will present the bill to you in due course." Bondarenko got no further. Haueter put the napkin aside, grabbed the angry man by the collar and put him in front of the door.

This seemed to put the matter to rest. At least for the time being. A thunderstorm sultriness remained in the air. The storm could break out at any time. The remaining workers did their duty reluctantly. There was no doubt that Bondarenko continued his riots with undiminished vigor.

"What do you intend to do about the gunman?" I asked Haueter casually.

"I won't do anything, absolutely nothing! Carrying firearms and stabbing weapons is strictly forbidden throughout the Tsarist Empire. Gun licenses are only issued to trustworthy foreigners and locals loyal to the government. However, weapons are also available underhand. But how can it be proven that Bondarenko is in possession of a revolver? He will outright deny this fact." Haueter paused, then added: "An era has now dawned where everyone believes they can get one over on anyone with whom they have an old score to settle."

Haueter fell silent again, puffed on his tobacco pipe, and blew curls of smoke into the air. Suddenly he turned his clear, water-blue eyes towards me and picked up the thread of the

«Sie haben mich bei der Polizei verpfiffen!» kreischte der Russe mit überschnappender Stimme. «Die Rechnung werde ich Ihnen zu gegebener Zeit präsentieren.» Bondarenko kam nicht weiter. Haueter legte die Serviette beiseite, packte den Wütenden beim Kragen und setzte ihn vor die Türe.

Damit schien diese Angelegenheit abgetan. Vorderhand wenigstens. In der Luft blieb eine Gewitterschwüle zurück. Der Sturm konnte jederzeit losbrechen. Die übrigen Arbeiter kamen ihrer Pflicht unwillig nach. Es unterlag gar keinem Zweifel, daß Bondarenko seine Wühlereien mit unverminderter Kraft fortsetzte.

«Was gedenken Sie gegen den Revolverschützen zu unternehmen?» fragte ich Haueter beiläufig.

«Nichts, rein gar nichts werde ich unternehmen! Das Tragen von Schuß- und Stichwaffen ist auf dem ganzen Gebiet des Zarenreiches strengstens verboten. Waffenscheine werden nur vertrauenswürdigen Ausländern sowie regierungstreuen Einheimischen ausgehändigt. Waffen sind allerdings auch unter der Hand erhältlich. Aber wie kann Bondarenko nachgewiesen werden, daß er im Besitze eines Revolvers ist? Er wird diese Tatsache glatt in Abrede stellen.» Haueter machte eine Pause, dann setzte er hinzu: «Es ist jetzt eine Epoche angebrochen, wo jeder glaubt, jedem eins auswischen zu können, mit dem er eine alte Rechnung zu begleichen hat.»

Haueter verstummte erneut, zog an seiner Tabakspeife, blies Rauchkringel in die Luft. Plötzlich wandte er seine klaren, wasserblauen Augen nach mir und hob den Gesprächsfaden wieder auf: «Noch kürzlich erklärte

«Ты сдал меня полиции!» закричал русский надтреснутым голосом. «Я представлю вам счет в свое время». Дальше Бондаренко не продвинулся. Хаутер отложил салфетку, схватил разгневанного мужчину за воротник и поставил перед дверью.

Казалось, на этом дело было решено. По крайней мере, на данный момент. В воздухе по-прежнему стояла грозовая зноя. Штурм мог разразиться в любой момент. Остальные рабочие выполняли свой долг неохотно. Не было сомнений, что Бондаренко продолжал свои беспорядки с неослабевающей энергией.

«Что вы собираетесь делать с преступником?» небрежно спросил я Хаутера.

«Я ничего не буду делать, абсолютно ничего! Ношение огнестрельного и колючего оружия на всей территории Царской Империи строго запрещено. Лицензии на оружие выдаются только заслуживающим доверия иностранцам и местным жителям, лояльным правительству. Однако оружие также доступно тайно. Но как доказать, что у Бондаренко есть револьвер? Он будет категорически отрицать этот факт». Хаутер сделал паузу, а затем добавил: «Наступила эпоха, когда каждый считает, что может победить любого, с кем у него есть старые счеты».

Хаутер снова замолчал, затянулся курительной трубкой и выпустил в воздух клубы дыма. Вдруг он повернулся ко мне свои ясные, как вода, голубые глаза и снова подхватил нить разговора: «Только

conversation again: "Just recently, when Stanovoy was at my dinner table, he said that the officer

Original Page 50

corps of the army and the police would do everything in their power, to ensure the safety of the lives and property of the citizenry from the attacks of the mob. He said this with full awareness of his far-reaching power. His chest, decorated with crosses, bulged like an inflated turkey. Words, nothing but words! This colonel, who has a chronic laxity, cannot even cope with the mean activities of the simple farmer Bondarenko. How will he then fight against the approaching Russian revolution? Everyone is terrified of personal revenge. Not far from here, last month, a police officer who was faithfully carrying out his duty was allegedly caught by farmers and workers at dusk and unceremoniously hung from the branch of a pine tree. This incident had a downright chilling effect on the gentlemen, who were not brave anyway."

"You too, Mr. Haueter," I began, "should be more careful when dealing with the Russians. After all, we are foreigners, just guests, one could easily say, tolerated guests of this great, turbulent people. Yesterday we lost two workers, today it could be four and tomorrow even six. Then we would be all alone in the field."

"And that's what a fellow countryman who just arrived from Helvetia tells me?!" replied Haueter, laughing heartily.

der Stanowoj, als er bei mir zum Abendessen war, das Offiziers - 49

korps der Armee sowie der Polizei werde alles in seiner Macht Liegende tun, um die Sicherheit für das Leben und Eigentum der Bürgerschaft vor den Uebergriffen des Mobs zu gewährleisten. Das sagte er im Brustton des Bewußtseins seiner weitreichenden Machtfülle. Wie bei einem aufgeblasenen Truthahn wölbte sich dabei seine mit Ordenskreuzen dekorierte Brust. Worte, nichts als Worte! Dieser mit chronischer Laxheit beschlagene Herr Oberst kommt nicht einmal gegen die gemeinen Umtriebe des einfachen Bauern Bondarenko auf. Wie will er dann gegen die herannahende russische Revolution ankämpfen? Jeder hat himmelangst vor persönlicher Rache. Unweit von hier soll im vergangenen Monat ein Polizeioffizier, der seine Pflicht treu erfüllte, von Bauern und Arbeitern bei Abenddämmerung gefaßt und kurzerhand am Ast einer Tanne aufgeknüpft worden sein. Dieses Vorkommnis wirkte bei den ohnehin nicht tapferen Herrschaften geradezu abschreckend.»

«Auch Sie, Herr Haueter», hub ich an, «sollten im Umgang mit den Russen vorsichtiger sein. Wir sind schließlich Ausländer, nur Gäste, man kann ruhig sagen, geduldete Gäste dieses großen, turbulenten Volkes. Gestern verloren wir zwei Arbeiter, heute könnten es schon vier und morgen gar sechs sein. Dann wären wir mutterseelenallein auf weiter Flur.»

«Und das sagt mir ein Landsmann, der frisch aus Helvetiens Gauen eingetroffen ist?!» erwiderte Haueter herhaft lachend.

недавно, когда Становой был у меня за обеденным столом, он сказал, что офицерский - 49

корпус армии и полиции сделают все по-своему». свою власть, чтобы обеспечить безопасность жизни и имущества граждан от нападений толпы. Он сказал это с полным осознанием своей далеко идущей силы. Грудь его, украшенная крестами, выпирала, как надутый индюк. Слова, ничего кроме слов! Этот полковник, страдающий хронической расхлябанностью, не может справиться даже с подлой деятельностью простого крестьянина Бондаренко. Как он будет тогда бороться с приближающейся русской революцией? Все боятся личной мести. Недалеко отсюда в прошлом месяце полицейский, добросовестно выполнивший свой долг, якобы был пойман в сумерках фермерами и рабочими и бесцеремонно повешен на ветке сосны. Этот инцидент оказал прямо-таки пугающее воздействие на господ, которые и так не были храбрыми».

«Вам тоже, господин Хаутер,» начал я, «следует быть более осторожными в общении с русскими. Ведь мы иностранцы, просто гости, можно легко сказать, терпимые гости этого великого, бурного народа. Вчера мы потеряли двух рабочих, сегодня может быть четыре, а завтра даже шесть. Тогда мы были бы одни в поле».

«И это мне говорит земляк, только что приехавший из Гельвеции?!» - ответил Хаутер, от души смеясь.

"I'm just saying that in passing," I murmured lostly.

"The wonderful, truly Swiss quote," the straw-blond giant spoke up again, "only the chaff has been removed from the grain," goes back to the knight Rudolf von Erlach, who was the top captain of the Bernese people in the Battle of Laupen on January 21st June 1339, he shouted the words after his rearguard, who were fleeing in fright at the beginning of the battle: it is good that the bad guys are not with the Biderben; the chaff has fallen from the kernels. "This quote is used everywhere, even in the kingdom of all Russians," thundered the otherwise calm Haueter and hit the table with his mighty right hand. "You are amazed at my knowledge of Swiss history," he then added more moderately, "but that has always been my hobby. In the pedagogical examination on the occasion of the enlistment of recruits in Erlenbach,

Original Page 51

I received four straight A's as a reward for my knowledge."

"Overall, the mistake lies just as much with us Swiss as it does with the Russian camp. Why did our compatriots used to get along well with their hosts? Times have changed in that we should pay our employees more advantageously," I tried to object.

Now Haueter, in his imposing height, rose from the chair and leisurely approached me: "Since when have you held such heretical views? Did Maslenikov instill it in you? Hm?"

«Ich sage das nur so ganz nebenbei», murmelte ich verloren.

«Das wundervolle, echt schweizerische Zitat», ergriff der strohblonde Riese abermals das Wort, «Es ist nur die Spreu vom Korn gestoben», geht auf den Ritter Rudolf von Erlach zurück, der als oberster Hauptmann der Berner in der Schlacht von Laupen am 21. Juni 1339 seiner zu Beginn des Kampfes erschrocken fliehenden Nachhut die Worte nachrief: es ist gut, daß die Bösen nicht bei den Biderben sind; die Spreuer sind von den Kernen gestoben. — Dieses Zitat findet überall Anwendung, selbst im Reiche aller Reußen», donnerte der sonst so ruhige Haueter und schlug mit seiner mächtigen Rechten auf den Tisch. «Du staunst über meine Kenntnisse in der Schweizergeschichte», fügte er dann gemäßigter bei, «aber das war von jeher mein Steckenpferd. Bei der pädagogischen Prüfung anlässlich der Rekrutenaushebung in Erlenbach - 50

erhielt ich zur Belohnung meines Wissens vier glatte Eins.»

«Gesamthaft gesehen, liegt der Fehler in gleichem Maße bei uns Schweizern wie im russischen Lager. Warum kamen denn unsere Landsleute früher mit ihren Gastgebern gut aus? Die Zeiten haben sich insofern gewandelt, als wir unsere Mitarbeiter vorteilhafter entlöhen sollten», versuchte ich einzuwenden.

Nun erhob sich Haueter in seiner imposanten Größe vom Sessel und trat gemächlich an mich heran: «Seit wann vertrittst du solche ketzerischen Ansichten? Hat etwa Maslenikow sie dir eingetrichtert? Hm?»

«Я просто говорю это мимоходом,» пробормотал я потерянно.

«Замечательная, истинно швейцарская цитата, — вновь заговорил соломенно-белый гигант, — с зерна убрали только плевелы», восходит к рыцарю Рудольфу фон Эрлаху, который был верховным капитаном бернцев в В битве при Лаупене 21 января 1339 года он выкрикнул слова вслед своему арьергарду, который в испуге бежал в начале битвы: хорошо, что плохих парней нет с Бидербенами; плевела упала с зерен. «Эта цитата используется повсюду, даже в царстве всех русских», — прогремел спокойный в остальном Хаутер и ударил могучей правой рукой по столу. «Вы поражены моими познаниями в истории Швейцарии, — добавил он затем более умеренно, — но это всегда было моим хобби. На педагогическом экзамене по случаю набора новобранцев в Эрленбах - 50

я получил подряд четыре пятерки в награду за свои знания».

«В целом, ошибка лежит как на нас, швейцарцах, так и на российском лагере. Почему наши соотечественники раньше хорошо ладили с хозяевами? Времена изменились в том смысле, что мы должны платить нашим сотрудникам более выгодно», — попытался возразить я.

Теперь Хаутер, в своем внушительном росте, поднялся со стула и неторопливо подошел ко мне: «С каких это пор ты придерживаешься таких еретических взглядов? Маслеников вам это внушил? Хм?»

I realized that I had hurt Haueter. I was too young to try to lecture him about human treatment. The chicken dared to teach the rooster lessons. "The reason I speak like this," I hastened to say, "is because, in my opinion, there is currently no absolute guarantee of the safety of your life. How easily it could happen again that Bondarenko pulls out his gun at night, this time even pointing it at you!"

«Leave this worry to me. Bondarenko should just come back,» laughed Haueter sarcastically. "Hopefully I will be awake at that moment so as not to miss his visit, as was unfortunately the case last time."

Haueter laboriously filled his tobacco pipe, held a match over the opening and eagerly pulled on the long mouthpiece. Then he left the room clinking his spurs. The front door slammed shut.

It seemed to me as if Haueter was angry against the whole world and even against himself. The blonde giant, who usually calmly observed everything that could upset the world, had lost his stoic calm. His collar was bursting. He was beginning to get fed up with Russia. A person who is used to fighting with his sights open cannot tolerate blank shots being fired outside his bedroom. He hated the backstage. Haueter didn't need to deal with people like Bondarenko. With the master's diploma from the famous

Ich sah ein, daß ich Haueter verletzt hatte. Ich war zu jung, um ihn hinsichtlich Menschenbehandlung belehren zu wollen. Das Hähnchen erdreistete sich, dem Hahn Lektionen zu erteilen. «Ich spreche deshalb so», beeilte ich mich zu sagen, «weil nach meiner Auffassung eine absolute Gewähr für die Sicherheit Ihres Lebens augenblicklich nicht besteht. Wie leicht könnte sich der Fall wiederholen, daß Bondarenko nächtlicherweise die Waffe zückt, dieses Mal sogar gegen Sie richtet!»

«Ueberlasse mir diese Sorge. Bondarenko soll nur wiederkommen », lachte Haueter sarkastisch. «Hoffentlich werde ich in jenem Augenblick wach sein, um seinen Besuch nicht zu verpassen, wie dies das letzte Mal bedauerlicherweise der Fall war.»

Haueter stopfte umständlich seine Tabakpfeife, hielt ein Streichholz über deren Oeffnung und zog eifrig am langen Mundstück. Dann verließ er spornklirrend das Zimmer. Krachend fiel die Haustüre ins Schloß.

Es wollte mir scheinen, als ob Haueter gegen die ganze Welt und sogar gegen sich selbst aufgebracht war. Der blonde Hüne, der sonst alle Dinge, welche die Welt in Aufregung bringen konnten, gelassen betrachtete, hatte seine stoische Ruhe verloren. Der Kragen war ihm geplatzt. Er bekam allmählich genug von Rußland. Ein Mensch, der gewohnt ist, mit offenem Visier zu kämpfen, verträgt es nicht, wenn Schreckschüsse vor seinem Schlafzimmer abgefeuert werden. Das Hintenherum war ihm ein Greuel. Haueter hatte es nicht nötig, sich mit Menschen wie Bondarenko herumzuschlagen. Mit dem Meisterdiplom der berühmten Rütti-Schule in der Tasche stand für

Я понял, что причинил боль Хаутеру. Я был слишком молод, чтобы читать ему лекции о лечении людей. Курица осмелилась преподать уроки петуху. «Причина, по которой я так говорю, — поспешил сказать я, — заключается в том, что, по моему мнению, в настоящее время не существует стопроцентной гарантии сохранности вашей жизни. Как легко могло случиться, что Бондаренко ночью вытащил пистолет, на этот раз даже направив его на вас!

«Оставьте это беспокойство мне. Бондаренко просто должен вернуться», саркастически рассмеялся Хаутер. «Надеюсь, я проснусь в этот момент, чтобы не пропустить его визит, как, к сожалению, это произошло в прошлый раз».

Хаутер с трудом набил трубку, поднес спичку к отверстию и нетерпеливо потянул за длинный мундштук. Затем он вышел из комнаты, звякнув шпорами. Входная дверь захлопнулась.

Мне казалось, что Хаутер злился на весь мир и даже на самого себя. Светловолосый великан, обычно спокойно наблюдавший за всем, что могло расстроить мир, утратил стоеческое спокойствие. Его воротник лопнул. Ему начинала надоедать Россия. Человек, привыкший сражаться с открытым прицелом, не может терпеть холостые выстрелы возле своей спальни. Он ненавидел закулисье. Хаутеру не нужно было иметь дело с такими людьми, как Бондаренко. С дипломом магистра знаменитой школы Рютти в кармане ему был открыт весь мир, особенно в те давние времена, когда повсюду еще были огромные поместья — в России, Польше, Венгрии, Германии

Rütti School in his pocket, the whole world was open to him, especially in those old times when there were still huge estates everywhere - in Russia, Poland, Hungary, Germany, etc. But what do you know, maybe Murentsevo was somehow close to his heart, he had already worked here for a decade and brought the dairy to great heights! Sewerski, the landowner, valued Haueter as a person with a golden character and a first-class specialist. At best, that held him back, because at a new job you have to start from scratch.

Haueter couldn't discuss what was inside him with anyone. I was out of the question for him as a friend and advisor; I was still too young and not experienced enough for that. He had no intimate friends among the Russians; The social difference between him and the Russian rural population with their extremely primitive intellectual activity was too great. In addition, the resentment that ordinary Russians harbored against all foreigners placed certain limits on "fraternization." Haueter did not speak the Russian language sufficiently to remain unrecognized as a foreign element. Haueter therefore had no choice but to deal with his thoughts alone. This is not always easy, at least not for Swiss people who, from their early youth, are used to discussing things with their fellow human beings and advising them on how the next step should be taken.

Only now did I fully understand the meaning of the words that Haueter had uttered on the occasion of my arrival from Switzerland: "Once I have scraped together my few thousand rubles, I will say goodbye to this godforsaken country, where everything is now going haywire."

ihn die ganze Welt offen, besonders in - 51 jenen alten Zeiten, wo es noch überall — in Rußland, Polen, Ungarn, Deutschland usw. — gewaltig große Landgüter hatte. Aber was weiß man, Murenzewe lag ihm vielleicht doch irgendwie am Herzen, er arbeitete bereits ein Jahrzehnt hier und brachte die Molkerei zur hohen Blüte! Sewerski, der Gutsherr, schätzte Haueter als Menschen mit goldlauterem Charakter und als erstklassigen Fachmann. Das hielt ihn allenfalls zurück, denn an einem neuen Arbeitsplatz muß man von vorne anfangen.

Haueter konnte das, was sein Inneres bewegte, mit keinem Menschen besprechen. Ich kam als Freund und Berater für ihn nicht in Frage, dafür war ich noch zu jung und zu wenig erfahren. Unter den Russen hatte er keine intimen Freunde; der gesellschaftliche Unterschied zwischen ihm und der russischen Landbevölkerung mit der äußerst primitiven geistigen Regsamkeit war zu groß. Darüber hinaus setzten die Ressentiments, mit denen die einfachen Russen gegen alle Ausländer behaftet waren, der «Verbrüderung» gewisse Schranken. Haueter beherrschte die russische Sprache nicht genügend, um als fremdes Element unerkannt zu bleiben. Haueter hatte daher keine andere Wahl, als mit seinen Gedanken allein fertig zu werden. Das ist nicht immer leicht, jedenfalls nicht für Schweizer, die von ihrer frühen Jugend an daran gewohnt sind, sich mit den Mitmenschen zu besprechen, zu beraten, wie der nächste Schritt getan werden soll.

Jetzt erst verstand ich die Bedeutung seiner Worte voll, die Haueter anlässlich meiner Ankunft aus der Schweiz ausgesprochen hatte: «Wenn ich einmal meine paar Tausend Rubel zusamengekratzt habe, werde ich diesem gottverlassenen Lande Lebewohl sagen, wo jetzt alles drunter und drüber geht.»

и т. д. Но что вы знаете, может быть, Муренцево было ему как-то близко сердцу, он уже проработал здесь десять лет и довел молочное хозяйство до огромных высот! Помещик Северский ценил Хаутера как человека с золотым характером и первоклассного специалиста. В лучшем случае это его сдерживало, ведь на новой работе приходится начинать с нуля.

Хаутер не мог ни с кем обсуждать то, что было у него внутри. Обо мне как о друге и советчике для него не могло быть и речи: я был еще слишком молод и недостаточно опытен для этого. У него не было близких друзей среди русских; Слишком велика была социальная разница между ним и русским сельским населением с его крайне примитивной интеллектуальной деятельностью. Кроме того, обида, которую простые россияне питали ко всем иностранцам, накладывала определенные ограничения на «братья». Хаутер недостаточно владел русским языком, чтобы остаться непризнанным иностранным элементом. Поэтому у Хаутера не было другого выбора, кроме как разобраться со своими мыслями в одиночку. Это не всегда легко, по крайней мере, для швейцарцев, которые с ранней юности привыкли обсуждать вещи со своими собратьями и давать им советы, как следует сделать следующий шаг.

Только теперь я полностью понял смысл слов, которые Хаутер произнес по случаю моего приезда из Швейцарии: «Как только я наскребу свои несколько тысяч рублей, я попрошу с этой богом забытой страной, где все теперь идет наперекосяк.»

I heard the rapid beat of hooves. When I looked through the window I saw a handsome rider. Haueter sat high on horseback, his posture was exemplary, in keeping with the course he had completed with the cavalry at Schachen in Aarau. The fiery black horse easily carried the heavy rider across the estate and out onto the wide steppe. Haueter wanted to breathe fresh air there and get rid of the unpleasant thoughts.

After an hour, Haueter returned. In his clothes there was the coolness and the bitter smell of the autumn wind, which had been rushing over the flat

Original Page 53

land since dawn, tearing the withered leaves from the trees and scattering them over the streets, fields and villages.

I met my compatriot in the hallway. Slowly and thoughtfully he took off his leather gloves. Even here he was still accompanied by the wind from the north, which proved to be a faithful companion, but which he in no way ignored.

Hunting with Nilka and around the fire

Normally there is snow in Russia for 160 days, say the chroniclers and statisticians. In 1907, winter was a long time coming by Russian standards. It just didn't come and didn't come, but instead the frost, which froze the defenseless earth, tore it deep. The farmer doesn't appreciate that. Until mid-December, the Kaluga governorate in central Russia was still completely free of snow. And yet in the morning, when the sun rose, fields and forests shimmered

Ich hörte raschen Hufschlag. Als ich durch das Fenster blickte, gewahrte ich einen stattlichen Reiter. Haueter saß hoch zu Pferd, seine Haltung war vorbildlich, entsprechend dem Lehrgang, den er bei der Kavallerie auf dem Schachen in Aarau absolviert hatte. Der feurige Rappe trug den schweren Reiter spielend leicht über den Gutshof, hinaus auf die weite Steppe. Dort wollte Haueter frische Luft atmen, den unerheblichen Gedanken los werden.

Nach einer Stunde kehrte Haueter zurück. In seinen Kleidern nisteten die Kühle und der herbe Geruch des Herbstwindes, der seit der Morgendämmerung schon über das flache - 52

Land raste, das welke Laub von den Bäumen riß und über die Straßen, Felder und Dörfer streute.

Ich begegnete meinem Landsmann im Hausflur. Langsam und nachdenklich streifte er die Lederhandschuhe ab. Sogar hier war er immer noch begleitet vom Wind aus dem Norden, der sich als treuer Gefährte erwies, aber keineswegs von ihm beachtet wurde.

Mit Nilka auf der Jagd und am Kaminfeuer

Normalerweise liegt der Schnee in Rußland 160 Tage lang, sagen die Chronisten und Statistiker. Im Jahre 1907 ließ der Winter nach russischen Verhältnissen sehr lange auf sich warten. Er kam und kam einfach nicht, dafür aber der Frost, der die schutzlose Erde zur Erstarrung brachte, sie tief aufriss. Das schätzt der Landwirt nicht. Bis Mitte Dezember war auch das im Zentrum Rußlands liegende Gouvernement Kaluga noch völlig schneefrei. Und dennoch schimmerten am Morgen, wenn die Sonne

Я услышал быстрый топот копыт. Когда я посмотрел в окно, я увидел красивого всадника. Хаутер сидел высоко верхом на коне, его осанка была образцовой, что соответствовало курсу, который он прошел с кавалерией при Шахене в Арау. Огненный вороной конь легко перенес тяжеловесного всадника через усадьбу в широкую степь. Хаутеру хотелось там подышать свежим воздухом и избавиться от неприятных мыслей.

Через час вернулся Хаутер. В его одежде была прохлада и горький запах осеннего ветра, который с рассвета проносился по равнине, срывая с деревьев увядшие - 52

листья и разбрасывая их по улицам, полям и деревням.

В коридоре я встретил своего соотечественника. Медленно и задумчиво он снял кожаные перчатки. Даже здесь его по-прежнему сопровождал ветер с севера, который оказался верным спутником, но который он никоим образом не игнорировал.

Охота с Нилкой и у костра

В норме снег лежит на Руси 160 дней, говорят летописцы и статистики. В 1907 году зима по российским меркам наступала уже давно. Оно просто не наступало и не наступало, а вместо этого мороз, заморозивший беззащитную землю, глубоко разорвал ее. Фермер этого не ценит. До середины декабря Калужская губерния в центральной России еще была полностью свободна от снега. И все же утром, когда взошло

in the most beautiful white. During the night the mercury in the glass tube in the front window of my room fell to fifteen or more degrees Celsius below zero. The result of this was the pure white hoarfrost.

The stalking of hares, foxes, wolves and bears begins in autumn and lasts until the meter-high snow puts obstacles in its way. If you want to continue hunting, take out your long boards and fly as fast as an arrow across the frozen blanket of snow.

Nilka owned two racy hunting dogs, named Tresor and Shumilka. The good animals chased the game around tirelessly until we got the shot. Our four-legged friends had the peculiarity of immediately stopping the pursuit of the game as soon as I missed the shot. If her master, Nilka, was not there to stop her from going home by kindly persuading or chastising her, the hunt came to an early end. Nilka never missed his goal, but I did very often at first. As I already mentioned at the beginning, I found an excellent weeding teacher in Nilka.

Russia was - and perhaps still is today - the classic country for the Nimrod disciples. Its immense forests were home to all sorts of game, from squirrels to huge bears. Anyone who owned a shotgun could hunt whenever and wherever they wanted. The responsible ministry issued corresponding instructions, in particular setting closing periods to prevent the young game from being mercilessly shot in the shadow of its mother,

aufging, Felder und Wälder im schönsten Weiß. Nachtsüber fiel das Quecksilber in der Glasröhre am Vorfenster meines Zimmers bis fünfzehn und mehr Grad Celsius unter Null. Die Folge davon war der blütenweiße Rauhreif.

Die Pirsch auf Hasen, Füchse, Wölfe und Bären beginnt im Herbst und dauert so lange, bis der meterhohe Schnee ihr Hindernisse in den Weg legt. Wer weiter jagen will, holt die langen Bretter hervor, flitzt pfeilschnell über die gefrorene Schneedecke.

Nilka besaß zwei rassige Jagdhunde, genannt Tresor und Schumilka. Die braven Tiere jagten das Wild unermüdlich so lange herum, bis wir zum Schuß kamen. Unsere vierbeinigen Freunde hatten die Eigenart, die Verfolgung des Wildes sofort abzubrechen, sobald ich daneben schoß. War ihr Meister, Nilka, nicht zur Stelle, um sie durch gütiges Zureden oder Züchtigung vom Heimgang abzuhalten, fand die Jagd ein frühzeitiges Ende. Nilka verfehlte nie sein Ziel, ich dagegen anfänglich sehr oft. Wie ich bereits eingangs erwähnt hatte, fand ich in Nilka einen ausgezeichneten weidmännischen Lehrmeister.

Rußland war — und ist es vielleicht heute noch — das klassische Land für die Nimrodjünger. Seine unermesslich großen Waldbestände bargen allerhand Wild, angefangen vom Eichkätzchen bis zum riesigen Bären. Jedermann, der - 53 eine Flinte besaß, konnte jagen, wann und wo er wollte. Das zuständige Ministerium gab wohl entsprechende Weisungen heraus, es setzte namentlich Sperrfristen fest, um zu verhindern, daß das Jungwild schonungslos im Schatten seiner Mutter abgeschossen wurde, aber kein

солнце, поля и леса переливались прекраснейшей белизной. За ночь ртуть в стеклянной трубке у переднего окна моей комнаты упала до пятнадцати и более градусов ниже нуля. Результатом этого стал чистый белый иней.

Преследование зайцев, лисиц, волков и медведей начинается осенью и продолжается до тех пор, пока метровый снег не станет препятствовать им. Если вы хотите продолжить охоту, достаньте свои длинные доски и летите со скоростью стрелы по замерзшему снежному покрову.

У Нильки были две колоритные охотничьи собаки по кличке Трезор и Шумилка. Добрые животные неустанно гонялись за дичью, пока мы не сделали выстрел. Наши четвероногие друзья имели особенность сразу прекращать преследование дичи, как только я промахивался. Если ее хозяина, Нильки, не было рядом, чтобы помешать ей вернуться домой, любезно уговаривая или наказывая ее, охота заканчивалась раньше времени. Нилка ни разу не промахнулся, а я поначалу очень часто. Как я уже упоминал вначале, в Нилке я нашел отличного преподавателя по прополке.

Россия была – и, возможно, остается сегодня – классической страной для учеников Нимрода. В его огромных лесах обитали самые разные дичи, от белок до огромных медведей. Любой, у кого было ружье, мог охотиться, когда и где захочет. Ответственное министерство издало соответствующие инструкции, в частности, установило периоды закрытия, чтобы не допустить беспощадного расстрела молодой дичи в тени ее матери, но никто не обратил на это никакого

but no one paid any attention to this. The police authorities refrained from punishing or reporting the perpetrators; they had other concerns. The hunting license, which only a few hunters took out, cost three rubles a year.

I became a passionate hunter, forgetting everything else, even my professional duties. This went on for four whole years. Even today, when my hair has turned silver, I think with joy of the free, carefree life where I was so closely connected to nature. There were no lavish meals there. A piece of black bread with bacon and cold tea, sometimes a glass of brandy, were my daily ration. When I got home I had a hot dinner. I remained perfectly healthy, willowy and tanned. There I laid the foundation for my robust health, which has never left me since. The constant movement in the fresh air steeled the mind and body.

I often tracked down a rabbit at dawn. I pursued him over hill and dale for days without stopping until he finally lay in the game bag. A little rabbit like this, which I only managed to hunt down after a long pursuit, gave me far more satisfaction than a large prey that fell to me effortlessly. I'm thinking of Severski's stately hunts, where his assistant hunters drove heaps of game in front of his nose. Severski had his hands full. He fired continuously while a man loaded the guns and handed them to him. After finishing the hunt, which wasn't really a hunt for him, Severski looked with pride at the many hares and partridges.

Mensch schenkte dem Beachtung. Die Polizeiorgane sahen davon ab, die Fehlbaren zu ahnden bzw. zu verzeigen, sie hatten andere Sorgen. Das Jagdpatent, das nur vereinzelte Jäger lösten, kostete drei Rubel im Jahr.

Ich wurde leidenschaftlicher Jäger, vergaß dabei alles andere, sogar meine beruflichen Pflichten. So ging das volle vier Jahre. Noch heute, wo mein Haupthaar silberfarben geworden ist, denke ich mit Wonne an das freie, sorgenlose Leben, wo ich mit der Natur so eng verbunden war. Da gab es keine üppigen Mahlzeiten. Ein Stück Schwarzbrot mit Speck und kaltem Tee, manchmal auch ein Glas Branntwein, waren meine Tagesration. Wenn ich nach Hause kam, nahm ich ein warmes Abendessen ein. Ich blieb dabei kerngesund, gertenschlank und wettergebräunt. Dort legte ich den Grundstein für meine robuste Gesundheit, die mich seither nie verließ. Die ständige Bewegung an der frischen Luft stählte Geist und Körper.

Oftmals stöberte ich schon beim Morgengrauen einen Hasen auf. Ich verfolgte ihn tagelang über Stock und Stein, ohne Unterlaß, bis er schließlich in der Jagdtasche lag. So ein Häslein, das ich nur nach langer Verfolgung zur Strecke brachte, gab mir weit mehr Befriedigung als eine große Beute, die mir mühelos zufiel. Ich denke dabei an die herrschaftlichen Jagden von Sewerski, dem das Wild von seinen Hilfsjägern haufenweise vor die Nase getrieben wurde. Sewerski hatte alle Hände voll zu tun. Er schoß unaufhörlich, derweil ein Mann die Flinten lud und sie ihm reichte. Mit Stolz betrachtete Sewerski nach Beendigung der Jagd, die eigentlich keine Jagd für ihn war, die vielen Hasen oder Rebhühner.

внимания. Полицейские власти воздержались от наказания или заявления о виновных; у них были другие опасения. Охотничья лицензия, которую получали лишь немногие охотники, стоила три рубля в год.

Я стал страстным охотником, забыв обо всем, даже о своих профессиональных обязанностях. Это продолжалось целых четыре года. Даже сегодня, когда мои волосы посеребрились, я с радостью думаю о свободной, беззаботной жизни, в которой я был так тесно связан с природой. Никаких обильных обедов там не было. Кусок черного хлеба с салом и холодный чай, иногда стакан бренди составляли мой ежедневный рацион. Когда я вернулся домой, у меня был горячий ужин. Я оставался совершенно здоровым, стройным и загорелым. Там я заложил основу своего крепкого здоровья, которое с тех пор меня никогда не покидало. Постоянное движение на свежем воздухе закалило разум и тело.

Я часто выслеживал кролика на рассвете. Я преследовал его по холмам и долинам несколько дней, не останавливаясь, пока он наконец не оказался в сумке для дичи. Такой маленький кролик, которого мне удалось выследить только после долгой погони, доставил мне гораздо большее удовлетворение, чем крупная добыча, которая досталась мне без особых усилий. Я думаю о величественных охотах Северского, где его помощники-охотники гоняли у него перед носом целые кучи дичи. У Северского были заняты дела. Он стрелял непрерывно, пока мужчина заряжал оружие и передавал его ему. Закончив охоту, которая для него и не была охотой, Северский с гордостью посмотрел на множество зайцев и куропаток.

Nilka and I usually parted ways at the beginning of the hunt, as soon as the dog's first shout reached our ears. We announced our respective locations by signaling to each other with the hunting horn.

There were times when we didn't return home in the evening. We spent the night in the Murentsevo landowner's hunting lodge. The gamekeeper gave us the key to it. As a reward he received a bottle of

Original Page 54

vodka from us, which he adored. This log house, made of round wooden beams, was luxuriously furnished inside. It even had a wide, marble fireplace, around whose fire we spent the long evenings talking. Around the fire I learned about the thought processes of ordinary Russian people. Even more: Through Nilka I learned how the Russian people, in their superiority, thought about the generation of feudal landowners who were leaving the stage and with what feelings they looked forward to the coming modern era. This was only possible for me because Nilka knew me from childhood and trusted me completely.

In a sense, Nilka was a drop from the sea. Just as Nilka thought and lived, the majority of the Russian rural population thought and lived for many centuries.

It is not easy to eavesdrop on the Russian peasant's personality, way of thinking and emotions when one lives outside of his Isba.

One morning, early in the morning, I met Nilka as usual at the eastern exit of Dubrovka, where the

Nilka und ich trennten uns meistens schon zu Anfang der Jagd, sobald der erste Hetzlaut des Hundes an unser Ohr schlug. Durch gegenseitige Signale mit dem Jagdhorn gaben wir unseren jeweiligen Standort bekannt.

Es gab Zeiten, wo wir abends nicht nach Hause zurückkehrten. Wir verbrachten die Nacht in der Jagdhütte des Gutsbesitzers von Murenzewo. Der Wildhüter gab uns den Schlüssel zu ihr. Als Belohnung erhielt er von uns eine Flasche - 54

Wodka, den er abgöttisch verehrte. Dieses aus runden Holzbalken gezimmerte Blockhaus war in seinem Innern luxuriös ausgestattet. Es wies sogar ein breites, marmores Kamin auf, an dessen Feuer wir die langen Abende im Gespräch verbrachten. Am Kaminfeuer lernte ich den Gedankengang des einfachen russischen Menschen kennen. Noch mehr: Durch Nilka erfuhr ich, wie das russische Volk in seiner Uebermacht über die von der Bühne abtretende Generation der feudalen Gutsbesitzer dachte und mit welchen Gefühlen es der kommenden Neuzeit entgegen-sah. Dies war mir nur deshalb möglich, weil mich Nilka von Kindheit an kannte und mir volles Vertrauen schenkte.

Nilka war gewissermaßen ein Tropfen vom Meer. So wie Nilka dachte und lebte, dachte und lebte der Großteil der russischen Landbevölkerung während vielen Jahrhunderten.

Es ist nicht einfach, die Eigenart, Denkweise und Gefühlswelt des russischen Bauern abzulauschen, wenn man außerhalb seiner Isba lebt.

Eines Morgens in aller Herrgottsfrühe traf ich mich mit Nilka wie gewohnt am östlichen Ausgang von Dubrowka,

Мы с Нилкой обычно расходились в начале охоты, как только до наших ушей доходил первый крик собаки. Мы объявили свое местоположение, сигнализируя друг другу охотничьим рогом.

Бывали случаи, когда мы вечером не возвращались домой. Ночевали в охотничьем домике помещика Муренцево. Егерь дал нам ключ от него. В награду он получил от нас - 54

бутылку водки, которую обожал. Этот бревенчатый дом, сложенный из круглых деревянных балок, был роскошно обставлен внутри. Там даже был широкий мраморный камин, возле которого мы проводили долгие вечера, разговаривая. У костра я узнал о мыслительных процессах простых русских людей. Более того: через Нильку я узнал, как русский народ, в своем превосходстве, думал об уходящем со сцены помещичьем поколении и с какими чувствами ожидал наступающую современную эпоху. Это было возможно для меня только потому, что Нилька знала меня с детства и полностью мне доверяла.

В каком-то смысле Нилка была каплей с моря. Так же, как думала и жила Нилька, думало и жило большинство русского сельского населения на протяжении многих веков.

Нелегко подслушать личность, образ мыслей и эмоций русского крестьянина, живущего за пределами его Исбы.

Однажды рано утром я, как обычно, встретил Нильку на восточном выезде из Дубровки, где

jungle is within shooting distance of the village. A crystal clear day was on the horizon. But around midday the weather changed. The sun shone hazy through the milky haze and soon dusk descended on the melancholy landscape. With an overcast sky and clouds threatening snow, we marched at an accelerated pace towards the forest hut that belonged to Severski. Only my hunting companion's night-accustomed eyes were able to find them in the rapidly falling darkness.

When we arrived there hungry and tired, Nilka first turned on the light. Then he wiped the sweat from his forehead with the back of his hand, pulled the long hunting knife out of the leather container and cut long shavings from a piece of pine wood. After a short time, the mighty logs were crackling in the fireplace and radiating a pleasant warmth. The supper was, in the hunter style, short and simple. In contrast, the copper samovar sat on the table for hours. We drank glass after glass of the hot, topaz-colored liquid while smoking a lot of cigarettes. Nilka had long since prepared the sleeping cots with the leather pillows, bearskins and woolen blankets, but we weren't thinking about sleep yet. It was cozy

Original Page 56

in the narrow space while the sharp north wind swept through the forest. The two dogs were curled up at our feet. Every now and then they suddenly woke up from their half-slumber, growled and stared intently at the door, for example when they smelled wolves roaming around the hut or howling darkly in the distance.

dort, wo der Urwald auf Schußweite an das Dorf heranreicht. Ein kristallklarer Tag kündigte sich an. Aber schon um die Mittagsstunde schlug das Wetter um. Verschwommen schien die Sonne durch milchigen Dunst und bald sank die Dämmerung auf die schwermütige Landschaft herab. Bei bedecktem Himmel und schneedräuenden Wolken marschierten wir in beschleunigtem Tempo der Waldhütte zu, die Sewerski gehörte. Nur die nachtgewohnten Augen meines Jagdgefährten vermochten sie bei rasch einbrechender Dunkelheit zu finden.

Als wir dort hungrig und müde ankamen, machte Nilka zunächst einmal Licht. Dann wischte er sich mit dem Handrücken den Schweiß von der Stirne, zog das lange Jagdmesser aus dem ledernen Behältnis und schnitt von einem Stück Tannenholz lange Spähne. Nach kurzer Zeit schon prasselten die mächtigen Scheiter im Kamin und strahlten eine wohlige Wärme aus. Das Abendbrot war nach Jägerart kurz und ein-r fach. Dagegen thronte der kupferne Samowar stundenlang auf dem Tisch. Wir tranken ein Glas um das andere von der heißen, topasfarbigen Flüssigkeit, dazu eine Menge von Zigaretten rauchend. Die Schlafpritschen mit den Lederkissen, Bärenfellen und Wolldecken hatte Nilka längst zurecht gemacht, doch wir dachten noch nicht an den Schlaf. Es war - 55

gemütlich im engen Raum, derweil der scharfe Nordwind durch den Wald fegte. Zu unseren Füßen lagen eingerollt die beiden Hunde. Ab und zu fuhren sie jäh aus dem Halbschlummer, knurrten und starnten gebannt auf die Türe, etwa dann, wenn sie Wölfe witterten, die um die Hütte strichen oder in der Ferne düster heulten.

джунгли находятся на расстоянии выстрела от деревни. На горизонте стоял кристально чистый день. Но около полудня погода изменилась. Солнце светило сквозь молочную дымку, и вскоре сумерки опустились на меланхоличный пейзаж. При пасмурном небе и облаках, грозящих снегом, мы ускоренным шагом двинулись к лесной хижине, принадлежавшей Северскому. Только привыкшие к ночи глаза моего спутника по охоте смогли найти их в быстро сгущающейся темноте.

Когда мы приехали туда голодные и уставшие, Нилка первой включила свет. Затем он вытер тыльной стороной ладони пот со лба, вытащил из кожаного футляра длинный охотничий нож и нарезал длинную стружку из куска сосновой древесины. Спустя короткое время могучие поленья потрескивали в камине и излучали приятное тепло. Ужин был по-охотничьему краток и прост. Напротив, медный самовар часами стоял на столе. Мы пили стакан за стаканом горячей жидкости цвета топаза, куря много сигарет. Нилька уже давно подготовила спальные места с кожаными подушками, медвежьими шкурами и шерстяными одеялами, но о сне мы еще не думали. В узком пространстве было уютно, - 55

пока по лесу проносился резкий северный ветер. Две собаки свернулись клубочком у наших ног. То и дело они вдруг просыпались от полудремы, рычали и пристально смотрели на дверь, например, когда чуяли волков, бродящих по избе или мрачно воющих вдали.

The most recent events in Murentsevo were discussed. Nilka had known Bondarenko for years. He knew why Bondarenko had been summarily dismissed and had been plotting revenge ever since. Even the echoes of the two shots that were fired at our house that night reached Nilka's ears. Such incidents are widely reported in the countryside. But people exercised a certain restraint in openly saying the name of the alleged perpetrator.

"I would regret it immensely," I began to say, "if Haueter should think of saying goodbye to Murentsevo in order to set up his own business elsewhere."

Without further ado, I asked Nilka whether he would return to his previous job at the dairy in such a case.

"I couldn't do that under any circumstances," Nilka replied without thinking. "Consider my duties at home. The head of a family is not allowed to leave the home without compelling reasons. It should be a support to its partner in every situation, day after day, hour after hour. Parents must work together, especially when it comes to raising children. Today we have four children, who can be followed by more later." At these words Nilka smiled transfiguredly - he loved his children, who were the spitting image of him - and then continued: "Resuming my old job in Murentsevo would take up my entire time and leave no time for my duties at home. That's why I have to reject your suggestion. I hope you

Gesprächsweise kamen die jüngsten Ereignisse in Murenzewo zur Erörterung. Nilka kannte Bondarenko seit Jahren. Er wußte, aus welchem Grunde Bondarenko fristlos entlassen worden war und seither auf Rache sann. Selbst das Echo von den beiden Schüssen, die nächtlicherweile auf unser Haus abgefeuert wurden, schlügen an Nilkas Ohr. Solche Vorkommnisse werden auf dem Lande tunlichst herumgeboten. Doch die Leute befleißigten sich einer gewissen Zurückhaltung, den Namen des mutmaßlichen Täters offen auszusprechen.

«Ich würde es unendlich bedauern», begann ich davon zu sprechen, «wenn Haueter auf den Gedanken kommen sollte, Murenzewo Lebewohl zu sagen, um sich anderswo selbständig zu machen.»

Ohne Umschife frug ich Nilka, ob er in einem solchen Falle seine frühere Stelle in der Molkerei wieder antreten würde.

«Das könnte ich unter keinen Umständen tun», gab Nilka ohne Ueberlegung zur Antwort «Bedenken Sie meine Pflichten zu Hause. Das Oberhaupt einer Familie darf den häuslichen Herd ohne zwingende Gründe nicht verlassen. Es soll seiner Lebensgefährtin in jeder Lage eine Stütze sein, Tag für Tag, Stunde um Stunde. Namentlich bei der Erziehung der Kinder müssen die Eltern gemeinsame Arbeit leisten. Heute haben wir vier Kinder, denen später weitere nachfolgen können.» Bei diesen Worten lächelte Nilka verklärt - er liebte seine Kinder, die ihm wie aus dem Gesicht geschnitten waren — um dann fortzufahren: «Die Wiederaufnahme meiner alten Beschäftigung in Murenzewo würde mich voll in Anspruch nehmen und für meine Pflichten zu Hause keine Zeit übriglassen. Darum muß ich Ihren Vorschlag ablehnen. Ich hoffe, Sie werden mir das

Обсуждались последние события в Муренцево. Нилка знала Бондаренко много лет. Он знал, почему Бондаренко был уволен в дисциплинарном порядке, и с тех пор замышлял месть. Даже отголоски двух выстрелов, прозвучавших в ту ночь по нашему дому, дошли до ушей Нильки. Подобные инциденты широко известны в сельской местности. Но люди проявляли определенную сдержанность, открыто называя имя предполагаемого преступника.

«Я бы безмерно пожалел,» начал я говорить, «если бы Хаутер вздумал рас простираться с Муренцево, чтобы основать свое дело в другом месте».

Не мудрствуя лукаво, я спросил Нильку, вернется ли он в таком случае на прежнюю работу на молокозаводе.

«Я не могла этого сделать ни при каких обстоятельствах», не раздумывая ответила Нилка. «Учтите мои домашние обязанности. Главе семьи не разрешается покидать дом без веских причин. Она должна быть опорой своему партнеру в любой ситуации, день за днем, час за часом. Родители должны работать вместе, особенно когда дело касается воспитания детей. Сегодня у нас четверо детей, за которыми позже могут последовать еще». При этих словах Нилка преображенno улыбнулся — он любил своих детей, которые были его точной копией, — и затем продолжил: «Возобновление моей старой работы в Муренцево отняло бы все мое время и не оставило бы времени для моих домашних обязанностей. Вот почему я вынужден отклонить ваше предложение. Надеюсь, ты не будешь винить меня. Но», — добавила Нилка, — пусть

won't blame me. But," Nilka added, "let an assistant come from Switzerland if you don't think you can run the dairy on your own yet!"

"I'll think about this question carefully," I replied briefly, "by the way, it's not a burning issue."

Original Page 57

"It is understandable," Nilka spoke up again, "that Haueter would finally like to take over a dairy on his own account. There is an opportunity to do this everywhere. With his ability and great experience, he should be completely successful. Only this consideration would be understandable for his departure; any other consideration would have to be viewed as questionable. His reputation as a person and professional is inviolable."

"I would like to know what could cause Bondarenko to constantly agitate against Haueter. He got it to the point where the workers were running away in the middle of the summer season and couldn't be replaced!" I said to Nilka, turning fully to him. «Haueter valued Bondarenko as an assistant. He didn't give up his cooperation even when he railed against the whole world. One day the police came to the house and demanded clear information about Bondarenko. What other choice did Haueter have than to tell the truth? There is no better proof of his integrity. Now Bondarenko became rude, insulted and threatened his master until he was thrown out. That's all."

Nilka poured a glass full of tea and drank it in one gulp. He then crushed the dying cigarette in the ashtray and immediately lit another one. After a while

nicht verdenken. Aber», fügte Nilka hinzu, «lassen Sie doch einen Gehilfen aus der Schweiz kommen, sofern Sie glauben, die Molkerei noch nicht allein führen zu können!»

«Ich werde mir diese Frage noch reiflich überlegen», versetzte ich kurz, «sie ist übrigens nicht brennend.» - 56

«Es ist begreiflich», ergriff wieder Nilka das Wort, «daß Haueter endlich einmal eine Molkerei auf eigene Rechnung übernehmen möchte. Dazu besteht allerorts die Möglichkeit Mit seiner Tüchtigkeit und großen Erfahrung dürfte er vollen Erfolg haben. Nur diese Ueberlegung wäre für seinen Weggang verständlich, jede andere müßte als fragwürdig angesehen werden. Sein Ruf als Mensch und Fachmann ist unantastbar.»

«Ich möchte gerne wissen, was Bondarenko veranlassen kann, dauernd gegen Haueter zu hetzen. Er brachte es so weit, daß uns die Arbeiter mitten in der Sommersaison weglaufen und sich nicht ersetzen lassen!» sagte ich zu Nilka, mich ihm voll zugewandt. «Haueter schätzte Bondarenko als Gehilfen. Er verzichtete auch dann nicht auf seine Mitarbeit, als dieser maßlos gegen die ganze Welt wetterte. Eines Tages kam die Polizei ins Haus und verlangte über Bondarenko klare Auskunft. Was blieb Haueter anderes übrig, als die Wahrheit zu sagen? Einen besseren Beweis für seine Lauterkeit gibt es nicht. Nun wurde Bondarenko grob, beschimpfte und bedrohte seinen Meister, bis er hinaus geworfen wurde. Das ist alles.»

Nilka goß ein Glas voll Tee und trank es in einem Zuge aus. Hierauf zerdrückte er die verglimmende Zigarette im Aschenbecher und zündete sich sogleich eine andere

приедет помощник из Швейцарии, если вы еще не думаете, что сможете управлять молочной фермой самостоятельно!»

«Я хорошенько подумаю над этим вопросом,» коротко ответил я, «кстати, это не животрепещущий вопрос». - 56

«Понятно, — снова заговорила Нилка, — что Хаутер наконец захотел взять на себя управление молочной фермой. Возможность сделать это есть везде, и с его способностями и огромным опытом он должен добиться полного успеха. Только это соображение было бы понятно для его отъезда; любое другое соображение следовало бы рассматривать как сомнительное. Его репутация как человека и профессионала неприкосновенна».

«Хотелось бы знать, что могло заставить Бондаренко постоянно агитировать против Хаутера. Довел до того, что рабочие разбежались посреди летнего сезона, и их не найти!» - сказал я Нильке, полностью повернувшись к нему. «Хаутер ценил Бондаренко как помощника. Он не отказался от сотрудничества, даже когда ругал весь мир. Однажды к дому пришла полиция и потребовала достоверную информацию о Бондаренко. Какой еще выбор был у Хаутера, кроме как сказать правду? Нет лучшего доказательства его честности. Теперь Бондаренко стал грубить, оскорблять и угрожать своему хозяину, пока его не выгнали. Это все.»

Нилька налила полный стакан чая и выпила его залпом. Затем он раздавил догорающую сигарету в пепельнице и тут же закурил еще одну. После

of silence, he began his plea for Bondarenko. Nilka's remarks were extensive and well thought out. They demonstrated extraordinary intelligence and decent disposition. Nilka confessed to me his political and ideological convictions.

"Have you already read Kuprin's works"? Nilka wanted to know first. When I shook my head in the negative, he continued: «Kuprin is a people's writer and thinker. In his books he writes about the lowest classes of the people, or rather about the poor, rejected people, in the style of his great colleague M. Gorky. People who don't want their well-being to be disturbed by the misery of their fellow human beings don't read Kuprin; they deliberately ignore him.

"A. I. Kuprin was born in 1870. His parents lived in good circumstances. In any case, they had the necessary means to let their son become an officer. This is not a given for everyone in Russia. It takes something, especially background and money.

Kuprin felt the calling to write at a young age. His first work, a short story entitled "Last Appearance," appeared in the 1889 issue of the "Russian Satirical Journal." Russian student officers were forbidden from engaging in journalism. Because Kuprin knowingly allowed a story to be published in defiance of this ban, with content in a form that was not acceptable to the authorities, the commander snarled him and sentenced him to strict arrest. It wouldn't have taken much for Kuprin to be relegated. Some lucky circumstance saved him from this.

an. Nach einer Weile des Schweigens begann er mit seinem Plaidoyer für Bondarenko. Nilkas Ausführungen waren weit ausholend und wohl überdacht. Sie zeugten von außerordentlicher Klugheit und anständiger Gesinnung. Nilka beichtete mir seine politische und weltanschauliche Ueberzeugung.

«Haben Sie die Werke von Kuprin schon gelesen?» wollte Nilka zuerst wissen. Als ich den Kopf verneinend schüttelte, fuhr er fort: «Kuprin ist ein Volksschriftsteller und Denker. Er schreibt in seinen Büchern von den untersten Volksschichten, besser gesagt von den armen, verstoßenen Menschen, in der Darstellungsart seines großen Kollegen M. Gorki. Leute, die in ihrem Wohlleben nicht durch die Not der Mitmenschen gestört sein wollen, lesen Kuprin nicht, sie übersehen ihn absichtlich.

A. I. Kuprin erblickte 1870 das Licht der Welt. Seine Eltern lebten in guten Verhältnissen. Jedenfalls hatten sie die nötigen Mittel dazu, ihren Sohn Offizier werden zu lassen. Das ist bei uns in Rußland nicht für jedermann eine Selbstverständlichkeit. Es braucht schon etwas dazu, vor allem Herkunft und Geld.

Die Berufung zum schriftstellerischen Schaffen verspürte Kuprin schon in jungen Jahren. Sein Erstlingswerk, eine kleine Erzählung unter dem Titel «Letztes Aufreten», erschien 1889 in der Nummer des «Russischen satirischen Blattes». Es war russischen Offiziersschülern untersagt, sich journalistisch zu betätigen. Weil Kuprin diesem Verbot wissentlich zum Trotz eine Erzählung veröffentlichen ließ, dazu inhaltlich in einer Form, die der Obrigkeit nicht genehm war, verknurte ihn der Kommandant zu scharfem Arrest. Es hätte nicht viel gefehlt, so wäre Kuprin relegiert worden. Irgendein glücklicher Umstand bewahrte ihn davor.

некоторого молчания он начал свою речь в защиту Бондаренко. Выступления Нилки были обширными и хорошо продуманными. Они демонстрировали необыкновенный ум и порядочный нрав. Нилка признался мне в своих политических и идеологических убеждениях.

«Вы уже читали произведения Куприна? Нилка хотела знать сначала. Когда я отрицательно покачал головой, он продолжил: «Куприн — народный писатель и мыслитель. В своих книгах он пишет о низших классах народа, вернее, о бедных, отвергнутых людях, в стиле своего великого коллеги М. Горького. Куприна не читают люди, которые не хотят, чтобы их благополучие было нарушено несчастьем близких, а сознательно игнорируют его.»

А. И. Куприн родился в 1870 году. Его родители жили в хороших условиях. В любом случае у них были необходимые средства, чтобы позволить сыну стать офицером. Это не данность для всех в России. Это требует чего-то, особенно опыта и денег.

Куприн почувствовал призвание писать еще в юном возрасте. Его первое произведение, рассказ под названием «Последнее появление», появилось в номере «Русского сатирического журнала» за 1889 год. Российским студентам-офицерам запретили заниматься журналистикой. Поскольку Куприн сознательно позволил опубликовать в нарушение этого запрета рассказ, содержание которого было не приемлемо для властей, командир огрызнулся на него и приговорил к строгому аресту. Куприну не потребовалось бы много времени, чтобы вылететь в низшую лигу. От этого его спасло какое-то счастливое обстоятельство.

"After Kuprin had his officer's license in his pocket, he continued to write. The novella "Moloch" was written in 1896. It was published in the journal "Russian Wealth". In it the author took a position on capitalism. I would like to specify: In the novella "Moloch" Kuprin explained the importance that industry has under capitalism. This was a first in Russian literature. The factory in the shape of a juggernaut devours man's greatest asset: health. Engineer Bobrow, who plays the main role in this work, talks about how the factory workers have to give their best for the Moloch year in and year out for a stick of cardboard and how they rarely exceed the average age of forty under the extremely unfavorable living conditions. Diseases, poor hygiene and malnutrition kill people prematurely.

"In the war year of 1905, Kuprin's novel "Duel" was published. The IV collection "The Knowledge" took over its printing. The hero of the novel is Lieutenant Romashov. In the role of this young officer, the writer brings his experiences in military service to the attention of the public. In it he unreservedly exposes the abuses in the army and vividly describes the officers' notorious drunkenness and excesses against the defenseless soldiers. There is a right to complain, but no one is making use of it for fear of retaliation. When Romashov, an exemplary platoon leader, accuses his company commander Sliva of mistreating soldiers, the captain throws an expletive in his face, commenting that

Nachdem Kuprin das Offizierspatent in der Tasche hatte, schrieb er weiter. Im Jahre 1896 entstand die Novelle «Moloch». Sie wurde im Journal «Russischer Reichtum» veröffentlicht. Darin nahm der Verfasser Stellung zum Kapitalismus. Ich präzisiere: In der Novelle «Moloch» legte Kuprin die Bedeutung dar, welche die Industrie im Kapitalismus einnimmt. Das war in der russischen Literatur erstmalig. Die Fabrik in der Gestalt eines Moloches verschlingt den Menschen höchstes Gut: Die Gesundheit. Ingenieur Bobrow, der in diesem Werk die Hauptrolle darstellt, erzählt davon, wie die Fabrikarbeiter für einen Pappenstiel jahraus, jahrein für den Moloch ihr Bestes hergeben müssen und unter den äußerst ungünstigen Lebensbedingungen das Durchschnittsalter von vierzig Jahren selten überschreiten. Krankheiten, mangelhafte Hygiene sowie Unterernährung raffen die Menschen vorzeitig dahin.

Im Kriegsjahr 1905 kam der Roman «Zweikampf» von Kuprin heraus. Die IV. Sammlung «Das Wissen» übernahm dessen Drucklegung. Der Held des Romans ist Leutnant Romaschow. In der Rolle dieses jungen Offiziers bringt der Schriftsteller seine Erlebnisse im Militärdienst der Öffentlichkeit zur Kenntnis. Rückhaltlos deckt er darin die Mißstände in der Armee auf, beschreibt in anschaulicher Weise die notorische Trunksucht und Ausschreitungen der Offiziere gegen die schutzlosen Soldaten. Ein Beschwerderecht besteht wohl zu Recht, doch wird davon kein Gebrauch gemacht, aus Angst vor Vergeltungsmaßnahmen. Als Romaschow als vorbildlicher Zugführer seinen Kompanieführer Sliwa der Soldatenmißhandlung bezichtigt, schleudert ihm der Hauptmann ein Kraftwort ins Gesicht, mit dem Kommentar, - 58

После того как у Куприна в кармане оказалось офицерское удостоверение, он продолжал писать. Повесть «Молох» была написана в 1896 году. Оно было опубликовано в журнале «Русское богатство». В ней автор занял позицию по вопросу капитализма. Хочу уточнить: В повести «Молох» Куприн разъяснил значение промышленности при капитализме. Это было первое в русской литературе. Фабрика в форме джаггерната пожирает самое большое достояние человека: здоровье. Инженер Бобров, играющий главную роль в этом произведении, рассказывает о том, как фабричным рабочим приходится из года в год отдавать Молоху все силы за кусок картона и как они редко превышают средний возраст в сорок лет при крайне неблагоприятных условиях. условия жизни. Болезни, плохая гигиена и недоедание преждевременно убивают людей.

В военном 1905 году вышел роман Куприна «Дуэль». Приступил к печати IV сборник «Знание». Герой романа – лейтенант Ромашов. В роли этого молодого офицера писатель доводит до сведения общественности свой опыт военной службы. В ней он безоговорочно разоблачает злоупотребления в армии, ярко описывает пресловутое офицерское пьянство и бесчинства над беззащитными солдатами. Право жаловаться есть, но никто им не пользуется, опасаясь возмездия. Когда Ромашов, образцовый командир взвода, обвиняет своего командира роты Сливу в плохом обращении с солдатами, капитан бросает ему в лицо ругательство, комментируя, что -58

Original Page 58

he - the little lieutenant Romashov - will also be a soldier abuser in a year if he is not removed from the regiment first for laxity have to leave. Kuprin's revelations came at a psychologically cleverly chosen moment when tempers were already very heated after the lost war and as a result of the turmoil inside the country.

"Above all, the book "Dual Combat" was read by members of the armies fighting in the Far East. Anyone who didn't know how to read was read out loud, surrounded by many other illiterate people. The reciters were very well received. Bondarenko also went there, listened attentively and nodded his head in agreement. Like many of his comrades, he also experienced firsthand the harassment and brutality of the officers and non-commissioned officers. Completely incited by specially appointed agents of the Russian Socialist-Revolutionary Party, the quiet, level-headed farmer Bondarenko became an eager follower of the soldiery, who took a lively part in a number of excesses against the officers, according to the watchword: an eye for an eye, a tooth for a tooth .

"Finally came demobilization. Bondarenko returned to his home village, found work at the dairy in Murentsevo, but in his opinion did not receive the wages commensurate with his work. He could not get rid of the revolutionary spirit. On the contrary: Bondarenko viewed it as his highest duty towards his former comrades in service, and even towards the broad masses of workers in need, to educate the ignorant and to whip up the timid and defaulters.

er — der kleine Leutnant Romaschow — werde in einem Jahr ebenfalls ein Soldatenschinder sein, falls er nicht vorher wegen Laxheit aus dem Regiment ausscheiden müsse. Kuprins Enthüllungen erfolgten in einem psychologisch geschickt gewählten Augenblick, als die Gemüter nach dem verlorenen Krieg und infolge der Wirren im Innern des Landes ohnehin stark erhitzt waren.

Vor allem wurde das Buch «Zweikampf» von den Angehörigen der im Fernen Osten fechtenden Armeen gelesen. Wer des Lesens unkundig war, dem las man es laut vor, im Kreise vieler anderer Analphabeten. Die Rezitatoren hatten regen Zuspruch. Auch Bondarenko ging hin, hörte aufmerksam zu und nickte zustimmend mit dem Kopfe. Wie viele seiner Kameraden lernte auch er die Schikanen und Brutalität der Offiziere und Unteroffiziere am eigenen Leibe kennen. Von eigens dazu bestimmten Agenten der sozialistischen-revolutionären Partei Rußlands vollends aufgestachelt, wurde aus dem ruhigen, besonnenen Bauern Bondarenko ein eifriger Mitläufer der Soldateska, der an etlichen Exzessen gegen die Offiziere lebhaften Anteil nahm, nach dem Losungswort: Auge um Auge, Zahn um Zahn.

Schließlich kam die Demobilmachung. Bondarenko kehrte in sein Heimatdorf zurück, fand Arbeit bei der Molkerei in Murenzewo, jedoch seiner Auffassung nach nicht den für seine Leistungen entsprechenden Lohn. Er konnte der revolutionären Gesinnung nicht loswerden. Im Gegenteil: Bondarenko betrachtete gegenüber den früheren Dienstkameraden, ja sogar gegenüber den breiten notleidenden Arbeitermassen es als seine höchste Pflicht, Unwissende aufzuklären,

он - лейтенант Ромашов - через год тоже будет солдатским обидчиком, если его не отстроят от службы. полк сначала за расхлябанность придется оставить. Разоблачения Куприна пришлись на психологически удачно выбранный момент, когда страсти уже были очень накалены после проигранной войны и в результате смуты внутри страны.

Прежде всего, книгу «Двойной бой» читали военнослужащие армий, сражавшихся на Дальнем Востоке. Всем, кто не умел читать, читали вслух в окружении множества других неграмотных людей. Чтецы были очень хорошо приняты. Бондаренко тоже подошел туда, внимательно выслушал и согласно кивнул головой. Как и многие его товарищи, он также на собственном опыте испытал притеснения и жестокость со стороны офицеров иunter-офицеров. Полностью подстрекаемый специально назначенными агентами Российской партии социалистов-революционеров, тихий, рассудительный крестьянин Бондаренко стал горячим последователем солдатства, принимавшим живое участие в ряде бесчинств против офицерства, согласно лозунгу: око за око, зуб за зуб.

Наконец пришла демобилизация. Бондаренко вернулся в родное село, нашел работу на молокозаводе в Муренцево, но, по его мнению, не получил заработной платы, соразмерной своему труду. Он не мог избавиться от революционного духа. Наоборот: Бондаренко считал своим высшим долгом перед бывшими товарищами по службе и даже перед широкими массами нуждающихся рабочих просвещать невежественных и подстегивать робких

So he soon gained a lot of support for the party to which he had committed himself to life and death. As an ardent supporter of the new worldview, he suddenly collided with the calm nature of Fritz Haueter. As a result, things happened the way they had to.

"I know Bondarenko very well. He is probably a bit primitive in his way of thinking, but in terms of character he is definitely louder. I say this not only because I widely share his political convictions, but for the simple reason that this is actually the case.

"When Haueter reported him to the police, Bondarenko perceived this as an attack, a betrayal of the holy cause of the revolution, which the Russian people of all

Original Page 60

to relieve suffering. Knowing the Russian people, I tend to think so. Haueter would have been better advised to give Bondarenko a few slaps in the face. Bondarenko would have been more likely to have endured corporal punishment, but he does not seem to be able to forget telling the police about his political activities. He believes he is face to face with his worst enemy.

"As a non-connoisseur of the Russian mentality, Haueter, who is otherwise characterized by extraordinary hard work, fearless masculine demeanor, impressive knowledge, clarity of expression and force of personality, has often missed the subtlety of the diplomatic and psychological treatment of people. Sometimes

Zaghafte und Säumige aufzupeitschen. So bekam er bald großen Zuzug für die Partei, der er sich auf Leben und Tod verschrieben hatte. Als glühender Verfechter der neuen Weltanschauung prallte er plötzlich mit der ruhigen Wesensart von Fritz Haueter zusammen. Es kam in der Folge so, wie es kommen mußte.

Ich kenne Bondarenko sehr gut. Er ist in seiner Denkweise wohl etwas primitiv, jedoch in charakterlicher Hinsicht durchaus lauter. Ich sage dies nicht nur deshalb, weil ich seine politische Ueberzeugung weithin teile, sondern aus dem einfachen Grunde, weil dem in Wirklichkeit so ist.

Als Haueter ihn bei der Polizei verzeigte, empfand Bondarenko dies als einen Anschlag, als Verrat an der heiligen Sache der Revolution, die das russische Volk von allen - 59

Leiden erlösen soll. So, wie ich die russischen Menschen kenne, neige ich zur Ansicht. Haueter wäre besser beraten gewesen, wenn er Bondarenko ein paar Ohrfeigen verabreicht hätte. Eine körperliche Züchtigung würde Bondarenko eher eingesteckt haben, die Mitteilung an die Polizei über seine politische Tätigkeit dagegen scheint er nicht vergessen zu können. Er glaubt, seinem schlimmsten Feind Auge in Auge gegenüberzusehen.

Als Nichtkenner der russischen Mentalität hat Haueter, der sich sonst durch außerordentliche Arbeitskraft, unerschrockenes männliches Auftreten, imponierendes Wissen,[^] Klarheit des Ausdruckes und Wucht der Persönlichkeit auszeichnet, schon mehrmals die Feinheit der diplomatischen psychologischen Menschenbehandlung vermissen lassen, Manchmal

и неплательщиков. Поэтому вскоре он завоевал широкую поддержку партии, которой посвятил себя жизнь и смерть. Будучи ярым сторонником нового мировоззрения, он неожиданно столкнулся со спокойной натурой Фрица Хаутера. В результате все произошло так, как должно было.

Я очень хорошо знаю Бондаренко. Он, наверное, немного примитивен в своем мышлении, но по характеру он определенно громче. Я говорю это не только потому, что широко разделяю его политические убеждения, но и по той простой причине, что это действительно так.

Когда Хаутер заявил на него в полицию, Бондаренко воспринял это как нападение, предательство святого дела революции, которого весь русский народ - 59

чтобы облегчить страдания. Зная русских людей, я склонен так думать. Хаутеру лучше было бы дать Бондаренко несколько пощечин. Бондаренко, скорее всего, подвергся бы телесному наказанию, но он, похоже, не сможет забыть рассказать полиции о своей политической деятельности. Он считает, что столкнулся лицом к лицу со своим злейшим врагом.

Будучи не знатоком русского менталитета, Хаутер, которому в остальном свойственны необычайное трудолюбие, бесстрашная мужская манера поведения, впечатляющие знания, ясность выражения и сила личности, часто упускал из виду тонкость дипломатического и психологического обращения с людьми. Иногда благонамеренные попытки давления могут исходить откуда

well-intentioned attempts at pressure can they come from wherever they want, only having results that are opposite to the ones they are looking for. In assessing and treating people, instinct is as important as intelligence. This instinct must be effective wherever people face each other; it must, as it were, be an aid to psychology.

"Nothing can be changed about what happened afterwards. There is no way to collect all the rumors and accusations that were circulated against Fritz Haueter. On the other hand, it is to be hoped that Bondarenko will stop his attacks against Haueter and that grass will finally grow over this sorry business."

Nilka interrupted his long explanations. Contrary to his habit, he spoke quickly, formulated his sentences easily and elegantly, and juggled answers to my questions like tennis balls.

I let his words sink in and then asked him: "How do the Socialist-Revolutionaries plan to bring about a political change and what benefits do they hope to gain from it?"

"I am not an active member of the party, I just sympathize with its ideals!" Nilka explained with an unmoved expression. «The future plans of the Socialist-Revolutionaries are therefore beyond my knowledge. I can only vaguely imagine their aspirations: First, the leaders of three opposition political parties -

können gutgemeinte Druckversuche, mögen sie kommen, woher sie wollen, nur Ergebnisse haben, die den gesuchten entgegengesetzt sind. Bei der Beurteilung und Behandlung von Menschen ist der Instinkt ebenso wichtig wie die Intelligenz. Dieser Instinkt muß überall da wirksam werden, wo Menschen sich gegenüberstehen, er muß gleichsam Helfer der Psychologie sein.

An dem, was sich ereignet hat, kann nachträglich nichts mehr geändert werden. Es besteht keine Möglichkeit, alle jene Gerüchte und Anklagen wieder einzusammeln, die gegen Fritz Haueter in Umlauf gesetzt worden sind. Anderseits ist zu hoffen, daß Bondarenko seine Angriffe gegen Haueter einstellen und über diese leidige Geschichte endlich Gras wachsen wird.»

Nilka unterbrach seine langen Erklärungen. Er hatte wider seiner Gewohnheit rasch gesprochen, seine Sätze leicht und elegant formuliert, mit Antworten auf meine Zwischenfragen wie mit Tennisbällen jongliert.

Ich ließ seine Worte in mir nachwirken, um sodann die Frage an ihn zu richten: «Wie gedenken die Sozialrevolutionäre einen politischen Umschwung zu verwirklichen, und welche Vorteile erhoffen sie von ihm?»

«Ich bin nicht aktives Mitglied der Partei, sondern sympathisiere lediglich mit ihren Idealen!» erklärte Nilka mit ungerührter Miene. «Die Zukunftspläne der Sozialrevolutionäre entziehen sich daher meiner Kenntnis. Ich stelle mir ihre Bestrebungen nur von ungefähr vor: Zuerst wollten die führenden Männer von drei oppositionellen politischen Parteien - 60

угодно, но приводят лишь к результатам, противоположным тем, которых они ждут. При оценке и лечении людей инстинкт так же важен, как и интеллект. Этот инстинкт должен действовать везде, где люди встречаются друг с другом, он должен быть как бы подспорьем психологии.

Ничего нельзя изменить в том, что произошло потом. Невозможно собрать все слухи и обвинения, распространявшиеся против Фрица Хаутера. С другой стороны, остается надеяться, что Бондаренко прекратит свои нападки на Хаутера и что над этим печальным делом наконец-то вырастет трава".

Нилька прервала его длинные объяснения. Вопреки своей привычке, он говорил быстро, формулировал предложения легко и элегантно и жонглировал ответами на мои вопросы, как теннисными мячами.

Я позволил его словам дойти до сознания и затем спросил его: «Как эсеры планируют осуществить политические перемены и какие выгоды они надеются получить от этого?»

«Я не являюсь активным членом партии, я просто сочувствую ее идеалам!» Нилка объяснила с равнодушным выражением лица. «Поэтому дальнейшие планы эсеров мне неизвестны. Я могу лишь смутно представить себе их стремления: Во-первых, лидеры трех оппозиционных политических партий - 60

Original Page 61

- if one can even speak of an opposition in our country - carry out political, economic and social change in freedom and with peaceful means. They tried, as a newspaper secretly printed and circulated said, to square the circle. The attempt failed. Here is the proof: The priest Georgy Apollonovich Gapon led peaceful Petersburg workers to the Winter Palace in St. Petersburg when they wanted to present a petition to the Tsar on January 22, 1905. The petitioners were driven back by force of arms. It may be that the Tsar himself did not give the order to open fire, but he bears responsibility for it. He shows a shocking lack of character qualities. Nikolai II is also an unstable figure without a backbone in terms of attitude. Through the dogma of infallibility, the monarchy has turned to absolutism and has hermetically sealed itself off from all democratic influence. The people no longer believe in the infallibility of the crown. Therefore the tsar should resign in favor of a constituent assembly. Consequently, the feudal nobility would also have to disappear into oblivion, which is heavily burdened with the burden of coercive rule from the age of serfdom. I have full confidence in the rising generation. It remains to be hoped that it will move forward with a sense of purpose but free from resentment against the past. Perhaps people will now adopt the Asian concept of time, which calculates in decades rather than months and shows that such problems go through a historical development and cannot be solved overnight.

— sofern von einer Opposition in unserem Lande überhaupt gesprochen werden kann — die politische, wirtschaftliche und soziale Wandlung in Freiheit und mit friedlichen Mitteln durchführen. Sie versuchten, wie eine Zeitung schrieb, die geheim gedruckt und herumgeboten wird, die Quadratur des Zirkels zu finden. Der Versuch mißlang. Hier ist der Beweis dafür: Der Priester Georgij Apollonowitsch Gapon führte friedliche Petersburger Arbeiter, als sie am 22. Januar 1905 dem Zaren eine Petition überreichen wollten, vor den Winterpalast in St. Petersburg. Die Bittsteller wurden mit Waffengewalt zurückgetrieben. Mag sein, daß nicht der Zar persönlich den Befehl zur Eröffnung des Feuers gab, doch trägt er die Verantwortung dafür. Er weist einen erschreckenden Mangel an charakterlichen Qualitäten auf. Nikolai II ist auch gesinnungsmäßig eine labile Figur ohne Rückgrat. Durch das Unfehlbarkeitsdogma ist die Monarchie zum Absolutismus übergegangen und hat sich gegen jeden demokratischen Einfluß hermetisch abriegelt. Das Volk glaubt längst nicht mehr an die Unfehlbarkeit der Krone. Darum sollte der Zar abtreten, zugunsten einer konstituierenden Versammlung. Mit ihm hätte konsequenterweise auch der Feudaladel in der Versenkung zu verschwinden, der mit einer Hypothek der Zwangsherrschaft aus dem Zeitalter der Leibeigenschaft schwer belastet ist. Ich habe volles Vertrauen zur heranwachsenden Generation. Es bleibt zu hoffen, daß sie zielbewußt, aber frei von Ressentiments gegen die Vergangenheit vorwärts schreiten wird. Vielleicht wird man jetzt den asiatischen Zeitbegriff annehmen, der eher in Dezennien als in Monaten rechnet und erkennen läßt, daß solche Probleme eine historische Entwicklung durchmachen, also nicht von heute auf morgen gelöst werden können.

- если вообще можно говорить об оппозиции в нашей стране - осуществить политические, экономические и социальные изменения свободно и мирными средствами. Они попытались, как говорилось в тайно печатавшейся и распространяющей газете, выровнять круг. Попытка не удалась. Вот доказательство: священник Георгий Аполлонович Гапон 22 января 1905 года повел мирных петербургских рабочих в Зимний дворец в Петербурге, когда они хотели подать прошение царю. Заявители были отброшены силой оружия. Может быть, сам царь не отдавал приказа открывать огонь, но он несет за это ответственность. Он демонстрирует шокирующее отсутствие качеств характера. Николай II также фигура нестабильная и бесхребетная в плане мироощущения. Через догму о непогрешимости монархия обратилась к абсолютизму и герметично изолировала себя от всякого демократического влияния. Народ больше не верит в непогрешимость короны. Поэтому царь должен уйти в отставку в пользу Учредительного собрания. Следовательно, должно было бы уйти в небытие и феодальное дворянство, тяжело отягощенное временем принудительного правления со временем крепостного права. Я полностью доверяю подрастающему поколению. Остается надеяться, что оно будет двигаться вперед целеустремленно, но без обиды на прошлое. Возможно, теперь люди примут азиатскую концепцию времени, которая исчисляется десятилетиями, а не месяцами, и показывает, что такие проблемы проходят историческое развитие и не могут быть решены в одночасье.

That would be the answer to the question: How should the revolution be carried out? The second question is easier to answer: Above all, we all fight for the recognition of human rights. Personal freedom should definitely be guaranteed. We also stand for freedom of the press and freedom of speech; for the abolition of the privileges conferred by birth and finally for the improvement of living conditions. These are, in brief, the main aims of the revolution, which is generally expected and must come sooner or later. We must have patience. Russia is big and the Volga flows slowly!"

Original Page 62

Nilka had finished his confession. Nearby, an eagle owl sent its trembling, mournful call into the dark night. A while later we fell into a deep sleep.

Fritz Haueter leaves Murentsewo

The days passed; Christmas time was just around the corner. The snow was meters deep and the thermometer dropped to thirty or more degrees below zero. The north wind rushed across the steppe. The days were very short, but the evenings and nights never seemed to end. Happy was he who enjoyed a blessed sleep. In short: the proverbial harsh winter lived up to its reputation.

There was little to do at the dairy. So we had a lot of free time, which everyone spent as they pleased. Russians are a hospitable and sociable people. When visitors come, which happens often, there is a celebration. Then we drink, eat and sing, tell stories and — cut up. Just like here in Switzerland.

Das wäre die Antwort auf die Frage: Wie soll die Revolution durchgeführt werden? Die zweite Frage ist leichter zu beantworten: Wir alle kämpfen vor allem für die Anerkennung der Menschenrechte. Die persönliche Freiheit sollte unbedingt gewährleistet werden. Ferner stehen wir ein für die Presse- und Redefreiheit; für die Abschaffung der durch Geburt verliehenen Vorrechte und schließlich für die Hebung der Lebensbedingungen. Das sind in kurzen Zügen die hauptsächlichsten Ziele der Revolution, die allgemein erwartet wird und früher oder später kommen muß. Wir müssen Geduld haben. Rußland ist groß und die Wolga fließt langsam!» - 61

Nilka hatte seine Beichte beendet. In der Nähe sandte ein Uhu seinen zitternd-klagenden Ruf in die dunkle Nacht. Eine Weile später fielen wir in tiefen Schlaf.

Fritz Haueter verläßt Murenzewo

Die Tage vergingen; Weihnachtszeit stand vor der Tür. Der Schnee lag meterhoch, das Thermometer fiel bis dreißig und mehr Grad unter Null. Der Nordwind raste über die Steppe. Die Tage waren sehr kurz, dafür wollten die Abende und Nächte kein Ende nehmen. Glücklich war der, welcher sich eines gesegneten Schlafes erfreute. Kurz: Der sprichwörtlich strenge Winter machte seinem Ruf alle Ehre.

In der Molkerei gab es wenig zu tun. Wir hatten also sehr viel Freizeit, die jeder nach seinem Gutdünken verbrachte. Die Russen sind ein gastfreundliches und geselliges Volk. Wenn Besuch kommt, was oft geschieht, wird gefeiert. Dann wird getrunken, gegessen und gesungen, Geschichten erzählt und — aufgeschnitten. Ganz wie bei uns in der Schweiz.

Это было бы ответом на вопрос: как осуществить революцию? На второй вопрос ответить проще: прежде всего, мы все боремся за признание прав человека. Личная свобода обязательно должна быть гарантирована. Мы также выступаем за свободу прессы и свободу слова; за отмену привилегий, предоставляемых по рождению, и, наконец, за улучшение условий жизни. Таковы, вкратце, основные цели революции, которая, как правило, ожидаема и должна рано или поздно наступить. Мы должны иметь терпение. Россия большая, а Волга течет медленно!» - 61

Нилька закончил свою исповедь. Неподалеку филин послал в темную ночь свой трепетный, скорбный крик. Через некоторое время мы погрузились в глубокий сон.

Фриц Хаутер покидает Муренцево

Прошли дни; Рождество было уже не за горами. Глубина снега составляла несколько метров, а столбик термометра упал до тридцати или более градусов ниже нуля. Северный ветер пронесся по степи. Дни были очень короткими, но вечера и ночи, казалось, никогда не заканчивались. Счастлив был тот, кто наслаждался блаженным сном. Короче говоря: пресловутая суровая зима оправдала свою репутацию.

На молочной ферме делать было особо нечего. Так что свободного времени у нас было много, которое каждый проводил по своему усмотрению. Россияне — гостеприимный и общительный народ. Когда приходят гости, что случается часто, устраивают праздник. Потом пьем, едим и поем, рассказываем истории и — разрезаем. Точно так же, как здесь, в Швейцарии.

Wasska Maslenikov came to his home village for Christmas and New Year. He looked perky in his stylish uniform (the Ministry of Education made it compulsory for middle school students to wear a uniform with a military cut). Many young girls cast unmistakable glances at him. Maslenikov acknowledged them with a victorious smile.

Maslenikov also visited us. Haueter invited him to the New Year's Eve party. Maslenikov happily and gratefully agreed. It remained a gentlemen's society. And now Maslenikov sat at our table for the first time, his chest puffed out and his face beaming. His thick hair shone reddish-brown in the light of the six-armed candlestick. With clever eyes he examined the invited guests one by one. It seemed to me as if the only thing missing was the smacks on his cheeks to complete the Royal Prussian traineeship.

After plenty of food and no less drinking, the happy mood reached its peak. With a straight face, the Russian "danks" one glass of vodka after the other - high and low. He can handle a huge amount of it that would easily knock over the strongest Central European. He carefully assesses the drinking ability of the other drinkers.

Original Page 63

Maslenikov drank moderately, his interest was focused exclusively on food. Suddenly his eyes landed on a young, thin landowner from the neighborhood who had drunk to his thirst. With

Ueber Weihnachten und Neujahr kam Wasska Maslenikow in sein Heimatdorf. Kess sah er aus in seiner kleidsamen Uniform (das Unterrichtsministerium schrieb den Mittelschülern das Tragen einer Uniform mit militärischem Schnitt als Obligatorium vor). Viele junge Mädchen warfen ihm unmißverständliche Blicke nach. Maslenikow quittierte sie mit siegesbewußtem Lächeln.

Maslenikow besuchte auch uns. Haueter lud ihn zur Silvesterfeier ein. Maslenikow sagte freudig dankend zu. Es blieb bei einer Herrengesellschaft. Und nun saß Maslenikow erstmals an unserem Tisch, mit gewölbter Brust und strahlendem Gesicht. Rötlich-braun glänzte sein dichtes Haar im Lichte des sechsarmigen Leuchters. Mit klugen Augen musterte er der Reihe nach die geladenen Gäste. Es schien mir, als ob ihm nur noch die Schmisse auf den Wangen fehlten, um den königlich-preussischen Referendar zu vervollständigen.

Nach reichlichem Essen und nicht weniger Trunk erreichte die fröhliche Stimmung ihren Höhepunkt. Mit unbewegtem Gesicht «kippt» der Russe — hoch und niedrig — ein Glas Wodka nach dem andern. Er verträgt eine Unmenge davon, die den stärksten Mitteleuropäer glatt umwerfen würde. Dabei schätzt er mit wachen Augen die Trinkfestigkeit der übrigen Zecher. - 62

Maslenikow trank mäßig, sein Interesse war ausschließlich auf das Essen gerichtet. Plötzlich blieb sein Blick auf einem jungen, hageren Gutsbesitzer aus der Nachbarschaft haften, der über den Durst getrunken hatte. Mit der Flasche in der Hand machte

Васька Маслеников приехал в родное село на Рождество и Новый год. Он выглядел бодро в своей стильной форме (Министерство образования обязало учащихся средних классов носить форму военного покроя). Многие молодые девушки бросали на него безошибочные взгляды. Маслеников встретил ее победной улыбкой.

Маслеников тоже был у нас. Хаутер пригласил его на новогоднюю вечеринку. Маслеников с радостью и благодарностью согласился. Оно оставалось джентльменским обществом. И вот Маслеников впервые сидел за нашим столом, выпятив грудь и сияя лицом. Его густые волосы блестели рыжевато-коричневыми оттенками в свете шестиконечного подсвечника. Умными глазами он рассматривал приглашенных гостей одного за другим. Мне казалось, что единственное, чего ему не хватало, — это шлепков по щекам, чтобы завершить королевскую прусскую стажировку.

После обильной еды и не меньшего питья счастливое настроение достигло своего апогея. С невозмутимым выражением лица русский «выпивает» одну рюмку водки за другой — высокую и низкую. Он может справиться с таким огромным количеством ударов, которое легко могло бы сбить с толку сильнейшего центральноевропейца. Он тщательно оценивает пьющие способности других пьющих. - 62

Маслеников пил умеренно, его интерес был сосредоточен исключительно на еде. Вдруг взгляд его упал на молодого, худого помещика из окрестностей, опьяневшего от жажды. С бутылкой в руке Хаутер обошел стол и наполнил стаканы огненным

the bottle in his hand, Haueter went around the table and filled the glasses with fiery Dsinandali. This white wine matures on narrow, stacked terraces in the distant Caucasus and bubbles like champagne. The landowner got up with difficulty from the chair, but had to quickly hold on to the edge of the table so as not to fall over. With glassy eyes and a voice that trembled with pathos, he celebrated the Tsar of all the Russians. Then he drained his glass, put it back and shook himself violently.

“Did you not enjoy the wine or the emotion of the fabulous toast?” Maslenikov asked the speaker with biting irony.

The gentlemen’s mouths twisted into polite, if listless, smiles. If the drunken landowner had reacted sharply to the high school student’s attack, there would have been blazing danger. But nothing happened. The attacker deliberately ignored the inappropriate remark and stoically endured the ridicule. The incident dissolved in love.

This New Year’s Eve spent with friends and acquaintances was also a farewell party, as Haueter soon left the site of his years of blessed work.

The next day, on January 1, 1908, I went to Haueter to wish him happiness and well-being at the turn of the year. Haueter greeted me with a strange smile on his lips that I had never seen before. His face remained serious most of the time. In general, his attitude towards me lately

Haueter die Runde um den Tisch und füllte die Gläser mit feurigem Dsinandali. Dieser Weißwein reift im fernen Kaukasus auf schmalen, übereinandergelegten Terrassen und perlt wie Champagner. Der Gutsbesitzer erhob sich mühsam vom Stuhl, mußte sich aber schnellstens an der Tischkante festhalten, um nicht umzufallen. Mit glasigen Augen und einer Stimme, die vor Pathos bebte, ließ er den Zaren aller Reussen hochleben. Dann leerte er sein Glas, stellte es zurück und schüttelte sich heftig.

«Hat Ihnen der Wein oder die Emotion über den fabelhaften Trinkspruch nicht gut bekommen?» fragte Maslenikow den Redner mit beißender Ironie.

Die Herren verzogen den Mund zu einem höflichen, wenn auch lustlosen Lächeln. Hätte der betrunkene Gutsbesitzer auf den Angriff des Gymnasiasten scharf reagiert, wäre lodernde Gefahr im Anzug gewesen. Doch nichts geschah. Der Angegriffene überhörte geflissentlich die unangebrachte Bemerkung, stoisch ließ er den Spott über sich ergehen. Der Zwischenfall löste sich in Minne auf.

Dieser mit Freunden und Bekannten verbrachte Altjahrsabend war gleichzeitig eine Abschiedsfeier, denn Haueter verließ bald darauf die Stätte seines jahrelangen, segensreichen Wirkens.

Anderntags, d. h. am 1. Januar 1908, begab ich mich zu Haueter, um ihm zum Jahreswechsel Glück und Wohlergehen zu wünschen. Haueter empfing mich mit einem seltsamen Lächeln auf den Lippen, das ich an ihm sonst nicht kannte. Sein Gesicht blieb meistens ernst. Ueberhaupt war seine Haltung mir gegenüber in letzter Zeit so, daß ich das bestimmte Gefühl bekam, er habe

«Дсинандали». Это белое вино созревает на узких, сложенных террасах далекого Кавказа и бурлит, как шампанское. Помещик с трудом поднялся со стула, но ему пришлось быстро держаться за край стола, чтобы не упасть. Стеклянными глазами и дрожащим от пафоса голосом он прославлял Царя всех русских. Затем он осушил свой стакан, поставил его обратно и яростно встряхнулся.

«Разве тебе не понравилось вино или эмоции от великолепного тоста?» — с едкой ironией спросил у выступающего Масленников.

Роты джентльменов искривились в вежливой, хотя и вялой улыбке. Если бы пьяный помещик резко отреагировал на нападение гимназиста, возникла бы величайшая опасность. Но ничего не произошло. Злоумышленник намеренно проигнорировал неуместное замечание и стоически перенес насмешки. Инцидент растворился в любви.

Эта новогодняя ночь, проведенная в кругу друзей и знакомых, была еще и прощальной вечеринкой, поскольку вскоре Хаутер покинул место своего многолетнего благословенного труда.

На следующий день д. ЧАС. 1 января 1908 года я поехал к Хаутеру, чтобы пожелать ему счастья и благополучия в конце года. Хаутер приветствовал меня со странной улыбкой на губах, которой я никогда раньше не видел. Большую часть времени его лицо оставалось серьезным. Вообще его отношение ко мне в последнее время было такое,

was such that I had the certain feeling that he was certain that he could play some kind of trump card. Today that feeling should come true.

We shook hands and said to each other what you say to each other on days like this. Then we sat down in deep, soft armchairs. On the marble top of the smoking table there were glasses, bottles and an ashtray that had not been emptied. It smelled like cold smoke.

Haueter served a Black Forrest with cherry water. We drank to a happy, happy future. I drank too

Original Page 64
quickly, with a grimace. Haueter filled the glasses again. He raised his glass: "To the well-being of our dear homeland!" We toasted. The glasses sounded silvery.

"Listen carefully, my dear!" began my host, "there are various questions on the agenda for discussion. Number one: Wasska Maslenikov, to get straight to the point. Be careful, otherwise you could easily get into trouble because of him. You know the famous saying: 'Tell me who you are going with, and I will tell you who you are!' At your suggestion, I invited Wasska to attend the New Year's Eve celebration together last night. And right from the start he insulted one of my guests. I regret that Chamov (that was the young landowner) did not pick up the gauntlet that the greenhorn threw at his feet. A few hard slaps in the face would have worked wonders, more than the stoicism practiced

die Gewißheit, irgendeinen Trumpf ausspielen zu können. Heute sollte sich dieses Gefühl bewahrheiten.

Wir schüttelten uns die Hände, sagten uns das, was man sich an solchen Tagen sagt. Dann setzten wir uns in tiefe, weiche Sessel. Auf der marmornen Platte des Rauchtisches standen Gläser, Flaschen und ein Aschenbecher, der nicht ausgeleert war. Es roch nach kaltem Rauch.

Haueter kredenzte einen Schwarzen mit Kirschwasser. Wir tranken auf eine frohe, glückliche Zukunft. Ich trank zu - 63

hastig, mit verzogenem Gesicht. Haueter goß die Gläser wieder voll. Er erhob sein Glas: «Auf das Wohl unserer lieben Heimat!» Wir stießen an. Silberhell klangen die Gläser.

«Höre mal aufmerksam zu, mein Lieber!» begann mein Gastgeber, «auf der Traktandenliste stehen verschiedene Fragen zur Diskussion. Nummer eins: Wasska Maslenikow, um den gleich vorwegzunehmen. Sieh' dich vor, sonst könnten dir seinetwegen leicht Ungelegenheiten erwachsen. Du kennst doch das berühmte Sprichwort: «Sage mir, mit wem du gehst, so sage ich dir, wer du bist!» Auf deine Anregung hin lud ich Wasska gestern abend zur gemeinsamen Begehung der Silvesterfeier ein. Und gleich beim ersten Anhieb beleidigte er einen meiner Gäste. Ich bedaure es, daß Chamow (das war der junge Gutsbesitzer) den Fehdehandschuh, den ihm der Grünschnabel vor die Füße warf, nicht aufhob. Ein paar saftige Ohrfeigen hätten Wunder gewirkt, mehr als der von Chamow geübte Stoizismus.» Ich wollte Einspruch erheben, meinen Freund Wasska in Schutz nehmen, doch

что у меня было определенное ощущение, что он уверен, что может разыграть какой-то козырь. Сегодня это чувство должно сбыться.

Мы пожали друг другу руки и сказали друг другу то, что вы говорите друг другу в такие дни. Потом мы сели в глубокие мягкие кресла. На мраморной столешнице курительного столика стояли стаканы, бутылки и неопустошенная пепельница. Пахло холодным дымом.

Хаутер подал черное с киршем. Мы выпили за счастливое, счастливое будущее. Я выпил - 63

быстро, с гримасой. Хаутер снова наполнил стаканы. Он поднял бокал: «За благополучие нашей дорогой Родины!» Мы поджарили. Очки звучали серебристо.

«Слушай внимательно, моя дорогая!» начал мой ведущий, «на повестке дня стоят различные вопросы для обсуждения. Номер один: Васька Масленников, сразу к делу. Будьте осторожны, иначе из-за него вы легко можете попасть в беду. Знаете знаменитую поговорку: «Скажи мне, с кем ты идешь, и я скажу тебе, кто ты!» По вашему предложению я пригласил Васску вчера вечером вместе присутствовать на праздновании Нового года. И с самого начала он оскорбил одного из моих гостей. Я сожалею, что Чамов (это был молодой помещик) не принял перчатку, брошенную ему в ноги новичком. Несколько сильных пощечин сотворили бы чудеса, больше, чем стоизм Чамова». Я хотел возразить и защитить своего

by Chamow." I wanted to object and defend my friend Wasska, but Haueter cut me off with an unwilling wave of his hand.

"I speak in your interest, Waldemar. You are still very young and inexperienced. When your mother was dying, she asked me to keep a close eye on her son when he returned to Russia from Switzerland. For this reason I allow myself to occasionally mend your things. You think too much of Wasska; I know he is your ideal. With his innate hard work and perseverance, Wasska will soon be able to obtain his high school diploma despite material deprivation. He will continue on this path until he achieves academic dignity. But this isn't an isolated incident like you imagine! There are young people like this who have fabulous careers all over the world. Wisely, Wasska keeps his quick temper in check for the time being. But later, when he grows up, he will definitely revolt, perhaps together with Bondarenko. One day Maslenikov, Bondarenko and company are arrested by the Okhrana and deported to inhospitable Siberia or even shot. That's why," Haueter emphasized emphatically, "I would like to warn you about this Russian William Tell. In any case, as an accomplice in conspiracies or, let's say, at least

Original Page 65

political machinations against the existing order in your host country, you would not do any honor for Switzerland."

"The old Confederates also fought for the freedom of their homeland," I tried to counter Haueter.

Haueter schnitt mir mit einer unwilligen Handbewegung das Wort ab.

«Ich spreche in deinem Interesse, Waldemar. Du bist noch sehr jung und unerfahren. Als deine Mutter im Sterben lag, bat sie mich, auf ihren Sohn ein wachsames Auge zu halten, wenn er aus der Schweiz nach Rußland zurückkehrt. Aus diesem Grunde gestatte ich mir, dir zuweilen am Zeug zu flicken. Du hältst zuviel von Wasska; ich weiß, er ist dein Ideal. Wasska wird mit dem ihm angeborenen Fleiß und Durchhaltewillen das Maturitätsattest unter materiellen Entbehrungen demnächst erwerben. Er wird auf dieser Bahn weitergehen, bis zur Erlangung der akademischen Würde. Aber das ist doch kein Einzelfall, wie du es dir einbildest! Solche junge Menschen, die fabelhafte Karriere machen, hat es allerorts auf der Erdenrunde. Klugerweise hält Wasska sein rasches Temperament vorderhand im Zaume. Später aber, wenn er erwachsen ist, wird er bestimmt revoltieren, vielleicht gemeinsam mit Bondarenko. Eines Tages werden Maslenikow, Bondarenko und Konsorten von der Ochrana festgenommen und nach dem unwirtlichen Sibirien deportiert oder gar erschossen. Darum», so betonte Haueter mit allem Nachdruck, «möchte ich dich vor diesem russischen Wilhelm Tell warnen. Du würdest jedenfalls als Mitschuldiger an Verschwörungen oder sagen wir zumindest wegen - 64

politischen Machenschaften gegen die bestehende Ordnung in deinem Gastland für die Schweiz keine Ehre einlegen.»

«Auch die alten Eidgenossen kämpften für die Freiheit ihrer Heimat», versuchte ich Haueter entgegenzuhalten.

друга Васску, но Хаутер прервал меня невольным взмахом руки.

«Я говорю в ваших интересах, Вальдемар. Вы еще очень молоды и неопытны. Когда ваша мать умирала, она попросила меня присмотреть за ее сыном, когда он вернется в Россию из Швейцарии. По этой причине я позволяю себе время от времени чинить ваши вещи. Ты слишком много думаешь о Васске; Я знаю, что он твой идеал. Благодаря врожденному трудолюбию и настойчивости Васска вскоре сможет получить диплом средней школы, несмотря на материальные лишения. Он продолжит идти по этому пути, пока не достигнет академического достоинства. Но это не единичный случай, как вы себе представляете! Есть такие молодые люди, которые делают потрясающую карьеру по всему миру. Мудро, Васска пока держит свой вспыльчивый характер под контролем. Но потом, когда подрастет, обязательно восстанет, возможно, вместе с Бондаренко. Однажды Масленников, Бондаренко и компания арестовываются охранкой и депортируются в негостепримную Сибирь или даже расстреливаются. Вот почему, — решительно подчеркнул Хаутер, — я хотел бы вас предупредить об этом русском Вильгельме Телле. В любом случае, будучи соучастником заговоров или, скажем, хотя бы

- 64

политических махинаций против существующего порядка в принимающей стране, вы не окажете никакой чести Швейцарии».

«Старые конфедераты тоже боролись за свободу своей родины», — попытался возразить я Хаутеру.

Haueter frowned: "That was something completely different. The old Confederates defended themselves above all against foreign attempts to rule. This tendency was justifiable, even its duty. What would we be today without the heroes from Swiss history? A satellite state of Germany, France, Italy or Austria! It was only when the old Confederation fell that our ancestors made a kind of miniature revolution. But it was short. Order soon returned to the Schweizerhaus.

"Understood?" asked Haueter.

"Perfectly," I answer.

"The Russians are not yet ready for such acts," Haueter continued. "By revolution they mean all sorts of things, especially robbery, murder and manslaughter. They would like to take over the entire land for free and hang their owners from the first tree. This is the freedom that Bondarenko and Maslenikov imagine. Such people shouldn't imagine that they want to fool us Swiss. I fully understand the fight against violence and despotism. I place a fearless person higher than the subject. But the change from the old to the new order must be achieved gradually and not all in one piece. Russia has been ruled with the sword since ancient times. No one can know what will happen if the muzhiks are suddenly freed from their bonds. It's about the same as if I were to let the lion out of the cage and take a stroll with him on a public promenade. Both parties, the revolutionaries on

Haueter runzelte die Stirn: «Das war etwas ganz anderes. Die alten Eidgenossen wehrten sich vor allem gegen fremde Herrschaftsbestrebungen. Diese Tendenz war vertretbar, sogar ihre Pflicht. Was wären wir heute ohne die Helden aus der Schweizergeschichte. Ein Satellitenstaat von Deutschland, Frankreich, Italien oder Oesterreich! Erst beim Untergang der alten Eidgenossenschaft machten unsere Vorfahren dann so eine Art Miniaturrevolution. Aber sie war kurz. Die Ordnung kehrte im Schweizerhaus bald wieder ein.

«Verstanden?» fragte Haueter.

«Vollkommen», antworte ich.

«Die Russen sind noch nicht reif zu solchen Taten», fuhr Haueter fort. «Unter der Revolution verstehen sie alles mögliche, vor allem Raub, Mord und Totschlag. Sie möchten gleich das ganze Land ohne Entgelt an sich reißen, ihre Besitzer am ersten Baum aufhängen. Das ist die Freiheit, welche sich Bondarenko und Maslenikow vorstellen. Solche Leute sollen sich bloß nicht einbilden, uns Schweizern etwas vormachen zu wollen. Für den Kampf gegen Gewalt und Despotie habe ich volles Verständnis. Einen unerschrockenen Menschen stelle ich höher als den Untertan. Aber die Wandlung von der alten zur neuen Ordnung muß schrittweise und nicht in Bausch und Bogen verwirklicht werden. Russland wird seit uralten Zeiten mit der Knute regiert. Niemand kann wissen, was geschehen wird, wenn man die Muschiks plötzlich von den Fesseln befreit. Es kommt ungefähr auf dasselbe heraus, wie wenn ich den Löwen aus dem Käfig lassen und mit ihm auf einer öffentlichen Promenade

Хаутер нахмурился: «Это было что-то совершенно другое. Старые конфедераты прежде всего защищались от попыток иностранного правления. Эта тенденция была оправданной, даже ее обязанностью. Чем бы мы были сегодня без героев швейцарской истории? Государствосателлит Германии, Франции, Италии или Австрии! И только когда старая Конфедерация пала, наши предки совершили своего рода миниатюрную революцию. Но это было коротко. Вскоре Орден вернулся в Швейцерхаус.

“Понял?” — спросил Хаутер.

«Отлично», — отвечаю.

«Русские пока не готовы к таким действиям», — продолжил Хаутер. «Под революцией они понимают все что угодно, особенно грабеж, убийство и непредумышленное убийство. Они хотели бы бесплатно завладеть всей землей и повесить своих владельцев на первом дереве. Это та свобода, которую представляют себе Бондаренко и Масленников. Такие люди не должны думать, что хотят обмануть нас, швейцарцев. Я полностью понимаю борьбу с насилием и деспотизмом. Бесстрашного человека я ставлю выше субъекта. Но переход от старого порядка к новому должен осуществляться постепенно, а не сразу. Россией с древнейших времен управляли мечом. Никто не может знать, что будет, если мужиков вдруг освободят от пут. Это примерно то же самое, как если бы я выпустил льва из клетки и прогулялся с ним по променаду. Обе партии, революционеры с одной стороны и полицейские

the one hand, and the police organs on the other, are secretly waiting for the other to take the first step... the first wrong step. And then they want to jump at each other's throats, these two opponents."

Akulina brought us the second cup of black coffee. He was scalding hot. Haueter blew into his cup with his full cheeks and looked at me a little from below, as if he wanted to check whether I was even capable of following his presentation. I nodded at him and was happy to hear his opinion about Russia, which I had been wanting to ask him for a long time.

Original Page 66

"Improving the standard of living for the broad masses of the population only through peaceful means while rejecting the violent solution was initially the aim, but did not lead to success," I quickly interjected.

The blonde Huhne carefully placed the coffee cup on the table and replied with a straight face: "I can easily imagine what event you are referring to. About the shooting in January 1905 in front of the imperial palace in St. Petersburg, right?"

I nodded.

Haueter smiled maliciously: "This shooting has been a target for the Socialist-Revolutionaries ever since. The opening of fire on the approaching workers was ordered by the palace commander, whose heart sank. For him it was not a question of a sober assessment of the situation, but of the courage he lacked. This unfortunate incident should not be generalized in any way."

lustwandeln würde. Beide Parteien, die Revolutionäre einerseits, und die Polizeiorgane anderseits, warten hinterhältig, daß die andere den ersten Schritt macht... den ersten falschen Schritt. Und dann wollen sie sich einander an die Gurgel springen, diese beiden Gegner.»

Akulina brachte uns die zweite Tasse schwarzen Kaffee. Er war brühheiß. Haueter blies aus vollen Backen in die Tasse und sah mich ein wenig von unten her an, als wollte er prüfen, ob ich überhaupt fähig sei, seinem Referat zu folgen. Ich nickte ihm zu und war froh, seine Meinung über Rußland zu vernehmen, um die ich ihn längst bitten wollte. - 65

«Die Besserung des Lebensstandards für die breiten Volksmassen nur mit friedlichen Mitteln unter Ablehnung der Gewaltlösung wurde anfänglich wohl angestrebt, führte jedoch zu keinem Erfolg», warf ich rasch ein.

Der blonde Huhne stellte die Kaffeetasse behutsam auf die Tischplatte und entgegnete mit unbewegter Miene: «Ich kann es mir leicht vorstellen, auf welches Ereignis du ansspielst. Auf die Schießerei im Januar 1905 vor dem kaiserlichen Palast in St. Petersburg, nicht wahr?»

Ich nickte.

Haueter lächelte maliziös: «Diese Schießerei ist seither ein gefundenes Fressen für die Sozialrevolutionäre. Die Eröffnung des Feuers auf die herannahenden Arbeitsermaßen erfolgte auf Anordnung des Palastkommandanten, dem das Herz in die Hosen fiel. Bei ihm war das keine Frage der nüchternen Beurteilung der Lage, sondern des Mutes, der ihm abging. Dieser bedauerliche Vorfall darf keineswegs verallgemeinert werden.

органы с другой, тайно ждут, чтобы другая сделала первый шаг... первый неверный шаг. И тогда они хотят вцепиться друг другу в глотку, эти два противника».

Акулина принесла нам вторую чашку черного кофе. Он был обжигающе горячим. Хойтер дунул в чашку полными щеками и посмотрел на меня немного снизу, как будто желая проверить, способен ли я вообще следить за его выступлением. Я кивнул ему и был рад услышать его мнение о России, о котором я давно хотел его спросить. - 65

«Повышение уровня жизни широких масс населения только мирными средствами при отказе от насилиственного решения изначально было целью, но не привело к успеху», — быстро вмешался я.

Блондинка Хьюне осторожно поставила чашку с кофе на стол и ответила с невозмутимым выражением лица: «Я легко могу представить, о каком событии вы говорите. О расстреле в январе 1905 года перед императорским дворцом в Петербурге, да?»

Я кивнул.

Хаутер злобно усмехнулся: «С тех пор этот расстрел стал мишенью для эсеров. Открыть огонь по приближающимся рабочим приказал дворцовый комендант, у которого упало сердце. Для него дело было не в трезвой оценке ситуации, а в смелости, которой ему не хватало. Этот прискорбный инцидент ни в коем случае не следует обобщать.

"Nicholas II does not have the brilliant qualities of a monarch like, for example, Peter I the Great. 'Rex regnat, sed non gubernat' (The king rules, but he does not rule). Henry IV of France is said to have said: 'I wish that every farmer had his chicken in the pot on Sundays.' Nikolai II does not care about the contents of his muzhiks' pots. But what happens when Nicholas II has to go? After the murder of Paul, the Tsar of Russia, in 1801, a Russian great is said to have said to Count Münster, the Hanoverian ambassador: 'Despotism tempered by assassination is our constitution!'

"We must not forget the following: Swiss democracy is centuries old, while serfdom still prevailed in Russia 47 years ago. What our people may be allowed to do according to their discretion must be spoon-fed into the Russians. So is, for example, shooting in Switzerland is not just a sport, but a mainstay of their military preparedness, i.e. a patriotic act. Russia is not there yet. What would its people do if they received guns?

"Such is the prospect of the consequences of a revolution in Russia!"

I smiled a little uncertainly and then nodded.

Haueter continued: "There are rumblings everywhere here at the moment.

Nikolai II. hat eben nicht die genialen Eigenschaften eines Monarchen wie beispielsweise Peter I. der Große. Rex regnat, sed non gubernat (Der König herrscht, aber er regiert nicht). Heinrich IV. von Frankreich soll gesagt haben: «Ich wünsche, daß sonntags jeder Bauer sein Huhn im Topf hat.» Nikolai II kümmert sich nicht um den Inhalt der Töpfe seiner Muschiks. Aber was geschieht, wenn Nikolai II gehen muß? Nach der Ermordung Pauls, des Zaren von Rußland, im Jahre 1801 soll ein russischer Großer zu Graf Münster, dem hannoverschen Gesandten gesagt haben: «Der durch Meuchelmord gemäßigte Despotismus ist unsere Verfassung!»

Wir dürfen folgendes nicht vergessen: Die schweizerische Demokratie ist jahrhundertealt, in Rußland dagegen herrschte vor 47 Jahren noch die Leibeigenschaft. Was unserem Volke nach Diskretion erlaubt werden darf, muß den Russen löffelweise eingetrichtert werden. So ist z. B. das Schießwesen in der Schweiz nicht nur ein Sport, sondern eine tragende Säule ihrer Wehrbereitschaft, also eine vaterländische Handlung. Soweit ist Rußland noch nicht. Was würde wohl seine Bevölkerung beginnen, wenn sie Gewehre erhielte?

So steht es mit den Aussichten auf die Folgen einer Revolution in Rußland!

Ich lächelte etwas unsicher und nickte dann.

Haueter fuhr fort: «Gegenwärtig rumort es hier überall.

Николай II не обладает такими блестящими качествами монарха, как, например, Петр I Великий. Rex regnat, sed non gubernat (Король правит, но он не правит). Говорят, что король Франции Генрих IV сказал: «Я бы хотел, чтобы по воскресеньям у каждого фермера была курица в горшке». Николая II не заботит содержимое мужицких горшков. Но что произойдет, когда Николаю II придется уйти? Говорят, что после убийства Павла, российского царя, в 1801 году один русский великий человек сказал графу Мюнстеру, ганноверскому послу: «Деспотизм, умеренный убийствами, — это наша конституция!»

Мы не должны забывать следующее: швейцарской демократии уже много веков, а в России 47 лет назад еще господствовало крепостное право. То, что нашему народу может быть позволено делать по своему усмотрению, должно быть скормлено русским с ложечки. Так, например, стрельба в Швейцарии — это не просто спорт, а основа военной подготовки, то есть патриотический поступок. России пока нет. Что бы сделали его жители, если бы они получили оружие?

Такова перспектива последствий революции в России!»

Я немного неуверенно улыбнулась, а затем кивнула.

Хаутер продолжил: «Сейчас здесь повсюду грохот.

"The burning fuse on the powder keg can perhaps
- 66

still be extinguished. Yesterday's enemies can become friends. Bridges can be built across political borders - if decent attitudes and humanity determine actions on both sides. The Russian people are poor, and where there is great need, foreign ideologies quickly gain a foothold. Extreme income disparities produce extreme political views. If it is not possible to bring the extremes into line, the poorer sections of the population will one day put forward their demands and organize themselves to the extreme in political terms. People like Bondarenko would then have a chance of success. However, if it is possible at the last hour to mitigate or even eliminate the differences, this will be a contribution to securing industrial peace and political stability.

"Today everything is still in limbo. Hardly any other country is more spiritually isolated from the world than Russia. The reason for this lies not only in its geographical location or certain ideologies; It lies deeper: Russia is still looking backwards, at its great past. In some parts of the country there is a kind of medieval provincialism. Russian history is generally divided into two large periods: the pre-Petrine, so to speak, Russian antiquity and the Middle Ages, and the post-Petrine. Peter the Great destroyed Old Russia and laid the foundation for New Russia. By transferring the center of Russia to Petersburg, Peter, in a sense, cut a tradition in two, the tradition of Moscow. Moscow was the natural center of Russia. There the Russian Empire and

Die brennende Lunte am Pulverfaß kann vielleicht noch - 66

ausgelöscht werden. Feinde von gestern können zu Freunden werden. Ueber politische Grenzen hinweg lassen sich Brücken schlagen — wenn auf beiden Seiten anständige Gesinnung und Menschlichkeit das Handeln bestimmen. Das russische Volk ist arm, und wo die Not groß ist, fassen fremde Ideologien schnell Fuß. Extreme Einkommensunterschiede erzeugen extreme politische Ansichten. Gelingt es nicht, die Extreme einander etwas anzugeleichen, werden die unbemittelten Volksschichten eines Tages ihre Forderungen stellen und sich politisch extrem organisieren. Leute wie Bondarenko hätten dann Aussicht auf Erfolg. Gelingt es aber in letzter Stunde, die Gegensätze zu mildern oder gar zu beseitigen, so wird dies ein Beitrag zur Sicherung des Arbeitsfriedens und der politischen Stabilität sein.

Heute liegt alles noch in der Schwebe. Kaum ein Land ist geistig mehr von der Welt abgeschnitten als Rußland. Der Grund dazu liegt nicht einzig in seiner geographischen Lage oder gewisser Ideologien; er liegt tiefer: Rußland schaut noch immer rückwärts, auf seine große Vergangenheit. In einigen Landesteilen lebt es in einer Art mittelalterlichen Provinzialismus. Man pflegt die russische Geschichte im allgemeinen in zwei große Abschnitte einzuteilen: die vorpetrinische, sozusagen die russische Antike und das Mittelalter und die nachpetrinische. Peter der Große hat Altrußland zerstört und den Grundstein für Neurußland gelegt. Indem Peter das Zentrum Rußlands nach Petersburg übertrug, schnitt er gewissermaßen eine Tradition entzwei,

Горящий фитиль на пороховой бочке, - 66

возможно, еще можно потушить. Вчерашии враги могут стать друзьями. Мосты можно построить через политические границы, если порядочное отношение и гуманность будут определять действия обеих сторон. Русский народ беден, а там, где есть большая нужда, быстро закрепляются чужие идеологии. Крайнее неравенство в доходах порождает крайние политические взгляды. Если невозможно привести крайности в соответствие, беднейшие слои населения однажды выдвинут свои требования и организуются до крайности в политическом плане. Тогда у таких людей, как Бондаренко, появился бы шанс на успех. Однако если удастся в последний час смягчить или даже устранить разногласия, это будет вкладом в обеспечение промышленного мира и политической стабильности.

Сегодня все еще в подвешенном состоянии. Вряд ли какая-либо другая страна более духовно изолирована от мира, чем Россия. Причина этого кроется не только в его географическом положении или определенных идеологиях; Она лежит глубже: Россия все еще смотрит назад, на свое великое прошлое. В некоторых частях страны царит своего рода средневековый провинциализм. Русскую историю вообще делят на два больших периода: допетровский, так сказать, русская древность и средневековье, и послепетровский. Петр Великий разрушил Старую Россию и положил начало Новой России. Перенеся центр России в Петербург, Петр в каком-то смысле разрезал надвое традицию, традицию Москвы. Москва была естественным

the Russian spirit grew into something whole and unified. There, slowly, in the “deep twilight,” the Russian idea matured. What was she actually? Was it Byzantine Christianity, for example, which was born on the edge of the Orient and came to be a people that was slow and melancholy, impulsive and unpredictable, humble and despotic at the same time, contradictory, less intellectual than emotional, averse to anything clear, straightforward, well-defined and rational, dissolved in mood? Was there even a Russian culture before Peter’s reign? Certainly. But it was so incredibly primitive, almost barbaric. And that was exactly where Peter had done a great job. He ruled with conviction and determination; no one dared to interfere in his official business

Original Page 68

uninvited. That’s why, unlike Nicholas II, he was a brilliant ruler.

“It is not easy to govern such a large empire as Russia, especially now that conditions are changing abruptly. When I arrived here thirteen years ago, I was deeply impressed - as any Swiss can be - by its size and vastness, by these distances that were unfamiliar to us. Switzerland is small and yet the founders of our eternal alliance had certain dangers in mind when they spoke of the ‘malita temporis’, the deceit of the times, in the Federal Letter.”

Haueter remained silent. His facial expression, which had previously resembled that of a lecturer, relaxed. He even cracked a smile again.

die Tradition von Moskau. Moskau war das natürliche Zentrum Rußlands. Dort wuchs das russische Reich und der russische Geist zu etwas Ganzem, Einheitlichem aus. Dort reifte langsam, in «tiefer Dämmerung» die russische Idee. Was war sie eigentlich? War es etwa das byzantinische Christentum, das am Rande des Orients geboren, zu einem Volke gelangte, welches langsam und schwermüdig, impulsiv und unberechenbar ist, demütig und despotisch zugleich, widersprüchsvoll, weniger intellektuell als emotionell, allem Klaren, Geraden, Festumrisseen, Rationalen abhold, in Stimmung aufgelöst? Gab es vor Peters Regierungszeit überhaupt eine russische Kultur? Gewiß. Aber sie war so ungemein primitiv, halb barbarisch. Und gerade darin hatte Peter ganze Arbeit geleistet. Er regierte überzeugt, entschlossen, kein Mensch wagte es, ungerufen sich in seine Amtsgeschäfte ein - 67

zumischen. Darum war er im Gegensatz zu Nikolai II. ein genialer Herrscher.

Es ist nicht leicht, ein so großes Reich wie Rußland zu regieren, besonders jetzt, wo die Verhältnisse sich abrupt wandeln. Als ich vor dreizehn Jahren hier ankam, war ich — wie es jedem Schweizer ergehen kann — von seiner Größe und Weite, von diesen für uns ungewohnten Distanzen tief beeindruckt. Die Schweiz ist klein und dennoch hatten die Gründer unseres ewigen Bundes gewisse Gefahren ins Auge gefaßt, als sie im Bundesbrief von der «malita temporis», der Arglist der Zeit, sprachen.»

Haueter schwieg. Sein Gesichtsausdruck, der zuvor etwa dem eines dozierenden Pädagogen geglichen hatte, lockerte sich. Er brachte sogar wieder ein Lächeln auf.

центром России. Там Российская империя и русский дух выросли в нечто целостное и единое. Там медленно, в «глубоких сумерках» созревала русская идея. Какой она была на самом деле? Было ли это, например, византийское христианство, зародившееся на краю Востока и ставшее народом медлительным и меланхоличным, импульсивным и непредсказуемым, скромным и деспотическим одновременно, противоречивым, менее интеллектуальным, чем эмоциональным, не склонным к что-нибудь ясное, прямолинейное, четко определенное и рациональное, растворенное в настроении? Была ли вообще русская культура до петровского правления? Конечно. Но это было настолько невероятно примитивно, почти варварски. И именно здесь Питер проделал огромную работу. Он правил убежденно и решительно, никто не смел вмешиваться в его служебные дела без - 67

приглашения. Вот почему, в отличие от Николая II, он был блестящим правителем.

Управлять такой большой империей, как Россия, непросто, особенно сейчас, когда условия резко меняются. Когда я приехал сюда тринадцать лет назад, я был глубоко впечатлен — как и любой швейцарец — его размерами и необъятностью, этими незнакомыми для нас расстояниями. Швейцария мала, и все же основатели нашего вечного союза имели в виду определенные опасности, когда говорили в Федеральном письме о «malita temporis», обмане времени.

Хаутер промолчал. Выражение его лица, прежде напоминавшее лицо лектора, расслабилось. Он даже снова улыбнулся.

After a short break, Haueter moved on to the second item on the agenda. "After careful consideration," he began, "I have decided to leave here. My intention is to finally become self-employed. Everything is already prepared for this. I informed your uncle Nikolai about it. He will try to find a replacement for me by April 1st, the date of my departure. Both of us, Uncle Nikolai and I, think that you cannot be considered for the management of the dairy given your youth and inexperience."

That was a short and sweet statement. I knew exactly that Haueter could not be dissuaded from his decision. I therefore had no choice but to express my regret about his departure.

On March 15th the new master arrived. It was my cousin, Ivan Erlikov, who grew up in Russia and was considered a skilled expert. Erlikov was twelve years older than me. His mother, my father's older sister, married a Russian and because of him joined the Orthodox Church.

Haueter left us on April 1st as agreed. Shortly before, Uncle Nikolai came to Murentsevo to do business with him. Then I completely lost sight of Haueter. I saw him fourteen years later, in the late autumn of 1922. He returned to his homeland from Soviet Russia a broken man. His old wish of buying a small house with some land in Erlenbach remained unfulfilled. This was probably the biggest disappointment of his life. The sad end

Nach kurzer Pause ging Haueter zum zweiten Traktandum über. «Ich habe mich nach reiflicher Ueberlegung dazu entschlossen », begann er, «von hier fortzugehen. Meine Absicht ist, mich endlich einmal selbständig zu machen. Dazu ist bereits alles vorbereitet. Dein Onkel Nikolai habe ich davon unterrichtet. Er wird versuchen, bis zum 1. April, dem Zeitpunkt meiner Abreise, einen Ersatzmann für mich zu finden. Wir beide, Onkel Nikolai und ich, finden nämlich, daß du für die Leitung der Molkerei angesichts deiner Jugend und Unerfahrenheit nicht in Betracht kommen kannst.»

Das war ein kurzer und bündiger Bescheid. Ich wußte genau, daß Haueter von seinem Entschluß nicht abzubringen war. Es blieb mir daher nichts anderes übrig, als ihm mein Bedauern über seinen Weggang auszusprechen.

Am 15. März traf der neue Meister ein. Es war mein Vetter, namens Iwan Erlikow, der in Rußland aufwuchs und als gewiefter Fachmann galt Erlikow war zwölf Jahre älter als ich. Seine Mutter, die ältere Schwester meines Vaters, heiratete einen Russen und trat seinetwegen der orthodoxen Kirche bei.

Haueter verließ uns vereinbarungsgemäß am 1. April. Kurz vorher kam Onkel Nikolai nach Murenzewo, um mit ihm geschäftliche Angelegenheiten zu erledigen. Dann verlor ich Haueter gänzlich aus dem Blickfeld. Ich sah ihn vierzehn Jahre später, im Spätherbst 1922. Er kehrte als gebrochener Mann aus Sowjetrußland in seine Heimat zurück. Sein alter Wunsch, in Erlenbach ein kleines Häuschen mit etwas Land zu erwerben, blieb unerfüllt. Dies dürfte wohl die größte Enttäuschung seines Lebens gewesen sein. Das traurige Ende - 68

После небольшого перерыва Хаутер перешел ко второму вопросу повестки дня. «После тщательного размышления, — начал он, — я решил уйти отсюда. Я намерен наконец стать самозанятым. Для этого уже все подготовлено. Я сообщил об этом твоему дяде Николаю. Он постарается найти мне замену к 1 апреля, дню моего отъезда. Мы оба, дядя Николай и я, думаем, что ты не можешь претендовать на должность директора молочного завода, учитывая твою молодость и неопытность».

Это было короткое и приятное заявление. Я точно знал, что Хаутера невозможно отговорить от своего решения. Поэтому у меня не было другого выбора, кроме как выразить сожаление по поводу его ухода.

15 марта прибыл новый хозяин. Это был мой двоюродный брат Иван Ерликов, выросший в России и считавшийся искусственным специалистом, Ерликов был старше меня на двенадцать лет. Его мать, старшая сестра моего отца, вышла замуж за русского и благодаря ему присоединилась к Православной Церкви.

Хаутер покинул нас 1 апреля, как и было договорено. Незадолго до этого в Муренцево приехал дядя Николай, чтобы вести с ним дела. Затем я совершенно потерял Хаутера из виду. Я увидел его четырнадцать лет спустя, поздней осенью 1922 года. На родину из Советской России он вернулся сломленным человеком. Его давнее желание купить небольшой дом с участком земли в Эрленбахе осталось нереализованным. Вероятно, это было самое большое разочарование в его - 68

Original Page 69

of such a valuable person was all the more tragic because Haueter, in his frugal way, never expected much from life. "In order to be happy and contented," he used to say, "it is not always enough to possess great worldly goods, but rather the rare ability to be able to share in happiness and contentment in general."

The question arises as to why Haueter did not return earlier. Very likely, after he had overcome the unpleasant memories of Murentsevo, the host country was able to captivate him again with its wide horizons and untouched nature and never let go. Despite all its backwardness, Russia offered a broad, sedate life and foreigners unlimited earning opportunities.

It hurt me to say goodbye to this open-minded, kind person who took the place of my parents, advised me and protected me. My entire being was so strongly tied to Haueter that I kept thinking about him during the first few days after his departure. One night I thought I heard his quick, energetic steps and a knock on the door. I woke up from my half-slumber and called out: "Come in!" Nobody, the footsteps had faded away. I looked at the alarm clock: twelve o'clock. You were dreaming, I thought and fell asleep again. The footsteps and the knocking repeated night after night. Once I picked up the revolver and went out into the corridor. Nothing. Suddenly, as it came, the spit disappeared.

eines so wertvollen Menschen war um so tragischer, als Haueter in seiner genügsamen Art vom Leben nie viel erwartet hatte. «Um glücklich und zufrieden zu sein», pflegte er zu sagen, «genügt nicht immer der Besitz von großen irdischen Gütern, sondern vielmehr die so seltene Fähigkeit, des Glückes und der Zufriedenheit überhaupt teilhaftig sein zu können.»

Es drängt sich die Frage auf, aus welchen Gründen Haueter nicht früher zurückgekehrt ist. Sehr wahrscheinlich vermochte ihn das Gastland, nachdem er die unangenehmen Erinnerungen an Murenzewo überwunden hatte, mit seinen weiten Horizonten und der unberührten Natur erneut zu fesseln und nicht mehr loszulassen. Trotz aller Rückständigkeit bot Rußland ein breites, behäbiges Leben und den Ausländern unbegrenzte Verdienstmöglichkeiten.

Der Abschied von diesem aufgeschlossenen, gütigen Menschen, der an die Stelle meiner Eltern trat, mich beriet und beschirmte, tat mir weh. Mein ganzes Sein war so stark an Haueter gebunden, daß ich während den ersten Tagen nach seiner Abreise immerfort an ihn denken mußte. In einer Nacht glaubte ich seine raschen, energischen Schritte zu hören, ihn an der Tür zu klopfen. Ich fuhr aus dem Halbschlummer und rief: «Herein!» Niemand, die Schritte waren verhallt. Ich blickte auf den Wecker: zwölf Uhr. Du hast geträumt, dachte ich und schlief wieder ein. Die Schritte und das Klopfen wiederholten sich Nacht für Nacht. Einmal nahm ich den Revolver zur Hand, ging in den Korridor hinaus. Nichts. Unverhofft, wie er gekommen war, verschwand der Spuck.

жизни. Печальный конец столь ценного человека был тем более трагичен, что Хойтер, по своей бережливости, никогда не ждал многое от жизни. «Чтобы быть счастливым и довольным, — говорил он, — не всегда достаточно обладать большими мирскими благами, а достаточно редкой способности уметь участвовать в счастье и довольстве вообще».

Возникает вопрос, почему Хаутер не вернулся раньше. Вполне вероятно, что после того, как он преодолел неприятные воспоминания о Муренцево, страна-хозяйка смогла вновь увлечь его своим широким кругозором и нетронутой природой и уже никогда не отпускать. Несмотря на всю свою отсталость, Россия предлагала иностранцам широкую, степенную жизнь и неограниченные возможности заработка.

Мне было больно прощаться с этим открытым, добрым человеком, который занял место моих родителей, давал мне советы и защищал меня. Все мое существо было настолько сильно привязано к Хаутеру, что я продолжал думать о нем в течение первых нескольких дней после его отъезда. Однажды ночью мне показалось, что я услышал его быстрые, энергичные шаги и стук в дверь. Я очнулся от полудремы и крикнул: «Входите!» Никто, шаги затихли. Я посмотрел на будильник: двенадцать часов. «Тебе приснилось», — подумал я и снова уснул. Шаги и стук повторялись ночь за ночь. Однажды я взял револьвер и вышел в коридор. Ничего. Внезапно, как и появился, плевок исчез.

The path to my parents' house led through a dense avenue of linden trees, such as were often found on manor houses in Russia, directly in front of the oak door with the massive door knocker. From this door I stepped out into the wide world, through it I returned, knowing full well where I belonged. No matter how bad things went for me, the comfort of my home always took me in and eased the pain, even when my mother followed my father in death. I came and warmed myself with everything that reminded me of the past. On the other side of the house was the garden. An old wall covered in ivy separated it from the dairy. It was only one meter high, but was very wide and massive, because the craftsmen did not skimp on bricks and mortar. The Wall stood for many decades,

Original Page 70
 while the craftsman who made it died, and his children also left this world, and in turn their children's children were born and grew old, and so on through the generations, the wall from the time of serfdom stood there for a long, long time...

A mighty tree once stood in a corner of this garden. My meetings with Wasska took place under his protection, back when my mother was still alive. The moment came when the giant tree humbly bowed its crown to the earth. A storm overwhelmed him. I counted 135 annual rings on its stem. The tree was no longer there, but the memories associated with it remained unforgotten.

From that corner of the garden you had a view of the entire house. The many apple and pear trees

Durch eine dichte Lindenallee, wie sie in Rußland auf den Herrensitzen häufig anzutreffen war, führte der Weg zu meinem Elternhaus, direkt vor die Türe aus Eichenholz, mit dem massiven Türklopfer. Aus dieser Tür trat ich hinaus in die weite Welt, durch sie kehrte ich zurück, wohlwissend, wohin ich gehörte. Mochte es mir schlecht ergehen, das traute Daheim nahm mich immer wieder auf, linderte den Schmerz, auch dann noch, als die Mutter dem Vater im Tode gefolgt war. Ich kam und wärmte mich an allem, was mich an die Vergangenheit erinnerte. Auf der anderen Seite des Hauses lag der Garten. Eine alte Mauer, epheuumspinnen, trennte ihn von der Molkerei. Sie war bloß ein Meter hoch, aber sehr breit und wuchtig erbaut, denn der Handwerker sparte nicht mit Ziegeln und Mörtel. Viele Jahrzehnte lang - 69

stand die Mauer. Während der Handwerker starb, der sie erstellte, und auch dessen Kinder diese Welt verließen, und wiederum deren Kindeskinder geboren und alt wurden und so fort durch Generationen, stand die Mauer aus der Zeit der Leibeigenschaft da, lange, lange ...

In einer Ecke dieses Gartens stand einst ein mächtiger Baum. In seinem Schutze fanden meine Zusammenkünfte mit Wasska statt, damals, als die Mutter noch lebte. Es kam der Augenblick, wo der Baumriese seine Krone demutsvoll zur Erde neigte. Ein Sturm legte ihn um. Auf seinem Strunk zählte ich 135 Jahresringe. Der Baum war nicht mehr da, jedoch die an ihn geknüpften Erinnerungen blieben unvergessen.

Von jener Gartenecke aus hatte man einen Ueberblick auf das ganze Haus. Die vielen Aepfel- und Birnbäume,

Дорога к родительскому дому пролегала через густую аллею лип, какие часто встречаются в усадебных домах в России, прямо перед дубовой дверью с массивным дверным молотком. Из этой двери я вышел в большой мир, через него вернулся, прекрасно зная, где мое место. Как бы плохо мне ни приходилось, комфорт моего дома всегда принимал меня и облегчал боль, даже когда моя мать умерла вслед за моим отцом. Я пришёл и согрелся всем, что напоминало мне о прошлом. На другой стороне дома был сад. Стаяя стена, увитая плющом, отделяла его от маслобойни. Он имел высоту всего один метр, но был очень широким и массивным, поскольку мастера не скупились на кирпич и раствор. Стенаостояла многие десятилетия. – 69

Пока мастер, который ее изготовил, умирал, и его дети тоже уходили из этого мира, а в свою очередь рождались и старели дети их детей, и так из поколения в поколение, стена времен крепостного права стояла там еще долго-долго.
 ...

Когда-то в углу этого сада стояло могучее дерево. Мои встречи с Васской происходили под его защитой, еще при жизни моей матери. Настал момент, когда гигантское дерево смиленно склонило свою корону до земли. Его накрыла буря. На его стебле я насчитал 135 годовых колец. Дерева уже не было, но воспоминания, связанные с ним, остались незабытыми.

Из этого угла сада открывался вид на весь дом. Многие яблони и груши, посаженные дедом,

planted by my grandfather were still standing, the bedroom in the eastern part of the house sheltered me again. I was certainly missing my parents, but Haueter, their governor, was there, like the calming pole in the events of our little world.

Until one day the dream of a home filled with life was shattered. The many rooms and chambers appeared empty. In one fell swoop, everything that was dear to me disappeared. The familiar, liberating conversation fell silent. And only time could permanently bridge the gap left by a good person when he left.

When the cornflowers bloomed

Around the middle of April I visited Nilka. Next to his isba, fish nets and game skins were stretched over poles to dry. The two dogs Tresor and Shumilka lay in front of the wooden doorstep. Blinking and twitching their earlobes from time to time, they kept their heads nestled on their crossed paws. When they noticed me they gave a loud noise, but soon calmed down again.

I entered the house of the farmer and hunter. Nilka carefully cleaned the double-barreled shotgun, which came from the famous gunsmith in Tula. He prepared himself for the woodcock hunt, which begins at this time of year. After chatting for a while,

Original Page 71

we agreed to meet at the eastern exit of the village the following day at four in the evening as usual.

von der Hand meines Großvaters gepflanzt, standen noch, das Schlafzimmer im östlichen Teil des Hauses, es barg mich erneut. Wohl fehlten mir die Eltern, doch Haueter, ihr Statthalter, war da, wie der ruhende Pol im Geschehen unserer kleinen Welt.

Bis eben eines Tages der Traum des vom Leben erfüllten Heims zerstört wurde. Die vielen Zimmer und Kammern erschienen leer. Mit einem Schlag erlosch alles, was mir lieb und teuer war. Das vertraute, befreiente Gespräch verstummte. Und nur die Zeit vermochte auf die Dauer über die Lücke hinwegzuheben, die ein guter Mensch durch seinen Weggang gerissen hatte.

Als die Kornblumen blühten

Um die Mitte des Monats April besuchte ich Nilka. Neben seiner Isba waren Fischnetze und Wildfelle über Stangen zum Trocknen ausgespannt. Vor der hölzernen Türschwelle lagen die beiden Hunde Tresor und Schumilka. Blinzelnd und von Zeit zu Zeit mit den Ohrlappen zuckend, hielten sie die Köpfe auf die gekreuzten Pfoten geschmiegt. Als sie meiner gewahr wurden, gaben sie laut, beruhigten sich jedoch bald wieder.

Ich betrat das Haus des Bauern und Jägers. Nilka reinigte gewissenhaft die doppelläufige Schrotflinte, welche aus der berühmten Waffenschmiede in Tula stammte. Er rüstete sich zur Waldschnepfenjagd, welche um diese Jahreszeit ihren Anfang nimmt. Nachdem wir eine Weile miteinander - 70

geplaudert hatten, vereinbarten wir, uns am folgenden Tag um vier Uhr abends wie gewohnt am östlichen Dorfausgang zu treffen.

все еще стояли, спальня в восточной части дома снова приютила меня. Я, конечно, скучал по своим родителям, но Хаутер, их губернатор, был рядом, как успокаивающий полюс в событиях нашего маленького мира.

Пока однажды мечта о доме, наполненном жизнью, не разбилась. Многие комнаты и помещения казались пустыми. Одним махом исчезло все, что мне было дорого. Знакомый, освобождающий разговор затих. И только время могло навсегда преодолеть ту пропасть, которую оставил хороший человек, когда он ушел.

Когда цвели васильки

Примерно в середине апреля я посетил Нилку. Рядом с его избой на шестах были натянуты для просушки рыбные сети и шкуры дичи. Перед деревянным порогом лежали две собаки Трезор и Шумилка. Время от времени моргая и подергивая мочками ушей, они держали голову на скрещенных лапах. Заметив меня, они издали громкий шум, но вскоре снова успокоились.

Я вошел в дом фермера и охотника. Нилка тщательно почистила двустволку, доставшуюся от известного тульского оружейника. Он подготовился к охоте на вальдшнепа, которая начинается в это время года. Пообщавшись немного, мы - 70

договорились встретиться у восточного выхода из деревни на следующий день, как обычно, в четыре часа вечера.

It was nice and windless weather. We slowly approached the spot in the spruce forest that was considered favorable for snipe hunting. It was a wide swath with scattered undergrowth. We took our stand and waited. To pass the time, we lit cigarettes, this time of Swiss origin, brand "Milla". Light rain fell early in the morning with a warm southerly wind. In such weather, the amorous long-beaks feel a great desire to wander; they swarm singly and in pairs.

Like a red ball, the sun sank lower and lower. Finally a broad streak of embers crossed the western horizon. The evening glow shone like this for a while. Then it gradually faded away; the colors faded in the air as well as on the ground. We stood motionless, rifles cocked. One last whisper from the late birds, then a mysterious silence followed.

My heart beat harder in anticipation. I had never shot a snipe before and was now confidently hoping to bring down my "first" from the air. — Suddenly I heard a strange chirping from far away, followed by snoring sounds. The chirping and snoring sounds repeated themselves at short intervals, quickly getting closer and closer. I listened and peered with utmost attention, my hands tightening around the weapon. There, through the evening air, at a low altitude, a shadow came fluttering and swaying: the folding snipe. I noticed its overly long, crooked beak, which the bird uses to suck its food out of the swampy ground.

Es war schönes und windstilles Wetter. Langsam näherten wir uns der Stelle im Fichtenwald, die beim Schnepfenstrich als günstig galt. Es war eine weit ausladende Schneise mit hingestreutem Unterholz. Wir nahmen unsern Stand ein und warteten. Zum Zeitvertreib zündeten wir uns Zigaretten an, diesmal schweizerischer Herkunft, Marke «Milla». Früh morgens fiel bei warmem Südwind leichter Regen. Bei solcher Witterung verspüren die verliebten Langschnäbel große Wanderlust, sie schwärmen einzeln und paarweise.

Einer roten Kugel gleich sank die Sonne immer tiefer. Zuletzt überfloß ein breiter Glutstreifen den westlichen Horizont. So leuchtete eine Zeitlang das Abendrot. Dann schwand es allmählich; die Farben verblaßten in der Luft sowie auf der Erde. Wir standen regungslos, das gespannte Gewehr im Anschlag. Noch ein letztes Wispern der verspäteten Vögel, dann folgte geheimnisvolles Schweigen.

In gespannter Erwartung klopfte mein Herz stärker. Ich hatte noch nie zuvor eine Schnepfe erlegt, hoffte nun zuversichtlich, meine «Erste» aus der Luft herunterzuholen. — Plötzlich vernahm ich aus weiter Ferne ein seltsames Gezwitscher, dem schnarchende Laute folgten. Das Gezwitscher und die schnarchenden Laute wiederholten sich in kurzen Zeitabständen, kamen rasch näher und näher. Ich lauschte und spähte mit größter Aufmerksamkeit, meine Hände schlossen sich fester um die Waffe. Da, durch die Abendluft, in geringer Höhe, kam flatternd und sich wiegend ein Schatten daher: die falzende Schnepfe. Mir fiel ihr überlanger, krummer Schnabel auf, mit dem der Vogel seine Nahrung aus dem sumpfigen Boden saugt.

Была хорошая и безветренная погода. Мы медленно приблизились к тому месту в еловом лесу, которое считалось благоприятным для охоты на бекасов. Это была широкая полоса с редким подлеском. Мы заняли свою позицию и стали ждать. Чтобы скоротать время, мы закурили сигареты, на этот раз швейцарского производства, марки «Милла». Рано утром пошел небольшой дождь с теплым южным ветром. В такую погоду влюбчивые длинноклювы испытывают огромное желание бродить, они слетаются поодиночке и парами.

Как красный шар, солнце опускалось все ниже и ниже. Наконец широкая полоса тлеющих углей пересекла западный горизонт. Вечернее зарево светило так некоторое время. Затем оно постепенно исчезло; цвета поблекли как в воздухе, так и на земле. Мы стояли неподвижно, взведя винтовки. Последний шепот припозднившихся птиц, затем последовала загадочная тишина.

Мое сердце забилось сильнее в ожидании. Я никогда раньше не стрелял из бекаса и теперь уверенно надеялся сбить своего «первого» с воздуха. — Внезапно я услышал издалека странное щебетание, за которым последовали звуки храта. Звуки щебетания и храта повторялись через короткие промежутки времени, быстро приближаясь и приближаясь. Я слушал и всматривался с величайшим вниманием, мои руки сжимали оружие. Там, в вечернем воздухе, на небольшой высоте, порхала и покачивалась тень: складной бекас. Я заметил у него слишком длинный, кривой клюв, которым птица высасывает пищу из болотистой земли.

I jerked the shotgun to my right cheek and took aim. At the same moment a blinding flash of lightning tore through the twilight. Nilka had fired with his usual speed. The fluttering shadow fell at his feet. The echo of the shot rolled across the dark forest and faded into the distance. A startled thrush struck quickly a few times. Then the silence returned again.

As I said, Russia is very rich in game, especially the Kaluga Governorate with its immense forests. That evening the snipes flew like crazy. Over the course of half an hour they passed over our heads almost in swarms. An owl also scurried ghost-like over the young wood, hunting for prey. I fired all my ammunition, but didn't get a hit until just before dark. I discovered that shooting at moving targets had to be learned first. My hunting companion even managed a double, i.e. With two shots in rapid succession he sent a pair of snipe into the afterlife as they flew along with sweet love and not the slightest thought of death.

On this hunt, the shooters usually stand far apart from each other. This time Nilka stayed close to me to give me useful instructions.

The favorable streak period in Russia lasts until the end of April or the beginning of May. As soon as the deciduous forest turns green, the woodcocks begin their breeding business.

At the end of May I rode to Kaluga on horseback and stopped at Maslenikov's on this

Mit einem Ruck legte ich die Flinte an die rechte Wange und zielte. Im gleichen Augenblick zerriß ein greller Blitz die Dämmerung. Nilka hatte mit der ihm gewohnten Schnelligkeit gefeuert. Der flatternde Schatten fiel ihm vor die Füße. Das Echo des Schusses rollte über den dunklen Wald hin und verebnete in der Ferne. Eine aufgescheuchte Drossel schlug rasch ein paarmal an. Dann kehrte die Stille wieder zurück.

Rußland ist — wie gesagt — sehr wildreich, ganz besonders aber das Gouvernement Kaluga mit seinen unermeßlichen Waldbeständen. An jenem Abend flogen die Schnepfen wie - 71 toll. Im Verlaufe von einer halben Stunde strichen sie beinahe schwärmsweise über unsere Köpfe hinweg. Auch eine Eule huschte gespensterhaft dicht über das Jungholz dahin, sie machte ihrerseits Jagd auf Beute. Ich verschoß meine ganze Munition, verzeichnete jedoch erst knapp vor dem Dunkelwerden einen Treffer. Ich stellte fest, daß das Schiessen auf bewegliche Ziele zuerst gelernt werden muß. Meinem Jagdgefährten gelang sogar eine Doublette, d. h. er schickte mit zwei rasch aufeinanderfolgenden Schüssen ein Schnepfenpaar ins Jenseits, als es in süßer Minne dahergeflogen kam und nicht im entferntesten an den Tod dachte.

Auf dieser Jagd stehen die Schützen sonst weit voneinander entfernt. Diesmal verblieb Nilka deshalb in meiner Nähe, um mir nützliche Anleitungen zu geben.

Die günstige Strichzeit dauert in Rußland etwa bis Ende April, anfangs Mai. Sobald der Laubwald sein erstes Grün bekommt, beginnen die Schnepfen mit ihrem Brutgeschäft.

Ende Mai ritt ich zu Pferd nach Kaluga und kehrte bei dieser Gelegenheit auch bei Maslenikow ein. Er bereitete

Я поднес дробовик к правой щеке и прицелился. В тот же момент ослепительная вспышка молнии разорвала сумерки. Нилка стрелял со своей обычной скоростью. Трепещущая тень упала к его ногам. Эхо выстрела прокатилось по темному лесу и затихло вдали. Испуганный дрозд быстро удариł несколько раз. Затем тишина вернулась снова.

Как я уже говорил, Россия очень богата дичью, особенно Калужская губерния с ее необъятными лесами. В тот вечер бекасы летали как сумасшедшие. В течение получаса они почти стаями проносились над нашими головами. Сова также призрачно носилась по молодому лесу в поисках добычи. Я расстрелял все свои боеприпасы, но попал только в темноту. Я обнаружил, что сначала нужно научиться стрелять по движущимся мишням. Мой товарищ по охоте даже умудрился сделать двойку, т.е. ЧАС. Двумя выстрелами подряд он отправил в загробный мир пару бекасов, летевших со сладостной любовью и без малейшей мысли о смерти.

На этой охоте стрелки обычно стоят далеко друг от друга. На этот раз Нилка осталась рядом со мной, чтобы дать мне полезные инструкции.

Благоприятный период в России длится до конца апреля или начала мая. Как только лиственный лес зазеленеет, вальдшнепы приступают к своему размножению.

В конце мая я поехал верхом в Калугу и остановился по этому поводу у Масленникова. Он готовился к выпускному экзамену, зубрил всю ночь

occasion. He was preparing for the school leaving exam, cramming all night long and looking the part. When I paid my respects early in the morning, he was sitting brooding at his desk, his head resting on his hand. He repeated. Maslenikov constantly drank black tea and chain-smoked cigarettes to, as he explained to me, stay awake. The ambition to be the first student to pass the Matura and possibly with the highest honor, the gold medal, almost made him sick. The high school graduate's complexion was pale yellow, his cheekbones were sharp and his eyes were deep in their sockets. We shook hands in silence and stood eye to eye for a long time. Then I heard his voice: "You are neglecting the most sacred duty imposed on a citizen of the earth!"

I paused: "And what does this duty consist of, if I may ask?"

«A traditional law obliges people not to abandon their neighbors to whatever fate they like, but to visit them from time to time, especially when they are thirsty for encouraging encouragement. I last saw you around the turn of the year. I could have passed away since then, but you wouldn't have learned the knowledge of mourning before this moment. The first spring flowers would already be sprouting on my grave mound.»

Original Page 73

When Maslenikov had finished emotionally unpacking, he waved his hand and asked me to sit opposite him. He pushed a stool towards me with his right foot. —

sich auf die Reifeprüfung vor, büffelte ganze Nächte hindurch und sah auch demnach aus. Als ich ihm am frühen Vormittag meine Aufwartung machte, saß er brütend am Schreibtisch, den Kopf auf die Hand gestützt. Er repitierte. Maslenikow trank ohne Unterlaß Schwarzttee und rauchte kettenweise Zigaretten, um — wie er mir erklärte — wach zu bleiben. Der Ehrgeiz, die Matura als erster Schüler und womöglich mit höchster Auszeichnung, der Goldmedaille, zu bestehen, machte ihn fast krank. Die Gesichtsfarbe des Abiturienten war fahlgelb, die Backenknochen sprangen scharf vor und die Augen lagen tief in den Höhlen. Wir drückten uns schweigend die Hand, standen lange Zeit Aug' in Aug'. Dann hörte ich seine Stimme: «Du versäumst die heiligste Pflicht, die einem Erdenbürger auferlegt ist!»

Ich stutzte: «Und worin besteht diese Pflicht, wenn ich fragen darf?»

«Ein überliefertes Gesetz verpflichtet die Menschen, ihre Nächsten nicht dem x-beliebigen Schicksal zu überlassen, sondern sie von Zeit zu Zeit aufzusuchen, besonders aber dann, wenn sie nach aufmunterndem Zuspruch dürsten. Ich sah dich letztmals um die Jahreswende. Seither hätte ich das Zeitliche segnen können, du würdest die Trauerkunde nicht vor dem jetzigen Augenblick erfahren haben. Auf meinem Grabhügel würden bereits die ersten Frühlingsblumen sprrießen.» - 72

Als Maslenikow seelisch ausgepackt hatte, bat er mich mit einer Handbewegung, ihm gegenüber Platz zu nehmen. Mit dem rechten Fuß schob er mir einen Hocker zu. —

и выглядел соответствующе. Когда я рано утром засвидетельствовал свое почтение, он сидел, размышляя, за своим столом, подперев голову рукой. Он повторил. Маслеников постоянно пил черный чай и непрерывно курил сигареты, чтобы, как он мне объяснил, не заснуть. Мечта стать первым студентом, сдавшим аттестат зрелости и, возможно, получившим высшую награду – золотую медаль – чуть не довела его до тошноты. Цвет лица выпускника средней школы был бледно-желтым, скулы острыми, а глаза глубоко посаженными. Мы молча пожали друг другу руки и долго стояли лицом к лицу. Тут я услышал его голос: «Вы пренебрегаете самым священным долгом, возложенным на гражданина земли!»

Я помолчал: «А в чем состоит эта обязанность, позвольте спросить?»

«Традиционный закон обязывает людей не бросать своих соседей на произвол судьбы, а навещать их время от времени, особенно когда они жаждут ободряющего поощрения. Последний раз я видел тебя где-то в начале года. С тех пор я мог бы умереть, но до этого момента ты бы не научился знанию траура. На моем могильном холмике уже прорастали первые весенние цветы». - 72

Когда Маслеников закончил эмоционально распаковываться, он махнул рукой и попросил меня сесть напротив него. Правой ногой он подтолкнул ко мне табуретку. —

"Still revising?" I asked Maslenikov, comradely patting his knee.

"Yes. And?"

"Is it extraordinary hard work or backwardness?"

"Probably a combination of both."

"Which subjects are you currently repeating?"

«Astronomy at the moment. But let's now leave aside the comets and the worrying small planets between Mars and Jupiter, although it is the planetoids that interest me the most. Let us now not focus on the cosmic, but on the earthly. How are you doing? Are you still not giving peace to the rabbits and foxes in Murentsevo? What news happened there? May I offer you a cup of tea?»
Maslenikov took a cardboard box containing tobacco and paper tubes from the tabletop and quickly and skillfully rolled two cigarettes, of the strongest variety that Russia's soil produces.

The maid served tea with biscuits. In the course of the conversation, Maslenikov announced his intention to begin medical studies at Moscow University immediately after graduating from high school. He didn't want to visit Murentsevo until the summer. In order not to keep my friend from work for too long, I left him under the pretext that I had to take care of urgent business in the city.

«Noch immer Repetitorium?» erkundigte ich mich bei Maslenikow, ihm kameradschaftlich auf das Knie klopfend.

«Ja. Und?»

«Ist es außerordentlicher Fleiß oder Rückständigkeit?»

«Wahrscheinlich eine Kombination von beiden.»

«Welche Fächer wiederholst du gegenwärtig?»

«Augenblicklich Astronomie. Aber lassen wir jetzt die Kometen und auch die beunruhigenden Kleinplaneten zwischen Mars und Jupiter auf der Seite, obwohl mich gerade die Planetoiden am meisten zu interessieren vermögen. Halten wir uns jetzt nicht an Kosmisches, sondern an das Irdische. Wie geht es dir? Gibst du den Hasen und Füchsen in Murenzewo noch immer keine Ruh'? Was haben sich dort für Neuigkeiten ereignet? Darf ich dir eine Tasse Tee anbieten?» Maslenikow nahm eine Kartonschachtel mit Tabak und Papierhülsen von der Tischplatte und drehte rasch und kunstgerecht zwei Zigaretten, von der stärksten Sorte, die Rußlands Erde hervorbringt.

Das Dienstmädchen trug Tee mit Gebäck auf. Im Laufe der Unterhaltung bekundete Maslenikow die Absicht, mit dem medizinischen Studium an der Moskauer Universität sogleich nach dem Abschluß der Gymnasialzeit zu beginnen. Murenzewo wollte er erst im Sommer besuchen. Um meinen Freund von der Arbeit nicht allzulange abzuhalten, verließ ich ihn unter dem Vorwand, in der Stadt noch dringende Geschäfte erledigen zu müssen.

«Все еще пересматриваете?» — спросил я Масленикова, товарищески похлопывая его по коленке.

«Да. И?»

«Это необычайное трудолюбие или отсталость?»

«Вероятно, комбинация того и другого.»

«Какие предметы вы сейчас повторяете?»

«Астрономия на данный момент. Но давайте теперь оставим в стороне кометы и тревожные маленькие планеты между Марсом и Юпитером, хотя больше всего меня интересуют именно планетоиды. Давайте теперь сосредоточимся не на космическом, а на земном. Как у тебя дела? Вы все еще не даете покоя кроликам и лисицам в Муренцево? Какие новости там произошли? Могу я предложить вам чашку чая?» Маслеников взял со стола картонную коробку с табаком и бумажными гильзами и быстро и ловко скрутил две сигареты, самой крепкой разновидности, которую производит российская почва.

Горничная подала чай с печеньем. В ходе беседы Маслеников заявил о намерении поступить на медицинское образование в Московский университет сразу после окончания средней школы. Он не хотел приезжать в Муренцево до лета. Чтобы не отвлекать друга от работы слишком надолго, я оставил его под предлогом того, что мне нужно заняться неотложными делами в городе.

The weather was cloudy but warm. Kaluga once had many beautiful birch avenues. Their crowns were now covered in bright green foliage. The nest-building swallows chirped under the house roofs.

First I strolled around the streets, swinging my walking stick like a peacock's wheel - people still carried walking sticks back then - and then stopped into the large restaurant "Praga", where there was always something going on. I ordered a glass of port, picked up an illustrated magazine and sank into the soft cushions of a club armchair. The world appeared to me in the rosiest light, I felt free, happy, without desires...

People came, people went. A dark-skinned gypsy woman with huge rings in her earlobes entered the -

Original Page 74

Cafe, went from table to table and suggested that guests read the future from the lines of their hands for a few kopecks. Then came the moment when Hermes, the messenger of the gods or even the god Cupid, intervened in my life.

The door opened. A young, neatly dressed girl stood in the room and looked around with a friendly smile. Her smile outshone even the dull day. They walked lightly towards a table where a lady in black was drinking her tea.

I paused and asked the waiter if he knew the lady in black.

Das Wetter war trüb, aber warm. Kaluga hatte einst viele schöne Birkenalleen. Ihre Kronen waren jetzt mit hellgrünem Laubwerk überhaucht. Unter den Hausdächern zwitscherten die nestbauenden Schwalben.

Zuerst flanierte ich in den Straßen herum, schlug den Spazierstock wie ein Pfauenrad — damals trug man noch Spazierstöcke — und kehrte dann in das Großrestaurant «Praga» ein, wo immer etwas los war. Ich bestellte ein Glas Portwein, griff nach einer illustrierten Zeitschrift und versank im weichen Polster eines Klubfauteuils. Die Welt erschien mir im rosigsten Lichte, ich fühlte mich frei, glücklich, wunschlos ...

Menschen kamen, Menschen gingen. Eine dunkelhäutige Zigeunerin mit riesigen Ringen in den Ohrläppchen betrat das - 73

Cafe, ging von Tisch zu Tisch und schlug den Gästen vor, ihnen für ein paar Kopeken aus den Handlinien die Zukunft zu lesen. Dann kam der Augenblick, wo Hermes, der Götterbote oder sogar Gott Amor in mein Leben eingriff.

Die Türe ging auf. Ein junges, adrett gekleidetes Mädchen stand im Raum und sah sich freundlich lächelnd um. Ihr Lächeln überstrahlte selbst den trüben Tag. Leichtfüßig ging es auf einen Tisch zu, an dem eine Dame in Schwarz ihren Tee trank.

Ich stutzte und fragte den Ober, ob er die Dame in Schwarz kenne.

Погода была пасмурная, но теплая. В Калуге когда-то было много красивых березовых аллей. Их кроны теперь были покрыты ярко-зеленой листвой. Под крышами домов щебетали ласточки, строящие гнезда.

Сначала я прогулялся по улицам, размахивая тростью, как павлиньим колесом - люди тогда еще трости носили, - а потом зашел в большой ресторан "Прага", где постоянно что-то происходило. Я заказал стакан портвейна, взял иллюстрированный журнал и опустился на мягкие подушки клубного кресла. Мир предстал передо мной в самом розовом свете, я почувствовал себя свободным, счастливым, без желаний...

Люди приходили, люди уходили. В кафе - 73

вошла темнокожая цыганка с огромными кольцами в мочках ушей, ходила от столика к столику и за несколько копеек предлагала гостям прочитать будущее по линиям рук. Затем настал момент, когда в мою жизнь вмешался Гермес, посланник богов или даже бог Амур.

Дверь открылась. В комнате стояла молодая, аккуратно одетая девушка и с дружелюбной улыбкой оглядывалась по сторонам. Ее улыбка затмевала даже унылый день. Они легко подошли к столу, за которым женщина в черном пила чай.

Я остановился и спросил официанта, знает ли он даму в черном.

"Certainly. "This is Professor Zolotowa," he replied.

"And who is the little one?" I wanted to know.

The waiter laughed: "Her daughter Vera."

I gave the waiter a tip, went straight to the table where the two women were sitting and bowed: "Wladimir K... May I sit down?"

Mrs. Zolotova raised her eyebrows. She looked at me sharply through the lorgnette, much like a zoologist looks at a rare insect under a magnifying glass. "Yes, please," she said with a decidedly distant tone, "do you know my daughter?"

"Yes certainly. But only briefly," I replied, "your daughter was kind enough to open the door for me last fall when I was visiting Wassily Petrovich Maslenikov."

I sat down and told them in an unbiased manner that I had arrived from the provinces on business, that my first act was to visit my friend Maslenikov and that I was now able to thank the good fortune of meeting the two ladies here.

After we had chatted for a while, I bluntly invited Vera Zolotova to attend a concert with me the next evening, given by a regimental band of the garrison troops in the casino garden. The girl laughed mischievously, thought, tapped her foot and exchanged a glance with her mother.

«Gewiß. Das ist Frau Professor Zolotowa», gab er zur Antwort.

«Und wer ist die Kleine?» wollte ich wissen.

Der Ober lachte: «Ihre Tochter Vera.»

Ich gab dem Kellner ein Trinkgeld, ging geradewegs auf den Tisch zu, an dem die beiden Frauen saßen und verbeugte mich: «Wladimir K ... Darf ich Platz nehmen?»

Frau Zolotowa zog die Brauen hoch. Sie musterte mich scharf durch die Lorgnette, etwa so wie der Zoologe ein seltenes Insekt unter der Lupe betrachtet. «Ja, bitte», sagte sie dann betont distanziert, «kennen Sie meine Tochter?»

«Ja, gewiß. Allerdings nur ganz flüchtig», versetzte ich, «Ihre Tochter hatte im Herbst vergangenen Jahres die Liebenswürdigkeit, mir die Türe zu öffnen, als ich Wassiliy Petrowitsch Maslenikow besuchte.»

Ich setzte mich hin, erzählte unbefangen, daß ich geschäftshalber aus der Provinz eingetroffen sei, als erste Handlung meinen Freund Maslenikow besucht habe und nun dem gütigen Zufall verdanken könne, die beiden Damen hier zu treffen.

Nachdem wir längere Zeit geplaudert hatten, lud ich Vera Zolotowa ohne Umschweife ein, am Abend des nächsten Tages mit mir ein Konzert zu besuchen, das von einer Regimentskapelle der Garnisonstruppen im Kasinogarten gegeben wurde. Das Mädchen lachte schelmisch, überlegte, wippte mit dem Fuß und wechselte einen flüchtigen Blick mit ihrer Mutter.

"Конечно. «Это профессор Золотова», — ответил он.

— А кто этот маленький? Я хотел знать.

Официант засмеялся: «Ваша дочь Вера».

Я дал официанту чаевые, подошел прямо к столу, где сидели две женщины, и поклонился: «Владимир К. Могу я присесть?»

Госпожа Золотова подняла брови. Она пристально посмотрела на меня в лорнет, как зоолог смотрит на редкое насекомое под лупой. — Да, пожалуйста, — сказала она решительно отстраненным тоном, — вы знаете мою дочь?

«Да, конечно. Но только кратко», ответил я, — «ваша дочь была так любезна, что открыла мне дверь прошлой осенью, когда я был в гостях у Василия Петровича Масленикова».

Я сел и сказал ему беспристрастно, что приехал из провинции по делам, что первым делом я должен был навестить моего друга Масленикова и что теперь я могу поблагодарить за счастье познакомиться здесь с двумя дамами.

После того, как мы немного поговорили, я прямо пригласил Веру Золотову на следующий вечер пойти со мной на концерт, который давал полковой оркестр гарнизонных войск в саду казино. Девочка озорно рассмеялась, подумала, постучала ногой и переглянулась с матерью.

"You're not shy at all, young man!" replied Mrs. Zolotova on behalf of her daughter.

"What do you mean?" I asked with feigned innocence.

"Listen carefully to what I'm telling you,"

Original Page 75

Mrs. Zolotova continued. «If you really want to see my daughter tomorrow, you are invited to dinner with us. We welcome you at eight o'clock." At these words she stood up, nodded her head slightly and headed towards the exit, followed by her daughter.

The next day at the stroke of eight o'clock I rang the house bell on Moskovskaya Street 11. Vera opened the door. She appeared in a stunningly beautiful evening dress made of salmon-colored taffeta.

When I had taken off my hat and coat, I walked through the corridor at the young girl's side as if intoxicated and entered the salon, where a large number of guests were already chatting animatedly. Half an hour later, the silk-draped glass door slid sideways silently, as if pushed by magic. It connected the salon with the dining room. Like the other guests, I walked around the horseshoe-shaped table and looked for my place card. Fate was kind to me: Vera sat at my side.

A royal feast was ready. The obligatory vodka came first among the drinks and subsequently received the most praise. The light from the chandelier fell on the precious paintings on the walls, on the Venetian mirror,

«Schüchtern sind Sie keineswegs, junger Mann!» antwortete Frau Zolotowa an Stelle ihrer Tochter.

«Wie meinen Sie das?» fragte ich mit geheuchelter Unschuld.

«Hören Sie gut zu, was ich Ihnen sage», fuhr - 74

Frau Zolotowa fort. «Wenn Sie meine Tochter morgen durchaus sehen möchten, sind Sie bei uns zum Abendessen eingeladen. Wir empfangen um acht Uhr.» Bei diesen Worten erhob sie sich, nickte leicht mit dem Kopf und strebte dem Ausgang zu, gefolgt von ihrer Tochter.

Andertags Schlags acht Uhr zog ich an der Hausglocke in der Moskowskaja ulitsa 11. Vera öffnete. Sie erschien in einem traumhaft schönen Abendkleid aus lachsfarbenem Taft.

Als ich Hut und Mantel abgelegt hatte, ging ich an der Seite des jungen Mädchens wie berauscht durch den Korridor, betrat den Salon, wo bereits eine große Anzahl Gäste sich angeregt unterhielt. Eine halbe Stunde später glitt die seidenverhängte Glastüre, wie von Geisterhand geschoben, geräuschlos seitwärts. Sie verband den Salon mit dem Eßzimmer. Wie die übrigen Gäste, umschritt ich die hufeisenförmig aufgebaute Tafel und suchte nach meiner Tischkarte. Das Schicksal war mir hold: Vera saß an meiner Seite.

Ein fürstliches Festessen war bereit. Der obligate Wodka stand unter den Getränken an erster Stelle, ihm wurde in der Folge auch am meisten zugesprochen. Das Licht des Lüsters fiel auf die kostbaren Gemälde

«Вы совсем не стесняетесь, молодой человек!» ответила г-жа Золотова от имени дочери.

«Что ты имеешь в виду?» — спросил я с притворной невинностью.

«Слушайте внимательно, что я вам говорю», - 74

продолжила госпожа Золотова. «Если вы действительно хотите завтра увидеть мою dochь, вас приглашают к нам на ужин. Мы приветствуем вас в восемь часов». При этих словах она встала, слегка кивнула головой и направилась к выходу в сопровождении дочери.

На следующий день ровно в восемь часов я позвонил в дом на Московской улице, 11. Вера открыла дверь. Она появилась в потрясающе красивом вечернем платье из тафты лососевого цвета.

Сняв шляпу и пальто, я прошел по коридору рядом с молодой девушкой, как пьяный, и вошел в салон, где уже оживленно болтало большое количество гостей. Полчаса спустя задрапированная шелком стеклянная дверь бесшумно скользнула в сторону, словно по волшебству. Оно соединяло салон со столовой. Как и другие гости, я обошел стол в форме подковы и поискав свою карточку с местом. Судьба была ко мне благосклонна: Вера села рядом со мной.

Царский пир был готов. Обязательная водка занимала первое место среди напитков и впоследствии получила наибольшую похвалу. Свет люстры падал на драгоценные картины на стенах, на

fell on the thick carpets, on the men's tuxedos and uniforms, on the bare shoulders of charming women.

Not used to so much glamor, I was a little unsure during the first few minutes when dealing with the people sitting next to me at the table on my left and right. The social security and happiness increased in proportion to the number of vodka glasses we drank. First we drank to the well-being of the hostess, who was celebrating her name day. In Russia this day is given much greater importance than that of birth.

“I miss Wassily Petrovich Maslenikov,” I said to Vera, surveying the round table.

“Wassily Petrovich received an invitation from us to take part in my mother’s name day party,” Vera replied, and then sank her teeth into a caviar roll. “He cited lack of time as the reason for his absence. Vasily Petrovich is currently in the middle of graduating from high school. By the way, how do you know him?”

«From my childhood. Since then we have been linked to one another in unwavering loyalty.”

“Oh!” breathed Vera in astonishment,

Original Page 76

“I would never have thought that, two people as completely different as you and Wassily Petrovich! But, les extremes se touchent, say the French.”

an den Wänden, auf den venezianischen Spiegel, fiel auf die dicken Teppiche, auf die Smokings und Uniformen der Herren, auf die nackten Schultern charmanter Frauen.

An soviel Glanz nicht gewohnt, war ich während den ersten Minuten im Umgang mit den Tischnachbarinnen zu meiner linken und rechten Seite etwas unsicher. Die gesellschaftliche Sicherheit und Fröhlichkeit steigerte sich in gleichem Maße mit der Anzahl der Wodkagläser, die wir leerten. Zuerst tranken wir auf das Wohl der Gastgeberin, die ihren Namenstag feierte. In Rußland wird diesem Tag eine viel größere Bedeutung zugemessen als demjenigen der Geburt.

«Ich vermisste Wassiliy Petrowitsch Maslenikow», sagte ich zu Vera, die Tafelrunde überblickend.

«Wassiliy Petrowitsch erhielt von uns die Einladung, an der Namenstagsfeier meiner Mutter teilzunehmen», gab Vera zur Antwort, und vergrub alsdann ihre Zähne in ein Kaviarbrötchen. «Als Grund seines Fernbleibens gab er Zeitmangel an. Wassiliy Petrowitsch steht augenblicklich mitten in der Matura. Woher kennen Sie ihn übrigens?»

«Von meiner Kindheit an. Seither sind wir in unwandelbarer Treue miteinander verbunden.»

«Ach!» hauchte Vera höchst erstaunt, «das hätte - 75 ich nie gedacht, zwei so grundverschiedene Menschen wie Sie und Wassiliy Petrowitsch! Aber, les extremes se touchent, sagen die Franzosen.»

венецианское зеркало, падал на толстые ковры, на мужские смокинги и мундиры, на обнаженные плечи очаровательных женщин.

Не привыкший к такому количеству гламура, я чувствовал себя немного неуверенно в первые несколько минут, общаясь с людьми, сидевшими рядом со мной за столом слева и справа. Социальная защищенность и счастье возрастали пропорционально количеству выпитых нами рюмок водки. Сначала мы выпили за благополучие хозяйки, праздновавшей свои именины. В России этому дню придают гораздо большее значение, чем дню рождения.

«Скучаю по Василию Петровичу Масленикову», сказал я Vere, осматривая круглый стол.

«Василий Петрович получил от нас приглашение принять участие в именинах у моей матери», ответила Vere и вонзила зубы в рулет с икрой. «Причиной своего отсутствия он назвал нехватку времени. Василий Петрович в настоящее время заканчивает среднюю школу. Кстати, откуда ты его знаешь?»

«Из моего детства. С тех пор мы связаны друг с другом непоколебимой преданностью».

«Ой!» выдохнула Vere с изумлением, - 75

никогда бы не подумала, что два человека настолько разные, как вы и Василий Петрович! Но les крайности se touchent, говорят французы».

"How can you judge something like that when you've only seen me twice?"

«The difference between your personality and that of Wassily Petrovich is enormous; it is difficult to miss it, even if you look at it superficially. You are missing e.g. the egocentric, but Vasily Petrovich has an irrepressible drive for self-importance. You are completely satisfied with what fate throws into your lap, he only with the maximum that the world can forgive. This ambitious student suffers from 'learning psychosis'. Like a blotter, he absorbs all available knowledge in order to have a career later on."

We had a great time, drank everything in a mixed bag, wine, vodka and liqueurs. Suddenly Vera thought better of it and withdrew her glass, which I kept trying to fill. Across from us sat Mrs. Zolotova, who was looking at her daughter with a worried look.

After the feast, there was music, reciting, singing and dancing. One officer recited poems from the works of Pushkin, another sang folk and gypsy tunes to the accompaniment of a piano where Vera was seated. A singer also performed, a blonde lady with a round body shape. She was the wife of a rich merchant and was dressed accordingly: a cape of white silk with gold and pearl embroidery. Precious jewelry sparkled on her hands and in her décolleté.

I sat next to a senior priest, Maslenikov's friend, and looked enraptured at the ad hoc stage on

«Wie können Sie so etwas beurteilen, wo Sie mich bloß zweimal gesehen haben?»

«Der Unterschied zwischen Ihrer Wesensart und der von Wassiliy Petrowitsch ist enorm groß, man kann ihn auch bei oberflächlicher Betrachtung kaum übersehen. Ihnen fehlt z. B. das Egozentrische, Wassiliy Petrowitsch hat aber einen unbändigen Geltungstrieb. Sie begnügen sich vollauf mit dem, was Ihnen das Schicksal in den Schoß wirft, er nur mit dem Höchstmaß, was die Welt vergeben kann. Dieser ehrgeizige Schüler leidet an «Lern-Psychose». Er saugt wie ein Löschblatt alles erreichbare Wissen auf, um später Karriere zu machen.»

Wir unterhielten uns sehr gut, tranken alles kunterbunt durcheinander, Wein, Wodka und Liköre. Plötzlich besann sich Vera eines Besseren, sie zog ihr Glas zurück, das ich immer wieder vollzuschenken versuchte. Gegenüber von uns saß Frau Zolotowa, die ihre Tochter mit besorgtem Blick betrachtete.

Nach den Tafelfreuden wurde musiziert, rezitiert, gesungen und getanzt. Ein Offizier trug Gedichte aus den Werken von Puschkin vor, ein anderer sang Volks- und Zigeunerweisen unter Begleitung eines Flügels, an dem Vera Platz genommen hatte. Es trat auch eine Sängerin auf, eine blonde Dame mit rundlichen Körperperformen. Sie war die Gattin eines reichen Kaufmanns und auch demnach gekleidet: ein Cape in weißer Seide mit Gold- und Perlenstickerei. An ihren Händen sowie im Decollete funkelte kostbarer Schmuck.

Ich saß an der Seite eines Oberprimaners, des Freundes von Maslenikow, und blickte hingerissen zu der ad hoc erstellten Bühne an der einen Seite des Saales, in

«Как ты можешь судить о чем-то подобном, если ты видел меня всего два раза?»

«Разница между вашей личностью и личностью Василия Петровича огромна, ее трудно не заметить, даже если взглянуть на нее поверхностно. Вы отсутствуете, например. Б. эгоцентричен, но Василий Петрович обладает неуемным стремлением к собственной важности. Вы полностью удовлетворены тем, что судьба бросает вам на колени, он лишь максимум, что может простить мир. Этот амбициозный студент страдает «учебным психозом». Как промокашка, он впитывает все доступные знания, чтобы в дальнейшем сделать карьеру».

Мы прекрасно провели время, выпили все вперемешку, вино, водку и настойки. Внезапно Вера одумалась и убрала свой стакан, который я все пытался наполнить. Напротив нас сидела госпожа Золотова, обеспокоенно глядящая на дочь.

После застолья была музыка, декламация, пение и танцы. Один офицер декламировал стихи из произведений Пушкина, другой пел народные и цыганские мелодии под аккомпанемент рояля, на котором сидела Вера. Выступила и певица, блондинка с круглым телом. Она была женой богатого купца и была одета соответственно: накидка из белого шелка с золотой и жемчужной вышивкой. На ее руках и в зоне декольте сверкали драгоценные украшения.

Я сидел рядом со старшим священником, другом Масленикова, и с восхищением смотрел на специальную сцену в одной стороне зала, свет

one side of the hall, the light of two chandeliers sparkling in its finely cut wall mirrors.

Shortly before dawn I left the hospitable house. The hall, glowing with lights and filled with an extremely happy audience, stood in stark contrast to the poorly dressed factory workers I met on the street. A hard, joyless day's work awaited them behind dark brick walls.

After about a hundred steps I stopped and looked back. On the north side of the

Original Page 77

house Zolotowa a small, milky light appeared. It flowed from the window that belonged to Maslenikov's room. The model student sat there behind his beloved books and notebooks. His daily work had no concept of time at all.

As I lay down to rest in the hotel room, my thoughts were with Vera. As she was leaving, she whispered to me: "Come for afternoon tea today, I have a new variety from Assam that is slightly magnetic. We will then chat together for a long, long time. Hm?"

I promised myself a fun hour. I fell asleep with a smile on my face.

From that point on - as I said, it was the end of May - I met Vera regularly twice a week. The fleeting acquaintance gradually developed into my first love, which I always remember fondly. She was light, joyful and happy. Lastochka (Swallow), that

dessen feingeschliffenen Wandspiegeln sich funkeln das Licht zweier Lüster brach.

Kurz vor dem Morgengrauen verließ ich das gastliche Haus. Der im Lichterglanz erstrahlende Saal, gefüllt von einem überaus fröhlichen Publikum, stand- in krassem Gegensatz zu den ärmlich gekleideten Fabrikarbeitern, die ich auf der Straße traf. Ein hartes, freudloses Tagwerk hinter düsteren Ziegelmauern wartete auf sie.

Nach einer Strecke von etwa hundert Schritten blieb ich stehen, blickte zurück. Auf der Nordseite des - 76

Hauses Zolotowa zeigte sich ein kleines, milchiges Licht. Es floß aus dem Fenster, das zu Maslenikows Zimmer gehörte. Dort saß der Musterschüler hinter seinen geliebten Büchern und Heften. Sein Tagwerk hatte überhaupt keine Zeitbegriffe.

Als ich mich im Hotelzimmer zur Ruhe legte, waren meine Gedanken bei Vera. Beim Abschied flüsterte sie mir zu: «Kommen Sie heute zum Nachmittagstee, ich habe eine neue Sorte aus Assam, die leicht magnetisch ist. Wir werden dann zusammen lange, lange plaudern. Hm?»

Ich versprach mir eine vergnügte Stunde. Mit einem Lächeln auf den Lippen schlief ich ein.

Von diesem Zeitpunkt an — es war wie gesagt Ende Mai — traf ich mich mit Vera regelmäßig zweimal in der Woche. Aus der flüchtigen Bekanntschaft entwickelte sich allmählich meine erste Liebe, an die ich mich immer gerne erinnere. Sie war licht, froh und

двух люстр сверкал в тонко ограненных настенных зеркалах.

Незадолго до рассвета я покинул гостеприимный дом. Зал, сияющий огнями и наполненный чрезвычайно счастливой публикой, резко контрастировал с плохо одетыми фабричными рабочими, которых я встретил на улице. За темными кирпичными стенами их ждал тяжелый, безрадостный трудовой день.

Примерно через сотню шагов я остановился и оглянулся. На северной стороне - 76

дома Золотова, появился маленький молочный огонек. Она текла из окна, принадлежавшего комнате Масленикова. Образцовый студент сидел за своими любимыми книгами и тетрадями. В его повседневной работе вообще не было понятия времени.

Когда я прилег отдохнуть в гостиничном номере, мои мысли были о Вере. Уходя, она прошептала мне: «Приходи сегодня на послеобеденный чай, у меня новый сорт из Ассама, слегка магнитический. Потом мы будем долго-долго болтать вместе. Хм?»

Я пообещал себе час веселья. Я заснул с улыбкой на лице.

С этого момента — как я уже говорил, это был конец мая — я встречался с Верой регулярно два раза в неделю. Мимолетное знакомство постепенно переросло в мою первую любовь, о которой я всегда с теплотой вспоминаю. Она была легкой, радостной и счастливой. Ласточка, так звали мою верную

was the name of my faithful riding horse, found the way to Kaluga and back in the night and fog without me having to pull the reins. He later found his way to the place where I met with Vera on secret dates. That was outside the city, in the park of an abandoned country estate. The ride over the wide road or along the shortening meadow and forest paths through the landscape in the summer sun and abundance was a pleasure. The bright woman's dress flashed from afar. When I got off the horse, Vera stood in front of the high, wrought-iron park gate, behind which the beautiful country house spread out in a harmonious line. While we chatted, Lastochka grazed in the meadow next to us.

This was followed by weeks that stretched into months and finally filled midsummer. The cornfields bordering the country house ripened under the heat of the sun. Cornflowers bloomed in their womb. Evening silence descended. The wind blew gently through the treetops of the dark park. We sat, huddled close together, on the green bench in the small pavilion, from which wide gravel paths led in all directions through the wide park. An elegant lifestyle of bygone times flowed from everything. Happy people may once have strolled here. What could have caused her or her descendants to leave? But didn't Ivan Turgenev already point out in his works the increasing impoverishment of the Russian nobility in the countryside? The gray walls of the country house, whose shutters were

glücklich. Lastotschka (Schwalbe), so hieß mein treues Reitpferd, fand den Weg nach Kaluga und zurück bei Nacht und Nebel, ohne daß ich die Zügel ziehen mußte. Es fand ihn später auch zu jener Stelle, wo ich mit Vera geheime Verabredungen traf. Das war außerhalb der Stadt, im Park eines verlassenen Landgutes. Der Ritt über die breite Straße oder entlang den abkürzenden Wiesen- und Waldwegen durch die in sommerlicher Sonne und Fülle stehende Landschaft war ein Genuß. Schon von weitem blinkte das helle Frauenkleid. Wenn ich vom Pferde stieg, stand Vera vor dem hohen, schmiedeisernen Parktor, hinter dem in harmonischer Linie sich das schöne Landhaus ausbreitete. Während wir plauderten, weidete Lastotschka neben uns auf der Wiese.

Es folgten Wochen, die sich zu Monaten hinzogen und zuletzt den Hochsommer ausfüllten. Die an das Landhaus grenzenden Kornfelder reiften unter der Sonnenglut. In ihrem Schoße blühten Kornblumen. Abendliche Stille senkte sich hernieder. Durch die Baumkronen des dunklen Parkes strich leise der Wind. Wir saßen, eng aneinander geschmiegt, auf der grünen Bank im kleinen Pavillon, von dem breite Kieswege nach allen Richtungen durch den weiten Park führten. Aus allem strömte ein vornehmer Lebensstil vergangener Zeiten. Hier mögen einst glückliche Menschen gelustwandelt haben. Was kann sie bzw. ihre Nachkommen zum Wegzug veranlaßt haben? Aber hat nicht schon Iwan Turgenjew in seinen Werken auf die zunehmende Verarmung des russischen Adels auf dem Lande hingewiesen? Die grauen Mauern des - 77

Landhauses, dessen Fensterläden fest verschlossen waren, bröckelten langsam ab. Auf den Kieswegen wucherten Gras und Unkraut. Und vom kleinen Pavillon hatten zwei junge Menschen Besitz genommen ...

верховую лошадь, нашла дорогу в Калугу и обратно в ночи и тумане, и мне не пришлось тянуть поводья. Позже он пробрался к тому месту, где я встречалася с Верой на тайных свиданиях. Это было за городом, в парке заброшенной усадьбы. Ехать по широкой дороге или по сокращающимся луговым и лесным тропинкам по пейзажам под летним солнцем и изобилием доставляло удовольствие. Яркое женское платье мелькнуло издалека. Когда я слез с лошади, Вера стояла перед высокими коваными парковыми воротами, за которыми стройной линией раскинулся красивый дачный дом. Пока мы болтали, Ласточка паслась на лугу рядом с нами.

За этим последовали недели, которые растянулись в месяцы и, наконец, завершились серединой лета. Кукурузные поля, граничащие с загородным домом, созревали под палящим солнцем. В ее утробе цвели васильки. Наступила вечерняя тишина. Ветер нежно гулял по верхушкам деревьев темного парка. Мы сидели, прижавшись друг к другу, на зеленой скамейке в маленьком павильоне, от которого во все стороны через широкий парк вели широкие гравийные дорожки. Из всего вытекал элегантный образ жизни былых времен. Возможно, когда-то здесь гуляли счастливые люди. Что могло заставить ее или ее потомков уйти? Но разве Иван Тургенев не указывал уже в своих произведениях на все большее обнищание русского дворянства в деревне? Серые стены загородного дома, - 77

ставни которых были плотно закрыты, медленно рушились. На гравийных дорожках росла трава и сорняки. А маленьким павильоном завладели двое молодых людей...

So summer came and went, and a golden autumn came. On September 20th, Vera celebrated her twentieth birthday, to which numerous guests were invited. It was a night full of sadness, the loud voices, the light and the music strangely didn't make me cheerful. For this reason, I left the hall shortly afterwards and went outside. There was deep darkness around me and the rustling of the trees in the park. Somewhere a magnificent male voice sang. The entire tune, sonorous and artfully constructed like a sonata, was repeated countless times with pauses for breathing. The happy singer could not be seen in the darkness. His voice sounded unspeakably pure and relaxed. He cheered because it had obviously come to him all of a sudden and he couldn't help it, regardless of whether anyone was overhearing him or not. Suddenly I heard footsteps behind me. They came closer. That was Vera, who had been looking for me everywhere. I pulled her close and we melted together in painfully restrained desire. It was as if it was enough for us to know about the other's desire and look forward to its fulfillment. The duration of a few heartbeats was enough to feel the unrestrained passion of the other person, the passion that was no longer inhibited by any reservations. Not a word passed between us.

Arm in arm, we slowly walked out to the park, to the country estate that had offered us a safe refuge all this time. The full moon rose. The calmly flowing Oka in the silver light of the moon, the wide, quiet fields and forests did not fail to have an effect on the sentimental nature of the young couple.

So kam und ging der Sommer, und ein goldener Herbst zog herauf. Am 20. September feierte Vera ihren zwanzigsten Geburtstag, zu dem wieder zahlreiche Gäste geladen waren. Es war eine Nacht voller Schwermut, die lauten Stimmen, das Licht und die Musik stimmten mich seltsamerweise nicht heiter. Aus diesem Grunde verließ ich kurz darauf den Saal und trat ins Freie. Um mich her war tiefe Finsternis und das Rauschen der Bäume im Park. Irgendwo sang eine prachtvolle Männerstimme. Die ganze Weise, wohltönend und kunstvoll wie eine Sonate aufgebaut, wiederholte sich mit eingelegten Atempausen unzählige Male. In der Dunkelheit war der frohe Sänger nicht zu erkennen. Unsagbar rein und gelöst klang seine Stimme. Er jubelte, weil es offenbar auf einmal so über ihn gekommen war und er nicht anders konnte, gleichgültig, ob ihn jemand belauschte oder nicht. Plötzlich hörte ich Schritte hinter mir. Sie kamen näher. Das war Vera, die mich überall gesucht hatte. Ich zog sie an mich, und wir verschmolzen miteinander in schmerzvoll verhaltenem Begehrn. Es war, als genügte es uns völlig, vom Verlangen des andern zu wissen und sich auf dessen Erfüllung zu freuen. Die Dauer einiger Herzschläge war hinreichend, die rückhaltlose Leidenschaft des andern zu spüren, die Leidenschaft, die durch keine Bedenken mehr gehemmt war. Kein Wort fiel zwischen uns.

Arm in Arm gingen wir langsam zum Park hinaus, jenem Landgut zu, das uns all die Zeit ein sicheres Refugium bot. Der Vollmond ging auf. Die ruhigfließende Oka im Silberschein des Mondes, die weiten, stillen Felder und Wälder verfehlten ihre Wirkung nicht auf das sentimentale Wesen des jungen Paars.

Вот и пришло лето, и наступила золотая осень. 20 сентября Вера отметила свое двадцатилетие, на которое были приглашены многочисленные гости. Это была ночь, полная печали, громкие голоса, свет и музыка, как ни странно, не прибавляли мне веселья. По этой причине вскоре после этого я покинул зал и вышел на улицу. Вокруг меня была глубокая темнота и шелест деревьев в парке. Где-то пел великолепный мужской голос. Вся мелодия, звучная и искусно построенная, как соната, повторялась бесчисленное количество раз с паузами для дыхания. Счастливого певца в темноте не было видно. Его голос звучал невыразимо чисто и расслабленно. Он обрадовался, потому что это, очевидно, пришло к нему внезапно, и он ничего не мог с этим поделать, независимо от того, подслушивал ли его кто-нибудь или нет. Внезапно я услышал шаги позади себя. Они подошли ближе. Это была Вера, которая искала меня повсюду. Я притянул ее к себе, и мы слились в болезненно сдерживаемом желании. Нам как будто было достаточно знать о желании другого и с нетерпением ждать его исполнения. Продолжительность нескольких ударов сердца была достаточна, чтобы ощутить безудержную страсть другого человека, страсть, которую уже не сдерживали никакие оговорки. Между нами не прозвучало ни слова.

Рука об руку мы медленно вышли в парк, в загородную усадьбу, которая все это время служила нам безопасным убежищем. Полная луна взошла. Спокойно текущая Ока в серебряном свете луны, широкие, тихие поля и леса не преминули повлиять на сентиментальную натуру молодой пары.

«The great open world mystery lies before us in all its beauty and glory in the light of the present day. Rejoice that you are in the world and that you are part of the miracle,” said a poet. Wasn’t it Raabe?

Vera and I sat next to each other in the small pavilion. All around is an enchanted world surrounded by shadows and lit by the moon. I held the girl in my arms. We kissed each other. So we floated for a long time between the moon and the stars. The stars slowly faded from the night sky.

“It’s getting light,” said Vera, “you have to take me home.”

I kissed her more passionately than ever. She wrapped her arms around my neck.

We walked towards the city. In the east the sky began to clear. The morning was very fresh.

“So...” I said, “you will be leaving us in three days to continue your studies at the university in Moscow. Will you forget me?”

Vera threw herself into my arms. Her trembling body pressed against mine.

“You have to write to me so that I know when I can expect you again,” I asked Vera in a pleading voice.

And when she kissed me, I felt for the first time what it means to be a man. An unprecedented

«Das große offene Weltgeheimnis liegt in seiner ganzen Schönheit und Herrlichkeit vor uns im Lichte des gegenwärtigen Tages. Freue dich, daß du mit in der Welt bist und zu dem Wunder mitgehörst», sagte ein Dichter. War es nicht Raabe?

Ich und Vera saßen nebeneinander im kleinen Pavillon. Ringsherum eine verzauberte, schattenumspielte, vom Mond erhelle Welt. Ich hielt das Mädchen in meinen Armen. Wir küßten uns. So schwebten wir lange zwischen dem Mond - 78 und den Sternen. Langsam verblaßten die Sterne auf dem nächtlichen Firmament.

«Es wird hell», sagte Vera, «du mußt mich nach Hause bringen.»

Ich küßte sie leidenschaftlicher denn je. Sie schloß ihre Arme um meinen Hals.

Wir gingen auf die Stadt zu. Im Osten begann sich der Himmel zu lichten. Der Morgen war sehr frisch.

«Also ...», sagte ich, «du wirst uns in drei Tagen verlassen, um dein Studium an der Universität in Moskau fortzusetzen. Wirst du mich vergessen?»

Vera warf sich mir in die Arme. Ihr bebender Körper preßte sich gegen den meinen.

«Du mußt mir schreiben, damit ich weiß, wann ich dich wieder erwarten darf», bat ich Vera mit flehender Stimme.

Und wie sie mich küßte, da fühlte ich zum erstenmal, was es heißt, ein Mann zu sein. Ein nie gekanntes

«Великая тайна открытого мира лежит перед нами во всей своей красе и славе в свете сегодняшнего дня. «Радуйся, что ты есть в мире и что ты часть чуда», — сказал поэт. Разве это не Раабе?»

Мы с Верой сидели рядом в маленьком павильоне. Вокруг волшебный мир, окруженный тенями и освещенный луной. Я держал девочку на руках. Мы поцеловали друг друга. Так мы долго плавали между луной и звездами. Звезды медленно исчезли с ночного неба.

«Светлеет,» - сказала Вера, «ты должен отвезти меня домой.»

Я поцеловал ее еще страстнее, чем когда-либо. Она обвила руками мою шею.

Мы шли в сторону города. На востоке небо начало проясняться. Утро было очень свежим.

«Итак...» сказал я, «вы через три дня покинете нас, чтобы продолжить обучение в университете в Москве. Ты забудешь меня?»

Вера бросилась мне в объятия. Ее дрожащее тело прижалось к моему.

«Ты должна мне написать, чтобы я знала, когда тебя снова ждать», — умоляющим голосом спросил я Веры.

И когда она меня поцеловала, я впервые почувствовал, что значит быть мужчиной.

feeling blazed within me. It was a sudden passion, sweeping everything else aside, that overwhelmed me...

With her genuine innocence, her joyful laugh and her warm, fresh beauty, Vera was the realization of my dream.

Vera said that we should get married as soon as possible. Afterwards I would work and earn money to support a family with many children. Just like it says in the storybook. Everything seemed to be complete, but then things turned out completely differently.

The great wish of my relatives, who raised me in Switzerland, was that I should enter into marriage unaffected by contact with other women. In her thinking she was undoubtedly guided by the best intentions for my moral welfare. However, I never believe that this purely theoretical principle could actually be a great blessing. Looking back, I would now like to say openly that excessive abstention in this area - be it for religious, moral-ethical or other reasons - seems to me to be downright unnatural. Even more: some of the errors of many young people can definitely be traced back to their fanatical avoidance of contact with the opposite sex, at a time when the growing, healthy youth naturally wants to give and take.

Gefühl loderte in mir. Es war eine plötzliche, alles andere beiseite fegende Leidenschaft, die mich überwältigte ...

Mit ihrer echten Unschuld, ihrem fröhlichen Lachen und ihrer warmen, frischen Schönheit war Vera die Verwirklichung meines Traumes.

Vera sagte, daß wir uns so schnell wie möglich heiraten sollten. Nachher würde ich arbeiten, Geld verdienen, um eine Familie mit vielen Kindern ernähren zu können. Ganz so, wie es im Märchenbuch steht. Alles schien vollendet zu sein, aber es kam dann ganz anders.

Der große Wunsch meiner Verwandten, die mich in der Schweiz erzogen, war, ich sollte unberührt vom Umgang mit anderen Frauen in den Ehestand treten. Bei ihrem Denken war sie zweifellos von der besten Absicht für mein sittliches Heil geleitet. Allein, ich glaube niemals, auf diesem rein theoretisch aufgebautem Grundsatz könne in Wahrheit großer Segen liegen. Rückschauend möchte ich heute in aller Offenheit sagen, daß mir die übertriebene Enthaltung auf diesem Gebiet — sei es aus religiösen, sittlich-ethischen oder anderen Gründen — als glatte Unnatur erscheint. Noch mehr: Manche Irrung vieler junger Menschen kann unbedingt auf ihre fanatische Fernhaltung vom Umgang mit dem anderen Geschlecht zurückgeführt werden, zu einer Zeit, in der die heranwachsende, gesunde Jugend auf natürliche Weise geben und nehmen will. - 79

Во мне вспыхнуло небывалое чувство. Это была внезапная страсть, сметающая все остальное, которая охватила меня...

Вера с ее искренней невинностью, радостным смехом и теплой свежей красотой стала осуществлением моей мечты.

Вера сказала, что нам надо пожениться как можно скорее. Потом я буду работать и зарабатывать деньги, чтобы содержать многодетную семью. Точно так, как сказано в сборнике рассказов. Казалось бы, все было завершено, но потом все сложилось совсем иначе.

Большим желанием моих родственников, воспитавших меня в Швейцарии, было, чтобы я вступил в брак, не затрагиваясь контактами с другими женщинами. В своих мыслях она, несомненно, руководствовалась лучшими намерениями о моем нравственном благополучии. Однако я никогда не верю, что этот чисто теоретический принцип на самом деле может оказаться великим благом. Оглядываясь назад, я хотел бы сейчас сказать открыто, что чрезмерное воздержание в этой области - будь то по религиозным, морально-этическим или другим причинам - кажется мне совершенно противоестественным. Более того: некоторые ошибки многих молодых людей определенно можно объяснить их фанатичным избеганием контактов с противоположным полом в то время, когда растущая, здоровая молодежь естественным образом хочет давать и брать. - 79

Original Page 80

The Academic Youth Revolt

After the university in Moscow was temporarily closed in 1905 due to student unrest, a long period of calm followed. However, this calm was only superficial; in reality, the fire continued to smolder underground. Secret meetings were held at which agents of the revolutionary movement appeared as speakers and tried to win over the student body to their cause. They had an easy time of it, because academic youth had always been at the forefront of the fight against the terror that the Interior Ministry used to suppress free thought. In their majority, they formed an opposition that should not be underestimated against government power and thus against the monarchy.

The Russian Empire consists of Russia proper, the Caucasus, Central Asia and vast Siberia. That's about one-sixth of the Earth's total land area. A real census based on the European model did not take place in Russia until February 9, 1897. Previously, to determine the poll tax, estimates, the so-called revisions (10 in total), were made from time to time, which were later followed by calculations. According to this the population was 91 million. In terms of area, geographical location, population and its political and economic importance, Russia is without a doubt a great power of the first rank.

Serfdom prevailed until 1861. The landowners could treat their serfs as they pleased, lose or win at the gambling table, buy them and resell them,

Die akademische Jugend revoltiert

Nachdem die Universität in Moskau schon im Jahre 1905 wegen Studentenunruhen vorübergehend geschlossen worden war, folgte eine längere Zeit der Ruhe. Diese Ruhe war jedoch nur scheinbar, in Wirklichkeit glommte das Feuer im Untergrund weiter. Es wurden geheime Meetings abgehalten, an denen Agenten der revolutionären Bewegung als Redner auftraten und versuchten, die Studentenschaft für ihre Sache zu gewinnen. Sie hatten dabei leichtes Spiel, denn die akademische Jugend kämpfte seit jeher in vorderster Linie gegen den Terror, den das Innenministerium zur Unterdrückung des freiheitlichen Gedankens anwandte. In ihrer Mehrzahl bildete sie eine nicht zu unterschätzende Opposition gegen die Regierungsmacht und damit gegen die Monarchie.

Das russische Reich besteht aus dem eigentlichen Rußland, dem Kaukasus, dem Zentralasien und dem riesigen Sibirien. Das ist ungefähr der sechste Teil des gesamten Festlandes der Erde. Eine wirkliche Volkszählung nach europäischem Muster fand in Rußland erst am 9. Februar 1897 statt. Vorher wurden nur zur Feststellung der Kopfsteuer von Zeit zu Zeit Abschätzungen, die sog. Revisionen (im ganzen 10), vorgenommen, denen später Berechnungen folgten. Hiernach betrug die Bevölkerung 91 Millionen. Nach dem Flächeninhalt, der geographischen Lage, der Einwohnerzahl sowie entsprechend seiner politischen und wirtschaftlichen Bedeutung ist Rußland ohne Zweifel eine Großmacht ersten Ranges.

Bis 1861 herrschte die Leibeigenschaft. Die Gutsbesitzer konnten ihre Leibeigenen nach Gutdünken

Академическая молодежь возмущается

После того как университет в Москве был временно закрыт в 1905 году из-за студенческих волнений, наступил длительный период затишья. Однако это спокойствие было лишь кажущимся, на самом деле огонь продолжал тлеть под землей. Проводились тайные собрания, на которых выступали в качестве ораторов агенты революционного движения и пытались привлечь студенчество на свою сторону. Им было легко, потому что академическая молодежь всегда была на переднем крае борьбы с террором, который МВД использовало для подавления свободомыслия. В своем большинстве они сформировали оппозицию, которую нельзя недооценивать против государственной власти и, следовательно, против монархии.

Российская империя состоит из собственно России, Кавказа, Средней Азии и обширной Сибири. Это примерно одна шестая всей площади суши Земли. Настоящая перепись по европейскому образцу состоялась в России только 9 февраля 1897 года. Раньше для определения подушного налога время от времени производились оценки, так называемые корректировки (всего 10), за которыми в дальнейшем следовали расчеты. Согласно этому население составляло 91 миллион. По площади, географическому положению, населению и своему политическому и экономическому значению Россия, без сомнения, является великой державой первого ранга.

Крепостное право господствовало до 1861 года. Помещики могли обращаться со своими крепостными

or banish them to Siberia as a punishment without a court judgment.

It is impossible to imagine how many human tragedies have occurred in this country over the centuries.

With Ukas of March 3, 1861, Tsar Alexander II abolished serfdom. The farmers received an average of three types of land, but had to hand over 50 percent of the harvest to the landowners as gradual amortization, up to two billion rubles, an enormous amount of money for those times.

Russia is a very agricultural country. Since there used to be little industry, the labor movement started relatively late.

Original Page 81

It was only in the second half of the 19th century that more and more factories were built; With them came the poorly paid working masses.

Their leaders also came forward. Georg Plekhanov founded the first Marxist group in 1883, which called itself Osvoboschdenie Truda (German: Liberation of the Working People). She was committed to the teachings of Karl Marx. Marx is the creator of modern socialism, his main work, "Capital," provides plenty of information about the thought process of this social politician.

Plekhanov founded the group mentioned not in Russia, but in Geneva, where he had fled from police persecution. From there he led the

behandeln, sie am Spieltisch verlieren oder gewinnen, sie kaufen und Weiterverkaufen oder strafweise, ohne gerichtliches Urteil, nach Sibirien verbannen.

Man kann sich davon gar keinen Begriff machen, wieviele menschliche Tragödien sich während Jahrhunderten in diesem Lande abgespielt haben.

Mit Ukas vom 3. März 1861 schaffte der Zar Alexander II die Leibeigenschaft ab. Die Bauern erhielten im Durchschnitt drei Jucharten Land, mußten aber 50 Prozent der Ernte als sukzessive Amortisation den Gutsbesitzern abliefern, und zwar bis zur Höhe von zwei Milliarden Rubel, für damalige Zeiten eine ungeheure Summe Geld.

Rußland ist ein ausgesprochenes Agrarland. Da es früher wenig Industrie hatte, setzte die Arbeiterbewegung - 80

verhältnismäßig spät ein. Erst in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts entstanden immer mehr Fabriken; mit ihnen kamen auch die schlecht bezahlten Arbeitermassen.

Es meldeten sich auch ihre Führer. So gründete Georg Plechanow im Jahre 1883 die erste marxistische Gruppe, die sich Osvoboschdenie Truda (deutsch: Befreiung der Werktätigen) nannte. Sie bekannte sich zur Lehre von Karl Marx. Marx ist der Schöpfer des modernen Sozialismus, sein Hauptwerk, «Das Kapital», gibt reichlich Auskunft über den Gedankengang dieses Sozialpolitikers.

Plechanow gründete die genannte Gruppe nicht etwa in Russland, sondern in Genf, wohin er sich vor der polizeilichen Verfolgung geflüchtet hatte. Von dort aus

как угодно, проигрывать или выигрывать за игрным столом, покупать их и перепродавать или сосыпать в Сибирь в качестве наказания без решения суда.

Невозможно представить, сколько человеческих трагедий произошло в этой стране за столетия.

Указом от 3 марта 1861 года царь Александр II отменил крепостное право. Крестьяне получали в среднем три вида земли, но 50 процентов урожая должны были сдавать помещикам в порядке постепенной амортизации, до двух миллиардов рублей, огромные по тем временам деньги.

Россия – очень аграрная страна. Поскольку раньше промышленности было мало, рабочее движение - 80

началось относительно поздно. Лишь во второй половине XIX века строилось все больше и больше фабрик; Вместе с ними пришли низкооплачиваемые рабочие массы.

Выступили и их лидеры: Георг Плеханов в 1883 году основал первую марксистскую группу, называвшую себя «Освобождение труда». Она была приверженцем учения Карла Маркса. Маркс – создатель современного социализма, его главный труд «Капитал» дает массу информации о мыслительном процессе этого социального политика.

Плеханов основал упомянутую группу не в России, а в Женеве, куда он бежал от

revolutionary movement in his homeland. For the time being, Sasulitsch and Axelrod were his closest employees. In this way, the Socialist-Revolutionary Party of Russia, often called the Social Democratic Party, came into being. Ideologically they were probably largely identical concepts.

Later came Vladimir Ilyich Lenin, or rather Ulianov, called Lenin. He was born in Simbirsk on the Volga in 1870. Lenin entered the university in Kazan in 1887, when he was only 17, but soon had to leave because of the revolutionary activity among his fellow students. He continued his studies self-taught. But since he didn't give up and was constantly pursued by the police, he moved to Saint Petersburg in 1893. There, Lenin immediately gave a powerful impetus to the workers' movement launched by Plekhanov. He firmly believed in what he said and was able to win over the masses thanks to his brilliant oratory skills. Meetings, strikes and unrest followed non-stop.

But the tsarist government quickly took action. She had Lenin arrested and deported to Siberia. He was given the small fishing village of Medvedevo as his place of residence. Medvedevo is located on the Lena River. This is where the revolutionary pseudonym "Lenin" comes from. Friends helped Lenin escape abroad.

On July 30, 1903, 22 delegates from the Russian Socialist-Revolutionary Party gathered for a meeting in Brussels. The meeting was secret

leitete er die revolutionäre Bewegung in seiner Heimat. Vorerst waren Sasulitsch und Axelrod seine nächsten Mitarbeiter. Auf diese Weise entstand die Sozialistisch-Revolutionäre Partei Rußlands, vielfach auch Sozialdemokratische Partei genannt. Ideologisch dürften sie weitgehend identische Begriffe gewesen sein.

Später kam Wladimir Ilitsch Lenin oder besser gesagt Ulianow, genannt Lenin. Er wurde 1870 in Simbirsk an der Wolga geboren. Lenin bezog 1887, also erst 17 jährig, die Universität in Kasan, mußte sie aber bald wegen der revolutionären Tätigkeit unter seinen Kommilitonen wieder verlassen. Er setzte das Studium autodidaktisch fort. Da er aber nicht locker ließ und von der Polizei ständig verfolgt wurde, siedelte er 1893 nach Sankt Petersburg über. Dort gab Lenin der von Plechanow ins Leben gerufenen Arbeiterbewegung sogleich einen mächtigen Impuls. Er glaubte fest an das, was er sagte, und vermochte dank seiner glänzenden Rednergabe die Massen für sich zu gewinnen. Es folgten Meetings, Streiks und Unruhen am laufenden Band.

Aber die Zarenregierung griff rasch zu. Sie ließ Lenin verhaften und nach Sibirien deportieren. Als Aufenthaltsort wurde ihm das kleine Fischerdorf Medwedewo angewiesen. Medwedewo liegt am Flusse Lena. Von dort stammt das revolutionäre Pseudonym «Lenin» her. Freunde verhalfen Lenin zur Flucht ins Ausland.

Am 30. Juli 1903 versammelten sich 22 Delegierte der Sozialistisch- Revolutionären Partei Rußlands

полицейского преследования. Оттуда он возглавил революционное движение на своей родине. В то время Сасулич и Аксельрод были его ближайшими сотрудниками. Так возникла Партия социалистов-революционеров России, часто называемая социал-демократической партией. Идеологически это, вероятно, были во многом идентичные концепции.

Позже появился Владимир Ильич Ленин, точнее Ульянов, прозванный Лениным. Он родился в Симбирске на Волге в 1870 году. Ленин поступил в университет в Казани в 1887 году, когда ему было всего 17 лет, но вскоре был вынужден покинуть его из-за революционной активности среди сокурсников. Он продолжил обучение самоучкой. Но так как он не сдавался и его постоянно преследовала полиция, в 1893 году он переехал в Петербург. Там Ленин сразу же дал мощный толчок рабочему движению, начатому Плехановым. Он твердо верил в то, что говорил, и смог расположить к себе массы благодаря блестящему ораторскому мастерству. Митинги, забастовки и беспорядки следовали безостановочно.

Но царское правительство быстро приняло меры. Она приказала арестовать и депортировать Ленина в Сибирь. Местом жительства ему выделили небольшой рыбакский поселок Медведево. Медведево расположено на реке Лена. Отсюда и произошел революционный псевдоним «Ленин». Друзья помогли Ленину бежать за границу.

30 июля 1903 года 22 делегата Российской

but was discovered and busted by police. It was then decided to go to London. The program for the dictatorship of the proletariat was to be laid down there. The delegates did not agree on the wording. There were two variants or two directions. Lenin immediately went all out. He was in favor of fighting the tsarist government using all means possible. He made three demands: firstly, weapons, secondly, more weapons and thirdly, constant weapons to carry out a violent overthrow in Russia. Plekhanov supported him, at least for the time being.

On the other side, Martov was at the head, with Axelrod, Zazulich and Trotsky following him. This direction was in favor of negotiating amicably with the tsarist government, at best making compromises, and thus guiding the struggle on a political level into calmer channels.

There was a split. From then on, the spirited Lenin led the Bolshevik party, the cautious Martov the Menshevik party in Russia. Bolsheviks comes from the word "bolsche" (German: more) and Mensheviks comes from "mensche" (German: less). These terms indicate the demands of both parties.

In the same year, Russia became involved in a war with Japan and was defeated. This war suited Lenin. He smelled morning air, immediately traveled to Russia and developed a lively activity there. But it soon became

zu einer Tagung in Brüssel. Die Versammlung war geheim, wurde jedoch von der Polizei entdeckt und aufgehoben. Hierauf entschloß man sich für London. Dort sollte das Programm über die Diktatur - 81 des Proletariates festgelegt werden. In Bezug auf die Formulierung waren sich die Delegierten nicht einig. Es ergaben sich zwei Varianten, bzw. zwei Richtungen. Lenin ging sogleich aufs Ganze. Er war für den Kampf mit allen Mitteln gegen die Zarenregierung. Dabei stellte er drei Forderungen: Erstens Waffen, zweitens nochmals Waffen und drittens immerfort Waffen zur Durchführung eines gewaltsamen Umsturzes in Rußland. Plechanow unterstützte ihn dabei, wenigstens vorderhand.

Auf der anderen Seite stand Martow an der Spitze, dem Axelrod, Sasulitsch und Trotzki Gefolgschaft leisteten. Diese Richtung war dafür, mit der Zarenregierung auf gütlichem Wege zu verhandeln, allenfalls auf Kompromisse einzugehen, und so den Kampf auf politischer Ebene in ruhige Bahnen zu leiten.

Es kam zu einer Spaltung. Der temperamentvolle Lenin führte von da an die bolschewistische, der bedächtige Martow die menschewistische Partei Rußlands. Bolschewisten kommt vom Wort «bolsche» (deutsch: mehr) und Menschewisten von «mensche» (deutsch: weniger). Diese Bezeichnungen deuten auf die Forderungen der beiden Parteien hin.

Im gleichen Jahre verwandelte sich Rußland in einen Krieg mit Japan, wobei es unterlag. Dieser Krieg kam Lenin gelegen. Er witterte Morgenluft, verreiste sogleich nach Rußland und entfaltete dort eine rege

партии социалистов-революционеров собрались на совещание в Брюсселе. Встреча была тайной, но была обнаружена и задержана полицией. Тогда было решено поехать в Лондон. Там должна была быть заложена программа диктатуры пролетариата. Делегаты не согласились с формулировкой. Было два варианта или два направления. Ленин сразу же выложился по полной. Он был за то, чтобы бороться с царским правительством всеми возможными средствами. Он выдвинул три требования: во-первых, оружия, во-вторых, большого количества оружия и, в-третьих, постоянного оружия для осуществления насильственного переворота в России. Плеханов поддержал его, по крайней мере пока.

С другой стороны, во главе стоял Мартов, за ним следовали Аксельрод, Зазулич и Троцкий. Это направление было в пользу дружественных переговоров с царским правительством, в лучшем случае идущих на компромиссы и направляющих таким образом борьбу на политическом уровне в более спокойное русло.

Произошел раскол. С этого момента энергичный Ленин возглавил большевистскую партию, а осторожный Мартов — меньшевистскую партию в России. Слово «большевики» происходит от слова «bolsche» (немецкое: больше), а меньшевики — от слова «mensche» (немецкое: меньше). Эти условия отражают требования обеих сторон.

В том же году Россия ввязалась в войну с Японией и потерпела поражение. Эта война устраивала Ленина. Он почуял утренний воздух, немедленно отправился в Россию и развел там оживленную деятельность.

clear that the masses of workers and peasants were still too little prepared for the revolution. The uprisings occurred sporadically rather than suddenly. In particular, there were widespread riots in major cities such as Saint Petersburg, Moscow, Kiev, etc. The Black Sea Fleet also revolted. The sailors threw their officers overboard and opened fire on the port city of Sevastopol with long-range guns. The Baltic squadron in Kronstadt expressed its sympathy for the revolutionaries, but did not actively intervene. In the countryside, the farmers rose up, burned down the manor houses in many places and killed the landowners.

Many heads fell, but in vain, the balance could not tip in favor of the revolution because, as already indicated, the organization failed. The government rushed to make peace with Japan, withdraw the army from the Far East and demobilize. Then it deployed guard regiments and

Original Page 83

these loyal servants of the Tsar - to suppress the uprisings. It was successful, calm reigned and Lenin fled abroad again.

But the crown still had to deal with fear. — Niklaus II issued a manifesto on October 30, 1905, according to which Russia was granted a popular representative body, the Reich Duma. For the first time in history, the prerogatives of the autocrat of all Russians were restricted.

Such were the conditions at the time when Wassily Petrovich Maslenikov moved into Moscow University.

Tätigkeit. Aber es erwies sich bald, daß die Massen der Arbeiter und Bauern auf die Revolution noch zu wenig vorbereitet waren. Die Aufstände erfolgten sporadisch, anstatt schlagartig. Vor allem kam es in den großen Städten wie Sankt Petersburg, Moskau, Kiew usw. zu umfangreichen Unruhen. Ferner revoltierte die Schwarzmeerflotte. Die Matrosen warfen ihre Offiziere über Bord und nahmen die Hafenstadt Sewastopol mit weittragenden Geschützen unter Feuer. Das baltische Geschwader in Kronstadt bezeugte den Revolutionären seine Sympathie, griff indessen nicht aktiv ein. Auf dem Lande erhoben sich die Bauern, brannten vielerorts die Herrensitze nieder und brachten die Gutsbesitzer um.

Viele Köpfe fielen, doch umsonst, das Zünglein an der Waage vermochte sich nicht zugunsten der Revolution zu neigen, weil, wie bereits angedeutet, die Organisation versagte. Die Regierung beeilte sich, mit Japan Frieden zu schließen, die Armee aus dem Fernen Osten zurückzuziehen und zu demobilisieren. Dann setzte sie Garderegimenter und - 82

Kosaken — diese treuen Diener des Zaren — zur Unterdrückung der Aufstände ein. Sie hatte Erfolg, es trat Ruhe ein, Lenin floh abermals ins Ausland.

Aber die Krone bekam es doch mit der Angst zu tun. — Niklaus II. erließ am 30. Oktober 1905 ein Manifest, laut dem Rußland eine Volksvertretung, die Reichsduma, zugestanden wurde. Zum ersten Mal in der Geschichte wurden die Vorrechte des Selbstherrschers aller Reußen eingeschränkt.

So waren die Verhältnisse zu jener Zeit, als Wassiliy Petrowitsch Maslenikow die Moskauer Universität

Но вскоре выяснилось, что массы рабочих и крестьян еще слишком мало подготовлены к революции. Восстания происходили спорадически, а не внезапно. В частности, массовые беспорядки прошли в крупных городах, таких как Санкт-Петербург, Москва, Киев и т. д. Черноморский флот тоже восстал. Матросы выбросили своих офицеров за борт и открыли огонь по портовому городу Севастополю из дальнобойных орудий. Балтийская эскадра в Кронштадте выразила сочувствие революционерам, но активно не вмешалась. В деревне восстали крестьяне, во многих местах сожгли усадебные дома и убили помещиков.

Многие головы упали, но напрасно, чаша весов не могла склониться в пользу революции, поскольку, как уже указывалось, организация потерпела крах. Правительство поспешило заключить мир с Японией, вывести армию с Дальнего Востока и провести демобилизацию. Тогда она направила охранные полки и — 82

казака — этих верных слуг царя — для подавления восстаний. Она удалась, воцарилось спокойствие и Ленин снова сбежал за границу.

Но короне все же пришлось бороться со страхом. — Никлаус II издал 30 октября 1905 года манифест, согласно которому России предоставлялся народный представительный орган — рейхсдума. Впервые в истории были ограничены прерогативы самодержца всех русских.

Таковы были условия в то время, когда Василий Петрович Масленников поступил в Московский

Lenin was somewhere abroad, temporarily in London, Zurich and Bern, but he had the reins firmly in his hands. Emissaries traveled back and forth between him and his main followers in Russia.

Maslenikov passed his high school diploma with the highest honor that the tsarist secondary schools could award: the gold medal. He did not let up in his enthusiasm at the university. After a year he took the preliminary examination for medical students, the so-called Physics. I rarely saw him, like when I went to see his father. There he set up a miniature anatomical laboratory during his university holidays in the summer, primarily for the purpose of dissecting frogs. An old farmer contracted paratyphoid fever. Strangely enough, he did not call for the experienced district doctor, but rather the young medical student Maslenikov, whom he had known as a small boy and who had complete trust in him because he was one of their own. As is well known, typhus is an epidemic disease that occurs very frequently in Russia and, due to the lack of specific medication, claims many victims every year. Maslenikov fearlessly went into the old farmer's dilapidated hut, treated his first patient with selfless sacrifice, but was unable to save him. As a precaution, he had the farmhouse disinfected using appropriate means so that this case was limited to himself.

I was previously unaware of Maslenikov's political views. Only once, when I visited him

bezog. Lenin saß irgendwo im Ausland, zeitweise in London, Zürich und Bern, hatte aber die Zügel fest in der Hand. Zwischen ihm und seinen hauptsächlichsten Gefolgsleuten in Rußland reisten Emissäre hin und her.

Maslenikow bestand das Abiturium mit der höchsten Auszeichnung, welche die zaristischen Mittelschulen zu vergeben hatten: die Goldmedaille. Er ließ auch an der Hochschule im Eifer keineswegs nach. Nach einem Jahr legte er die Vorprüfung für Medizinstudenten, das sog. Physikum, ab. Ich bekam ihn selten zu sehen, etwa dann, wenn ich zu seinem Vater ging. Dort richtete er sich im Sommer, während den Universitätsferien ein anatomisches Laboratorium in Miniaturausgabe ein, vorwiegend zu dem Zwecke, um Frösche zu sezieren. Ein alter Bauer erkante an Paratyphus. Sonderbarerweise ließ er nicht etwa den erfahrenen Bezirksarzt rufen, sondern den jungen Medizinstudenten Maslenikow, den er schon als kleinen Knaben gekannt hatte und ihm volles Vertrauen entgegenbrachte, weil er einer der ihrigen war. Typhus ist bekanntlich eine epidemische Krankheit, die in Rußland sehr häufig auftritt und mangels spezifischer Medikamente Jahr für Jahr viele Opfer fordert. Maslenikow ging furchtlos in die baufällige Hütte des alten Bauern, behandelte seinen ersten Patienten mit selbstloser Aufopferung, konnte ihn jedoch nicht mehr retten. Vorsichtigerweise ließ er das Bauernhaus mit entsprechenden Mitteln desinfizieren, so daß dieser Fall auf sich beschränkt blieb.

Es war mir bisher nicht bekannt, welche politischen Ansichten Maslenikow vertrat. Nur ein einziges Mal,

университет. Ленин находился где-то за границей, временно в Лондоне, Цюрихе и Берне, но бразды правления крепко держал в своих руках. Эмиссары путешествовали между ним и его основными последователями в России.

Аттестат о среднем образовании Маслеников сдал с самой высокой наградой, какую только могли удостоить царские средние школы: золотой медалью. В университете он не унимался в своем энтузиазме. Через год он сдал вступительный экзамен для студентов-медиков, так называемую физику. Я редко видел его, например, когда ходил навестить его отца. Там он организовал миниатюрную анатомическую лабораторию во время летних каникул в университете, главным образом для препарирования лягушек. Старый фермер заболел паратифом. Как ни странно, он позвал не опытного участкового врача, а молодого студента-медика Масленикова, которого знал еще маленьким мальчиком и который полностью доверял ему, потому что он был своим. Как известно, сыпной тиф – эпидемическое заболевание, которое в России встречается очень часто и из-за отсутствия специфических лекарств ежегодно уносит множество жертв. Маслеников бесстрашно вошел в ветхую избу старого крестьянина, с самоотверженной жертвой лечил своего первого больного, но не смог его спасти. В качестве меры предосторожности он продезинфицировал фермерский дом соответствующими средствами, чтобы этот случай ограничился им самим.

О политических взглядах Масленикова я ранее не знал. Лишь однажды, когда я был у него в Калуге, он

in Kaluga, did he express his displeasure at the inadequate pay of workers and the general hardship in Russia. I would soon find out more about his work in this area.

At the end of June 1909, eight students from

Original Page 84

Moscow University were expelled because of revolutionary activities. The entire student body responded to this measure with a call to protest. They gathered in the college auditorium. Some speakers took a strong stance against the rectorate because of the exclusion of their fellow students. The assembly decided in a resolution to demand immediate rehabilitation of the reprimanded students. The Rector Magnificus at the time, Professor Mikhailov, rejected this request, apparently also in a harsh manner. When the students responded to the rejection of their request with a big row in the lecture halls, the university was closed for an indefinite period by order of the Minister of the Interior, Prince P. D. Svyatopolk-Mirsky. The students faced a test of strength that initially had no prospect of success. They announced a mass rally on Okhotnij Rjäd (Hunters' Square), which is directly in front of the university building. The Interior Ministry promptly lifted the gauntlet. It used Cossacks to break up the meeting. As soon as the first speaker climbed onto the makeshift stand, the tramp of horses was heard. "The Cossacks are coming!" the frightened participants shouted and ran away. But the mob remained and defied the advancing cavalry.

als ich ihn in Kaluga besuchte, gab er seinem Mißfallen über die ungenügende Entlohnung der Arbeitnehmer und der allgemeinen Not in Rußland Ausdruck. Bald sollte ich über seine Tätigkeit auf diesem Gebiet näheren Aufschluß erhalten.

Ende Juni 1909 wurden acht Studenten der Moskauer - 83

Universität wegen revolutionärer Umtriebe relegiert. Die gesamte Studentenschaft beantwortete diese Maßregelung mit einem Aufruf zum Protest. Sie versammelte sich in der Aula der Hochschule. Einige Redner nahmen wegen dem Ausschluß ihrer Kommilitonen gegen das Rektorat in scharfer Form Stellung. Die Versammlung beschloß in einer Resolution, die Forderung auf unverzügliche Rehabilitierung der gemaßregelten Hochschüler zu stellen. Der damalige Rector magnificus, Professor Michailow, lehnte dieses Ansinnen ab, anscheinend ebenfalls in schroffer Weise. Als die Studenten die Ablehnung ihres Verlangens mit einem großen Krach in den Hörsälen beantworteten, wurde die Universität auf Anordnung des Innenministers, Fürst P. D. Swyatopolk-Mirski, auf einen unbefristeten Zeitpunkt geschlossen. Die Studenten ließen es auf eine Kraftprobe ankommen, die zum vornherein keine Aussicht auf Erfolg versprach. Sie kündeten eine Massenkundgebung auf dem Ochotnij Rjäd (Jägerplatz) an, der direkt vor dem Universitätsgebäude liegt. Das Innenministerium hob den Fehdehandschuh prompt auf. Es setzte Kosaken ein, um die Versammlung zu sprengen. Kaum hatte der erste Redner die behelfsmäßig errichtete Tribüne bestiegen, vernahm man Pferdegetrampel. «Die Kosaken kommen!» riefen die furchtsamen Teilnehmer und rannten davon. Doch der Gewalthaufen blieb und bot der anrückenden Reiterei die Stirn.

выразил недовольство недостаточной зарплатой рабочих и общими трудностями в России. Вскоре мне предстояло узнать больше о его работе в этой области.

В конце июня 1909 года восемь студентов - 83

Московского университета были отчислены за революционную деятельность. Все студенческое сообщество отреагировало на эту меру призывом к протесту. Они собрались в актовом зале колледжа. Некоторые ораторы заняли решительную позицию против ректората из-за исключения своих сокурсников. Собрание постановило в резолюции потребовать немедленной реабилитации получивших выговор студентов. Тогдашний ректор Магнификус профессор Михайлов отклонил эту просьбу, видимо, тоже в резкой форме. Когда на отказ в их просьбе студенты ответили большим скандалом в аудиториях, университет был закрыт на неопределенный срок по приказу министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского. Студентам предстояло испытание на прочность, которое изначально не имело никаких шансов на успех. Они анонсировали массовый митинг на Охотном Ряде (Площади Охотников), который находится прямо перед зданием университета. Министерство внутренних дел тут же подняло перчатку. Чтобы разогнать собрание, оно использовало казаков. Как только первый оратор поднялся на импровизированную трибуну, послышался топот лошадей. «Казаки идут!» испуганные участники закричали и убежали. Но толпа осталась и бросила вызов наступающей кавалерии.

A Cossack officer rode on horseback ahead of his detachment. In a loud voice, he called on the demonstrators to disperse immediately and move away. His words were met with derisive laughter. The officer became furious and gave the order to disperse the students by force. As the Cossacks swept across the wide square with their Nagaika (whip made of leather and wire), isolated revolver shots were fired from the crowd. Three men fell from their horses. Now the angry Cossacks struck with their naked sabers. The masses sought salvation in wild flight. They threaded their way through the many streets towards the outer quarters. Over a hundred people with minor and serious injuries had to seek medical treatment.

Police agents who were among the demonstrators in civilian clothes thought they recognized some of the gunmen and spokesmen. The official announcement stated that the names of the main culprits in the

Original Page 85
bloody events on Jägerplatz had been identified and had been expelled from the university with immediate effect. Their arrest and trial are imminent.

It was mid-summer heat; the nights were humid and full of mosquitoes. I lay on the bed in Murentsevo with my eyes open, but could not find sleep despite the late hour. Suddenly, through the stillness of the night, I heard clearly and distinctly the mournful calls of an owl. I didn't pay any attention to it because there were a lot of owls nesting in the nearby park. But this owl didn't stop

Ein Kosakenoffizier ritt hoch zu Pferd seiner Abteilung voraus. Mit lauter Stimme forderte er die Demonstranten auf, sich sofort zu zerstreuen und wegzugehen. Seine Worte wurden mit Hohngelächter erwidert. Darob fuchsteufelswild geworden, gab der Offizier den Befehl, die Studenten mit Gewalt auseinanderzutreiben. Als die Kosaken mit der Nagaika (Peitsche aus Leder und Draht) über den weiten Platz heranfegten, fielen aus der Menge vereinzelte Revolverschüsse. Drei Mann stürzten von ihren Pferden. Jetzt schlugen die erbosten Kosaken mit dem blanken Säbel drein. Die Masse suchte ihr Heil in wilder Flucht. Sie fädelte sich durch die vielen Straßen den Außenquartieren zu. Ueber einhundert leicht- und schwerverletzte Menschen mußten sich, in ärztliche Behandlung begeben.

Polizeiagenten, die sich in Zivilkleidern unter den Demonstranten befanden, glaubten einige Revolverschützen und Wortführer erkannt zu haben. In der amtlichen Verlautbarung hieß es, daß die Namen der Hauptschuldigen an den - 84

blutigen Ereignissen auf dem Jägerplatz festgestellt werden konnten und mit sofortiger Wirkung aus der Hochschule ausgeschlossen worden seien. Ihre Verhaftung und Aburteilung stehe bevor.

Es herrschte hochsommerliche Hitze; die Nächte waren schwül und mückenreich. Ich lag in Murenzewo mit offenen Augen auf dem Bett, konnte aber trotz vorgerückter Stunde den Schlaf nicht finden. Plötzlich hörte ich durch die Stille der Nacht klar und deutlich die klagenden Rufe einer Eule. Ich schenkte dem keine weitere Beachtung, denn Eulen gab es in großer Zahl, sie nisteten im nahen Park. Aber diese Eule hier ließ es nicht

Впереди своего отряда верхом ехал казачий офицер. Громким голосом он призвал демонстрантов немедленно разойтись и уйти. Его слова были встречены насмешливым смехом. Офицер разозлился и отдал приказ силой разогнать студентов. Когда казаки пронеслись по широкой площади со своими нагайками (нагайками из кожи и проволоки), из толпы раздались отдельные револьверные выстрелы. Трое мужчин упали с лошадей. Теперь разгневанные казаки нанесли удар обнаженными саблями. Массы искали спасения в диком бегстве. Она пробиралась по многочисленным улицам к внешним кварталам. За медицинской помощью обратились более ста человек с легкими и серьезными травмами.

Полицейским агентам, находившимся среди демонстрантов в штатском, показалось, что они узнали некоторых боевиков и представителей. В официальном сообщении говорилось, что имена главных виновников - 84

кровавых событий на Егерплац установлены и немедленно исключены из университета. Ваш арест и суд неизбежны.

Была жара середины лета; ночи были влажными и полными комаров. Я лежал на кровати в Муренцево с открытыми глазами, но не мог уснуть, несмотря на поздний час. Вдруг среди ночной тишины я ясно и отчетливо услышал жалобные крики совы. Я не обратил на это никакого внимания, потому что в соседнем парке гнездилось множество сов. Но эта сова не

at just one call, it continued to call constantly, at short intervals, always getting closer to my open window. At first I didn't think about the possibility that it could be the call sign that had been agreed upon with Maslenikov for the rendezvous in the corner of the garden. However, when the long-drawn-out eagle-owl suddenly stopped and instead someone knocked quietly on the panes of my window, there was no longer any doubt about the presence of my childhood friend Maslenikov. I jumped out of bed and stared out the window into the darkness of the night. Nothing. Then I heard my name whispered. A tall man stood leaning against the wall of the house. It was indeed Maslenikov. I gave him my hand. With one leap he swung himself over the window ledge into the room.

When I wanted to turn on the light, Maslenikov took the matchbox from my hand. In a whisper he told me briefly about the recent events at Moscow University and about his escape from police persecution.

"Wasska, what did you actually eat that made the finchline [*move away quickly and unnoticed*] seem advisable?" I asked the shadowy figure standing in front of me.

Maslenikov contented himself with a gesture of impotence and asked for cigarettes. I gave him a whole packet of them, whereupon he continued the story:

"I am an active member of the Socialist-Revolutionary Party. Actually, I was already a member of it as a senior. I haven't found it necessary

bei einem einzigen Ruf bewenden, sie rief unentwegt weiter, in kurzen Zeitabständen, meinem offenen Fenster stets näher kommend. Anfänglich dachte ich nicht an die Möglichkeit, es könnte sich um das seinerzeit mit Maslenikow vereinbarte Rufzeichen zum Stelldichein in der Gartenecke handeln. Als jedoch das langgezogene Uhuhuhu auf einmal abbrach und statt dessen jemand leise an die Scheiben meines Fensters klopfte, bestanden über die Anwesenheit meines Jugendfreundes Maslenikow keine Zweifel mehr. Ich sprang aus dem Bett und starre durch das Fenster ins nächtliche Dunkel. Nichts. Da hörte ich meinen Namen flüstern. Dicht an die Hauswand gelehnt stand ein hochgewachsener Mann. Es war in der Tat Maslenikow. Ich reichte ihm die Hand. Mit einem Satz schwang er sich über das Fenstergesims ins Zimmer.

Als ich Licht machen wollte, nahm mir Maslenikow die Streichholzschatzkel aus der Hand. Im Flüstertöne erzählte er mir kurz von den letzten Ereignissen an der Moskauer Universität und von seiner Flucht vor polizeilicher Verfolgung.

«Wasska, was hast du eigentlich ausgefressen, daß dir der Finkenstrich als ratsam erschien?» fragte ich die schemenhaft vor mir stehende Gestalt.

Maslenikow begnügte sich mit einer Geste der Ohnmacht und bat um Zigaretten. Ich gab ihm ein ganzes Päckchen davon, worauf er mit der Erzählung fortführte:

«Ich bin aktives Mitglied der Sozialistisch-revolutionären Partei. Eigentlich gehörte ich ihr bereits als Oberprimaner an. Ich fand es bisher nicht als

остановилась на одном звонке, она продолжала кричать постоянно, через короткие промежутки времени, все ближе подходя к моему открытому окну. Сначала я не подумал о том, что это мог быть согласованный с Маслениковым позывной для встречи в углу сада. Однако когда протяжный филин вдруг остановился и вместо этого кто-то тихо постучал в стекла моего окна, сомнений в присутствии моего друга детства Масленикова уже не осталось. Я вскочил с кровати и уставился в окно, во тьму ночи. Ничего. Потом я услышал, как прошептали мое имя. Высокий мужчина стоял, прислонившись к стене дома. Это действительно был Масленников. Я подал ему руку. Одним прыжком он перескочил через подоконник в комнату.

Когда я хотел включить свет, Маслеников взял у меня из рук спичечный коробок. Шепотом он кратко рассказал мне о последних событиях в Московском университете и о своем побеге от милиционского преследования.

«Васька, что ты на самом деле ела, из-за чего поглаживание зябликаказалось целесообразным?» – спросил я призрачную фигуру, стоящую передо мной.

Маслеников ограничился жестом бессилия и попросил сигарет. Я дал ему целую пачку, после чего он продолжил рассказ:

«Я активный член партии эсеров. На самом деле, я уже был ее членом, будучи старшим. Я пока не счел необходимым вам что-либо об

to tell you anything about it yet. Today things are different. Circumstances force me to do this. At the beginning of my studies in Moscow, I was elected to the Central Committee of our party.

Original Page 86

Consequently, one of my duties was to take part in its meetings, make resolutions and subsequently assume responsibility. A party member, who was also the Ochrana's informant, ratted us out after the riot on Jägerplatz. This traitor gave the complete list of our leadership to the police. We've been wanted ever since."

Maslenikov fell silent. I only heard him passionately dragging on the cigarette and saw the smoldering crown of ash.

"And what is the reason for your appearance in Murentsevo?" I asked, half seriously and half jokingly, "first of all they will look for you in your immediate homeland!"

"I won't cause you any inconvenience!" said Maslenikov mildly, "because I have no intention of staying here. My path leads abroad, possibly to Switzerland, where our main leaders have been for years. I will continue my course there as a working student and complete it as quickly as possible. I got the passport under a false name, now I just need some money for the ticket. If you could help me, I would be grateful to you for the rest of my life.

erforderlich, dir davon etwas zu sagen. Heute liegt die Sache anders. Die Umstände zwingen mich dazu. Zu Beginn meiner Studienzeit in Moskau wurde ich in das Zentralkomitee unserer Partei gewählt. - 85

Folgentlich gehörte es zu meinen Obliegenheiten, an dessen Sitzungen teilzunehmen, Beschlüsse zu fassen und in der Folge Verantwortungen auf mich zu laden. Ein Parteimitglied, das gleichzeitig Gewährsmann der Ochrana war, verpfiff uns nach dem Krawall auf dem Jägerplatz. Dieser Verräter übergab der Polizei die vollständige Liste unserer Leitung. Seither werden wir gesucht.»

Maslenikow verstummte. Ich hörte nur, wie er leidenschaftlich an der Zigarette zog, und sah die glimmende Aschenkrone.

«Und welche Bewandtnis hat nun dein Auftauchen In Murenzewo?» forschte ich halb ernst und halb im Scherz, «zuallererst wird man dich in deiner engeren Heimat suchen!»

«Ich werde dir keine Ungelegenheiten verursachen!», sagte Maslenikow milde, «denn ich habe nicht die Absicht, hier zu bleiben. Mein Weg führt ins Ausland, womöglich in die Schweiz, wo sich unsere hauptsächlichsten Führer seit Jahren aufhalten. Dort werde ich als Werkstudent meinen Lehrgang fortsetzen und schnellstens abschließen. Den Reisepaß auf einen falschen Namen habe ich mir verschafft, jetzt benötige ich nur noch etwas Geld für die Fahrkarte. Wenn du mir helfen könntest, wäre ich dir mein Leben lang dankbar dafür.

этом рассказывать. Сегодня все по-другому. Обстоятельства вынуждают меня это сделать. В начале учебы в Москве меня избрали в ЦК нашей партии. Следовательно, одной из моих - 85

обязанностей было принимать участие в его заседаниях, принимать решения и впоследствии брать на себя ответственность. Член партии, который также был информатором охранки, выдал нас после беспорядков на Егерплац. Этот предатель передал полиции полный список нашего руководства. С тех пор нас разыскивают.

Маслеников замолчал. Я только слышал, как он страстно затягивался сигаретой, и видел тлеющий венец пепла.

«А какова причина вашего появления в Муренцево?» Я спросил полусерьезно-полушутя: «В первую очередь тебя будут искать на твоей непосредственной родине!»

«Я не причиню вам неудобств,» мягко сказал Маслеников, «потому что я не собираюсь здесь оставаться. Мой путь ведет за границу, возможно, в Швейцарию, где уже много лет находятся наши главные лидеры. Я продолжу там свой курс в качестве работающего студента и закончу его как можно быстрее. Я получил паспорт на вымышленное имя, теперь мне просто нужны деньги на билет. Если бы вы могли мне помочь, я был бы вам благодарен до конца своей жизни.

«That's the situation. If one of us steals five apples and is caught and convicted of theft, then he has a criminal record! He will have difficulty getting off to a good start later in life. But if someone goes and kills a person and does it so cleverly that no one notices for long enough, then nothing will happen to him at all!»

“It’s always been like this,” I tried to reassure Maslenikov, “where can you find a pure kingdom of God!”

Marked by the exertions and privations, Maslenikov fell into a deep sleep. I locked the room so that no one would disturb the tired hiker the next day. When he woke up again, I provided him with money, clothes and provisions for the trip. As darkness fell, he quietly left the house to continue his escape to the west.

Three days later the Okhrana broke in. The police officer jumped off his horse and entered my room without waiting for an invitation. He held his service revolver in his hand

Official Page 87
with the safety off. Four men surrounded the house with carbines at the ready. The officer began to look around. He sniffed my personal effects, my papers and letters.

“Do you have a search warrant?” I asked.

The officer laughed loudly and waved the revolver back and forth in front of me.

«So liegen die Verhältnisse. Wenn unsereins fünf Aepfel stiehlt und dabei erwischt und wegen Diebstahls verurteilt wird, dann ist er vorbestraft! Er wird im späteren Leben Mühe haben, auf einen grünen Zweig zu kommen. Aber wenn einer hingeht und bringt einen Menschen um und macht es nur so geschickt, daß es lange genug keiner merkt, dann passiert ihm überhaupt nichts!»

«Das war immer so», versuchte ich Maslenikow zu beruhigen, «wo findet man ein Reich Gottes in Reinkultur!»

Von den Anstrengungen und Entbehrungen gezeichnet, sank Maslenikow in tiefen Schlaf. Ich schloß das Zimmer ab, damit anderntags niemand den müden Wanderer störte. Als er wieder erwachte, versorgte ich ihn mit Geld, Kleidern und Reiseproviant. Bei eintretender Dunkelheit verließ er in aller Stille das Haus, um seine Flucht nach dem Westen fortzusetzen.

Drei Tage später brach die Ochrana herein. Der Polizeioffizier sprang vom Pferd und betrat mein Zimmer, ohne auf eine Einladung zu warten. Seinen Dienstrevolver hielt er - 86

entsichert in der Hand. Vier Mann umstellten mit schußbereiten Karabinern das Haus. Der Offizier begann sich umzusehen. Er beschnupperte meine persönlichen Effekten, meine Papiere und Briefschaften.

«Haben Sie einen Durchsuchungsbefehl?» fragte ich.

Der Offizier lachte laut und bewegte den Revolver vor meiner Nase hin und her.

«Такова ситуация. Если кто-то из нас украдет пять яблок и будет пойман и осужден за кражу, то у него есть судимость! В дальнейшей жизни ему будет трудно начать хорошее начало. А если кто-нибудь пойдет и убьет человека и сделает это так ловко, что никто достаточно долго не заметит, то с ним вообще ничего не случится!»

«Так было всегда,» пытался я успокоить Масленикова, «где же найти чистое Царство Божие!»

Отмеченный напряжениями и лишениями, Маслеников заснул глубоким сном. Я запер комнату, чтобы на следующий день никто не потревожил уставшего туриста. Когда он снова проснулся, я снабдил его деньгами, одеждой и провиантом для поездки. С наступлением темноты он тихо вышел из дома, чтобы продолжить побег на запад.

Через три дня ворвалась охранка. Полицейский спрыгнул с лошади и, не дожидаясь приглашения, вошел в мою комнату. Свой служебный револьвер он держал в руке со снятым предохранителем. - 86

четверо мужчин окружили дом с карабинами наперевес. Офицер начал осматриваться. Он обнюхал мои личные вещи, мои бумаги и письма.

«У вас есть ордер на обыск?» Я спросил.

Офицер громко рассмеялся и помахал передо мной револьвером вперед-назад.

"I'll hardly need search warrants here," he said calmly, humming to himself continuously.

I didn't move from the spot and followed the officer's actions closely. When it became too stupid, I lost my temper: "Don't forget that you are in a foreigner's house. I will arrange for the Swiss embassy to lodge a protest with your government. We're not criminals who have to put up with this kind of treatment from the police!"

"What?" the Russian replied in surprise.

I repeated my words but got no direct answer.

When the officer had finished searching all the rooms, he took a small photograph out of his breast pocket and asked me sharply: "Do you know this man?"

"This is my friend Wassily Petrovich Maslenikov, a medical student at Moscow University," I answered deliberately pathetically with a challenging look.

"Don't boast about such friendships, young man!" the officer shouted angrily in my face. His voice was shrill, almost cracking. "I have every intention of having you arrested and taken away immediately. Your assistance in the escape of an individual who is being prosecuted by the courts for offenses against state security not only entitles me, but also obliges me to take this measure."

«Hausdurchsuchungsbefehle werde ich hier kaum benötigen», meinte er gelassen und summte ununterbrochen vor sich hin.

Ich wlich nicht vom Fleck, verfolgte aufmerksam das Tun des Offiziers. Als es mir zu dumm wurde, verlor ich die Beherrschung: «Vergessen Sie nicht, daß Sie sich im Hause eines Ausländer befinden. Ich werde veranlassen, daß die schweizerische Gesandtschaft bei Ihrer Regierung Protest einlegt. Wir sind doch keine Verbrecher, die sich eine solche Behandlung durch die Polizei gefallen lassen müssen!»

«Was?» gab der Russe überrascht zurück.

Ich wiederholte meine Worte, bekam aber keine direkte Antwort.

Als der Offizier die Durchsuchung sämtlicher Räume beendet hatte, nahm er eine kleine Photographie aus der Brusttasche und fragte mich scharf: «Kennen Sie diesen Mann?»

«Das ist mein Freund Wassiliy Petrowitsch Maslenikow, Student der Medizin an der Moskauer Universität», antwortete ich gewollt pathetisch mit herausforderndem Blick.

«Brüsten Sie sich gefälligst nicht mit solchen Freundschaften, junger Mann!» schrie der Offizier mir wütend ins Gesicht. Seine Stimme war schrill, überschnappte beinahe. «Ich habe gute Lust, Sie sofort festnehmen und abführen zu lassen. Ihre Mithilfe zur Flucht eines Individuums, das von der Gerichtsbarkeit wegen Vergehens gegen die Staatssicherheit verfolgt wird, berechtigt mich nicht nur, sondern verpflichtet mich zu dieser Maßnahme.»

«Здесь мне вряд ли понадобятся ордера на обыск», — спокойно сказал он, непрерывно напевая про себя.

Я не двигался с места и внимательно следил за действиями офицера. Когда стало слишком глупо, я вышел из себя: «Не забывай, что ты в доме иностранца. Я организую, чтобы посольство Швейцарии подал протест вашему правительству. Мы не преступники, которым приходится терпеть такое обращение со стороны полиции!»

«Что?» удивленно ответил русский.

Я повторил свои слова, но прямого ответа не получил.

Когда офицер закончил обыск всех комнат, он достал из нагрудного кармана небольшую фотографию и резко спросил меня: «Вы знаете этого человека?»

«Это мой друг Василий Петрович Маслеников, студент-медик Московского университета,» ответил я нарочито патетически с вызывающим видом.

«Не хвастайтесь такой дружбой, молодой человек!» сердито крикнул мне в лицо офицер. Его голос был пронзительным, почти надрывным. «Я твердо намерен немедленно арестовать и увезти вас. Ваше содействие в побеге лица, преследуемого судами за преступления против государственной безопасности, не только дает мне право, но и обязывает меня принять эту меру.»

The officer looked at me intently and rocked slightly on the toes of his boots. When he saw the effect of his brash demeanor on my face, he smiled sardonically.

I knew exactly how dangerous the situation was for me. I felt a general nausea on my tongue and a rubbery softness in my knees. In order not to anger the Russian further, I looked at my fingernails in silence.

Original Page 88

Then the usual inquisition began: presentation of my identification documents, all sorts of questions, creation of an interrogation protocol. In my mind I cried out to God and the world for help. Finally, the entire service staff, which consisted of good people, was interrogated. Nobody had seen Maslenikov. Only old, sour Stepan, our cook, whom my father had employed, thought he had heard a suspicious noise from the garden last night. "But I could also have been mistaken," he added apologetically, catching my reproachful look.

Thereupon the omnipotent mounted the prancing horse and rode away with his suite at a sharp trot.

Bearing the inevitable with dignity

Since September 20 last year I have seen Vera Zololowa very rarely, i.e. every day, only when she was at home on vacation. Now that the university was closed, they could arrive at any time. In my free time I took out her long letters, which were tied with a pink silk ribbon and rested in a small, carved

Der Offizier sah mich durchdringend an und wippte leicht auf den Stiefelspitzen. Als er die Wirkung seines forschen Auftretens auf meinem Gesicht gewahrte, lächelte er spöttisch.

Ich wußte genau, wie gefährlich die Lage für mich war. Auf der Zunge verspürte ich eine allgemeine Uebelkeit und in den Knien eine gummihafte Weichheit. Um den Russen nicht noch mehr zu erzürnen, betrachtete ich schweigend meine Fingernägel. - 87

Dann begann die übliche Inquisition: Vorweisung meiner Ausweisschriften, allerhand Fragen, Erstellung eines Einvernahmeprotokolls. In Gedanken rief ich Gott und die Welt um Hilfe an. Schließlich wurde noch das gesamte Dienstpersonal verhört, das aus braven Leuten bestand. Niemand hatte Maslenikow gesehen. Nur der alte, saure Stepan, unser Koch, den noch mein Vater angestellt hatte, glaubte in der letzten Nacht ein verdächtiges Geräusch vom Garten her vernommen zu haben. «Doch kann ich mich auch getäuscht haben», fügte er entschuldigend hinzu, als er meinen vorwurfsvollen Blick auffing.

Daraufhin setzte sich der Allgewaltige auf das tänelnde Pferd und ritt mit seiner Suite in scharfem Trab davon.

Das Unvermeidliche mit Würde tragen

Seit dem 20 September letzten Jahres sah ich Vera Zololowa sehr selten, d. h. nur dann, wenn sie ferienhalber zu Hause weilte. Jetzt, da die Universität geschlossen war, konnte ihre Ankunft jederzeit erfolgen. In meiner Freizeit nahm ich ihre langen Briefe hervor, die mit einem rosaroten Seidenband zusammengebunden

Офицер внимательно посмотрел на меня и слегка покачнулся на носках ботинок. Когда он увидел эффект своего дерзкого поведения на моем лице, он сардонически улыбнулся.»

Я точно знал, насколько опасна для меня ситуация. Я почувствовал общую тошноту на языке и эластичную мягкость в коленях. Чтобы еще больше не злить россиянина, я молча посмотрел на свои ногти. - 87

Дальше началось обычное дознание: предъявление документов, удостоверяющих личность, всякие вопросы, составление протокола допроса. Мысленно я взывал к Богу и миру о помощи. Наконец, был допрошен весь обслуживающий персонал, состоявший из хороших людей. Масленикова никто не видел. Только старому, кислому Степану, нашему повару, которого нанял мой отец, показалось, что он услышал вчера вечером подозрительный шум из сада. «Но я мог и ошибиться,» добавил он извиняющимся тоном, поймав мой укоризненный взгляд.

Тогда всемогущий сел на гарцающего коня и поскакал со своей свитой резкой рысью.

Переносить неизбежное с достоинством

С 20 сентября прошлого года я видел Веру Золотую очень редко, т. е. каждый день. ЧАС. только когда она была дома в отпуске. Теперь, когда университет закрылся, они могли приехать в любое время. В свободное время я доставал ее длинные письма, перевязанные розовой шелковой

chest. Vera wrote these love letters with great tenderness. I read them again and again and became intoxicated by the tender words. The answers I gave Vera were stuck in my memory. They were no less passionate. The entire correspondence expressed the indomitable will to see each other again very soon and later to unite forever. It was an extremely rich fantasy of incantations, requests and promises that life-affirming youth are capable of. — The fire usually burned brightest when we met after a long separation, when Vera returned to Moscow and I returned to Murentsevo. All of this took a year until the time finally came when the tide finally turned.

Vera stayed at her parents' house for the last time at Easter. I was a guest there often. There was nothing to indicate that our beautiful friendship would soon undergo a change. Two weeks later I received a letter from her. With excitement, I broke the seal on the large ivory

Original Page 89

envelope. But the content of this letter deeply disappointed me. Even the greeting lacked any warmth. Vera briefly shared with me trivial details about her everyday life. The usual kind words were completely missing this time. I paused. What could the reticence mean? Anyway, nothing good. I should get full answers to this question a little later.

Time passed slowly. The month of July was coming to an end. One day I was out hunting

in einer kleinen, geschnitzten Truhe ruhten. Diese Liebesbriefe verfaßte Vera mit großer Zärtlichkeit. Ich las sie immer wieder von neuem und berauschte mich an den zärtlichen Worten. In meinem Gedächtnis hafteten sinngemäß die Antworten, welche ich Vera jeweils gab. Sie waren nicht weniger leidenschaftlich. Im gesamten Briefwechsel kam der unbeugsame Wille zum Ausdruck, sich recht bald wiederzusehen und sich später für immer zu vereinigen. Es war eine überaus reiche Phantasie von Beschwörungen, Bitten und Versprechen, zu denen eben die lebensbejahende Jugend fähig ist. — Das Feuer lohte meistens dann am stärksten, wenn wir uns nach langer Trennung getroffen hatten, Vera wieder nach Moskau und ich nach Murenzewe zurückgekehrt waren. Das alles dauerte ein Jahr, bis schließlich der Zeitpunkt kam, wo das Blatt sich endgültig wendete.

Vera weilte zu Ostern letztmals in ihrem Elternhaus. Ich war dort öfters zu Gast. Nichts deutete darauf hin, daß unser schönes Freundschaftsverhältnis bald eine Wandlung erfahren würde. Zwei Wochen später erhielt ich von ihr ein Schreiben. Voll freudiger Spannung brach ich das Siegel am großen, elfenbeinfarbenen Umschlag auf. Doch der Inhalt die- 88

ses Schreibens enttäuschte mich tief. Schon die Anrede entbehrt jeglicher Wärme. In kurzen Zügen teilte mir Vera belanglose Einzelheiten aus ihrem alltäglichen Leben mit. Die sonst üblichen lieben Worte fehlten diesmal gänzlich. Ich stutzte. Was konnte die Zurückhaltung wohl bedeuten. Jedenfalls nichts Gutes. Ueber diese Frage sollte ich etwas später restlos Aufschluß erhalten.

Langsam verstrich die Zeit. Der Monat Juli neigte seinem Ende zu. Eines Tages war ich auf der Birkhahnjagd, kam in

лентой и покоившиеся в маленьком резном сундучке. Эти любовные письма Вера писала с большой нежностью. Я перечитывал их снова и снова и опьянялся нежными словами. Ответы, которые я дал Vere, застряли в моей памяти. Они были не менее страстны. Вся переписка выражала неукротимое желание очень скоро снова увидеться, а потом и соединиться навсегда. Это была чрезвычайно богатая фантазия заклинаний, просьб и обещаний, на которые способна жизнеутверждающая молодежь. — Ярче всего огонь обычно разгорался, когда мы встречались после долгой разлуки, когда Вера возвращалась в Москву, а я — в Муренцево. Все это заняло год, пока наконец не пришло время, когда ситуация наконец изменилась.

Вера в последний раз гостила в доме своих родителей на Пасху. Я часто был там гостем. Ничто не указывало на то, что наша прекрасная дружба скоро изменится. Через две недели я получил от нее письмо. С волнением я сломал печать на большом конверте из слоновой кости. Но содержание этого письма меня глубоко - 88

разочаровало. Даже в приветствии не было никакой теплоты. Вера вкратце поделилась со мной банальными подробностями своей повседневной жизни. Обычных добрых слов на этот раз совершенно не было. Я сделал паузу. Что может означать эта сдержанность? В любом случае, ничего хорошего. Полные ответы на этот вопрос я получу чуть позже.

Время шло медленно. Июль месяц подходил к концу. Однажды я охотился на тетерева, поздно

for black grouse, came home late in the night, carefully cleaned myself and sat down at the table to have dinner. There was an ivory envelope next to the place setting. After carefully reading its contents, I felt my face with both hands to determine whether I was awake or dreaming. There wasn't the slightest doubt, I was completely awake and the letter in front of me was real, with which Vera formally dissolved our relationship and with it the marriage vow. — I got up, walked with firm steps to the buffet, mechanically poured myself a large glass of brandy and drank it in one go. A little dizzy from the strength of the concentrated alcohol, I sat down in my deceased mother's armchair, inhaled a cigarette and reminisced about the fleeting nature of everything beautiful and good. Even though I hadn't eaten anything all day, I no longer felt hungry. Everything around was quiet. The clock above my head struck twelve, then the clocks in the other rooms struck and everything became quiet again. My heart beat steadily, like that of people who have made the decision not to get upset about anything and to bear the inevitable with dignity. However, this decision was not easy for me. In order not to become weak, I gave myself courage in my heart. — Then I took the letter from the table and looked over it again, sentence by sentence, word by word. It was clear there that the great love was over. Vera, she explained, had become engaged to an officer in the Moscow garrison after a short acquaintance. As she further wrote, the marriage was imminent. She thanked me in simple words for everything I meant to her and asked me not to hold a grudge against her for her bottomless infidelity (the word "bottomless" was underlined).

vorgerückter Nachtstunde nach Hause, machte sorgfältige Toilette und setzte mich an den Tisch, um das Abendbrot einzunehmen. Neben dem Gedeck lag ein elfenbeinfarbener Umschlag. Nachdem ich dessen Inhalt aufmerksam gelesen hatte, betastete ich mit beiden Händen mein Gesicht, um klarzustellen, ob ich wach war oder träumte. Es bestand nicht der leiseste Zweifel, ich war vollkommen wach und der vor mir liegende Brief echt, mit dem Vera in aller Form unsere Beziehungen und damit auch das Heiratsgelöbnis auflöste. — Ich stand auf, ging festen Schrittes zum Buffet, schenkte mir mechanisch ein großes Glas Kognak ein und trank es in einem Zuge aus. Von der Stärke des konzentrierten Alkohols etwas benommen, setzte ich mich in den Lehnstuhl meiner verstorbenen Mutter, rauchte inhalierend eine Zigarette und stellte Reminiszenzen über das Vergängliche alles Schönen und Guten an. Obwohl ich den ganzen Tag über nichts gegessen hatte, verspürte ich keinen Hunger mehr. Ringsum war alles still. Ueber meinem Kopf schlug die Uhr zwölf, dann schlugen die Uhren in den übrigen Zimmern, und es wurde wieder still. Mein Herz pochte gleichmäßig, wie bei Menschen, die den Entschluß gefaßt haben, sich grundsätzlich über nichts aufzuregen und das Unvermeidliche mit Würde zu tragen. Dieser Entschluß fiel mir allerdings nicht leicht. Um nicht schwach zu werden, sprach ich mir in meinem Innersten Mut zu. — Dann nahm ich das Schreiben von der Tischplatte, überflog es abermals, Satz für Satz, Wort für Wort. Darin stand ganz unmißverständlich, daß die große Liebe zu Ende war. Vera hatte sich - so führte sie aus — nach kurzer Bekanntschaft mit einem Offizier der Moskauer Garnison verlobt. Wie sie weiter schrieb, stand die Vermählung unmittelbar bevor. Sie dankte mir in schlichten Worten für alles, was ich ihr bedeutete, und bat mich, ihr die bodenlose Untreue (das Wort «bodenlose» war unterstrichen) nicht nachzutragen. - 89

вечером пришел домой, тщательно очистился и сел за стол ужинать. Рядом с сервировкой лежал конверт из слоновой кости. Внимательно прочитав его содержание, я ощупал свое лицо обеими руками, чтобы определить, бодрствую я или сплю. Не было ни малейшего сомнения, я совершенно проснулся и лежащее передо мной письмо было настоящим, которым Вера формально разорвала наши отношения, а вместе с ним и брачный обет. — Я встал, твердыми шагами прошел к буфету, машинально налил себе большую рюмку бренди и выпил ее залпом. Немного кружась от силы концентрированного алкоголя, я сел в кресло покойной матери, затянулся сигаретой и вспомнил о мимолетности всего прекрасного и хорошего. Несмотря на то, что я ничего не ел весь день, я больше не чувствовал голода. Вокруг было тихо. Часы над моей головой пробили двенадцать, затем пробили часы в других комнатах, и все снова стало тихо. Мое сердце билось ровно, как у людей, принявших решение ни о чем не расстраиваться и достойно перенести неизбежное. Однако это решение далось мне нелегко. Чтобы не стать слабым, я дал себе смелость в сердце. — Тогда я взял письмо со стола и просмотрел его еще раз, предложение за предложением, слово за словом. Там было ясно, что великая любовь закончилась. Вера, объяснила она, после недолгого знакомства обручилась с офицером Московского гарнизона. Как она далее писала, свадьба была неизбежна. Она простыми словами поблагодарила меня за все, что я для нее значил, и попросила не держать на нее зла за ее бездонную измену (слово «бездонная» было подчеркнуто). - 89

Original Page 90

"I will undoubtedly spend the rest of my life," Vera wrote, "thinking about our childhood love, which connected me to a dear, dear person." In the postscript she asked me to return her letters.

"I don't even think about sending the letters back to someone who is unfaithful," I hissed angrily. "I will tear them into little pieces and let them blow away with the wind!"

I drank another brandy and lit another cigarette. One o'clock struck. I held my head in both hands and stared into nothingness. Very recently I believed in the unchanging love and loyalty of women's hearts. This belief had vanished into nothing, like an iridescent soap bubble from one second to the next. It also pained me that I couldn't talk to anyone about my deep disappointment, neither today, nor tomorrow, nor the day after. I had exactly the same fate as Fritz Haueter, who at that time had to deal with the thoughts that invaded him on his own. At the time I was amazed at his helplessness and believed that as a young man I had to give the mature man useful tips for the future. Speaking of Haueter. For a moment all my thoughts focused on my former friend and advisor. What would he say if he could see me in this condition now, sitting in the big armchair, brooding sadly?!

Quite automatically I reached for the cognac bottle, poured myself another glass, hastily downed the brown contents and filled it again.

«Zweifellos werde ich Zeit meines Lebens», schrieb Vera, «an unsere Jugendliebe denken, die mich mit einem lieben, teuren Menschen verband.» In der Nachschrift ersuchte sie mich um Rückgabe ihrer Schreiben.

«Ich denke gar nicht daran», zischte ich zornig, «einer Treulosen die Briefe zurückzusenden. Ich werde sie in kleine Stücke zerreißen und vom Wind verwehen lassen!»

Ich trank noch einen Kognak, zündete eine neue Zigarette an. Es schlug ein Uhr. Den Kopf in beide Hände gestützt, starrte ich ins Wesenlose. Noch vor ganz kurzer Zeit glaubte ich an die unwandelbare Liebe und Treue der Frauenherzen. Dieser Glaube war in nichts zerflossen, wie eine schillernde Seifenblase von einer Sekunde zur andern. Es schmerzte mich auch, daß ich über meine tiefe Enttäuschung mit keinem Menschen sprechen konnte, weder heute, noch morgen oder übermorgen. Es erging mir genau gleich wie Fritz Haueter, der seinerzeit mit den auf ihn einstürzenden Gedanken auch allein fertig werden mußte. Damals verwunderte ich mich über seine Ratlosigkeit und glaubte, als Jüngling dem gereiften Mann nützliche Winke für die Zukunft geben zu müssen. A propos Haueter. Mein ganzes Sinnen konzentrierte sich für einen Augenblick auf meinen ehemaligen Freund und Berater. Was würde er wohl sagen, wenn er mich jetzt in dieser Verfassung sehen könnte, im großen Lehnstuhl sitzend, trübe vor mich hinbrütend?!

Ganz automatisch griff ich nach der Kognakflasche, goß mir noch ein Glas voll, stürzte den braunen Inhalt hastig hinunter und füllte es abermals. Das blonde Parkett

«Всю оставшуюся жизнь я, несомненно, проведу,» писала Вера, «думая о нашей детской любви, которая связала меня с дорогим-дорогим человеком». В постскриптуме она просила меня вернуть ей письма.

«Я даже не думаю о том, чтобы отправить письма обратно тому, кто неверен», сердито прошипел я. «Я порву их на мелкие кусочки и позволю унести ветром!»

Я выпил еще бренди и закурил еще одну сигарету. Пробил час. Я держал голову обеими руками и смотрел в никуда. Совсем недавно я поверил в неизменную любовь и верность женских сердец. Эта вера растворилась в ничто, как переливающийся мыльный пузырь, от одной секунды к другой. Еще меня мучило то, что я не могла ни с кем поговорить о своем глубоком разочаровании ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Меня постигла точно такая же участь, как и Фрица Хаутера, которому в то время пришлось самостоятельно бороться с наводнившими его мыслями. Тогда я был поражен его беспомощностью и считал, что будучи молодым человеком, я должен дать зрелому человеку полезные советы на будущее. Кстати о Хаутере. На мгновение все мои мысли сосредоточились на моем бывшем друге и советнике. Что бы он сказал, если бы увидел меня сейчас в таком состоянии, сидящей в большом кресле и грустно размышляющей?!

Совершенно автоматически я потянулся за бутылкой коньяка, налил себе еще один стакан, торопливо допил коричневое содержимое и снова

The room's blonde parquet floor seemed to rise slightly. I had probably drunk too much, wanting to numb my senses so as not to be reminded of the loss. The window was wide open. I heard a light drizzle of rain falling in the garden. The water gurgled through the drainpipe.

So I spent the whole night drinking cognac and smoking. My skull was buzzing, my cheeks were burning. At the first cock crow I got up, staggered to the toilet room and took a shower bath. The cold water sobered me up in one fell swoop. In a calmer state of mind, I sat in a wicker chair on the porch and waited for the day to come. I tried to think calmly and rationally, to account for the fall from the clouds into harsh reality. What had even happened? I began by

Original Page 91

asking myself specific questions: Why shouldn't Vera take advantage of a good opportunity to get married advantageously and happily to someone of stature? Her bridegroom was certainly beautiful and rich. She just didn't write to me about it out of sensitivity.

In contrast to what my mind's eye just saw, what could I have offered this very young and always cheerful girl here in the deepest province? A carefree, quiet life! That's all. At that time when lyrical poems and mystical novels were being written, young people were not as thirsty for this as they are in today's era of materialistic thinking. Here, in the countryside, where only uncultured muzhiks lived in their

des Raumes schien leicht nach oben zu steigen. Ich hatte bestimmt zuviel getrunken, wollte meine Sinne betäuben, um nicht an den Verlust erinnert zu werden. Das Fenster stand weit offen. Ich hörte, wie im Garten leichter Rieselregen fiel. Durch das Abflußrohr gluckste das Wasser.

So verbrachte ich Kognak trinkend und rauchend die ganze Nacht zu. Mein Schädel brummte, die Wangen glühten. Beim ersten Hahnenschrei erhob ich mich, ging wankend in den Toilettenraum und nahm dort ein Brausebad. Das kalte Wasser machte mich mit einem Schlag nüchtern. In ruhigerer Geistesverfassung setzte ich mich auf der Veranda in einen Korbsessel und wartete auf den kommenden Tag. Ich versuchte, ruhig und vernünftig zu denken, mir Rechenschaft über den Sturz aus den Wolken in die harte Wirklichkeit abzulegen. Was war überhaupt geschehen? Ich begann damit, - 90

mir konkrete Fragen zu stellen: Warum sollte Vera nicht eine günstige Gelegenheit wahren, sich vorteilhaft und glücklich zu vermählen, mit einem Menschen von Format? Ihr Bräutigam war bestimmt schön und reich. Sie schrieb mir bloß aus Feingefühl nicht darüber.

Was hätte ich, im Gegensatz zu dem, was mein geistiges Auge soeben sah, diesem blutjungen und stets frohgelaunten Mädchen hier in tiefster Provinz bieten können? Ein sorgenloses, stilles Leben! Das ist alles. Darnach dürsteten die jungen Leute zu jener Zeit, wo man lyrische Gedichte und mystische Romane schrieb, noch nicht so sehr wie in der heutigen Epoche des materialistischen Denkens. Hier, auf dem Lande, wo ringsherum nur unkultivierte Muschiks

наполнил его. Светлый паркетный пол в комнате, казалось, слегка приподнялся. Вероятно, я слишком много выпил, желая притупить свои чувства, чтобы не напоминать мне об утрате. Окно было широко открыто. Я услышал мелкий дождь, падающий в саду. Вода журчала по водосточной трубе.

Так я всю ночь пил коньяк и курил. В черепе гудело, щеки горели. При первом пении петуха я встал, поплелся в туалет и принял душ. Холодная вода одним махом отрезвила меня. В более спокойном состоянии я сидел в плетеном кресле на крыльце и ждал наступления дня. Я старался мыслить спокойно и рационально, объяснять падение с облаков в суровую реальность. Что вообще произошло? Я начал с того, что задал - 90

себе конкретные вопросы: почему бы Vere не воспользоваться хорошей возможностью выгодно и счастливо выйти замуж за человека высокого положения? Жених ее, несомненно, был красив и богат. Она просто не написала мне об этом из деликатности.

В отличие от того, что только что увидел мой внутренний взор, что я мог предложить этой очень юной и всегда веселой девушке здесь, в самой глубокой провинции? Беззаботная, спокойная жизнь! Это все. В то время, когда писались лирические стихи и мистические романы, молодежь не так жаждала этого, как в нынешнюю эпоху материалистического мышления. Здесь, в деревне, где в своих ветхих

dilapidated isbas, Vera would have perished mentally. And finally the question of the age difference came into consideration. I was not yet a man, but only a teenager, and was therefore much too young to be married. Vera had already finished the bakery switch. She couldn't possibly sacrifice her best years to wait until I was ready to marry.

Upon closer inspection, the relationship between me and the young girl actually turned out to be just a happy game. Vera wanted to take this joke seriously, but she couldn't.

Two days later I rode to Kaluga on horseback. In the saddlebag I stowed a small, square package containing about two dozen letters tied with pink silk ribbon. A delicate whiff of English lavender water emanated from the package as I handed it over to the post office on Minsk Street.

Then Lastochka, the faithful riding horse, carried me out to the abandoned mansion, where many things reminded me of the happy time I had with Vera. I entered the shady park through the wrought iron, richly decorated gate. The shutters of the manor house were still closed, grass and weeds still grew on the gravel paths, and plaster trickled from the gray walls to the ground. The green bench was also still in the small pavilion. There I said my final farewell to the Russian student Vera Ivanovna Zolotowa. I never heard from her again.

On the way back to Murentsevo I was startled because I heard someone calling me from behind.

in ihren baufälligen Isbas hausten, wäre Vera seelisch zugrunde gegangen. Und schließlich kam die Frage des Altersunterschiedes in Betracht. Ich stand noch nicht im Mannes-, sondern erst im Jünglingsalter, war daher für den Ehestand viel zu jung. Vera hatte das Backfischalter bereits hinter sich. Sie konnte unmöglich ihre schönsten Jahre dazu opfern, um abzuwarten, bis ich zum Heiraten reif war.

Bei näherer Betrachtung entpuppte sich das Verhältnis zwischen mir und dem jungen Mädchen in der Tat nur als ein fröhliches Spiel. Diesen Scherz wollte Vera ernst nehmen, es gelang ihr indessen nicht.

Zwei Tage später ritt ich zu Pferd nach Kaluga. In der Satteltasche verstaute ich ein kleines, viereckiges Päckchen, das rund zwei Dutzend, mit rosafarbigem Seidenband gebundene Briefe barg. Ein zarter Hauch von englischem Lavendelwasser entströmte dem Paket, als ich es in der Minsker-Straße dem Postamt übergab.

Dann trug mich Lastotschka, das treue Reitpferd, zum verlassenen Herrensitz hinaus, wo mich viele Dinge an das glückliche Zusammensein mit Vera erinnerten. Durch das schmiedeiserne, reich verzierte Tor betrat ich den schattigen Park. Die Fensterläden des Herrenhauses waren noch immer verschlossen, auf den Kieswegen wucherte noch immer Gras und Unkraut, und von den grauen Mauern rieselte der Verputz zur Erde. Auch die grüne Bank stand noch im kleinen Pavillon. Dort nahm ich in Gedanken endgültig Abschied von der russischen Studentin Vera Iwanowna Zolotowa. Ich hörte nie mehr etwas von ihr.

Auf dem Rückweg nach Murenzowo schrak ich auf, denn ich hörte mich von hinten angerufen. - 91

избах жили одни некультурные мужики, Вера бы погибла душевно. И, наконец, встал вопрос о разнице в возрасте. Я был еще не мужчиной, а всего лишь подростком и поэтому был слишком молод, чтобы жениться. Вера уже закончила переход на пекарню. Она не могла пожертвовать своими лучшими годами, чтобы дождаться, пока я буду готов жениться.

При ближайшем рассмотрении отношения между мной и молодой девушкой на самом деле оказались просто счастливой игрой. Вере хотелось отнестись к этой шутке серьезно, но она не могла.

Через два дня я поехал верхом в Калугу. В седельной сумке я положил небольшой квадратный сверток, в котором было около двух дюжин писем, перевязанных розовой шелковой лентой. От пакета исходил тонкий запах английской лавандовой воды, когда я отдавал его на почту на Минской улице.

Тогда Ласточка, верная верховая лошадка, отнесла меня в заброшенный особняк, где многое напоминало мне о счастливом времени, проведенном с Верой. Я вошел в тенистый парк через кованые, богато украшенные ворота. Ставни усадебного дома все еще были закрыты, на гравийных дорожках еще росла трава и сорняки, а с серых стен на землю стекала штукатурка. Зеленая скамейка тоже все еще стояла в маленьком павильоне. Там я попрощался с русской студенткой Верой Ивановной Золотовой. Больше я о ней ничего не слышал.

На обратном пути в Муренцево я вздрогнул, потому что услышал, как меня кто-то зовет сзади. - 91

Original Page 92

"Are you dreaming, Vladimir Davidovich?" I heard Nilka's voice. He rode up to me.

"I was just thinking," I replied, smiling. "Do you have time to go black grouse hunting with me? Now would be the best time to do it."

Nilka declined with a cheerful laugh: "Where are you thinking now that all available workers have to help with the field work! I deeply regret not being able to agree to your request."

We spurred the horses and rode homeward in silence at a sharp trot.

After dark I walked in the park for half an hour. There I witnessed a conversation between the maid Akulina and one of her many suitors. When I heard the voices, I stopped behind a thick tree trunk and held my breath.

"Make sure you get ahead," said the no-longer-young girl loudly and energetically.

"I absolutely have to speak to you," sighed the boy, standing under the window.

"There is nothing to talk about."

"I love you," the boy assured.

"I know exactly what your kind means by love," grumbled the girl.

«Träumen Sie, Wladimir Dawidowitsch?» hörte ich die Stimme von Nilka. Er ritt an mich heran.

«Ich dachte nur nach», gab ich lächelnd zurück.
«Hast du allenfalls Zeit, mit mir auf die Birkhahnjagd zu gehen? Jetzt wäre die günstigste Zeit dazu.»

Nilka lehnte fröhlich lachend ab: «Wo denken Sie bloß hin, jetzt, wo bei den Feldarbeiten alle verfügbaren Arbeitskräfte mitzuhelfen haben! Ich bedaure unendlich, Ihrem Antrag nicht zustimmen zu können.»

Wir gaben den Pferden die Sporen, ritten schweigend in scharfem Trab heimwärts.

Nach dem Dunkelwerden spazierte ich eine halbe Stunde im Park. Dort wurde ich Zeuge eines Gesprächs zwischen dem Dienstmädchen Akulina und einem ihrer vielen Freier. Als ich die Stimmen hörte, blieb ich hinter einem dicken Baumstamm stehen und hielt den Atem an.

«Schau, daß du weiterkommst», sagte das nicht mehr junge Mädchen laut und energisch.

«Ich muß dich unbedingt sprechen», seufzte der Bursche unter dem Fenster stehend.

«Es gibt nichts zu sprechen.»

«Ich liebe dich», versicherte der Bursche.

«Ich weiß genau, was deinesgleichen unter Liebe versteht», murte das Mädchen.

«Вы мечтаете, Владимир Давидович?» Я услышал голос Нильки. Он подъехал ко мне.

«Я просто подумал», ответил я, улыбаясь. «У тебя есть время пойти со мной на охоту на тетерева? Сейчас самое подходящее время для этого».

Нилка с веселым смехом отказалась: «Куда ты теперь думаешь, что всем имеющимся работникам приходится помогать в полевых работах! Я глубоко сожалею, что не смог удовлетворить вашу просьбу».

Мы пришпорили лошадей и молча поехали домой резкой рысью.

После наступления темноты я полчаса гулял по парку. Там я стал свидетелем разговора горничной Акулины с одним из ее многочисленных женихов. Когда я услышал голоса, я остановился за толстым стволом дерева и затаил дыхание.

«Обязательно продвиньтесь вперед,» громко и энергично сказала уже немолодая девушка.

«Мне совершенно необходимо с тобой поговорить», вздохнул мальчик, стоя под окном.

«Нам не о чем говорить.»

«Я люблю тебя», заверил мальчик.

«Я точно знаю, что ваш род подразумевает под любовью», проворчала девушка.

"Do you have another one?"

"Yes, I have another one."

The shadow outside the window crept away. I had to laugh quietly. Were we both, the farm boy and I, not connected by fate in a certain sense?

We had a lot of cloudy weather that summer, which is extremely favorable for poultry hunting. The damp grass retains the strong smell of the black grouse for a long time, even if they have changed location hours ago. One day I picked up the shotgun from the wall, whistled to the setter, named Tom, and went hunting at a leisurely pace.

Not far from Murentsevo there was a lot of fallow land that had been waiting to be cultivated for centuries. Looking at it, one could easily have thought that it was no man's land, because no one seemed to care about it. That wasn't quite the case. Part of it belonged to Severski, the rest to farmers from surrounding villages. The fallow land

Original Page 93

produced no significant yield unless herds of cattle from here and there grazed on it. The lean clod with the thin, tall grass and the many weeds was hardly suitable for any other use. Every now and then the endless monotony was broken by low bushes or a lonely tree. Here there was a birch tree with a flashing white trunk, there a gnarled oak tree. Despite this, or precisely because I felt free on the heath, I loved it. The appeal of this landscape lay primarily in its size and expanse,

«Hast du einen anderen?»

«Ja, ich habe einen anderen.»

Der Schatten vor dem Fenster schlich sich davon. Ich mußte leise lachen. Waren wir beide, der Bauernbursche und ich, in gewissem Sinne nicht schicksalverbunden?

Wir hatten in jenem Sommer viel trübes Wetter, was für die Jagd auf das Geflügelwild äußerst günstig ist. Das feuchte Gras behält lange Zeit den starken Geruch der Birkhühner, selbst dann noch, wenn sie den Ort schon vor Stunden gewechselt haben. Eines Tages nahm ich die Schrotflinte von der Wand, pfiff dem Setter, namens Tom, und begab mich gemächlichen Schrittes auf die Jagd.

Unweit von Murenzewo war sehr viel Brachland, das seit Jahrhunderten auf die Kultivierung wartete. Bei seinem Anblick hätte man leicht auf den Gedanken kommen können, es handle sich um Niemandsland, denn kein Mensch schien sich darum zu kümmern. Dem war nicht ganz so. Ein Teil davon gehörte Sewerski, der Rest den Bauern aus umliegenden Dörfern. Das Brachland gab keinen nennenswerten - 92

Ertrag, es sei denn, daß Viehherden von hüben und drüben darauf weideten. Die magere Scholle mit dem dünnen, hochaufgeschossenen Gras und dem vielen Unkraut eignete sich kaum zu anderer Benützung. Ab und zu wurde die unendliche Monotonie durch niedriges Gestrüpp oder einen einsamen Baum unterbrochen. Hier stand etwa eine Birke mit weißblinkendem Stamm, dort eine knorrige Eiche. Trotzdem oder gerade deshalb, weil ich mich auf der Heide frei fühlte, liebte ich sie. Der Reiz

«У тебя есть еще один?»

«Да, у меня есть еще один.»

Тень за окном уползла прочь. Мне пришлось тихо рассмеяться. Неужели мы оба, фермерский мальчик и я, не были в определенном смысле связаны судьбой?

Тем летом у нас стояла очень пасмурная погода, что чрезвычайно благоприятно для охоты на птицу. Влажная трава долго сохраняет сильный запах тетерева, даже если они несколько часов назад сменили местонахождение. Однажды я взял со стены ружье, свистнул сеттеру по имени Том и неторопливым шагом отправился на охоту.

Недалеко от Муренцево было много залежей, которые веками ждали обработки. Глядя на нее, можно было легко подумать, что это ничейная земля, потому что, казалось, никто не заботился о ней. Это было не совсем так. Часть его принадлежала Северскому, остальная часть — крестьянам из окрестных деревень. Паровая земля не давала значительного урожая, - 92

если на ней не паслись стада крупного рогатого скота. Тощий комок с тонкой высокой травой и множеством сорняков вряд ли был пригоден для какого-либо другого использования. Бесконечное однообразие то и дело нарушали невысокие кусты или одинокое дерево. Вот была берёза с сверкающим белым стволом, там корявый дуб. Несмотря на это, или именно потому, что я чувствовал себя свободным на пустоши, я любил

which stretched to the distant horizon. It was a pleasure and joy to hike and hunt on it, regardless of whether the weather was good or bad.

Quails, snipes, partridges and black grouse always prefer to stay in such wastelands where they can lead their own lives undisturbed.

The weather changed; Sunshine filtered through the clouds. Like people, animals also have originality and willfulness, and sometimes also a bad mood. This was true of my hunting dog that day. — Instead of diligently following the tracks of the feathered game, he acted as if he had lost his sense of smell. In short: Tom cleaned my spurs. In hunter's language, this essentially expresses the fact that the dog does not want to leave his master's side and follows him constantly. Fortunately, Tom was usually a well-behaved dog who rarely had such ideas.

When my kind encouragement and the threat with my index finger didn't help, I stretched out on the grass. The four-legged hunting companion has been waiting for this moment. He immediately lay down at my feet.

The bitter smell of the wild grass surrounded our noses. High up in the sky, a mighty, dark gray bird circled slowly and silently, its wings wide open, a miracle of nature. I watched him for a long time until my eyes hurt. I closed them for a few minutes. When I looked up at the

dieser Landschaft lag vor allem in der bis zum fernen Horizont reichenden Größe und Weite. Es war eine Lust und Freude, auf ihr zu wandern und zu jagen, gleichviel, ob gutes oder schlechtes Wetter herrschte.

Wachteln, Bekassinen, Reb- und Birkhühner halten sich stets mit Vorliebe in solchen Einöden auf, auf denen sie ungestört ihr Eigenleben fristen können.

Das Wetter schlug um; durch das Gewölk drang Sonnenschein. Wie die Menschen besitzen auch die Tiere Originalität und Eigenwillen, manchmal auch schlechte Laune. Dies traf an jenem Tag bei meinem Jagdhund zu. — Statt die Spuren des gefiederten Wildes fleißig zu verfolgen, tat er so, als ob ihm der Geruchssinn abhanden gekommen wäre. Kurz: Tom putzte mir die Sporen. Damit wird in der Jägersprache sinngemäß zum Ausdruck gebracht, daß der Hund nicht von der Seite seines Herrn weichen will, ihm unentwegt auf dem Fuß folgt. Erfreulicherweise war Tom in der Regel ein braver Hund, der selten auf solche Einfälle kam.

Als auch mein gütiger Zuspruch und die Drohung mit dem Zeigefinger nichts half, streckte ich mich im Grase aus. Auf diesen Augenblick hat der vierbeinige Jagdgefährte gewartet. Er legte sich sogleich zu meinen Füßen nieder.

Der herbe Geruch des wilden Grases umspielte unsere Nasen. Hoch oben in den Lüften zog ein mächtiger, dunkelgrauer Vogel mit weitgeöffneten Flügelbreiten seine Kreise, langsam und lautlos, ein Wunder der Natur. Ich schaute ihm lange zu, bis mir die Augen schmerzten. Ich schloß sie für einige

ee. Привлекательность этого пейзажа заключалась прежде всего в его размерах и просторах, простиравшихся до далекого горизонта. Гулять и охотиться на нем было одно удовольствие и радость, независимо от того, была ли погода хорошей или плохой.

Перепела, бекасы, куропатки и тетерева всегда предпочитают оставаться на таких пустошах, где они могут спокойно вести свою жизнь.

Погода изменилась; Солнечный свет просачивался сквозь облака. Как и люди, животные тоже обладают оригинальностью и своим нравом, а иногда и плохим настроением. В тот день то же самое произошло и с моей охотничьей собакой. — Вместо того, чтобы старательно идти по следам пернатой дичи, он вел себя так, словно потерял обоняние. Короче говоря: Том почистил мои шпоры. На охотничьем языке это, по сути, выражает тот факт, что собака не хочет покидать своего хозяина и постоянно следует за ним. К счастью, Том обычно был воспитанной собакой, у которой редко возникали подобные идеи.

Когда моя любезная поддержка и угроза указательным пальцем не помогли, я растянулся на траве. Четвероногий спутник охоты ждал этого момента. Он тут же лег у моих ног.

Горький запах дикой травы ударила нам в нос. Высоко в небе медленно и бесшумно кружила могучая темно-серая птица, широко распахнув крылья, чудо природы. Я долго смотрел на него, пока у меня не заболели глаза. Я закрыл его на несколько минут. Когда я снова посмотрел на небо, птица сделала еще

sky again, the bird made a few more spirals and disappeared into the infinity of space. I closed my eyes again and fell asleep.

I don't know how long I slept. Tom woke me up. He began to growl, then struck loudly. I jumped to my feet and told the dog to stay still. At a distance of about thirty paces stood

Original Page 94

five men. The three shots I fired at snipe darting around must have attracted them from a distance. Their eyes were fixed on me and my dog. A tall, bony man, strong enough to kill a bear with his bare hand, broke away from the group and slowly strolled toward where I stood. However, his gait was deceptive - in reality this man, whose name was Bondarenko, was as agile as a cat.

Bondarenko stopped three steps in front of me. I looked him calmly in the eyes and asked: "What does your coming mean?"

"You will hear that immediately," replied Bondarenko with a challenging look. "By what right do you hunt on the land that belongs to us farmers from the village of Sloboda? Hm?"

"As far as I know, we are on completely fallow land," I countered the farmer, "where the hunter and his dog cannot cause any damage to the culture."

A young, sunburned boy approached and stood next to Bondarenko. The remaining three men followed him. With his attitude, Bondarenko clearly

Minuten. Als ich wieder zum Himmel blickte, zog der Vogel nochmals einige Spiralen und verschwand in der Unendlichkeit des Weltalls. Ich tat die Augen erneut zu und schlief ein.

Ich weiß nicht, wie lange ich geschlafen hatte. Tom weckte mich. Er begann zu knurren, dann schlug er laut an. Ich sprang auf die Beine, gebot dem Hund, sich still zu verhalten. In einer Entfernung von ungefähr dreißig Schritten standen - 93

fünf Mann. Meine drei Schüsse, die ich auf herumsausende Bekassinen abgefeuert hatte, dürften sie aus der Ferne herbeigelockt haben. Ihre Blicke waren unverwandt auf mich und meinen Hund gerichtet. Ein großer, knochiger Mann, stark genug, um einen Bären mit der bloßen Hand umzubringen, löste sich von der Gruppe und näherte sich schlendernd langsam der Stelle, wo ich stand. Sein Gang war jedoch trügerisch — in Wirklichkeit war dieser Mann, der Bondarenko hieß, behende wie eine Katze.

Bondarenko blieb drei Schritte vor mir stehen. Ich schaute ihm ruhig in die Augen und fragte: «Was hat dein Kommen zu bedeuten?»

«Das werden Sie sogleich vernehmen», antwortete Bondarenko mit herausforderndem Blick. «Mit welchem Recht jagen Sie auf dem Boden, der uns Bauern vom Dorfe Sloboda gehört? Hm?»

«Meines Wissens stehen wir auf ausgesprochenem Brachland », hielt ich dem Bauern entgegen, «wo der Jäger mit seinem Hund keinen Kulturschaden anzurichten vermag.»

Ein junger, sonnenverbrannter Bursche kam näher, blieb neben Bondarenko stehen. Ihm folgten die übrigen drei Männer. Mit seiner Haltung bildete sich Bondarenko als Führer

несколько спиралей и исчезла в бесконечности космоса. Я снова закрыл глаза и уснул.

Я не знаю, как долго я спал. Том разбудил меня. Он начал рычать, затем громко ударил. Я вскочил на ноги и велел собаке оставаться на месте. На расстоянии шагов в тридцать - 93

стояло пять человек. Три выстрела, которые я произвел по бегающим вокруг бекасам, должно быть, привлекли их на расстоянии. Их взгляды были прикованы ко мне и моей собаке. Высокий, костлявый мужчина, достаточно сильный, чтобы убить медведя голой рукой, отделился от группы и медленно направился к тому месту, где я стоял. Однако его походка была обманчива — на самом деле этот человек, которого звали Бондаренко, был проворным, как кошка.

Бондаренко остановился в трех шагах передо мной. Я спокойно посмотрел ему в глаза и спросил: «Что значит твой приход?»

«Вы это сразу услышите», — с вызовом ответил Бондаренко. «По какому праву вы охотитесь на земле, принадлежащей нам, крестьянам из деревни Слободы? Хм?»

«Насколько мне известно, мы находимся на совершенно залежной земле,» возразил я фермеру, «где охотник и его собака не могут нанести никакого вреда культуре».

Молодой загорелый мальчик подошел и встал рядом с Бондаренко. Остальные трое мужчин

emerged as a leader. I quickly surveyed the situation and realized that the demonstration was not directed against the hunter, but against Fritz Haueter's compatriot. Bondarenko had an ally stronger than the police: pure hatred. His past sent a chill down my spine. I had hoped that the dispute with Haueter had long since been put aside and sunk into the ordeal of the past, but that apparently wasn't the case. I asked the five men to leave me alone, promising never to enter their land for hunting purposes again in the future.

"That's not enough, my dear bear" (Seigneur), Bondarenko continued with a malicious grin, "by the way, do you have a weapon and hunting license?"

I answered the question in the negative.

"Then put the weapon down immediately!" the farmer ordered in the categorical imperative. He slowly took a step forward.

I quickly unlocked the rifle and held it horizontally forward, the index finger of my right hand resting lightly on the trigger.

Original Page 95

We faced each other like worst enemies for a while. Bondarenko seemed to think. Then his already unsightly facial features contorted into a grimace. With a sudden jerk he raised his head: "Be careful, young man, don't do anything carelessly, otherwise it will go off in the wrong

klar heraus. Ich überblickte rasch die Lage und wurde mir dessen bewußt, daß sich die Demonstration nicht gegen den Jäger, sondern gegen den Landsmann von Fritz Haueter richtete. Bondarenko hatte einen Verbündeten, stärker als die Polizei: purer Haß. Seine Vergangenheit jagte mir einen kalten Schauer über den Rücken. Ich hatte schon gehofft, der Zwist mit Haueter sei längst abgetan und in dem Orkus der Vergangenheit versunken, doch war dem scheinbar nicht so. Ich bat die fünf Männer, mich in Ruhe zu lassen, unter dem Versprechen, ihr Land in Zukunft nie mehr zu Jagdzwecken zu betreten.

«Damit ist es nicht getan, mein verehrter Bärin» (Seigneur), fuhr Bondarenko mit hämischem Grinsen fort, «besitzen Sie übrigens einen Waffen- und Jagdschein?»

Ich verneinte die Frage.

«Dann legen Sie die Waffe sofort aus der Hand!» befahl der Bauer im kategorischen Imperativ. Er trat langsam einen Schritt vor.

Ich entsicherte blitzschnell das Gewehr, hielt es waagrecht vorwärts, der Zeigefinger meiner Rechten lag leicht auf dem Drücker. - 94

Wir standen uns eine Weile gegenüber wie schlimmste Feinde. Bondarenko schien zu überlegen. Dann verzerrten sich seine ohnehin unschönen Gesichtszüge zur Fratze. Mit jähem Ruck hob er den Kopf: «Nehmen Sie sich gefälligst in acht, junger Mann, machen Sie nichts Unbedachtes, sonst knallt's in der falschen Richtung!» Seine Augen ruhten

последовали за ним. Благодаря своему настрою Бондаренко явно вышел в лидеры. Я быстро оценил ситуацию и понял, что демонстрация была направлена не против охотника, а против соотечественника Фрица Хаутера. У Бондаренко был союзник сильнее полиции: чистая ненависть. От его прошлого у меня по спине пробежал холодок. Я надеялся, что спор с Хаутером уже давно отложен и погрузился в мытарства прошлого, но, видимо, это было не так. Я попросил пятерых мужчин оставить меня в покое, пообещав никогда больше не заходить на их земли с целью охоты в будущем.

«Мало, дорогой мой мишка» (Сеньор), продолжал Бондаренко со злобной ухмылкой, «кстати, у вас есть оружие и охотничья лицензия?»

Я ответил на вопрос отрицательно.

«Тогда немедленно опусти оружие!» фермер приказал в категорическом императиве. Он медленно сделал шаг вперед.

Я быстро разблокировал винтовку и держал ее горизонтально вперед, слегка положив указательный палец правой руки на спусковой крючок. - 94

Некоторое время мы смотрели друг на друга как злейшие враги. Бондаренко как будто задумался. Затем его и без того непривлекательные черты лица исказились в гримасе. Внезапным рывком он поднял голову: «Будь осторожен, молодой человек, не делай ничего небрежно, иначе оно

direction!" His eyes rested fearlessly on me. Now he came at me, his eyebrows drawn tightly, his forehead furrowed deeply and his fists rammed forward like buffer blocks. His breath hit me unpleasantly in my face.

What should I have done? Shoot? In this case, did I have the right to use the firearm? Would the Russian judiciary have allowed such an act to be self-defense? These are all purely legal questions that I simply didn't have the opportunity to consider. In any case I didn't shoot; Kind fate thus saved me from unforeseeable consequences. The lesson I learned from this experience was that one should never rush into threatening extreme measures. I wanted to cause a sensation with the weapon in the hope that I would impress with it or cause the enemy to retreat. But my showmanship didn't work; it couldn't possibly be successful with people like Bondarenko, who was used to facing death fearlessly. It may be the same for people who believe that they can intimidate their opponents by slamming doors. In reality, they merely expose the powerlessness to enforce their will.

What ended that hunting party is soon said: Bondarenko took the rifle away from me without much fuss, pointing out the general ban on carrying weapons and unauthorized hunting in an area that belonged to him and his comrades from the village of Sloboda. I could have the rifle picked up from him at any time by paying a fine of ten rubles, the usurper added with a fox-like smile. He supported his words with emphatic gestures.

furchtlos auf mir. Jetzt ging er auf mich los, die Brauen straff gezogen, die Stirn in tiefe Falten gelegt und die Fäuste wie Prellblöcke vorgerammt. Unangenehm schlug mir sein Atem ins Gesicht.

Was hätte ich tun sollen? Schießen? Stand mir in diesem Falle das Recht zu, von der Schußwaffe Gebrauch zu machen? Würde die russische Gerichtsbarkeit eine solche Handlung als Notwehr zugelassen haben? Das sind alles rein juristische Fragen, zu deren Ueberlegung mir die Möglichkeit schlechterdings fehlte. Ich schoß jedenfalls nicht; das gütige Schicksal bewahrte mich damit vor unabsehbaren Folgen. Aus diesem Erlebnis zog ich die Lehre, daß man nie übereilt mit extremen Maßnahmen drohen soll. Ich wollte mit der Waffe Furore machen, in der Meinung, damit zu imponieren, bzw. den Gegner zum Rückzug zu veranlassen. Mein Auftrumpfen verfing aber nicht, es konnte unmöglich Erfolg haben bei Leuten vom Schlag eines Bondarenko, der gewohnt war, dem Tode furchtlos ins Auge zu blicken. Es mag Menschen ähnlich ergehen, die glauben, mit dem Zuschlagen von Türen ihre Widersacher einschüchtern zu können. In Wirklichkeit decken sie lediglich die Ohnmacht auf, ihren Willen durchzusetzen.

Welches der Abschluß jener Jagdpartie war, ist bald gesagt: Bondarenko nahm mir das Gewehr ohne viel Federlesens weg, mit dem Hinweis auf das allgemeine Verbot des Waffentragens sowie auf das unbefugte Jagen in einem Gebiet, das ihm und seinen Kameraden vom Dorfe Sloboda gehörte. Ich könnte das Gewehr jederzeit gegen Entrichtung einer Geldbuße von zehn Rubeln bei ihm abholen lassen, fügte der Usurpator mit einem fuchsartigen Lächeln hinzu. Seine Worte untermauerte er mit nachdrücklichen Gesten.

полетит не в ту сторону!» Его глаза бесстрашно остановились на мне. Теперь он подошел ко мне, его брови были сдвинуты, лоб глубоко нахмурен, а кулаки выдвинулись вперед, как буферные блоки. Его дыхание неприятно ударило мне в лицо.

Что мне следовало сделать? Стрелять? Имел ли я в данном случае право применить огнестрельное оружие? Могла бы российская судебная система признать такое действие самообороной? Это все чисто юридические вопросы, которые у меня просто не было возможности рассмотреть. В любом случае я не стрелял; Добрая судьба таким образом уберегла меня от непредвиденных последствий. Урок, который я извлек из этого опыта, заключался в том, что никогда не следует спешить с угрозами крайних мер. Я хотел произвести фурор с помощью оружия в надежде, что я произведу впечатление им или заставлю врага отступить. Но мое зрелище не сработало, оно не могло иметь успеха с такими людьми, как Бондаренко, привыкшими бесстрашно смотреть в лицо смерти. То же самое может быть и с людьми, которые верят, что могут запугать своих противников, хлопнув дверью. На самом деле они просто обнажают бессилие осуществить свою волю.

Чем закончилась та охота, вскоре сказано: Бондаренко без особого шума отобрал у меня винтовку, указав на общий запрет на ношение оружия и несанкционированную охоту на территории, принадлежавшей ему и его товарищам из деревни Слобода. Я мог бы в любой момент отобрать у него винтовку, заплатив штраф в десять рублей, — прибавил узурпатор с лисьей улыбкой. Свои слова он подкрепил выразительными жестами.

For a while it seemed as if all good spirits had deserted me. The search for Maslenikov continued. It was assumed that he was hiding with friends. One day the captors dragged a student who, for some reason, was in the vicinity of Murentsevo without suspecting any harm, to Stanovoy, hoping that he was the revolutionary they were looking for. One hundred rubles were offered on Maslenikov's head.

"Do you know this guy?" the rough boys asked the police officer.

"Never seen him in my life," he assured, "it doesn't have the slightest resemblance to the photograph of Wassily Maslenikov."

The police wouldn't leave me alone anymore. They made it a habit to visit me regularly. A few times I was summoned to the police station and was taken into custody by Stanovoy. What do you know, maybe he had a sneaking suspicion that Maslenikov had been abroad for months, because he couldn't have remained invisible in the long run. I had good reason to avoid any encounters with the police. I laughed at first at the accusation of helping Maslenikov escape; but I didn't laugh for long. The game started to get serious. Suspicion alone could have landed me in prison. All that mattered was the whim of the almighty Stanovoy.

The days, weeks and months passed. Even the nights when I didn't always find sleep.

Es schien eine Zeitlang, als ob ich von allen guten Geistern verlassen sei. Die Nachforschungen nach Maslenikow nahmen ihren Fortgang. Man vermutete, er halte sich versteckt bei Freunden auf. Eines Tages schleppten die Häscher einen Studenten, der nichts Böses ahnend sich aus irgendwelchen Gründen in der Nähe von Murenzowo aufhielt, zum - 95 Stanowoj, in der Hoffnung, es handle sich um den gesuchten Revolutionär. Auf den Kopf Maslenikows waren nämlich einhundert Rubel ausgesetzt.

«Kennen Sie diesen Kerl?» fragten die rohen Burschen den Polizeioffizier.

«Nie im Leben gesehen», versicherte dieser, «hat nicht die geringste Ähnlichkeit mit dem Lichtbild von Wassilijs Maslenikow.»

Die Polizei ließ mich nicht mehr in Ruhe. Sie machte sich zur Gewohnheit, mich regelmäßig zu besuchen. Ein paarmal wurde ich auf die Polizeistation vorgeladen und dort vom Stanowoj in die Zange genommen. Was weiß man, vielleicht hatte er doch eine leise Ahnung, daß Maslenikow sich seit Monaten im Ausland befand, denn auf die Dauer hätte er nicht unsichtbar bleiben können. Ich hatte guten Grund, jeden Zusammenstoß mit der Polizei zu vermeiden. Ich lachte zuerst über die Anklage, Maslenikow bei der Flucht geholfen zu haben; aber ich lachte nicht lange. Das Spiel begann ernst zu werden. Der Verdacht allein hätte mich schon ins Gefängnis zu bringen vermocht. Es kam lediglich auf die Laune des allmächtigen Stanowoj an.

Die Tage, Wochen und Monate vergingen. Auch die Nächte, in denen ich nicht immer den Schlaf fand.

На какое-то время мне показалось, что все хорошее настроение покинуло меня. Поиски Масленикова продолжались. Предполагалось, что он скрывался у друзей. Однажды похитители притащили к Становому студенту, который по каким-то причинам оказался в окрестностях Муренцево, не подозревая о каком-либо вреде, надеясь, что это и есть тот революционер, которого они ищут. За голову Масленикова предлагалось сто рублей.

«Ты знаешь этого парня?» спросили грубые мальчики у полицейского.

«Никогда в жизни не видел,» заверил он, «она не имеет ни малейшего сходства с фотографией Василия Масленикова».

Полиция больше не оставляла меня в покое. Она взяла за привычку регулярно навещать меня. Несколько раз меня вызывали в отделение полиции и брали под стражу Становой. Знаете, может быть, у него было скрытое подозрение, что Маслеников уже несколько месяцев находится за границей, потому что он не мог оставаться невидимым в долгосрочной перспективе. У меня были веские причины избегать любых встреч с полицией. Я посмеялся сначала над обвинением в содействии побегу Масленикова; но я смеялся недолго. Игра начала принимать серьезный характер. Одно лишь подозрение могло привести меня в тюрьму. Значение имела только прихоть всемогущего Станового.

Прошли дни, недели и месяцы. Даже ночи, когда я не всегда находил сон. Иногда ко мне приходили друзья из начальной школы. Иногда к нам

Sometimes friends from my elementary school days came to see me. Sometimes Nilka joined us. We sat around and chatted. But my best friends, Maslenikov and Vera Zolotowa, were far away.

It was a gray late autumn day outside. A driving rain lashed against the window panes. The wind roared around the house in strange fury. The darkness slowly fell. Soon it will be night, I thought, another night without sleep. The Russian province is dark and brooding at such times.

Then I decided to write to my uncle Nikolai. The decisive factor was actually an unjustified milk price increase by the landowner Sewerski. Then I wrote the following: "You have to help me. The water is up to my mouth. The police are constantly after me. And not for fun!"

The uncle wasn't surprised by my SOS call; on the contrary, as I later found out from him, he had foreseen this outcome. In response to my letter he sent me a dispatch which read: 'Awaiting you in these days. Uncle Nikolai.' When I entered the old room of our grandparents' house in Klimowo, my uncle was sitting behind the table with an old-fashioned clamp on his nose, engrossed in a Swiss newspaper. He read the way old people tend to do. When I saw this, I realized that my uncle was in fact already of Swabian age. His once pretty face was full of wrinkles, looked sickly and pale. I knew that he had a chronic illness that was causing him great concern. When I entered the room he looked up, saw me and was delighted.

Zuweilen kamen Freunde aus meiner Volksschulzeit zu mir. Manchmal gesellte sich Nilka zu uns. Wir saßen herum und plauderten. Meine besten Freunde aber, Maslenikow und Vera Zolotowa, waren weit weg.

Draußen war ein grauer Spätherbsttag. Ein rasender Regen peitschte gegen die Fensterscheiben. Der Wind umbrauste in seltsamem Zorn das Haus. Langsam fiel die Dunkelheit. Bald wird es Nacht sein, dachte ich, wieder eine Nacht ohne Schlaf. Düster und brütend ist die russische Provinz bei solchen Zeiten.

Da faßte ich den Entschluß, meinem Oheim Nikolai zu schreiben. Den Ausschlag dazu gab eigentlich eine ungerechtfertigte Milchpreiserhöhung seitens des Gutsbesitzers Sewerski. Anschließend schrieb ich folgendes: «Sie müssen mir helfen. Mir reicht das Wasser bis zum Mund. Die Polizei ist pausenlos hinter mir her. Und nicht zum Spaß!»

Der Onkel war von meinem SOS-Ruf nicht etwa überrascht, im Gegenteil, wie ich nachträglich von ihm in Erfahrung brachte, hatte er diesen Ausgang vorausgesehen. Als Antwort auf mein Schreiben sandte er mir eine Depesche mit - 96 dem Wortlaut: «Erwarte dich dieser Tage. Onkel Nikolai.» Als ich in die alte Stube unseres großelterlichen Hauses in Klimowo eintrat, saß der Onkel mit einem altmodischen Klemmer auf der Nase hinter dem Tisch, in eine schweizerische Zeitung vertieft. Er las so, wie es alte Leute zu tun pflegen. Bei diesem Anblick kam es mir zum Bewußtsein, daß mein Onkel in der Tat bereits im Schwabenalter stand. Sein einst hübsches Gesicht war voller Falten, sah kränklich und blaß aus. Ich wußte, daß er an einer chronischen Krankheit litt, die ihm große Sorgen machte. Bei meinem Eintritt ins Zimmer blickte er auf, sah mich und war hocherfreut.

присоединялась Нилька. Мы сидели и болтали. Но мои лучшие друзья Маслеников и Вера Золотова были далеко.

На улице был серый позднеосенний день. Проливной дождь барабанил по оконным стеклам. Ветер ревел вокруг дома в странной ярости. Тьма медленно опускалась. Скоро ночь, подумал я, еще одна ночь без сна. Российская провинция в такие времена мрачна и задумчива.

Тогда я решил написать дяде Николаю. Решающим фактором на самом деле стало необоснованное повышение цен на молоко помещиком Северским. Тогда я написал следующее: «Вы должны мне помочь. Вода доходит до моего рта. Полиция постоянно преследует меня. И не ради развлечения!»

Дядя не удивился моему экстренному звонку, напротив, как я потом узнал от него, он предвидел такой исход. В ответ на мое письмо он приспал мне депешу, в которой говорилось: «Жду тебя в эти дни. Дядя Николай». Когда я вошел в старую комнату дома наших бабушек и дедушек в Климово, мой дядя сидел за столом со старомодным зажимом на носу и был поглощен чтением швейцарской газеты. Он читал так, как это делают пожилые люди. Когда я увидел это, я понял, что мой дядя на самом деле был уже швабского возраста. Его некогда красивое лицо было полно морщин, выглядело болезненным и бледным. Я знал, что у него хроническое заболевание, вызывающее у него большое беспокойство. Когда я вошел в комнату, он поднял глаза, увидел меня и обрадовался.

First I informed the old gentleman in detail about the conditions in Murentsevo over the last two years. Then he spoke up:

"In my opinion, you went too far in your friendship with Maslenikov. We Swiss are absolutely neutral not only at home but also abroad. What this means is that, as a matter of principle, we never interfere in matters that do not concern us. Maslenikov should call his Russian friends for help if he needs it.

"On the other hand, I can tell you that the times are over when we Swiss were considered the only and therefore indispensable experts in the dairy industry here in this country. Russia has awakened from its long sleep. 'Russia for the Russians!' is his slogan today, which is propagated at high levels. Sewerski is in the same vein, perhaps demanding an increase in the price of milk not so much because of a lack of money - he is extremely rich - but rather because he wants to show his sense of belonging to his compatriots. In other words, Seversky wants to get rid of you to make room for a Russian, and he wants to do it in an elegant, legally unchallengeable way. The old contract has expired, so it is his right to impose the conditions that now apply everywhere when concluding a new one. He would be heartbroken if you thought of approving the price increase. The government has long provided for Russian talent in the dairy industry. She founded technical schools: their

Zuerst unterrichtete ich den alten Herrn in allen Einzelheiten über die Verhältnisse in Murenzewo während den letzten zwei Jahren. Dann ergriff er das Wort:

«Hinsichtlich deines Freundschaftsdienstes gegenüber Maslenikow bist du nach meinem Dafürhalten entschieden zu weit gegangen. Wir Schweizer sind nicht nur in unserer Heimat, sondern auch in der Fremde absolut neutral. Damit soll gesagt sein, daß wir uns grundsätzlich nie in Händel einmischen, die uns nichts angehen. Maslenikow soll seine russischen Freunde um Hilfe anrufen, wenn er welche benötigt.

«Zum andern kann ich dir sagen, daß die Zeiten vorbei sind, wo wir Schweizer hier in diesem Lande als die einzigen und somit unentbehrlichen Fachleute in der Molkereiwirtschaft galten. Rußland ist aus dem langen Schlaf erwacht. «Rußland den Russen!» ist heute seine Lösung, die von hoher Ebene propagiert wird. Sewerski schlägt in die gleiche Kerbe, vielleicht verlangt er eine Milchpreissteigerung nicht so sehr aus Geldmangel — er ist ja steinreich — als vielmehr deshalb, um das Zusammengehörigkeitsgefühl gegenüber seinen Landsleuten zu bekunden. Mit anderen Worten: Sewerski möchte dich loswerden, um einem Russen Platz zu machen, und zwar auf eine elegante, juristisch unanfechtbare Weise. Der alte Vertrag ist abgelaufen, es ist daher sein gutes Recht, beim Abschluß eines neuen solche Bedingungen zu stellen, wie sie jetzt allerorts Platz greifen. Er wäre untröstlich, solltest du auf den Gedanken kommen, den Preiszuschlag gutzuheißen. Die Regierung hat schon seit langem für den russischen Nachwuchs in der Molkereiwirtschaft gesorgt. Sie gründete Fachschulen: deren Absolventen stehen

Сначала я подробно сообщил старому господину об условиях в Муренцево за последние два года. Затем он заговорил:

«На мой взгляд, вы переборщили в дружбе с Маслениковым. Мы, швейцарцы, абсолютно нейтральны не только дома, но и за рубежом. Это означает, что мы принципиально никогда не вмешиваемся в дела, которые нас не касаются. Масленикову следует позвать на помощь своих российских друзей, если она ему понадобится.

«С другой стороны, я могу вам сказать, что прошли те времена, когда мы, швейцарцы, считались единственными и, следовательно, незаменимыми специалистами в молочной промышленности здесь, в этой стране. Россия проснулась от долгого сна. «Россия для русских!» это его лозунг сегодня, который пропагандируется на высоких уровнях. Северский придерживается того же духа, возможно, требуя повышения цен на молоко не столько из-за нехватки денег - он чрезвычайно богат, - сколько потому, что хочет показать свое чувство принадлежности к соотечественникам. Другими словами, Северский хочет избавиться от вас, чтобы освободить место для русского, и сделать это элегантным, юридически неоспоримым способом. Срок действия старого контракта истек, поэтому это его право при заключении нового ставить условия, которые сейчас действуют везде. Он был бы убит горем, если бы вы подумали об одобрении повышения цен. Правительство уже давно обеспечивает российские таланты в молочной отрасли. Она основала техникумы: их выпускники

graduates are ready to take up vacant positions. You will have to give up Murentsevo and I will have to give up Klimovo. It's good that my parents

Original Page 98
don't have to experience this. They signed their first lease in the 1860s, which our family renewed repeatedly over the course of around half a century."

"Doesn't Engelhard appreciate that?" I interjected the question.

"Oh, from where," answered the uncle wearily, "you know the saying about the Moor who had done his duty and then had to go! Engelhard's solidarity with his colleagues from the landowner class comes first. He sees it as a matter of course of honor. This proud Baltic baron knows no sentimentality.

"I heard that Blandow, the rich merchant in Moscow, will take over most of the dairies. I will retire but will keep my current apartment. You have the choice of either staying with me for the time being or taking on the position of assistant to Schischemski. As you probably know, Shishemski is my sister Mina's husband and therefore your uncle. He has been the main manager of the Klimovo estate for thirty years.

"We will now liquidate your father's business in Murentsevo. Two thirds of the proceeds go to Switzerland for the benefit of your two siblings."

einsatzbereit für die freiwerdenden Stellen. Du wirst Murenzewo aufgeben müssen und ich Klimowo. Es ist gut, daß meine Eltern - 97

dies nicht erleben müssen. Den ersten Pachtvertrag schlossen sie in den 1860er Jahren ab, den unsere Familie während rund eines halben Jahrhunderts immer wieder erneuerte.»

«Weiß das von Engelhard nicht zu schätzen?» warf ich die Frage ein.

«Ach, woher», antwortete der Onkel müde, «du kennst ja das Sprichwort vom Mohr, der seine Pflicht getan hatte und dann gehen mußte! Die Solidarität mit seinen Kollegen vom Gutsbesitzerstand geht von Engelhard vor. Er betrachtet sie als selbstverständliche Ehrensache. Dieser stolze baltische Baron kennt keine Sentimentalitäten.

«Wie ich gehört habe, wird Blandow, der reiche Großkaufmann in Moskau, die meisten Molkereien übernehmen. Ich werde mich in den Ruhestand zurückziehen, meine jetzige Wohnung jedoch beibehalten. Du hast die Wahl, entweder vorderhand bei mir zu bleiben oder bei Schischemski die Stelle eines Gehilfen anzunehmen. Schischemski ist — wie es dir bekannt sein dürfte — der Mann von meiner Schwester Mina und somit dein Onkel. Seit dreißig Jahren steht er dem Gut Klimovo als Hauptverwalter vor.

«Wir werden nun dein väterliches Geschäft in Murenzewo liquidieren. Zwei Drittel vom Erlös gehen nach der Schweiz zuhanden deiner beiden Geschwister.»

готовы занять вакантные должности. Вам придется отдать Муренцево, а мне придется отдать Климово. Хорошо, что моим - 97

летним родителям не пришлось пережить это. Свой первый договор аренды они подписали в 1860-х годах, который наша семья неоднократно продлевала на протяжении примерно полувека».

«Разве Энгельгард этого не ценит?» Я вставил вопрос.

«Ой, откуда», устало ответил дядя, «ты знаешь поговорку о мавре, который выполнил свой долг и потом должен был уйти! На первом месте стоит солидарность Энгельгарда с его коллегами-помещиками. Он считает это делом чести. Этот гордый балтийский барон не знает сентиментальности.

«Я слышал, что Бландов, богатый московский купец, возьмет на себя большую часть молочных заводов. Я выйду на пенсию, но оставлю свою нынешнюю квартиру. У вас есть выбор: либо остаться пока со мной, либо занять должность помощника Шишемского. Как вы, наверное, знаете, Шижемский — муж моей сестры Мины и, следовательно, ваш дядя. Он тридцать лет был главным управляющим имением Климово.

«Мы сейчас ликвидируем бизнес вашего отца в Муренцево. Две трети доходов идут в Швейцарию на благо двух ваших братьев и сестер».

At the end of October 1909 we dealt with the liquidation or handover of the dairy in Murentsewo. I said goodbye to everything that was dear to me since childhood. The two of us, Uncle Nikolai and I, called on Seversky for the last time after the business deal with his manager had been concluded to the satisfaction of both parties.

In the hall of his mansion, Severski came towards us in a friendly manner with his hands outstretched. In his younger years he served with the Guard Hussars. Even an "old cavalryman" cannot deny his "past". Severski had the typical bow legs of a rider. His politeness - of which the Russians are undisputed masters - was exquisite. After the reception, the warmth of which was underlined with a glass of vodka and caviar rolls, the landowner escorted us to the wide, marble steps.

We left on November 1st. I remember the date exactly because on that day the Moscow University reopened its doors after being closed for several months.

Original Page 99

When I boarded the train to Smolensk in Kaluga and found my seat, an inner voice told me that a completely different future awaited me than the one that was being sung at my cradle. The end in Murentsevo should become a beginning in Klimovo. Chronos, god of time, ended the old and began a new phase in my life. Klimovo was supposed to be the conclusion, end and highlight of my stay in Russia!

Ende Oktober 1909 befaßten wir uns mit der Auflösung bzw. Uebergabe der Molkerei in Murenzewo. Ich nahm Abschied von allem, was mir von Kindheit an lieb und teuer war. Wir beide, Onkel Nikolai und ich, sprachen zuletzt noch bei Sewerski vor, nachdem das Geschäftliche mit seinem Verwalter zur Zufriedenheit beider Parteien abgeschlossen werden konnte.

Im Saal seines Herrenhauses kam uns alsdann Sewerski freundlich mit ausgestreckten Händen entgegen. Er diente in den jungen Jahren bei den Gardehusaren. Auch ein «alter Kavallerist» kann seine «Vergangenheit» nicht verleugnen. Sewerski hatte die typischen O-Beine eines Reiters. Seine Höflichkeit — in der die Russen unbestrittene Meister sind — war ausgesucht. Nach dem Empfang, dessen Wärme noch mit einem Glas Wodka und Kaviarbrötchen unterstrichen wurde, gab uns der Gutsherr das Geleit bis zur breiten, marmornen Freitreppe.

Am 1. November reisten wir ab. Ich erinnere mich des Datums genau, weil an jenem Tage die Moskauer Hochschule ihre Pforten nach mehrmonatiger Sperrfrist wieder öffnete. - 98

Als ich in Kaluga den Zug nach Smolensk bestieg und meinen Platz gefunden halte, sagte mir eine innere Stimme, daß jetzt eine ganz andere Zukunft auf mich wartete, als man sie an meiner Wiege sang. Aus dem Ende in Murenzewo sollte ein Anfang in Klimowo werden. Chronos, Gott der Zeit, beendete den alten und begann einen neuen Abschnitt in meinem Leben. Klimovo sollte den Ausklang, Ende und Höhepunkt meines Aufenthaltes in Rußland bilden!

В конце октября 1909 года мы занимались ликвидацией или передачей молокозавода в Муренцеве. Я попрощалась со всем, что было мне дорого с детства. Мы вдвоем, дядя Николай и я, в последний раз навещали Северского после того, как деловая сделка с его управляющим была заключена к удовлетворению обеих сторон.

В вестибюле своего особняка Северский дружелюбно подошел к нам, протянув руки. В молодые годы служил в гвардейском гусарском полку. Даже «старый кавалерист» не может отрицать своего «прошлого». У Северского были типичные кривые ноги всадника. Его вежливость, в которой русские являются бесспорными мастерами, была изысканной. После приема, теплоту которого подчеркивали рюмка водки и икорные рулеты, помешник проводил нас до широких мраморных ступеней.

Мы уехали 1 ноября. Я точно помню эту дату, потому что в этот день Московский университет вновь открыл свои двери после нескольких месяцев закрытия. - 98

Когда я сел в поезд на Смоленск в Калуге и нашел свое место, внутренний голос подсказал мне, что меня ждет совсем иное будущее, чем то, которое воспевали в моей колыбели. Конец в Муренцево должен стать началом в Климово. Хронос, бог времени, положил конец старому и начал новый этап в моей жизни. Климово должно было стать завершением, завершением и кульминацией моего пребывания в России!

The Jews in Russia

My book about life in the Russian provinces would be incomplete if I did not mention the Jews in it. Especially on the Klimovo estate, which I still remember clearly after many decades. Jews are indispensable. They were very numerous there, whether employed as tailors, shoemakers, sedentary or itinerant traders. I remember particularly well the wealthy merchant Chaim Samuilowitsch Galperin, who moved from Mogilev Governorate in the 1870s of the last century and then finally settled in Klimovo. — He owned a large colonial and hardware store, which, in addition to retail sales, also supplied the many small shops in the wide area. The Galperin family had many children, including six sons and five daughters. Chaim Samuilowitsch worked from scratch in Klimovo; only later did he become prosperous. He was characterized by a kind and fundamentally honest disposition, which is why the population loved and respected him. He helped out many poor people with money and goods without ever receiving a single kopeck back.

When I met Chaim Samuilowitsch, he was already very old. Every morning this patriarchal figure with a snow-white, flowing beard walked from his apartment, which was right next to Baron von Engelhard's manor, to his shop. He carried a heavy bunch of keys in his hand and an account book under his arm. Chaim Samuilovich was God-fearing, lived a strict ritual life and raised his children accordingly. He kept a Jewish teacher in the house for pedagogical training. Some sons

Die Juden in Rußland

Mein Buch über das Leben in der russischen Provinz wäre unvollständig, wenn ich die Juden darin nicht erwähnen würde. Gerade auf dem Landgut Klimovo, das mir nach vielen Jahrzehnten noch in klarer Erinnerung geblieben ist, sind die Juden nicht wegzudenken. Sie waren dort sehr zahlreich, sei es als Schneider, Schuster, seßhafte oder ambulante Händler beschäftigt. Ganz besonders gut kann ich mich des begüterten Kaufmanns Chaim Samuilowitsch Galperin entsinnen, der in den siebziger Jahren des vergangenen Jahrhunderts aus dem Gouvernement Mogilew umsiedelte und sich dann schließlich in Klimovo niederließ. — Er besaß eine große Kolonial- und Eisenwarenhandlung, welche außer dem Detailverkauf noch die vielen kleinen Läden im weiten Umkreis belieferte. Die Familie Galperin war kinderreich, sie zählte sechs Söhne und fünf Töchter. Chaim Samuilowitsch arbeitete in Klimovo von der Pike auf; erst später brachte er es zum Wohlstand. Er zeichnete sich durch eine gütige und grundehrliche Gesinnung aus, weshalb ihn die Bevölkerung liebte und achtete. Vielen armen Menschen half er mit Geld und Naturalien aus, ohne je eine Kopeke zurückzuerhalten.

Als ich Chaim Samuilowitsch kennen lernte, stand er bereits im hohen Alter. Jeden Morgen schritt diese patriarchalische Erscheinung mit schlöhweißem, wallendem Bart von seiner Wohnung, die direkt neben dem Herrensitz des Barons von Engelhard lag, zu seinem Geschäft. In der Hand trug er einen schweren Schlüsselbund, unter dem Arm ein Kontobuch. Chaim Samuilowitsch war gottesfürchtig, lebte streng rituell und erzog seine Kinder dementsprechend. Für die pädagogische Bildung hielt er einen jüdischen Lehrer

Евреи в России

Моя книга о жизни в русской провинции была бы неполной, если бы я не упомянул в ней евреев. Особенно в усадьбе Климово, которую я до сих пор отчетливо помню спустя многие десятилетия. Евреи незаменимы. Их там было очень много, независимо от того, работали ли они портными, сапожниками, оседлыми или странствующими торговцами. Особенно мне запомнился богатый купец Хаим Самуилович Гальперин, который переехал из Могилевской губернии в 1970-е годы и затем окончательно обосновался в Климово. — Он владел большим колониальным и хозяйственным магазином, который, помимо розничной торговли, также снабжал множество мелких магазинов на обширной территории. Семья Гальперина была многодетной, в том числе шесть сыновей и пять дочерей. Хаим Самуилович работал в Климово с нуля; только позже он стал процветающим. Ему был свойственен добрый и принципиально честный нрав, за что население любило и уважало его. Он помог многим беднякам деньгами и товарами, не получив обратно ни копейки.

Когда я встретил Хайма Самуиловича, он был уже очень стар. Каждое утро этот патриархальный персонаж с белоснежной распущенной бородой шел из своей квартиры, находившейся прямо рядом с усадьбой барона фон Энгельхарда, в свою лавку. В руке он нес тяжелую связку ключей, а под мышкой — бухгалтерскую книгу. Хаим Самуилович был богобоязненным, вел строгую обрядовую жизнь и соответственно воспитывал своих детей. Он держал в доме учительницу-еврейку для педагогического

later attended high school in the nearby provincial town of Dukhovschina as well as universities in St. Petersburg or, because of the numerus closures, abroad.

Original Page 100

I was close friends with his son Lazar. He was eighteen years old at the time and was in the last year of high school. I saw him during school holidays when he came home from Dukhovschina. After graduating from high school, he studied medicine at the University of Strasbourg. —

As the chroniclers say, individual Jews arrived in the Volga and Dnieper regions in very early times, probably as merchants from Byzantium and the Crimea. However, it was not until the 8th century, at the time of the Khazar Empire, that large-scale immigration of Jews began, supported by the lively trade relations between these areas, Armenia, Caucasus, Persia and Mesopotamia, with Kiev, which did not falter, even when the Khazar Empire came to a standstill. These Jews lived without close connection to the Jewish centers and fell into sectarianism.

Another historical trace of the Jews can be found in the empire of Grand Duke Vladimir I (980-1015), who, before his conversion to the Byzantine Church, also held a religious debate with Jewish emissaries. Economic and political reasons continued to make Kiev, "the mother of Russian cities," a magnet for Jewish migration from the Caucasus and the Greek colonies. Like the city of Vladimir in Volhynia, it was a trading

im Hause. Einige Söhne besuchten später das Gymnasium in der nahen Provinzstadt Duchowschina sowie die Hochschulen in St. Petersburg bzw. wegen dem Numerus clausus im Auslande. - 99

Mit seinem Sohne Lazar war ich eng befreundet. Er zählte damals achtzehn Jahre und saß in der letzten Klasse des Gymnasiums. Ich sah ihn jeweils während den Schulferien, wenn er von Duchowschina nach Hause kam. Nach der Matura studierte er Medizin an der Straßburger Universität. —

Wie die Chronisten sagen, sind einzelne Juden schon in sehr früher Zeit, wohl als Kaufleute aus Byzanz und der Krim, nach den Wolga- und Dnjeporgegenden gelangt. Doch erst im 8. Jahrhundert, zur Zeit des Chazarenreiches, setzte, getragen von den lebhaften Handelsbeziehungen dieser Gebiete, Armeniens, Kaukasiens, Persiens und Mesopotamiens, mit Kiew eine größere Einwanderung von Juden ein, die auch, als das Chazarenreich ins Wanken geriet, nicht zum Stillstand gelangte. Diese Juden lebten ohne engeren Zusammenhang mit den jüdischen Zentren und verfielen der Sektiererei.

Eine weitere geschichtliche Spur der Juden findet sich dann im Reiche des Großfürsten Wladimir I. (980-1015), der vor seiner Bekehrung zur byzantinischen Kirche auch mit jüdischen Abgesandten eine Glaubensdisputation führte. Wirtschaftliche und politische Gründe machten Kiew, «die Mutter der russischen Städte», auch fernerhin zu einem Anziehungspunkt für die jüdischen Wanderbewegungen vom Kaukasus und aus den griechischen Kolonien. Bildete sie doch ebenso wie die Stadt Wladimir in Wolhynien

обучения. Некоторые сыновья позже посещали среднюю школу в соседнем провинциальном городе Духовщина, а также университеты в Санкт-Петербурге или, в силу numerus clausus, за границей. - 99

Я был близким другом его сына Лазаря. В то время ему было восемнадцать лет, и он учился в последнем классе средней школы. Я видел его во время школьных каникул, когда он возвращался домой с Духовщины. После окончания средней школы он изучал медицину в Страсбургском университете. —

Как говорят летописцы, отдельные евреи прибывали в Поволжье и Приднепровье в очень раннее время, вероятно, как купцы из Византии и Крыма. Однако только в VIII веке, во времена Хазарской империи, началась крупномасштабная иммиграция евреев, поддерживаемая оживленными торговыми отношениями между этими территориями, Арменией, Кавказом, Персией и Месопотамией, с Киевом, который не произошло даже тогда, когда Хазарская империя, пошатнувшись, зашла в тупик. Эти евреи жили без тесной связи с еврейскими центрами и впали в сектантство.

Другой исторический след евреев можно найти в империи великого князя Владимира I (980-1015), который до своего обращения в Византийскую церковь также вел религиозные диспуты с еврейскими эмиссарами. Экономические и политические причины продолжали делать Киев, «матерь русских городов», магнитом для еврейской миграции с Кавказа и греческих колоний. Как и город Владимир на Волыни, это был хорошо известный евреям торговый город, через который они проходили во время своих

town well known to the Jews, which they passed through on their journeys to the Orient. But Kiev also soon became important for them as a permanent settlement.

The Jews played an important role in the economic wave that swept from western Europe to the Orient across the Slavic countries. It was only after the invasion of the Mongols in the 13th century that their traces in the Russian Empire were almost completely lost; With a few exceptions, the Muscovite Empire remained completely closed to them, and they only reappeared in the second half of the 15th century. The route to Moscow led via Novgorod and what was then Lithuanian Smolensk. Since attacks on Jews frequently occurred there, the Polish kings repeatedly intervened. Ivan IV the Terrible (1533-1584), in response to such an idea from the Polish King Sigismund Augustus about the arrest and robbery of Jewish merchants, declared categorically that he would not allow the Jews free access to Moscow because they turned the Russians away from their own faith.

Original Page 101

After conquering the city of Polotsk, he had around 300 Jews who did not want to convert to Christianity drowned in the Daugava and confiscated their assets (1563). In the second half of the 16th century, the Muscovite Empire remained almost entirely devoid of Jews, and it was not until the beginning of the 17th century that they reappeared. The interior of the empire remained essentially closed to them, and they were only allowed to trade in the border areas. They were repeatedly expelled from individual areas, such as Smolensk.

eine den Juden wohlbekannte Handelsstadt, die sie auf ihren Reisen nach dem Orient passierten. Aber auch als feste Niederlassung gewann Kiew bald für sie Bedeutung.

Die Juden spielten eine bedeutende Rolle in der Wirtschaftswelle, welche sich vom Westen Europas nach dem Orient über die slawischen Länder ergoß. Erst nach dem Eindringen der Mongolen im 13. Jahrhundert verlieren sich ihre Spuren im russischen Reiche fast vollkommen; das moskowitische Reich blieb ihnen bis auf vereinzelte Ausnahmen nunmehr völlig verschlossen, und sie tauchten erst wieder in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts auf. Der Weg nach Moskau führte über Nowgorod und das damalige litauische Smolensk. Da dort häufig Ueberfälle auf Juden vorkamen, erfolgten immer neue Interventionen der polnischen Könige. Iwan IV., der Schreckliche (1533-1584), erklärte auf eine solche Vorstellung des Polenkönigs Sigismund August wegen der Verhaftung und Beraubung von jüdischen Kaufleuten kategorisch, daß er den Juden keinen freien Zutritt nach Moskau gewähren würde, weil sie die Russen ihrem Glauben abwendig machten. - 100

Nach Eroberung der Stadt Polozk ließ er etwa 300 Juden, die sich nicht zum Christentum bekehren wollten, in der Düna ertränken und ihr Vermögen einziehen (1563). In der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts blieb das Moskowiterreich fast gänzlich ohne Juden, und erst zu Beginn des 17. Jahrhunderts tauchten sie wieder auf. Das Innere des Reiches blieb ihnen so im wesentlichen auch weiterhin verschlossen, und nur in den Grenzgebieten durften sie Handel treiben. Aus einzelnen Gegenden, so aus Smolensk, wurden sie wiederholt ausgewiesen.

путешествий на Восток. Но и Киев вскоре стал для них важным как постоянное поселение.

Евреи сыграли важную роль в экономической волне, прокатившейся из Западной Европы на Восток через славянские страны. Лишь после нашествия монголов в XIII веке их следы в Российской империи почти полностью затерялись; За немногими исключениями Московская империя оставалась для них совершенно закрытой, и вновь они появились лишь во второй половине XV века. Путь в Москву пролегал через Новгород и тогдашний литовский Смоленск. Поскольку нападения на евреев там происходили часто, польские короли неоднократно вмешивались. Иван IV Грозный (1533-1584) отреагировал на такое представление польского короля Сигизмунда Августа об аресте и грабеже еврейских купцов и категорически заявил, что не допустит свободного доступа евреев в Москву, поскольку они отвергли Россияне за свою веру отвращенных. – 100

После завоевания города Полоцка он приказал утопить в Даугаве около 300 евреев, не желавших принять христианство, и конфисковать их имущество (1563 г.). Во второй половине XVI века Московская империя оставалась почти полностью лишенной евреев, и только в начале 17 века они появились вновь. Внутренняя часть империи оставалась для них по существу закрытой, и им разрешалось торговать только в приграничных районах. Их неоднократно высыпали из отдельных областей, например из Смоленска.

Under Tsarina Catherine I (1725-1727) the situation of Jews in Russia worsened. The Tsarina was no longer content with preventing the immigration of new Jews, but instead began to expel them.

The question of the settlement of Jews in Russia had now come into play and formed the inexhaustible, constantly varied topic of Russian legislation. Soon there were increasing requests in Little Russia and Riga to allow them certain freedoms in view of their importance for trade.

During the reign of Alexander III (1881-1896), Jewish conditions experienced a strong repercussion, especially since the murder of Alexander II, in which a Jewish woman also played a role, was blamed on the Jews. The long series of Jewish pogroms that began soon after he took office was not something accidental, but rather the start of a systematic policy of extermination that was pursued fundamentally and by all possible means. The course of events was always such that the larger population centers gave the alarm signal to the provinces.

The first riots broke out in Elizabethgrad during Pesach 1881 and from there spread throughout the south (Kiev, Odessa and various smaller towns). The total damage of these riots of 1881 can be estimated at 9-10 million rubles; Around 60,000 Jews were affected by the pogrom. The danger of the excesses lay in their planned and systematic nature. The press, especially that which was under Slavophile influence, did

Unter der Zarin Katharina I. (1725—1727) verschlimmerte sich die Lage der Juden in Rußland. Die Zarin begnügte sich nicht mehr mit der Abwehr der Einwanderung neuer Juden, sondern ging zu ihrer Vertreibung über.

Die Frage der Niederlassung von Juden in Rußland war aber nunmehr ins Rollen gekommen und bildete das unerschöpfliche, stetig variierte Thema der russischen Gesetzgebung. Bald mehrten sich in Klein-Rußland und Riga die Bitten, ihnen im Hinblick auf ihre Bedeutung für den Handel gewisse Freiheiten zu gestatten.

Während der Herrschaft Alexanders III. (1881-1896) erfuhren die jüdischen Verhältnisse eine starke Rückwirkung, zumal die Ermordung Alexanders II., bei der auch eine Jüdin eine Rolle spielte, den Juden zur Last gelegt worden war. Die lange Reihe der bald nach seinem Regierungsantritt beginnenden Judenpogrome war nicht etwas Zufälliges, sondern der Auftakt zu einer grundsätzlich und mit allen Mitteln betriebenen systematischen Vernichtungspolitik. Der Verlauf der Ereignisse war im übrigen immer so, daß die größeren Bevölkerungszentren das Alarmsignal für die Provinzen abgaben.

Die ersten Unruhen brachen während des Pesachfestes 1881 in Elisabethgrad aus und ergriffen von da den ganzen Süden (Kiew, Odessa und verschiedene kleinere Orte). Der Gesamtschaden dieser Ausschreitungen von 1881 kann auf 9—10 Millionen Rubel beziffert werden; etwa 60 000 Juden wurden von dem Pogrom betroffen. Das Gefährliche der Exzesse lag in ihrer Planmäßigkeit und Systematik. Die Presse, insbesondere die unter slawophilen Einfluß stehende, tat alles, um

При царице Екатерине I (1725-1727) положение евреев в России ухудшилось. Царица больше не довольствовалась предотвращением иммиграции новых евреев, а вместо этого начала их изгонять.

Вопрос о расселении евреев в России теперь вступил в игру и составил неисчерпаемую, постоянно меняющуюся тему российского законодательства. Вскоре в Малороссии и Риге стали возрастать просьбы предоставить им определенные свободы ввиду их важности для торговли.

Во время правления Александра III. (1881-1896 гг.) положение евреев испытalo сильный резонанс, особенно после того, как на евреев возложили ответственность за убийство Александра II, в котором также сыграла роль еврейская женщина. Длинная серия еврейских погромов, начавшаяся вскоре после его прихода к власти, была не чем-то случайным, а, скорее, началом систематической политики истребления, которая проводилась фундаментально и всеми возможными способами. Ход событий всегда был таким, что крупные населенные пункты давали сигнал тревоги провинции.

Первые беспорядки вспыхнули в Елизаветграде во время Песаха 1881 года, а оттуда распространились по всему югу (Киев, Одесса и различные более мелкие города). Общий ущерб от этих беспорядков 1881 г. можно оценить в 9–10 миллионов рублей; В погроме пострадало около 60 000 евреев. Опасность эксцессов заключалась в их планомерном и систематическом характере. Пресса, особенно находившаяся под славянофильским влиянием,

everything to incite anti-Jewish sentiment. It was primarily to blame when demagogues claimed that the pogroms were taking place on government orders to protect the Russian population from economic exploitation

Original Page 102
by the Jews. Although the Tsar himself condemned the excesses, he was inclined to place most of the blame on the Jews themselves. The Jewish deputations that called on him were therefore unable to do anything. The behavior of the police and military was also not flawless. The government seized on this evidence of the harmfulness of the Jews with satisfaction.

At home, few voices were raised in support of the persecuted. Various protest rallies were organized abroad, and there was even an interpellation in the English House of Commons about the conditions in Russia, but no one was able to help the Jews.

Hand in hand with the persecutions went educational restrictions, the introduction of a percentage standard for the admission of Jews to secondary schools and universities, the prohibition of the freedom of career choice for members of the liberal professions, restrictions on Jews in zemstvo and city administration, in the army, etc.

The spirit that dominated Russian politics after Nicholas II came to power in 1896 was no better. Although various attempts were made to bring about certain relaxations in the legal restrictions of the Jews, all of these attempts were either only

die jüdenfeindliche Stimmung zu schüren. Sie war vor allem daran schuld, wenn Demagogen behaupteten, daß die Pogrome auf Befehl der Regierung stattfinden sollten, um die russische Bevölkerung vor der wirtschaftlichen Ausbeutung - 101

durch die Juden zu schützen. Der Zar selbst verurteilte zwar die Exzesse, war aber doch geneigt, den Juden den größten Teil der Schuld selbst zuzuschieben. Die jüdischen Deputationen, die bei ihm vorsprachen, konnten daher nichts ausrichten. Das Verhalten von Polizei und Militär war auch nicht einwandfrei gewesen. Mit Befriedigung griff die Regierung diesen Beweis für die Schädlichkeit der Juden auf.

Im Inland erhoben sich wenige Stimmen zugunsten der Verfolgten. Im Auslande wurden zwar verschiedene Protestkundgebungen veranstaltet, und im englischen Unterhaus kam es über die Zustände in Rußland sogar zu einer Interpellation, aber helfen konnte den Juden niemand.

Hand in Hand mit den Verfolgungen gingen die Bildungsbeschränkungen, die Einführung einer Prozentnorm für die Aufnahme von Juden in die höheren Schulen und Universitäten, die Unterbindung der Freiheit der Berufswahl für Angehörige freier Berufe, Beschränkungen der Juden in Semstwo und Städteverwaltung, in der Armee usw.

Nicht besser war der Geist, der die russische Politik nach dem Regierungsantritt Nikolai II. (1896) beherrschte. Obschon verschiedene Versuche gemacht wurden, gewisse Milderungen in den Rechtsbeschränkungen der Juden eintreten zu lassen, waren doch

делала все для разжигания антиеврейских настроений. В первую очередь он был виноват, когда демагоги утверждали, что погромы происходили по заказу правительства с - 101

целью защитить российское население от экономической эксплуатации со стороны евреев. Хотя сам царь осуждал эти бесчинства, он был склонен возложить большую часть вины на самих евреев. Поэтому еврейские депутаты, пришедшие к нему, были не в состоянии ничего сделать. Поведение полиции и военных также не было безупречным. Правительство с удовлетворением ухватилось за эти доказательства вредности евреев.

Дома в поддержку преследуемых прозвучало мало голосов. За рубежом организовывались различные митинги протеста, был даже запрос в английскую палату общин по поводу условий в России, но никто не смог помочь евреям.

Рука об руку с гонениями шли ограничения образования, введение процентной нормы приема евреев в средние школы и университеты, запрет свободы выбора профессии для представителей свободных профессий, ограничения евреев в земском и городском управлении, в армии и т. д.

Дух, который доминировал в российской политике после прихода к власти Николая II в 1896 году, был не лучше. Хотя предпринимались различные попытки добиться определенного смягчения юридических ограничений для евреев, все эти попытки были либо временными, либо с

temporary or were doomed to be fruitless from the outset. Anti-Semitism was growing not only in government circles, but also in the press and society.

The unfortunate outcome of the Russo-Japanese War then brought the climax of the persecution of the Jews, which was followed by repercussions for several years. The giant was defeated because of his perverse politics and his limitless sloppiness in the fight against a dwarf. In order to divert the attention of the dissatisfied masses from itself, the government sought and found a scapegoat: the Jews. Prime Minister Stolypin's decree of April 30, 1907, which was intended to prevent impending unrest, was followed by the "Association of the Really Russian People" with the murder of the Jewish Duma deputy Jollos shortly thereafter and with the crudest attacks on Jews and the Jewish people answered in its entirety.

During my stay in Russia I witnessed such riots several times. They were invariably borne of a savage bestiality. The lowest

Original Page 103
instincts of the unleashed elements came to light. It seemed as if a legion of devils, with Satan incarnate at their head, had been unleashed on a bunch of unfortunate people. It is difficult to find words to describe all the dramas that took place continuously in front of the eyes of the police over many days.

I want to try to show my dear readers the riots against the Jews in December 1909 in Klimovo, in

alle diese Versuche entweder nur vorübergehender Art oder von vornherein zur Ergebnislosigkeit verurteilt. Nicht nur in Regierungskreisen, sondern auch in Presse und Gesellschaft war die Judenfeindlichkeit im Wachsen begriffen.

Der unglückliche Ausgang des russisch-japanischen Krieges brachte dann den Höhepunkt der Judenverfolgungen, denen während einiger Jahre noch Nachwehen folgten. Der Riese unterlag zufolge seiner abwegigen Politik, seines grenzenlosen Schlendrians im Kampf gegen einen Zwerg. Um die Aufmerksamkeit der unzufriedenen Volkmassen von sich abzulenken, suchte und fand die Regierung einen Sündenbock: die Judenheit. Der Erlass des Ministerpräsidenten Stolypin vom 30. April 1907, durch den drohenden Unruhen vorgebeugt werden sollte, wurde von dem «Verband der echt russischen Leute» mit der kurz darauf erfolgten Ermordung des jüdischen Dumadепutierten Jollos und mit den rüdesten Attentaten auf Juden und die jüdische Gesamtheit beantwortet.

Während meines Aufenthaltes in Rußland war ich mehrmals Zeuge solcher Ausschreitungen. Sie waren ausnahmslos von einer wilden -Bestialität getragen. Die niedrigsten - 102

Instinkte der entfesselten Elemente kamen dabei zutage. Es schien, als ob eine Legion von Teufeln mit dem leibhaftigen Satan an der Spitze auf ein Häufchen unglücklicher Menschen losgelassen worden wäre. Man hat Mühe, Worte zu finden, um all die Dramen, welche sich jeweils während vielen Tagen pausenlos vor den Augen der Polizei abspielten, zu beschreiben.

Ich will versuchen, den verehrten Leserinnen und Lesern die Ausschreitungen gegen die Juden im Dezember 1909

самого начала были обречены на бесплодность. Антисемитизм рос не только в правительственные кругах, но и в печати и обществе.

Неудачный исход русско-японской войны привел к кульминации преследований евреев, за которыми последовали последствия на несколько лет. Великан потерпел поражение из-за своей извращенной политики и безграничного неряшливости в борьбе с карликом. Чтобы отвлечь от себя внимание недовольных масс, правительство искало и нашло козла отпущения: евреев. — За указом премьер-министра Столыпина от 30 апреля 1907 года, призванным предотвратить надвигающиеся волнения, последовало «Объединение истинно русского народа» с убийством вскоре после этого еврейского депутата Думы Йоллоса и грубейшими нападениями на евреев и еврейский народ ответил полностью.

За время моего пребывания в России я несколько раз был свидетелем подобных беспорядков. Они неизменно рождались от дикого скотства. Самый низший - 102

инстинкта развязанной стихии выявились. Казалось, на кучку несчастных людей был спущен легион бесов с воплощением сатаны во главе. Трудно подобрать слова, чтобы описать все драмы, непрерывно происходящие на глазах у полиции на протяжении многих дней.

Я хочу попытаться показать моим дорогим читателям беспорядки против евреев в декабре

stripes of light, as I still remember them.

It began around Christmas in Dukhovschina and then spread like an avalanche across the entire district of the same name. After a few days, the sparks also spread to Klimovo.

One dull morning, as we sat at the breakfast table, Uncle leaned forward to look through the window. Already at daybreak the first signs of an impending change in the weather could be seen: long, narrow banks of clouds with a pale color.

“It’s snowing,” murmured the uncle. Over there, on the wide, red brick facade of the distillery, white lines sailed past. “It’s terrible in this biting cold,” the uncle continued, “plus the raging wind from the northeast!”

“Yes,” remarked the aunt, nodding, “the Russian winter has once again set in with its usual severity. I shudder when I think of the poor people who go about their day’s work in the open air. Today, for example, I would be sorry to throw Tom out the door.”

Tom, my hunting dog, actually had it better than many people. He sat in the warm room and watched carefully as I put my sandwich to my mouth.

The aunt followed her husband’s gaze. They both watched in silence as the snow continued to fall. It was getting dark so we had to light the petrol lamp again.

in Klimovo lichtstreifenweise so vor Augen zu führen, wie ich sie noch in Erinnerung behalten habe.

Es begann um die Weihnachtszeit in Duchowschina, um sich sodann wie eine Lawine über den ganzen Bezirk gleichen Namens zu ergießen. Die Funken sprangen nach einigen Tagen auch auf Klimovo über.

An einem trüben Morgen, als wir am Frühstückstisch saßen, beugte sich der Onkel weit vor, um durchs Fenster zu sehen. Schon bei Tagesanbruch waren die ersten Anzeichen eines bevorstehenden Wetterumsturzes zu erkennen: lange, schmale Wolkenbänke mit blasser Färbung.

«Es schneit», murmelte der Onkel. Drüber, an der breiten, roten Backstein-Fassade der Schnapsbrennerei, segelten weiße Striche vorüber. «Das ist entsetzlich bei dieser beißenden Kälte», fuhr der Onkel fort, «dazu der rasende Wind aus dem Nordosten!»

«Ja», bemerkte die Tante nickend, «der russische Winter hat wieder einmal mit seiner üblichen Strenge eingesetzt. Mich schaudert’s, wenn ich an die armen Leute denken muß, die unter freiem Himmel ihrem Tagwerk nachgehen. Heute zum Beispiel würde es mir leid tun, den Tom vor die Türe zu setzen.»

Tom, mein Jagdhund, hatte es in der Tat besser als viele Menschen. Er saß im warmen Zimmer und schaute aufmerksam zu, wie ich mein Butterbrot zum Munde führte.

Die Tante folgte dem Blick ihres Mannes. Beide sahen stumm dem immer stärker werdenden Schneefall zu. Es dunkelte, so daß wir die Petrollampe wieder anzünden mußten.

1909 года в Климово, в полосах света, какими я их помню до сих пор.

Оно началось под Рождество на Духовщине, а затем лавинообразно распространилось по всему одноименному району. Через несколько дней искры распространились и на Климово.

Одним пасмурным утром, когда мы сидели за завтраком, дядя наклонился вперед и посмотрел в окно. Уже на рассвете стали заметны первые признаки приближающегося изменения погоды: длинные, узкие полосы облаков бледного цвета.

«Идет снег», — пробормотал дядя. Там, на широком краснокирпичном фасаде винокурни, проплывали белые линии. «Это ужасно в такой мороз», продолжал дядя, «плюс бушующий ветер с северо-востока!»

«Да», заметила тетушка, кивая, «снова наступила русская зима с обычной суровостью. Я содрогаюсь, когда думаю о бедняках, которые работают на открытом воздухе. Сегодня, например, мне было бы жаль вышвырнуть Тома за дверь».

Тому, моему охотничьему псу, дела шли лучше, чем многим людям. Он сидел в теплой комнате и внимательно смотрел, как я подношу сэндвич ко рту.

Тётя проследила за взглядом мужа. Они оба молча наблюдали, как продолжает падать снег. Темнело, и нам пришлось снова зажечь керосиновую лампу.

In the middle of the silence we suddenly heard a timid knock.

“In!” the uncle shouted loudly.

The door creaked open and Salocha, the old maid who had been there when her grandparents were alive, appeared in its frame. In a sense she was part of the house

Original Page 104
inventory. Salocha wanted to announce Chaim Samuilovich's visit, but she didn't get around to it. He gently pushed her aside and hastily entered. He bowed slightly.

“Please excuse me if I intrude so unexpectedly, but I have come in all haste to ask you for advice that cannot be delayed.” Chaim Samuilowitsch always spoke German to all of us when no Russians were present. He counted the old maid among the “initiates”.

The uncle stood up and pointed to a chair: “Please take a seat, Mr. Galperin!”

Chaim Samuilovich sat down with a groan and put his fur hat and lined leather gloves on his knees.

The uncle looked questioningly at the old man.

“The fact is,” he continued, “my accountant Mitkin returned yesterday evening from Dukhovschina, where he had business.” Chaim Samuilovitch fell silent. Big tears ran down his wrinkled cheeks. He didn't have the

Mitten im Schweigen hörten wir plötzlich ein zaghaftes Klopfen.

«Herein!» rief der Onkel laut.

Die Tür ging quietschend auf, und in ihrem Rahmen erschien Salocha, das alte Dienstmädchen, welches schon zu Lebzeiten der Großeltern da war. Es gehörte gewissermaßen zum Haus - 103

inventar. Salocha wollte den Besuch des Chaim Samuilowitsch anmelden, doch kam sie nicht dazu. Dieser schob sie sachte beiseite und trat hastig ein. Er verneigte sich leicht.

«Sie entschuldigen bitte, wenn ich so unverhofft eindringe, aber ich komme in aller Eile, um Sie um Rat zu bitten, der keinen Aufschub gestattet.» Chaim Samuilowitsch sprach mit uns allen immer deutsch, wenn keine Russen zugegen waren. Das alte Dienstmädchen zählte er zu den «Eingeweihten».

Der Onkel erhob sich und deutete auf einen Stuhl:
«Nehmen Sie bitte Platz, Herr Galperin!»

Chaim Samuilowitsch setzte sich ächzend, legte die Pelzmütze und die gefütterten Lederhandschuhe auf die Knie.

Der Onkel sah den alten Mann fragend an.

«Es ist nämlich so», fuhr dieser fort, «mein Buchhalter Mitkin kehrte gestern abend aus Duchowschina zurück, wo er geschäftlich zu tun hatte.» Chaim Samuilowitsch verstummte. Dicke Tränen liefen über seine faltenreichen

Среди тишины мы вдруг услышали робкий стук.

“B!” - громко крикнул дядя.

Дверь скрипнула, и в ее раме появилась Салоча, старая дева, бывавшая здесь при жизни ее дедушки и бабушки. В каком-то смысле это была часть дома - 103

инвентарь. Салоча хотела объявить о визите Хaima Samuilovicha, но не успела. Он осторожно оттолкнул ее в сторону и поспешно вошел. Он слегка поклонился.

«Пожалуйста, извините меня, если я так неожиданно вторгаюсь, но я спешил попросить у вас совета, который нельзя откладывать». Хaim Samuilovich всегда говорил со всеми нами по-немецки, когда не было russких. Он причислил старую девушку к «посвященным».

Дядя встал и указал на стул: «Присаживайтесь, пожалуйста, господин Гальперин!»

Хaim Samuilovich со стоном сел и положил на колени меховую шапку и кожаные перчатки на подкладке.

Дядя вопросительно посмотрел на старика.

«Дело в том, — продолжал он, — что мой бухгалтер Миткин вернулся вчера вечером из Духовщины, где у него были дела». Хaim Samuilovich замолчал. Крупные слезы потекли по его морщинистым щекам. У него не было сил

strength to continue speaking. You could see how it worked inside him.

The uncle waited patiently. A sigh from Aunt Mathilde brought Chaim Samuilowitsch to his senses: "Pogrom!" he murmured, his eyes wide open. "Yesterday the entire Jewry in Dukhovschina was suddenly attacked. Some bandits were masked, others were not. The police are said to have calmly watched the criminal acts: murder, robbery and rape, without lifting a finger for the defenseless, pitiful people."

"That's terrible!" said the aunt and looked at the uncle for help. «What can we do for the poor people? Why isn't Stanovoy doing anything?»

The old Jew continued quietly, considering every word: "If it gets to the point where the pogrom spreads to our estate, then I would ask for permission to take refuge with you with my family. You are a foreigner; no one would dare cross the threshold of your house to reach out to us."

His uncle and aunt assured Chaim Samuilowitsch that he and his family members could be welcomed by us at any time.

After a while of silence, the old man

Original Page 105
got up to return to his house. "God Almighty, bless you!" he said with an emotional voice.

Wangen. Er hatte nicht die Kraft, weiter zu sprechen. Man sah, wie es in seinem Innern arbeitete.

Der Onkel wartete geduldig zu. Ein Seufzer der Tante Mathilde brachte Chaim Samuilowitsch zur Besinnung: «Pogrom! » murmelte er mit weit aufgerissenen Augen. «Gestern ist die gesamte Judenschaft in Duchowschina schlagartig überfallen worden. Einige Banditen waren maskiert, andere waren es nicht. Die Polizei soll den kriminellen Taten: Mord, Raub und Vergewaltigung, gelassen zugeschaut haben, ohne für die wehrlosen, bejammernswerten Leute einen Finger zu rühren.»

«Das ist furchtbar!» sagte die Tante und warf einen hilfesuchenden Blick auf den Onkel. «Was können wir für die armen Menschen tun? Warum unternimmt der Stanowoj nichts?»

Der alte Jude fuhr leise, jedes Wort überlegend, fort: «Wenn es so weit kommen sollte, daß der Pogrom auf unser Gut übergreift, dann würde ich um die Erlaubnis bitten, mit meiner Familie bei Ihnen Zuflucht nehmen zu dürfen. Sie sind Ausländer, man wird es kaum wagen, die Schwelle Ihres Hauses zu überschreiten, um die Hand nach uns auszustrecken.»

Onkel und Tante versicherten Chaim Samuilowitsch, daß er mit seinen Familienangehörigen bei uns jederzeit Aufnahme finden könne.

Nach einer Weile des Schweigens erhob sich der Greis, - 104

um in sein Haus zurückzukehren. «Gott, der Allmächtige, segne Sie!» sagte er mit bewegter Stimme.

продолжать говорить. Вы могли видеть, как это работало внутри него.

Дядя терпеливо ждал. Вздох тети Матильды привел Хайма Самуиловича в чувство: «Погром! — пробормотал он, широко открыв глаза. «Вчера внезапному нападению подверглось все еврейство Духовщины. Некоторые бандиты были в масках, другие — нет. Говорят, что полиция спокойно наблюдала за преступными действиями: убийствами, грабежами и изнасилованиями, не пошевелив и пальцем ради беззащитных, жалких людей».

«Это ужасно!» сказала тетя и посмотрела на дядю в поисках помощи. «Что мы можем сделать для бедных людей? Почему Становой ничего не делает?»

Старый еврей продолжал тихо, обдумывая каждое слово: «Если дойдет до того, что погром перекинется на наше имение, то я бы попросил разрешения укрыться у вас с семьей. «Вы иностранец, никто не посмеет переступить порог вашего дома и обратиться к нам».

Его дядя и тетя заверили Хайма Самуиловича, что мы можем принять его и членов его семьи в любое время.

После некоторого молчания старик встал, - 104

чтобы вернуться в свой дом. «Боже Всемогущий, благослови тебя!» - сказал он эмоциональным голосом.

The following night I often woke up from sleep. I thought someone had knocked on my window. In reality, the knock was my imagination. The nerves were overwrought.

But twenty-four hours later there was indeed a knock on the window of my room, the glass panes rattling and shattering. I jumped out of bed and quickly put on my pants, a shirt and a pair of shoes. The knocking was repeated, this time at the entrance to the house. In the darkness I felt my way to the door and opened it. At the same time, the uncle also stepped outside with a lantern in his hand. Here I saw the same picture that had presented itself to my eyes in another place two years ago.

In front of the house, fleeing Jews, young and old, had gathered and asked to be admitted as quickly as possible, not only out of fear of the mob advancing, but also because of the icy cold, which was hard on the children and the barely dressed adults. Slawa, Lazarus's twenty-year-old sister, was carrying a small child in each of her arms. She still had sleep in her eyes and her dressing gown was only casually thrown over her shoulders. The thermometer had dropped to thirty degrees below zero that night!

We accommodated the refugees in our living quarters as best we could. Then we remained awake in complete darkness until dawn. The other Jewish families had to go through terrible things. They were severely mistreated or even murdered, their houses were robbed and some were pillaged. The destruction was great, but it was small compared to

In der folgenden Nacht fuhr ich oft aus dem Schlafe. Ich glaubte, jemand habe an mein Fenster geklopft. In Wirklichkeit bestand das Klopfen in meiner Einbildung. Die Nerven waren überreizt.

Aber vierundzwanzig Stunden später klopfte es in der Tat am Fenster meines Zimmers, die Glasscheiben klirrten zum Zerspringen. Ich sprang mit einem Satz aus dem Bett und zog schnellstens meine Hosen, ein Hemd und ein Paar Schuhe an. Das Klopfen wiederholte sich, diesmal beim Hauseingang. In der Dunkelheit tastete ich mich bis zur Türe durch, öffnete sie. Gleichzeitig trat auch der Onkel mit einer Laterne in der Hand ins Freie. Hier sah ich das nämliche Bild, welches sich meinen Augen vor zwei Jahren an einem anderen Orte geboten hatte.

Vor dem Hause hatten sich flüchtende Juden, groß und klein, angesammelt, die um möglichst raschen Einlaß baten, nicht nur aus Angst vor dem nachrückenden Pöbel, sondern auch wegen der eisigen Kälte, die den Kindern und den notdürftig gekleideten Erwachsenen hart zusetzte. Slawa, die zwanzigjährige Schwester von Lazarus, trug auf beiden Armen je ein Kleinkind. Sie hatte noch den Schlaf in den Augen, und der Schlafrock war nur beiläufig über ihre Schultern geworfen. Dabei war das Thermometer in jener Nacht bis dreißig Grad unter Null gefallen!

Wir brachten die Flüchtlinge — so gut es ging — in unseren Wohnräumen unter. Dann verharren wir bei vollkommener Dunkelheit wachend bis zum Morgengrauen. Die übrigen jüdischen Familien mußten Schlimmes durchmachen. Sie wurden schwer mißhandelt oder gar ermordet, ihre Häuser ausgeraubt, zum Teil gebrandschatzt. Die Zerstörungen waren groß, sie wogen aber gering

Следующей ночью я часто просыпался. Я думал, что кто-то постучал в мое окно. На самом деле стук был результатом моего воображения. Нервы были на пределе.

Но двадцать четыре часа спустя в окно моей комнаты действительно постучали, стекла задребезжали и разбились. Я вскочил с кровати и быстро надел штаны, рубашку и туфли. Стук повторился, на этот раз у входа в дом. В темноте я нашупал дверь и открыл ее. В это же время на улицу вышел и дядя с фонарем в руке. Здесь я увидел ту же картину, которая предстала моему взору в другом месте два года назад.

Перед домом собирались бежавшие евреи, молодые и старые, и просили, чтобы их впустили как можно скорее, не только из-за страха перед приближающейся толпой, но и из-за ледяного холода, который был тяжелым для детей и едва одетые взрослые. Слава, двадцатилетняя сестра Лазаря, держала на каждой руке по маленькому ребенку. В глазах у нее все еще был сон, и халат был лишь небрежно наброшен на плечи. В ту ночь термометр опустился до тридцати градусов ниже нуля!

Мы разместили беженцев в наших жилых помещениях, как могли. Потом мы бодрствовали в полной темноте до рассвета. Другим еврейским семьям пришлось пережить ужасные вещи. С ними жестоко обращались или даже убивали, их дома грабили, а некоторые разграбили. Разрушения были велики, но они были малы по

the damage inflicted on the body and soul of those being persecuted.

The next day the Stanovoi arrived with a police escort. His orders were essentially tentative. Instead of taking tough action, the police stood idle, smoking and chatting. I watched as a farm boy came out of the Jewish tailor's house, glanced around briefly and calmly went on his way. In both hands he carried a heavy load of stolen goods. When the patrolling police officer ordered him to stand still, he fled. Then the policeman tore the army revolver out of its case, took aim and fired.

Original Page 106

The revolver failed. Only the quiet, metallic crack of the trigger being pulled off in vain was audible.

I entered the interior of this house. Dirt and rubbish everywhere. In one corner of the bedroom there was a vanity with an old-fashioned brown wooden frame. — Its marble top was broken in two and the drawers were torn out. The tailor lay stretched out on the bed with a shot in his temple. He was still alive, but he had lost his sight due to the destruction of his optic nerve. His wife sat next to him. When I entered, the unfortunate woman's face was filled with pale terror, and cold sweat was beading on her forehead.

I pushed open the door to the next room. A young man, the journeyman tailor Moska, stood there leaning against the wall with a confused look. His face was horribly bruised. It was swollen

gegenüber dem Schaden, der den Verfolgten an Leib und Seele zugefügt wurde.

Anderntags traf der Stanowoi mit einer Polizei-Eskorte ein. Seine Anordnungen waren im Grunde genommen zaghaf. Statt scharf durchzugreifen, standen die Polizisten untätig herum, rauchten und schwatzten. Ich sah zu, wie ein Bauernbursche aus dem Haus des jüdischen Schneiders trat, sich flüchtig umsaß und ruhig seines Weges ging. In beiden Händen trug er eine schwere Last von gestohlenem Gut. Als der patrouillierende Polizist ihm Stillstehen gebot, ergriff er die Flucht. Da riß der Polizist den Armeerevolver aus dem - 105

Futteral, zielte und drückte ab. Der Revolver versagte. Nur das leise, metallische Knacken des vergeblich abgezogenen Drückers war hörbar.

Ich betrat das Innere dieses Hauses. Ueberall Schmutz und Unrat. In einer Ecke des Schlafzimmers stand eine Waschkommode mit einem altmodischen braunen Holzrahmen. — Seine Marmorplatte war entzweigeschlagen, die Schubladen herausgerissen. Auf dem Bett lag ausgestreckt der Schneider mit einem Schuß in der Schläfe. Er lebte noch, doch hatte er durch die Zerstörung des Sehnerves das Augenlicht verloren. Neben ihm saß seine Frau. Ueber das Gesicht der Unglücklichen lief bei meinem Eintritt blasser Schrecken, und auf der Stirn perlte kalter Schweiß.

Ich stieß die Türe zum Nebenraum auf. Dort stand, an die Wand gelehnt, mit wirrem Blick ein junger Mann, der Schneidergeselle Moska. Sein Gesicht war furchtbar zugerichtet. Es war dick geschwollen und von

сравнению с ущербом, нанесенным телу и душе преследуемых.

На следующий день Становой прибыл в сопровождении полиции. Его приказы носили по существу предварительный характер. Вместо того чтобы принять жесткие меры, полицейские стояли сложа руки, курили и болтали. Я наблюдал, как фермерский мальчик вышел из дома еврейского портного, быстро оглянулся и спокойно пошел своей дорогой. В обеих руках он нес тяжелую ношу краденого. Когда патрулирующий полицейский приказал ему стоять на месте, он убежал. Тогда полицейский вырвал армейский револьвер из - 105

футляра, прицелился и выстрелил. Револьвер не сработал. Слышен был только тихий металлический треск тщетно спущенного спускового крючка.

Я вошел внутрь этого дома. Грязь и мусор повсюду. В углу спальни стоял туалетный столик со старомодной коричневой деревянной рамой. — Его мраморная столешница была разбита пополам, а ящики вырваны. Портной лежал, растигнувшись на кровати, с выстрелом в висок. Он был еще жив, но потерял зрение из-за разрушения зрительного нерва. Его жена сидела рядом с ним. Когда я вошел, лицо несчастной женщины было исполнено бледного ужаса, а на лбу выступил холодный пот.

Я толкнул дверь в следующую комнату. Молодой человек, подмастерье портного Мосыка, стоял, прислонившись к стене, с растерянным видом. Его лицо было ужасно разбито. Оно опухло и запеклось

and caked with blood. I left the house of horrors as quickly as possible. I felt sick outside and threw up.

Stanovoy came to dinner at the invitation of my uncle Leonard Schischemsky, who, as already mentioned, was the estate manager. When I entered the dining room, he was sitting alone in a comfortable armchair in front of the flickering fire, leafing through magazines. I sat down with him and told him about what I had seen with my own eyes. At the same time, I expressed my displeasure at the police's inaction.

At first the officer smiled at me in a friendly manner. But when I dared to accuse the police of their actions, the smile disappeared from his lips.

"I don't understand you," he said sullenly, tapping the stem of his pipe against his teeth.

"Do you always say that, Colonel, when you understand something?"

"Wait a minute," the officer continued, taking a long drag from his pipe and blowing out the smoke, "first of all, it's me who's going to be asking questions here, today, tomorrow, maybe even the day after. Others will get their turn later, perhaps even you." Furthermore, the officer trivialized everything that had happened the previous night. He spoke in a conversational tone, much like one speaks of an interesting play, and looked at me with amusement.

Blut verkrustet. Ich verließ schnellstens das Haus des Grauens. Draußen wurde mir schlecht, ich übergab mich.

Auf die Einladung meines Onkels Leonard Schischemski, der — wie schon gesagt — Gutsverwalter war, kam der Stanowoj zum Abendessen. Als ich das Eßzimmer betrat, saß er allein in einem bequemen Sessel vor dem flackernden Kaminfeuer und blätterte in Zeitschriften. Ich setzte mich zu ihm und erzählte von dem, was ich mit eigenen Augen gesehen hatte. Gleichzeitig brachte ich mein Mißfallen über die Untätigkeit der Polizei zum Ausdruck.

Anfänglich lächelte mir der Offizier freundlich zu. Als ich es aber wagte, der Polizei über ihr Tun und Lassen Vorwürfe zu machen, verschwand das Lächeln von seinen Lippen.

«Ich versteh Sie nicht», sagte er mürrisch und klopfte mit dem Pfeifenstiel gegen die Zähne.

«Sagen Sie das immer, Herr Oberst, wenn Sie etwas verstehen?»

«Moment mal», fuhr der Offizier fort, nahm einen langen Zug aus der Pfeife und blies den Rauch aus, «zunächst bin ich es, der hier Fragen stellen wird, heute, morgen, vielleicht sogar noch übermorgen. Später kommen dann andere dran, allenfalls auch Sie.» Im übrigen bagatellisierte der Offizier alles, was sich in der vergangenen Nacht ereignet hatte. Er sprach im Plauderton, ungefähr so, wie man von einem interessanten Theaterstück spricht, und musterte mich be - 106

кровью. Я покинул дом ужасов как можно быстрее. На улице мне стало плохо, и меня вырвало.

Становой пришел на обед по приглашению моего дяди Леонарда Шишемского, который, как уже говорилось, был управляющим имением. Когда я вошел в столовую, он сидел один в удобном кресле перед мерцающим огнем и листал журналы. Я подсел к нему и рассказал ему о том, что видел своими глазами. В то же время я выразил недовольство бездействием полиции.

Сначала офицер дружелюбно улыбнулся мне. Но когда я осмелился обвинить полицию в их действиях, улыбка исчезла с его губ.

«Я тебя не понимаю», угрюмо сказал он, постукивая мундштуком трубки по зубам.

«Вы всегда так говорите, полковник, когда что-то понимаете?»

«Погодите», продолжал офицер, долго затягиваясь трубкой и выпуская дым, «прежде всего, это я буду задавать вопросы здесь, сегодня, завтра, может быть, даже послезавтра. Другие получат свою очередь позже, возможно, даже ты.» Более того, офицер упрощал все, что произошло прошлой ночью. Он говорил разговорным тоном, как говорят об интересной пьесе, и с интересом смотрел на - 106

Original Page 107

"The damage is not as great as some people assumed," he concluded his reflections and once again immersed himself in a newspaper, which he put aside when I entered.

Finally Stanovoy sent for a policeman and gave him orders to check my information at the tailor's house. The man, a recently discharged soldier, clicked his heels together and snarled, "At your command, Your Honor."

I followed at the policeman's heels. The tailor's wife still remained in a squatting position on the edge of the bed. She kept repeating the words: "I want to pray to God, but there is no God!"

We met the rabbi at the estate. He walked from corpse to corpse and gave the final blessing to the dead.

Klimovo

In January 1910, Uncle Nikolai finally retired. As previously decided, I took up residence with Uncle Leonard. For a year and a half there I had the opportunity to get to know the structure of Russian agriculture and its workforce from the ground up. Uncle Leonard had a wealth of knowledge; He was therefore my excellent teacher. Born in the Minsk Governorate and of Polish descent, his lively disposition could now and then lead him to treat his subordinates according to the principle of master and slave. Occasionally he longed for the days when workers could be punished with

lustigt. «Der Schaden ist gar nicht so groß, als mancher angenommen hat», schloß er seine Betrachtungen und vertiefte sich wieder in eine Zeitung, die er bei meinem Eintritt beiseite legte.

Endlich ließ der Stanowoj doch einen Polizisten kommen, dem er den Befehl gab, meine Angaben im Hause des Schneiders zu überprüfen. Der Mann, ein kürzlich entlassener Soldat, schlug die Hacken zusammen und schnarrte: «Zu Befehl, Euer Hochwohlgeboren».

Ich folgte dem Polizisten auf dem Fuße. Die Frau des Schneiders verharrte noch immer in hockender Stellung auf dem Bettrand. Sie wiederholte fortwährend die Worte: «Ich möchte zu Gott beten, aber es gibt keinen Gott!»

Auf dem Gutshof begegneten wir dem Rabbiner. Er schritt von Leichnam zu Leichnam und gab den Toten den letzten Segen.

Klimowo

Im Januar 1910 zog sich Onkel Nikolai endgültig in den Ruhestand zurück. Wie zum voraus beschlossen, nahm ich bei Onkel Leonard Wohnsitz. Dort bot sich mir während anderthalb Jahren die günstige Gelegenheit, die Struktur der russischen Landwirtschaft und ihre Arbeiterschaft von Grund auf kennen zu lernen. Onkel Leonard verfügte über ein umfangreiches Fachwissen; er war daher mein ausgezeichneter Lehrmeister. Gebürtig aus dem Gouvernement Minsk und polnischer Abstammung, konnte ihn seine lebhafte Gemütsart dann und wann dazu hinreißen, die Untergebenen nach dem Prinzip Herr und Knecht zu behandeln. Gelegentlich sehnte er sich nach den Zeiten zurück, wo man die

меня. «Ущерб не так велик, как предполагали некоторые», заключил он свои размышления и снова погрузился в газету, которую отложил в сторону, когда я вошел.

Наконец Становой вызвал милиционера и приказал ему проверить мои сведения в доме портного. Мужчина, недавно уволенный солдат, щелкнул каблуками и прорычал: «По вашему приказу, ваша честь».

Я следовал за полицейским по пятам. Жена портного все еще сидела на корточках на краю кровати. Она все повторяла слова: «Хочу молиться Богу, но Бога нет!»

Мы встретили раввина в поместье. Он ходил от трупа к трупу и давал мертвым последнее благословение.

Климово

В январе 1910 года дядя Николай наконец вышел в отставку. Как было решено ранее, я поселился у дяди Леонарда. За полтора года там у меня была возможность с нуля познакомиться со структурой российского сельского хозяйства и его рабочей силой. Дядя Леонард обладал огромными знаниями; Поэтому он был моим превосходным учителем. Родившийся в Минской губернии поляк по происхождению, его живой нрав мог время от времени заставлять его относиться к своим подчиненным по принципу господина и раба. Иногда он мечтал о тех днях, когда рабочих можно было наказывать кнутом. «Это были линии!»

a whip. "Those were lines!" he exclaimed, "oh, wonderful times!" The farmers and workers called him "Panok," which means "little gentleman" in German. As a family man, he enjoyed an impeccable reputation. Of his eight children (four sons and as many daughters), seven received higher education. The three eldest sons, Nikolai, Alexander and David, were officers in the tsarist army. I will report below what became of them later.

I can remember an incident in which Uncle Leonard's hot-blooded nature came through. It was midsummer, during the harvest season. Field work was suspended due to persistent bad weather. Uncle Leonard sat in the office and kept up with the backlog of accounts.

Original Page 108

On the desk in front of him lay a folio spread wide open, in which he drew lines using an arshin (Russian ruler).

Suddenly you heard wild screaming and swearing from outside. Drunk farmers once again fought in front of the state-owned wine shop. Uncle Leonard paused in his work and listened. His black eyes flashed at me across the table. He took a few puffs from his pipe, then, as if bitten by a snake, jumped up from the office chair and ran out to the office, bareheaded, with a flowing beard, the ruler in his hand. When he reached the "battlefield," he blindly struck at the hard peasant skulls. His bold intervention worked wonders. The combatants scattered in all directions. But the uncle returned

Arbeiter mit der Peitsche züchtigen durfte. «Das waren Zeilen!» rief er aus, «ach, herrliche Zeiten!» Die Bauern und Arbeiter nannten ihn «Panok», was auf deutsch «kleiner Herr» heißen will. Als Familievater erfreute er sich eines makellosen Rufes. Von seinen acht Kindern (vier Söhne und ebensoviele Töchter) erhielten sieben eine höhere Schulbildung. Die drei ältesten Söhne, Nikolai, Alexander und David, waren Offiziere der zaristischen Armee. Was später aus ihnen geworden ist, werde ich im folgenden berichten.

Ich kann mich eines Vorfalles erinnern, bei dem das heißblütige Naturell Onkel Leonards zum Durchbruch kam. Es war im Hochsommer, während der Erntezeit. Wegen andauerndem Schlechtwetter ruhten die Feldarbeiten.
Onkel Leonard - 107

saß im Kontor und führte die rückständige Buchhaltung nach. Vor ihm auf dem Schreibtisch lag breit aufgeschlagen ein Foliant, worin er mit Hilfe eines Arschnins (russischer Maßstab) Linien zog.

Plötzlich hörte man von außen her wüstes Schreien und Schimpfen. Betrunkene Bauern rauften sich wieder einmal vor der staatlichen Weinhandlung. Onkel Leonard hielt in der Arbeit inne und lauschte. Seine schwarzen Augen blitzten mich über den Tisch hinweg an. Er machte ein paar Züge aus seiner Pfeife, schnellte dann, wie von einer Natter gebissen, vom Kanzleistuhl hoch und rannte barhäuptig, mit wehendem Bart, das Lineal in der Hand, zum Kontor hinaus. Auf dem «Kampfplatz» angelangt, schlug er blindlings auf die harten Bauernschädel los. Sein forsches Dazwischenreten wirkte Wunder. Die Streithähne stoben nach allen Richtungen auseinander. Der Onkel aber kehrte mit zufriedenem Lächeln an seinen

- воскликнул он. - О, чудесные времена! Фермеры и рабочие называли его «Панок», что по-немецки означает «маленький джентльмен». Как семьянин, он пользовался безупречной репутацией. Из восьми его детей (четыре сына и столько же дочерей) семеро получили высшее образование. Трое старших сыновей, Николай, Александр и Давид, были офицерами царской армии. О том, что с ними стало, я сообщу ниже.

Я помню случай, в котором проявился вспыльчивый характер дяди Леонарда. Была середина лета, сезон сбора урожая. Полевые работы были приостановлены из-за продолжительной непогоды. Дядя Леонард сидел в офисе и проверял накопившиеся счета. На столе перед ним лежал раскрытый настежь фолиант, в котором он чертил линии аршином (русской линейкой).

Внезапно вы услышали снаружи дикие крики и ругань. Пьяные фермеры в очередной раз подрались перед государственным винным магазином. Дядя Леонард прервал свою работу и прислушался. Его черные глаза сверкнули на меня через стол. Он несколько раз затянулся трубкой, затем, как укушенный змеей, вскочил с конторского кресла и побежал в кабинет, с непокрытой головой, с распущенной бородой, с линейкой в руке. Достигнув «поля боя», он слепо ударил по твердым крестьянским черепам. Его смелое вмешательство творило чудеса. Бойцы разбежались во все стороны. Но дядя вернулся на свое рабочее место с

to his workplace with a satisfied smile. In his right hand he held a piece of the broken ruler.

"By modern standards, my actions may be neither social nor Christian," grumbled the uncle into his beard, "but I believe that this old method is still suitable for bringing the uncultured muzhiks to their senses. They wouldn't understand anything else."

Such gaffes aside, Uncle Leonard was a fundamentally good man. Because of his constant willingness to help poor people, he enjoyed popularity and respect.

In contrast, the relationship between the farmers and workers on the one hand and the landowner, Baron Vadim Platonovich von Engelhard, on the other hand, was constantly strained. This extremely stingy and despotic man had adopted his father's airs and graces from the time of serfdom. He simply didn't want to give the workers a fair wage, and when a poor wretch got into debt, he squeezed them to the point of bleeding. Fortunately, von Engelhard was in St. Petersburg for three quarters of the year, where he ran a large household and held the position of department head in the Ministry of the Interior. In this way, the administrator had the opportunity to bring the guidelines drawn up by the landlord for the treatment of the farmers and workers to a reasonable level.

The following incident may serve as an example of the inhuman harshness of this large landowner:

Arbeitsplatz zurück. In seiner Rechten hielt er ein Stück des abgebrochenen Lineals.

«Nach neuzeitlichen Begriffen mag meine Handlungsweise weder sozial noch christlich sein», brummte der Onkel in den Bart, «aber ich halte dafür, daß dieses alte Mittel noch immer geeignet ist, die unkultivierten Muschiks zur Vernunft zu bringen. Etwas anderes würden sie nicht verstehen.»

Abgesehen von solchen Entgleisungen war Onkel Leonard ein grundgütiger Mensch. Wegen seiner allzeit großen Hilfsbereitschaft armen Menschen gegenüber erfreute er sich der Beliebtheit und Achtung.

Im Gegensatz dazu war das Verhältnis zwischen den Bauern und Arbeitern einerseits und dem Gutsherrn, Baron Wadim Platonowitsch von Engelhard anderseits dauernd gespannt. Dieser überaus geizige und despatisch veranlagte Mann hatte die Allüren seines Vaters aus der Zeit der Leibeigenschaft übernommen. Er wollte den Arbeitnehmern einfach keinen rechten Lohn zugestehen, und wenn einmal ein armer Schlucker in Schulden geriet, drückte er ihn bis zum Weißbluten. Glücklicherweise war von Engelhard Dreiviertel des Jahres in St. Petersburg, wo er einen großen Haushalt führte und im Innenministerium den Posten eines Abteilungschefs bekleidete. Auf diese Weise hatte der Verwalter Gelegenheit, die vom Gutsherrn aufgestellten Richtlinien für die Behandlung der Bauern- und Arbeiterschaft auf das vernünftige Maß zu bringen.

Von der unmenschlichen Härte dieses Großgrundbesitzers - 108

довольной улыбкой. В правой руке он держал кусок сломанной линейки.

«По нынешним меркам мои действия, может быть, и не общественные, и не христианские,» ворчал дядя в бороду, «но я считаю, что этот старый метод еще годен для того, чтобы образумить некультурных мужиков. Больше они ничего не поймут».

Если отбросить такие оплошности, дядя Леонард был в целом хорошим человеком. Благодаря своей постоянной готовности помочь бедным людям он пользовался популярностью и уважением.

Напротив, отношения между крестьянами и рабочими, с одной стороны, и помещиком бароном Вадимом Платоновичем фон Энгельгардом, с другой стороны, были постоянно натянутыми. Этот чрезвычайно скопой и despottischen человек перенял манеру и грацию своего отца еще со времен крепостного права. Он просто не хотел давать рабочим достойную зарплату и, когда бедняга влез в долги, выжимал их до крови. К счастью, фон Энгельхард три четверти года находился в Петербурге, где вел большое хозяйство и занимал должность начальника отдела Министерства внутренних дел. Таким образом, у администратора была возможность довести до разумного уровня правила обращения с фермерами и рабочими, разработанные землевладельцем.

Примером нечеловеческой жестокости этого крупного землевладельца - 108

Original Page 109

Chaim Samuilowitsch, as a pious Jew, sanctified the Sabbath (Jewish day of rest). Every Friday, as soon as the sun disappeared in the west, he stopped work and closed the door of the shop and returned to his house, where he performed prayers. The baron didn't like that. When he saw the carefully dressed Jew walking around the estate one Saturday morning, he immediately had him taken to the distillery and done dirty work there until late in the evening. The defenseless man protested with tears in his eyes, but what use was it? He couldn't stand against the arbitrary power of the all-powerful.

Baron von Engelhard was the father of a large family. His three sons and four daughters all received the most careful upbringing and education. Boris, Georg (called Jura) and Igor were pupils of the corps of pages at the tsar's court. The daughters received their education at the famous Smolny Institute in St. Petersburg. We will talk about the sons later.

As already indicated at the beginning, Klimovo was a very large estate - even by Russian standards. Although I worked there for two years, I didn't fully understand its limitations. Just think about it: 2,000 types of land correspond roughly to the size of thirty agricultural operations, such as those in the Seeland and Mittelland regions of the canton of Bern! — The number of workers, servants and livestock corresponded to the size of this property.

möge nachstehendes Vorkommnis als Beispiel dienen: Chaim Samuilowitsch heilige als frommer Jude den Sabbat (jüdischer Ruhetag]. Jeweils schon am Freitag, sobald die Sonne im Westen verschwand, legte er die Arbeit nieder, schloß die Tür des Geschäftes ab und kehrte in sein Haus zurück, wo er Gebete verrichtete. Das behagte dem Baron nicht. Als er eines Samstagvormittags den sorgfältig gekleideten Juden auf dem Gutshof herumspazieren sah, ließ er ihn unverzüglich in die Schnapsbrennerei abführen und dort bis zum späten Abend schmutzige Arbeit verrichten. Der wehrlose Mann protestierte mit Tränen in den Augen, aber was half's? Er konnte gegen die Willkür des Allgewaltigen nicht aufkommen.

Baron von Engelhard war Vater einer kinderreichen Familie. Seine drei Söhne und vier Töchter erhielten allesamt sorgfältigste Erziehung und Bildung. Boris, Georg (genannt Jura) und Igor waren Zöglinge des Pagenkorps beim Zarenhof. Die Töchter erhielten ihre Erziehung im berühmten Smolny- Institut in St. Petersburg. Von den Söhnen wird später noch die Rede sein.

Wie eingangs schon angedeutet, war Klimovo — auch nach russischem Maßstab betrachtet — ein sehr großes Gut. Obschon ich dort während zwei Jahren arbeitete, kannte ich seine Grenzen nicht restlos. Man bedenke bloß: 2000 Jucharten Land entsprechen ungefähr dem Umfang von dreißig landwirtschaftlichen Betrieben, wie sie etwa im See- und Mittelland des Kantons Bern bestehen! — Die Zahl der Arbeiter, der Dienerschaft und des Viehbestandes entsprach dem Ausmaß dieses Grundbesitzes.

может служить следующий случай: Хаим Самуилович, как благочестивый еврей, освящал субботу (еврейский день отдыха). Каждую пятницу, как только солнце скрывалось на западе, он прекратил работу, закрыл дверь лавки и вернулся в свой дом, где совершил молитву. Барону это не понравилось. Когда однажды субботним утром он увидел тщательно одетого еврея, прогуливающегося по усадьбе, он немедленно велел отвезти его в винокуренный завод и до позднего вечера делал там грязную работу. Беззащитный человек со слезами на глазах протестовал, но какой в этом смысл? Он не мог противостоять произволу всесильных.

Барон фон Энгельхард был отцом большого семейства. Все три его сына и четыре дочери получили самое тщательное воспитание и образование. Борис, Георг (по прозвищу Юра) и Игорь были воспитанниками пажеского корпуса при царском дворе. Дочери получили образование в знаменитом Смольном институте в Санкт-Петербурге. О сыновьях мы поговорим позже.

Как уже указывалось вначале, Климово было очень большим имением — даже по российским меркам. Хотя я проработал там два года, я не до конца понимал его ограничения. Только вдумайтесь: 2000 типов земель примерно соответствуют размеру тридцати сельскохозяйственных предприятий, например, в регионах Зееланд и Миттелланд кантона Берн! — Число рабочих, прислуги и скота соответствовало размерам этого имущества.

Since these are memories of youth, i.e. When it comes to times long past, I consequently usually write in the imperfect tense, regardless of whether the conditions in my adopted homeland have changed in this or that way or not.

In "my time" an estimated 80 to 90 percent of all residents in Russia lived from agriculture, livestock breeding and the secondary branches of agriculture. The possibilities offered to the Russian farmers were far from exhausted, where perhaps half of the land was used as arable or pasture land, a fifth was still wasteland and the rest was forest, at the expense of which the spread of agriculture had been taking place for centuries.

Russia's position in the world economy was determined by the yield of its fields and meadows.

Original Page 110

Early on, Russia exported cattle, hides, and the like, in addition to the valuable furs that had previously been its most important product for foreign powers. Later, the country's increasing need for the products of European industry and, as a result, the need to pay interest on external loans made a sharp increase in exports a condition of financial equilibrium. The trade balance had to be active if Russia was not to become impoverished. In order to achieve this, grain production was increased so much that enormous quantities of grain could be exported in excess of the empire's own needs. This meant that the Russian financial economy became highly dependent on the yield of the harvest. Since even with mediocre and poor harvests that did

Da es sich hier um Jugenderinnerungen, d. h. um längst verflossene Zeiten handelt, schreibe ich konsequenterweise meist im Imperfektum, ungeachtet dessen, ob sich die Verhältnisse in meiner Wahlheimat inzwischen in dieser oder jener Beziehung gewandelt haben oder nicht.

Zu «meinen Zeiten» lebten in Rußland schätzungsweise 80 bis 90 Prozent aller Einwohner vom Ackerbau, der Viehzucht und den Nebenzweigen der Landwirtschaft. Die Möglichkeiten, welche sich den russischen Bauern boten, waren noch lange nicht erschöpft, wo vielleicht die Hälfte des Bodens als Acker- oder Weideland genutzt wurde, ein Fünftel noch Oedland war und der Rest Wald, auf dessen Kosten die Ausbreitung der Landwirtschaft seit Jahrhunderten erfolgt.

Die Stellung Rußlands in der Weltwirtschaft war durch den - 109

Ertrag seiner Aecker und Wiesen bedingt. Schon früh führte Rußland außer dem kostbaren Pelzwerk, das vormals sein wichtigstes Erzeugnis für die fremden Mächte war, auch Vieh, Häute und dergleichen aus. Später machte der steigende Bedarf des Landes an Erzeugnissen der europäischen Industrie und in der Folge auch die Notwendigkeit der Verzinsung der äußeren Anleihen eine starke Erhöhung der Ausfuhr zur Bedingung des finanziellen Gleichgewichts. Die Handelsbilanz mußte aktiv sein, wenn Rußland nicht verarmen sollte. Um das zu erreichen, wurde der Kornbau so stark gesteigert, daß gewaltige Mengen von Getreide als Ueberschuß über den Eigenbedarf des Reiches ausgeführt werden konnten. Damit wurde aber die russische Finanzwirtschaft vom Ertrage der Ernten im

Так как это воспоминания молодости, т.е. ЧАС. Поэтому, когда речь идет о давно прошедших временах, я обычно пишу в несовершенном времени, независимо от того, изменились ли условия на моей приемной родине в ту или иную сторону или нет.

В «моё время» примерно от 80 до 90 процентов всех жителей России жили за счёт сельского хозяйства, животноводства и второстепенных отраслей сельского хозяйства. Возможности, предлагаемые русским земледельцам, были далеко не исчерпаны, где, пожалуй, половина земель использовалась под пашню или пастбища, пятая часть оставалась пустырем, а остальная часть - лесом, за счет которого и происходило распространение земледелия. на века .

Положение России в мировой экономике - 109

определялось урожайностью ее полей и лугов. Вначале Россия экспортировала крупный рогатый скот, шкуры и тому подобное, в дополнение к ценным мехам, которые ранее были ее самым важным продуктом для иностранных держав. В дальнейшем возрастающая потребность страны в продукции европейской промышленности и, как следствие, необходимость уплаты процентов по внешним кредитам сделали резкий рост экспорта условием финансового равновесия. Торговый баланс должен был быть активным, чтобы Россия не обеднела. Для этого производство зерна было увеличено настолько, что можно было вывозить огромные количества зерна, превышающие собственные потребности империи. Это означало, что российская финансовая экономика стала сильно

not exceed the real needs of the Russian population, grain had to be exported because of the state's need for money, the government, according to the prevailing opinion of economists, forced exports at the expense of feeding its people, which was achieved through the was very possible given the heavy tax pressure. There were, of course, considerable doubts about this view, which could not be assuaged by the fact that famine occurred in large areas, particularly in the Volga region.

In the west, in the coastal countries of the Baltic Sea, the economy was entirely European; towards the east it became more primitive: operations in three fields without fallow predominated. But the farmer knew about fertilization almost everywhere.

The black earth has all the natural prerequisites for the brilliant development of agriculture. In most of this area, however, overexploitation took place, which left the soil without any fertilization and rapidly exhausted it. Only in the West was culture higher; here it was also specialized and brought sugar beets, oil fruits, etc. out. In the steppe, the severe drought only permitted one-sided grain cultivation or the use of field grass pastures for livestock breeding.

The character of Russian agriculture was closely related to the cultural development of the farmers, which was explained by historical

höchsten Grade abhängig. Da auch bei mittelmäßigen und schlechten Ernten, die den wirklichen Bedarf der russischen Bevölkerung nicht überstiegen, wegen des Geldbedarfes des Staates Getreide ausgeführt werden mußte, hat die Regierung nach der vorherrschenden Ansicht der Volkswirtschaftskundigen die Ausfuhr auf Kosten der Ernährung ihres Volkes erzwungen, was durch den schwer lastenden Steuerdruck sehr wohl möglich war. Dieser Ansicht standen freilich erhebliche Bedenken gegenüber, die auch von der Tatsache nicht entkräftigt werden konnten, daß in großen Gebieten, namentlich in der Wolgaregion, Hungersnöte eintraten.

Im Westen, in den Küstenländern der Ostsee, war die Wirtschaft durchaus europäisch, gegen Osten wurde sie primitiver: der Betrieb in drei Feldern ohne Brache überwiegte. Doch kannte der Bauer fast überall die Düngung.

Die Schwarzerde hat alle natürlichen Vorbedingungen zur glänzenden Entfaltung der Landwirtschaft. Im größten Teil dieses Gebietes wurde aber ein Raubbau getrieben, der den Boden ohne jede Düngung ließ und ihn in schnell fortschreitendem Maße erschöpfte. Nur im Westen stand die Kultur höher, sie war hier auch spezialisiert und brachte Zuckerrüben, Oelfrüchte u. a. hervor. In der Steppe gestattete die große Trockenheit nur einen ganz einseitigen Kornbau oder die Nutzung der Feldgrasweide zur Viehzucht.

Der Charakter der russischen Landwirtschaft stand in engem Zusammenhang mit der Kulturentwicklung der Bauern, die sich aus geschichtlichen Voraussetzungen erklärt. Die moderne Wirtschaftsgeschichte Rußlands

зависеть от урожайности урожая. Поскольку даже при посредственных и скучных урожаях, не превышавших реальных потребностей российского населения, зерно приходилось вывозить из-за потребности государства в деньгах, правительство, по преобладающему мнению экономистов, форсировало экспорт за счет прокормки своего народа, что было достигнуто благодаря сильному налоговому давлению. В отношении этой точки зрения существовали, конечно, значительные сомнения, которые не могли быть смягчены тем фактом, что голод наблюдался на больших территориях, особенно в Поволжье.

На западе, в прибрежных странах Балтийского моря, экономика была полностью европейской, к востоку она стала более примитивной: преобладали работы на трех месторождениях без пара. Но об удобрении фермер знал практически везде.

Черноземье имеет все естественные предпосылки для блестящего развития земледелия. Однако на большей части этой территории произошла чрезмерная эксплуатация, в результате которой почва осталась без каких-либо удобрений и быстро истощилась. Только на Западе культура была выше, здесь она тоже специализировалась и завозила сахарную свеклу, масличные плоды и т. д. вне. В степи сильная засуха позволяла лишь односторонне возделывать зерновые или использовать полевые травяные пастбища для животноводства.

Характер русского земледелия был тесно связан с культурным развитием земледельцев, что объяснялось историческими условиями. Современная экономическая история России началась лишь в 1861

conditions. The modern economic history of Russia only began in 1861 with the abolition of serfdom, which

Original Page 111
 gave the peasants freedom of movement and independence from the landlord, but in return they became heavily dependent on the tax authorities. Incidentally, serfdom was by no means an ancient Slavic institution, as was previously believed. It was only carried out in Great Russia in the 17th century and later transferred to Little Russia. According to the research of the famous Russian historian Klyuchevsky, the assumption that Tsar Boris Godunov made the peasants serfs through an edict of 1592 cannot be maintained. But two centuries were enough to have the deepest influence on the character of the Russian peasant. The effect was all the more emphatic because the expansion of serfdom was probably paralleled by the spread of a collective field community, the field community (Russian: Mir), in which Russian enthusiasts wanted to see the solution to all social questions created by the Slavic spirit many centuries ago.

This assumption has been thoroughly refuted, since the same device was found in earlier centuries among most Germanic peoples and remnants of it among many other peoples. The agricultural community, in which the corporation of the community itself was viewed as the sole and legal owner of all land, which had to give each male "soul" its "share" of the land, seemed to have proven itself sufficiently well as long as grain cultivation preceded extensive pasture use resigned. But when the increasing population and the above-mentioned economic reasons forced greater exploitation of the land, serious abuses became apparent. The "soul

began erst im Jahr 1861 mit der Aufhebung der Leibeigenschaft, wodurch - 110

die Bauern die Freizügigkeit und Unabhängigkeit vom Grundherrn erhielten, dafür allerdings in eine drückende Abhängigkeit vom Fiskus gerieten. Die Leibeigenschaft war übrigens keineswegs eine uralte slavische Einrichtung, wie man früher glaubte. Sie wurde in Großrußland erst im 17. Jahrhundert durchgeführt und noch später auf Kleinrußland übertragen. Die Annahme, daß Zar Boris Godunow durch einen Ukas von 1592 die Bauern leibeigen machte, lässt sich nach den Forschungen des berühmten russischen Historikers Kljutschewski nicht aufrechterhalten. Zwei Jahrhunderte genügten aber, um den Charakter des russischen Bauern aufs tiefste zu beeinflussen. Die Wirkung war um so nachdrücklicher, als vermutlich dem Ausbau der Leibeigenschaft die Verbreitung einer kollektiven Feldgemeinschaft parallel ging, der Feldgemeinde (russisch: Mir), in der russische Schwärmer eine vom slavischen Geiste vor vielen Jahrhunderten geschaffene Lösung aller sozialen Fragen erblicken wollten.

Diese Annahme wurde gründlich widerlegt, da man die nämliche Einrichtung in früheren Jahrhunderten bei den meisten germanischen und Reste davon bei vielen anderen Völkern nachweisen konnte. Die Flurgemeinde, in der die Körperschaft der Gemeinde selber als die einzige und rechtmäßige Eigentümerin allen Landes betrachtet wurde, die jeder männlichen «Seele» ihren «Anteil» am Boden zumessen mußte, schien sich ausreichend bewährt zu haben, solange der Körnerbau vor der extensiven Weidenutzung zurücktrat. Als aber die steigende Bevölkerungszahl und die oben genannten wirtschaftlichen Gründe eine stärkere

году с отменой крепостного права, которое дало крестьянам свободу передвижения и - 110

независимость от помещиков, но взамен они стали сильно зависеть от налоговых органов. Между прочим, крепостное право вовсе не было древнеславянским институтом, как считалось ранее. В Великой России оно было осуществлено лишь в 17 веке, а затем перенесено в Малороссию. Согласно исследованиям известного русского историка Ключевского, предположение о том, что царь Борис Годунов указом 1592 года сделал крестьян крепостными, не может быть подтверждено. Но двух столетий было достаточно, чтобы оказать глубочайшее влияние на характер русского крестьянина. Эффект был тем более решительным, что расширение крепостного права, вероятно, шло параллельно с распространением коллективной полевой общины, полевой общины (рус. Мир). , в котором русские энтузиасты хотели видеть решение всех социальных вопросов, созданных славянским духом много веков назад.

Это предположение было основательно опровергнуто, поскольку такое же устройство было обнаружено в более ранние века у большинства германских народов и остатки его у многих других народов. Земледельческая община, в которой корпорация самой общины рассматривалась как единственный и законный владелец всей земли, которая должна была отдать каждой мужской «душе» свою «долю» земли, по-видимому, зарекомендовала себя достаточно хорошо, пока поскольку выращивание зерна предшествовало экстенсивному использованию пастбищ, ушло

parts" became smaller and smaller; As a result of the farmers' jealousy of each other, each share was divided into many pieces so that each member of the community had an equal share in the better and poorer fields. This led to the strictest land use restrictions, and since reallocations were often carried out in which no farmer was sure of getting the previous piece of land again, this also prevented any desire to improve the land. But the concepts on which this system was based became so firmly established among the peasants, who were kept in the deepest ignorance through serfdom and illiteracy, that it actually appeared to be a national Russian institution. It therefore remained in place even after the farmers' liberation in 1861, with the government also

Ausnützung des Bodens erzwangen, da offenbarten sich schwere Mißstände. Die «Seelenanteile» wurden immer kleiner; infolge der Eifersucht der Bauern auf einander wurde zudem jeder Anteil in viele Teilchen zerstückelt, damit jedes Mitglied der Gemeinde an den bessern und an den schlechtem Ackerplätzen gleichen Anteil habe. Das führte zum strengsten Flurzwang, und da öfters Umteilungen vorgenommen wurden, bei denen kein Bauer sicher war, das bisherige Stück Land wieder zu erhalten, verhinderte das auch jede Lust zur Melioration des Bodens. In den durch Leibeigenschaft und Analphabetismus in tiefster Unwissenheit gehaltenen Bauern setzten sich aber die Begriffe, die diesem System zugrunde lagen, so fest, daß es in der Tat als eine nationale russische Einrichtung erschien. Es blieb daher auch nach der Bauernbefreiung von 1861 bestehen, wobei die Regierung zudem den Zweck ver - 111

folgte, sich die Zahlung der Steuern und der von den Bauern nach dem damaligen Plan fünfzig Jahre lang zu entrichtenden Loskaufsgelder durch die Auflage einer Gesamtbürgschaft auf jede Gemeinde zu sichern. Diesem System, das jede Initiative der tüchtigeren Bauern lähmen mußte, und der von Anfang an zu geringen Versorgung der aus der Leibeigenschaft Entlassenen mit Ackerboden ist die bald darauf eintretende Verarmung der großrussischen Bauern zuzuschreiben. Die vom Dogma des russischen Nationalismus nicht geblendet Wirtschaftslehrer erkannten bald die Schwäche dieser Agrarordnung, die aber von den Slawophilen als eine Schutzwehr gegen das Eindringen des europäischen Kapitalismus und die Proletarisierung der Volksmassen gepriesen und von der Bürokratie als feste Stütze ihrer der Form nach patriarchalischen Regierungsmethoden betrachtet wurde. Der Bauer galt als ein absolut

в отставку. Но когда рост населения и вышеупомянутые экономические причины вынудили усилить эксплуатацию земли, стали очевидными серьезные злоупотребления. «Части души» становились все меньше и меньше; В результате зависти фермеров друг к другу каждая доля была разделена на множество частей, так что каждый член общины имел равную долю на лучших и худших полях. Это приводило к строжайшим ограничениям землепользования, а поскольку часто проводились перераспределения, при которых ни один фермер не был уверен, что снова получит прежний участок земли, это также препятствовало всякому желанию улучшить землю. Но понятия, на которых основывалась эта система, настолькоочно утвердились среди крестьян, находившихся в глубочайшем невежестве из-за крепостничества и неграмотности, что она фактически представлялась национальным русским учреждением. Таким образом, он оставался в силе даже после - 111

освобождения фермеров в 1861 году, при этом правительство также преследовало цель обеспечить уплату налогов и выкупов, которые должны были выплачиваться фермерами в течение пятидесяти лет в соответствии с планом того времени, путем введения общего закона. гарантия на каждое сообщество . Этой системой, которая должна была парализовать любую инициативу более эффективных земледельцев, а также недостаточным снабжением пахотной землей тех, кто с самого начала был освобожден от крепостного права, следует объяснить последовавшее вскоре обнищание великороссийских земледельцев. Учителя экономики, не ослепленные догмой русского национализма, вскоре осознали слабость этого аграрного строя, который славянофилы восхваляли как защиту от проникновения европейского капитализма и пролетаризации масс и который рассматривался бюрократией как стала твердой опорой их патриархальные

Original Page 112

pursuing the purpose of securing the payment of taxes and ransom money to be paid by the farmers for fifty years according to the plan at the time by imposing a general guarantee on each community. The impoverishment of the Great Russian farmers that soon followed is to be attributed to this system, which had to paralyze any initiative of the more efficient farmers, and to the inadequate supply of arable land to those released from serfdom from the very beginning. The economic teachers, not blinded by the dogma of Russian nationalism, soon recognized the weakness of this agrarian order, which was praised by the Slavophiles as a defense against the penetration of European capitalism and the proletarianization of the masses and

viewed by the bureaucracy as a solid support of their patriarchal methods of government became. The farmer was considered an absolutely reliable supporter of autocracy, which was enough for the government to consider the system that had given rise to this result as sacrosanct.

The serious unrest in the countryside that broke out during the revolutionary turmoil of 1905-06 taught the Russian bureaucracy its greatest error. The farmers were no longer reliable. Their impoverishment had become so oppressive that Karl Marx's teachings could find fertile ground among them. Now the government's policy also changed. Stolypin, who had already recognized the economic advantages of independent peasant farms as governor in the western regions, introduced as prime minister the agrarian reform, the most important law that had been enacted in Russia since the peasant emancipation. Its implementation was intended to abolish the field community, to hand over the land to the farmers as private property in a new, rational division and, if possible, to divide the large villages, which appeared economically questionable because of the fire danger and were also suspected by the government as possible foci of political movements, into small hamlets disperse into individual yards. Unfortunately, this enormous program, which was modeled on the Stein-Hardenberg reform, could only be carried out to a small extent. Stolypin, this statesman of special stature, fell to the bullet of a fanatic, and events took their course. This was followed by the hopeless proletarianization of millions of land-poor casual workers, in whom the

zuverlässiger Anhänger der Autokratie, was der Regierung genügte, um das System, das diese Folge gezeigt hat, als unantastbar zu betrachten.

Die schweren Unruhen auf dem Lande, die während der Revolutionswirren von 1905/06 ausbrachen, belehrten die russische Bürokratie über ihren größten Irrtum. Die Bauern waren durchaus nicht mehr zuverlässig. Ihre Verarmung war so drückend geworden, daß die Lehre von Karl Marx bei ihnen fruchtbaren Boden finden konnte. Nun änderte sich auch die Politik der Regierung. Stolypin, der schon als Gouverneur in den Westgebieten die wirtschaftlichen Vorzüge selbständiger Bauernwirtschaften erkannt hatte, führte als Ministerpräsident die Agrarreform ein, das wichtigste Gesetz, das seit der Bauernbefreiung in Rußland erlassen worden war. Ihre Durchführung sollte die Feldgemeinde aufheben, das Land in einer neuen rationellen Umteilung den Bauern als Privateigentum übergeben und nach Möglichkeit auch die großen Dörfer, die wirtschaftlich wegen der Feuergefahr bedenklich erschienen und der Regierung auch als mögliche Herde politischer Bewegungen verdächtig waren, in kleine Weiler und in Einzelhöfe zerstreuen. Dieses gewaltige Programm, das in der Stein-Hardenberg'schen Reform ein Vorbild fand, konnte leider nur zum kleinen Teil durchgeführt werden. Stolypin, dieser Staatsmann von besonderem Format, fiel durch die Kugel eines Fanatikers, die Ereignisse nahmen ihren Lauf. Es folgte die rettungslose Proletarisierung von Millionen landarmer

методы правления. Крестьянин считался абсолютно надежным сторонником самодержавия, чего было достаточно, чтобы правительство считало систему, породившую этот результат, священной.

Серьезные волнения в деревне, вспыхнувшие во время революционной смуты 1905-06 годов, научили российскую бюрократию ее величайшей ошибке. Фермеры больше не были надежными. Их обнищание стало настолько гнетущим, что учение Карла Маркса могло найти среди них благодатную почву. Теперь изменилась и политика правительства. Столыпин, уже признавший экономические преимущества независимых крестьянских хозяйств в качестве губернатора западных областей, в качестве премьер-министра представил аграрную реформу, самый важный закон, который был принят в России со времени освобождения крестьян. Его реализация была направлена на упразднение полевой общины, передачу земли земледельцам в частную собственность в новом, рациональном разделе и, по возможности, на раздел крупных деревень, которые представлялись экономически сомнительными из-за пожарной опасности, а также были подозреваемые правительством как возможные очаги политических движений, разбиваются на небольшие деревушки, рассредоточиваются по отдельным дворам. К сожалению, эта огромная программа, созданная по образцу реформы Штейна-Гарденберга, могла быть реализована лишь в незначительной степени. Столыпин, этот государственный деятель особого масштаба, пал от пули фанатика, и события пошли своим чередом. За этим последовала безнадежная пролетаризация миллионов малоземельных

large landowners received cheap labor, and of all industrial workers, who

Original Page 113
were previously legally allowed to be considered co-owners of the land in their home village community.

With this I believe that I have acquainted the dear readers with the most important early conditions in Russian agriculture. Perhaps some of what followed later will now be easier to understand.

I really enjoyed working with Uncle Leonard in an area I was familiar with in Switzerland. Uncle Leonard was not just my superior, but also an exemplary comrade, despite the enormous age difference. We worked hand in hand both in the field and in the office, ate meals together at the family table and even shared the bedroom, for example when we were inspecting the surrounding goods (chuter) and were surprised by the night.

In the summer, when the grain fields were ripening and the harvest work was at its peak, we would get out of bed as if on command, quickly take a refreshing shower bath and sit down at the breakfast table. There was still complete silence in the entire house, only the servant, a veteran of the Turkish-Russian war, quietly brought the samovar.

Half an hour later, Uncle Leonard was in the wide square in front of the administration building, where around three hundred men and women with scythes, sickles, forks and rakes had gathered. On

Gelegenheitsarbeiter, in denen die Großgrundbesitzer billige Arbeitskräfte erhielten, und aller Industriearbeiter, die sich - 112

bisher rechtlich als Mitbesitzer des Landes ihrer heimatlichen Dorfgemeinde betrachten durften.

Damit glaube ich, die verehrten Leser und Leserinnen mit den hauptsächlichsten früheren Verhältnissen in der russischen Landwirtschaft bekannt gemacht zu haben. Vielleicht wird jetzt manches, was später dann folgte, leichter verständlich sein.

Ich hatte eine mächtige Freude daran, mit Onkel Leonard auf einem mir von der Schweiz her vertrauten Gebiet tätig zu sein. Onkel Leonard war nicht bloß mein Vorgesetzter, sondern trotz des enormen Altersunterschiedes zugleich vorbildlicher Kamerad. Wir arbeiteten Hand in Hand sowohl auf dem Felde, als auch im Kontor, nahmen die Mahlzeiten gemeinsam am Familientisch ein und teilten sogar den Schlafraum, etwa dann, wenn wir die umliegenden Güter (Chuter) inspizierten und dabei von der Nacht überrascht wurden.

Im Sommer, wenn die Getreidefelder reiften und die Erntearbeiten auf der Zenithöhe standen, verließen wir wie auf Kommando das Bett, nahmen rasch ein Brausebad, das munter macht, und setzten uns an den Frühstückstisch. Im ganzen Hause herrschte noch vollkommene Ruhe, nur der Diener, ein Veteran aus dem türkisch-russischen Krieg, brachte auf leisen Sohlen den Samowar.

Eine halbe Stunde später war Onkel Leonard auf dem weiten Platz vor dem Verwaltungsgebäude, wo sich rund dreihundert Männer und Frauen mit Sensen, Sicheln, Gabeln und Rechen gesammelt hatten. Am östlichen Horizont kündete ein rötlich

временных рабочих, в которых крупные землевладельцы получали дешевую рабочую силу, и всех промышленных рабочих, которые - 112

ранее по закону им разрешалось считаться совладельцами земли в родной сельской общине.

Этим, я полагаю, я ознакомил дорогих читателей с важнейшими начальными условиями русского земледелия. Возможно, кое-что из того, что последовало позже, теперь будет легче понять.

Мне очень понравилось работать с дядей Леонардом в знакомой мне области Швейцарии. Дядя Леонард был не просто моим начальником, но и примерным товарищем, несмотря на огромную разницу в возрасте. Мы работали рука об руку и в поле, и в кабинете, вместе ели за семейным столом и даже делили спальню, например, когда осматривали окружающий товар (чутер) и удивлялись ночи.

Летом, когда зерновые поля созревали и уборка урожая была в самом разгаре, мы как по команде вставали с постели, быстро принимали освежающий душ и садились за завтрак. Во всем доме по-прежнему стояла полная тишина, только слуга, ветеран турецко-русской войны, тихонько принес самовар.

Через полчаса дядя Леонард уже был на широкой площади перед административным зданием, где собралось около трехсот мужчин и женщин с косами, серпами, вилами и граблями.

the eastern horizon a reddish-yellow stripe heralded the sunrise. In the middle of the square, Uncle Leonard, the Panok, stood tall in front of the many day laborers, alone in front of the front like a company commander. I positioned myself at a respectful distance from him, like a sergeant next to his captain. The whole thing was set up in a military manner. It was not for nothing that Uncle Leonard had served as a captain in the Uhlans in his younger years. Military order was in his blood.

Orders for the whole day were given in brief and clear terms and repeated by the foremen as a check so that no misunderstandings could occur.

“And now get to work with God!” said the Panok according to old Russian custom. He placed his hand correctly on the edge of his hat.

Original Page 114

There was payday every evening. I sat on a field chair in front of the office and, together with the cashier, pressed silver twenty and ten kopeck pieces into the hands of the slowly passing workers. The daily wage was forty kopecks for men and thirty kopecks for women and girls, with their own food. This earnings corresponded to around one Swiss franc or 80 centimes. The work lasted an average of fourteen to sixteen hours a day, with a short break for lunch. The food we brought was extremely frugal. With a few exceptions, it consisted of cold tea and brown bread. Sometimes people would spoon a thin, fatless soup from a shared bowl in groups. It was truly astonishing that the workers were able to survive on this inadequate diet without collapsing. But the

- gelber Streifen den Sonnenaufgang an. In der Mitte des Platzes stand vor den vielen Taglöhnnern hoch aufgerichtet Onkel Leonard, der Panok, wie ein Kompagnieführer allein vor der Front. In respektvoller Entfernung von ihm baute ich mich auf, gewissermaßen wie der Feldweibel neben seinem Hauptmann. Das Ganze war in militärischer Weise aufgezogen. Nicht umsonst hatte Onkel Leonard in seinen jungen Jahren als Rittmeister bei den Ulanen gedient. Die soldatische Ordnung lag ihm im Blut.

In knappen und klaren Worten wurden Befehle für den ganzen Tag ausgegeben und von den Vorarbeitern wiederholt, als Kontrolle, damit keine Mißverständnisse vorkommen konnten.

«Und nun mit Gott an die Arbeit!» sagte der Panok nach altem russischem Brauch. Die Hand legte er korrekt an den Mützenrand. - 113

Allabendlich gab es Zahltag. Ich saß jeweils auf einem Feldstuhl vor dem Kontor und drückte zusammen mit dem Kassier den langsam vorüberschreitenden Arbeitern silberne Zwanzig- und Zehnkopekenstücke in die dargebotene Hand. Der Tageslohn betrug für Männer vierzig und für Frauen und Mädchen dreißig Kopeken bei eigener Verköstigung. Dieser Verdienst entsprach rund einem Schweizer Franken bzw. 80 Rappen. Die Arbeit dauerte im Durchschnitt vierzehn bis sechzehn Stunden im Tag, mit einem kurzen Unterbruch für die Mittagsverpflegung. Das mitgebrachte Essen war äußerst frugal. Es bestand mit wenigen Ausnahmen aus kaltem Tee und Schwarzbrot. Manchmal löffelten die Leute gruppenweise aus gemeinsamer Schüssel eine dünne, fettlose Suppe. Es war wirklich zum Erstaunen, daß die Arbeiter bei dieser unzureichenden Ernährung

На восточном горизонте красновато-желтая полоса возвещала восход солнца. Посреди площади дядя Леонард, Панок, стоял перед множеством поденщиков, одинокий перед фронтом, как командир роты. Я расположился от него на почтительном расстоянии, как сержант рядом со своим капитаном. Все было поставлено военному. Недаром дядя Леонард в молодые годы служил капитаном в Уланах. Военный порядок был у него в крови.

Приказы на весь день отдавались кратко и ясно и повторялись мастерами для проверки, чтобы не возникло недоразумений.

«А теперь приступайте к работе с Богом!» — сказал Панок по старому русскому обычаю. Он правильно положил руку на край шляпы. - 113

Каждый вечер был день зарплаты. Я сидел на полевом стуле перед конторой и вместе с кассиром сунул в руки медленно проходивших рабочих серебряные двадцати- и десятикопеечные монеты. Дневной заработок составлял сорок копеек мужчинам и тридцать копеек женщинам и девушкам, включая свое питание. Этот заработок соответствовал примерно одному швейцарскому франку или 80 сантимам. Работа продолжалась в среднем четырнадцать-шестнадцать часов в день с небольшим перерывом на обед. Еда, которую мы принесли, была чрезвычайно скромной. За небольшим исключением, он состоял из холодного чая и черного хлеба. Иногда люди группами ели жидкий обезжиренный суп из общей тарелки. Было поистине удивительно, что рабочие смогли выжить

Russian people were already drawing on their own primal power back then and are still drawing on it today.

I enjoyed working with the young people on sun-drenched earth. Despite his difficult life, he was hardworking and always in a good mood. Here and there the girls sang cheerful folk songs. It is part of the history of humanity that youth is always life-affirming, in joy and sorrow. She should be too. This is the only way the world can exist.

Once, near the edge of a forest, as we were tying the grain into sheaves and standing it upright, we noticed a loud buzzing of bees. A slim, lithe fellow with a pretty face, brown hair, a small mustache on his upper lip, just a hint, looked. He discovered an old, hollow tree trunk where bees flew in and out.

The boy tore away a piece of the moldy wood: there were the golden-yellow honeycombs hanging, one next to the other, a sight that made your mouth water. At lunch, the workers spread a finger-thick spread of sweet honey onto the bread.

On that day, when the sun was heading towards the west, we experienced another terrible hour. A large, spotted dog was running cross-country with his head bowed and his tongue hanging out. A shrill scream: "The dog is rabid," struck my ear. Everyone watched in breath-taking excitement as the young man who had found the honeycomb in the rotten tree trunk picked up a fork

durchzuhalten vermochten, ohne zusammenzubrechen. Aber das russische Volk schöpfe schon damals und schöpft auch heute noch aus eigener Urkraft.

Ich arbeitete gerne mit dem Jungvolk auf sonnentrunkener Erde. Ungeachtet seines schweren Lebens war es fleißig und stets guter Laune. Hier und dort sangen die Mädchen fröhliche Volkslieder. Es gehört zur Geschichte der Menschheit, daß die Jugend stets, in Freud und Leid, lebensbejahend ist. Sie soll es auch sein. Nur so kann die Welt bestehen.

Einmal, als wir in der Nähe eines Waldrandes das Korn zu Garben banden und aufrecht stellten, fiel uns ein starkes Summen von Bienen auf. Ein schlanker, geschmeidiger Bursche mit hübschem Gesicht, braunhaarig, auf der Oberlippe ein kleines Schnurrbärtchen, nur ein Hauch, sah nach. Er entdeckte einen alten, hohlen Baumstrunk, in dem die Bienen ein- und ausflogen.

Der Bursche riß ein Stück vom modrigen Holz weg: da hingen die goldgelben Waben, eine neben der andern, ein Anblick, der einem das Wasser im Munde zusammenlaufen ließ. Beim Mittagessen strichen die Arbeiter den süßen Honig fingerdick aufs Brot.

An jenem Tage, als die Sonne dem Westen zustrebte, erlebten wir noch eine Schreckensstunde. Ein großer, scheckiger Hund lief mit gesenktem Kopf und heraushängender Zunge querfeldein. Ein greller Schrei: «Der Hund ist tollwütig », schlug an mein Ohr. In atemraubender Spannung sahen alle zu, wie der junge Mann, welcher die Honigwaben im morschen Baumstamm gefunden hatte, eine Gabel zur Hand - 114

на такой неполноценной диете и не потерять сознание. Но русский народ уже тогда черпал свою первобытную силу и черпает ее до сих пор.

Мне нравилось работать с молодежью на залитой солнцем земле. Несмотря на трудную жизнь, он был трудолюбивым и всегда в хорошем настроении. Тут и там девушки пели веселые народные песни. В истории человечества заложено, что молодость всегда жизнеутверждающая, в радости и горе. Она тоже должна быть такой. Только так может существовать мир.

Однажды недалеко от опушки леса, когда мы связывали зерно в снопы и ставили его вертикально, мы заметили громкое жужжение пчел. Посмотрел стройный, гибкий парень с миловидным лицом, каштановыми волосами, небольшими усами на верхней губе, лишь намек. Он обнаружил старый полый ствол дерева, куда прилетали и вылетали пчелы.

Мальчик оторвал кусок заплесневелого дерева: там висели один рядом с другим золотисто-желтые соты, зрелище, от которого потекли слюнки. За обедом рабочие намазывали хлеб слоем сладкого меда толщиной в палец.

В тот день, когда солнце клонилось к западу, мы пережили еще один ужасный час. Большая пятнистая собака бежала по пересеченной местности, опустив голову и высунув язык. Мне в ухо ударил пронзительный крик: «Собака бешеная». Все с захватывающим волнением наблюдали, как молодой человек, нашедший соты в гнилом стволе дерева, взял вилку - 114

Original Page 115
 took and cut off the dog's path. He brought down
 the sick animal with well-aimed blows.

Shortly before, the forester's assistant was bitten on the hip by his own dog. In cases where people are threatened by animals suddenly and for no apparent reason, it is usually rabies. This epidemic had spread to a alarming extent in Russia. The forest with its uncontrollable wild populations offered ideal opportunities for the murderous rabies virus to spread. Staring in vicious eyes is a sure sign of rabies in dogs. The symptoms of the dangerous epidemic only become visible after weeks. They bite everything that comes in the way of the sick animals. Even people are no longer safe from them. The final stage begins with paralysis of the swallowing muscles. Since the animal can no longer swallow, saliva constantly runs out of its mouth.

The summer came to an end with hard work. A bright autumn came with its bright colors in the foliage of the forests. During my free time, which now increased, I often went horseback riding with Aunt Mathilde. — She loved equestrian sports from childhood. When she was six years old, her father put her on a horse for the first time. Since then she has never been parted with her favorite horses. In her dark dress, which contrasted sharply with her blonde hair, the young woman presented an enchanting picture of strength and grace.

Finally the hunting season came. On a hare stalking trip that took me into remote forest areas, I unexpectedly made the acquaintance of Boris

nahm und dem Hund den Weg abschnitt. Mit wohlgezielten Schlägen brachte er das kranke Tier zur Strecke.

Kurz vorher wurde der Förstergehilfe von seinem eigenen Hund in die Hüfte gebissen. In Fällen, wo Menschen von Tieren plötzlich und ohne jeden ersichtlichen Grund bedroht werden, handelt es sich meistens um Tollwut. Diese Seuche hatte sich in Rußland in bedenklichem Ausmaße ausgebreitet. Der Wald mit seinen unkontrollierbaren Wildbeständen bot ideale Ausbreitungsmöglichkeiten für das mörderische Tollwut-Virus. Starrer Blick in bösartigen Augen ist bei Hunden ein untrügliches Zeichen für Tollwut. Erst nach Wochen werden die Symptome der gefährlichen Seuche sichtbar. Alles, was den kranken Tieren in die Quere kommt, zerbeißen sie. Selbst Menschen sind nicht mehr sicher vor ihnen. Das Endstadium beginnt mit der Lähmung der Schluckmuskeln. Da das Tier nicht mehr schlucken kann, läuft ihm der Speichel pausenlos aus dem Mund.

In strenger Arbeit ging der Sommer zu Ende. Es kam ein strahlender Herbst mit seinen bunten Farben im Laub der Wälder. Während meiner Freizeit, die jetzt zunahm, ritt ich öfters mit Tante Mathilde aus. — Sie liebte den Reitsport von Kindheit an. Als sie sechs Jahre alt war, setzte der Vater sie erstmals aufs Pferd. Seither trennte sie sich nicht mehr von ihren Lieblingspferden. Im dunklen Dress, zu dem ihr blondes Haar scharf kontrastierte, bot die junge Frau ein berückendes Bild der Kraft und der Anmut.

Endlich kam die Jagdzeit. Auf einer Hasenpirsch, die mich in entlegene Waldgegenden führte, machte ich ganz unverhofft die Bekanntschaft mit Boris von Engelhard, der

взял и отрезал собаке путь. Он сбил больное животное меткими ударами.

Незадолго до этого помощника лесника укусила за бедро собственная собака. В случаях, когда людям угрожают животные внезапно и без видимых причин, обычно речь идет о бешенстве. Эта эпидемия распространилась в России с угрожающими масштабами. Лес с его неконтролируемыми дикими популяциями предоставлял идеальные возможности для распространения смертоносного вируса бешенства. Злобные взгляды – верный признак бешенства у собаки. Симптомы опасной эпидемии становятся заметными лишь спустя несколько недель. Они кусают все, что попадается на пути больных животных. Даже люди больше не застрахованы от них. Завершающая стадия начинается с паралича глотательных мышц. Поскольку животное уже не может глотать, изо рта у него постоянно вытекает слюна.

Лето закончилось напряженной работой. Пришла яркая осень со своими яркими красками в листве лесов. В свободное время, которое теперь увеличилось, я часто катался верхом с тетей Матильдой. — Она с детства любила конный спорт. Когда ей было шесть лет, отец впервые посадил ее на лошадь. С тех пор она никогда не расставалась со своими любимыми лошадьми. В темном платье, резко контрастировавшем с ее светлыми волосами, молодая женщина представляла собой очаровательную картину силы и грации.

Наконец наступил сезон охоты. Во время охоты за зайцами в отдаленные лесные районы я неожиданно познакомился с Борисом фон Энгельгардом,

von Engelhard, who served as a lieutenant in the famous Semyonovsky Regiment and was temporarily staying in Klimovo. My dog had been chasing a rabbit for two hours. Then a shot rang out in the distance, causing the hunting dog to fall silent. Half an hour later a young man placed the dead Master Lamp at my feet and apologized for having shot the game under the nose of a strange dog. We introduced each other and exchanged a few words of politeness, as is customary in such cases.

Boris made a favorable impression on me. In any case, it was easy to chat with him and spend the time pleasantly. His face was attractive, even if the features blurred together into a feminine softness.

Boris invited me to dinner. As we make our way home - 115

When they arrived, he took a small leather case from his pocket that was decorated with the Swiss cross. It was a souvenir from Interlaken, where Boris spent a whole summer on vacation. He offered me cigarettes from the leather case.

We stood in front of the mansion. Boris let me go first. It should be mentioned briefly that the architecturally very comfortable building with its rooms furnished in Empire, Louis XVI and Renaissance styles, the magnificent tapestries and paintings were built centuries ago. A touch of bygone eras floated through the wide, high salons, boudoirs and halls. A magnificent

als Leutnant im berühmten Semjonowski-Regiment diente und sich vorübergehend in Klimovo aufhielt. Mein Hund hatte zwei Stunden lang einen Hasen gejagt. Dann löste sich in der Ferne ein Schuß, worauf der Jagdhund verstummte. Eine halbe Stunde später legte mir ein junger Mann den toten Meister Lampe vor die Füße und entschuldigte sich, das Wild unter der Nase eines fremden Hundes abgeschossen zu haben. Wir stellten uns gegenseitig vor, wechselten einige Worte der Höflichkeit, wie dies in solchen Fällen üblich ist.

Boris machte einen vorteilhaften Eindruck auf mich. Jedenfalls ließ es sich mit ihm gut plaudern und die Zeit angenehm verbringen. Sein Gesicht war ansprechend, wenn auch die Züge zu weibischer Weichheit ineinander verschwammen.

Boris lud mich zum Abendessen ein. Als wir den Heimweg - 115

antraten, nahm er ein kleines Lederetui aus der Tasche, das mit dem Schweizerkreuz geschmückt war. Es handelte sich um ein Souvenir von Interlaken, wo Boris sich einen ganzen Sommer ferienhalber aufhielt. Aus dem Lederetui bot er mir Zigaretten an.

Wir standen vor dem Herrenhaus. Boris ließ mir den Vortritt. Es sei kurz angetönt, daß das architektonisch sehr komfortable Gebäude mit seinen im Empire-, Louis XVI und Renaissancestil ausgestatteten Räumen, den prächtigen Gobelins und Gemälden bereits vor Jahrhunderten entstanden ist. Ein Hauch längst vergangener Epochen

служившим поручиком знаменитого Семеновского полка и временно находившимся в Климово. Моя собака гонялась за кроликом уже два часа. Затем вдалеке раздался выстрел, заставивший охотничью собаку замолчать. Через полчаса молодой человек положил мертвую Мастер-Лампу к моим ногам и извинился за то, что подстрелил дичь прямо под носом у странной собаки. Мы представились друг другу и обменялись несколькими словами вежливости, как это принято в таких случаях.

Борис произвел на меня благоприятное впечатление. В любом случае с ним было легко пообщаться и приятно провести время. Лицо его было привлекательным, хотя черты сливались воедино, создавая женскую мягкость.

Борис пригласил меня на ужин. По дороге домой - 115

Когда они приехали, он достал из кармана небольшой кожаный футляр, украшенный швейцарским крестом. Это был сувенир из Интерлакена, где Борис провел в отпуске целое лето. Он предложил мне сигареты из кожаного футляра.

Мы стояли перед особняком. Борис отпустил меня первым. Следует вкратце отметить, что архитектурно очень удобное здание с помещениями, оформленными в стилях ампир, Людовик XVI и ренессанс, великолепными гобеленами и картинами, было построено много веков назад. В широких высоких салонах, будуарах

porcelain collection captured my interest. Meissen porcelain from its beginnings in the early 18th century to almost the present: This is actually a descending line, a development towards decadence that reached its nadir at the beginning of this century. But the beginnings were of delightful form and beauty, so that it was not difficult for the contemplating eye to overlook the most recent degenerations. A cheerful, sweetly lively world of Rococo lived in the figures and figurines, sculptures and vessels.

We sat down at the table. It was covered with real porcelain, crystal and heavy silver. My counterpart was rich enough to show off such valuables. Most Russians are all too happy to do that. Dinner was served. It consisted of sumptuous platters as well as fine wines from Crimea and the Caucasus.

In front of me on the silk-wallpapered wall hung two portraits in oval gold frames. They depicted Vadim Platonovich von Engelhard and his wife, Anna Michailovna. He in a black, gold-embroidered diplomatic uniform, she in a deep décolleté and adorned with jewels. There was absolutely nothing about her that indicated that she came from a humble background. Anna Michailovna was of Polish origin. Before she married von Engelhard, the young girl worked as a business assistant on the estate. Although the baroness. Although she had no relevant previous training, she later caught up on a lot thanks

schwebte durch die weiten, hohen Salons, Boudoirs und Säle. Eine prächtige Porzellansammlung nahm mein Interesse in Anspruch. Meißner Porzellan von den Anfängen im frühen 18. Jahrhundert bis fast zur Gegenwart: Dies eigentlich eine absteigende Linie, eine Entwicklung zur Dekadenz, die zu Anfang dieses Jahrhunderts den Tiefpunkt erreichte. Aber die Anfänge waren von entzückender Formenfülle und Schönheit, so daß es dem genießenden Auge nicht schwer fiel, die jüngsten Entartungen zu übersehen. In den Figuren und Figürchen, Plastiken und Gefäßen lebte eine heitere, süßbeschwingte Welt des Rokoko.

Wir setzten uns zu Tisch. Er war mit echtem Porzellan, Kristall und schwerem Silber gedeckt. Mein Gegenüber war reich genug, mit solchen Kostbarkeiten aufzutrumpfen. Das tun nämlich die meisten Russen allzu gern. Das Abendessen wurde aufgetragen. Es bestand aus üppigen Platten sowie erlesenen Weinen aus der Krim und dem Kaukasus.

Vor mir an der seidentapezierten Wand hingen zwei Porträts in ovalen Goldrahmen. Sie stellten Wadim Platonowitsch von Engelhard und seine Gattin, Anna Michailowna, dar. Er in schwarzer, goldbestickter Diplomatenuniform, sie in tiefem Decollete, juwelenbehangen. Bei ihr deutete rein gar nichts daraufhin, daß sie aus einfachen Verhältnissen stammte. Anna Michailowna war polnischer Herkunft. Bevor sie sich mit von Engelhard vermählte, arbeitete das junge Mädchen als Wirtschaftsgehilfin auf dem Gut. Obschon die Freifrau keine entsprechende Vorbildung hatte, holte sie später dank ihrer hohen Intelligenz und Begabung vieles nach. Sie zeichnete sich durch tadellose Umgangsformen, die ihr vielleicht

и залах витало прикосновение ушедших эпох. Меня заинтересовала великолепная коллекция фарфора. Мейсенский фарфор от его зарождения в начале 18 века до почти наших дней: на самом деле это нисходящая линия, развитие в направлении декаданса, которое достигло своего апогея в начале этого века. Но начало было восхитительным по форме и красоте, так что созерцающему глазу нетрудно было не заметить самые последние вырождения. Веселый, сладко-живой мир рококо жил в фигурах и статуэтках, скульптурах и сосудах.

Мы сели за стол. Он был покрыт настоящим фарфором, хрусталем и тяжелым серебром. Мой коллега был достаточно богат, чтобы хвастаться такими ценностями. Большинство россиян с радостью это делают. Ужин был подан. Он состоял из роскошных блюд, а также изысканных вин Крыма и Кавказа.

Перед мной на оклеенной шелковыми обоями стене висели два портрета в овальных золотых рамках. На них были изображены Вадим Платонович фон Энгельгард и его жена Анна Михайловна: он в черном, расшитом золотом дипломатическом мундире, она в глубоком декольте, украшенная драгоценностями. В ней не было абсолютно ничего, что указывало бы на то, что она происходила из скромного происхождения. Анна Михайловна была польского происхождения. До того как выйти замуж за фон Энгельхарда, молодая девушка работала помощницей по бизнесу в имении. Хоть и баронесса. Хотя у нее не было соответствующего предыдущего

to her high level of intelligence and talent. She was distinguished by her impeccable manners, which were perhaps innate to her, as well as her knowledge of several foreign languages. It was said that her husband simply sent her to school after marriage.

Original Page 117

Our conversation revolved around awakening Russia. We discussed economic problems and wage issues in the city and in the country. We looked for options that would have been able to satisfy the broad masses of the people, but in such a way that the landowners would not have had to dig too deeply into their wallets.

“After thorough and painful soul-searching,” said Boris von Engelhard in conclusion, “I have come to the conclusion that the working people should be accommodated, both in terms of remuneration and in terms of the leasing of land parcels.” His face, with his black hair slicked back tightly, was folded into a wine-stained smile.

“I completely agree with you,” I remarked importantly, trying to keep my voice deep. We both believed we were fundamentally good people! A week later, Boris von Engelhard traveled to St. Petersburg.

At the beginning of December, the Russian winter hit us with its proverbial severity. Because of the extreme cold and the huge snowdrifts, everyone avoided taking their noses outside for a walk. People sat behind the stove and told each other

doch angeboren waren, sowie durch Kenntnisse mehrerer Fremdsprachen aus. Man sagte, ihr Mann habe sie nach der Heirat einfach auf die Schulbank geschickt. - 116

Unsere Unterhaltung bewegte sich rings um das erwachende Rußland. Wir erörterten wirtschaftliche Probleme sowie Lohnfragen in der Stadt und auf dem Lande. Wir suchten nach Möglichkeiten, die imstande gewesen wären, die breiten Volksmassen zufriedenzustellen, aber so, daß die Gutsbesitzer nicht allzu tief in den Geldsäckel hätten greifen müssen.

«Nach gründlicher und schmerzlicher Gewissensforschung», sagte zum Schluße Boris von Engelhard, «bin ich zur Ueberzeugung gelangt, daß man den Werktätigen entgegenkommen sollte, sowohl in der Entlohnung als auch hinsichtlich der pachtweisen Abtretung von Landparzellen.» Sein Gesicht mit den straff nach hinten gekämmten schwarzen Haaren war zu einem weinseligen Lächeln gefaltet.

«Ich bin vollkommen Ihrer Auffassung», bemerkte ich wichtig und bemühte mich, meiner Stimme einen tiefen Brustton zu geben. Wir beide glaubten grundgütige Menschen zu sein! Eine Woche später verreiste Boris von Engelhard nach St. Petersburg.

Zu Anfang des Monats Dezember überfiel uns der russische Winter mit seiner sprichwörtlichen Strenge. Der großen Kälte und den gewaltigen Schneeverwehungen wegen vermied es

образования, позже она многое наверстала благодаря своему высокому уровню интеллекта и таланта. Она отличалась безупречными манерами, которые, возможно, были для нее врожденными, а также знанием нескольких иностранных языков. Говорили, что муж просто отправил ее в школу после замужества. - 116

Наш разговор вращался вокруг пробуждения России. Мы обсудили экономические проблемы и вопросы заработной платы в городе и в стране. Мы искали варианты, которые смогли бы удовлетворить широкие народные массы, но так, чтобы помещикам не пришлось слишком глубоко копаться в своем кошельке.

«После тщательного и мучительного переоценки ценностей, — говорил в заключение Борис фон Энгельхард, — я пришел к выводу, что трудящиеся должны быть устроены и в плане вознаграждения, и в плане сдачи в аренду земельных участков». Его лицо с туго зачесанными назад черными волосами исказило винную улыбку.

«Полностью с вами согласен», важно заметил я, стараясь, чтобы голос был глубоким. Мы оба верили, что мы в основе своей хорошие люди! Через неделю Борис фон Энгельхард поехал в Петербург.

В начале декабря русская зима поразила нас своей пресловутой суровостью. Из-за сильного холода и огромных сугробов все избегали высовываться на улицу на прогулку. Люди сидели за печкой и рассказывали друг другу истории. Работа в имении ограничивалась уходом за скотом. Дни были

stories. The work on the estate was limited to looking after the livestock. The days were short, but the evenings and nights were endlessly long. To escape the monotonous life, I became acquainted with the Russian classics. Before his departure, Boris von Engelhard gave me carte blanche to dispose of the stately library. As a result, I drew from this wonderful source. Old Dworetzki (German: steward), who dragged one leg with difficulty as he walked, handed me the books and took them back.

First I read the works of the fiction writers of the 1990s: Chekhov, Gorky, Andreev. Then I ventured into Dostoyevsky and Tolstoy. These two geniuses, who have so richly enriched Russian literature, were able to captivate me greatly. Tolstoy was an aristocrat, a man of nature, the child of fortune, showered with joys and honors. Dostoyevsky, on the other hand, was one of those people who had little sunshine in their lives.

The most original creation of the Russian mind and the strongest support for its claim to cultural value assessment

Original Page 118
in the highest sense is literature, which flourished in the 19th century. It is actually not an exclusively Great Russian achievement; Gogol was a Little Russian. Her major works have also had a strong influence on Western European literature, especially Dostoyevsky's

jedermann, seine Nase im Freien spazieren zu führen. Man saß hinter dem Ofen und erzählte sich Geschichten. Die Arbeit auf dem Gute beschränkte sich lediglich auf die Pflege des Viehbestandes. Die Tage waren kurz, dafür die Abende und Nächte unendlich lang. Um dem eintönigen Leben zu entfliehen, machte ich die Bekanntschaft mit den russischen Klassikern. Vor seiner Abreise gab mir Boris von Engelhard Blankovollmacht, über die herrschaftliche Bibliothek zu verfügen. In der Folge schöpfte ich aus dieser herrlichen Quelle. Der alte Dworetzki (deutsch: Haushofmeister), der beim Gehen mühsam ein Bein nachzog, händigte mir die Bücher aus und nahm sie jeweils wieder entgegen.

Zuerst las ich die Werke der Belletristen der neunziger Jahre: Tschechow, Gorki, Andrejew. Dann wagte ich mich an Dostojewski und Tolstoj heran. Diese beiden Genies, welche die russische Literatur in so reichem Maße befruchtet haben, vermochten mich stark zu fesseln. Tolstoj war Aristokrat, Naturmensch, Schoßkind des Glückes, überschüttet von Freuden und Ehren. Dostojewski dagegen gehörte zu jenen Menschen, die wenig Sonne in ihrem Leben haben.

Die originellste Schöpfung des russischen Geistes und die stärkste Unterlage für seinen Anspruch auf kulturelle Wertung - 117

im höchsten Sinne ist die Literatur, die im 19. Jahrhundert eine reiche Blüte erlebte. Sie ist eigentlich nicht ausschließlich großrussische Leistung; Gogol war ein Kleinrusse. Ihre Hauptwerke haben auch auf die westeuropäische Literatur nachdrücklichen Einfluß ausgeübt, vor allem die erbarmungslose, die letzten Tiefen der Seele ergründende Analyse Dostojewskis. In Rußland selber wirkten noch unmittelbarer die Schöpfungen, in denen die Kritik der sozialen und politischen Zustände, manchmal

короткими, но вечера и ночи были бесконечно длинными. Чтобы уйти от однообразной жизни, я познакомился с русской классикой. Перед своим отъездом Борис фон Энгельхард предоставил мне карт-бланш на распоряжение величественной библиотекой. В итоге я почерпнул из этого замечательного источника. Старый Дворецкий (нем. стюард), который с трудом волочил одну ногу на ходу, протянул мне книги и забрал их обратно.

Сначала я читал произведения писателей-фантастов 1990-х годов: Чехова, Горького, Андреева. Потом я отважился на Достоевского и Толстого. Эти два гения, так богато обогатившие русскую литературу, смогли меня сильно увлечь. Толстой был аристократом, человеком природы, дитя судьбы, осыпаным радостями и почестями. Достоевский, напротив, был одним из тех людей, в жизни которых было мало солнечного света.

Самое оригинальное творение русского ума и сильнейшая поддержка его притязаний на культурную ценность - 117

Тунг в высшем смысле – это литература, расцвет которой пришелся на XIX век. На самом деле это не исключительно великорусское достижение; Гоголь был малороссом. Ее основные произведения оказали сильное влияние и на западноевропейскую литературу, особенно беспощадный анализ Достоевского, проникающий в самые глубины души. В самой России произведения, в которых на первый

merciless analysis, which delves into the ultimate depths of the soul. In Russia itself, the creations in which the criticism of social and political conditions, sometimes cleverly disguised, were in the foreground had an even more immediate effect. Tolstoy had almost acquired the importance of a prophet for Russia. His personal reputation was so great that the government did not dare touch him, despite the terrible accusations he brought against the state. Tolstoy's teachings influenced my cousin, Alexander Shishemsky, so much that in 1909, to his father's great regret, he gave up medical studies at Moscow University and became a farmer. Absolutely nothing could dissuade him from this decision, which was so disastrous for my Uncle Leonard's family. Since the young man had passed his high school diploma, he was automatically appointed reserve lieutenant after a year of military service, but he secretly whispered to me that he would never shoot anyone and would also raise his soldiers accordingly. He did not want to violate the two commandments "Love your neighbor as yourself" and "Thou shalt not kill," which, as is well known, form the basis of Tolstoy's ideas. Out of sheer enthusiasm for his great teacher, the idealist wore a long Russian shirt made of calico, blue drill trousers and bast shoes. Alexander Schischemsky did not eat meat, but lived exclusively on plant foods. All of this would later be his downfall. But he was not alone in making this mistake; Tolstoy's followers formed a legion.

In the summer of 1911, football emerged in Russia and quickly became popular. Igor von Engelhard brought the first leather ball to Klimovo, where he

geschickt verhüllt, im Vordergründe stand. Tolstoj hatte für Rußland geradezu die Bedeutung eines Propheten erlangt. Sein persönliches Ansehen war so groß, daß ihn die Regierung trotz der furchtbaren Anklage, die er gegen den Staat erhob, nicht anzutasten wagte. Die Lehre von Tolstoj vermochte meinen Vetter, Alexander Schischemski, so stark zu beeinflussen, daß er zum großen Bedauern seines Vaters im Jahre 1909 das medizinische Studium an der Moskauer Universität aufgab und Bauer wurde. Rein gar nichts vermochte ihn von diesem, für die Familie meines Onkels Leonard so unheilvollen Entschluß abzubringen. Da der junge Mann die Matura bestanden hatte, wurde er nach einjähriger Militärdienstzeit automatisch zum Reserveleutnant ernannt, doch raunte er mir insgeheim zu, daß er niemals auf einen Menschen schießen und auch seine Soldaten entsprechend erziehen werde. Er wollte keinesfalls gegen die beiden Gebote «Liebe deinen Nächsten wie dich selbst» und «Du sollst nicht töten» verstößen, welche bekanntlich die Grundlage zu Tolstojs Gedankenwelt bilden. Der Idealist trug aus lauter Begeisterung für seinen großen Lehrer ein langes Russenhemd aus Kattunstoff, blaue Drillichhosen und Bastschuhe. Alexander Schischemski aß kein Fleisch, sondern ernährte sich ausschließlich von Pflanzenkost. Das alles sollte ihm später zum Verhängnis werden. Doch er war nicht allein, der in diese Kerbe schlug; Tolstojs Gefolgsleute bildeten Legion.

Im Sommer 1911 kam in Rußland der Fußballsport auf und wurde rasch volkstümlich. Igor von Engelhard brachte den ersten Lederball nach Klimowo, wo er sofort zwei Teams aus jungen Leuten organisierte.

план выходила критика социальных и политических условий, иногда искусно замаскированная, имели еще более непосредственный эффект. Толстой почти приобрел значение пророка для России. Его личная репутация была настолько велика, что правительство не смело его трогать, несмотря на страшные обвинения, которые он выдвигал против государства. Учение Толстого настолько повлияло на моего двоюродного брата Александра Шилемского, что в 1909 году, к большому сожалению отца, он бросил медицинское образование в Московском университете и стал фермером. Абсолютно ничто не могло отговорить его от этого решения, столь губительного для семьи моего дяди Леонарда. Поскольку молодой человек сдал аттестат о среднем образовании, после года военной службы его автоматически назначили лейтенантом запаса, но он тайно шепнул мне, что никогда ни в кого не будет стрелять и соответственно будет воспитывать своих солдат. Он не хотел нарушать две заповеди: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» и «Не убий», которые, как известно, составляют основу идей Толстого. Из чистого увлечения своим великим учителем идеалист носил длинную русскую рубаху из бязи, синие строевые штаны и лапти. Александр Шилемский не ел мяса, а жил исключительно растительной пищей. Все это позже станет его падением. Но он был не одинок в этой ошибке; Последователи Толстого образовали легион..

Летом 1911 года футбол появился в России и быстро стал популярным. Игорь фон Энгельхард привез первый кожаный мяч в Климово, где организовал сразу две команды молодежи. Одного он поручил лично, другого — его брат Юра. Два брата были непохожи друг на друга. Игорь учился прилежно. Поскольку в доме

immediately organized two teams of young people. He instructed one personally, the other his brother Jura. The two brothers were unlike each other. Igor studied diligently. Since there were always governesses of foreign nationalities in Engelhard's house, he spoke German, French and English fluently in addition to his native language. Jura was more phlegmatic - 118

Naturally and was extremely lazy to learn. He was interested in hunting, riding horses and agricultural issues. Besides, both Igor and Jura were lively, open-minded people who I enjoyed dealing with. They spoke the broad, somewhat nasal Russian that betrayed their aristocratic origins.

Two young officers spent their summer holidays in Engelhard's house. Lieutenant the one; not twenty years. Captain the other; twenty-four at most. They wore puffy khaki military blouses, dark blue riding breeches and soft high boots. They were powerfully built men with sturdy, healthy-colored faces.

Between field work at Uncle Leonard's side, occasional riding and hunting on the scorching steppe, and bathing every evening in the nearby Wop River, the short summer faded like a comet's tail. The young people returned to the city to study with fresh energy. The happy laughter and singing ceased; The old steward closed the light green shutters of the manor house, with the exception of those of his personal apartment.

It was still warm. The sun's rays flashed through the autumn park from a blue sky. The leaves of the

Das eine instruierte er persönlich, das andere sein Bruder Jura. Die beiden Brüder waren ungleich geartet. Igor lernte mit Bienenfleiß. Da im Hause von Engelhard beständig Gouvernanten fremder Nationalitäten lebten, sprach er außer seiner Muttersprache fließend Deutsch, Französisch und Englisch. Jura besaß eher ein phlegmatisches - 118

Naturell und war ausgesprochen lernfaul. Dafür interessierten ihn Jagd, Reitpferde und landwirtschaftliche Fragen. Im übrigen waren beide, sowohl Igor, als auch Jura, flotte, aufgeschlossene Menschen, mit denen ich gerne verkehrte. Sie sprachen jenes breite, etwas näselnde Russisch, das ihre aristokratische Herkunft verriet.

Es verbrachten noch zwei junge Offiziere ihre Sommerferien im Hause von Engelhard. Leutnant der eine; keine zwanzig Jahre. Hauptmann der andere; höchstens vierundzwanzig. Sie trugen bauschige, khakifarbane Militärblusen, dunkelblaue Reithosen und weiche Schafstiefel. Es waren kräftig gewachsene Männer mit derben, gesundfarbigen Gesichtern.

Bei den Feldarbeiten an der Seite Onkel Leonards, gelegentlichem Reiten und Jagen auf der glühend heißen Steppe und allabendlichem Baden im nahen Fluß Wop verblaßte der kurze Sommer wie ein Kometenschweif. Die Jugend kehrte in die Stadt zurück, um mit frischen Kräften dem Studium obzuliegen. Das fröhliche Lachen und Singen verstummte; der alte Haushofmeister schloß am Herrenhaus die hellgrünen Fensterläden, mit Ausnahme derjenigen seines persönlichen Appartements.

Noch war es warm. Aus blauem Himmel blitzten die Sonnenstrahlen durch den herbstlichen Park. Die Blätter der Laubbäume waren rotbraun und quittengelb gefärbt. In

Энгельгарда всегда были гувернантки иностранных национальностей, он помимо родного языка свободно говорил на немецком, французском и английском языках. Юра был более флегматичен - 118

Естественно и учиться было крайне лениво. Его интересовали охота, верховая езда и вопросы сельского хозяйства. Кроме того, и Игорь, и Юра были живыми, открытыми людьми, с которыми мне было приятно общаться. Они говорили на широком, несколько гнусавом русском языке, что выдавало их аристократическое происхождение.

Два молодых офицера провели летние каникулы в доме Энгельхарда. Лейтенант тот самый; не двадцать лет. Капитан другой; максимум двадцать четыре. На них были пышные военные блузки цвета хаки, темно-синие бриджи и мягкие высокие сапоги. Это были мужчины мощного телосложения с крепкими лицами здорового цвета.

Между полевыми работами рядом с дядей Леонардом, редкими поездками и охотой в знойной степи и ежевечерним купанием в близлежащей реке Уоп короткое лето исчезло, как хвост кометы. Молодые люди вернулись в город учиться с новыми силами. Счастливый смех и пение прекратились; Старый управляющий закрыл светло-зеленые ставни господского дома, за исключением ставней своей личной квартиры.

Было еще тепло. Солнечные лучи пронеслись по осеннему парку с голубого неба. Листва лиственных деревьев были окрашены в

deciduous trees were colored reddish brown and quince yellow. In this kaleidoscope, the isolated conifers with their deep green formed effective backdrops.

One day Uncle Nikolai called me over. He sat on the soft sofa, wrapped in a short sheepskin coat, and attentively read a Swiss newspaper. His appearance was not good. The appendix attacks repeated themselves at ever shorter intervals. Without further ado he told me that in his opinion I should soon leave for Switzerland to learn the trade of a merchant and at the same time fulfill my duty as a soldier. I was extremely surprised, but saw no possibility of appealing this decision. That's how it was in ancient times. Adults had the habit of speaking to the rising generation in categorical imperatives. Without caring in the least about my personal opinion, my uncle quickly ordered a change of career. He gave me the order to become a merchant, period! Whether that suited me or

Original Page 20

not, he was apparently indifferent. And I'm still grateful to him for that today. As a far-sighted man, he recognized early on the Russians' intention to push foreigners out of the dairy industry and replace them with local experts. — Of course, no one could have foreseen the political change and its consequences. Kind fate saved me from the revolution that reduced so many Swiss people, including Fritz Haueter, to begging.

diesem Kaleidoskop bildeten die vereinzelt stehenden Nadelhölzer mit ihrem Tiefgrün wirkungsvolle Kulissen.

Eines Tages ließ mich Onkel Nikolai zu sich rufen. Er saß — in einen kurzen Schafpelz gehüllt — auf dem weichen Sofa und las aufmerksam eine Schweizerzeitung. Sein Aussehen war nicht gut. Die Blinddarmanfälle wiederholten sich in immer kürzeren Zeitabständen. Ohne Umschweife eröffnete er mir, daß ich nach seinem Dafürhalten bald nach der Schweiz abreisen sollte, um dort den Beruf eines Kaufmanns zu erlernen und gleichzeitig die Pflicht als Soldat zu erfüllen. Ich war höchst überrascht, sah jedoch keine Möglichkeit, gegen diesen Entscheid Einsprache zu erheben. So war es in alten Zeiten. Die Erwachsenen hatten die Gewohnheit, mit der heranwachsenden Generation in kategorischem Imperativ zu sprechen. Ohne sich im geringsten um meine persönliche Meinung zu kümmern, verfügte der Oheim kurzweg einen Berufswechsel. Er gab mir den Befehl, Kaufmann zu werden, punktum! Ob mir das paßte oder - 119

nicht, war ihm scheinbar gleichgültig. Und ich bin ihm dafür noch heute dankbar. Als weitsichtiger Mann erkannte er frühzeitig die Absicht der Russen, die Ausländer aus der Molkereiwirtschaft zu verdrängen und sie durch einheimische Fachleute zu ersetzen. — Den politischen Umschwung mit seinen Auswirkungen konnte selbstverständlich niemand voraussehen. Das gütige Schicksal bewahrte mich vor der Revolution, die so viele Schweizer, darunter auch Fritz Haueter, an den Bettelstab brachte.

красновато-коричневый и айвовый желтый цвета. В этом калейдоскопе изолированные хвойные деревья своей темно-зеленой окраской образовывали эффектный фон.

Однажды меня позвал дядя Николай. Он сидел на мягком диване, закутавшись в короткий тулуп, и внимательно читал швейцарскую газету. Его внешний вид был не очень хорошим. Атаки на аппендиц повторялись через все более короткие промежутки времени. Не мудрствуя лукаво, он сказал мне, что, по его мнению, мне следует вскоре уехать в Швейцарию, чтобы учиться ремеслу купца и одновременно выполнять свой солдатский долг. Я был крайне удивлён, но не видел возможности обжаловать это решение. Так было в древности. Взрослые имели привычку обращаться к подрастающему поколению в категорических императивах. Нисколько не заботясь о моем личном мнении, дядя быстро приказал сменить карьеру. Он приказал мне стать купцом, и точка! Меня это устраивало или - 119

нет, он, видимо, был равнодушен. И я до сих пор благодарен ему за это. Будучи дальновидным человеком, он сразу понял намерение русских вытеснить иностранцев из молочной отрасли и заменить их местными специалистами. — Конечно, никто не мог предвидеть политические перемены и их последствия. Добрая судьба спасла меня от революции, которая довела до нищеты многих швейцарцев, в том числе Фрица Хаутера.

My second departure to Switzerland

As expected, it took a while until all the exit formalities were completed. Meanwhile, at my uncle's request, the Swiss Commercial Association found me an apprenticeship. I made the farewell rounds of relatives and friends.

When I returned to Klimovo, I received a report from the Swiss Consulate in Moscow that my passport had been sent to the mayor's office in the district town of Dukhovschina for an exit visa. As I later heard, the consul entered "student" in the occupation section, which was my downfall.

Finally the news arrived that my passport had been checked, but that it had to be picked up in person at the police headquarters of the city of Dukhovschina in order to answer various questions. On the morning of a bright autumn day, my uncle took me to the district town of Duchowschina, around 30 kilometers away, with his three-horse team.

The police director, with the rank of colonel, with a fat face and a graying mustache, received us immediately.

He was an old acquaintance of my uncle. However, that didn't stop him from immediately subjecting me to an embarrassing interrogation. "Please excuse me," he turned to my uncle with a quick glance, "for having to ask your nephew about certain things before he can leave our country. The Okhrana gave me instructions on

Meine zweite Abreise nach der Schweiz

Wie voraus gedacht, ging es eine gute Weile, bis alle Ausreiseformalitäten erledigt waren. Unterdessen vermittelte mir der Schweizerische Kaufmännische Verein auf Ersuchen meines Onkels eine Lehrstelle. Ich machte die Abschiedsrunde bei Verwandten und Freunden.

Nach Klimowo zurückgekehrt, erhielt ich vom Schweizerischen Konsulat in Moskau den Bericht, mein Reisepass sei zur Erteilung des Ausreisesichtvermerks an das Bürgermeisteramt der Kreisstadt Duchowschina gesandt worden. In die Rubrik Beruf trug der Konsul — wie ich später vernahm — «Student» ein, was mir dann zum Verhängnis wurde.

Endlich traf die Nachricht ein, mein Paß sei visiert, müsse jedoch wegen Beantwortung verschiedener Fragen persönlich bei der Polizeidirektion der Stadt Duchowschina abgeholt werden. Am Morgen eines strahlenden Herbsttages brachte mich der Onkel mit seinem rassigen Dreigespann nach der rund 30 Kilometer entfernten Kreisstadt Duchowschina.

Der Polizeidirektor im Range eines Obersten, mit feistem Gesicht und grauem Schnurrbart, empfing uns sofort.

Er war ein alter Bekannter meines Onkels. Das hinderte ihn jedoch nicht, mich sogleich einem peinlichen Verhör zu unterziehen. «Sie entschuldigen bitte», wandte er sich mit flüchtigem Blick an meinen Onkel, «daß ich von Ihrem Neffen noch Auskunft über gewisse Dinge haben muß, bevor er unser Land verlassen kann. Die Ochrana

Мой второй отъезд в Швейцарию

Как и ожидалось, прошло некоторое время, пока были выполнены все выездные формальности. Тем временем по просьбе моего дяди Швейцарская коммерческая ассоциация нашла мне место ученичества. Я совершил прощальный обход родственников и друзей.

Вернувшись в Климово, я получил из швейцарского консульства в Москве сообщение о том, что мой паспорт отправлен в мэрию райцентра Духовщина для оформления выездной визы. Как я потом узнал, консул в графу профессия записал «студент», что меня и разочаровало.

Наконец пришло известие, что мой паспорт проверен, но его нужно забрать лично в УВД города Духовщины, чтобы ответить на различные вопросы. Утром ясного осеннего дня дядя со своей тройкой лошадей отвез меня в уездный город Духовщина, километрах в 30 отсюда.

Начальник полиции в звании полковника, с толстым лицом и седеющими усами принял нас сразу.

Он был старым знакомым моего дяди. Однако это не помешало ему немедленно подвергнуть меня неловкому допросу. «Пожалуйста, извините меня, — он быстро взглянул на дядю, — за то, что мне пришлось спрашивать вашего племянника о некоторых вещах, прежде чем он сможет покинуть нашу страну. Охранка дала мне на этот счет указание. Нельзя забывать, что совсем недавно

this. We must not forget that only recently Moscow University had to be closed due to student unrest and since then the fire has continued to smolder in silence. Your nephew is a student and a foreigner at the same time!"

My dossier lay on the smoothly polished top of the massive desk. It undoubtedly contained information reports

Original Page 121
that had been funneled through countless secret intelligence channels. As a result, before my passport was given to me, I had to answer questions from the police director for a full hour. I was happy to have a patron saint in the person of my uncle, who answered many of the high-handed officer's questions on my behalf.

The next day I traveled on to Smolensk in order to take the Western Express from there to Berlin. I found accommodation in the Hotel "Germania" on Blagoveschenskaya Street. Tired from the long journey, I went to bed early and fell asleep immediately.

I don't know how long I had been asleep when I woke up to the sound of noise. Someone banged on the room door. "Hello! Open immediately!" a deep voice called out. A gun lock made a metallic click. When I opened the door a crack, I saw a tall police officer in the brightly lit corridor (the Russian Interior Ministry had a penchant for tall guardians of public order) with a heavy army revolver strapped to his wrist. Close behind him stood two soldiers with carbines at the ready. Without further ado, the officer

gab mir Weisung dazu. Wir dürfen nicht vergessen, daß noch vor kurzem die Moskauer Universität wegen Studentenunruhen geschlossen werden mußte und seither das Feuer im stillen weiterglimmt. Ihr Neffe ist Student und zugleich Ausländer!"

Auf der glattpolierten Platte des mächtigen Schreibtisches lag mein Dossier. Es enthielt fraglos Informationsberichte - 120

die durch zahllose Kanäle des geheimen Nachrichtendienstes geschleust worden waren. In der Folge hatte ich — bevor mir der Paß ausgehändigt wurde — während einer vollen Stunde dem Polizeidirektor Rede und Antwort zu stehen. Ich war froh, in der Person meines Onkels einen Schutzpatron zu haben, der an meiner Statt viele Fragen des selbstherrlichen Offiziers beantwortete.

Andertags reiste ich nach Smolensk weiter, um von dort den Westexpress nach Berlin zu benützen. Im Hotel «Germania» an der Blagoweschenskajastraße fand ich Unterkunft. Von der langen Reise ermüdet, legte ich mich früh ins Bett und schlief auf der Stelle ein.

Ich weiß nicht, wie lange ich geschlafen hatte, als ich durch Lärm wieder erwachte. Jemand polterte gegen die Zimmertür. «Hallo! Sofort öffnen!» rief eine tiefe Stimme. Ein Gewehrschloß knackte metallisch. Als ich die Tür spalbreit öffnete, sah ich im hellerleuchteten Korridor einen baumlangen Polizeioffizier (das russische Innenministerium hatte eine Vorliebe für hochgewachsene Hüter der öffentlichen Ordnung) mit umgeschnalltem, schwerem Armeerevolver. Dicht hinter ihm standen zwei Soldaten mit schußbereitem

Московский университет пришлось закрыть из-за студенческих волнений и с тех пор огонь продолжает тлеть в тишине. Ваш племянник — студент и иностранец одновременно!»

Мое досье лежало на гладко отполированной поверхности массивного стола. В нем, несомненно, содержались информационные сообщения - 120

эта информация была передана по бесчисленным секретным разведывательным каналам. В результате, прежде чем мне выдали паспорт, мне пришлось целый час отвечать на вопросы начальника полиции. Я был счастлив иметь покровителя в лице моего дяди, который отвечал от моего имени на многие вопросы властного офицера.

На следующий день я поехал в Смоленск, чтобы оттуда сесть на Западный экспресс до Берлина. Размещение я нашел в гостинице «Германия» на улице Благовещенской. Уставший от долгой дороги, я рано лег спать и сразу уснул.

Не знаю, как долго я спал, когда проснулся от шума. Кто-то постучал в дверь комнаты. «Привет! Немедленно открывайте!» — раздался глубокий голос. Замок пистолета издал металлический щелчок. Приоткрыв дверь, я увидел в ярко освещенном коридоре высокого полицейского (в МВД России была склонность к высоким блюстителям общественного порядка) с тяжелым армейским револьвером на запястье. Рядом с ним стояли двое солдат с карабинами наготове.

pushed the door fully open and entered. I tried to protest.

As I spoke, the officer put both hands on his hips and twisted his mouth into a mocking smile.

“Inostra net?” (Foreigners?) asked the man.

“Yes and?” I replied. “I am Swiss and wish to be left unmolested.” I tried to remain calm under all circumstances.

When the Russian saw that I wanted to continue speaking, he made a quick movement of his hand and came very close to me. “You,” he said quietly and threateningly, “and I want clear answers from you, but without comments. If you don’t come to your senses immediately, I’ll have you arrested and taken away. The onward journey to the West will then be possible later.”

“What is the case against me?” I asked, becoming sheepish.

The Russian was silent for a moment, pretended to have ignored my question, then said hesitantly: “I would have liked to know whether, in your opinion, Switzerland would

Original Page 122

tolerate the actions of foreign elements against their security and independence in the long term or not!”

Karabiner. Der Offizier stieß ohne Umschweife die Türe vollends auf und trat ein. Ich versuchte zu protestieren.

Während ich sprach, stemmte der Offizier beide Hände in die Hüften und verzog den Mund zu einem spöttischen Lächeln.

«Inostranz?» (Ausländer?), fragte der Mann.

«Ja, und?» gab ich zurück. «Ich bin Schweizer und wünsche unbehelligt gelassen zu werden.» Ich versuchte, unter allen Umständen ruhig zu bleiben.

Als der Russe sah, daß ich weitersprechen wollte, machte er eine rasche Handbewegung und trat ganz dicht an mich heran. «Sie», sagte er leise und drohend, «und ich wünsche klare Antworten von Ihnen, aber ohne Kommentare. Wenn Sie nicht sofort vernünftig werden, lasse ich Sie verhaften und abführen. Die Weiterreise nach dem Westen wird dann später einmal erfolgen können.»

«Was liegt gegen mich vor?» fragte ich, kleinlaut geworden.

Der Russe schwieg einen Augenblick, tat so, als ob er meine Frage überhört hätte, dann sagte er zögernd: «Ich hätte gern gewußt, ob die Schweiz nach Ihrer Ansicht Machenschäften - 121

landesfremder Elemente gegen ihre Sicherheit und Unabhängigkeit auf die Dauer dulden würde oder nicht!»

Без дальнейших церемоний офицер полностью открыл дверь и вошел. Я пытался протестовать.

Пока я говорил, офицер уперся обеими руками в бедра и скривил рот в насмешливой улыбке.

«Сеть Иностра?» (Иностранцы?) – спросил мужчина.

“Да и?” Я ответил. «Я швейцарец и хочу, чтобы меня никто не беспокоил». Я старался сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

Когда русский увидел, что я хочу продолжить говорить, он сделал быстрое движение рукой и подошел ко мне очень близко. — Вы, — сказал он тихо и угрожающе, — и я хочу от вас четких ответов, но без комментариев. Если ты немедленно не одумаешься, я прикажу тебя арестовать и увезти. Дальнейшее путешествие на Запад станет возможным позднее».

«Какое дело против меня?» — спросил я, становясь застенчивым.

Россиянин на мгновение помолчал, сделал вид, что проигнорировал мой вопрос, затем нерешительно сказал: «Мне хотелось бы знать, по вашему мнению, Швейцария будет терпеть махинации - 121

иностранных элементов против ее безопасности и независимости в долгосрочной перспективе или нет!»

When I remained silent, he abruptly added: "Your identification documents, please!"

"Over there," I said, "my passport is over there on the table."

The man with the heavy army revolver casually put the passport in his coat pocket, touched the peak of his cap with the index and middle fingers of his right hand and left the room clinking his spurs.

It was a mystery to me how this police officer had heard of my arrival at the Hotel Germania. I didn't fill out a registration form, and there were still a lot of hotels in Smolensk. But Russia has always mastered the keyboard of the secret state security service with virtuosity. What do you know, perhaps there was a causal connection between my friendship with the medical student Maslenikov and the police monitoring every step I took.

I received my passport back early the following morning, but it was confiscated from me again before the train left and was only finally handed over to me at the German-Russian border station at Wirballen-Eydkuhnen. There my luggage was carefully examined and I was subjected to a body search.

No one in Russia was particularly upset about such and similar incidents. It was considered entirely acceptable that foreigners, especially the younger generation, were scrutinized at every opportunity. "Be careful of the foreigners!" was a household word. And on top of that, because of the tense

Als ich schwieg, setzte er abrupt hinzu: «Ihre Ausweisschriften, bitte!»

«Da drüben», sagte ich, «da drüben auf dem Tisch liegt mein Paß.»

Der Mann mit dem schweren Armeerevolver steckte den Paß lässig in die Manteltasche, berührte mit Zeige- und Mittelfinger seiner Rechten den Mützenschirm und verließ spornklirrend das Zimmer.

Es war mir ein Rätsel, woher dieser Polizeioffizier meine Ankunft im Hotel Germania vernommen hatte. Ich füllte keinen Meldezettel aus, und Hotels hatte es in Smolensk noch eine ganze Menge. Aber Rußland beherrschte je und je virtuos die Klaviatur des geheimen Staatssicherheitsdienstes. Was weiß man, vielleicht bestand ein kausaler Zusammenhang zwischen meiner Freundschaft mit dem Medizinstudenten Maslenikow und der polizeilichen Ueberwachung jedes Schrittes, den ich tat.

Am frühen Morgen folgenden Tages erhielt ich den Paß wohl zurück, doch wurde er mir vor der Abfahrt des Zuges erneut abgenommen und erst an der deutsch-russischen Grenzstation Wirballen-Eydkuhnen endgültig ausgehändigt. Dort wurde mein Reisegepäck genauestens revidiert und ich einer Leibesvisitation unterworfen.

Ueber solche und ähnliche Vorkommnisse regte sich in Rußland niemand sonderlich auf. Man fand es durchaus in Ordnung, daß Ausländer, namentlich aber deren jüngere Generation, bei jeder Gelegenheit unter die Lupe genommen wurden. «Sei auf der Hut vor den Ausländern!» war ein geflügeltes Wort. Und zu alledem

Когда я промолчал, он резко добавил: «Ваши документы, пожалуйста!»

«Вон там, — сказал я, — мой паспорт вон на столе».

Мужчина с тяжелым армейским револьвером небрежно положил паспорт в карман пальто, коснулся козырька фуражки указательным и средним пальцами правой руки и вышел из комнаты, звякнув шпорами.

Для меня было загадкой, как этот полицейский узнал о моем прибытии в отель «Германия». Регистрационную форму я не заполнял, а в Смоленске еще было много отелей. Но Россия всегда виртуозно владела клавиатурой секретной службы госбезопасности. Да что вы знаете, возможно, существовала причинно-следственная связь между моей дружбой со студентом-медиком Маслениковым и полицейским, следившим за каждым моим шагом.

Я получил свой паспорт обратно рано утром следующего дня, но перед отправлением поезда его снова у меня конфисковали и наконец передали мне только на немецко-российской пограничной станции Вирбаллен-Эйдлькунен. Там мой багаж тщательно осмотрели и меня подвергли личному досмотру.

Никто в России особо не возмущался такими и подобными инцидентами. Считалось вполне приемлемым, что иностранцы, особенно молодое поколение, подвергались пристальному вниманию при каждом удобном случае. «Будьте осторожны с иностранцами!» было нарицательным словом. И

political situation, a system of informers was rampant so that everyone learned to keep their tongues in check. Spy creatures! Anyone who has ever lived in Russia knows what that means. The entire country was covered with a network of secret agents. Whoever I socialized with, what I said, whatever displeased comments I made about the country, everything was passed on without me having any idea from whom, and anyone who managed to insinuate themselves into my confidence could have been an informer. Nothing shows the demands of the police state like this omnipresent network of unknown eyes and ears.

It was true what the police director in Dukhovschina said

Original Page 123
 Moscow University and the student body there said. As we have already seen, it was closed due to unrest and only reopened after a long period of time. Whether rightly or wrongly, there was a strong suspicion at the time that the students of Western origin enrolled at Russian universities had infiltrated the local youth with liberal ideas. Then Lenin, this tribune of the people, whipped up the Russian student body into open rebellion against state power, first within the country itself and later by means of invisible threads from afar. All of this could be done by the secret political state police, i.e. H. the Okhrana, not to be missed. They tried by all means to cut off the connections that existed between Lenin and his followers. — For this reason, those students who were either entering or leaving the country were put through their paces. If

griff wegen den gespannten politischen Verhältnissen ein Spitzelwesen um sich, daß jeder lernte, seine Zunge im Zaume zu halten. Spitzelwesen! Wer je in Rußland gelebt hat, weiß, was das heißt. Das ganze Land war mit einem Netz von Geheimagenten überzogen. Mit wem ich verkehrte, was ich erzählte, welche unwillige Aeußerungen über das Land mir entfuhren, alles wurde weiterberichtet, ohne daß ich ahnte, von wem, und jeder, der sich in mein Vertrauen einzuschleichen wußte, konnte ein Spitzel gewesen sein. In nichts zeigt sich so wie in diesem allgegenwärtigen Netz von unbekannten Augen und Ohren der Anspruch des Polizeistaates.

Es traf zu, was der Polizeidirektor in Duchowschina von - 122

der Moskauer Universität und der dortigen Studentenschaft sagte. Wie wir bereits gesehen haben, wurde sie wegen Unruhen geschlossen und erst nach längerer Zeit wieder geöffnet. Ob zu Recht oder Unrecht bestand damals der starke Verdacht, die an den russischen Hochschulen immatrikulierten Studenten westlicher Herkunft hätten die einheimische Jugend mit liberalen Gedankengut infiltriert. Sodann hatte Lenin, dieser Volkstribun, die russische Studentenschaft zu offener Auflehnung gegen die Staatsgewalt aufgepeitscht, zuerst im Lande selbst, später mittelst unsichtbarer Fäden aus der Ferne. Das alles konnte der geheimen politischen Staatspolizei, d. h. der Ochrana, nicht entgehen. Sie versuchte mit allen Mitteln, die zwischen Lenin und seiner Gefolgschaft bestehenden Verbindungen abzuschneiden. — Aus diesem Grunde wurden vor allem jene Studierenden auf Herz und Nieren geprüft, die entweder ein- oder

вдобавок ко всему, из-за напряженной политической ситуации разгуливала система информаторов, чтобы все научились держать язык под контролем. Шпионские твари! Любой, кто когда-либо жил в России, знает, что это значит. Вся страна была покрыта сетью секретных агентов. С кем бы я ни общался, что бы ни говорил, какие бы недовольные комментарии о стране ни делал, все передавалось без понятия, от кого, и любой, кому удавалось втереться в мое доверие, мог быть информатором. Ничто так не отражает требования полицейского государства, как эта вездесущая сеть неизвестных глаз и ушей.

Это правда, что сказал начальник полиции на Духовщине - 122

Московский университет и тамошний студенчество сказали. Как мы уже видели, он был закрыт из-за беспорядков и вновь открылся лишь спустя продолжительное время. Справедливо это или нет, но в то время существовало сильное подозрение, что студенты западного происхождения, поступающие в российские университеты, проникли в местную молодежь либеральными идеями. Тогда Ленин, этот народный трибун, подтолкнул российское студенчество к открытому восстанию против государственной власти сначала внутри самой страны, а затем невидимыми нитями издалека. Все это могла бы сделать тайная политическая государственная полиция, т.е. ЧАС. Охрана, которую нельзя пропустить. Они пытались всеми силами прервать связи, существовавшие между Лениным и его последователями. — По этой причине проверялись те студенты, которые либо

there were special reasons for suspicion, they were also allowed to be followed by the Ochrana organs outside the country's borders.

Back in the old homeland

The journey from the Russian border to Basel took exactly three days. I set foot on home soil on September 16, 1911.

Perhaps people will still be able to remember the extremely hot summer of 1911. At that time there was no rainfall for months, so that the earth dried out completely.

As the train rolled towards my close home and wound its way past the Wimmis station between the Niesen massif and the Stockhorn range, I saw through the car window how thick clouds of smoke rose towards the sky to the right of the railway line. The Simmenfluh was enveloped in a sea of flames. I was told that a spark from a locomotive ignited the nearby forest. The fire then spread further and finally reached the mountain, which burned for weeks. The heat caused by the forest fire was, so to speak, a post-summer interlude. Local storm troopers were called in to contain the fire. So it happened that the door of my compartment opened and the teacher Bögli von Oey came in, in full captain's uniform and with a saber strapped to his belt

Original Page 124

(at that time the officers still wore the curved sabers of old orderlies, as well as silver or gold

ausreisten. Wenn besondere Verdachtsgründe vorlagen, ließ man sie auch außerhalb der Landesgrenzen von den Organen der Ochrana beschatten.

Wieder in der alten Heimat

Die Reise von der russischen Grenze bis Basel dauerte genau drei Tage. Am 16. September 1911 betrat ich den heimatlichen Boden.

Vielleicht wird man sich an den überaus heißen Sommer des Jahres 1911 noch erinnern können. Damals blieben die Niederschläge während Monaten aus, so daß die Erde vollkommen austrocknete.

Als der Zug meiner engem Heimat entgegenrollte und sich nach der Station Wimmis zwischen dem Niesenmassiv und der Stockhornkette hindurchschlängelte, sah ich durch das Wagenfenster, wie rechtsseits der Eisenbahmlinie dichte Rauchschwaden gen Himmel stiegen. Die Simmenfluh war in ein Flammenmeer gehüllt. Wie man mir sagte, soll der Funke einer Lokomotive die nahen Waldbestände entzündet haben. Das Feuer fraß sich dann weiter, erreichte schließlich den Berg, der wochenlang lichterloh brannte. Die durch den Waldbrand entstandene Hitze bildete gewissermaßen ein nachsommerliches Intermezzo. Zur Eindämmung des Feuers hatte man örtliche Landsturmtruppen aufgeboten. So kam es, daß sich die Türe meines Abteils öffnete und der Lehrer Bögli von Oey hereinkam, in voller Hauptmannsuniform und mit umgeschnalltem Schleppsäbel - 123

(damals trugen die Offiziere noch den krummen Säbel alter Ordonnanz, sowie silberne oder goldene Epauletten

въезжали, либо выезжали из страны. Если были особые причины для подозрений, за ними также разрешалось следить органам охранки за пределами страны.

Вернувшись на старую родину

Путь от российской границы до Базеля занял ровно три дня. Я ступил на родную землю 16 сентября 1911 года.

Возможно, люди еще смогут вспомнить чрезвычайно жаркое лето 1911 года. В то время осадков не было месяцами, так что земля полностью высохла.

Когда поезд подъехал к моему близкому дому и проезжал мимо станции Виммис между горным массивом Низен и хребтом Стокхорн, я увидел через окно вагона, как густые облака дыма поднимались к небу справа от железнодорожной линии. Зимменфлю окутал море огня. Мне сказали, что искра от локомотива зажгла близлежащий лес. Затем огонь распространился дальше и, наконец, достиг горы, которая горела несколько недель. Жара, вызванная лесным пожаром, была, так сказать, послепетней интерлюдийей. Для локализации огня были вызваны местные штурмовики. Так случилось, что дверь моего купе открылась и вошел учитель Бёгли фон Ой, в полной капитанской форме и с саблей, привязанной к поясу - 123

(в то время офицеры еще носили кривые сабли старых денщиков, а также серебряные или

epaulettes across their shoulders). He was the first person in my home village to welcome me as a newcomer from abroad.

My uncle Reinhold Wiedmer-Kunz, then mayor and section chief, handed me a military service booklet with the remark that I had to report to Erlenbach for the recruit examination on September 19th, at two o'clock in the afternoon. The enlistment officer stamped it "Suitable for mountain infantry" and I was happy not to have been rejected as a "state cripple". This news was sent immediately via a postcard to my uncle Nikolai in Klimovo so that he could enjoy his nephew.

The very next day I called on Ernst Hoßmann, the commercial director of the company J. Athanasiou & Co., Ringstr. 3, Bern, and was now supposed to be my superior. As planned many months ago, we immediately concluded an apprenticeship contract, which, however, since I was not yet of age, Uncle Nikolai had to sign. Given my "advanced" age, the commercial apprenticeship was exceptionally limited to two years instead of the usual three years.

I then went to the secretary (Weibel) of the Swiss Commercial Association at Herrengasse 36, who told me the timetable for the theoretical classes for the upcoming winter semester.

Four main teachers remain in my memory to this day: Meyer (commercial and exchange law, economics and political studies); Allemann

quer über die Schultern). Er war der erste meines Heimatdorfes, der mich als Ankömmling aus der Fremde begrüßte.

Mein Onkel Reinhold Wiedmer-Kunz, damaliger Gemeindepräsident und Sektionschef, händigte mir ein Militärdienstbüchlein aus, mit dem Bemerkung, ich hätte mich am 19. September, um zwei Uhr nachmittags, in Erlenbach zur Rekrutenprüfung einzufinden. Der Aushebungsoffizier drückte den Stempel «Tauglich für Gebirgsinfanterie» hinein und ich war glücklich, nicht als «Staatskrüppel» ausgemustert worden zu sein. Diese Kunde flog sofort mittelst einer Ansichtskarte an meinen Onkel Nikolai in Klimowo, damit er an seinem Neffen Freude hatte.

Schon am folgenden Tage sprach ich bei Ernst Hoßmann vor, der kaufmännischer Direktor der Firma J. Athanasiou & Co., Ringstr. 3, Bern, war und nun mein Vorgesetzter werden sollte. Wie vor vielen Monaten vorgesehen, schlossen wir sofort einen Lehrvertrag ab, den allerdings — da ich noch nicht volljährig war — Onkel Nikolai zu unterzeichnen hatte. Angesichts meines «vorgerückten» Alters wurde die kaufmännische Lehrzeit ausnahmsweise nur auf zwei, statt wie sonst üblich auf drei Jahre beschränkt.

Anschließend begab ich mich zum Sekretär (Weibel) des Schweizerischen Kaufmännischen Vereins in der Herrengasse 36, der mir den Stundenplan für den theoretischen Fachunterricht des bevorstehenden Wintersemesters bekanntgab.

Vier Hauptlehrer sind bis zum heutigen Tage in meinem Gedächtnis haften geblieben: Meyer (Handels- und

золотые погоны на плечах). Он был первым человеком в моей родной деревне, который приветствовал меня как приезжего из-за границы.

Мой дядя Райнхольд Видмер-Кунц, тогдашний мэр и начальник отдела, вручил мне книжку о военной службе с пометкой, что я должен явиться в Эрленбах для прохождения призыва экзамена 19 сентября, в два часа дня. Военкомат поставил на нем штамп «Годен для горной пехоты», и я был рад, что меня не отвергли как «государственного калеку». Эту новость немедленно отправили открыткой моему дяде Николаю в Климово, чтобы он порадовал племянника.

На следующий день я посетил Эрнста Хоссмана, коммерческого директора компании J. Athanasiou & Co., Ringstr. 3, Берн, и теперь должен был быть моим начальником. Как и планировалось много месяцев назад, мы сразу же заключили ученический договор, который, однако, поскольку я еще не был совершеннолетним, дяде Николаю пришлось подписать. Учитывая мой «преклонный» возраст, коммерческое обучение в исключительных случаях ограничивалось двумя годами вместо обычных трех лет.

Затем я пошел к секретарю (Вейбелю) Швейцарской торговой ассоциации на Херренгассе, 36, который сообщил мне расписание теоретических занятий на предстоящий зимний семестр.

В моей памяти до сих пор остаются четыре главных учителя: Майер (торговое и биржевое

(accounting and commercial calculations); Dr. Staender (commercial geography) and finally Vacheresse (foreign languages, especially French). I have a lot to thank these and other schoolmen for. Vacheresse was an excellent but very impulsive teacher. His southern temperament often led him to extreme forms of severity. For example, if a student lacked attention and dedication during class or failed to do his homework diligently, he would immediately expel him from the classroom. I gave my last to be spared this punishment. Meanwhile I couldn't avoid being shown the door two or three times. The fact that two training courses for recruits

Original Page 125

and some special military courses took place in the relatively short period of two years of training may have been to blame for the lack of my knowledge and skills. I never bore this little humiliation against the excellent teacher, because anyone who wanted to could learn an extraordinary amount from him.

At first I didn't like the monotonous office work at all. Being used to complete freedom in Russia, I found it difficult to sit still for eight to nine hours every day. During the first few weeks I didn't think I had the patience for it. Yes, even more: I secretly made the decision to back out, return to Russia, and continue working in the great outdoors alongside Uncle Leonard. But then with my mind's eye I saw Uncle Nikolai's reproachful face, whereupon I resisted the temptations, gritted my teeth, and persevered.

Wechselrecht, Wirtschafts- und Staatskunde); Allemann (Buchhaltung und kaufmännisches Rechnen); Dr. Staender (Handelsgeographie) und endlich Vacheresse (Fremdsprachen, vor allem Französisch). Diesen und auch anderen Schulmännern habe ich vieles zu verdanken. Vacheresse war ein hervorragender, aber sehr impulsiver Pädagoge. Sein südliches Temperament riß ihn oft zu extremen Formen der Strenge hin. Wenn beispielsweise ein Schüler während des Unterrichts an Aufmerksamkeit und Hingabe fehlen ließ oder es versäumte, die Aufgaben zu Hause gewissenhaft zu machen, wies er ihn ohne weiteres aus dem Schulzimmer. Ich gab mein Letztes her, um von dieser Maßregelung verschont zu bleiben. Indessen vermochte ich es nicht zu vermeiden, zwei- oder dreimal vor die Türe gestellt zu werden. Der Umstand, daß zwei Rekruten - 124

schulen sowie einige militärische Spezialkurse in die verhältnismäßig kurze Zeitspanne von zwei Lehrjahren fielen, mag schuld am Fehlen meines Wissens und Könnens gewesen sein. Ich trug diese kleine Demütigung dem ausgezeichneten Lehrer nie nach, denn wer wollte, konnte bei ihm außerordentlich viel lernen.

Anfänglich behagte mir die eintönige Bureauarbeit ganz und gar nicht. An volle Freiheit in Rußland gewohnt, fiel es mir schwer, jeden Tag acht bis neun Stunden still zu sitzen. Während den ersten Wochen glaubte ich, die Geduld dazu nicht aufbringen zu können. Ja, noch mehr: Im stillen faßte ich den Entschluß, auszukneifen, nach Rußland zurückzukehren, an der Seite Onkel Leonards in der freien Natur weiterzuarbeiten. Dann sah ich aber mit dem geistigen Auge das vorwurfsvolle Antlitz Onkel Nikolais, worauf ich den Versuchungen widerstand, auf die Zähne biß, durchhielt.

право, экономика и политология); Аллеманн (бухгалтерский и коммерческий расчеты); Доктор Штендер (коммерческая география) и, наконец, Вашерес (иностранные языки, особенно французский). Мне есть за что поблагодарить этих и других школьников. Вашерес был превосходным, но очень импульсивным учителем. Южный темперамент часто доводил его до крайних форм строгости. Например, если ученику не хватало внимания и усидчивости на уроке или он не старательно делал домашнее задание, он немедленно выгонял его из класса. Я отдал последнее, чтобы избежать этого наказания. При этом мне не удалось избежать того, чтобы мне указали на дверь два или три раза. В недостатке моих знаний и навыков, возможно, виноват тот факт, что за сравнительно короткий двухлетний период обучения были проведены два курса подготовки призывников - 124

и несколько специальных военных курсов. Я никогда не терпел этого маленького унижения в адрес превосходного учителя, потому что всякий желающий мог научиться у него необыкновенному многому.

Поначалу мне совершенно не нравилась однообразная офисная работа. Привыкнув к полной свободе в России, мне было трудно сидеть на месте по восемь-девять часов каждый день. В течение первых нескольких недель я не думал, что у меня хватит на это терпения. Да, даже больше: я тайно принял решение отступить, вернуться в Россию и продолжить работу на природе вместе с дядей Леонардом. Но затем мысленным взором я увидел укоризненное лицо дяди Николая, после чего устоял перед искушениями, стиснул зубы и выстоял.

I also had many happy hours. Jean Athanasiou, the technical director, whose cradle was on the island of Cyprus, was a master of his craft. I neglected to say that the company that bore his name manufactured first-class cigarettes. — Which smoker didn't know the global brand "Milla" back then?! The tobaccos came entirely from the Middle East. When Athanasiou mixed the different varieties in the cellar, he did not allow anyone near him. Apparently he guarded his professional secret, because that was the quality of the factory production, which was to remain unrivaled. Athanasiou avoided buying machines. He had workers from his homeland, Greece and Turkey, come to Bern, who shaped the cigarettes with nimble hands. For this activity they only needed a narrow roll of parchment, the end of which was attached to the work table with glue, and a round wooden stick with which the fragrant tobacco was guided into the paper tube. There was an illustrious company sitting at the long tables in the six rooms on two floors. Many wore their national costumes and red fez as head coverings. Their earnings were not small. Anyone who was efficient had an income of five to six hundred francs a month. Truly, a nice piece of money, which was not only enough to cover the living expenses of a family with several members, but also allowed savings, because in those days, as is well known, everything was much cheaper than it is today.

Orginal Page 126
Athanasiou was a true Oriental. He smoked constantly, inhaling passionately, and drank

Daneben waren mir auch viele frohe Stunden beschieden. Jean Athanasiou, der technische Direktor, dessen Wiege auf der Insel Zypern stand, war ein Meister seines Faches. Ich versäumte es, zu sagen, daß die Firma, welche seinen Namen trug, erstklassige Zigaretten fabrizierte. — Welcher Raucher kannte damals die Weltmarke «Milla» nicht?! Die Tabake stammten restlos aus dem Nahen Orient. Wenn Athanasiou die verschiedenen Sorten im Keller mischte, duldeten er keinen Menschen in seiner Nähe. Offenbar hütete er sein Fachgeheimnis, denn darin lag die Güte der Fabrikproduktion, die konkurrenzlos bleiben sollte. Athanasiou vermied den Kauf von Maschinen. Er ließ Arbeiter aus seiner Heimat, aus Griechenland und der Türkei, nach Bern kommen, welche die Zigaretten mit flinken Händen formten. Zu dieser Beschäftigung benötigten sie nur eine schmale Pergamentrolle, deren Ende am Arbeitstisch mit Leim befestigt war, sowie ein rundes Holzstäbchen, mit dem der duftende Tabak in die Papierhülse geführt wurde. Es war eine illustre Gesellschaft, die da an den langen Tischen in den sechs Zimmern der zwei Stockwerke saß. Viele trugen ihre Nationaltrachten und den roten Fes als Kopfbedeckung zur Schau. Ihr Verdienst war nicht gering. Wer tüchtig war, verfügte über ein Einkommen von fünf- bis sechshundert Franken im Monat. Fürwahr, ein schönes Stück Geld, das zur Bestreitung des Lebensunterhaltes einer mehrköpfigen Familie nicht nur ausreichte, sondern Ersparnisse gestattete, denn in jener Zeit war bekanntlich alles viel billiger als in der Gegenwart. - 125

Athanasiou war ein echter Orientale. Er rauchte pausenlos, leidenschaftlich inhalierend, und trank starken Mokka, den er sich nach der Sitte seines

У меня также было много счастливых часов. Жан Афанасиу, технический директор, колыбель которого находилась на острове Кипр, был мастером своего дела. Я забыл сказать, что компания, носившая его имя, производила первоклассные сигареты. — Какой курильщик тогда не знал мирового бренда «Милла»?! Табаки были полностью привезены с Ближнего Востока. Когда Афанасиу смешивал в погребе разные сорта, он никого не подпускал к себе. Видимо, он хранил свою профессиональную тайну, ведь именно качество фабричной продукции должно было оставаться непревзойденным. Афанасиу избегал покупать машины. В Берн приехали рабочие из его родины, Греции и Турции, которые ловкими руками придавали форму сигаретам. Для этого занятия им требовался лишь узкий рулон пергамента, конец которого прикреплялся к рабочему столу с помощью клея, и круглая деревянная палочка, с помощью которой ароматный табак направлялся в бумажную трубочку. За длинными столами в шести комнатах на двух этажах сидела знатная компания. Многие носили свои национальные костюмы и красные фески вместо головных уборов. Ее заработка был немаленьkim. Любой, кто был эффективным, имел доход от пяти до шестисот франков в месяц. Действительно, приятная денежка, которой не только хватало на содержание семьи из нескольких человек, но и позволяла экономить, ведь в те времена, как известно, все было гораздо дешевле, чем сегодня. - 125

Афанасий был настоящим восточным человеком. Он постоянно курил, страстно затягиваясь, и пил крепкий мокко, который заваривал сам по обычаю

strong mocha, which he brewed himself according to the custom of his people. When he once served me a cup of it, I couldn't close my eyes the following night.

When I went to the Swiss Commercial Association's business school and Athanasiou happened to meet me in the corridor of the factory, he would stuff my pockets with cigarettes. "Publicize! Publicize!" he whispered to me with a winning smile. But since I wasn't a heavy smoker and couldn't consume all the cigarettes he gave me, I exchanged them for chocolate that a colleague from Tobler AG gave me, offered in compensation. In the corners of the long corridors of the municipal high school on Waisenhausplatzl, where the Progymnasium is now located, a gourmet goods exchange developed rapidly. An incredible bullish trend in cigarette prices was constantly observed there. The "Milla" brand was quoted at a particularly high price as a "short supply" and the prices made it clear that the supply was in no way able to meet the demand.

In summary, I would like to say what struck me most at home after returning from the great Russian Empire: the fact how much our population depends on the use of every inch of arable land in relation to their limited living space, and how they manage to enjoy such a high standard of living despite the lack of its own natural resources and raw materials.

Volkes selbst braute. Als er mir einmal eine Tasse davon kredenzte, konnte ich während der folgenden Nacht kein Auge schließen.

Wenn ich in die Handelsschule des Schweizerischen Kaufmännischen Vereins ging und Athanasiou zufälligerweise im Korridor der Fabrik mir begegnete, stopfte er meine Taschen mit Zigaretten voll. «Reklame machen! Reklame machen!» raunte er mir mit gewinnendem Lächeln zu. Da ich aber kein starker Raucher war und nicht alle Zigaretten, die er mir schenkte, zu konsumieren vermochte, tauschte ich sie gegen Schokolade aus, die mir ein Kollege von der Firma Tobler AG, kompensationsweise anbot. In den Winkeln der langen Korridore des städtischen Gymnasiums am Waisenhausplatzl wo sich heute das Progymnasium befindet, entwickelte sich in schwunghafter Form eine Genußwaren-Börse. Man stellte dort dauernd eine unglaubliche Hause in Zigarettenwerten fest. Die Marke «Milla» wurde als «Mangelware» besonders hoch kotiert, und die Notierungen brachten kraß zum Ausdruck, daß das Angebot der Nachfrage in keiner Weise zu genügen vermochte.

Zusammenfassend möchte ich sagen, was mir in der Heimat nach der Rückkehr aus dem großen russischen Reich am meisten auffiel: Die Tatsache, wie sehr unsere Bevölkerung im Verhältnis zu ihrem beschränkten Lebensraum auf die Ausnützung von jedem Zoll an bebaubarem Boden angewiesen ist, und wie sie es fertig bringt, sich ungeachtet des Mangels an eigenen Bodenschätzen und Rohstoffen eines so hohen Lebensstandartes zu erfreuen.

своего народа. Когда однажды он подал мне чашку этого напитка, на следующую ночь я не мог сомкнуть глаз.

Когда я ходил в бизнес-школу Швейцарской коммерческой ассоциации и Афанасиу случайно встретил меня в коридоре фабрики, он набивал мои карманы сигаретами. «Публикуйте! Публикуйте!» — прошептал он мне с обаятельной улыбкой. Но поскольку я не был заядлым курильщиком и не мог съесть все сигареты, которые он мне давал, я обменял их на шоколад, который мне подарил коллега из Tobler AG. предложили в качестве компенсации. В углах длинных коридоров муниципальной средней школы на Вайзенхаусплацль, где сейчас находится Прогимназия, быстро развивалась биржа деликатесов. Там постоянно наблюдался невероятный бычий тренд цен на сигареты. Бренд «Милла» котировался по особенно высокой цене как «дефицитный товар», и цены ясно давали понять, что предложение никоим образом не способно удовлетворить спрос.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что меня больше всего поразило дома после возвращения из великой Российской империи: то, насколько наше население зависит от использования каждой пяди пахотной земли по отношению к своей ограниченной жизненной площади, и как они распоряжаются иметь такой высокий уровень жизни, несмотря на нехватку собственных природных ресурсов и сырья.

Bern was a very quiet city back then. The road traffic was not yet at the level that would fray people's nerves. If I remember correctly, Kölla, who ran a photography shop on Beundenfeldstrasse, was the first car owner in the federal city. There was arable land and meadowland where today there are densely populated outlying areas.

How I found Maslenikov

When Maslenikov secretly fled Russia with a false passport two years ago, I remembered his new name that night. He kept himself under this code name

Original Page 127
around eight years in Switzerland. Even when he returned home as a doctor medicus, he retained the pseudonym, as is the case with many revolutionaries. For understandable reasons, this code name cannot be disclosed. That's why we want to call my friend Maslenikov from now on.

After I gradually got used to my new life, I looked around for old friends and acquaintances. One evening when I went into town (I had rented a room at Weststrasse 10, Kirchenfeld), a long torchlight procession moved through the streets. University students remembered their professors and fellow students who died in the past academic year. At the head of the procession a band played Chopin's Funeral March. The calfskin of the drums hummed under the mallets.

Bern war damals eine sehr ruhige Stadt. Der Straßenverkehr hatte noch nicht jenes Ausmaß, welches die Nerven der Menschen zuschanden macht. Wenn ich mich recht erinnere, war Kölla, der in der Beundenfeldstraße ein Photographiegeschäft betrieb, der erste Autobesitzer in der Bundesstadt. Dort, wo heute dichtbesiedelte Außenquartiere stehen, war Acker- und Wiesland.

Wie ich Maslenikow fand

Als Maslenikow vor zwei Jahren mit falschem Paß heimlich aus Rußland floh, merkte ich mir in jener Nacht seinen neuen Namen. Unter diesem Decknamen hielt er sich wäh - 126

rend acht Jahren in der Schweiz auf. Auch dann, als er, seines Zeichens doctor medicus, in die Heimat zurückkehrte, behielt er das Pseudonym bei, wie dies bei vielen Revolutionären der Fall ist. Dieser Deckname kann aus verständlichen Gründen nicht bekanntgegeben werden. Deshalb wollen wir meinen Freund auch fürderhin Maslenikow nennen.

Nachdem ich mich an das neue Leben allmählich gewöhnt hatte, hielt ich nach alten Freunden und Bekannten Umschau. Eines Abends, als ich in die Stadt ging (ich hatte in der Weststraße 10, Kirchenfeld, ein Zimmer gemietet), bewegte sich ein langer Fackelzug durch die Straßen. Hochschüler gedachten ihrer im abgelaufenen Studienjahr verstorbenen Professoren und Kommilitonen. An der Spitze des Zuges spielte eine Musikkapelle den Trauermarsch von Chopin. Das Kalbfell der Trommeln brummte unter den Schlegeln.

Берн тогда был очень тихим городом. Дорожное движение еще не было на том уровне, который мог бы потрепать людям нервы. Если я правильно помню, Кёлла, владелец фотоателье на Бойнденфельдстрассе, был первым автовладельцем в федеральном городе. Там, где сегодня расположены густонаселенные окраины, были пашни и луга.

Как я нашел Масленикова

Когда два года назад Маслеников тайно бежал из России по фальшивому паспорту, в ту ночь я вспомнил его новое имя. Он держал себя под этим кодовым именем - 126.

около восьми лет в Швейцарии. Даже когда он вернулся домой врачом-медиком, он сохранил псевдоним, как и многие революционеры. По понятным причинам это кодовое имя не может быть разглашено. Поэтому мы хотим впредь звонить моему другу Масленикову.

После того, как я постепенно привык к своей новой жизни, я стал искать старых друзей и знакомых. Однажды вечером, когда я приехал в город (я снял комнату на Вестштрассе, 10, Кирхенфельд), по улицам двигалась длинная факельная процессия. Студенты университета почтили память своих преподавателей и сокурсников, погибших в уходящем учебном году. Во главе процессии оркестр играл «Траурный марш» Шопена. Телячья кожа барабанов гудела под ударами молотков.

At that moment I involuntarily thought of Maslenikov. Who knew, maybe he would march with us!

I mingled with the onlookers at the side of the road and looked carefully at the young, deeply serious faces of the students who followed their mournful flags with full vigor and measured steps. The corporations lined up in a circle on the shooting mat. After honoring the dead, the pitch torches flew in an arc towards the middle of the wide square. Finally, the *Gaudeamus igitur* resounded loudly, as if it were an apology from the life-affirming student body.

The torchlight procession of Bernese students is based on an old tradition. Elsewhere the death salamander is celebrated.

As far as I could tell, Maslenikov did not march. But this did not mean that he was responsible for his studies outside of Bern. When I returned home, I wrote to the university's rector's office asking to know whether my friend was enrolled there. The request was denied. I then wrote to the universities of Lausanne and Geneva in the same spirit. Same result. I finally turned to the right place. The Zurich University replied that Maslenikov had been studying at their medical faculty since October 19, 1909. At the bottom of the letter was the address of the person being sought.

Maslenikov answered my postcard with a long, detailed letter. He asked me to come to Zurich.

In diesem Augenblick dachte ich unwillkürlich an Maslenikow. Wer konnte wissen, vielleicht marschierte er mit!

Ich mischte mich am Straßenrand unter die Schaulustigen und betrachtete aufmerksam die jungen, tiefernsten Gesichter der Studenten, die in vollem Wuchs und gemessenen Schrittes ihren trauerumflorten Fahnen folgten. Auf der Schützenmatte stellten sich die Korporationen kreisförmig auf. Nach der Totenehrung flogen die Pechfackeln im Bogen auf die Mitte des weiten Platzes. Zuletzt erscholl wuchtig das *Gaudeamus igitur*, gleichsam als Apologie der lebensbejahenden Studentenschaft.

Der Fackelzug der Berner Hochschüler stützt sich auf eine alte Ueberlieferung. Anderswo wird der Totensalamander gefeiert.

Soweit ich feststellen konnte, marschierte Maslenikow nicht mit. Dies wollte aber nicht sagen, daß er außerhalb von Bern seinem Studium oblag. Nach Hause zurückgekehrt, richtete ich an die Rektoratskanzlei der Universität ein Schreiben, in dem ich um Auskunft bat, ob mein Freund dort immatrikuliert sei. Die Anfrage wurde verneint. Daraufhin schrieb ich in gleichem Sinne an die Universitäten von Lausanne und Genf. Gleiches Resultat. Endlich wandte ich mich an die richtige Stelle. Die Hochschule in Zürich antwortete mir, daß Maslenikow seit 19. Oktober 1909 an ihrer medizinischen Fakultät studiere. Am Fuße des Schreibens stand die Adresse des Gesuchten.

Meine Postkarte beantwortete Maslenikow mit einem langen, ausführlichen Brief. Er bat mich, nach Zürich zu kommen - 127

В этот момент я невольно подумал о Масленикове. Кто знал, может быть, он пойдет с нами в поход!

Я смешался со зрителями на обочине дороги и внимательно разглядывал молодые, глубоко серьезные лица студентов, которые с полной энергией и размежеванным шагом следовали за своими скорбными флагами. Корпорации выстроились в круг на стрельбище. Почти память погибших, смоляные факелы понеслись по дуге к середине широкой площади. Наконец, громко прозвучало *Gaudeamus igitur*, как будто это было извинение жизнеутверждающего студенческого сообщества.

Факельное шествие бернских студентов основано на старой традиции. В другом месте празднуется саламандра смерти.

Насколько я мог судить, Маслеников не шествовал. Но это не означало, что он отвечал за учебу за пределами Берна. Вернувшись домой, я написала в ректорат университета с просьбой узнать, зачислен ли туда мой друг. Запрос был отклонен. В том же духе я тогда написал в университеты Лозанны и Женевы. Тот же результат. Наконец я обратился в нужное место. В Цюрихском университете ответили, что Маслеников учится на их медицинском факультете с 19 октября 1909 года. Внизу письма был указан адрес разыскиваемого человека.

Маслеников ответил на мою открытку длинным и подробным письмом. Он попросил меня приехать в Цюрих. -127

Original Page 128

He added with an exclamation point that the joy of seeing each other again was entirely his.

When I boarded the train to Zurich on a Sunday morning, it was pouring rain. The beautiful, warm autumn weather had finally faded; nature was preparing to die.

Maslenikov was waiting for me to arrive. As the train puffed into the hall, I saw my friend's tall, slender figure from afar. Maslenikov was smartly dressed. He wore a double-breasted, dark blue suit and the then fashionable stiff hat (cock). After a warm welcome, we chatted down Bahnhofstrasse to Paradeplatz, in the immediate vicinity of which Pension Altiner was located. Maslenikov had rented a room there. Next to the entrance to the house were the words written on a polished brass sign:

“Private guesthouse, 2nd floor, elevator”

A pompous bellwork sparkled above the brass shield: the bronze lion's head held a richly decorated ring in its slavering lips.

The secretary was sitting at the desk in the anteroom of the guesthouse. Maslenikov's noisy entrance put an end to their musings. She wanted to greet us, but Maslenikov beat her to it. He gave the young girl a boyish pat on the shoulder and called out in a general's voice: “Miss Weber, how's lunch? A bottle of Macon and two glasses, please!”

Die Freude des Wiedersehens sei ganz auf seiner Seite, fügte er mit einem Ausrufzeichen hinzu.

Als ich an einem Sonntagmorgen den Zug nach Zürich bestieg, regnete es in Strömen. Das schöne, warme Herbstwetter war endlich erloschen; die Natur rüstete sich zum Sterben.

Maslenikow wartete auf meine Ankunft. Als der Zug in der Halle pustend ausrollte, erblickte ich von weitem die hohe, schlanke Gestalt meines Freundes. Maslenikow war adrett gekleidet. Er trug einen zweireihigen, dunkelblauen Anzug und den damals modischen, steifen Hut (Koks). Nach herzlicher Begrüßung gingen wir plaudernd die Bahnhofstraße hinab, bis zum Paradeplatz, in dessen unmittelbarer Nähe sich die Pension Altiner befand. Dort hatte Maslenikow ein Zimmer gemietet. Neben dem Hauseingang standen auf blankgeputztem Messingschild die Worte:

«Privatpension, 2. Stock, Lift»

Ueber dem Messingschild funkelte ein pompöses Klingelwerk: der bronzenen Löwenkopf hielt in seinen geifernden Lefzen einen reichverzierten Ring.

Im Vorzimmer der Pension saß die Sekretärin am Schreibtisch. Maslenikows lärmendes Eintreten machte ihren Grübeleien ein Ende. Sie wollte uns begrüßen, doch Maslenikow kam ihr zuvor. Er gab dem jungen Mädchen burschikos einen Klaps auf die Schulter und rief mit Feldherrnstimme: «Fräulein Weber, wie steht's mit dem Mittagessen? Eine Flasche Macon und zwei Gläser, bitte!»

Он добавил с восклицательным знаком, что радость от новой встречи целиком принадлежит ему.

Когда воскресным утром я сел на поезд до Цюриха, шел проливной дождь. Прекрасная теплая осенняя погода наконец угасла; природа готовилась умереть.

Маслеников ждал моего приезда. Когда поезд въехал в вестибюль, я издалека увидел высокую стройную фигуру моего друга. Маслеников был нарядно одет. На нем был двубортный темносиний костюм и модная тогда жесткая шляпа (кокса). После теплого приема мы поговорили по Банхофштрассе до площади Парадеплац, в непосредственной близости от которой находился пансион Altiner. Маслеников снял там комнату. Рядом с входом в дом на полированной латунной табличке были написаны слова:

«Частный гостевой дом, 2 этаж, лифт»

Над медным щитом сверкал помпезный колокол: бронзовая львиная голова держала в слюнявых губах богато украшенное кольцо.

Секретарь сидел за столом в вестибюле гостевого дома. Шумный выход Масленикова положил конец их размышлению. Она хотела поздороваться с нами, но Маслеников опередил ее. Он мальчишески похлопал девушку по плечу и крикнул генеральским голосом: «Мисс Вебер, как обед? Бутылку Мейкона и два стакана, пожалуйста!»

Секретарь на высоких каблуках прошел в

The secretary walked into an adjoining room on high heels and came back with a pile of newspapers and letters. Swinging her hips, she led the way into Maslenikov's room, put everything on the desk, in front of which there were two armchairs, and opened her little, pink mouth: "Here's the mail from last night. There have been no calls yet. Lunch will be ready at twelve o'clock. I'll have it done for you in room number 5."

My friend's room was spacious, bright and friendly. The imposing building of the Fraumünster Church greeted us through the window.

Maslenikov opened the bookcase and rudely pushed the door shut again. «I still had a bottle of vodka that was almost full. But everything is always cleaned up, like this

Original Page 129
that you won't be able to find anything afterwards," he said, laughing loudly, and left the room. I heard him calling through the door for Miss Weber.

I sat down and started leafing through the newspapers and reading. I found myself not understanding the meaning of the words at all. They were black block letters that meant nothing. I raised my eyes and let him roam the room. Two rapiers hung crossed on the bare wall above the bed. I looked at the spherical, glass alarm clock on the bedside table, with a cobweb-thin second hand running across its dial. On top of the bookcase sat broad and sedate a porcelain owl, the symbol of wisdom. Finally my eyes went to the desk. Books,

Die Sekretärin ging auf hohen Absätzen stelzbeinig in einen Nebenraum und kam mit einem Stoß Zeitungen und Briefen wieder zurück. Hüftschwingend ging sie uns voran in Maslenikows Zimmer, legte alles auf den Schreibtisch, vor dem zwei Fauteuils standen und öffnete ihren kleinen, rosaroten Mund: «Hier ist die Post von gestern abend. Anrufe waren noch keine. Das Mittagessen wird Schlags zwölf Uhr fertig sein. Für Sie werde ich im Zimmer Nummer 5 auftragen lassen.»

Das Zimmer meines Freundes war geräumig, hell und freundlich. Durch das Fenster grüßte der imposante Bau der Fraumünsterkirche.

Maslenikow öffnete den Bücherschrank und stieß die Türe unwirsch wieder zu. «Ich hatte noch eine Flasche Wodka, die fast voll war. Aber da wird immer alles aufgeräumt, so - 128

daß man nachher nichts mehr finden kann», sagte er laut lachend und verließ den Raum. Ich hörte durch die Türe, wie er nach Fräulein Weber rief.

Ich ließ mich nieder und begann, in den Zeitungen zu blättern und zu lesen. Dabei ertappte ich mich, daß ich den Sinn der Worte gar nicht erfaßte. Es waren schwarze Druckbuchstaben, die nichts bedeuteten. Ich hob den Blick, ließ ihn durch das Zimmer streifen. An der nackten Wand über dem Bett hingen gekreuzt zwei Rapiere. Ich betrachtete die kugelrunde, gläserne Weckeruhr auf dem Nachttisch, über deren Zifferblatt ein spinnwebendünner Sekundenzeiger eilte. Oben auf dem Bücherschrank saß breit und behäbig eine Eule aus Porzellan, das Sinnbild der Weisheit. Zuletzt wanderten meine Augen zum Schreibtisch. Dort lagen

соседнюю комнату и вернулся с стопкой газет и писем. Покачивая бедрами, она прошла в комнату Масленикова, положила все на письменный стол, перед которым стояли два кресла, и открыла свой маленький розовый ротик: "Вот почта со вчерашнего вечера. Звонков пока не было. Обед будет готов в двенадцать часов. Я сделаю это для вас в комнате номер 5".

Комната моего друга была просторной, светлой и уютной. Из окна нас встретило внушительное здание церкви Фраумюнстер.

Маслеников открыл шкаф и грубо захлопнул дверь. «У меня еще была почти полная бутылка водки. Но всегда все убрано вот так - 128

что вы потом ничего не сможете найти, — сказал он, громко смеясь, и вышел из комнаты. Я слышал, как он звал через дверь мисс Вебер.

Я сел и начал листать газеты и читать. Я обнаружил, что вообще не понимаю смысла этих слов. Это были черные печатные буквы, которые ничего не значили. Я поднял глаза и позволил ему бродить по комнате. На голой стене над кроватью висели скрещенные две рапиры. Я посмотрел на сферический стеклянный будильник на тумбочке, по циферблату которого пробегала тонкая, как паутина, секундная стрелка. На книжном шкафу стояла широкая фарфоровая сова, символ мудрости. Наконец мой взгляд упал на стол. Книги, тетради, карандаши и безделушки валялись в пестрой куче. От этого изобилия на меня смотрел череп. Чьи костные части были

notebooks, pencils and knick-knacks lay there in a motley mess. From this abundance a skull stared back at me, whose bone parts were connected with yellow metal clamps. The skull grinned with its strong teeth. At least that's how it seemed to me. Who did it belong to, I asked myself, and why do people bring such horrible things into their homes? And when you wake up from your sleep at night and the moon casts its pale light through the window onto that skull? I shivered.

Finally my thoughts returned to Maslenikov, the dirt-poor shoemaker's son in the deepest Russian province. Like many a broken human heart, Wasska was born on the dark side of life. Then his schoolmate, the tall Kvass, fell victim to the snowstorm. Little Wasska was accused of murder and sent to a reformatory. But kind fate cleared up the error and brought about a great change in the existence of the shoemaker's son. From then on, the direction of his life went in the opposite direction. Viewed as a whole, his path led from the crooked Isba in Dubrovka via the high school in Kaluga and the Moscow University straight to Zurich. Here he will one day receive his mortarboard in order to then assist suffering humanity as a doctor. Is there actually a better job than that of a helper in dire need?

My reminiscences were abruptly interrupted. Maslenikov stood in front of me with a tray, the bottle of vodka he was looking for and two tiny liqueur glasses in his hands. He hadn't thought before that Miss Weber had been given the order

Bücher, Hefte, Bleistifte und Nippsachen kunterbunt durcheinander. Aus dieser Fülle glotzte mich ein Totenschädel an, dessen Knochenteile mit gelbmetallenen Klammern verbunden waren. Der Totenschädel grinste mit seinem starken Gebiß. So schien es mir wenigstens. Wem mag er gehört haben, fragte ich mich, und warum schleppt man so scheußliche Dinge zu sich nach Hause? Und wenn man nachts aus dem Schlaf erwacht und der Mond sein fahles Licht durch das Fenster auf diesen Totenschädel wirft? Es fröstelte mich.

Schließlich kehrten meine Gedanken zu Maslenikow zurück, zum bettelarmen Schusterssohn in tiefster russischer Provinz. Wie manches zerschundene Menschenherz, kam auch Wasska an der Schattenseite des Lebens zur Welt. Dann fiel sein Schulkamerad, der großgewachsene Kwas, dem Schneesturm zum Opfer. Der kleine Wasska wurde des Mordes bezichtigt, in eine Erziehungsanstalt gesteckt. Das gütige Schicksal klärte aber den Irrtum auf, bewirkte eine große Wandlung im Dasein des Schusterssohnes. Von da an verließ die Marschrichtung seines Lebens entgegengesetzt. Sein Weg führte — gesamthaft betrachtet — von der windschiefen Isba in Dubrowka über das Gymnasium in Kaluga und die Moskauer Universität geradewegs nach Zürich. Hier wird er eines Tages den Doktorhut erhalten, um dann als Arzt der leidenden Menschheit beizustehen. Gibt es eigentlich einen schöneren Beruf als den eines Helfers in höchster Not?

Meine Reminiszenzen wurden jäh unterbrochen. Vor mir stand Maslenikow mit einem Tablett, der gesuchten Wodkaflasche und zwei winzigen Likörlässern in den Händen. Er hatte vorhin nicht daran gedacht, daß Fräulein Weber tags - 129

соединены желтыми металлическими зажимами. Череп ухмыльнулся своими крепкими зубами. По крайней мере, мне так показалось. Кому оно принадлежало, спросил я себя, и почему люди приносят в свои дома такие ужасные вещи? А когда ты просыпаешься ночью и луна бросает свой бледный свет через окно на этот череп? Я вздрогнул.

Наконец мои мысли вернулись к Масленикову, сыну нищего сапожника из самой глубокой русской провинции. Как и многие разбитые человеческие сердца, Васска родилась на темной стороне жизни. Потом его одноклассник, высокий Квас, стал жертвой снежной бури. Маленькую Васску обвинили в убийстве и отправили в исправительную колонию. Но добрая судьба исправила ошибку и внесла большую перемену в жизнь сына сапожника. С тех пор направление его жизни пошло в противоположном направлении. В целом его путь вел от кривой Исы на Дубровке через Калужскую гимназию и Московский университет прямо в Цюрих. Здесь он однажды получит свой сокол, чтобы затем помочь страждущему человечеству в качестве врача. Есть ли на самом деле работа лучше, чем работа остро нуждающегося помощника?

Мои воспоминания были внезапно прерваны. Маслеников стоял передо мной с подносом, бутылкой водки, которую я искал, и двумя рюмочками в руках. Он раньше не думал, что в этот день будет мисс Вебер... 129

Original Page 130
 the day before to put the vodka on the ice.
 Because vodka, remember, is only good when
 it's frozen!

Maslenikov filled the glasses; We drank to the happy reunion and vowed to continue to be loyal friends, come what may and wherever we might be.

Then we told each other the experiences and events of the last two years. As I learned, Maslenikov held the post of second secretary of the Russian Socialist-Revolutionary Party in the Diaspora. In return, he received a small compensation that allowed him to stay afloat economically.

Maslenikov knew our federal city, which he really enjoyed.

“One of my duties,” said Maslenikov, “is to maintain contact with the Russian colony throughout Switzerland and to provide financial support to those compatriots who are in need as much as possible. On these trips I got to know the old Zähringer town. From the first moment you feel safe there, like a toddler in its mother’s arms.

I often sat with my friends on one of the many benches in the high rose garden. There you can enjoy an overwhelming panoramic view. The late Middle Ages are probably most impressive in Bern: the actual old town with the cathedral

zuvor den Auftrag erhielt, den Wodka aufs Eis zu legen. Denn Wodka, das merke man sich, mundet nur dann, wenn er tiefgekühlt ist!

Maslenikow goß die Gläser voll; wir tranken auf das frohe Wiedersehen und gelobten, auch fernerhin treue Freundschaft zu halten, komme, was da wolle, und wo immer wir uns aufhalten würden.

Dann erzählten wir uns gegenseitig die Erlebnisse und Geschehnisse der beiden letzten Jahre. Wie ich dabei vernahm, bekleidete Maslenikow den Posten eines zweiten Sekretärs der sozialistischen-revolutionären Partei Rußlands in der Diaspora. Dafür erhielt er eine kleine Entschädigung, die ihm erlaubte, sich wirtschaftlich über dem Wasser zu halten.

Maslenikow kannte unsere Bundesstadt, an der er großen Gefallen fand.

«Es gehört zu meinen Obliegenheiten», erzählte Maslenikow, «den Kontakt mit der russischen Kolonie in der ganzen Schweiz aufrechtzuerhalten und jenen Landsleuten, die Not leiden, finanziell soweit möglich beizustehen. Auf diesen Reisen lernte ich die alte Zähringerstadt kennen. Man fühlt sich dort vom ersten Augenblick an geborgen wie ein Kleinkind auf den Armen seiner Mutter.

Ich saß mit meinen Freunden oftmals auf einer der vielen Bänke im hochgelegenen Rosengarten. Dort kommt man in den Genuss einer überwältigenden Rundansicht. In Bern dürfte das späte Mittelalter wohl am eindrücklichsten erscheinen: die eigentliche

предварительно отдан приказ поставить водку на лед. Потому что водка, помните, хороша только замороженная!

Маслеников наполнил стаканы; Мы выпили за счастливое воссоединение и поклялись оставаться верными друзьями, что бы ни случилось и где бы мы ни находились.

Затем мы рассказали друг другу о впечатлениях и событиях последних двух лет. Как мне стало известно, Маслеников занимал должность второго секретаря ЦРПСР по зарубежью. Взамен он получил небольшую компенсацию, позволившую ему экономически оставаться на плаву.

Маслеников знал наш город федерального значения, что ему очень нравилось.

«Одна из моих обязанностей, — сказал Маслеников, — поддерживать связь с русской колонией по всей территории Швейцарии и оказывать по возможности финансовую поддержку тем соотечественникам, которые в ней нуждаются. В этих поездках я познакомился со старым городом Церингер. С первой минуты чувствуешь себя там в безопасности, как малыш на руках у матери.

Я часто сидел с друзьями на одной из многочисленных скамеек в высоком розарии. Там вы сможете насладиться потрясающим панорамным видом. Позднее средневековые, пожалуй, наиболее впечатляет в Берне: настоящий старый город с собором и ратушей, окруженный с

and the town hall, surrounded on three sides by the Aare, and the old quarters surrounded by a picturesque ring of fortifications at different altitudes. Furthermore, the magnificent figural fountains from long-vanished centuries, which decorate the squares and streets, are probably among the most beautiful in the whole of Switzerland!"

At midday, when we heard the gong ringing through the door, we went into the next room where one of Maslenikov's college friends lived. He wasn't present. On the wall hung a photograph of a Russian naval officer: a sharp profile of the bronze-tanned captain. Immaculate white collar, as well as hat with lots of gold. A look that conquers the world's oceans. In the background, the inevitable lifebuoy, just in case!

"Who is this?" I asked Maslenikov.

Original Page 131

«Eugen Karpov from St. Petersburg, a medical student like me. Formerly a naval officer in the Black Sea Fleet, he shot his commander in January 1905 and fled abroad. The charge was intentional homicide, possibly manslaughter, or even intentional grievous bodily harm resulting in death. Either way, Eugen would have had to go to prison if he hadn't managed to take the finch line (disappear). He has been a member of our party ever since. He's about to take the state medical exam.»

A moment later Karpov arrived. He looked less advantageous in civilian clothes than in his neat, royal blue uniform. Maslenikov introduced me to

Altstadt mit dem Münster und dem Rathaus, auf drei Seiten von der Aare umflossen, und die alten Quartiere von einem malerischen Befestigungsring in verschiedener Höhenlage umzogen. Ferner die prächtigen Figurenbrunnen aus längst entschwundenen Jahrhunderten, welche die Plätze und Straßen schmücken, zählen wohl zu den schönsten des ganzen Schweizerlandes!»

Um die Mittagsstunde, als wir den Gongschlag durch die Türe hörten, gingen wir ins Nebenzimmer, wo ein Studienfreund von Maslenikow hauste. Er war nicht anwesend. An der Wand hing die Photographie eines russischen Seeoffiziers: scharfgeschnittenes Profil des bronzegebräunten Kapitäns. Makellos weißer Kragen, ebenso Mütze mit viel Gold. Ein Blick, der die Weltmeere erobert. Im Hintergrund für alle Fälle der unvermeidliche Rettungsring!

«Wer ist das?» fragte ich Maslenikow. - 130

«Eugen Karpow aus St. Petersburg, ein Medizinstudent wie ich. War früher Marineoffizier der Schwarzmeerflotte, schoß seinen Kommandanten im Januar 1905 über den Haufen und flüchtete sich ins Ausland. Die Anklage lautete auf vorsätzliche Tötung, eventuell auf Totschlag im Affekt, allenfalls auch nur auf vorsätzliche schwere Körperverletzung mit tödlichem Ausgang. So oder so hätte Eugen ins Kittchen wandern müssen, wenn es ihm nicht gelungen wäre, den Finkenstrich zu nehmen. Seither gehört er unserer Partei an. Er steht kurz vor dem medizinischen Staatsexamen.»

Einen Augenblick später kam Karpow. In Zivil wirkte er weniger vorteilhaft als in der schmucken, königsblauen Uniform. Maslenikow stellte mich ihm vor; wir wechselten

трех сторон Ааре, и старые кварталы, окруженные живописным кольцом укреплений на разной высоте. Более того, великолепные фигурные фонтаны давно минувших веков, украшающие площади и улицы, вероятно, являются одними из самых красивых во всей Швейцарии!»

В полдень, когда мы услышали в двери звон гонга, мы прошли в соседнюю комнату, где жил один из товарищ Масленикова по институту. Его не было. На стене висела фотография русского морского офицера: острый профиль бронзового загорелого капитана. Безупречный белый воротничок, а также шляпа с большим количеством золота. Взгляд, покоряющий мировые океаны. На заднем плане неизбежный спасательный круг, на всякий случай!

"Кто это?" — спросил я Масленикова. - 130

«Евгений Карпов из Санкт-Петербурга, такой же студент-медик, как и я. Бывший морской офицер Черноморского флота, в январе 1905 года он застрелил своего командира и бежал за границу. Обвинение заключалось в умышленном убийстве, возможно, непредумышленном убийстве или даже умышленном причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. В любом случае, Ойгену пришлось бы сесть в тюрьму, если бы он не сумел воспользоваться удочкой. С тех пор он является членом нашей партии. Ему предстоит пройти государственный медицинский осмотр.

Через мгновение прибыл Карпов. В штатском он выглядел менее выигрышно, чем в своей аккуратной королевско-синей форме. Маслеников познакомил

him; we exchanged a few words of politeness. Karpov had the habit of speaking little but smiling mockingly. Conclusive proof that he didn't hide his own "I" under a bushel.

The three of us sat down at the beautifully set lunch table. There were fresh cut flowers in a glass crystal vase. There was roast veal, fried potatoes, vegetables and a fruit dessert. As a vegetarian and follower of Leo Tolstoy, Karpov ordered his favorite dish: omelettes souflees with compote and coffee with milk. The food was plentiful and tasty.

We drank the black coffee in the Urania restaurant at Uraniastrasse 9 (as far as I know, this restaurant still exists today). It was considered a regular hangout for Russian students and writers. You could often meet the celebrities of the Russian Revolution there.

At his suggestion, I played one game of billiards after another with Maslenikov. Karpov looked on boredly, drumming his fingers nervously on the table and occasionally glancing at the front door. For Maslenikov, playing billiards meant a step towards heaven's door. He handled the cue masterfully, so that his series of caroms never stopped. It was a friendly game with no money involved.

The evening train took me quickly back to Bern. The creaking gate at Weststrasse 10 slowly closed behind me. "Today," I said to myself in my head, "you had an interesting day. Early in the

ein paar Worte der Höflichkeit. Karpow hatte die Gewohnheit, wenig zu sprechen, dafür mokant zu lächeln. Ein schlüssiger Beweis dafür, daß er sein eigenes «Ich» nicht unter den Scheffel stellte.

Zu dritt setzten wir uns an den schön gedeckten Mittagstisch. In einer Vase aus Glaskristall standen frische Schnittblumen. Es gab Kalbsbraten, Bratkartoffeln, Gemüse und ein Dessert aus Früchten. Als Vegetarier und Gefolgsmann von Leo Tolstoj bestellte sich Karpow sein Leibgericht: Omelettes souflees mit Kompott und Milchkaffee. Das Essen war reichlich und schmackhaft.

Den schwarzen Kaffee tranken wir im Restaurant Urania an der Uraniastraße 9 (soweit ich unterrichtet bin, besteht diese Gaststätte auch heute noch). Sie galt als Stammlokal der russischen Studenten und Literaten. Dort konnte man oftmals auch die Prominenz der russischen Revolution treffen.

Ich spielte mit Maslenikow auf seine Anregung hin eine Billardpartie nach der andern. Karpow schaute gelangweilt zu, trommelte mit den Fingern nervös auf der Tischplatte und warf ab und zu einen Blick nach der Eingangstüre. Das Billardspiel bedeutete für Maslenikow einen Schritt zur Himmelstüre. Er handhabte das Queue meisterhaft, so daß seine Serien von Karambolagen nicht abreißen wollten. Es handelte sich um ein Freundschaftsspiel ohne Geldeinsatz.

Der Abendzug brachte mich in schneller Fahrt nach Bern zurück. Das knarrende Gittertor an der Weststraße 10 schloß sich langsam hinter mir. «Heute», sagte ich in Gedanken zu mir, «hattest du einen interessanten Tag.

меня с ним; мы обменялись несколькими словами вежливости. Карпов имел привычку говорить мало, но насмешливо улыбаться. Убедительное доказательство того, что он не прятал свое «я» под спудом.

Мы втроем сели за красиво накрытый обеденный стол. В стеклянной хрустальной вазе стояли свежесрезанные цветы. Была жареная телятина, жареный картофель, овощи и фруктовый десерт. Будучи вегетарианцем и последователем Льва Толстого, Карпов заказал свое любимое блюдо: омлеты-супфле с компотом и кофе с молоком. Еда была обильной и вкусной.

Черный кофе мы пили в ресторане «Урания» на Ураниаштрассе, 9 (насколько мне известно, этот ресторан существует и по сей день). Оно считалось постоянным местом встреч русских студентов и писателей. Там часто можно было встретить знаменитостей русской революции.

По его предложению я играл с Маслениковым одну партию за другой в бильярд. Карпов скучающе смотрел, нервно барабаня пальцами по столу и время от времени поглядывая на входную дверь. Для Масленикова игра в бильярд означала шаг к двери рая. Он мастерски владел кием, так что его серии карамболов никогда не прекращались. Это была товарищеская игра, в которой не было денег.

Вечерний поезд быстро доставил меня обратно в Берн. Скрипящие ворота на Вестштрассе, 10 медленно закрылись за мной. «Сегодня, — сказал я себе в голове, — у тебя был интересный день. Рано утром вы вернетесь к повседневной рутине с ее мелочами и

morning you will be back on the daily grind with its little things and troubles."

Original Page 132

The First World War with the subsequent Revolution in Russia

Working in the office and studying at business school took up all of my time. I didn't get to meet the Russian youth who populated the lecture halls of the University of Bern. These were mostly Russians whose path to their local universities after graduating from high school was blocked by the numerus closures. Almost all of them enrolled in medical school, simply because they would then have the opportunity to practice medicine in Russia. The tsarist Ministry of Education only required a re-examination in Russian, which was not difficult after passing the state examination abroad.

This category of Russian students often came from lower-middle-class backgrounds. The funds at their disposal were limited. Many made a living as working students. Accustomed to the hard life, this young team showed an unparalleled dedication to their studies, which they completed in a very short time and with brilliant success.

My two years of training flew by. At the final exam I was handed the diploma of the Swiss Commercial Association. I then attended the Higher Cantonal Commercial School in Lausanne for further language training. My classmates formed a most illustrious company. It consisted of

Früh morgens wirst du wieder auf dem Alltagsgeleise mit seinen Kleinigkeiten und Nöten sein.» - 131

Der Erste Weltkrieg mit nachfolgender Revolution in Rußland

Die Arbeit im Bureau sowie das Lernen in der Handelsschule nahmen meine Zeit voll in Anspruch. Ich kam nicht dazu, mit der russischen Jugend Bekanntschaft zu machen, welche die Hörsäle der Berner Universität bevölkerte. Es handelte sich meistens um solche Russen, denen der Weg nach der Matura zu den heimatlichen Hochschulen durch den Numerus clausus versperrt war. Fast alle immatrikulierten sich an der medizinischen Fakultät, aus dem einfachen Grunde, weil für sie dann die Möglichkeit bestand, in Rußland als Arzt zu praktizieren. Das zaristische Unterrichtsministerium verlangte lediglich eine Nachprüfung in russischer Sprache, die nach bestandenem Staatsexamen im Ausland unschwer war.

Diese Kategorie der russischen Studentenschaft kam vielfach aus kleinbürgerlichen Verhältnissen. Die Geldmittel, welche ihr zur Verfügung standen, waren beschränkt. Viele schlügen sich als Werkstudenten durchs Leben. An das harte Leben gewohnt, bekundete diese Jungmannschaft eine beispiellose Hingabe zum Studium, das sie in kürzester Zeit und mit glänzendem Erfolg abschloß.

Meine beiden Lehrjahre vergingen im Fluge. Bei der Abschlußprüfung wurde mir das Diplom des Schweizerischen Kaufmännischen Vereins ausgehändigt. Zur sprachlichen Weiterbildung bezog ich anschließend die Höhere Kantonale Handelsschule in Lausanne. Meine Mitschüler bildeten eine höchst illustre Gesellschaft. Sie

хлопотами». - 131

Первая мировая война с последующей революцией в России

Работа в офисе и учеба в бизнес-школе занимали все мое время. Мне не удалось познакомиться с русской молодежью, населявшей лекционные аудитории Бернского университета. В основном это были россияне, которым путь в местные вузы после окончания средней школы был прегражден numerus clausus. Почти все они поступили в медицинский институт просто потому, что у них тогда была возможность заниматься медицинской практикой в России. Царское министерство просвещения требовало лишь пересдачи экзамена по русскому языку, что не представляло труда после сдачи государственного экзамена за границей.

Эта категория российских студентов часто происходила из представителей низшего среднего класса. Средства в ее распоряжении были ограничены. Многие зарабатывали на жизнь работая студентами. Привыкшая к тяжелой жизни, эта молодая команда проявила беспримерную преданность учебе, которую завершила в очень короткий срок и с блестящим успехом.

Два года моего обучения пролетели незаметно. На выпускном экзамене мне вручили диплом Швейцарской торговой ассоциации. Затем я поступил в Высшую кантональную коммерческую школу в Лозанне для дальнейшего изучения языка. Мои одноклассники составили самую прославленную компанию. В его состав входили молодые люди, в

young people, mostly from foreign countries, who completed one or two semesters here so that they could then follow the lectures at the university in the Palais de Rumine and in the City with better success.

The winter of 1913 and 1914 in this cheerful Ville universitaire was one of the most beautiful times of my long life.

On April 27, 1914, I got a job at the Schweizerische Kreditanstalt in Zurich. I worked there in the department for current account and securities accounts as well as for sight deposits.

I had maintained a lively correspondence with Maslenikov over the years. From time to time visited

Original Page 133

each other and we supported each other if necessary. Now we lived wall to wall. I rented the room from Dr. Karpow, who was now working as an assistant doctor at the Geneva Cantonal Hospital. Maslenikov had business cards with the designation "cand. med." to print. Thanks to the fact that his time studying at Moscow University was fully credited, he was about to take the state exam. In keeping with his temperament and ambition, he worked day and night, as he did in Kaluga. He was constantly short of time. When I came into his room early in the morning to wish him a good day, he would eat his morning meal standing up, watch in hand. The next moment he hurried down the stairs, skipping two steps at a time.

bestand aus jungen Leuten meist fremder Länder, die hier ein oder zwei Semester absolvierten, um dann den Vorlesungen an der Hochschule im Palais de Rumine sowie im City mit besserem Erfolg folgen zu können.

Der Winter 1913 auf 1914 in dieser lebensfrohen Ville universitaire zählt zu den allerschönsten Zeiten meines langen Lebens.

Am 27. April 1914 erhielt ich bei der Schweizerischen Kreditanstalt in Zürich eine Anstellung. Ich arbeitete dort in der Abteilung für Konto-Korrent- und Depot-Positionen sowie für Sicht-Abgaben.

Mit Maslenikow hatte ich während all den Jahren einen lebhaften Briefwechsel unterhalten. Von Zeit zu Zeit besuchten -132

wir uns gegenseitig, standen einander notfalls bei. Jetzt wohnten wir Wand an Wand. Ich mietete das Zimmer von Dr. Karpow, der nun im Kantonsspital Genf als Assistenzarzt tätig war. Maslenikow hatte sich Visitenkarten mit der Bezeichnung «cand. med.» drucken lassen. Dank dessen, daß ihm die Studienzeit an der Moskauer Universität voll angerechnet worden war, stand er vor dem Staatsexamen. Seinem Temperament und Ehrgeiz entsprechend arbeitete er — wie seinerzeit in Kaluga — Tag und Nacht. Er litt dauernd an Zeitnot. Wenn ich früh morgens in sein Zimmer trat, um ihm einen guten Tag zu wünschen, nahm er stehend, mit der Uhr in der Hand, das Morgenessen ein. Im nächsten Augenblick eilte er die Treppe hinunter, immerfort zwei Stufen überspringend.

основном из зарубежных стран, которые закончили здесь один или два семестра, чтобы затем с большим успехом читать лекции в университете во Дворце Рюмине и в Сити.

Зима 1913 и 1914 годов в этом веселом Университетском городке была одним из самых прекрасных периодов моей долгой жизни.

27 апреля 1914 года я устроился на работу в Швейцарский кредитный институт в Цюрихе. Я работал там в отделе текущих счетов и счетов ценных бумаг, а также депозитов до востребования.

На протяжении многих лет я поддерживал оживленную переписку с Маслениковым. Время от времени посещал -132

мы поддерживали друг друга при необходимости. Теперь мы жили стенка к стенке. Я снял комнату у доктора Карпова, который теперь работал ассистентом врача в кантональной больнице Женевы. У Масленикова были визитки с пометкой «канд. мед.» печатать. Благодаря тому, что время обучения в Московском университете было полностью зачтено, ему предстояло сдавать государственный экзамен. В соответствии со своим темпераментом и амбициями он работал день и ночь, как и в Калуге. Ему постоянно не хватало времени. Когда я приходил к нему рано утром, чтобы пожелать ему хорошего дня, он ел стоя, с часами в руке. В следующий момент он спешил вниз по лестнице, пропуская две ступеньки за раз. Лицо моего друга стало заметно уже и бледнее.

My friend's face became noticeably narrower and paler. Dark spots appeared under his eyes.

"Does science demand this excessive self-sacrifice from its disciples?" I asked Malenikov.

"Yes, my dear, if you don't want to remain a bungler in your field!" was the fanatic's reply.

Sultry midsummer heat sweltered across Europe in July 1914. It increased the political tension to the point where it was unbearable. The tension began with the murder of the heir to the Austrian throne by the Serbian student Principle in Sarajevo. After the scream of horror, the world soon calmed down again. Aside from the exchange of notes, nothing special seemed to follow the assassination attempt. By the way, people had been used to political divergences for years. High diplomacy always knew how to settle them with love.

Then on July 23rd came the news of the Austrian ultimatum to Serbia. From now on, events accelerated. In the streets of Zurich you could hear the newspaper sellers shouting at any hour of the day: "Bulletin, latest news! Bulletin, the political situation is getting worse!" A week later, Europe was in flames.

Careless arrogance, incorrect assessment of the resistance forces in the enemy camp on the one hand, and on the other hand, chauvinistic desire for revenge, fear of

Das Antlitz meines Freundes wurde zusehends schmäler und blasser. Unter seinen Augen bildeten sich dunkle Flecken.

«Verlangt die Wissenschaft von ihren Jüngern diese maßlose Selbstaufopferung?» fragte ich Malenikow.

«Jawohl, mein Lieber, wenn man nicht Stümper seines Faches bleiben will!» war die Antwort des Fanatikers.

Schwüle Hochsommerhitze brütete in den Julitagen 1914 über Europa. Sie steigerte die politische Spannung bis zur Unerträglichkeit. Die Spannung begann mit der Ermordung des österreichischen Thronfolgerpaars durch den serbischen Studenten Prinzip in Sarajewo. Nach dem Aufschrei des Entsetzens beruhigte sich die Welt bald wieder. Abgesehen von dem Notenwechsel schien dem Attentat nichts Besonderes zu folgen. Uebrigens war man schon seit Jahren an politische Divergenzen gewöhnt. Die hohe Diplomatie verstand es immer wieder, sie in Minne zu schlachten.

Da kam am 23. Juli die Meldung vom österreichischen Ultimatum an Serbien. Von nun an überstürzten sich die Ereignisse. In den Straßen von Zürich hörte man zu jeder Tagesstunde den Ausruf der Zeitungsverkäufer: «Bulletin, letzte Nachrichten! Bulletin, die politische Lage spitzt sich zu!» Eine Woche später stand Europa in Flammen.

Leichtfertige Ueberheblichkeit, falsche Einschätzung der Widerstandskräfte im feindlichen Lager auf der einen Seite, und anderseits chauvinistische Revanchegelüste, Konkurrenzangst, apathisches

Под глазами появились темные пятна.

«Требует ли наука от своих учеников такого чрезмерного самопожертвования?» — спросил я Маленикова.

«Да, дорогой мой, если ты не хочешь оставаться нерадивым в своей области!» был ответ фанатика.

В июле 1914 года по всей Европе распространилась знойная жара в середине лета. Это усилило политическую напряженность до такой степени, что она стала невыносимой. Напряженность началась с убийства наследника австрийского престола сербским студентом Принципом в Сараево. После крика ужаса мир вскоре снова успокоился. За исключением обмена записками, за покушением, похоже, не последовало ничего особенного. Кстати, к политическим разногласиям люди уже давно привыкли. Высокая дипломатия всегда умела уладить их с любовью.

Затем 23 июля пришло известие об австрийском ультиматуме Сербии. С этого момента события ускорились. На улицах Цюриха в любой час дня можно было услышать, как продавцы газет кричат: «Вестник, последние новости! Бюллетень, политическая ситуация ухудшается!» Неделю спустя Европа была в огне.

Невнимательная самонадеянность, неверная оценка сил сопротивления в стане противника с одной стороны, а с другой стороны, шовинистическое стремление к реваншу, боязнь конкуренции, апатичное пущение событий на самотек и, что

competition, apathetic letting things happen and, last but not least, evasion of internal difficulties by jumping into war,

Original Page 134

combined to spark a world fire that could easily have been avoided and which the overwhelming majority of peoples certainly did not want.

Perhaps the governing circles didn't want it either, at least not in the way it developed. There were certainly ambitious cliques in Vienna and Budapest, there was a clique in St. Petersburg around the Grand Duke Nikolai Nikolaievich, there were also the masterminds of the Pan-Germans in Berlin, and in Paris there were finally chauvinistic intellectuals who all had their iron in the fire. But they certainly did not want the war that then raged across the entire earth and engulfed them. Europe and the whole world emerged from it very differently than anyone could have imagined in the last days of July 1914.

Shortly before the First World War, Europe was at the zenith of its power. The last major period of war was almost a century ago, and for 40 years people have enjoyed deep peace. The Balkans hardly counted; the colonial wars were not felt on the continent. A single stain was visible on the picture: the Russian defeat in the armed conflict with Japan in 1904/05.

The population of Europe had increased greatly since the mid-19th century; economic development rushed forward. European technology was almost

Geschehenlassen und nicht zuletzt auch das Ausweichen vor inneren Schwierigkeiten durch den Sprung in den Krieg entfachten in ihrem Zusammenwirken - 133

einen Weltbrand, der sich leicht hätte vermeiden lassen und den die Völker in ihrer erdrückenden Mehrheit bestimmt nicht wollten.

Auch die leitenden Kreise wollten ihn vielleicht nicht, zumindest nicht in der Form, wie er sich dann entwickelte. Es gab wohl in Wien und Budapest ehrgeizige Cliques, es gab in St. Petersburg einen Klüngel um den Großfürsten Nikolai Nikolaiewitsch, es gab ferner die Drahtzieher der Alldeutschen in Berlin, und in Paris gab es endlich chauvinistische Intellektuelle, die alle ihr Eisen im Feuer hatten. Den Krieg aber, der dann über die ganze Erde raste und sie selber verschlang, hatten sie sicher nicht gewollt. Europa und die ganze Welt sind ganz anders aus ihm herausgegangen, als sich irgend jemand in den letzten Julitagen des Jahres 1914 vorstellen konnte.

Europa stand kurz vor dem Ersten Weltkrieg im Zenit seiner Macht. Die letzte große Kriegsperiode lag nahezu ein Jahrhundert zurück, und seit 40 Jahren erfreute man sich des tiefen Friedens. Der Balkan zählte kaum mit; die Kolonialkriege waren auf dem Kontinent nicht spürbar. Ein einziger Fleck war auf dem Bilde sichtbar: die russische Niederlage 1904/05 im Waffengang mit Japan.

Die Bevölkerung Europas hatte sich seit Mitte des 19. Jahrhunderts stark erhöht; die wirtschaftliche Entwicklung eilte vorwärts. Die europäische Technik

не менее важно, уклонение от внутренних трудностей путем прыжков в войну, в совокупности спровоцировавшую мировой пожар, которого - 133

легко можно было избежать и которого подавляющее большинство народов определенно не желало.

Возможно, правящие круги тоже его не хотели, по крайней мере, в том виде, в каком он развивался. Были, конечно, амбициозные клики в Вене и Будапеште, была клика в Петербурге вокруг великого князя Николая Николаевича, были и вдохновители пангерманцев в Берлине, а в Париже, наконец, были интеллигенты-шовинисты, у всех были свои железо в огне. Но они, конечно, не хотели той войны, которая тогда бушевала по всей земле и охватила их. Европа и весь мир вышли из него совсем иначе, чем можно было себе представить в последние дни июля 1914 года.

Незадолго до Первой мировой войны Европа находилась в зените своего могущества. Последний крупный период войны случился почти столетие назад, и вот уже 40 лет люди наслаждаются глубоким миром. Балканы почти не учитывались; колониальные войны не ощущались на континенте. На снимке виднелось единственное пятно: поражение России в вооруженном конфликте с Японией в 1904/05 году.

Население Европы значительно увеличилось с середины 19 века; экономическое развитие устремилось вперед. Европейские технологии почти бесспорно находились на переднем крае прогресса,

indisputably at the forefront of progress, and Europe was home to the world's major financial and commercial centers.

Freedom of movement within the various states was characterized by unparalleled generosity. You could enter most countries without a passport or visa, work there, and settle permanently without being bound by immigration police and labor market instructions. People went to the big sailing regattas on the North Sea or the canal. In the fall you stayed somewhere on a large estate as a hunting guest. For treatment people went to Karlsbad, Baden-Baden or Vichy, and for pleasure they went to Paris, Vienna or Budapest. And it was simply a given that economic resources were being exploited everywhere. In short: one would have thought that the much-vaunted, long-awaited golden age had finally arrived.

Based on what we know today, everyone can only be amazed at the ignorance with which the ruling class at

Original Page 135
the time traipsed into the mess of the First World War. Three empires fell in the process. But Great Britain, France and Italy, which were ultimately in the victorious camp, also lost their full strength. Russia lost the most in integrity.

The sunny August 1st brought the order for general mobilization in Germany, which was followed on the 3rd by the declaration of war on France, after the actual state of war had already occurred.

befand sich beinahe unbestritten an der Spitze des Fortschrittes, und in Europa waren die großen Finanz- und Handelszentren der Welt.

Die Bewegungsfreiheit innerhalb der verschiedenen Staaten kennzeichnete sich durch eine Großzügigkeit sondergleichen. Man konnte ohne Paß und Visum in die meisten Länder einreisen, dort arbeiten, sich dauernd niederlassen, ohne an fremdenpolizeiliche und arbeitsmarktliche Weisungen gebunden zu sein. Man fuhr zu den großen Segelregatten an die Nordsee oder an den Kanal. Im Herbst weilte man irgendwo auf einem großen Gut als Jagdgast. Zur Kur war man in Karlsbad, in Baden-Baden oder in Vichy, und zum Vergnügen begab man sich nach Paris, Wien oder Budapest. Und daß man ökonomisch überall aus dem Vollen schöpfte, war einfach eine Selbstverständlichkeit. Kurz: Man hätte denken können, das vielgepriesene, längst erwartete goldene Zeitalter sei endlich angebrochen.

Aus unserem heutigen Wissen heraus kann sich jedermann nur wundern über die Ahnungslosigkeit, - 134

mit der die damals regierende Klasse in das Schlamassel des Ersten Weltkrieges hineinlatschte. Drei Kaiserreiche sind dabei untergegangen. Aber auch Großbritannien, Frankreich und Italien, die schlußendlich im Lager der Sieger standen, verloren ihre Vollkraft. Am meisten büßte Rußland an Integrität ein.

Der sonnenglänzende 1. August brachte in Deutschland den Befehl zur allgemeinen Mobilmachung, dem am 3. die Kriegserklärung an Frankreich folgte, nachdem der tatsächliche Kriegszustand schon vorher eingetreten war.

а Европа была домом для крупнейших мировых финансовых и коммерческих центров.

Свобода передвижения внутри различных штатов отличалась беспрецедентной щедростью. Вы можете въехать в большинство стран без паспорта или визы, работать там и поселиться на постоянной основе, не будучи связанными иммиграционной полицией и инструкциями рынка труда. Люди отправлялись на большие парусные регаты в Северном море или канале. Осенью вы остановились где-то в большом имении в качестве охотничьего гостя. За лечением люди ездили в Карлсбад, Баден-Баден или Виши, а за удовольствием — в Париж, Вену или Будапешт. И это было просто данностью, что экономические ресурсы эксплуатировались повсюду. Короче говоря: можно было бы подумать, что наконец наступил хваленый, долгожданный золотой век.

Основываясь на том, что мы знаем сегодня, каждый может только удивляться невежеству, - 134

с которым правящий класс того времени ввязался в хаос Первой мировой войны. В ходе этого процесса пали три империи. Но Великобритания, Франция и Италия, оказавшиеся в конечном итоге в лагере победителей, также потеряли полный состав. Россия потеряла больше всего в целостности.

Солнечным 1 августа был объявлен приказ о всеобщей мобилизации в Германии, за которым 3-го числа последовало объявление войны Франции, уже после того, как фактическое состояние войны уже наступило.

Швейцария была полна решимости защитить

Switzerland was determined to defend its freedom and independence against any attack and to repel any destructive incursions by foreign armies within its borders. On July 30th, the Federal Council ordered a standby position, the following day general mobilization, and on August 1st the Landsturm set up its posts along the borders and railway lines. A high wave of enthusiasm swept across the entire country, and more fervently than ever one felt how all the Swiss brothers, French and German, small and large, were equally inspired by a holy courage of sacrifice, joyfully giving up their body and possessions for greater and higher things. We wanted to prove ourselves worthy of our ancestors, and our descendants should not have to be ashamed of us.

As I said, first the Landsturm men with bearded, deeply serious faces rushed to their corps assembly points and then to the guard objects.

On Tuesday, August 4th, I moved in with the 9th Mountain Infantry Brigade. This army unit consisted of battalions 34, 35 and 36 (Bernese Oberland), as well as 40 (Emmental) and 89 (Upper Valais). The swearing in took place on the spot. Our eyes glowed as we enthusiastically raised our swearing fingers above our heads, and our hearts beat faster when the rifles were loaded for the first time.

From the heights of the Jura, we saw the flames of burning villages across the border and heard the thunder of cannons from the first battles in this bloodiest of all wars to date.

Die Schweiz war entschlossen, ihre Freiheit und Unabhängigkeit gegen jeden Angriff zu verteidigen und jedes zerstörende Eindringen fremder Heere von den Grenzen ihrer Gemarkung abzuwehren. So befahl der Bundesrat am 30. Juli die Pikettstellung, am folgenden Tag die allgemeine Mobilmachung, und am 1. August stellte bereits der Landsturm seine Posten an den Grenzen und Bahnlinien entlang. Eine hohe Welle der Begeisterung ging über das ganze Land, und inbrünstiger als je spürte man, wie alle eidgenössischen Brüder, die welschen und deutschen, kleinen und großen, gleichermaßen von einem heiligen Opfermut besetzt waren, Leib und Gut freudig hinzugeben für Größeres und Höheres. Unserer Ahnen wollten wir uns würdig erweisen, und die Nachfahren sollten sich unserer nicht zu schämen brauchen.

Wie gesagt, eilten zuerst die Landsturmmänner mit bärigen, tiefern Gesichtern ihren Korpssammelplätzen und dann den Bewachungsobjekten zu.

Am Dienstag, den 4. August, rückte ich mit der Gebirgsinfanteriebrigade 9 ein. Diese Heereinheit bestand aus den Bataillonen 34, 35 und 36 (Berner Oberland), ferner 40 (Emmental) und 89 (Oberwallis). Die Vereidigung fand auf der Stelle statt. Unsere Augen glühten, als wir die Schwörfinger begeistert über dem Haupte erhoben, und unsere Herzen schlügen höher, als die Gewehre zum erstenmal scharf geladen wurden.

Von den Jurahöhen aus erblickten wir jenseits der Grenze die Flammenzeichen brennender Dörfer und vernahmen den Kanonendonner der ersten Schlachten in diesem bisher blutigsten aller Kriege.

свою свободу и независимость от любого нападения и отразить любые разрушительные вторжения иностранных армий в пределах своих границ. 30 июля Федеральный совет приказал занять резервную позицию, на следующий день провести всеобщую мобилизацию, а 1 августа Ландштурм установил свои посты вдоль границ и железнодорожных путей. Высокая волна энтузиазма прокатилась по всей стране, и горячее, чем когда-либо, чувствовалось, как все братья-швейцарцы, французы и немцы, малые и большие, одинаково вдохновлялись святым мужеством самопожертвования, с радостью отдавая свое тело и имущество за все более и более высокие вещи. Мы хотели доказать, что достойны своих предков, и чтобы нашим потомкам не пришлось за нас стыдиться.

Как я уже говорил, сначала ландштурмовцы с бородатыми, глубоко серьёзными лицами бросились к сборным пунктам своего корпуса, а затем к объектам охраны.

Во вторник, 4 августа, я перешел в состав 9-й горнострелковой бригады. В состав этого армейского подразделения входили 34, 35 и 36 батальоны (Бернский Оберланд), а также 40 (Эмменталь) и 89 (Верхний Вале). Принятие присяги состоялось на месте. Наши глаза светились, когда мы с энтузиазмом поднимали материющиеся пальцы над головой, а сердца бились быстрее, когда винтовки были заряжены впервые.

С высот Джуры мы видели пламя горящих деревень по ту сторону границы и слышали грохот пушек первых сражений в этой самой кровопролитной из всех войн на сегодняшний день.

В течение многих месяцев службы по оказанию помощи

During the many months of relief service in 1914/18, the rifle handles that we blared in all parts of the country were legion. But the mental state of the troops was exemplary. We knew what was at stake and fulfilled our duty to the fatherland. As a spiritual

Original Page 136
encouragement for the hesitant and the fickle, a slogan with the following content was circulated:

«What the will wants and the speaker speaks,
Do that with pleasure and don't grumble!»

Only towards the end of the war did an unmistakable disenchantment with service appear here and there. The Russian Revolution had sent its waves across Germany and into the bosom of our people. This began the ideological war, which cannot be kept away from national borders by force of arms alone.

In March 1917 we received the news of the Russian Revolution with great emotion; It seemed to represent a step towards peace. Only later did one sense with deep horror the demonic nature of true, bloody revolution.

Encounters with Lenin

Maslenikov completed his studies in the spring of 1915. — At the same time, he received his doctorate in medical sciences with the title summa cum laude. To enrich his practical expertise, the young doctor has since worked under the aegis of a well-known internist in a private clinic in Zurich.

Während den vielen, monatelangen Ablösungsdiensten der Jahre 1914/18 bildeten die Gewehrgriffe, die wir in allen Landesteilen schmetterten, Legion. Aber die Geistesverfassung der Truppe war vorbildlich. Wir wußten, um was es ging, und erfüllten unsere Pflicht gegenüber dem Vaterlande. Als geistiger - 135

Zuspruch für die Saumseligen und Wankelmütigen zirkulierte ein Losungswort folgenden Inhalts:

«Was Wille will und Sprecher spricht,
das tue gerne und murre nicht!»

Erst gegen das Kriegsende trat hier und dort eine unverkennbare Dienstverdrossenheit in Erscheinung. Die russische Revolution hatte ihre Wellen über Deutschland hinweg bis in den Schoß unseres Volkes geworfen. Damit begann der ideologische Krieg, welcher sich nicht mit Waffengewalt allein von den Landesgrenzen fernhalten läßt.

Im März 1917 nahmen wir mit großer Bewegung die Kunde von der russischen Revolution zur Kenntnis; schien sie doch einen Schritt zum Frieden hin zu bedeuten. Erst später spürte man dann mit tiefem Erschrecken das dämonische Wesen wahrer, blutiger Revolution.

Begegnungen mit Lenin

Maslenikow schloß sein Studium im Frühjahr 1915 ab. — Gleichzeitig promovierte er mit dem Prädikat summa cum laude zum Doktor der medizinischen Wissenschaften. Zur Bereicherung seines praktischen Fachwissens arbeitete der junge Arzt seither unter der Aegide eines bekannten Internisten in einer Privatklinik in Zürich.

в 1914/18 году рукоятки винтовок, которые мы трубили во всех частях страны, были легионами. Но психическое состояние войск было образцовым. Мы знали, о чём идет речь, и выполнили свой долг перед отечеством. В качестве духовного - 135

ободрения колеблющихся и непостоянных был распространен лозунг следующего содержания:

«Чего хочет воля и говорит оратор,
Делайте это с удовольствием и не ворчите!»

Лишь к концу войны кое-где появилось явное разочарование в службе. Русская революция прокатилась по Германии и в сердце нашего народа. Так началась идеологическая война, которую невозможно удержать вдали от национальных границ только силой оружия.

В марте 1917 года мы с большим волнением восприняли известие о русской революции; Казалось, это представляет собой шаг к миру. Лишь позднее с глубоким ужасом ощущалась демоническая природа настоящей, кровавой революции.

Встречи с Лениным

Маслеников завершил учебу весной 1915 года. — Тогда же он получил степень доктора медицинских наук с отличием. Чтобы обогатить свой практический опыт, молодой врач с тех пор работал под руководством известного терапевта в частной клинике в Цюрихе.

Маслеников всегда был ко мне тепл и

Maslenikov was always warm and open to me. I never knew him any differently. His balanced nature simply didn't allow our friendship to be tarnished. He only remained reserved when it came to political questions or their derivatives. He cleverly avoided or ignored my questions about this topic. His actions corresponded to the considerations of a cautious, intelligent person who did not want to violate the hospitality law in any way.

Only recently, shortly before his departure for Russia, did his behavior undergo a slight change. On the evening of March 17, 1917, Maslenikov stormed breathlessly into my room, quickly unfolded a daily newspaper and placed it on the table. I read the following:

«Tsar Nicholas II has abdicated

On the night of March 15-16, 1917, Nicholas II signed the decree in Pskov containing his renunciation of the throne of the Russian Empire. The March Revolution - 136

of the working masses, which goes hand in hand with the bourgeois masses, will cause even more heads to fall. Russia, the empire of the Muscovite grand princes, the great world power of the Russian autocrats, has become a free state. What the work of almost seven centuries had built up has collapsed in a short space of time; It did not pass the severe test of severe war hardship because internal expansion had been neglected due to the constant growth of external power. The

Maslenikov war mir gegenüber stetsfort herzlich und aufgeschlossen. Ich kannte ihn nie anders. Sein ausgeglichenes Wesen ließ eine Trübung unserer Freundschaft einfach nicht zu. Nur etwa dann, wenn es sich um politische Fragen oder um deren Derivate handelte, verhielt er sich zurückhaltend. Meinen Fragen über dieses Thema wich er geschickt aus oder überhörte sie geflissentlich. Seine Handlungsweise entsprach der Überlegung eines vorsichtigen, klugen Menschen, der das Gastrecht in keiner Weise verletzen will.

Nur zuletzt, kurz vor seiner Abreise nach Rußland, erfuhr sein Verhalten eine leichte Wandlung. Am Abend des 17. März 1917 stürmte Maslenikow atemlos in mein Zimmer, entfaltete mit raschen Bewegungen eine Tageszeitung und legte sie auf den Tisch. Ich las folgendes:

«Zar Nikolaus II. hat abgedankt

In der Nacht vom 15. auf den 16. März 1917 unterzeichnete Nikolaus II. in Pleskau den Erlass, der seinen Verzicht auf den Thron des russischen Reiches enthält. Die März revolution - 136

der Arbeitermassen, die neben der bürgerlichen einhergeht, wird noch weitere Köpfe zum Fallen bringen. Rußland, das Reich der moskowitischen Großfürsten, die Großund Weltmacht der russischen Selbstherrschers, ist zum Freistaat geworden. Was die Arbeit von fast sieben Jahrhunderten aufgebaut, ist in kurzer Frist zusammengebrochen; es hat die schwere Prüfung harter Kriegsnot nicht bestanden, weil über dem ständigen Wachstum äußerer Macht der Ausbau im Inneren vernachlässigt worden war. Die Lösung dieser Aufgabe, die das Zarentum

открыт. Я никогда не знал его по-другому. Его уравновешенный характер просто не позволил запятнать нашу дружбу. Он оставался сдержаным только тогда, когда дело касалось политических вопросов или их производных. Он ловко избегал или игнорировал мои вопросы на эту тему. Его действия соответствовали соображениям осторожного, умного человека, не желавшего никоим образом нарушать закон гостеприимства.

Лишь недавно, незадолго до отъезда в Россию, в его поведении произошло небольшое изменение. Вечером 17 марта 1917 года Масленников, запыхавшись, ворвался в мою комнату, быстро развернул ежедневную газету и положил ее на стол. Я прочитал следующее:

«Царь Николай II отрекся от престола

В ночь с 15 на 16 марта 1917 года Николай II подписал в Пскове указ об отречении от престола Российской империи. Мартовская революция - 136

рабочих масс, идущая рука об руку с буржуазными массами, приведет к падению еще большего числа голов. Россия, империя московских великих князей, великая мировая держава русских самодержцев, стала свободным государством. То, что создавалось трудом почти семи столетий, рухнуло в короткий срок; Он не выдержал сурового испытания суровыми военными трудностями, поскольку внутренней экспансии пренебрегали из-за постоянного роста внешней мощи. Решение этой задачи, которую не удалось

people now want to take the solution to this task, which the Tsardom failed to do, into their own hands.”

Maslenikov lost his self-control, perhaps for the first time in his life. He grabbed my elbows with both hands and turned in a circle with me.

“I thank God Almighty for the liberation of our people from the shackles of centuries-old bondage!” he exclaimed. Tears of joy and overwhelming happiness ran down his pale cheeks. He wiped them away with his handkerchief, but they kept coming back. Maslenikov sank into an armchair and held his head with its tangled shock of hair between his hands.

I stood next to my friend, moved. “Let your feelings flow freely,” I thought to myself, “cry it out, in my eyes it doesn’t take anything away from your personal honor. Men of old Helvetia also shed tears when they were overwhelmed by patriotic feelings.

Suddenly the doctor sat up again and looked me straight in the eyes. Then he began to speak, slowly and quietly, like a confession, barely audible:

«I don't know if you can feel how upset my insides are! You Swiss enjoy complete freedom and independence, but your ancestors also had to fight hard battles for these most precious possessions of humanity. Just think about it: Russia, which I love more than anything, is finally free and can move towards prosperity! Nothing will be able to stop me from returning home. For the first time

versäumt, will nun das Volk selbst in die Hand nehmen.»

Maslenikow verlor — vielleicht erstmals in seinem Leben — die Selbstbeherrschung. Er faßte mich mit beiden Händen an den Ellbogen und drehte sich mit mir im Kreise.

«Ich danke Gott, dem Allmächtigen, für die Befreiung unseres Volkes von den Fesseln jahrhundertealter Knechtschaft!» rief er aus. Die Tränen der Freude und des überwältigenden Glückes liefen über seine blassen Wangen. Er wischte sie mit dem Taschentuch weg, doch sie flössen immer wieder. Maslenikow sank in einen Fauteuil und hielt den Kopf mit dem wirren Haarschopf zwischen den Händen.

Ich stand ergriffen neben meinem Freund. «Lasse deinen Gefühlen freien Lauf», dachte ich im stillen, «weine dich aus, in meinen Augen geht dadurch an deiner persönlichen Ehre nichts ab. Auch Männer des alten Helvetiens vergossen Tränen, wenn sie von patriotischen Gefühlen übermannt wurden.»

Plötzlich richtete sich der Arzt wieder auf, blickte mir fest in die Augen. Dann begann er zu sprechen, langsam und leise, wie eine Beichte, kaum hörbar:

«Ich weiß nicht, ob du mir nachfühlen kannst, wie stark mein Inneres aufgewühlt ist! Ihr Schweizer erfreut euch ja der vollen Freiheit und Unabhängigkeit, aber Eure Vorfahren mußten auch einmal um diese höchsten Güter der Menschheit harte Kämpfe ausfechten. Bedenke nur, Rußland, das ich über alles liebe, ist endlich frei und kann seiner

выполнить царству, народ теперь хочет взять в свои руки».

Маслеников потерял самообладание, пожалуй, впервые в жизни. Он схватил меня за локти обеими руками и повернулся вместе со мной по кругу.

«Благодарю Всевышнего за освобождение нашего народа от оков многовекового рабства!» воскликнул он. Слезы радости и всепоглощающего счастья текли по его бледным щекам. Он вытер их носовым платком, но они продолжали возвращаться. Маслеников опустился в кресло и держал в руках голову с спутанной копной волос.

Я стоял рядом со своим другом, двигался. «Пусть чувства твои текут свободно, — подумал я про себя, — выплакай, в моих глазах это ничего не умаляет твоей личной чести. Мужчины старой Гельвеции тоже плакали, когда их одолевали патриотические чувства.

Внезапно доктор снова сел и посмотрел мне прямо в глаза. Потом он начал говорить, медленно и тихо, как исповедь, едва слышно:

«Я не знаю, чувствуете ли вы, как расстроено мое нутро! Вы, швейцарцы, наслаждаетесь полной свободой и независимостью, но вашим предкам также приходилось вести тяжелые битвы за эти самые драгоценные достояния человечества. Подумайте только: Россия, которую я люблю больше всего на свете, наконец-то свободна и может двигаться к процветанию! Ничто не сможет

I will live in my parents' house, in the crooked Isba in Dubrowka. I will make a pilgrimage to the churchyard to pay my last respects to my parents' graves. I will go to church and commune with God. I will light a candle of deep gratitude in front of the ancient icon of the Mother of God of Kazan.

Original Page 138

And then I will support the poorest people of our people, the sick, and try to alleviate their suffering."

Maslenikov turned away and looked out the window into the dark night. Then he turned back to me.

"I don't know," he spoke up again, "whether you know the history of the Russian Revolution. It would go too far if I wanted to describe all the phases of the long struggle against the Tsardom. I am content to say that the old regime did everything to deprive its people of the basis for a higher standard of living."

Maslenikov jumped up from the armchair, sat astride a chair, grasped the back and looked at me questioningly and imploringly, as if he were looking for help from me.

"At the beginning of September 1915," he said hoarsely, "the internationalists of our political direction held a conference in Zimmerwald to discuss and evaluate the general situation as it had developed as a result of the World War. The second conference followed in Kiental in 1916.

Prosperität entgegengehen! Nichts wird mich mehr von der Rückkehr in die Heimat zurückhalten können. Die erste Zeit werde ich im Elternhaus, in der windschiefen Isba in Dubrowka, leben. Ich werde zum Gottesacker hinauspilgern, um den Gräbern meiner Eltern die letzte Ehre zu erweisen. Ich werde in die Kirche gehen und mit Gott eine Zwiesprache halten. Vor der uralten Ikone der Mutter Gottes von Kasan werde ich eine Kerze des tiefen Dankes entzünden. Und dann werde ich den - 137

ärtesten Menschen unseres Volkes, den Kranken, beistehen, ihre Leiden zu lindern versuchen.»

Maslenikow wandte sich ab und blickte zum Fenster in die dunkle Nacht hinaus. Dann drehte er sich mir wieder zu.

«Ich weiß nicht», ergriff er wieder das Wort, «ob du die Geschichte der russischen Revolution kennst. Es würde zu weit führen, wollte ich alle Phasen des langen Ringens gegen das Zarentum schildern. Ich begnügen mich mit der Feststellung, daß das alte Regime alles getan hat, um seinem Volke die Grundlagen zum höheren Lebensstandard vorzuenthalten.»

Maslenikow sprang vom Fauteuil auf, setzte sich rittlings auf einen Stuhl, umfaßte die Lehne und sah fragend und beschwörend auf mich, als suchte er bei mir Hilfe.

«Anfangs September 1915», sagte er heiser, «hielten die Internationalisten unserer politischen Richtung in Zimmerwald eine Konferenz ab, um die allgemeine Lage, wie sie sich durch den Weltkrieg gestaltet hat, zu besprechen und auszuwerten. Im Jahre 1916 folgte die zweite Konferenz in Kiental.

помешать мне вернуться домой. Впервые буду жить в родительском доме, в кривой Избе на Дубровке. Я совершу паломничество на погост, чтобы отдать последний долг могилам своих родителей. Я пойду в церковь и пообщаюсь с Богом. Свечу глубокой благодарности зажгу перед древней иконой Казанской Божией Матери. - 137

И тогда я поддержу самых бедных людей нашего народа, больных, и постараюсь облегчить их страдания».

Маслеников отвернулся и посмотрел в окно, в темную ночь. Затем он повернулся ко мне.

«Я не знаю, — заговорил он снова, — знаете ли вы историю русской революции. Было бы слишком далеко, если бы я захотел описать все этапы долгой борьбы с царизмом. Я рад сказать, что старый режим сделал все, чтобы лишить свой народ основы для более высокого уровня жизни».

Маслеников вскочил с кресла, сел верхом на стул, схватился за спинку и посмотрел на меня вопросительно и умоляюще, как будто искал от меня помощи.

«В начале сентября 1915 года, — хрипло сказал он, — интернационалисты нашего политического направления провели в Циммервальде конференцию для обсуждения и оценки общей ситуации, сложившейся в результате мировой войны. Вторая конференция последовала в КIENTАЛЕ в 1916 году.

Мартов, вождь меньшевиков, этот неисправимый

Martov, the leader of the Mensheviks, this incorrigible idealist, constantly strived to bridge the differences between the revolutionary movement and the tsarist government, but without visible success. There was probably a period of "peaceful coexistence" when the tsar made a special effort through the creation of the Imperial Duma to create the impression that the rights of the working people were sufficiently guaranteed. Later he slowly tightened the screws again."

Maslenikov's pale face was covered for a moment as if with a red net and then immediately became even paler than before.

"That's why, dear Volodya," he whispered to me, "I'm committed to Lenin, who knows no sentimentality and is therefore more likely to reach his goal. Lenin is not the man to limit himself to purely negotiating options.

"Here, read his call for today!" Maslenikov took a carefully written sheet of paper from his wallet and handed it to me.

I read its contents: «Pisma iz daleka (Letters from a Distance).
Workers! You have performed miracles in the fight against your oppressors. I expect from you a tight

Original Page 139
organization for the preparation for the second stage of the revolution!
Zurich, March 17, 1917 (signed Lenin)»

I returned the pamphlet.

Martow, der Führer der Menschewisten, dieser unverbesserliche Idealist, strebte unentwegt eine Ueberbrückung der Gegensätze zwischen der revolutionären Bewegung und der Zarenregierung an, allerdings ohne sichtbaren Erfolg. Es kam wohl zu einer Periode «friedlicher Koexistenz», als sich der Zar durch die Schaffung der Reichsduma besonders bemühte, den Anschein zu erwecken, die Rechte der Werktätigen seien hinreichend gewährleistet. Später zog er die Schrauben langsam wieder an.»

Das bleiche Gesicht Maslenikows überzog sich für einen Augenblick wie mit einem roten Netz und wurde gleich darauf noch blasser als zuvor.

«Darum, lieber Wolodja», flüsterte er mir zu, «verschrieb ich mich Lenin mit Haut und Haaren, der keine Sentimentalitäten kennt und deshalb eher zum Ziel gelangen wird. Lenin ist nicht der Mann, um sich auf reine Verhandlungsmöglichkeiten zu beschränken.

Hier, lies mal seinen heutigen Aufruf!» Maslenikow entnahm seiner Brieftasche einen eng beschriebenen Papierbogen und reichte ihn mir.

Ich las dessen Inhalt: «Pisma iz daleka (Briefe aus der Ferne).
Arbeiter! Ihr habt Wunder vollbracht im Kampfe gegen Eure Unterdrücker. Ich erwarte von Euch eine - 138

straffe Organisation für die Vorbereitung zur zweiten Etappe der Revolution!
Zürich, den 17. März 1917 (gez. Lenin)»

Ich gab das Pamphlet zurück.

идеалист, постоянно стремился сгладить разногласия между революционным движением и царским правительством, но без видимого успеха. Вероятно, это был период «мирного сосуществования», когда царь посредством создания Императорской Думы прилагал особые усилия, чтобы создать впечатление, что права трудящихся достаточно гарантированы. Позже он снова медленно затянул винты».

Бледное лицо Масленикова покрылось на мгновение как бы красной сеткой и потом тотчас же сделалось еще бледнее прежнего.

«Поэтому, дорогой Володя, — шептал он мне, — я предан Ленину, который не знает сентиментальности и поэтому с большей вероятностью достигнет своей цели. Ленин не тот человек, который ограничивается исключительно переговорными вариантами.

Вот, прочитайте его призыв на сегодня!»
Маслеников достал из бумажника тщательно исписанный лист бумаги и протянул его мне.

Я прочитал его содержание: «Письма из далека». Рабочие! Вы совершили чудеса в борьбе со своими угнетателями. Я жду от вас плотной - 138

организации подготовки второго этапа революции!
Цюрих, 17 марта 1917 г. (подпись Ленин)»

Я вернул брошюру.

«Мы знаем, — продолжал Маслеников, — что

"We know," Maslenikov continued, "that the unrest at home will not stop. On January 9 this year, clashes broke out between workers and police in Petrograd, Moscow, Baku and Nizhny Novgorod. The uprisings were bloodily suppressed. Regardless of this, the workers at the Putilov factory in Petrograd took to the streets again on February 18th. They went on strike. We also know that on March 12, deputies of the 4th Duma under the leadership of Rodzianko formed a committee to take over the reins of government in the event of the abdication of Nicholas II. But Rodzianko is a large landowner and monarchist. We will therefore never tolerate him at the head of the next government power."

"So what? Who should come?" I asked in a voice that was meant to sound indifferent.

"Lenin," Maslenikov replied as if from a pistol.

"But Lenin is still in Zurich."

"Not for long."

"How does he want to get to Russia? The war between Russia and Germany is still going on!"

"That will be our concern."

A man stood outside the door, his coat collar turned up, his hat pulled low over his face, when Maslenikov answered a tentative knock. It was Dr. Karpov.

«Wir wissen», erzählte Maslenikow weiter, «daß die Unruhen in der Heimat nicht abbrechen. Am 9. Januar dieses Jahres kam es in Petrograd, Moskau, Baku und Nischnij Nowgorod zwischen Arbeitern und der Polizei zu Zusammenstößen. Die Aufstände wurden blutig niedergeschlagen. Ungeachtet dessen traten die Belegschaften der Putilow- Werke in Petrograd bereits am 18. Februar wieder auf die Straße. Sie streikten. Wir wissen ferner, daß am 12. März Deputierte der 4. Duma unter der Führung von Rodzianko ein Komitee gebildet haben, um im Falle der Abdankung von Nikolai II. die Regierungsgeschäfte zu übernehmen. Rodzianko ist aber ein Großgrundbesitzer und Monarchist. Wir werden ihn daher an der Spitze der nächsten Regierungsmacht niemals dulden.»

«Na, und? Wer soll denn kommen?» fragte ich mit einer Stimme, die gleichgültig klingen sollte.

«Lenin», antwortete Maslenikow wie aus der Pistole geschossen.

«Aber Lenin sitzt ja noch in Zürich.»

«Nicht mehr lange.»

«Auf welchem Wege will er nach Rußland kommen? Der Krieg zwischen Rußland und Deutschland besteht ja noch!»

«Das wird unsere Sorge sein.»

Draußen vor der Tür stand ein Mann, den Mantelkragen aufgeschlagen, den Hut tief ins Gesicht gezogen, als Maslenikow auf ein zaghaftes Klopfen öffnete. Es war Dr. Karpow.

беспорядки дома не прекратятся. 9 января этого года столкновения между рабочими и полицией вспыхнули в Петрограде, Москве, Баку и Нижнем Новгороде. Восстания были кроваво подавлены. Несмотря на это, 18 февраля рабочие Путиловского завода в Петрограде вновь вышли на улицы. Они объявили забастовку. Известно также, что 12 марта депутаты IV Думы под руководством Родзянко сформировали комитет, который возьмет на себя бразды правления в случае отречения Николая II. Но Родзянко — крупный помещик и монахист. Поэтому мы никогда не потерпим его во главе следующей правительственной власти».

«Ну и? Кто должен прийти?» — спросил я голосом, который должен был звучать равнодушно.

«Ленин», — ответил Маслеников как из пистолета.

«Но Ленин все еще в Цюрихе».

«Не долго.»

«Как он хочет попасть в Россию? Война между Россией и Германией все еще продолжается!»

«Это будет наша забота.»

За дверью стоял мужчина с поднятым воротником пальто и низко надвинутой на лицо шляпой, когда Маслеников ответил на осторожный стук. Это был Доктор. Карпов.

Я плохо спал той ночью. «Признание» моего

I didn't sleep well that night. My friend's "confession" occupied my senses and did not allow them to calm down.

The Russian colony held a big celebration on March 25, 1917 to mark the political change in their homeland. It took place in the Tonhalle rooms. The income, mainly from the proceeds of tickets and the raffle, flowed into the colony's coffers. Guests were also admitted to this celebration.

I arranged a meeting with Maslenikov and Karpov at the well-known confectionery Huguenin on Bahnhofstrasse.

Original Page 140

I preferred this place to all the others because of its nice concerts. A six-piece band from Vienna played for afternoon tea. At that time, the well-known hit "Doll, you are the star of my eyes.." made its victory lap through the world. This piece was always enthusiastically requested by the guests. When the bandmaster intoned it on the violin for the third time, the person sitting next to me at the table, a Frenchman, fled the room.

At the stroke of six o'clock Maslenikov and Karpov arrived, both festively dressed.

"Something has to happen today, today I have my shiny hat on!" said Maslenikov, laughing and rubbing his hands happily. He paid for a round of cherry brandy, then we got up, put on our coats and went to the sound hall.

In dieser Nacht schlief ich schlecht. Die «Beichte» meines Freundes beschäftigte meine Sinne und ließ sie nicht zur Ruhe kommen.

Die russische Kolonie veranstaltete zum Anlaß des politischen Umschwungs in ihrer Heimat am 25. März 1917 ein großes Fest. Es fand in den Räumen der Tonhalle statt. Die Einnahmen, hauptsächlich aus dem Erlös der Eintrittskarten und der Tombola, flössen in die Kasse der Kolonie. Zu diesem Fest wurden auch Gäste zugelassen.

Ich vereinbarte mit Maslenikow und Karpow ein Stelldichein in der bekannten Konfiserie Huguenin an der Bahnhof Straße - 139.

Dieses Lokal zog ich seiner schönen Konzerte wegen allen anderen vor. Eine sechsköpfige Musikkapelle aus Wien spielte zum Nachmittagstee auf. Damals machte der sattsam bekannte Schlager «Püppchen, du bist mein Augenstern ..» seine Siegesrunde durch die Welt. Dieses Stück wurde von den Gästen immer wieder stürmisch gewünscht. Als der Kapellmeister es auf der Violine zum dritten Male intonierte, verließ mein Tischnachbar, ein Franzose, fluchtartig den Raum.

Schlags sechs Uhr kamen Maslenikow und Karpow, beide festlich gekleidet.

«Heut' muß was laufen, heut' hab ich mein Glanzhuterl auf!» sagte Maslenikow lachend und rieb sich vergnügt die Hände. Er zahlte eine Runde Cherry-Brandy, dann erhoben wir uns, zogen die Mäntel an und begaben uns in die Tonhalle.

друга занимало мои чувства и не давало им успокоиться.

25 марта 1917 года в русской колонии состоялся большой праздник, посвященный политическим переменам на родине. Это происходило в залах Тонхалле. Доходы, в основном от продажи билетов и лотереи, поступали в казну колонии. На это торжество были допущены и гости.

Я договорился о встрече с Маслениковым и Карповым в известной кондитерской «Гюгенен» на Банхофштрассе – 139.

Я предпочел это место всем остальным из-за хороших концертов. Оркестр из шести человек из Вены играл за послеобеденным чаем. В то время знаменитый хит «Куколка, ты звезда моих глаз..» сделал свой победный круг по миру. Гости всегда с энтузиазмом просили это произведение. Когда капельмейстер в третий раз пропел ее на скрипке, человек, сидевший рядом со мной за столом, француз, выбежал из комнаты.

Ровно в шесть часов прибыли Маслеников и Карпов, оба празднично одетые.

«Сегодня что-то должно произойти, сегодня на мне блестящая шляпа!» — сказал Маслеников, смеясь и радостно потирая руки. Он заплатил за порцию вишневого бренди, затем мы встали, оделись и пошли в звуковой зал.

Огромные помещения этого старого здания

The vast rooms of this old building hummed like a bee house. You could hear all languages, but Russian predominated. The Russian colony, which consisted largely of academic youth, tailored the festival to the image of their homeland. The pompous buffet took up the entire width of a room. On a long table stood a massive copper samovar, served by a young girl in Little Russian national dress. A battery of spirits was also discovered. There were heavy and heaviest guns, especially the crystal clear vodka. They were followed in a long line by the richly garnished "Sakusi" (cold plates). A band played for the dance.

The revolution in Russia was not commented on in a single speech, apparently to show consideration for Switzerland, which had offered the revolutionaries refuge for years. They wanted to avoid any political note at the celebration. The tsarist envoy was still in Bern.

"May I introduce you to Lenin?" Maslenikov whispered in my ear.

Before I could answer, he took me by the arm and led me to a round table where a few older gentlemen were sitting. They weren't actually old, they just seemed that way to me. Almost everyone had a goatee. That was the prominence of the Russian Revolution. Exactly seven months later she took the in Russia Reins in

In den weiten Räumen dieses alten Gebäudes summte es wie in einem Bienenhaus. Man hörte alle Sprachen, doch das Russische herrschte vor. Die russische Kolonie, die zum größten Teil aus der akademischen Jugend bestand, hatte das Fest auf das Bild ihrer Heimat zugeschnitten. Die ganze Breite eines Raumes beanspruchte das pomöse Buffet. Auf einem langen Tisch stand ein mächtiger, kupferner Samowar, bedient von einem jungen Mädchen in kleinrussischer Nationaltracht. Ferner fuhr eine Batterie von Spirituosen auf. Es waren darunter schwere und schwerste Geschütze, vor allem der glasklare Wodka. Ihnen folgten in langer Reihe die reichgarnierten «Sakusi» (kalte Platten). Eine Musikkapelle spielte zum Tanz auf.

Die Revolution in Rußland wurde mit keiner einzigen Ansprache kommentiert, offenbar aus dem Grunde, um auf die Schweiz, die den Revolutionären jahrelanges Refugium bot, Rücksicht zu nehmen. Man wollte bei der Feier jede politische Note vermeiden. Noch saß ja der zaristische Gesandte in Bern.

«Darf ich dich mit Lenin bekannt machen?» flüsterte mir Maslenikow ins Ohr.

Bevor ich eine Antwort geben konnte, hatte er mich unter dem Arm gefaßt und zu einem runden Tisch geführt, an dem einige ältere Herren saßen. Sie waren eigentlich noch nicht alt, sie schienen in meinen Augen bloß so. Fast alle trugen den Spitzbart. Das war die Prominenz der russischen Revolution. Genau sieben Monate später nahm sie in Rußland die - 140

гудели, как пчелиный домик. Слышны были все языки, но преобладал русский. Российская колония, состоявшая в основном из академической молодежи, адаптировала фестиваль к образу своей родины. Помпезный буфет занимал всю ширину комнаты. На длинном столе стоял массивный медный самовар, который обслуживала молодая девушка в малорусском национальном костюме. Также была обнаружена батарея спиртов. Были тяжелые и тяжелейшие пушки, особенно кристально чистая водка. За ними в длинной очереди шли богато украшенные «сакуси» (холодные тарелки). Для танца играл оркестр.

Революция в России не была прокомментирована ни в одном выступлении, очевидно, чтобы продемонстрировать уважение к Швейцарии, которая на протяжении многих лет предлагала революционерам убежище. Они хотели избежать какой-либо политической нотки на празднике. Царский посланник все еще находился в Берне.

«Могу ли я познакомить вас с Лениным?» - прошептал мне на ухо Маслеников.

Прежде чем я успел ответить, он взял меня за руку и повел к круглому столу, за которым сидели несколько пожилых джентльменов. На самом деле они не были старыми, просто мне они такими казались. Почти у каждого была бородка. В этом заключалась выдающаяся роль Русской революции. Ровно семь месяцев спустя она взяла в России. - 140

Взявши за поводья, отдал приказ штурмовать

Original Page 141

hand, gave the order to storm the imperial winter palace, where Kerensky was sitting brooding.

I met Lenin for the first time. Even if I hadn't seen his picture countless times before, I would still have recognized him now. The other hierarchs were colorless, they faded completely in his presence.

"Vladimir Illich!" said Maslenikov loudly and clearly, "I would like to introduce you to my childhood friend." Maslenikov said my name.

Despite the wine I had previously poured at the buffet, I felt my blood getting much cooler. I remained motionless in front of the many men whose eyes were fixed on me. Lenin was in no hurry to greet me. He sat with stoic calm in an armchair and drummed the fingers of his right hand on the armrest. As in most of the pictures, Lenin smiled mockingly at this moment. Finally he rose slowly. In front of me stood a short, modestly dressed man with a broad, bald head and typically oriental facial features.

The thick lips of this Tatar in a Western suit moved almost imperceptibly: "Russian?"

"No, Swiss!" Maslenikov replied on my behalf.

"It's a pleasure to meet you," was what my counterpart said shortly and frostily. Then Lenin gave me his hand and immediately turned away.

Zügel in die Hand, gab den Befehl zum Sturm auf den kaiserlichen Winterpalast, in dem Kerenski brütend saß.

Ich stand Lenin erstmals gegenüber. Auch dann, wenn ich sein Bild früher nicht schon unzählige Male gesehen hätte, würde ich ihn jetzt doch erkannt haben. Die übrigen Hierarchen waren farblos, sie verblaßten ganz in seiner Gegenwart.

«Wladimir Ilitsch!» sagte Maslenikow laut und deutlich, «ich gestatte mir, Ihnen meinen Jugendfreund vorzustellen.» Maslenikow nannte meinen Namen.

Trotz des Weines, den ich vorhin am Buffet hinter die Binde gegossen hatte, fühlte ich, wie mein Blut wesentlich kühlter wurde. Ich verharrte in regungsloser Haltung vor den vielen Männern, deren Blicke auf mich gerichtet waren. Lenin hatte keine Eile, mich zu begrüßen. Er saß mit stoischer Ruhe in einem Sessel und trommelte mit den Fingern seiner Rechten auf dessen Handlehne. Wie auf den meisten Bildern, lächelte Lenin auch in diesem Augenblick mokant. Endlich erhob er sich langsam. Vor mir stand ein kleingewachsener, bescheiden gekleideter Mann mit breitem, kahlem Schädel und typisch orientalischen Gesichtszügen.

Die wulstigen Lippen dieses Tataren in westlichem Anzug bewegten sich kaum merklich: «Russe?»

«Nein, Schweizer!» gab Maslenikow an meiner Stelle zur Antwort.

«Es freut mich, Ihre Bekanntschaft zu machen», kam es knapp und frostig aus dem Munde meines Gegenübers. Dann reichte mir Lenin die Hand und wandte sich sogleich ab.

императорский Зимний дворец, где сидел в задумчивости Керенский.

Я впервые встретил Ленина. Даже если бы я не видел его фотографию бесчисленное количество раз раньше, я бы все равно узнал его сейчас. Остальные иерархи были бесцветны, они совершенно тускнели в его присутствии.

«Владимир Ильич!» - громко и отчетливо сказал Масленников. - Я хотел бы познакомить вас с моим другом детства. Масленников назвал мое имя.

Несмотря на вино, которое я ранее налил в буфете, я почувствовал, что моя кровь стала намного холоднее. Я оставался неподвижным перед множеством мужчин, чьи глаза были устремлены на меня. Ленин не спешил со мной здороваться. Он со stoическим спокойствием сидел в кресле и барабанил пальцами правой руки по подлокотнику. Как и на большинстве фотографий, Ленин в этот момент насмешливо улыбнулся. Наконец он медленно поднялся. Передо мной стоял невысокий, скромно одетый мужчина с широкой лысой головой и типично восточными чертами лица.

Толстые губы этого татарина в западном костюме почти незаметно шевельнулись: «Русский?»

«Нет, швейцарец!» От моего имени ответил Масленников.

«Приятно познакомиться», — коротко и холодно сказал мой коллега. Тогда Ленин подал мне руку и сразу отвернулся.

Личность Ленина произвела на меня большое

I was greatly impressed by Lenin's personality. In any case, he knew what he wanted. When I saw him again a few days later, I was convinced that he was very reserved towards everyone. Lenin said little. There was always a hint of contempt in his facial expression, which could even escalate into mockery. When Lenin returned to Russia, I gathered from the daily press that he was a skilled rhetorician. Only when he stood on the speaker's platform, with the legendary peaked cap in his hand, did he find the language. Already with the first few sentences he was able to captivate the crowds.

Lenin did not stay with us long. He drank a glass of black tea from the samovar, then drank a second and third, as is the Russian custom. You

Original Page 142
can drink liters of tea without being thirsty, usually with lemon and jam. At ten o'clock Lenin set out, accompanied by Zinoviev, his first secretary, who followed the master like a shadow.

We continue carousing until dawn

"We Russians don't mind if the Swiss want to go to bed at eleven o'clock at night," said Karpov, "and we hope that they won't object if we want to talk past midnight and make a little noise, like that which is common here."

"Karpov!" Maslenikov shouted loudly across the table, "you have the sailor's lurching gait. That

Ich war durch die Persönlichkeit Lenins stark beeindruckt. Er wußte jedenfalls, was er wollte. Als ich ihn einige Tage später wieder sah, überzeugte ich mich, daß er allen Menschen gegenüber sehr zurückhaltend war. Lenin sprach wenig. In seinem Gesichtsausdruck lag dauernd ein Zug von Geringschätzung, der sich bis zum Hohn steigern konnte. Als Lenin nach Rußland zurückkehrte, entnahm ich aus der Tagespresse, daß er ein gewandter Rhetoriker war. Erst dann, wenn er auf der Rednertribüne stand, mit der legendären Schirmmütze in der Hand, fand er die Sprache. Schon mit den ersten paar Sätzen vermachte er die Volksmassen in seinen Bann zu ziehen.

Lenin weilte nicht lange unter uns. Er trank ein Glas Schwarztee aus dem Samowar, trank schließlich ein zweites und drittes, wie das bei den Russen so Brauch ist. Sie können - 141

den Tee literweise trinken, ohne Durst zu haben, meistens mit Zitrone und Konfitüre. Um zehn Uhr brach Lenin auf, in Begleitung von Sinowjew, seines ersten Sekretärs, der dem Meister wie ein Schatten folgte.

Wir zechten bis zum Morgengrauen weiter

«Wir Russen haben nichts dagegen, wenn die Schweizer um elf Uhr nachts zu Bett gehen wollen», meinte Karpow, «und wir hoffen, daß auch sie nichts dagegen einwenden, wenn wir uns über Mitternacht hinaus unterhalten wollen und dabei etwas Lärm machen, wie das bei uns eben üblich ist.»

«Karpow!» rief Maslenikow laut über den Tisch, «du hast den schlängernden Gang des Matrosen. Das wäre

впечатление. В любом случае он знал, чего хочет. Когда я увидел его снова через несколько дней, я убедился, что он очень сдержан по отношению ко всем. Ленин говорил мало. В выражении его лица всегда была нотка презрения, которое могло перерости даже в насмешку. Когда Ленин вернулся в Россию, я узнал из ежедневной прессы, что он был искусным риториком. Лишь стоя на трибуне оратора с легендарной фуражкой в руке, он нашел язык. Уже с первых нескольких предложений он смог увлечь толпу.

Ленин пробыл у нас недолго. Он выпил из самовара стакан черного чая, потом выпил второй и третий, по русскому обычаю. Вы можете - 141

выпить литры чая, не испытывая жажды, обычно с лимоном и вареньем. В десять часов Ленин выступил в путь в сопровождении Зиновьева, своего первого секретаря, который следовал за мастером, как тень.

Продолжаем кутить до рассвета

«Мы, русские, не против, если швейцарцы захотят лечь спать в одиннадцать часов вечера, — сказал Кarpов, — и надеемся, что они не будут возражать, если мы захотим поговорить за полночь и немного пошуметь. вроде того, что здесь принято».

«Карпов!» Масленников громко крикнул через стол: «У вас походка матросская. Это было бы прекрасно на броненосном крейсере в открытом

would be perfectly fine on an armored cruiser on the high seas. But why is your gait unsteady even now, when you're standing on solid ground?"

"Habit of an old sea dog," replied Karpov quickly.

The friends clinked glasses and drank each other.

A student sang Russian folk songs, and Karpov accompanied her on the guitar as best he could. She impressed more with her dazzling beauty than with her skills and achieved the roaring success she desired.

The next day, after we had had enough sleep, Maslenikov invited me to go boating on the lake. He loved Lake Zurich and was even a member of the Grasshopper rowing club for a while. Towards the west, the horizon was already showing a slight evening pink color, while a delicate blue spring sky with a few cirrus cloud fields arched above us.

From one minute to the next, when we were about a kilometer from the shore, a sharp wind came up. He quickly picked up speed. The storm raged and howled. It lifted us out of the water and threw us back into the depths. Heavy breakers dispersed the green waves into white spray. The rain lashed our faces, cutting our skin. I was terrified; understandably, I didn't feel like drowning. This didn't escape Maslenikov's

auf einem Panzerkreuzer auf hoher See durchaus in Ordnung. Warum ist aber dein Gang auch jetzt unsicher, wo du doch auf festem Boden stehst?»

«Gewohnheit eines alten Seebären», gab Karpow schlagfertig zurück.

Die Freunde stießen die Gläser an, tranken sich zu.

Eine Studentin sang russische Volkslieder, Karpow begleitete sie, so gut er konnte, auf der Gitarre. Sie überzeugte mehr durch ihre blendende Schönheit als durch ihr Können und errang den gewünschten rauschenden Erfolg.

Am anderen Tage, nachdem wir uns hinreichend ausgeschlafen hatten, lud mich Maslenikow zu einer Bootsparty auf dem See ein. Er liebte den Zürichsee, gehörte eine Zeitlang sogar dem Ruderklub Grasshopper an. Der Horizont zeigte gegen Westen zu schon eine leichte abendliche Rosafärbung, während über uns ein zartblauer Frühlingshimmel mit einigen Zirrus-Wolkenfeldern sich wölbte.

Von einer Minute zur andern, als wir etwa einen Kilometer vom Ufer entfernt waren, kam ein scharfer Wind auf. Er nahm rasch an Geschwindigkeit zu. Der Sturm tobte und heulte. Er hob uns aus dem Wasser und warf uns wieder in die Tiefe. Schwere Brecher zerstüberten die grünen Wellen zu weißem Gischt. Der Regen peitschte uns ins Gesicht, zerschnitt uns die Haut. Ich bekam es mit der Angst zu tun, begreiflicherweise verspürte ich

море. Но почему твоя походка шаткая даже теперь, когда ты стоишь на твердой земле?»

«Повадка старого морского волка», быстро ответил Карпов.

Друзья чокнулись и выпили друг друга.

Студентка пела русские народные песни, а Карпов аккомпанировал ей на гитаре, как мог. Она впечатляла больше своей ослепительной красотой, чем своими навыками, и добилась оглушительного успеха, которого желала.

На следующий день, когда мы выселились, Маслеников пригласил меня покататься на лодке по озеру. Он любил Цюрихское озеро и какое-то время даже был членом гребного клуба «Кузнецик». На западе горизонт уже приобретал легкий вечерний розовый оттенок, а над нами выгибалось нежно-голубое весеннее небо с несколькими полями перистых облаков.

Через минуту, когда мы были примерно в километре от берега, поднялся резкий ветер. Он быстро набрал скорость. Буря бушевала и выла. Он поднял нас из воды и бросил обратно на глубину. Тяжелые прибои разбрасали зеленые волны в белые брызги. Дождь хлестал по нашим лицам, порезав кожу. Я был в ужасе; понятное дело, мне не хотелосьтонуть. Это не ускользнуло от внимания Масленикова. Он усмехнулся своей прежней, насмешливой улыбкой, как когда-то в школе на Дубровке.

notice. He grinned his old, mocking grin, like he once did at school in Dubrovka. He guided the oars calmly and calmly, occasionally throwing a look at me that was supposed to say: "What does it mean if we both sink into the waves,

Original Page 143
considering the countless number of people who die at every stroke of the second join the heavenly hosts!"

Maslenikov was and remained a despiser of death throughout his life.

"That was my farewell to Lake Zurich, with whom I maintained a loyal friendship for eight years, because - to put it bluntly - in a week I will return to Russia, together with my party friends," explained Maslenikov as we stood on the shore and looking down on the rolling crests of waves. "On the one hand, it hurts me to say goodbye to a country whose people have grown close to my heart, but on the other hand, I am drawn by every hair I have to return to my homeland." Then he added:

«Are you coming to Ilitsch this evening? Today is his reception day, Jour fixe, as the French say.»

"Who is this?" At that moment I wasn't thinking about Lenin's patronymic.

"Lenin."

keine Lust zum Ertrinken. Das entging Maslenikow nicht. Er grinste sein altes, spöttisches Grinsen, wie einst auf der Schulbank in Dubrowka. Ruhig und gelassen führte er die Ruder, warf von Zeit zu Zeit einen Blick zu mir herüber, der sagen sollte: «Was hat es schon zu bedeuten, wenn wir beide in den Wellen versinken, - 142

gemessen an der Unzahl von Menschen, die bei jedem Sekundenschlag zu den himmlischen Heerscharen stoßen!»

Maslenikow war und blieb sein Leben lang ein Verächter des Todes.

«Das war mein Abschied vom Zürichsee, mit dem ich acht Jahre lang treue Freundschaft hielt, denn — um es gleich zu sagen — in einer Woche werde ich nach Rußland zurückkehren, zusammen mit meinen Parteifreunden», erklärte Maslenikow, als wir am Ufer standen und auf die heranrollenden Wellenberge herabschauten. «Auf der einen Seite schmerzt mich der Abschied von einem Lande, dessen Volk mir ans Herz gewachsen ist, auf der anderen zieht es mich doch an allen Haaren in die Heimat zurück.» Dann setzte er hinzu:

«Kommst du heute abend zu Ilitsch? Heute ist sein Empfangstag, Jour fixe, wie der Franzose sagt.»

«Wer ist das?» In diesem Augenblick dachte ich nicht an das Patronymikon Lenins.

«Lenin».

Он управлял веслами спокойно и спокойно, время от времени бросая на меня взгляд, который должен был сказать: «Что значит, если мы оба утонем в волнах, — 142

измеряется бесчисленным количеством людей, которые присоединяются к небесному воинству с каждой секундой!»

Масленников был и оставался презирателем смерти на протяжении всей своей жизни.

«Таково было мое прощание с Цюрихским озером, с которым я поддерживал верную дружбу на протяжении восьми лет, потому что — прямо скажем — через неделю я вернусь в Россию вместе с моими партийными друзьями», — объяснил Масленников, стоя на мосту берегу и глядя вниз на катящиеся гребни волн. «С одной стороны, мне больно прощаться со страной, народ которой стал близок моему сердцу, но с другой стороны, меня каждым волоском тянет вернуться на родину». Затем он добавил:

«Вы приедете сегодня вечером в Ильич? Сегодня у него приемный день, Jour fixe, как говорят французы».

«Кто это?» В тот момент я не думал об отчестве Ленина.

«Ленин».

"I don't want to disrupt your meeting with the presence of an outsider."

«It's not a meeting in the sense that you obviously imagine. We go to Lenin's once a week to have a very informal chat. Your compatriots Fritz Platten and Karl Moor will also come.»

Maslenikov didn't let up, and I finally agreed.

After dinner we set off. Soon the gloomy, gray houses of Zurich's old town appeared in the light of the street lamps. Lenin lived at Spiegelgasse 14 on the second floor. We climbed the dimly lit stairs, rang the bell, and waited in silence. After a while a woman who looked like a shrew greeted us. While we took off her hat and coat, she sat down on a small stool in front of the wall mirror without paying any attention to us and began to comb her dull, shiny, crackling hair with slow, regular strokes. A thought flashed through my head: Was that Krupskaya, Lenin's life companion? At the same moment Maslenikov opened the door to the living room and let me go first.

Maslenikov had intended to introduce me

Original Page 144

to his friends, but he didn't get around to it because of the large number of guests. Nobody took notice of us. Everyone was very busy, or appeared to be. The inevitable samovar sat on a table in the right corner of the room. Anyone

«Ich möchte Ihr Treffen durch die Anwesenheit eines Aussenseiters nicht stören.»

«Es ist kein Treffen in dem Sinne, wie du es dir offenbar vorstellst. Wir gehen allwöchentlich einmal zu Lenin, um uns dort ganz zwanglos zu unterhalten. Deine Landsleute Fritz Platten und Karl Moor werden auch kommen.»

Maslenikow ließ nicht locker, zuletzt sagte ich zu.

Nach dem Abendbrot begaben wir uns auf den Weg. Bald tauchten die düsteren, grauen Häuser der Zürcher Altstadt im Licht der Straßenlaternen auf. Lenin wohnte an der Spiegelgasse 14 im zweiten Stock. Wir stiegen über die schlechtbeleuchteten Treppen empor, zogen an der Glocke und warteten schweigend. Nach einer Weile empfing uns eine Frau, die wie eine Spitzmaus aussah. Während wir Hut und Mantel ablegten, setzte sie sich, ohne auf uns weiter zu achten, vor dem Wandspiegel auf einen kleinen Hocker und begann mit langsamem, regelmäßigen Zügen ihr mattglänzendes, knisterndes Haar zu kämmen. Ein Gedanke zuckte durch meinen Kopf: War das allenfalls Krupskaja, Lenins Lebenskameradin? Im gleichen Augenblick öffnete Maslenikow die Türe zum Wohnzimmer und gab mir den Vortritt.

Maslenikow hatte die Absicht, mich seinen Freunden vorzustellen, kam jedoch der vielen Gäste wegen nicht dazu. Kein Mensch nahm von uns Notiz. Alle waren sehr beschäftigt, - 143

oder gaben den Anschein, es zu sein. Auf einem Tisch

«Я не хочу срывать вашу встречу присутствием постороннего человека.»

«Это не встреча в том смысле, который вы, очевидно, себе представляете. Мы ходим к Ленину раз в неделю, чтобы очень неформально пообщаться. Приедут и ваши соотечественники Фриц Платтен и Карл Моор.»

Масленников не унимался, и я в конце концов согласился.

После ужина мы отправились в путь. Вскоре мрачные серые дома старого города Цюриха предстали в свете уличных фонарей. Ленин жил на Шпигельгассе, 14, на втором этаже. Мы поднялись по тускло освещенной лестнице, позвонили в звонок и молча ждали. Через некоторое время нас встретила женщина, похожая на землеройку. Пока мы сняли с нее шляпу и пальто, она села на небольшой табурет перед настенным зеркалом, не обращая на нас никакого внимания, и стала медленными, равномерными движениями расчесывать свои тусклые, блестящие, хрустящие волосы. В голове мелькнула мысль: неужели это Крупская, спутница жизни Ленина? В ту же минуту Масленников открыл дверь в гостиную и пропустил меня первым.

Масленников намеревался познакомить меня со своими друзьями, но не успел из-за большого количества гостей. На нас никто не обратил внимания. Все были очень заняты, по - 143

райней мере, так казалось. Неизбежный самовар

who wanted to drink tea would take an empty cup without any fuss, fill it up and go wherever they felt comfortable.

I looked around uncertainly, then pulled up a chair and sat on it. Without meaning to, I found myself not far from Lenin. A tall man with a deep, dark complexion was slowly stirring the teacup with his spoon, looking anxiously at the door from time to time and telling Lenin some story. Lenin sat motionless in his chair. Only his crooked eyes moved around as quickly as possible. Taking advantage of this rare opportunity, I looked with interest at the "little" man about whom I had heard so much in Russia.

As Maslenikov predicted, the conversation was entirely casual. Everyone was given the opportunity to express their opinions freely, as if they were among friends. I thought it appropriate to remain quietly and modestly in the background.

Once two men clashed over a disagreement.

Lenin took notice. He slowly turned his head towards them and said mockingly:

"Wherever five Russians sit together, there will definitely be ten opinions. However, this has no bearing on the matter; on the contrary, the fight shakes people out of their lethargy and steels their energy."

Here too, in this narrow space, Lenin had a suggestive effect on his surroundings. He always

in der rechten Zimmerecke thronte der unvermeidliche Samowar. Wer Tee trinken wollte, nahm ohne viel Federlesens eine leere Tasse, goß sie voll und wanderte dorthin, wo es ihm am besten behagte.

Ich sah mich unsicher um, zog dann einen Stuhl heran und nahm auf ihm Platz. Ohne es zu wollen, befand ich mich unweit von Lenin. Ein großgewachsener Mann von tiefdunkler Hautfarbe rührte bedächtig mit dem Löffel in der Teetasse, blickte von Zeit zu Zeit besorgt nach der Tür und erzählte Lenin irgendeine Geschichte. Lenin saß regungslos in seinem Sessel. Nur seine schiefstehenden Augen liefen wieselhaft herum. Diese seltene Gelegenheit während, betrachtete ich den «kleinen» Mann, von dem ich in Rußland soviel gehört hatte, voll Interesse.

Wie Maslenikow voraussagte, war die Unterhaltung völlig zwangslos. Jedermann bekam Gelegenheit, seiner Meinung wie unter Freunden frei Ausdruck zu verleihen. Ich hielt es für angebracht, still und bescheiden im Hintergrund zu bleiben.

Einmal gerieten zwei Männer wegen Meinungsverschiedenheiten hart aneinander.

Lenin wurde aufmerksam. Er wandte langsam den Kopf nach ihnen und sagte spöttisch:

«Wo fünf Russen beisammensitzen, da bestehen totsicher zehn Auffassungen. Dies tut jedoch nichts zur Sache, im Gegenteil, der Kampf rüttelt die Menschen aus der Lethargie auf, stählt ihre Spannkraft.»

Lenin wirkte auch hier, in diesem engen Raum, suggestiv auf die Umgebung. Stets hatte er bei den

стоял на столе в правом углу комнаты. Тот, кто хотел выпить чаю, без суеты брал пустую чашку, наполнял ее и шел, куда ему было удобно.

Я неуверенно огляделся, затем пододвинул стул и сел на него. Сам того не желая, я оказался недалеко от Ленина. Высокий мужчина с глубоким смуглым лицом медленно помешивал ложкой чай, время от времени тревожно поглядывая на дверь и рассказывая Ленину какую-то историю. Ленин неподвижно сидел в кресле. Только его кривые глаза двигались как можно быстрее. Воспользовавшись этой редкой возможностью, я с интересом посмотрел на «маленького» человека, о котором так много слышал в России.

Как и предсказывал Маслеников, разговор был совершенно непринужденный. Каждому была предоставлена возможность свободно выражать свое мнение, как если бы он был в кругу друзей. Я счел уместным оставаться тихо и скромно в тени.

Однажды двое мужчин поссорились из-за разногласий.

Ленин обратил на это внимание. Он медленно повернул к ним голову и насмешливо сказал:

«Где пять россиян сядут вместе, там обязательно будет десять мнений. Однако к делу это не имеет никакого отношения, наоборот, борьба вытряхивает людей из летаргии и закаляет их энергию.

И здесь, на этом узком пространстве, Ленин оказывал суггестивное воздействие на свое

had the right word at hand during discussions. Through this skill he inevitably gained authority. As is well known, once he came to power, he did not tolerate any wrenishness among his bigwigs.

Here I would like to add another observation. That evening, in connection with his impending return to Russia and the possibility of the Bolshevik Party taking power, Lenin said the following:

"People will talk about Wilhelm Teil as long as the mountains stand on their foundations. We are trying to emulate him, but we will most likely soon disappear into the darkness of the past."

These words show that Lenin had hardly

Original Page 145
foreseen his great future. A lucky star stood above him, but he didn't notice it.

Shortly after midnight I took my hat and coat and quietly left the house. Returning to my hermitage, I immediately went to bed, slept soundly and dreamlessly, exhausted by what I had experienced until late in the morning. Every time I was in Russian company, I brought home a pungent smell of stale smoke in my hair, clothes, and even my coat.

In the next room, Maslenikov was cheerfully whistling a hit. He had already given up his assistant position and was now preparing to leave. After knocking briefly, I opened the door

Diskussionen das richtige Wort zur Hand. Durch diese Gewandtheit gewann er zwangsläufig an Autorität. Wie bekannt, duldet er auch später, einmal zur Macht gelangt, unter seinen Bonzen kein Zaunkönigtum.

Hier möchte ich noch eine andere Beobachtung einflechten. An jenem Abend sagte Lenin im Zusammenhang mit seiner bevorstehenden Rückkehr nach Rußland und der Möglichkeit der Machtübernahme durch die bolschewistische Partei folgendes:

«Man wird von Wilhelm Teil sprechen, solange die Berge auf ihrem Grund stehen. Wir versuchen, ihm nachzueifern, werden aber sehr wahrscheinlich bald im Dunkel der Vergangenheit verschwinden.»

Diese Worte zeugen davon, daß Lenin seine große Zukunft - 144

kaum vorausgesehen hatte. Ein glücklicher Stern stand über ihm, den er aber nicht gewahrte.

Kurz nach Mitternacht nahm ich Hut und Mantel und verließ still das Haus. In meine Klause zurückgekehrt, ging ich sofort zu Bett, schlief fest und traumlos, erschöpft vom Erlebten bis tief in den Vormittag. Jedesmal, wenn ich in russischer Gesellschaft war, brachte ich einen penetranten Geruch abgestandenen Rauches in Haaren, in Kleidern und sogar im Mantel nach Hause mit.

Im Zimmer nebenan pfiff Maslenikow wohlgenau einen Schlager. Er hatte seine Assistentenstelle bereits aufgegeben und rüstete sich nun zur Abreise. Nach kurzem Klopfen öffnete ich die Türe zu seinem Gemach. — Kleider, Wäsche, Schuhe, Bücher und Hefte lagen

окружение. Во время дискуссий у него всегда было под рукой нужное слово. Благодаря этому умению он неизбежно завоевал авторитет. Как известно, придя к власти, он не терпел никакой враждебности среди своих воротил.

Здесь хотелось бы добавить еще одно наблюдение. В тот вечер в связи с предстоящим возвращением в Россию и возможностью прихода к власти партии большевиков Ленин сказал следующее:

«Люди будут говорить о Вильгельме Тейле до тех пор, пока горы стоят на своем фундаменте. Мы пытаемся подражать ему, но, скорее всего, скоро исчезнем во тьме прошлого».

Эти слова показывают, что Ленин едва ли - 144

предвидел свое великое будущее. Над ним стояла счастливая звезда, но он этого не замечал.

Вскоре после полуночи я взял шляпу и пальто и тихо вышел из дома. Вернувшись в свою обитель, я тотчас же лег спать, спал крепко и без сновидений, утомленный пережитым до позднего утра. Каждый раз, находясь в русской компании, я приносил домой резкий запах застоявшегося дыма в волосах, одежде и даже пальто.

В соседней комнате Масленников весело насвистывал хит. Он уже отказался от должности помощника и теперь готовился уйти. Кратко постучавшись, я открыл дверь в его комнату. — Одежда, белье, обувь, книги и тетради лежали

to his room. — Clothes, linen, shoes, books and notebooks lay everywhere in peaceful chaos. Maslenikov opened the drawer of the bedside table and took out a shiny nickel pistol. He checked to see if the magazine was full, fired the gun and locked it.

“This thing,” said Maslenikov, half-jokingly, half-seriously, “will come into action if anyone thinks to reach out to me.”

“All respect, dear Petrovich, as defying death as General Cambronne was in the Battle of Waterloo on June 18, 1815. “La garde meurt et ne se rend pas,” he is said to have said. Regardless of this binding statement, he did not die, but surrendered at Waterloo of all places.

On April 2, 1917, Lenin and his closest colleagues finally traveled to Russia. How the entire phalanx got there is unknown to me. I last saw her in the hall of the main train station in Zurich, then her trace was lost in the legend. Many people wanted to know that they were transported through Germany in a sealed railway carriage, but this version can also just be an empty rumor.

What is certain is that Lenin arrived in Petrograd on the night of April 16th to 17th, 1917, where he immediately caused a lot of trouble for his opponents.

A large crowd had gathered in the wide square in front of the Finnish train station to welcome him. Two sailors took the first hierarch of the Russian

überall in friedlichem Durcheinander. Maslenikow riß die Schublade des Nachttischchens auf und nahm eine nickelglänzende Pistole heraus. Er sah nach, ob das Magazin voll war, repetierte die Waffe und sicherte sie.

«Dieses Ding da», sagte Maslenikow halb scherzend, halb im Ernst, «wird in Aktion treten, falls jemand auf den Gedanken kommen sollte, die Hand nach mir auszustrecken.»

«Alle Achtung, verehrtester Petrowitsch, todesverachtend wie weiland General Cambronne in der Schlacht bei Waterloo vom 18. Juni 1815. «La garde meurt et ne se rend pas», soll er gesagt haben. Ungeachtet dieses verbindlichen Ausspruches starb er nicht, sondern ergab sich ausgerechnet bei Waterloo.»

Am 2. April 1917 verreiste Lenin mit seinen engsten Mitarbeitern endgültig nach Rußland. Auf welchem Wege die ganze Phalanx dorthin gelangte, ist mir unbekannt. Ich sah sie letztmals in der Halle des Hauptbahnhofes in Zürich, dann verlor sich ihre Spur in der Legende. Viele Leute wollten wissen, man habe sie in plombiertem Eisenbahnwagen durch Deutschland geschleust, doch kann auch diese Version nur leeres Gerücht sein.

Sicher ist, daß Lenin in der Nacht vom 16. auf den 17. April 1917 in Petrograd eintraf, wo er seiner Gegnerschaft sogleich viel zu schaffen machte.

Auf dem weiten Platz vor dem Finnischen Bahnhof hatte sich zu seiner Begrüßung eine große Menschenmenge angesammelt. Zwei Matrosen nahmen den

повсюду в мирном хаосе. Маслеников выдвинул ящик тумбочки и достал блестящий никелевый пистолет. Он проверил, полон ли магазин, выстрелил и запер его.

«Эта штука, — сказал Маслеников полууштя-полусерьезно, — придет в действие, если кто вздумает ко мне обратиться».

«Всякое уважение, дорогой Петрович, столь же бросивший вызов смерти, как генерал Камбронн в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 года. Говорят, сказал он: «La garde meurt et ne se rend pas». Несмотря на это обязательное заявление, он не умер, а сдался при Ватерлоо.

2 апреля 1917 года Ленин и его ближайшие соратники наконец отправились в Россию. Как туда попала вся фаланга, мне неизвестно. Последний раз я видел ее в зале главного вокзала Цюриха, тогда ее след затерялся в легенде. Многие хотели знать, что их везли через Германию в пломбированном железнодорожном вагоне, но и эта версия может оказаться лишь пустым слухом.

Несомненно то, что Ленин прибыл в Петроград в ночь с 16 на 17 апреля 1917 года, где сразу же причинил много неприятностей своим противникам.

Большая толпа собралась на широкой площади перед финским вокзалом, чтобы приветствовать его. Два матроса взяли на

Revolution on their shoulders and carried him away.

Original Page 146

Lenin initially stayed hidden, as they say, in the apartment of the old core communist S. Alliluev, 10 Rozhdestvenskaya Street, apartment number 17a. There, on the 4th floor, he lived in a small room with only one window for months. The Provisional Government, headed by Kerensky, moved heaven and earth to get hold of him. There was no success. In July of the same year, street fighting broke out in Petrograd. They formed the signal for the great October Revolution.

Anyone who believes in ideas wins through them. That was certainly the case with Lenin. On the night of October 24th to 25th, 1917, he issued the slogan to strike. This time the moment was well chosen. The war-weary soldiers climbed out of the trenches and pointed the points of their bayonets at the authorities. The revolution raced across the vast, vast country like a fury. It brushed whatever came its way under the table.

Raven-black night descended over the Russian Empire. Connections with foreign countries were broken off. I no longer received any messages from my relatives, friends and acquaintances.

Four years in Berlin

In June 1919 I joined the federal administration. Three months later I was assigned to the Swiss Embassy in Berlin, where I remained until the

ersten Hierarchen der russischen Revolution auf die Schultern und trugen ihn davon. - 145

Lenin hielt sich zunächst einmal versteckt auf, wie man sagt, in der Wohnung des alten Kernkommunisten S. Alliluev, Roschdestwenskaja-Straße 10, Wohnung Nr. 17a. Dort, im 4. Stock, bewohnte er monatelang ein kleines Zimmer mit nur einem Fenster. Die Provisorische Regierung mit Kerenski an der Spitze setzte Himmel und Erde in Bewegung, um seiner habhaft zu werden. Der Erfolg blieb aus. Im Juli gleichen Jahres kam es in Petrograd zu Straßenkämpfen. Sie bildeten das Fanal zur großen Oktoberrevolution.

Wer an Ideen glaubt, siegt durch sie. Das traf jedenfalls bei Lenin zu. In der Nacht vom 24. auf den 25 Oktober 1917 gab er die Parole zum Losschlagen heraus. Der Augenblick war diesmal gut gewählt. Die kriegsmüden Soldaten stiegen aus den Schützengräben und richteten die Spitzen ihrer Bajonette gegen die Obrigkeit. Wie eine Furie raste die Revolution über das weite, große Land. Was sich ihr entgegenstellte, wischte sie unter den Tisch.

Rabenschwarze Nacht senkte sich über das russische Reich herab. Die Verbindungen zum Ausland brachen ab. Von meinen Verwandten, Freunden und Bekannten erhielt ich keine Nachrichten mehr.

Vier Jahre in Berlin

Im Juni 1919 trat ich in den Dienst der Bundesverwaltung ein. Drei Monate später wurde ich der Schweizerischen Gesandtschaft in Berlin

плечи первоиерарха русской революции и унесли его. - 145

Ленин первоначально скрывался, как говорят, в квартире старого коммуниста С. Аллилуева, улица Рождественская, дом 10, квартира № 17а. Там, на 4-м этаже, он месяцами жил в маленькой комнате всего с одним окном. Временное правительство во главе с Керенским сделало все возможное, чтобы заполучить его. Успеха не было. В июле того же года в Петрограде вспыхнули уличные бои. Они послужили сигналом великой Октябрьской революции.

Тот, кто верит в идеи, побеждает благодаря им. Так было, конечно, с Лениным. В ночь с 24 на 25 октября 1917 г. он выдвинул лозунг к забастовке. На этот раз момент был выбран удачно. Утомленные войной солдаты вылезли из окопов и направили оstryя штыков на власть. Революция, как ярость, пронеслась по огромной, огромной стране. Она смахивала все, что попадалось ей под стол.

Черная как ворона ночь опустилась над Российской империей. Связи с зарубежными странами были прерваны. Я больше не получал никаких сообщений от своих родственников, друзей и знакомых.

Четыре года в Берлине

В июне 1919 года я поступил на работу в федеральную администрацию. Через три месяца меня направили в посольство Швейцарии в

summer of 1923. We first had the Councilor of States Mercier as envoys, then von Planta, the lord of the castle of Reichenau. Minister von Planta suddenly fell ill with pneumonia and died after a week. Minister Carlin, who until then represented our country in Holland, was appointed as his successor. Tragic fate would have it that we also lost him to death. Minister Carlin died of a heart attack ten days after taking office. The ambassador's post in Berlin remained orphaned for a long time until Rüfenacht, former director of the Federal Office for Industry, Trade and Labor, presented his letter of credentials to Reich President von Hindenburg.

One evening in the extremely hot summer of 1920, quite by chance I met Boris von Engelhard on Friedrichstrasse.

Original Page 147

He fell into German captivity - I don't know when - and was allowed to move freely in the country after hostilities ended and now earned his living as a simple unskilled worker in a match factory. He was on his way to a meeting of former prisoners of war in the Admiral's Palace. If Engelhard had been in civilian clothes, I probably wouldn't have recognized him. Due to the lack of other clothing, like most of his fellow soldiers, he still wore the worn-out officer's uniform, although without any rank insignia.

I immediately went up to him and said his name.

«? ? ?»

zugeteilt, der ich bis zum Sommer 1923 angehörte. Als Gesandten hatten wir zuerst den Ständerat Mercier, dann von Planta, den Schloßherrn von Reichenau. Minister von Planta erkrankte plötzlich an einer Lungenentzündung und starb nach einer Woche. Zu seinem Nachfolger wurde Minister Carlin ernannt, der bis dahin unser Land in Holland vertrat. Das tragische Schicksal wollte es, daß wir auch ihn durch den Tod verloren. Minister Carlin erlag zehn Tage nach seinem Amtsantritt einem Herzschlag. Der Gesandtenposten in Berlin blieb dann längere Zeit verwaist, bis schließlich Rüfenacht, ehemaliger Direktor des Bundesamtes für Industrie, Gewerbe und Arbeit, dem Reichspräsidenten von Hindenburg sein Beglaubigungsschreiben überreichte.

An einem Abend des überaus heißen Sommers 1920 traf ich in der Friedrichstraße ganz zufälligerweise ...
Boris von - 146

Engelhard. Er fiel — ich weiß nicht wann — in deutsche Kriegsgefangenschaft, durfte sich nach Beendigung der Feindseligkeiten im Lande frei bewegen und verdiente nun als einfacher Hilfsarbeiter in einer Streichholzfabrik sein Brot. Er war auf dem Wege zu einem Treffen ehemaliger Kriegsgefangener im Admiralspalast. Wäre von Engelhard in Zivil gewesen, hätte ich ihn sehr wahrscheinlich nicht erkannt. Mangels anderer Kleidung trug er noch wie die meisten seiner Schicksalskameraden die verschlissene Offiziersuniform, allerdings ohne Rangabzeichen.

Ich ging sofort auf ihn zu und nannte seinen Namen.

«? ? ?»

Берлине, где я оставался до лета 1923 года. Сначала в качестве посланников у нас был государственный советник Мерсье, затем фон Планта, хозяин замка Райхенау. Министр фон Планта внезапно заболел пневмонией и через неделю умер. Его преемником был назначен министр Карлин, который до этого представлял нашу страну в Голландии. По трагической судьбе мы потеряли и его. Министр Карлин умерла от сердечного приступа через десять дней после вступления в должность. Пост посла в Берлине долгое время оставался осиротевшим, пока Рюфенахт, бывший директор Федерального ведомства промышленности, торговли и труда, не вручил верительную грамоту рейхспрезиденту фон Гинденбургу.

Однажды вечером чрезвычайно жарким летом 1920 года я совершенно случайно встретил Бориса фон - 146 на Фридрихштрассе.

Энгельхард. Он попал в немецкий плен - не знаю когда - и после окончания военных действий получил возможность свободно передвигаться по стране и теперь зарабатывал себе на жизнь простым чернорабочим на спичечной фабрике. Он направлялся на встречу бывших военнопленных в Адмиральский дворец. Если бы Энгельгард был в штатском, я бы, наверное, его не узнал. Из-за отсутствия другой одежды, как и большинство его однополчан, он все еще носил поношенную офицерскую форму, хотя и без каких-либо знаков различия.

Я тут же подошел к нему и назвал его имя.

«? ? ?»

"Don't you recognize me?"

"No, I have to admit that I have no idea who is standing in front of me."

«In front of you stands the nephew of the last estate manager in Klimovo. We saw each other ten years ago at a dinner together in one of the many salons of your country estate, on the same day that you shot a hare under the nose of my hunting dog. I finally gave my last and first name.

The Russian officer recoiled, a smile of recognition crossing his face. He squeezed my hand so that it hurt and said, stuttering: "My God, is that possible! How small the world is. Please tell me, how did you get here?"

Boris von Engelhard left his comrades aside for this time. He happily accepted my invitation to dinner.

We took a cab to Landgrafenstrasse, where there was a Russian restaurant. There a gypsy band played old Russian folk tunes every evening.

Wind-swept rain pelted the car windows. As we drove through the zoo, a terrible storm came up. The tops of the trees bowed with a groan. In no time it became pitch black, so the driver had to turn on the headlights. The cone of light slid over the asphalt and made the torrentially splashing water masses particularly visible.

«Erkennen Sie mich nicht?»

«Nein, ich muß gestehen, keine Ahnung zu haben, wer vor mir steht.»

«Vor Ihnen steht der Neffe des letzten Gutsverwalters in Klimowo. Wir sahen uns vor zehn Jahren bei einem gemeinsamen Abendessen in einem der vielen Salons Ihres Landsitzes, am gleichen Tage, wo Sie unter der Nase meines Jagdhundes einen Hasen erlegten.» Ich nannte schließlich meinen Familien- und Vornamen.

Der russische Offizier prallte zurück, lieber sein Antlitz huschte ein Lächeln des Erkennens. Er drückte meine Hand, daß sie mir weh tat und sagte stotternd: «Mein Gott, ist das möglich! Wie klein ist doch die Welt. Erzählen Sie doch bitte, wie kommen Sie hieher?»

Boris von Engelhard ließ seine Kameraden für diesmal abseits liegen. Er nahm meine Einladung zu einem Abendessen mit Freuden an.

Mit einer Autodroschke begaben wir uns in die Landgrafenstraße, wo sich ein russisches Restaurant befand. Dort spielte jeden Abend eine Zigeunerkapelle alte russische Volksweisen.

Windgepeitschter Regen prasselte an die Fensterscheiben des Wagens. Als wir durch den Tiergarten fuhren, kam ein furchtbarer Sturm auf. Die Wipfel der Bäume neigten sich ächzend. Es wurde im Nu stockfinstere Nacht, so daß der Wagenführer die Scheinwerfer einschalten mußte. Der Lichtkegel glitt über den Asphalt und machte die sintflutartig herabklatschenden Wassermassen besonders drastisch sichtbar.

«Ты меня не узнаешь?»

«Нет, я должен признаться, что понятия не имею, кто стоит передо мной.»

«Перед вами стоит племянник последнего управителя Климово. Мы виделись десять лет назад на совместном обеде в одном из многочисленных салонов твоего усадьбы, в тот самый день, когда ты под носом моей охотничьей собаки подстрелил зайца. Наконец я назвал свою фамилию и имя.

Русский офицер отпрянул, на его лице появилась улыбка узнавания. Он сжал мою руку так, что стало больно, и сказал, заикаясь: «Боже мой, неужели это возможно! Как тесен мир. Скажи мне, пожалуйста, как ты сюда попал?»

Борис фон Энгельхард на этот раз оставил своих товарищев в стороне. Он с радостью принял мое приглашение на ужин.

Мы доехали на такси до Ландграфенштрассе, где был русский ресторан. Там каждый вечер цыганский оркестр играл старинные русские народные мелодии.

Пронесшийся ветром дождь забивал окна автомобиля. Когда мы проезжали через зоопарк, разразился ужасный шторм. Верхушки деревьев со стоном склонились. В мгновение ока стало совсем темно, поэтому водителю пришлось включить фары. Конус света скользил по асфальту и делал особенно заметными ливнево плачущиеся водные массы.

We entered the “Medwjed” (Bear) restaurant, where an abundance of light shined towards us. According to Russian custom, we first

Original Page 148

ordered vodka with sakuski. We drank one glass, then a second, third and so on until the four-deciliter bottle was empty. Our tongues loosened, the cigarettes glowed. With swelling pain, Boris von Engelhard spoke of his young life, which began in wealth and splendor and soon turned into bitter hardship and poverty. “I miss my beloved homeland even more than money and property,” he added to his gloomy reflections.

Boris von Engelhard suddenly got up and opened the door leading to the hallway, only to close it again immediately. «Excuse me, I just wanted to check whether we were being overheard. Although I spoke very quietly, I had already experienced a number of unpleasant things in this area. Berlin is swarming with Soviet agents.”

“And what happened to your parents and siblings?” I asked with interest.

“I learned many details about the fate of our family from a regimental comrade who made his way to Germany when the revolution broke out,” von Engelhard continued. My mother is still in Klimovo. Since she is not of noble descent, but came from the bosom of the common people, she was apparently left unmolested. The situation is different with the father. He took the fall of old

Wir betraten das Restaurant «Medwjed» (Bär), wo uns eine ganze Fülle von Licht entgegenstrahlte. Nach russischer - 147

Sitte bestellten wir zuerst Wodka mit Sakuski, Wir tranken ein Glas, sodann ein zweites, drittes und so fort, bis die Vierdeziliterflasche leer war. Unsere Zungen lösten sich, die Zigaretten glommen. Mit aufquellendem Schmerz erzählte Boris von Engelhard von seinem jungen Leben, das in Reichtum und Glanz begann und schon nach kurzer Zeit in bittere Not und Armut hinüberwechselte. «Noch viel mehr als Geld und Gut vermisste ich meine geliebte Heimat», fügte er seinen trüben Betrachtungen bei.

Boris von Engelhard erhob sich plötzlich und öffnete die nach dem Flur führende Tür, um sie indes gleich wieder zu schließen. «Entschuldigen Sie bitte, ich wollte mich nur vergewissern, ob wir etwa belauscht würden. Ich habe zwar sehr leise gesprochen, aber auf diesem Gebiet schon etliches Unliebsame erlebt. Berlin wimmelt von sowjetischen Agenten.»

«Und was ist aus Ihren Eltern und Geschwistern geworden? » fragte ich mit Teilnahme.

«Von einem Regimentskameraden, der beim Ausbruch der Revolution sich nach Deutschland durchschlug», erzählte von Engelhard weiter, «erfuhr ich viele Einzelheiten über das Schicksal unserer Familie. Meine Mutter hält sich noch in Klimowo auf. Da sie nicht adeliger Abkunft ist, sondern aus dem Schoße des einfachen Volkes kam, ließ man sie scheinbar unbehelligt. Anders verhält es sich mit dem Vater. Er nahm den Untergang des alten Rußlands so stark

Мы вошли в ресторан «Медведь», откуда на нас светило обилие света. По русским - 147

Как обычно, сначала мы заказали водку с сакусками, выпили стакан, потом второй, третий и так до тех пор, пока четырехдцатилитровая бутылка не опустела. Наши языки развязались, сигареты загорелись. С нарастающей болью Борис фон Энгельгард рассказывал о своей молодой жизни, которая началась в богатстве и великолепии и вскоре обернулась горькими лишениями и нищетой. «Я скучаю по любимой Родине даже больше, чем по деньгам и имуществу», — добавил он к своим мрачным размышлениям.

Борис фон Энгельхард внезапно встал и открыл дверь, ведущую в коридор, но тут же снова закрыл ее. «Извините, я просто хотел проверить, не подслушивают ли нас. Хотя я говорил очень тихо, я уже испытал ряд неприятных вещей в этой области. Берлин кишит советскими агентами».

«А что случилось с твоими родителями, братьями и сестрами? — спросил я с интересом.

«Многие подробности о судьбе нашей семьи я узнал от товарища по полку, который пробрался в Германию, когда грянула революция», — продолжал фон Энгельхард. Моя мама до сих пор в Климово. Так как она не дворянского происхождения, а происходила из лона простого народа, то ее, по-видимому, оставили нетронутой. Иная ситуация с отцом. Падение старой России он воспринял так близко к сердцу, что разум его помрачился. В результате старый господин выбрал самоубийство.

Russia so deeply to heart that his mind became darkened. As a result, the old gentleman chose suicide. Jura and Igor were being trained as officers in a rapid training course at the time I was at the front. Igor was killed during the Brusilov offensive in the summer of 1916. His body was taken to Klimovo and buried there in the family crypt. As the revolution celebrated its orgies, the mob took the dead officer out of the zinc coffin and did mischief with him. My regimental comrade saw with his own eyes how the corpse remained in a sitting position against the outer wall of the village church for many days and then collapsed forward. Finally the priest came, dug a grave in an open field and buried him again. Jura appeared in Petrograd after a great odyssey, was arrested and shot along with other members of the bourgeoisie. Vera, my second eldest sister, had the unfortunate idea of being at the People's Commissariat

Original Page 148
of the Interior to complain about the execution of her brother. She never returned."

To change my mind, I waved over to the waiter: "Give this banknote to the chapel. And ask the conductor to play a song."

"Of course, sir. Which song should it be?"

"Gori, gori, moja zvesda" (Light, shine, my star).

The waiter nodded: "Very well, sir." Then he went over to the musicians, exchanged a few words with the bandmaster and handed him the banknote.

zu Herzen, daß sein Geist umnachtet wurde. In der Folge wählte der alte Herr den Freitod. Jura und Igor wurden noch zu jener Zeit, als ich an der Front stand, in einer Schnellbleiche zu Offizieren ausgebildet. Igor fiel während der Brussilow-Offensive im Sommer 1916. Seine Leiche wurde nach Klimowo verbracht und dort in der Familiengruft beigesetzt. Als die Revolution ihre Orgien feierte, nahm der Mob den toten Offizier aus dem Zinksarg heraus und trieb mit ihm Unfug. Mein Regimentskamerad sah mit eigenen Augen, wie die Leiche während vielen Tagen in sitzender Stellung an der Außenmauer der Dorfkirche verharrte und dann vornüber zusammensackte. Schließlich kam der Priester, schaufelte auf freiem Felde ein Grab und bestattete sie nochmals. — Jura tauchte nach einer tollen Odyssee in Petrograd auf, wurde festgenommen und zusammen mit anderen Angehörigen des Bürgertums erschossen. Vera, meine zweitälteste Schwester, kam auf den unglücklichen Gedanken, beim Volkskommissariat - 148

des Innern vorzusprechen, sich über die Hinrichtung ihres Bruders zu beschweren. Sie kehrte nicht mehr zurück.»

Um auf andere Gedanken zu kommen, winkte ich den Kellner herbei: «Geben Sie diese Banknote der Kapelle. Und bitten Sie den Dirigenten, ein Lied zu spielen.»

«Selbstverständlich, mein Herr. Welches Lied soll es sein?»

«Gori, gori, moja swesda» (Leuchte, leuchte, mein Stern).

Der Kellner nickte: «Sehr wohl, mein Herr.» Dann ging er zu den Musikern hinüber, wechselte ein paar Worte mit dem Kapellmeister und überreichte ihm den Geldschein.

Юра и Игорь в то время, когда я был на фронте, проходили офицерскую подготовку на курсах ускоренной подготовки. Игорь погиб во время Брусиловского наступления летом 1916 года. Его тело было доставлено в Климово и похоронено там в семейном склепе. Пока революция праздновала свои оргии, толпа вытащила мертвого офицера из цинкового гроба и шалила с ним. Мой полковой товарищ своими глазами видел, как труп много дней оставался в сидячем положении у внешней стены деревенской церкви, а затем рухнул вперед. Наконец пришел священник, выкопал могилу в открытом поле и снова похоронил ее. — Юра появился в Петрограде после великой одиссеи, был арестован и расстрелян вместе с другими представителями буржуазии. Вере, моей второй старшей сестре, пришла в голову неудачная мысль оказаться в Наркомате - 148

внутренних дел с жалобой на казнь своего брата. Она так и не вернулась».

Чтобы передумать, я махнул рукой официанту: «Отдайте эту банкноту в часовню. И попросите дирижера сыграть песню».

«Конечно, сэр. Какая это должна быть песня?»

«Гори, гори, моя звезда» (Гори, свети, моя звезда).

Официант кивнул: «Очень хорошо, сэр». Затем он подошел к музыкантам, обменялся несколькими словами с капельмейстером и вручил ему банкноту.

The bandmaster looked at our table and bowed discreetly. And then the music started.

A young, dark-skinned gypsy girl stood up and, accompanied quietly by the band, sang the desired song in a passionate, sonorous alto voice. Raphael's Sistine Madonna is beautiful, but this child of nature was even more beautiful. With her, beauty and grace were palpable.

We left the restaurant late in the night. I accompanied von Engelhard to Moabit, where he found accommodation in a workers' barracks with other refugees from the East. He later moved to Paris.

I never saw Engelhard again. A member of the well-known Don Cossack choir Jaroff told me by rumor that he - von Engelhard - had entered the Soviet Union with a false passport at the beginning of the 1930s on behalf of the Belarusian general Kutepov in order to promote the counter-revolution. Since then he has remained missing.

It was mid-October 1922. The Swiss consulate in Riga announced the arrival of around fifty Swiss-Russians. Since I hoped to meet relatives or acquaintances among the returnees, I went to the Stettin train station.

The train arrived in Berlin at the stroke of nine in the morning. I was standing on the platform and was so lost in thought that I

Der Kapellmeister blickte zu unserem Tisch, verbeugte sich dezent. Und dann erklang die Musik.

Ein junges, dunkelhäutiges Zigeunermädchen erhob sich und sang, von der Kapelle leise begleitet, mit leidenschaftlicher, klangvoller Altstimme das gewünschte Lied. Die Sixtinische Madonna von Raffael ist schön, doch dieses Naturkind war noch schöner. Bei ihm lagen Schönheit und Anmut greifbar beisammen.

In vorgerückter Nachtstunde verließen wir das Lokal. Ich begleitete von Engelhard bis nach Moabit, wo er zusammen mit anderen Ostflüchtlingen in einer Arbeiterbaracke Unterkunft gefunden hatte. Später siedelte er nach Paris über.

Ich sah von Engelhard nie wieder. Ein Mitglied des bekannten Donkosakenchors Jaroff teilte mir gerüchtweise mit, daß er — von Engelhard — anfangs der Dreißigerjahre im Auftrag des weißrussischen Generals Kutepow mit falschem Paß in die Sowjetunion eingereist sei, um für die Konterrevolution zu werben. Seither blieb er verschollen.

Es war Mitte Oktober 1922. Das Schweizer Konsulat in Riga kündete uns die Ankunft von rund fünfzig Rußlandschweizern an. Da ich hoffte, unter den Heimkehrern Verwandte oder Bekannte zu treffen, begab ich mich auf den Stettiner Bahnhof.

Schlags neun Uhr morgens kam der Zug in Berlin an. Ich stand auf dem Bahnsteig und war so in Gedanken versunken, daß ich sein Nahen nicht

Капельмейстер посмотрел на наш стол и сдержанно поклонился. А потом началась музыка.

Молодая, темнокожая цыганка встала и под негромкий аккомпанемент оркестра страстным, звонким голосом-альтом запела нужную песню. «Сикстинская Мадонна» Рафаэля прекрасна, но еще прекраснее было это дитя природы. С ним красота и изящество были ощущимы.

Мы вышли из ресторана поздно вечером. Я сопровождал фон Энгельхарда в Моабит, где он разместился в рабочих бараках вместе с другими беженцами с Востока. Позже он переехал в Париж.

Энгельхарда я больше никогда не видел. Член известного хора донских казаков Жаров рассказал мне по слухам, что он - фон Энгельхард - въехал в Советский Союз по фальшивому паспорту в начале 1930-х годов по поручению белорусского генерала Кутепова, чтобы пропагандировать контр-революцию. С тех пор он числится пропавшим без вести.

Это была середина октября 1922 года. Швейцарское консульство в Риге сообщило о прибытии около пятидесяти русских швейцарцев. Поскольку я надеялся встретить среди репатриантов родственников или знакомых, я отправился на вокзал Штеттина.

Поезд прибыл в Берлин ровно в девять утра. Я стоял на платформе и так задумался, что не

didn't notice it approaching. The screeching brakes brought me back to the present.

I got into the first car with a German doctor and then walked through the entire train and assisted old and sick compatriots. Hollow-eyed people dressed modestly to poorly looked at us.

Original Page 150

They were in the process of taking their belongings down from the luggage net.

In the third car there was a man lying between pillows. He was wearing a tattered suit. His face was also squashed, riddled with countless, deep wrinkles. The doctor felt a steady, calm rhythm over his heart. The man was in a deep sleep.

"He is seriously ill with his lungs," said a woman with typically Slavic facial features, "was plagued by a strong cough all night and was only recently able to find sleep. Life has dealt with him ruthlessly."

The doctor raised his eyebrows over his glasses. "A stretcher," he called to the paramedic following on our heels. At that moment the sick man woke up, rubbed the sleepiness out of his eyes with a calloused hand and stared at me.

I stared too. What I saw almost made my blood curdle. The sick man was none other than Fritz Haueter.

wahrnahm. Die kreischenden Bremsen riefen mich in die Gegenwart zurück.

Zusammen mit einem deutschen Arzt bestieg ich den ersten Wagen, um dann durch den ganzen Zug zu schreiten und alten und kranken Landsleuten beizustehen. Hohläugige, bescheiden bis armselig gekleidete Menschen schauten uns an. - 149

Sie waren dabei, ihre Siebensachen vom Gepäcknetz herunterzunehmen.

Im dritten Wagen lag zwischen Kissen eingebettet ein Mann. Er trug einen zerdrückten Anzug. Auch sein Gesicht war zerdrückt, mit unzähligen, tiefen Falten durchzogen. Der Arzt fühlte über seinem Herzen einen gleichmäßigen, ruhigen Rhythmus. Der Mann befand sich in tiefstem Schlaf.

«Er ist schwer lungenkrank», sagte eine Frau mit typisch slawischen Gesichtszügen, «wurde die ganze Nacht von einem starken Husten geplagt und konnte erst vor kurzem den Schlaf finden. Das Leben hat ihn rücksichtslos angepackt.»

Der Arzt zog über den Brillengläsern die Brauen hoch. «Eine Tragbahre», rief er dem uns auf den Fersen folgenden Sanitäter zu. In diesem Augenblick erwachte der Kranke, rieb sich mit schwieliger Hand die Schlafrunkenheit aus den Augen und starrte mich an.

Auch ich starre. Was ich sah, ließ mir fast das Blut in den Adern gerinnen. Der kranke Mann war niemand anders als Fritz Haueter.

заметил его приближения. Визг тормозов вернул меня в настоящее.

Я сел в первый вагон с немецким врачом, а затем прошел через весь поезд и оказал помочь старым и больным соотечественникам. Пустоглазые люди, одетые скромно, бедно смотрели на нас. - 149

Они доставали свои вещи из багажной сетки.

В третьей машине между подушками лежал мужчина. На нем был порванный костюм. Его лицо тоже было раздавлено, пронизано бесчисленными глубокими морщинами. Доктор почувствовал ровный, спокойный ритм в сердце. Мужчина находился в глубоком сне.

«У него серьезно больны легкие, — рассказала женщина с типично славянскими чертами лица, — всю ночь его мучил сильный кашель, и только недавно он смог уснуть. Жизнь расправилась с ним безжалостно».

Доктор поднял брови поверх очков. — Носилки, — крикнул он фельдшеру, следовавшему за нами по пятам. В этот момент больной проснулся, протер мозолистой рукой сонливость с глаз и уставился на меня.

Я тоже смотрел. То, что я увидел, чуть не заставило мою кровь застыть в жилах. Больным был не кто иной, как Фриц Хаутер.

He called me by my first name, took my right hand and stroked it.

"Do you know your compatriot?" the doctor intervened.

«Yes, certainly, doctor. When my parents died, I was still a child. This man took their place. Please allow me to take care of him!»

Fritz Haueter was already marked by death. There isn't much to say about his life over the last few years. It was like that of other Swiss people in the Soviet Union. Three days later the refugees continued their journey home. Many people only knew Switzerland through hearsay. The embassy had sleeping car places reserved for Fritz Haueter and other infirm people. When I said goodbye to my old friend and protector at the Anhalter train station, he quoted the words:

"Happy is the man whose wish and will is not to part with his father's land, who is content to breathe the air on a land that he calls his own!"

White linen framed his narrow face, lined with heartbreak and illness. Fritz Haueter died shortly after returning to Switzerland. At least his wish to be buried alongside his fathers came true.

Er nannte mich beim Vornamen, ergriff meine rechte Hand und streichelte sie.

«Kennen Sie Ihren Landsmann?» schaltete sich der Arzt ein.

«Ja, gewiß, Herr Doktor. Als meine Eltern starben, war ich noch ein Kind. Dieser Mann trat an ihre Stelle. Gestatten Sie bitte, daß ich mich seiner annehme!»

Fritz Haueter war bereits vom Tode gezeichnet. Ueber sein Leben der letzten Jahre ist nicht viel zu sagen. Es war wie dasjenige anderer Schweizer in der Sowjetunion. Drei Tage später setzten die Flüchtlinge die Heimreise fort. Viele kannten die Schweiz nur vom Hörensagen. Für Fritz Haueter und andere Gebrechliche ließ die Gesandtschaft Schlafwagenplätze belegen. Als ich auf dem Anhalter-Bahnhof von meinem alten Freunde und Beschützer Abschied nahm, zitierte er die Worte:

«Glücklich der Mann, dessen Wunsch und Wille sind, sich nicht vom väterlichen Acker zu trennen, der sich damit begnügt, die Luft zu atmen auf einem Land das er sein eigen nennt!»

Weiße Linnen umrahmte sein schmalgewordenes, von Herzeleid und Krankheit zerfurchtes Antlitz. Fritz Haueter starb kurz nach der Rückkehr in die Schweiz. So ging wenigstens sein Wunsch, an der Seite seiner Väter bestattet zu werden, in Erfüllung.

- 150

Он назвал меня по имени, взял мою правую руку и погладил ее.

«Вы знаете своего соотечественника?» вмешался врач.

«Да, конечно, доктор. Когда мои родители умерли, я был еще ребенком. Этот мужчина занял ее место. Пожалуйста, позвольте мне позаботиться о нем!»

Фриц Хаутер уже был отмечен смертью. О его жизни за последние несколько лет сказать особо нечего. Это было похоже на жизнь других швейцарцев в Советском Союзе. Через три дня беженцы продолжили путь домой. Многие люди знали Швейцарию только понаслышке. В посольстве были зарезервированы места в спальных вагонах для Фрица Хаутера и других немощных людей. Когда я прощался со своим старым другом и защитником на вокзале Анхальтера, он процитировал слова:

«Счастлив тот человек, чьим желанием и волей является не расставаться с землей своего отца, который доволен дышать воздухом на земле, которую он называет своей собственной!»

Белое белье обрамляло его узкое лицо, покрытое горем и болезнью. Фриц Хаутер умер вскоре после возвращения в Швейцарию. По крайней мере, его желание быть похороненным рядом с отцом сбылось. - 150

Original Page 151

The Second World War and its consequences

On April 25, 1923, Lenin suffered a stroke and never spoke again. Eight months later, on January 21, 1924, he died at the age of only 54.

Anyone who believed that Lenin's death would take the wind out of the Soviet government's sails was deeply mistaken. His successor, Josef Stalin, conscientiously took the same approach. But Russia was far away at that time and remained closed off from the outside world. His withdrawal was shrugged off. In more ways than one, Poland was at the intersection of the unknown world that we call the "East" and the familiar "West".

Twenty-one years had passed since the end of the First World War. The wounds that this titanic struggle had inflicted on Europe gradually began to heal and people were already talking about a new war. The reason for this was the challenging behavior of a newly established dictatorship state, the Third Reich. The fact deserves to be underlined that the peoples of their own accord have never urged military action without the intervention of their governments. The friendly relations between people and people have always been ruined by irresponsible, high-level decisions.

The day on which Hitler's great adventure began was a bright autumn day. On September 1, 1939, at 5:45 a.m., the German Wehrmacht's

Der Zweite Weltkrieg und seine Folgen

Am 25. April 1923 erlitt Lenin einen Schlaganfall und sprach niemals wieder. Acht Monate später, d. h. am 21. Januar 1924, starb er im Alter von erst 54 Jahren.

Wer glaubte, Lenins Hinschied werde der Sowjetregierung den Wind aus den Segeln nehmen, war in einem tiefen Irrtum befangen. Sein Nachfolger, Josef Stalin, schlug gewissenhaft in die gleiche Kerbe. Aber Rußland war damals weit entfernt und blieb auch fürderhin von der Außenwelt abgeschlossen. Ueber seine Zurückgezogenheit ging man mit einem Achselzucken hinweg. Polen lag in mehr als einer Hinsicht am Schnittpunkt der uns unbekannten Welt, die wir als «Osten» bezeichnen und des uns vertrauten «Westens».

Einundzwanzig Jahre waren seit dem Ende des Ersten Weltkrieges vergangen. Die Wunden, welche dieser Titanenkampf Europa geschlagen hatte, begannen allmählich zu vernarben, und schon sprach man allgemein von einem neuen Krieg. Anlaß dazu gab das herausfordernde Verhalten eines neu erstandenen Diktaturstaates, des Dritten Reiches. Die Tatsache verdient unterstrichen zu werden, daß die Völker von sich aus ohne Zutun ihrer Regierungen nie zu kriegerischen Handlungen gedrängt haben. Stets sind die freundschaftlichen Beziehungen von Volk zu Volk durch unverantwortliche Entscheidungen von hoher Warte vor die Hunde gegangen.

Der Tag, an dem das große Abenteuer Hitlers seinen Anfang nahm, war ein strahlender Herbsttag. Am 1. Sepember 1939, 5 Uhr 45 Minuten, begannen die

Вторая мировая война и ее последствия

25 апреля 1923 года у Ленина случился инсульт, и он больше никогда не разговаривал. Восемь месяцев спустя, Д. ЧАС. 21 января 1924 года он умер в возрасте всего 54 лет.

Любой, кто считал, что смерть Ленина выбьет ветер из парусов советского правительства, глубоко ошибался. Его преемник Иосиф Сталин добросовестно придерживался того же подхода. Но Россия в то время находилась далеко и оставалась закрытой от внешнего мира. Его уход был проигнорирован. Во многих отношениях Польша находилась на пересечении неизвестного мира, который мы называем «Востоком», и знакомого «Запада».

Прошел двадцать один год после окончания Первой мировой войны. Раны, которые эта титаническая борьба нанесла Европе, постепенно начали затягиваться и уже заговорили о новой войне. Причиной этого стало вызывающее поведение недавно созданного диктаторского государства – Третьего Рейха. Следует подчеркнуть тот факт, что народы никогда по своей воле не призывали к военным действиям без вмешательства своих правительств. Дружеские отношения между людьми и народом всегда разрушались безответственными решениями на высоком уровне.

День, когда началось великолепное приключение Гитлера, был ярким осенним днем. 1 сентября 1939 года в 5 часов 45 минут начались

offensive operations against Poland began. This also started the Second World War in the most careless manner.

The dear readers know the course of this most powerful of all nations' struggles, so there is nothing more that can be added to it. I would also like to refrain from going back to it for the sake of space. It lasted six years, two years longer than the First World War. Germany was defeated in the spring of 1945. Japan, the last enemy of the Western powers, surrendered a few months later. On August 6th of the same year, Rear Admiral William Parson had prepared the atomic bomb over Hiroshima a few moments before it was dropped on board a B-29. This bomb caused the proud Nippon to lay down its arms.

Original Page 152

With his boundless recklessness, Hitler could not have done Stalin a better service. At the end of the war, Soviet troops were on foreign soil, for example in Germany, Austria, Poland, Romania, Hungary, Finland, Latvia, Lithuania, Estonia, Czechoslovakia, the Balkans and deep in the Middle East. They were not withdrawn everywhere.

The Soviet Union emerged stronger from this war. Today it is once again a major power of the first rank and has an important say at international conferences. That's the bottom line of what Hitler certainly didn't want.

Angriffsoperationen der deutschen Wehrmacht gegen Polen. Damit wurde auch der zweite Weltkrieg in leichtsinnigster Weise vom Zaune gebrochen.

Die verehrten Leserinnen und Leser kennen den Verlauf dieses gewaltigsten aller Völkerringens, so daß dem nichts mehr beizufügen ist. Ich möchte auch raumhalber verzichten, darauf zurückzukommen. Es dauerte sechs Jahre, also zwei Jahre länger als der Erste Weltkrieg. Deutschland konnte im Frühjahr 1945 niedergegerungen werden. Als letzter Gegner der Westmächte ergab sich Japan einige Monate später. Konteradmiral William Parson hatte am 6. August gleichen Jahres über Hiroshima wenige Augenblicke vor ihrem Abwurf an Bord einer B-29 die Atombombe bereitgemacht. Dieses Bömbchen veranlaßte das stolze Nippon, die Waffen zu strecken. - 151

Mit seinem grenzenlosen Leichtsinn hätte Hitler Stalin keinen besseren Dienst erweisen können. Am Kriegsende standen die Sowjettruppen auf fremdem Boden, so beispielsweise in Deutschland, Oesterreich, Polen, Rumänien, Ungarn, Finnland, Lettland, Litauen, Estland, in der Tschechoslowakei, im Balkan und tief im Nahen Osten. Sie wurden nicht überall zurückgezogen.

Die Sowjetunion ging gestärkt aus diesem Krieg hervor. Sie steht heute wieder als Großmacht ersten Ranges da und hat an internationalen Konferenzen ein wichtiges Wort mitzusprechen. Das ist das Fazit von dem, was Hitler bestimmt nicht wollte.

наступательные действия немецкого вермахта против Польши. Это также самым неосторожным образом положило начало Второй мировой войне.

Дорогие читатели знают ход этой самой мощной борьбы всех народов, поэтому добавить к ней больше нечего. Я также хотел бы воздержаться от возвращения к нему ради места. Она длилась шесть лет, на два года дольше, чем Первая мировая война. Германия потерпела поражение весной 1945 года. Япония, последний враг западных держав, капитулировала несколько месяцев спустя. 6 августа того же года контр-адмирал Уильям Парсон подготовил атомную бомбу над Хиросимой за несколько минут до того, как она была сброшена на борт B-29. Эта бомба заставила гордую Японию сложить оружие. - 151

Гитлер со своим безграничным безрассудством не мог бы оказать Сталину лучшую услугу. В конце войны советские войска находились на чужой территории, например, в Германии, Австрии, Польше, Румынии, Венгрии, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, Чехословакии, на Балканах и в глубине Ближнего Востока. Их отобрали не везде.

Советский Союз вышел из этой войны сильнее. Сегодня она снова стала крупной державой первого ранга и имеет важное слово на международных конференциях. Это суть того, чего Гитлер определенно не хотел.

I saw the country of my birth again after 35 years

At the end of April 1945, around ten thousand Russian prisoners of war and forced laborers streamed from Germany to Switzerland to seek refuge. I was given a special military detail to look after them. They left our country again in August of the same year.

The internment issue inevitably led to consultative contact with interested states regarding the return of refugees to their homeland. A Soviet Russian military mission under Major General Wicherew stayed with us for many months, and on the Swiss side, Divisional Colonel Flückiger was commissioned to conduct negotiations with the Russians.

When I went to work one day in the spring of 1946, I saw a newspaperwoman standing on the street selling extra newspapers from the Bund. Headlines announced to the public that Soviet Russia had accepted the Swiss proposal to normalize diplomatic relations. This put an end to an issue that had been the subject of rift between the two countries for a full 28 years. Who knows how long this situation would have lasted without the intervention of an event of world historical significance! The First World War and the subsequent Russian Revolution with their profound effects divided both states, which had otherwise always maintained normal relations. The constellation

Ich sah mein Geburtsland nach 35 Jahren wieder

Ende April 1945 strömten rund zehntausend russische Kriegsgefangene und Zwangsarbeiter aus Deutschland in die Schweiz, um Zuflucht zu suchen. Zu ihrer Betreuung erhielt ich ein militärisches Spezialaufgabot. Im August gleichen Jahres verließen sie wieder unser Land.

Die Internierungsfrage führte zwangsläufig zu konsultativem Kontakt mit den daran interessierten Staaten in bezug auf die Rückführung der Flüchtlinge in ihre Heimat. Eine sowjetrussische Militärmision unter Generalmajor Wicherew weilte viele Monate bei uns, und schweizerseits wurde Oberstdivisionär Flückiger beauftragt, die Verhandlungen mit den Russen zu führen.

Als ich im Frühjahr 1946 eines Tages zur Arbeit ging, sah ich auf der Straße eine Zeitungsfrau stehen, die Extrablätter des «Bund» verkaufte. Mit Schlagzeilen wurde der Oeffentlichkeit bekanntgegeben, daß Sowjetrußland den schweizerischen Vorschlag zur Normalisierung der diplomatischen Beziehungen angenommen habe. Damit wurde eine Angelegenheit zu Grabe getragen, die volle 28 Jahre Gegenstand eines Zerwürfnisses zwischen den beiden Ländern gebildet hatte. Wer weiß, wie lange dieser Zustand ohne das Dazwischenreten eines Ereignisses von weltgeschichtlicher Bedeutung noch angedauert hätte! Der Erste Weltkrieg bzw. die anschließende russische Revolution mit ihren tiefshürfenden Auswirkungen hatten beide Staaten entzweit, die sonst seit jeher normale Beziehungen pflegten. Die Konstellation - 152

Я снова увидел страну своего рождения спустя 35 лет

В конце апреля 1945 года около десяти тысяч русских военнопленных и подневольных рабочих устремились из Германии в Швейцарию в поисках убежища. Мне выделили специальную военную часть, чтобы присматривать за ними. В августе того же года они снова покинули нашу страну.

Проблема интернирования неизбежно привела к консультативным контактам с заинтересованными государствами по вопросу возвращения беженцев на родину. Советско-российская военная миссия под командованием генерал-майора Вичерева оставалась у нас в течение многих месяцев, а со швейцарской стороны дивизионному полковнику Флюкигеру было поручено вести переговоры с русскими.

Однажды весной 1946 года, прия на работу, я увидел на улице газетницу, продающую дополнительные газеты из Бунда. Заголовки газет объявили общественности, что Советская Россия приняла предложение Швейцарии о нормализации дипломатических отношений. Это положило конец проблеме, которая была предметом разногласий между двумя странами на протяжении целых 28 лет. Кто знает, как долго бы продолжалась эта ситуация, если бы не вмешательство события всемирно-исторического значения! Первая мировая война и последующая русская революция с их глубокими последствиями разделили оба государства, которые в остальном всегда поддерживали нормальные отношения. Созвездие - 152

Original Page 153
 the Second World War, i.e. the resulting internment problem brought them to the negotiating table.
 Reconciliation came about later.

After the sensational announcement of the existing will to establish friendly relations, there was a period of time that both governments used to convert the wish into practice. Colonel-Divisionary Flückiger, who had a lucky hand in the negotiations with the Russians, was appointed by the Federal Council as Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in the Union of Soviet Socialist Republics, succeeding Minister Odier and Junod after almost three decades. The Soviet government, for its part, appointed Minister Koloschenkov as head of its diplomatic mission to the Swiss Confederation.

I was given the task of being the first Swiss to travel to Moscow in order to make the necessary arrangements for the arrival of the post chief and his staff. Mixed feelings stirred inside me. What wonder, when you consider that between the time I left Russia and the time I was supposed to return there was almost a generation's worth of time! A lot had changed in this country since then. I was aware that Russia and I had now become strangers to each other. During all these long years I followed the reports about the new Russia with the greatest attention, be it in the daily press or in books, but now the moment came when I was supposed to get to know the conditions behind the "Iron Curtain" from a personal perspective.

des zweiten Weltkrieges, d. h. das hieraus resultierende Internierungsproblem, brachte sie an den Verhandlungstisch. Später kam die Versöhnung zustande.

Nach der sensationellen Bekanntgabe des bestehenden Willens zur Anbahnung freundschaftlicher Beziehungen folgte eine Zeitspanne, die beide Regierungen dazu benützten, den Wunsch in die Praxis umzuwandeln. Oberstdivisionär Flückiger, der bei den Verhandlungen mit den Russen eine glückliche Hand hatte, wurde vom Bundesrat zum außerordentlichen Gesandten und bevollmächtigten Minister in der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken ernannt, als Nachfolger von Minister Odier bzw. Junod nach fast drei Jahrzehnten. Die Sowjetregierung ihrerseits bestimmte Minister Koloschenkov zum Chef ihrer diplomatischen Vertretung bei der Schweizerischen Eidgenossenschaft.

Ich erhielt den Auftrag, als erster Schweizer nach Moskau zu reisen, um dort die erforderlichen Vorbereitungen für die Ankunft des Postenchefs und seines Personalstabes zu treffen. Gemischte Gefühle bewegten mein Inneres. Was Wunder, wenn man bedenkt, daß zwischen dem Zeitpunkt, als ich Rußland verließ, und jenem, da ich wieder dorthin zurückkehren sollte, beinahe der Zeitraum einer Menschengeneration lag! Seither hatte sich in diesem Lande manches verändert. Es war mir bewußt, daß Rußland und ich uns mittlerweile fremd geworden waren. Während all den langen Jahren verfolgte ich wohl mit größter Aufmerksamkeit die Berichte über das neue Rußland, sei es in der Tagespresse oder in Büchern, doch jetzt kam der Augenblick, wo ich die Verhältnisse hinter dem «Eisernen Vorhang» aus persönlicher Anschauung kennen lernen sollte.

Вторая мировая война, т.е. ЧАС. возникшая проблема с интернированием привела их за стол переговоров. Примирение произошло позже.

После сенсационного заявления о существующем желании установить дружественные отношения, был период времени, который оба правительства использовали для претворения этого желания в жизнь. Дивизионный полковник Флюкигер, которому повезло в переговорах с русскими, был назначен Федеральным советом чрезвычайным посланником и полномочным министром в Союзе Советских Социалистических Республик, сменив министра Одье и Жюно спустя почти три десятилетия. Советское правительство, со своей стороны, назначило министра Колощенкова главой своей дипломатической миссии в Швейцарской Конфедерации.

Мне было поручено быть первым швейцарцем, который поедет в Москву, чтобы организовать необходимые приготовления к приезду начальника почты и его штаба. Внутри меня зашевелились смешанные чувства. Что удивительного, если учесть, что с момента моего отъезда из России до момента, когда я должен был вернуться, прошло почти одно поколение! С тех пор в этой стране многое изменилось. Я осознавал, что мы с Россией теперь стали чужими друг для друга. Все эти долгие годы я с величайшим вниманием следил за сообщениями о новой России, будь то в ежедневной прессе или в книгах, но теперь настал момент, когда я должен был узнать об условиях за «железным занавесом» из личная точка зрения.

The night express train took me to Paris. Since traffic conditions in this country were chaotic after the collapse in Germany, I wanted to try to use a Paris-Moscow plane. I was lucky. As luck would have it, on July 25, 1946, a French plane flew to Moscow to pick up the ambassador, General Catroux. The Swiss envoy, writer and historian, Carl J. Burckhardt, kindly arranged my flight.

The view sweeps far over the runways of Orly airfield near Paris. The giant silver bird, a gift from Great Britain to France after winning the war, stood on the tarmac, ready to take off.

Original Page 154

We boarded the plane, the door slammed shut, the stairs were pushed away. The plane slowly taxied onto the runway. The engines roared as the pilot tried them out, one after the other. A white balloon went up from the airport command tower. That was the starting signal. The pilot accelerated. The plane rolled faster, faster and faster, leaving the earth and rising into the azure sky. It circled over the megacity on the Seine and then turned eastward. To the left the Eiffel Tower said goodbye, the engines sang their dull, steady song, and through the oval window a picture of endless monotony from horizon to horizon presented itself.

The altitude at which we were flying meant that no details could be seen on the ground. The radio operator came to us for a moment to smoke a "Maryland". Someone asked him about the altitude. "Three thousand two hundred meters," was

Der Nachtschnellzug brachte mich nach Paris. Da nach dem Zusammenbruch in Deutschland die Verkehrsverhältnisse in diesem Lande chaotisch waren, wollte ich versuchen, ein Flugzeug Paris-Moskau zu benützen. Ich hatte Glück. Der Zufall wollte es, daß am 25. Juli 1946 eine französische Maschine nach Moskau flog, um den Botschafter, General Catroux, abzuholen. Der schweizerische Gesandte, Schriftsteller und Historiker, Carl J. Burckhardt, vermittelte in freundlicher Weise meinen Mitflug.

Weit schweift der Blick über die Pisten des Flugplatzes Orly bei Paris. Auf dem Rollfeld stand der silberne Riesenvogel, ein Geschenk Großbritanniens an Frankreich nach dem gewonnenen Krieg, startbereit. - 153

Wir bestiegen die Maschine, die Türe flog zu, die Treppe wurde fortgeschoben. Langsam rollte das Flugzeug auf die Startbahn. Die Motoren dröhnten, als der Pilot sie dann ausprobierete, einen nach dem andern. Am Befehlstrom des Flughafens ging ein weißer Ballon hoch. Das war das Startzeichen. Der Pilot gab Gas. Das Flugzeug rollte schneller, immer schneller, verließ die Erde und stieg in den azurblauen Himmel empor. Es beschrieb einen Bogen über der Millionenstadt an der Seine und wandte sich dann ostwärts. Zur Linken grüßte der Eiffelturm zum Abschied, die Motoren sangen ihr dumpfes, gleichmäßiges Lied, durch das Fensteroval bot sich ein Bild unendlicher Monotonie von Horizont zu Horizont.

Die Höhe, in der wir flogen, ließ am Boden keine Einzelheiten mehr erkennen. Der Bordfunker kam für einen Augenblick zu uns, um eine «Maryland» zu rauchen. Jemand erkundigte sich nach der Flughöhe bei ihm. «Dreitausendzweihundert Meter», war die Antwort. Man wollte einem Gewitter ausweichen, das von Osten

Ночной экспресс отвез меня в Париж. Поскольку после коллапса в Германии условия движения в этой стране были хаотичными, я хотел попробовать воспользоваться самолетом Париж-Москва. Мне повезло. По счастливой случайности 25 июля 1946 года французский самолет прилетел в Москву, чтобы забрать посла генерала Катру. Швейцарский посланник, писатель и историк Карл Буркхардт любезно организовал мой полет.

Вид простирается далеко над взлетно-посадочными полосами аэродрома Орли под Парижем. Гигантская серебряная птица, подаренная Великобританией Франции после победы в войне, стояла на взлетной полосе, готовая взлететь. - 153

Мы сели в самолет, дверь захлопнулась, лестницу отодвинули. Самолет медленно вырулил на взлетно-посадочную полосу. Двигатели ревели, пока пилот опробовал их один за другим. Белый воздушный шар поднялся с командной вышки аэропорта. Это был стартовый сигнал. Пилот ускорился. Самолет катился все быстрее, быстрее и быстрее, отрываясь от земли и поднимаясь в лазурное небо. Он облетел мегаполис на берегу Сены, а затем повернул на восток. Слева прощалась Эйфелева башня, двигатели пели свою унылую, размеренную песню, и через овальное окно предстала картина бесконечного однообразия от горизонта до горизонта.

Высота, на которой мы летели, означала, что на земле не было видно никаких деталей. Радист зашел к нам на минутку покурить «Мэриленд». Кто-то спросил его о высоте. «Три тысячи двести

the answer. They wanted to avoid a thunderstorm that had been reported from the east, hence the escape to this enormous height. No wonder my head was buzzing and my fountain pen was overflowing! I glanced at the clock. According to calculations, we were floating somewhere over Reims-Luxembourg. From there the route led via Göttingen and Erfurt to Berlin.

I must have lain in Morpheus's arms for a short time. The word "Berlin" from the stewardess's mouth brought me back to the present. The plane slowly lost altitude and speed. When I looked through the porthole, we were already circling over the suburbs of the former imperial capital. Seen from a distance, the city appeared to be unscathed, but shortly afterwards we found ourselves staring into a sea of completely burned out houses. The plane made a loop, as if it wanted to give us the opportunity to contemplate the ephemeral nature of everything earthly. From a bird's eye view I saw the deserted Tiergarten and the Königsplatz with the Victory Column. Right next to it stood the building of our former embassy, which strangely remained completely intact, in the middle of the pulverized city center.

The pilot throttled the engines, checked the possibility of landing and put the plane elegantly onto the runway. It was exactly 12 noon. The Paris-Berlin (Tempelhof) flight lasted exactly four hours. First sight: hurried, exuberant

Original Page 155
life, khaki uniforms of Americans, French and Russians.
In the canteen we fortified ourselves with a snack,
served by nimble, English-speaking German girls.

angezeigt worden war, darum die Flucht in diese enorme Höhe. Kein Wunder, daß mir der Schädel brummte, und der Füllfederhalter überließ! Ich warf einen Blick auf die Uhr. Berechnungsgemäß schwebten wir irgendwo über Reims-Luxemburg, Von dort führte die Route über Göttingen und Erfurt nach Berlin.

Ich mußte kurze Zeit in Morpheus Armen gelegen haben. Das Wort «Berlin» aus dem Munde der Stewardess riß mich in die Gegenwart zurück. Das Flugzeug verlor langsam an Höhe und Geschwindigkeit. Als ich durch das Bullauge schaute, kreisten wir bereits über die Vororte der ehemaligen Reichshauptstadt. Aus der Ferne gesehen, schien die Stadt unversehrt zu sein, aber kurz darauf starrten wir in ein restlos ausgebranntes Häusermeer. Das Flugzeug machte eine Schleife, gleichsam, als wollte es uns Gelegenheit geben, über das Vergängliche alles Irdischen Betrachtungen anzustellen. Aus der Vogelperspektive gewahrte ich den kahlgewordenen Tiergarten sowie den Königsplatz mit der Siegessäule. Dicht daneben stand das seltsamerweise völlig unversehrt gebliebene Gebäude unserer ehemaligen Gesandtschaft, inmitten des pulverisierten Stadtkerns.

Der Pilot drosselte die Motoren ab, prüfte die Landungsmöglichkeit und setzte das Flugzeug elegant auf die Piste. Es war genau 12 Uhr mittags. Der Flug Paris-Berlin (Tempelhof) dauerte genau vier Stunden. Erster Anblick: hastendes, - 154

überbordendes Leben, khakifarbane Uniformen von Amerikanern, Franzosen und Russen. In der Kantine stärkten wir uns mit einem Imbiß, serviert von flinken, englischsprechenden deutschen Mädchen.

метров», — был ответ. Они хотели избежать грозы, о которой сообщили с востока, поэтому и побежали на эту огромную высоту. Неудивительно, что у меня гудела голова и переливалась авторучка! Я взглянул на часы. По расчетам, мы плыли где-то над Реймсом-Люксембургом, оттуда путь вел через Геттинген и Эрфурт в Берлин.

Должно быть, я пролежал в объятиях Морфеуса какое-то время. Слово «Берлин» из уст стюардессы вернуло меня в настоящее. Самолет медленно терял высоту и скорость. Когда я посмотрел в иллюминатор, мы уже кружили над пригородами бывшей имперской столицы. Издалека город казался невредимым, но вскоре после этого мы увидели море полностью сгоревших домов. Самолет сделал петлю, словно хотел дать нам возможность созерцать эфемерность всего земного. С высоты птичьего полета я увидел опустевший Тиргартен и Кёнигсплац с Колонной Победы. Прямо рядом с ним посреди разрушенного центра города стояло здание нашего бывшего посольства, которое странным образом осталось совершенно нетронутым.

Пилот заглушил двигатели, проверил возможность посадки и элегантно вывел самолет на взлетно-посадочную полосу. Было ровно 12 часов дня. Перелет Париж-Берлин (Темпельхоф) продолжался ровно четыре часа. Первый взгляд: поспешил, - 154

бурная жизнь, униформа цвета хаки американцев, французов и русских. В столовой мы подкрепились закуской, которую нам подали шустрые, англоговорящие немки.

The departure for Moscow was set for 1 p.m. After we had taken our seats, two Russian officers climbed on board and took control of the aircraft. One was a radio telegraph operator with the rank of lieutenant, the other, a captain, took the wheel. I looked with interest at the first Soviet Russians in their puffy military shirts, riding breeches and high boots. The propellers were cranked, the machine slowly glided over the asphalt runway and took to the skies again for the second and final leg to Moscow. The engines hummed again. First the outskirts of Berlin scurried past below us, then followed the sandy province of Brandenburg with its sparse birch and pine forests. In contrast to the French, the Russians flew very low. Our eyes could now see human settlements and even harvesters in the fields. The area east of Berlin was still war-scarred; a year and a half ago, a bitter battle raged between the German defense and the Russian onslaught. Bomb craters, bunkers, long trenches, hints of depots and training areas appeared and disappeared again in a flash.

We flew into Poland between Posen and Pomerania, but soon left again to then touch on East Prussia. In the distance, the long, bizarrely branched Masurian lakes and the rivers connecting them flashed in hairpin bends. Somewhere there was Tannenberg, where the Russian army group under General Samsonow was devastatingly defeated by Field Marshal von Hindenburg in the late summer of 1914. The Russians were fighting in a hopeless situation: in front of them they had the barrage of long-

Der Start nach Moskau wurde auf dreizehn Uhr festgesetzt. Nachdem wir unsere Plätze eingenommen hatten, stiegen zwei russische Offiziere an Bord und übernahmen die Führung des Flugzeuges. Einer war Radiotelegraphist im Leutnantsrang, der andere — ein Hauptmann — setzte sich ans Steuer. Voll Interesse betrachtete ich die ersten Sowjetrussen in ihren bauschigen Militärhemden, Reithosen und hohen Schaftstiefeln. Die Propeller wurden angekurbelt, langsam glitt die Maschine über die asphaltierte Piste und schwang sich erneut in die Lüfte, zur zweiten und letzten Etappe nach Moskau. Wieder brummten die Motoren. Zuerst huschten die Außenquartiere Berlins unter uns vorbei, dann folgte die sandige Provinz Brandenburg mit ihren lichten Birken- und Kiefernwäldern. Im Gegensatz zu den Franzosen flogen die Russen sehr tief. Unsere Augen vermochten jetzt menschliche Siedlungen und sogar Erntearbeiter auf den Feldern zu erfassen. Die Gegend ostwärts von Berlin war noch kriegsvernarbt, hier raste vor anderthalb Jahren eine erbitterte Schlacht zwischen der deutschen Verteidigung und dem russischen Ansturm. Blitzschnell tauchten Bombentrichter, Bunker, langgezogene Schützengräben, Andeutungen von Depots und Uebungsplätzen auf und verschwanden wieder.

Wir flogen zwischen Posen und Pommern in Polen ein, verließen es jedoch bald wieder, um dann Ostpreußen anzuschneiden. Aus der Ferne blitzten die langen, bizarre verzweigten Masurenseen und die sie verbindenden Flüsse in Haarnadelkurven. Dort irgendwo lag Tannenberg, wo die russische Armeegruppe unter General Samsonow im Spätsommer 1914 von Feldmarschall von Hindenburg vernichtet geschlagen wurde. Die Russen fochten in aussichtsloser Lage: Vor sich hatten sie das Trommelfeuer der weittragenden feindlichen Artillerie und

Вылет в Москву был назначен на 13.00. После того, как мы заняли свои места, два российских офицера поднялись на борт и взяли управление самолетом. Один был радиотелеграфистом в звании лейтенанта, другой, капитан, сел за штурвал. Я с интересом смотрел на первых советских россиян в их дутых военных рубашках, галифе и высоких сапогах. Пропеллеры были провернуты, машина медленно заскользила по асфальтированной взлетно-посадочной полосе и снова поднялась в небо на второй и последний этап до Москвы. Двигатели снова загудели. Сначала под нами проносились окраины Берлина, затем следовала песчаная провинция Бранденбург с ее редкими березовыми и сосновыми лесами. В отличие от французов, русские летали очень низко. Наши глаза теперь могли видеть населенные пункты и даже комбайны на полях. Район к востоку от Берлина все еще был изранен войной; полтора года назад бушевала ожесточенная битва между немецкой обороной и русским натиском. Воронки от бомб, бункеры, длинные траншеи, намеки на склады и тренировочные площадки появлялись и снова исчезали в мгновение ока.

Мы прилетели в Польшу между Познанием и Померанией, но вскоре снова вылетели, чтобы коснуться Восточной Пруссии. Вдали мелькали в крутых изгибах длинные, причудливо разветвленные Мазурские озера и соединяющие их реки. Где-то был Танненберг, где в конце лета 1914 года группа русских армий под командованием генерала Самсонова потерпела сокрушительное поражение от фельдмаршала фон Гинденбурга. Русские сражались в безнадежной ситуации: впереди у них был заградительный огонь дальнобойной артиллерии

range enemy artillery and in their rear the Masurian swamps from which there was no escape.

After East Prussia we touched a corner of Lithuania and broke into Poland again. I knew that Poland is very wooded, especially the Belovezhskaya Pusha is famous as an ideal hunting area. There is supposed to be a real bear wilderness there. But what I saw from the bird's flight exceeded my imagination.

Original Page 156

Below us there was nothing but forest, forest and always tightly closed forest. Every now and then this dark green monotony was interrupted by a quiet lake or swamps.

We finally reached Belarus, the western border area of the immense Soviet Union. On the left a bright stripe: Minsk. From Orsha, where important railway lines intersect, we followed the course of the Dnieper to just before Smolensk. The always cheerful on-board radio operator once again came into the passenger cabin with a cigarette. Silently, but with a warm smile, he also offered me a cigarette. I thanked him for his attention and took this opportunity to inquire about the city of Smolensk, near which we must be. The lieutenant readily pointed in that direction with an outstretched hand. On the distant horizon, the outlines of the Belarusian capital were vaguely visible. I spent my youth not far away, in the shadow of this city, so to speak. In my thoughts I greeted the graves of my paternal grandparents and many other relatives.

im Rücken die masurischen Sümpfe, aus denen es kein Entrinnen gab.

Nach Ostpreußen streiften wir einen Zipfel Litauens und brachen erneut ins Polenland ein. Es war mir bekannt, daß Polen sehr waldreich ist, besonders die Beloweschskaja Puscha ist als ideales Jagdgebiet berühmt. Dort soll noch eine richtige Bärenwildnis herrschen. Was ich aber aus dem Vogelflug zu sehen bekam, überstieg meine Vorstellungskraft. - 155

Unter uns lag nichts als Wald, Wald und immer wieder fest geschlossener Wald. Dann und wann wurde diese dunkelgrüne Eintönigkeit etwa durch einen stillen See oder durch Sümpfe unterbrochen.

Endlich erreichten wir Weißrußland, das westliche Grenzgebiet der unermeßlich großen Sowjetunion. Linkerhand ein heller Streifen: Minsk. Von Orsha aus, wo sich wichtige Eisenbahnlinien kreuzen, folgten wir dem Laufe des Dnjepers bis knapp vor Smolensk. Der immer fröhliche Bordfunker kam wieder einmal mit einer Zigarette in die Passagierkabine. Stumm, aber mit herzlichem Lächeln bot er mir auch eine Zigarette an. Ich dankte für die Aufmerksamkeit und erkundigte mich bei dieser Gelegenheit nach der Stadt Smolensk, in deren Nähe wir uns befinden mußten. Bereitwillig wies der Leutnant mit ausgestreckter Hand nach jener Richtung. Am fernen Horizont zeichneten sich schemenhaft die Umrisse der weißrussischen Kapitale ab. Unweit davon, gewissermaßen im Schatten dieser Stadt, verbrachte ich meine Jugendjahre. In Gedanken grüßte ich die dort liegenden Gräber meiner Großeltern väterlicherseits und der vielen anderen Verwandten.

противника, а в тылу — Мазурские болота, из которых не было выхода.

После Восточной Пруссии мы коснулись части Литвы и снова ворвались в Польшу. Я знал, что Польша очень лесистая, особенно Беловежская Пуша известна как идеальное место для охоты. Там должна быть настоящая медвежья глуши. Но то, что я увидел с птичьего полета, превзошло мое воображение. - 155

Под нами не было ничего, кроме леса, леса и всегда плотно сомкнутого леса. То и дело это темно-зеленое однообразие прерывалось тихим озером или болотом.

Наконец мы добрались до Белоруссии, западной границы огромного Советского Союза. Слева яркая полоса: Минск. От Орши, где пересекаются важные железнодорожные пути, мы следовали по течению Днепра до самого Смоленска. Всегда веселый бортрадист вновь зашел в пассажирский салон с сигаретой. Молча, но с теплой улыбкой он также предложил мне сигарету. Я поблагодарил Вас за внимание и воспользовался случаем, чтобы поинтересоваться городом Смоленском, возле которого мы должны находиться. Лейтенант с готовностью указал в ту сторону вытянутой рукой. На далеком горизонте смутно виднелись очертания белорусской столицы. Я провел свою юность недалеко, в тени этого города, так сказать. Мысленно я приветствовал могилы моих бабушек и дедушек по отцовской линии и многих других родственников.

Time passed quickly and Moscow was not far away. There the white marble battle monument of Borodino passed majestically. To the right shimmered the gray ribbon of the Minsk-Moscow highway, the highway of Great Russia. Here, in the fall of 1812, the Russians under Marshal Kutuzov tried in vain to block Napoleon I's route to Moscow. The human settlements became increasingly dense. Suddenly someone shouted "voila Moscou!" The air giant was already roaring over the landscape of the Russian metropolis, lowered its nose and headed for the so-called "government airport". There he went with the engines throttled down to the landing point visually indicated by the control tower. The word "Moskva" is emblazoned in large letters on the front of the reception hall.

It was exactly seven o'clock in the evening (Central European time). With today's means of transport, the world has become smaller. I was in Paris this morning and in Moscow in the evening of the same day - after covering around 2500 km in 10 hours. It seemed to me as if I had first said goodbye to my family members at the Bern train station.

Original Page 157

An "Intourist" car was waiting in front of the airport. He took me to the National tourist hotel on Okhotny Ryad.

Maslenikov is the chief physician
at a hospital in Moscow

I sat in the dining room of the Hotel National and waited long-suffering for breakfast. It was very hot,

Die Zeit verging rasch, Moskau war nicht mehr weit. Dort zog das weißmarmorne Schlachtdenkmal von Borodino majestätisch vorbei. Rechts davon schimmerte das graue Band der Chaussee Minsk—Moskau, der Magistrale Großrußlands. Hier versuchten die Russen unter Marschall Kutusow im Herbst 1812 vergebens, Napoleon I. den Weg nach Moskau zu versperren. Die menschlichen Siedlungen verdichteten sich zusehends. Plötzlich rief jemand «voilà Moscou!» Der Luftriese brauste bereits über das Weichbild der russischen Metropole, senkte seine Nase und steuerte dem sogenannten «Regierungs-Flughafen» zu. Dort ging er mit abgedrosselten Motoren auf die vom Kontrollturm optisch angewiesene Landungsstelle nieder. Auf der Stirnseite der Aufnahmehalle prangt in großen Buchstaben das Wort «Moskwa».

Es war genau sieben Uhr abends (mitteleuropäische Zeit). Mit den heutigen Verkehrsmitteln ist die Welt klein geworden. Heute morgen noch in Paris gewesen und am Abend gleichen Tages — nach Zurücklegung von rund 2500 km in 10 Stunden — in Moskau. Es wollte mir scheinen, als hätte ich erst von meinen Familienangehörigen auf dem Berner Bahnhof Abschied genommen. - 156

Ein Wagen des «Intourist» wartete vor dem Flughafen. Er brachte mich in das Fremdenhotel National am Ochotnij Rjäd.

Maslenikow ist Chefarzt eines Spitals in Moskau

Ich saß im Speisesaal des Hotels National und wartete mit Langmut auf das Morgenessen. Es war sehr heiß, 35 Grad Celsius im Schatten. Rußland hat bekanntlich

Время пролетело быстро, и Москва была уже недалеко. Там величественно прошёл беломраморный памятник Бородинской битвы. Справа мерцала серая лента шоссе Минск-Москва, шоссе Великой России. Здесь осенью 1812 года русские под командованием маршала Кутузова тщетно пытались преградить Наполеону I путь на Москву. Населенные пункты становились все более плотными. Вдруг кто-то крикнул: «Вуаля Москва!» Воздушный гигант уже ревел над ландшафтом российского мегаполиса, опустил нос и направился к так называемому «правительственному аэропорту». Там он направился с заглушенными двигателями к точке приземления, визуально указанной диспетчерской вышкой. На фасаде зала приемов крупными буквами высечено слово «Москва».

Было ровно семь часов вечера (среднеевропейское время). С сегодняшними транспортными средствами мир стал меньше. Я был в Париже сегодня утром и в Москве вечером того же дня - проехав около 2500 км за 10 часов. Мне казалось, будто я впервые попрощался с членами своей семьи на вокзале Берна. - 156

Перед аэропортом ждала машина «Интуриста». Он отвез меня в туристическую гостиницу «Националь» на Охотном ряду.

Маслеников — главный врач больницы в Москве.

Я сидел в столовой гостиницы «Националь» и терпеливо ждал завтрака, было очень жарко, 35 градусов в тени. Как известно, в России резко

35 degrees Celsius in the shade. As is well known, Russia has a distinctly continental climate. In summer it is usually hot and dry and in winter it is cold and also dry. Twelve Swedes sat down at the next table and immediately made themselves comfortable. They took off their gowns without further ado and hung them over the back of the chair.

Through the high, wide window, a mighty castle greeted us from a short distance, surrounded by red-brown fortress walls. This is the Kremlin, the heart of the Russian earth. The shape of the massive Kremlin is triangular, and there are seven larger and smaller towers on each side. Five of the largest are crowned with five-pointed ruby stars set in gold. Yesterday evening at dusk they sent their dark red light far and wide, as a symbol of the Russian capital.

I thought about finding my old friend Maslenikov, whatever the cost, but I didn't know how to go about it. It was out of the question to ask the city's residents' registration office about his address. As a foreigner and member of a foreign embassy, I could have caused unforeseeable harm to the person I was looking for.

The waiter came with breakfast. There was coffee with milk, bread with butter and jam. The tourist hotels in Moscow adapt to the wishes of their guests from the West.

«Chto eto za butka?» (What kind of kiosk is that?), I asked the serving host and pointed to a small house that stood in the middle of Jägerplatz.

ein ausgesprochenes Kontinentalklima. Im Sommer ist es meist heiß und trocken und zur Winterszeit kalt und gleichfalls trocken. Am Nebentisch hatten zwölf Schweden Platz genommen und sich sogleich bequem gemacht. Sie zogen ihre Kittel ohne weiteres aus und hängten sie über die Stuhllehne.

Durch das hohe, breite Fenster grüßte aus kurzer Entfernung eine mächtige Burg, umringt von rotbraunen Festungsmauern. Das ist der Kreml, das Herz der russischen Erde. Die Form des Kremlmassivs ist dreieckig, und auf jeder Seite sind je sieben größere und kleinere Türme eingebaut. Fünf der größten sind mit fünfzackigen Sternen aus Rubin mit Goldfassung gekrönt. Gestern abend bei Einbruch der Dunkelheit sandten sie weithin ihr dunkelrotes Licht, als Wahrzeichen der russischen Kapitale.

Ich beschäftigte mich mit dem Gedanken, meinen alten Freund Maslenikow, koste es, was es wolle, ausfindig zu machen, wußte aber nicht, wie ich es anstellen sollte. Es ging keinesfalls an, sich bei der städtischen Einwohnerkontrolle nach seiner Adresse zu erkundigen. Als Ausländer und Mitglied einer fremden Gesandtschaft hätte ich dem Gesuchten unabsehbaren Schaden zufügen können.

Der Kellner kam mit dem Frühstück. Es gab Milchkaffee, Brot mit Butter und Konfitüre. Die Fremdenhotels in Moskau passen sich den Wünschen ihrer Gäste aus dem Westen an.

«Tschoeto za butka?» (was ist das für ein Kiosk?), erkundigte ich mich beim dienstbaren Geist und wies auf ein kleines Häuschen, das mitten auf dem Jägerplatz stand.

континентальный климат. Летом обычно жарко и сухо, а зимой холодно и сухо. Двенадцать шведов сели за соседний столик и тут же устроились поудобнее. Они без дальнейших церемоний сняли халаты и повесили их на спинку стула.

Через высокое широкое окно с небольшого расстояния нас встретил могучий замок, окруженный красно-коричневыми крепостными стенами. Это Кремль, сердце русской земли. Форма кремлевского массива треугольная, с каждой стороны расположено по семь башен большего и меньшего размера. Пять самых крупных увенчаны пятиконечными рубиновыми звездами в золотой оправе. Вчера вечером в сумерках они развернули повсюду свой темно-красный свет, как символ российской столицы.

Я думал во что бы то ни стало найти своего старого друга Масленникова, но не знал, как это сделать. О том, чтобы узнать его адрес в органах регистрации жителей города, не могло быть и речи. Будучи иностранцем и сотрудником иностранного посольства, я мог причинить непредвиденный вред человеку, которого искал.

Официант принес завтрак. Был кофе с молоком, хлеб с маслом и джемом. Туристические гостиницы Москвы адаптируются к пожеланиям гостей с Запада.

«Что это за бутка?» (Что это за киоск?), - спросил я у обслуживающего призрака и указал на небольшой домик, стоявший посреди Егерплац.

"Eto sprawochnaja kontora" (that's an information center), the waiter replied.

I knew enough for now.

I later discovered that these information centers are quite dense in Moscow. Many people lined up in front of one of these on Arbat Square. I also stood in line and listened carefully to what the people in front of me were saying from the young

Original Page 158

girl sitting inside. Many inquired about streets and squares, others about addresses of relatives, acquaintances and official offices. When my turn came, I asked in a firm voice where the Park of Culture and Recreation where Maxim Gorky was located.

"Do you know a little about Moscow?" the girl asked with a friendly smile.

"No, this is my first time here," I replied with a smile, happy to have met an affable Soviet person.

"Aha, then I have to explain it to you in detail, otherwise you probably won't find the park," cooed little Towarisch eagerly through the narrow counter opening, picked up a pad and pencil and, with a few lines, threw the city of Moscow onto the paper. Then came a careful explanation of what I wanted to know. I nodded satisfactorily and walked away.

If an address book had been available, I would have easily found Maslenikov's hermitage without

«Eto sprawotschnaja kontora» (das ist eine Auskunftsstelle), gab der Kellner zur Antwort.

Ich wußte vorderhand genug.

Später stellte ich fest, daß diese Auskunftsstellen in Moskau ziemlich dicht gesät sind. Auf dem Arbat-Platz standen vor einem solchen viele Menschen Schlange. Ich stand ebenfalls an, horchte aufmerksam, was meine Vorderleute vom jungen - 157

Mädchen, das im Innern saß, wissen wollten. Viele erkundigten sich nach Straßen und Plätzen, andere nach Adressen von Verwandten, Bekannten und Amtsstellen. Als ich an die Reihe kam, fragte ich mit fester Stimme, wo sich der Park für Kultur und Erholung namens Maxim Gorki befindet.

«Kennen Sie sich in Moskau ein wenig aus?» forschte das Mädchen mit freundlichem Lächeln.

«Nein, ich bin erstmals hier», gab ich lächelnd zurück und freute mich, einen leutseligen Sowjetmenschen getroffen zu haben.

«Aha, dann muß ich es Ihnen ganz genau erklären, sonst finden Sie den Park vermutlich nicht», gurrte die kleine Towarisch dienstbeflissen durch die schmale Schalteröffnung, nahm Block und Bleistift zur Hand und schmiß mit ein paar Strichen die Stadt Moskau aufs Papier. Dann folgte eine sorgfältige Darlegung von dem, was ich wissen wollte. Ich nickte befriedigend und entfernte mich.

Wäre ein Adreßbuch erhältlich gewesen, würde ich Maslenikows Klause mit Leichtigkeit ohne fremden

«Это справочная контора», — ответил офицант.

На данный момент я знал достаточно.

Позже я обнаружил, что таких информационных центров в Москве довольно много. Перед одним из них на Арбатской площади выстроилась очередь из множества людей. Я также стоял в очереди, внимательно слушая то, что те, кто стоял передо мной, хотели узнать от молодой девушки, - 157

сидевшей внутри. Многие интересовались улицами и площадями, другие – адресами родственников, знакомых и официальных учреждений. Когда подошла моя очередь, я твердым голосом спросил, где находится Парк культуры и отдыха имени Максима Горького.

«Вы знаете немного о Москве?» — спросила девушка с дружелюбной улыбкой.

«Нет, я здесь впервые», — ответил я с улыбкой, счастливый от встречи с приветливым советским человеком.

«Ага, тогда мне придется тебе подробно объяснить, иначе ты, наверное, не найдешь парк», оживленно проворковал маленький Товарищ через узкое отверстие прилавка, взял блокнот и карандаш и, написав несколько строк, швырнул город Москву на бумаге. Затем последовало тщательное объяснение того, что я хотел знать. Я удовлетворенно кивнул и пошел прочь.

Если бы была адресная книга, я бы легко нашел пустыню Масленикова без посторонней помощи.

any outside assistance. I would like to use the subjunctive "would" to point out the task that the Moscow city administration has to accomplish but has not yet tackled.

There is absolutely no doubt that the foreigner has always been monitored at every step by the organs of the MVD (Ministerstwo wnuternich djel), or secret political police. Under all circumstances, you want to be constantly informed about where the Westerner is and what he mainly does. The MWD is not happy when it finds out that the foreigner is trying to get in touch with the local population. In and of itself, the surveillance, which is carried out in a meticulously inconspicuous manner, would not be a bad thing as long as the agent assigned to it objectively records the foreigner's behavior and reports accordingly. But things can get uncomfortable when harmless things are intentionally or unconsciously distorted or inflated, depending on the sympathy that the foreigner enjoys or the ability of the person supervising them to solve their task objectively.

For this reason, I kept postponing my research into Maslenikov until a later date. I wondered if he was even still alive! Maybe we've met on the street several times,

Original Page 159

without recognizing each other! Moscow may be large and is said to have seven to eight million inhabitants, but it is still entirely conceivable that one day you might unexpectedly find yourself in front of someone you know and shake their

Beistand gefunden haben. Ich möchte mit dem Konjunktiv «wäre» auf die Aufgabe hinweisen, welche die Moskauer Stadtverwaltung zu leisten hätte, bis heute aber noch nicht in Angriff genommen hat.

Es unterliegt absolut gar keinem Zweifel, daß der Ausländer seit jeher von den Organen der MWD (Ministerstwo wnuternich djel), lies geheime politische Polizei, auf Schritt und Tritt überwacht wird. Man will unter allen Umständen laufend davon unterrichtet sein, wo sich der Westler befindet und was er hauptsächlich treibt. Die MWD ist nicht entzückt, wenn sie erfährt, daß der Ausländer mit der einheimischen Bevölkerung Fühlung zu nehmen versucht. An und für sich wäre die Ueberwachung, die peinlich unauffällig durchgeführt wird, nicht schlimm, sofern der damit beauftragte Agent das Verhalten des Ausländers sachlich erfaßt und entsprechende Meldung erstattet. Ungemütlich kann es aber werden, wenn etwa harmlose Dinge gewollt oder unbewußt eine Verzerrung, bzw. Aufblähung erfahren, je nach der Sympathie, die der Ausländer genießt, bzw. nach der Fähigkeit des Ueberwachenden, seine Aufgabe objektiv zu lösen.

Aus diesem Grunde verschob ich meine Nachforschungen nach Maslenikow immer wieder auf einen späteren Zeitpunkt. Ob er überhaupt noch am Leben ist, fragte ich mich! Vielleicht sind wir uns schon öfters auf der Straße begegnet, - 158

ohne uns gegenseitig zu erkennen! Moskau ist zwar groß, soll angeblich sieben bis acht Millionen Einwohner haben, aber dennoch ist es durchaus denkbar, daß man eines Tages ganz unverhofft vor einem Bekannten steht, ihm herhaft die Hand

Я хотел бы использовать сослагательное наклонение «бы», чтобы указать на задачу, которую администрация Москвы должна решить, но еще не решила.

Нет абсолютно никаких сомнений в том, что за иностранцем всегда и на каждом шагу следили органы МВД (Ministerstwo wnuternich djel) или тайной политической полиции. При любых обстоятельствах вы хотите быть постоянно в курсе того, где находится житель Запада и чем он в основном занимается. МВД недовольно, когда узнает, что иностранец пытается связаться с местным населением. Само по себе наблюдение, которое осуществляется тщательно и незаметно, не было бы плохим делом, если назначенный за ним агент объективно фиксировал поведение иностранца и сообщал об этом. Но дело может стать неприятным, когда безобидные вещи намеренно или неосознанно искажаются или раздуваются, в зависимости от симпатии, которой пользуется иностранец, или от способности курирующего его человека объективно решить свою задачу.

По этой причине я все время откладывал исследование Масленикова на более поздний срок. Я задавался вопросом, жив ли он вообще! Возможно, мы несколько раз встречались - 158

на улице и не узнавали друг друга! Москва может быть большой, и, как говорят, в ней проживает семь-восемь миллионов жителей, но все же вполне возможно, что однажды вы неожиданно окажетесь перед кем-то из своих знакомых и

hand heartily. The following example: As I was on my way to the Foreign Ministry on the third day after my arrival in Moscow, I suddenly saw the massive figure of Colonel Almasov, who had been a member of the Soviet Russian military mission in Bern in the summer of 1945. I asked the driver to stop, got out of the car and walked towards Almasov. He stared at me, doubting the reliability of his eyes. It should be noted in passing that Almasov happily returned the handshake and accepted my invitation to dinner at the Hotel National, but was careful not to keep his word. I waited a full hour for him to come. In vain. The man actually acted wisely. He didn't want to put himself at risk of being charged with having an unauthorized tryst with a foreigner.

During this time I was constantly looking at the people coming towards me on the street, which is not my usual habit. I hoped to find Maslenikov, without thinking about the fact that we hadn't seen each other for 29 years and my friend must have changed a lot during that long time.

Close bonds of friendship are everlasting, they cannot be denied. After 20 years, I met a comrade in arms on platform 2 in Bern, at whose side I traveled from the Jura to Ticino in the late autumn of 1914. The people around us listened as we greeted each other. It was pretty loud. In Oey-Diemtigen, which was our destination, we moved to the Hotel Bären, where the exchange of ideas about our experiences during the border occupation from 1914 to 1918 continued with copious drinks. Hans Stocker, the friendly bear

schüttelt. Folgendes Beispiel: Als ich am dritten Tage nach meiner Ankunft in Moskau auf dem Wege zum Außenministerium war, erblickte ich plötzlich die massive Gestalt des Obersten Almasow, der im Sommer 1945 der sowjetrussischen Militärmmission in Bern angehört hatte. Ich bat den Chauffeur, anzuhalten, stieg aus dem Wagen und ging auf Almasow zu. Er starre mich an, zweifelte an der Zuverlässigkeit seiner Augen. Beiläufig sei bemerkt, daß Almasow den Händedruck erfreut erwiderte und meiner Einladung zum Abendessen im Hotel National zusagte, sich jedoch hütete, sein Wort zu halten. Ich wartete eine volle Stunde auf sein Kommen. Vergebens. Der Mann handelte eigentlich klug. Er wollte sich nicht der Gefahr aussetzen, wegen unerlaubtem Stelldichein mit einem Ausländer unter Anklage gestellt zu werden.

In dieser Zeit musterte ich dauernd die mir auf der Straße entgegenflutenden Menschen, was sonst nicht zu meinen Gewohnheiten gehört. Ich hoffte, Maslenikow zu finden, ohne an die Tatsache zu denken, daß wir uns seit 29 Jahren nicht mehr gesehen hatten und mein Freund sich während dieser langen Zeit äußerlich stark verändert haben mußte.

Enge Freundschaftsbande sind unvergänglich, sie können nicht verleugnet werden. Auf dem Bahnsteig 2 in Bern traf ich nach 20 Jahren einen Waffenkameraden, an dessen Seite ich im Spätherbst 1914 vom Jura bis in den Tessin hinunter tippelte. Die Leute um uns herum horchten auf, als wir uns begrüßten. Es ging dabei ziemlich laut zu. In Oey-Diemtigen, das unser Reiseziel war, wechselten wir zum Hotel Bären hinüber, wo der Gedankenaustausch über die Erlebnisse während der Grenzbesetzung 1914—1918 bei ausgiebigem Trunk seinen Fortgang nahm. Hans Stocker, der gemütliche

сердечно пожмете ему руку. Следующий пример: направляясь в МИД на третий день после прибытия в Москву, я вдруг увидел массивную фигуру полковника Алмасова, который летом был членом советско-российской военной миссии в Берне. 1945 года. Я попросил водителя остановиться, вышел из машины и пошел в сторону Алмасова. Он уставился на меня, сомневаясь в надежности своих глаз. Следует попутно отметить, что Алмасов с радостью ответил на рукопожатие и принял мое приглашение на ужин в гостинице «Националь», но старался не сдержать своего слова. Я ждал целый час, пока он придет. Напрасно. На самом деле мужчина поступил мудро. Он не хотел подвергать себя риску быть обвиненным в несанкционированном свидании с иностранцем.

Все это время я постоянно смотрел на идущих ко мне на улице людей, что не является моей обычной привычкой. Я надеялся найти Масленикова, не думая о том, что мы не виделись 29 лет и мой друг, должно быть, сильно изменился за это время.

Тесные узы дружбы вечны, их нельзя отрицать. Через 20 лет я встретил на платформе 2 в Берне товарища по оружию, вместе с которым поздней осенью 1914 года я путешествовал от Юры до Тичино. Люди вокруг нас слушали, как мы приветствовали друг друга. Это было довольно громко. В Ой-Димтигене, куда мы направлялись, мы переехали в отель «Барен», где под обильными выпивками продолжился обмен идеями о нашем опыте во время приграничной оккупации с 1914 по 1918 год. Ганс Штокер, дружелюбный хозяин таверны-медведя, неоднократно предупреждал

innkeeper, repeatedly warned people to leave because the police had exceeded their hour. Finally we "dislocated" into the back room together with the bear innkeeper.

"Do you remember what we swore twenty years ago?" the trouper, who was already slightly gray, asked me. He quoted carefully and without errors, despite the abundant wine:

Original Page 160

«To remain loyal to the Confederation; to sacrifice life and limb for the defense of the fatherland and its constitution; never to abandon the flag; to faithfully follow military laws; to give exact and punctual obedience to the orders of superiors; to maintain strict discipline and to do everything that the honor and freedom of the fatherland requires.”

This went on for hours. The memories wouldn't stop. Midnight was long past. The old wall clock struck three hard beats into the new morning.

"It was the comradeship that helped us through the dark hours during the long relief duties, that gave us many happy hours, and in this we want to remember the border occupation from 1914 to 1918!" said my old comrade in arms, raising his glass and lightly clinking it against mine.

It is said that no other can compete with the friendship made in military dress in terms of its durability. This should probably be undisputed.

Bärenwirt, mahnte im Hinblick auf die überschrittene Polizeistunde immer wieder zum Aufbruch. Schließlich «dislozierten» wir zusammen mit dem Bärenwirt ins Hinterstübchen.

«Weißt du noch, was wir vor zwanzig Jahren geschworen haben?» fragte mich der schon leicht ergraute Troupier. Er zitierte bedächtig und fehlerfrei, dem reichlich zugesprochenen Wein zum Trotz: - 159

«Der Eidgenossenschaft Treue zu halten; für die Verteidigung des Vaterlandes und seiner Verfassung Leib und Leben aufzuopfern; die Fahne niemals zu verlassen; die Militärgesetze getreulich zu befolgen; den Befehlen der Oberen genauen und pünktlichen Gehorsam zu leisten; strenge Manneszucht zu halten und alles zu tun, was die Ehre und die Freiheit des Vaterlandes erfordert.»

So ging das stundenlang. Die Erinnerungen wollten nicht abbrechen. Mitternacht war längst vorüber. Die alte Wanduhr kesselte drei harte Schläge in den neuen Morgen.

«Die Kameradschaft war es, die uns während den langen Ablösungsdiensten über trübe Stunden hinweghalf, die uns manche frohe Stunden schenkte, und in ihr wollen wir uns der Grenzbesetzung von 1914 bis 1918 erinnern!» sagte mein alter Waffenkamerad, hob sein Glas und stieß es leicht an das meine.

Man sagt, daß mit der im Wehrkleid geschlossenen Freundschaft hinsichtlich ihrer Haltbarkeit sich keine andere messen könne. Dies dürfte wohl unbestritten sein.

людей уйти, потому что полиция превысила свой час. Наконец мы «вывихнулись» в заднюю комнату вместе с медведем-трактирщиком.

«Помнишь, в чем мы клялись двадцать лет назад?» — спросил меня трупье, уже слегка поседевший. Цитировал внимательно и без ошибок, несмотря на обильное вино: - 159

«Оставаться верным Конфедерации; пожертвовать жизнью и здоровьем ради защиты отечества и его конституции; никогда не оставлять флаг; добросовестно следовать военным законам; точно и пунктуально выполнять приказы начальства; соблюдать строгую дисциплину и делать все, чего требуют честь и свобода отечества».

Это продолжалось часами. Воспоминания не прекращались. Полночь давно прошла. Старые настенные часы пробили три сильных удара в новое утро.

«Именно товарищество помогло нам пережить темные часы во время длительных дежурств по оказанию помощи, подарило нам много счастливых часов, и в этом мы хотим вспомнить приграничную оккупацию с 1914 по 1918 год!» — сказал мой старый товарищ по оружию, поднимая свой стакан и слегка чокнувшись им с моим.

Говорят, что никто другой не может конкурировать по долговечности с дружбой, заключенной в военной форме. Вероятно, это не подлежит сомнению.

But school friendships are also “long-lasting”. I shared the same school desk with Maslenikov; I got my first tipsy with him; after misdeeds committed together, we crouched close together behind a bush and trembled for fear of punishment; Through Maslenikov’s mediation I came into contact with Vera Zolotova, my first love; Once he stood up for me when danger was imminent, the other time it was I who helped him in dire need at the risk of my own safety. It is therefore not surprising that even after three decades I could not forget Maslenikov and that I longed for him more now in Moscow than before, when there were two and a half thousand kilometers between us.

This is how the summer months passed. During my free time I strolled around the city a lot and often went on trips to the countryside. I will continue to report on my observations and experiences, but I don’t think anyone would expect me to provide a review, let alone a chronological and systematic assessment of the Russian Revolution. Much has been written about this everywhere, and one day the chronicler will

Original Page 161
summarize the transition from the double eagle to the red flag into world history.

In the streets of Moscow one meets an amazing contrast of poverty and elegance. The changed conditions are particularly bitter for those people who can remember the earlier times. There are still many people who remember the former comfortable life with nostalgia and cannot say a good word for the new regime.

Aber auch Schulfreundschaften sind «langlebig». Mit Maslenikow drückte ich die gleiche Schulbank; mit ihm hatte ich den ersten Schwips; nach gemeinsam begangenen Missetaten kauerten wir dicht aneinander geschmiegt hinter einem Feldbusch und zitterten aus Furcht vor der Strafe; durch Maslenikows Vermittlung kam ich mit Vera Zolotowa, meiner ersten Liebe, in Berührung; einmal stand er bei drohender Gefahr für mich ein, das andere Mal war ich es, der ihm unter Einsatz der eigenen Sicherheit in höchster Not geholfen hatte. Es ist daher nicht verwunderlich, daß ich Maslenikow auch nach drei Jahrzehnten nicht vergessen konnte und mich jetzt in Moskau mehr nach ihm sehnte als früher, wo zweieinhalbtausend Kilometer zwischen uns lagen.

So vergingen die Sommermonate. Während meiner Freizeit schlenderte ich sehr viel in der Stadt umher, unternahm oft auch Ausflüge auf das Land. Von meinen Beobachtungen und Erlebnissen werde ich im weiteren berichten, doch wird man von mir, denke ich, keine rezensierende, gar chronologische und systematische Würdigung der russischen Revolution erwarten. Darüber wurde allenthalben viel geschrieben, und einmal wird der Chronist den Uebergang vom Dop -160

peladler zur roten Flagge zusammenfassend der Weltgeschichte einverleiben.

In den Straßen von Moskau trifft man einen erstaunlichen Kontrast von Armut und Eleganz. Die veränderten Verhältnisse sind vor allem bitter für jene Leute, die sich an die früheren Zeiten erinnern können. Es gibt noch immer viele Menschen, die wehmütig des einstigen Wohllebens gedenken und für das neue Regime kein gutes Wort über die Lippen bringen.

Но школьная дружба тоже «долговечна». Я сидел за одной партой с Маслениковым; С ним я впервые напился; после проступков, совершенных вместе, мы прижимались друг к другу за кустом и дрожали от страха наказания; При посредничестве Масленикова я познакомился с Верой Золотовой, моей первой любовью; Однажды он заступился за меня, когда опасность была неминуема, в другой раз я помог ему в крайней нужде, рискуя собственной безопасностью. Неудивительно поэтому, что и через три десятилетия я не мог забыть Масленикова и тосковал по нему теперь, в Москве, больше, чем прежде, когда между нами было две с половиной тысячи километров.

Вот так прошли летние месяцы. В свободное время я много гулял по городу и часто выезжал за город. Я продолжу сообщать о своих наблюдениях и опыте, но не думаю, что кто-то ожидает от меня обзора, не говоря уже о хронологической и систематической оценке Русской революции. Об этом повсюду написано много, и когда-нибудь летописец подведет итог - 160

перехода от двуглавого орла к красному флагу во всемирной истории.

На улицах Москвы встречается удивительный контраст бедности и элегантности. Изменившиеся условия особенно горьки для тех людей, которые помнят прежние времена. Еще немало людей, которые с ностальгией вспоминают прежнюю комфортную жизнь и не могут сказать доброго слова о новой власти.

On the contrary, one can find people who openly admit that a return to the past is unthinkable and who openly profess the view that the new regime represents in many respects a noticeable progress over the old one. What means does communism use to achieve this progress? Of course, the breakthrough was not mentioned.

Moscow is teeming with motor vehicles, but outside the city the streets are empty. It always becomes clear how enormous the need for mechanical means of transport is in this large country. In all likelihood, domestic production of trucks and cars is unlikely to be sufficient in the foreseeable future. Apparently the authorities are determined to wait rather than claim foreign production.

In "my time" one in three adults in Russia owned a horse. This claim does not seem exaggerated when one considers that Moscow alone had around thirty-five thousand horse-drawn carriages. The breeding and trading of the Russian horse, together with racing, played an important economic role. If you add the wonderful steppe with the greyhounds and the horse riders, the picture becomes a classic horse country. This time is finally over.

After this little digression, I would like to return to the original topic.

And then came November 7th. On this day every year, Soviet Russia celebrates the festival

Im Gegenteil dazu kann man Leute antreffen, die unumwunden zugeben, daß eine Rückkehr der Vergangenheit undenkbar ist, und sich offen zur Ansicht bekennen, die neue Herrschaft stelle gegenüber der alten in mancher Hinsicht einen fühlbaren Fortschritt dar. Mit welchen Mitteln der Kommunismus diesem Fortschritt zum Durchbruch verhelfen hat, wird freilich nicht erwähnt.

In Moskau wimmelt es geradezu von Motorfahrzeugen, aber außerhalb der Stadt sind die Straßen leer. Es wird einem stets von neuem klar, wie enorm der Bedarf an mechanischen Transportmitteln in diesem großen Lande ist. Die einheimische Produktion von Last- und Personenwagen dürfte aller Wahrscheinlichkeit nach in absehbarer Zeit kaum in genügendem Maße zu erwarten sein. Offenbar sind die maßgebenden Stellen entschlossen, lieber abzuwarten als ausländische Fabrikation zu beanspruchen.

Zu «meiner Zeit» besaß in Rußland jeder dritte Erwachsene ein Pferd. Diese Behauptung scheint nicht übertrieben, wenn man bedenkt, daß Moskau allein rund fünfunddreißigtausend Pferdekutschen hatte. Aufzucht und Handel des russischen Pferdes spielten, zusammen mit dem Rennbetrieb, eine wichtige volkswirtschaftliche Rolle. Zählt man die herrliche Steppe mit den Windhunden und das Reitervolk dazu, so rundet sich das Bild zum klassischen Land der Pferde. Diese Zeit ist endgültig vorbei.

Nach dieser kleinen Abschweifung möchte ich wieder zum Urthema zurückkehren.

Und dann kam der 7. November. An diesem Tag feiert Sowjetrußland alljährlich das Fest der Großen

Наоборот, можно найти людей, открыто признающих немыслимость возврата к прошлому и открыто исповедующих точку зрения, что новый режим представляет собой во многих отношениях заметный прогресс по сравнению со старым. Какие средства использует коммунизм для достижения этого прогресса? Разумеется, о прорыве речи не шло.

Москва кишит автомобилями, но за пределами города улицы пусты. Всегда становится ясно, насколько огромна потребность в механических средствах транспорта в этой большой стране. По всей вероятности, отечественное производство грузовых и легковых автомобилей вряд ли будет достаточным в обозримом будущем. Судя по всему, власти намерены подождать, а не заявлять о зарубежном производстве.

В «моё время» у каждого третьего взрослого жителя России была лошадь. — Это утверждение не кажется преувеличением, если учесть, что в одной только Москве было около тридцати пяти тысяч конных экипажей. Разведение и торговля русской лошадью, наряду со скачками, играли важную экономическую роль. Если добавить чудесную степь с борзыми и всадниками, то получится классическая конная страна. Это время наконец-то закончилось.

После этого небольшого отступления хотелось бы вернуться к исходной теме.

И вот наступило 7 ноября. В этот день ежегодно Советская Россия отмечает праздник Великой

of the Great October Revolution. The whole of Moscow was on its feet from early morning. From my room window at the Hotel National, I saw a red sea of flags of all sizes. Garrison troops marched to Red Square to parade before Stalin and his entourage. Cars whizzed back and forth. On Mokhovaya, a car raced into a crowd of people, then crashed into a wall and overturned. There were dead and injured. From the gruesome wreckage of the vehicle, the undamaged car radio was constantly playing happy dance music.

Today, I thought, the MWD agents probably have more important things to do than hang on my coattails. I quickly decided to approach the desk of an information center on Arbat Square and asked the girl to pay attention to me. I tried my best to remain as unbiased as possible.

“Surname and first name as well as day, month, year and place of birth?” came loud and clear from the depths of the kiosk.

I answered smoothly without stumbling. My information was stenographed. The girl put her pad and pencil aside and looked up: “You can come back in half an hour, Towarisch.” I stepped back and the man behind me took his turn.

The short waiting time didn’t want to go away. Bad thoughts stormed my mind: “You’re in Soviet Russia!” whispered a voice, “you are looking for a citizen of this country hermetically sealed from the environment! Is something like that permissible? Aren’t you putting your best friend in danger? If so,

Oktoberrevolution. Schon vom frühen Morgen an war ganz Moskau auf den Beinen. Von meinem Zimmerfenster im Hotel National aus sah ich ein rotes Meer von Flaggen jeder Größe. Garnisonstruppen marschierten zum Roten Platz, um dort vor Stalin und seinem Gefolge zu defilieren. Autos flitzten hin und her. In der Mochowaja raste ein Personenwagen in eine Menschenmenge hinein, prallte dann an eine Hauswand und überschlug sich. Es gab Tote und Verletzte. Aus den grausigen Trümmern des Fahrzeugs dudelte das unzerstörte Auto-Radio unentwegt fröhliche Tanzmusik.

Heute, dachte ich, haben die Agenten der MWD vermutlich Wichtigeres zu tun, als sich an meine Rockschöße zu hängen. Kurz entschlossen trat ich auf dem Arbat-Platz an den Schalter einer Auskunftsstelle heran und bat das Mädchen, mir ihre Aufmerksamkeit zu schenken. Ich gab mir Mühe, möglichst unbefangen zu bleiben.

«Name und Vorname sowie Tag, Monat, Jahr und Ort der Geburt?» kam es laut und deutlich aus der Tiefe des Kiosks.

Ich antwortete fließend, ohne anzustoßen. Meine Angaben wurden stenographiert. Das Mädchen legte Block und Bleistift zur Seite, hob den Blick: «In einer halben Stunde, Towarisch, können Sie wiederkommen.» Ich trat zurück, mein Hintermann kam an die Reihe.

Die an sich kurze Wartezeit wollte nicht vorbeigehen. Schlimme Gedanken stürmten auf mich ein: «Du bist in Sowjetrußland!» flüsterte eine Stimme, «suchst einen Bürger dieses von der Umwelt hermetisch abgeschlossenen Landes! Ist so etwas statthaft? Bringst du damit nicht deinen besten Freund in Gefahr? Wenn ja, warum tust du

Октябрьской революции. Вся Москва с раннего утра встала на ноги. Из окна моего номера в отеле «Националь» я увидел красное море флагов всех размеров. Войска гарнизона прошли маршем на Красную площадь, чтобы провести парад перед Сталиным и его окружением. Машины носились взад и вперед. На Мокховой автомобиль врезался в толпу людей, затем врезался в стену и перевернулся. Были убитые и раненые. Из-за ужасных обломков автомобиля неповрежденный автомобильный радиоприемник постоянно играл веселую танцевальную музыку.

Сегодня, подумал я, у агентов МВД, вероятно, есть дела поважнее, чем висеть на моем пальто. Я быстро решил подойти к стойке информационного центра на Арбатской площади и попросил девушку обратить на меня внимание. Я изо всех сил старался оставаться максимально беспристрастным.

«Фамилия и имя, а также день, месяц, год и место рождения?» донесся громко и отчетливо из глубины киоска.

Я ответил ровно, не запинаясь. Моя информация была стенографирована. Девушка отложила блокнот и карандаш и подняла глаза: «Ты можешь вернуться через полчаса, Товарищ». Я отступил назад, и мужчина позади меня занял свою очередь.

Короткое время ожидания не хотело уходить. Плохие мысли пронеслись в моей голове: «Ты в Советской России!» — прошептал голос, — вы ищете гражданина этой страны, герметично изолированного от окружающей среды! Допустимо ли что-то

why do you still do it? Is the will to see Maslenikov stronger than common sense? Hopefully the counter clerk didn't suspect that you're a foreigner!"

These and similar concerns arose in me. To combat the excitement, I walked up and down the surrounding streets, smoking one cigarette after the other, stopping in front of shop windows and looking at their displays without interest.

From time to time I looked at my watch. Finally the half hour had passed. I returned to the kiosk and the next moment I held the gray slip of paper with the pre-printed questions and handwritten answers in my hands. After reading its contents "photographically," I knew that Maslenikov was alive and lived not far from here.

Three days later I went to Maslenikov's apartment. It was late afternoon, the weather was cloudy and cold. I cannot imagine that anyone could approach a human habitation with more anticipation, with more love, than I did that

Original Page 163

November day. Now I was supposed to see my childhood friend, whom I said goodbye to in Zurich more than 29 years ago.

In front of me was the street where Maslenikov lived. It was long and dusty, and the icy north wind hit my face.

es dennoch? Ist der Wille, Maslenikow zu sehen, stärker als der nüchterne Menschenverstand? Hoffentlich hat die Schalterbeamtin keinen Verdacht geschöpft, daß du Ausländer bist!»

Solche und ähnliche Bedenken stiegen in mir auf. Um die Aufregung zu bekämpfen, ging ich kreuz und quer durch die umliegenden Straßen, rauchte eine Zigarette nach der andern, blieb vor Schaufenstern stehen, betrachtete interesselos deren Auslagen.

Von Zeit zu Zeit blickte ich auf die Armbanduhr. Endlich war die halbe Stunde verstrichen. Ich kehrte zum Kiosk zurück, hielt im nächsten Augenblick den grauen Papierzettel mit den vorgedruckten Fragen und handgeschriebenen Antworten in den Händen. Nachdem ich dessen Inhalt «photographisch» gelesen hatte, wußte ich, daß Maslenikow lebte und unweit von hier wohnte.

Drei Tage später schlug ich den Weg zu Maslenikows Wohnung ein. Es war am späten Nachmittag, das Wetter trüb und kalt. Ich kann mir nicht vorstellen, daß sich jemand mit mehr freudiger Erwartung, mit mehr Liebe einer menschlichen - 162

Behausung nähern könnte, als ich es an jenem Novembertag tat. Nun sollte ich meinen Jugendfreund sehen, von dem ich vor mehr als 29 Jahren in Zürich Abschied nahm.

Vor mir lag die Straße, in der Maslenikow wohnte. Sie war lang und staubig, eisiger Nordwind schlug mir ins Gesicht.

подобное? Разве ты не подвергаешь опасности своего лучшего друга? Если да, то почему вы до сих пор это делаете? Желание увидеть Масленикова сильнее здравого смысла? Надеюсь, кассир не заподозрил, что вы иностранец!»

Эти и подобные им опасения возникли у меня. Чтобы побороть волнение, я ходил взад и вперед по окрестным улицам, куря одну сигарету за другой, останавливаясь перед витринами магазинов и без интереса разглядывая их витрины.

Время от времени я смотрел на часы. Наконец прошло полчаса. Я вернулся к киоску и в следующий момент уже держал в руках серый листок бумаги с заранее напечатанными вопросами и рукописными ответами. Прочитав его содержание «фотографически», я понял, что Маслеников жив и живет недалеко отсюда.

Через три дня я пошел на квартиру Масленикова. Был уже вечер, погода была пасмурная и холодная. Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь мог подойти к человеческому жилищу с большим нетерпением, с большей любовью, - 162

чем я в тот ноябрьский день. Теперь я должен был увидеться со своим другом детства, с которым попрощался в Цюрихе более 29 лет назад.

Передо мной была улица, где жил Маслеников. Это было долго и пыльно, и ледяной северный ветер ударил мне в лицо.

As dusk began to appear, a large, gray stone building appeared. Here the street number had to be X. Right, there it was. I pressed the doorknob and entered the dark hallway, which smelled of sauerkraut and dampness. Then I climbed four flights of stairs and stood in front of apartment number, breathing heavily. X (in Soviet Russia, not only the houses on a street have consecutive numbers, but also the individual apartments).

In poor lighting I read the address on an enamel sign:

Dr. med. W.P. Maslenikov
Specialist in internal medicine
Consultation hours by arrangement.

After recovering from climbing the stairs, I pressed the electric button. The bell rang inside. Silence. I rang the bell again. Shuffling steps approached, the door opened, and a woman with a kind look and snow-white hair appeared on the threshold.

“They wish?” asked the woman.

«I would like to speak to Dr. Maslenikov.”

“My husband works in the hospital every day, then makes the rounds of his patients and starts his private ordination hours at five in the evening. I expect him any moment. Do you want to wait for him to come?”

In der beginnenden Abenddämmerung tauchte ein großer, grauer Steinbau auf. Hier mußte die Straßennummer X sein. Richtig, da war sie schon. Ich drückte auf die Türklinke und betrat den dunklen Hausgang, in dem es nach Sauerkohl und Feuchtigkeit roch. Dann stieg ich vier Treppen hoch, stand schwer atmend vor der Wohnung No. X (in Sowjetrußland tragen nicht nur die Häuser einer Straße fortlaufende Nummern, sondern auch die einzelnen Wohnungen).

Bei schlechter Beleuchtung las ich auf einem Emailschild die Anschrift:
Dr. med. W. P. Maslenikow
Spezialarzt für innere Medizin
Sprechstunden nach Uebereinkunft.

Nachdem ich mich vom Treppensteigen erholt hatte, drückte ich auf den elektrischen Knopf. Drinnen schrillte die Klingel. Stille. Ich betätigte abermals die Klingel. Schlurfende Schritte näherten sich, die Tür wurde geöffnet, auf der Schwelle erschien eine Frau mit gütigem Blick und schlöhweißem Haar.

«Sie wünschen?» fragte die Frau.

«Ich möchte Dr. Maslenikow sprechen.»

«Mein Mann arbeitet jeden Tag im Spital, macht dann die Runde bei seinen Patienten und beginnt ab fünf Uhr abends mit der privaten Ordinationsstunde. Ich erwarte ihn jeden Augenblick. Wollen Sie auf sein Kommen warten?»

Когда начали сгущаться сумерки, появилось большое серое каменное здание. Здесь номер улицы должен был быть X. Да, вот она. Я нажала дверную ручку и вошла в темный коридор, где пахло квашеной капустой и сыростью. Затем я поднялся на четыре лестничных пролета и остановился перед номером квартиры, тяжело дыша. X (в Советской России последовательные номера имели не только дома на улице, но и отдельные квартиры).

При плохом освещении я прочитал адрес на табличке эмаль почты:

Доктор мед. Маслеников В.П.
Специалист по внутренней медицине
Время консультаций по договоренности.

Оправившись от подъема по лестнице, я нажал электрическую кнопку. Внутри раздался звонок. Тишина. Я снова позвонил в колокольчик. Шаркающие шаги приблизились, дверь открылась, и на пороге появилась женщина с добрым взглядом и белоснежными волосами.

«Они желают?» спросила женщина.

«Мне бы хотелось, чтобы Доктор. Маслеников говорит».

«Мой муж каждый день работает в больнице, затем обходит своих пациентов и в пять часов вечера начинает свое личное рукоположение. Я жду его в любой момент. Ты хочешь подождать, пока он придет?»

I went in and took off my hat and coat. Ms. Maslenikov opened the door to the waiting room: "Who can I report? Have you announced your visit?"

«Danilov, Vladimir Davidovich Danilov is my name. I'm coming unannounced and will wait until the end, as far as I'm concerned, because the consultation will probably take a long time.»

The door closed behind me. I looked around. Two men were waiting for the doctor, one in an officer's uniform, the other in civilian clothes. The room's furnishings were modest: a few chairs with wicker seats, an oval table with old magazines, on the walls cheap color prints of

Original Page 164
summer landscapes and the inevitable picture of Stalin. Through the small window I saw the vast sea of houses in Moscow.

It was freezing cold in the room. The tiny stove in the corner couldn't provide enough heat. I sat quietly in the corner, trying to organize my thoughts and prepare myself for the imminent meeting with Maslenikov.

So this is how Maslenikov lives and practices, who also counted the world-famous surgeon Sauerbruch among his teachers!

A key rattled in the lock of the apartment door. Then came the sound of footsteps. I heard voices. Ms. Maslenikov's voice and that of a man.

Ich trat ein, legte Hut und Mantel ab. Frau Maslenikow öffnete die Türe zum Wartezimmer: «Wen darf ich melden? Haben Sie Ihren Besuch angesagt?»

«Danilow, Wladimir Dawidowitsch Danilow ist mein Name. Ich komme unangemeldet und werde warten, meinetwegen bis zuletzt, denn die Konsultation dürfte längere Zeit in Anspruch nehmen.»

Die Türe schloß sich hinter mir. Ich sah mich um. Zwei Männer warteten auf den Arzt, einer in der Uniform eines Offiziers, der andere in Zivil. Das Inventar des Zimmers war bescheiden: ein paar Stühle mit geflochtenen Sitzen, ein ovaler Tisch mit alten Zeitschriften, an den Wänden billige - 163

Farbdrucke von Sommerlandschaften und das unvermeidliche Bild Stalins. Durch das kleine Fenster sah ich das weite Häusermeer von Moskau.

Es war eiskalt im Zimmer. Der winzige Ofen in der Ecke vermochte nicht genügend Wärme zu spenden. Ich saß still in der Ecke, versuchte meine Gedanken zu ordnen, mich auf die kurz bevorstehende Begegnung mit Maslenikow vorzubereiten.

So also lebt und praktiziert Maslenikow, der auch den weltberühmten Chirurgen Sauerbruch zu seinen Lehrern zählen durfte!

Ein Schlüssel drehte sich rasselnd im Schloß der Wohnungstüre. Dann folgte das Geräusch von Schritten. Ich hörte Stimmen. Frau Maslenikows Stimme und die eines Mannes.

Я вошел и снял шляпу и пальто. Г-жа Масленикова открыла дверь в приемную: «На кого я могу пожаловаться? Вы объявили о своем визите?»

«Данилов, меня зовут Владимир Давидович Данилов. Я приеду без предупреждения и, насколько мне известно, буду ждать до конца, потому что консультация, вероятно, займет много времени».

Дверь за мной закрылась. Я осмотрелся. Врача ждали двое мужчин: один в офицерской форме, другой в штатском. Обстановка комнаты была скромной: несколько стульев с плетеными сиденьями, овальный стол со старыми журналами, на стенах дешевые цветные репродукции - 163

летних пейзажей и неизбежный портрет Сталина. Через маленькое окошко я увидел огромное море домов Москвы.

В комнате было очень холодно. Крошечная печка в углу не могла обеспечить достаточно тепла. Я тихо сидел в углу, пытаясь привести в порядок свои мысли и подготовиться к скорой встрече с Маслениковым.

Так вот как живет и практикует Маслеников, который также числил среди своих учителей всемирно известного хирурга Зауэрбруха!

В замке двери квартиры звякнул ключ. Затем послышались шаги. Я услышал голоса. Голос госпожи Маслениковой и мужской.

After a quarter of an hour the door to the waiting room opened. A tall, stocky man in a white doctor's coat, with a clean-shaven face and thick, heavily graying hair, stood in front of me. Through the thick glass of his dark brown horn-rimmed glasses he examined his patients one by one, like a company commander would examine his soldiers.

“Towarish Captain!” said Maslenikov and looked questioningly at the officer. «Your name is at the top of my visitor list. Follow me, please!»

The two men walked out of the room, their Yuchten leather boots creaking.

Two more people came, a man and a woman, who wanted to consult the doctor. I gave them the right of way. I preferred to wait so that I could be alone with Maslenikov for a longer period of time.

Finally it was my turn. Maslenikov and I sat opposite each other in a room measuring around 3 by 4 meters. He behind a massive desk, I on a comfortable armchair. Next to the desk there was a glass cabinet with many shiny chrome instruments.

Maslenikov picked up the ordination booklet and the fountain pen with careful hand movements. While he was doing this, he kept looking at me with his piercing, blinking eyes, with what seemed to me to be a somewhat condescending, dignified expression.

Nach einer Viertelstunde ging die Türe zum Wartezimmer auf. Ein hochgewachsener, untermalter Mann in weißem Aerztemantel, mit glattrasiertem Gesicht und dichtem, stark ergrautem Haupthaar, stand vor mir. Durch das dicke Glas seiner dunkelbraunen Hornbrille musterte er seine Patienten der Reihe nach, wie ein Kompagniechef seine Soldaten.

«Towarisch Kapitan!» sagte Maslenikow und blickte den Offizier fragend an. «Auf meiner Besucherliste steht Ihr Name zuoberst. Folgen Sie mir, bitte!»

Die beiden Männer gingen aus dem Zimmer, ihre Stiefel aus Juchtenleder knarrten.

Es kamen noch zwei Personen, ein Mann und eine Frau, die den Arzt konsultieren wollten. Ich gab ihnen den Vortritt. Ich zog es vor, zu warten, um dann mit Maslenikow längere Zeit allein sein zu können.

Endlich kam auch ich an die Reihe. Maslenikow und ich saßen uns gegenüber, in einem Raum von rund 3 auf 4 Meter. Er hinter einem mächtigen Schreibtisch, ich auf einem bequemen Sessel. Neben dem Schreibtisch stand ein Glasschrank mit vielen chromglänzenden Instrumenten.

Maslenikow nahm mit bedächtigen Handbewegungen das Ordinationsheft und den Füllfederhalter zur Hand. Bei dieser Beschäftigung schaute er mich aus seinen durchdringenden, blinzelnden Augen immerfort an, mit einem etwas — wie es mir scheinen wollte — herablassend würdevollen Ausdruck.

Через четверть часа дверь в приемную открылась. Передо мной стоял высокий, коренастый мужчина в белом врачебном халате, с чисто выбритым лицом и густыми, сильно седеющими волосами. Сквозь толстое стекло своих темно-коричневых очков в роговой оправе он осматривал своих пациентов одного за другим, как командир роты осматривает своих солдат.

«Товарищ капитан!» — сказал Масленников и вопросительно посмотрел на офицера. «Ваше имя находится вверху моего списка посетителей. Прошу за мной!»

Двое мужчин вышли из комнаты, скрипя юхтенскими кожаными ботинками.

Пришли еще два человека, мужчина и женщина, которые хотели проконсультироваться с врачом. Я дал им право проезда. Я предпочел подождать, чтобы подольше побывать наедине с Маслениковым.

Наконец настала моя очередь. Мы с Маслениковым сидели друг против друга в комнате размером примерно 3 на 4 метра. Он за массивным столом, я в удобном кресле. Рядом со столом стоял стеклянный шкаф со множеством блестящих хромированных инструментов.

Маслеников осторожными движениями рук взял рукоположенную книжку и авторучку. Делая это, он все время смотрел на меня своими пронзительными, моргающими глазами, с каким-то, как мне казалось, несколько снисходительным, величавым выражением.

How strange, I thought, that he still didn't recognize me. Have I changed that much? However, twenty-nine years is a very long time. If it were the other way around, I might not have recognized my childhood friend anymore.

Original Page 165

Everything about him used to be narrow, even his face. Today his facial features are very blurred, as is the case with many people as they get older. His voice is also different, much deeper. We'll see later if he's forgotten his old grin. I thought something similar while Maslenikov was busy with his preparations. Now it was time. He opened his mouth:

“So Vladimir Davidovich Danilov!”

“Yes indeed”.

“Now I would like to add your personal details. When and where were you born?”

I replied that I was born then and then in Pichenisheno, Smolensk Governorate.

“Profession?”

“Official.”

“Address?”

“Hotel National.”

Maslenikov paused, raised his eyes, gave me a sharp look, and then calmly continued writing.

Wie seltsam, dachte ich, daß er mich noch immer nicht erkannt hat. Habe ich mich so stark verändert? Neunundzwanzig Jahre sind allerdings eine sehr lange Zeit. Im umgekehrten - 164

Verhältnis hätte auch ich vielleicht meinen Jugendfreund nicht mehr erkannt. Früher war alles schmal an ihm, sogar das Gesicht. Heute sind seine Gesichtszüge schon stark verschwommen, wie dies im vorgerückten Alter bei vielen Menschen der Fall ist. Auch seine Stimme ist anders, viel tiefer geworden. Wir wollen später sehen, ob er sein altes Grinsen verlernt hat. So und ähnlich dachte ich, solange Maslenikow mit seinen Vorbereitungen beschäftigt war. Jetzt war es soweit. Er öffnete den Mund:

«Also Wladimir Dawidowitsch Danilow!»

«Jawohl».

«Jetzt möchte ich noch Ihre Personalien ergänzen. Wann und wo sind Sie geboren?»

Ich antwortete, daß ich dann und dann in Pitschenischeno, Gouvernement Smolensk, geboren sei.

«Beruf?»

«Beamter.»

«Adresse?»

«Hotel National.»

Maslenikow stutzte, hob den Blick, musterte mich scharf und schrieb dann gelassen weiter.

Как странно, подумал я, что он до сих пор меня не узнал. Неужели я так сильно изменился? Однако двадцать девять лет – это очень большой срок. Если бы все было наоборот, я бы, возможно, больше - 164

не узнал своего друга детства. Раньше все в нем было узким, даже лицо, сегодня черты его лица очень размыты, как это бывает у многих людей в старости. Голос у него тоже другой, гораздо глубже. Посмотрим позже, забыл ли он свою прежнюю ухмылку. О чем-то подобном я думал, пока Маслеников занимался приготовлениями. Теперь пришло время. Он открыл рот:

«Так Владимир Давидович Данилов!»

«Да, в самом деле».

«Теперь я хотел бы добавить ваши личные данные. Когда и где вы родились?»

Я ответил, что родился тогда и тогда в Пиченишено Смоленской губернии.

«Профессия?»

«Официальный».

«Адрес?»

«Отель Националь».

Маслеников помолчал, поднял глаза, пристально посмотрел на меня и спокойно продолжил писать.

When the paperwork was finished, the doctor leaned back in the chair, ran his hand through his long, thick hair and asked affably: "And what brings you to me?"

"I have come," I began in Swiss German, "to see you, to bring you greetings from Switzerland, which was once your adopted home."

Maslenikov raised his eyebrows, his eyes widened. He slowly got up from the seat, came out from behind the desk and stood with his legs spread apart in front of me. His sand-colored eyes looked into mine. It was an open, honest look.

"So Danilov right" Maslenikov gave my real surname. Then his face broke into that wide grin that was so familiar to me from my youth. We greeted each other in Russian custom.

Maslenikov hurried to introduce me to his partner. She served the samovar with baked goods and left us alone, knowing that we had a lot to tell each other, so many real-life memories to refresh!

That evening, or rather that night, we drank a lot of tea and smoked a lot of the strongest cigarettes.

Original Page 166

I explained in broad strokes what had happened in my life since 1917 and under what circumstances my journey to Moscow took place.

Als die Schreibarbeit beendet war, lehnte sich der Arzt im Sessel zurück, fuhr sich durch das lange, dichte Haar und fragte leutselig: «Und was führt Sie zu mir?»

«Ich bin gekommen», begann ich auf schweizerdeutsch, «um dich zu sehen, dir die Grüße der Schweiz zu überbringen, die einst deine Wahlheimat war.»

Maslenikow zog die Brauen hoch, seine Augen weiteten sich. Langsam erhob er sich vom Sitz, kam hinter dem Schreibtisch hervor und blieb spreizbeinig vor mir stehen. Seine sandfarbenen Augen schauten in die meinen. Es war ein offener, ehrlicher Blick.

«Also Danilow recte» Maslenikow nannte meinen richtigen Familiennamen. Dann verzog sich sein Gesicht zu jenem breiten Grinsen, das mir von der Jugendzeit her so vertraut war. Wir begrüßten uns nach russischer Sitte.

Maslenikow beeilte sich, mir seine Lebensgefährtin vorzustellen. Sie trug den Samowar mit Backwerk auf und ließ uns allein, wohlwissend, daß wir uns manches zu erzählen hatten, soviele lebensnahe Erinnerungen aufzufrischen!

An diesem Abend, oder besser gesagt in dieser Nacht tranken wir viel Tee, rauchten eine Menge Zigaretten stärkster Sorte. - 165

In großen Zügen legte ich dar, was sich seit 1917 in meinem Dasein ereignet hatte, unter welchen Umständen meine Reise nach Moskau erfolgte.

Когда оформление документов было закончено, доктор откинулся на спинку стула, провел рукой по своим длинным густым волосам и приветливо спросил: «А что привело вас ко мне?»

«Я пришел, — начал я на швейцарском немецком языке, — чтобы увидеть вас, передать вам привет из Швейцарии, которая когда-то была вашим приемным домом».

Маслеников поднял брови, глаза его расширились. Он медленно поднялся со стула, вышел из-за стола и встал, раздвинув ноги, передо мной. Его глаза песочного цвета посмотрели на меня. Это был открытый, честный взгляд.

«Так Данилов прямой», — Маслеников назвал мою настоящую фамилию. Затем на его лице появилась та широкая улыбка, которая была так знакома мне с юности. Мы поприветствовали друг друга по-русски.

Маслеников поспешил познакомить меня со своим партнером. Она подала самовар с выпечкой и оставила нас одних, зная, что нам есть что рассказать друг другу, столько реальных воспоминаний, которые нужно освежить!

В тот вечер, а точнее в ту ночь, мы пили много чая и выкуривали много самых крепких сигарет. - 165

Я в общих чертах объяснил, что произошло в моей жизни с 1917 года и при каких обстоятельствах произошла моя поездка в Москву.

Maslenikov had a lot to say, because his life was more than just varied. And, as was his custom, he didn't mince his words. We want to let him have his say:

«When I returned to Russia in April 1917, I immediately received a position as an assistant in a large hospital in Petrograd. After a quarter of a year, I took a vacation to visit my home village, Dubrovka. It suddenly became clear to me: this was my field of work, this was where the big task that I had dreamed of as a student awaited me. I quickly decided to quit my position in the capital, resigned from the position of second secretary to Lenin and moved to the countryside in order to build a new existence in completely different and unfamiliar circumstances. For me it wasn't just about my existence, but about that of a people. I opened a practice in the middle of Dubrovka. It was tireless planning and organizing in order to always be a helper and savior to those suffering in this remote area at the right time. When I studied the situation more closely, I was surprised to find that there was no health service at all in this huge area. The social effects of the reforms that began at that time were initially limited to the cities. I laboriously scraped together the necessary money, had a hospital built and employed a young doctor as an assistant doctor. Sewerski helped me out with a few thousand dollar bills. That was before October 1917.

“And now a hard life began for me. The countryside here in Russia is impassable, and the journey to the patient's bed is an uncomfortable

Maslenikow wußte sehr viel zu sagen, denn sein Leben war mehr als nur abwechslungsreich. Und er nahm — seiner Gewohnheit entsprechend — kein Blatt vor den Mund. Wir wollen ihn zu Worte kommen lassen:

«Als ich im April 1917 nach Rußland zurückkehrte, erhielt ich sofort eine Assistentenstelle in einem großen Krankenhaus in Petrograd. Nach einem Vierteljahr nahm ich Urlaub, um mein Heimatdorf, Dubrowka, zu besuchen. Auf einmal wurde es mir klar: Hier war mein Arbeitsfeld, hier wartete meiner die große Aufgabe, von der ich schon als Student träumte. Kurz entschlossen kündete ich meine Stellung in der Hauptstadt, legte das Amt eines zweiten Sekretärs bei Lenin nieder und siedelte auf das Land über, um in gänzlich veränderten und ungewohnten Verhältnissen eine neue Existenz aufzubauen. Dabei ging es mir eigentlich nicht nur um meine Existenz, sondern um diejenige eines Volkes. Mitten in Dubrowka eröffnete ich eine Praxis. Es war ein unermüdliches Planen und Organisieren, um in dieser abgelegenen Gegend immer zur rechten Zeit Helfer und Retter der Leidenden zu sein. Beim näheren Studium der Verhältnisse stellte ich verwundert fest, daß in diesem riesigen Gebiet überhaupt kein Gesundheitsdienst bestand. Die sozialen Auswirkungen der damals beginnenden Reformen blieben vorläufig auf die Städte beschränkt. Ich kratzte mühsam das erforderliche Geld zusammen, ließ ein Krankenhaus bauen und einen jungen Mediziner als Hilfsarzt beschäftigen. Sewerski half mir mit ein paar Tausendernoten aus. Das war noch vor Oktober 1917.

Und nun begann für mich ein hartes Leben. Unwegsam ist die Provinz bei uns in Rußland, die Fahrt an das Lager des Kranken eine unbequeme und zeitraubende An-

Масленикову было что сказать, ведь жизнь его была не просто разнообразна. И, как обычно, не стал смягчать слова. Мы хотим дать ему возможность высказать свое мнение:

«Когда я вернулся в Россию в апреле 1917 года, я сразу получил должность ассистента в большой больнице в Петрограде. Через четверть года я взял отпуск, чтобы посетить родное село Дубровку. Мне вдруг стало ясно: это моя сфера деятельности, именно здесь меня ждет большая задача, о которой я мечтал будучи студентом. Я быстро решил оставить свою столичную должность, ушел с должности второго секретаря Ленина и переехал в деревню, чтобы построить новое существование в совершенно других и незнакомых обстоятельствах. Для меня речь шла не только о моем существовании, но и о существовании народа. Я открыл практику в центре Дубровки. Это было неутомимое планирование и организация, чтобы в нужный момент всегда быть помощником и спасителем для тех, кто страдает в этом отдаленном районе. Когда я изучил ситуацию более внимательно, я был удивлен, обнаружив, что на этой огромной территории вообще нет никакой медицинской помощи. Социальные эффекты начавшихся тогда реформ первоначально ограничивались городами. Я с трудом собрал необходимые деньги, построил больницу и нанял молодого врача в качестве помощника врача. Северски помог мне с купюрами в несколько тысяч долларов. Это было до октября 1917 года.

И вот для меня началась тяжелая жизнь. Сельская местность здесь, в России, непроходима, а дорога к постели больного — дело неудобное и отнимающее

and time-consuming affair. From November, sometimes as early as October to April, there is a harsh winter. So I was often on the road for days, in the summer I got into the carriage and in the winter the horse-drawn sleigh. But the satisfaction I received was great. You know that I have always been plagued by a thirst for knowledge. I could now breastfeed it. Nature is beautiful here; I didn't pass her carelessly. And then my patients! Everywhere I went into a hut I met grateful, hopeful faces.

Original Page 167

This fueled my zeal. If a rider jumped off his foam-covered horse in front of my house and asked me for help, I would drop everything and rush to where I was asked. In urgent cases I had to operate myself, on the spot. The time factor sometimes plays a major role in life and death.

"So the years passed. At work I almost forgot about politics, which I had been very interested in when I was younger. I have been a fighter for freedom, equality and justice throughout my life. But then the tsar was chased away, he was liquidated, everything now seemed to be in perfect order. I was probably still in touch with some of the top politicians, but when Lenin died, I distanced myself more and more from everything that was causally connected with politics. What do I know, maybe I didn't enjoy the favor of his successors because I can't submit to any dogma. And I didn't want to just be the executive organ of the party's will.

"I turned entirely to science. With the help of a publisher, I published articles in medical journals,

gelegenheit. Von November, manchmal schon ab Oktober bis zum April herrscht strenger Winter. So war ich oftmals tagelang unterwegs, im Sommer bestieg ich die Kutsche, im Winter den Pferdeschlitten. Aber die Genugtuung, die mir dabei zuteil wurde, war groß. Du weißt, daß ich immer von einem Wissensdurst geplagt wurde. Den konnte ich nun stillen. Die Natur ist bei uns schön; ich ging an ihr nicht achtlos vorbei. Und dann erst meine Patienten! Ueberall, wo ich in eine Hütte kam, begegnete ich dankbaren, hoffnungsvollen Gesichtern. - 166

Das feuerte meinen Eifer an. Wenn ein Reiter vor meinem Haus vom schaumbedeckten Pferd sprang und mich um Hilfe bat, ließ ich alles liegen und eilte dorthin, wo man mich verlangte. In dringenden Fällen mußte ich selbst operieren, und zwar an Ort und Stelle. Der Faktor Zeit spielt manchesmal über Leben und Tod eine große Rolle.

So vergingen die Jahre. Bei der Arbeit vergaß ich beinahe die Politik, mit der ich mich in jungen Jahren stark beschäftigt hatte. Ich war Zeit meines Lebens ein Kämpfer für die Freiheit, Gleichheit und Gerechtigkeit. Aber dann hatte man ja den Zaren verjagt, ihn liquidiert, alles schien nun in bester Ordnung zu sein. Mit einigen Politikern der ersten Garnitur stand ich wohl noch in Verbindung, doch als Lenin starb, distanzierte ich mich immer mehr von all dem, was mit der Politik kausal zusammenhing. Was weiß ich, vielleicht genoß ich auch nicht die Gunst seiner Nachfolger aus dem Grunde, weil ich mich keinem Dogma unterwerfen kann. Und lediglich ausführendes Organ des Parteiwillens wollte ich nicht sein.

Ich wandte mich ganz der Wissenschaft zu. Mit Hilfe eines Verlegers publizierte ich Aufsätze in medizinischen Fachschriften, später sogar Broschüren, nicht etwa

много времени. С ноября, а иногда и с октября по апрель, стоит суровая зима. Так что я часто сутками находился в дороге, летом садился в карету, а зимой в сани, запряженные лошадьми. Но удовлетворение, которое я получил, было огромным. Вы знаете, что меня всегда мучила жажда знаний. Теперь я могла кормить его грудью. Природа здесь прекрасна; Я не прошел мимо нее небрежно. А потом мои пациенты! Куда бы я ни зашел в хижину, я встречал благодарные, полные надежды лица. - 166

Это подогрело мое рвение. Если бы перед моим домом спрыгнул со своей покрытой пеной лошадью всадник и попросил меня о помощи, я бы бросил все и помчался туда, куда меня попросили. В экстренных случаях мне приходилось оперировать самому, на месте. Фактор времени иногда играет важную роль в жизни и смерти.

Так прошли годы. На работе я почти забыл о политике, которой очень интересовался в молодости. Я всю свою жизнь был борцом за свободу, равенство и справедливость. Но потом царя прогнали, его ликвидировали, все теперьказалось в полном порядке. Я, наверное, еще общался с некоторыми крупными политиками, но когда умер Ленин, я все больше дистанцировался от всего, что было причинно связано с политикой. Откуда мне знать, может быть, я не пользовался благосклонностью его преемников потому, что не могу подчиняться никаким доктам. И я не хотел быть просто исполнительным органом воли партии.

Я полностью обратился к науке. С помощью издателя я публиковал статьи в медицинских журналах, а

and later even brochures, not out of ambition or to aim for a professorship, but so that my free time would not be wasted. My doctoral thesis on an area of experimental psychology had received the full approval of a professor in Zurich, but I felt at the time that I could not base my life's work on it. I then found my fixed goal in life to become a country doctor so that as such I could directly help the common people.

"Meanwhile, my scientific publications attracted the attention of medical authorities. Even then, great work was being done by leading Russian scientists. The research was closely related to the problem of longevity, which had been studied in particular detail. I was called to work in Moscow. I placed the management of the hospital in Dubrovka in the hands of my assistant doctor and left. But research work alone could not satisfy me. Helping sick humanity directly remained my passion and passion."

Original Page 168

Maslenikov went into the kitchen, filled the samovar with fresh water, added live coals and came back.

"And what else is new in Dubrovka?" I asked the question.

"You probably knew that Nilka was a good farmer, right?"

"Yes and?"

aus Ehrgeiz oder um eine Professur anzustreben, sondern damit meine Freizeit nicht nutzlos verstrich. Meine Doktorarbeit über ein Gebiet der experimentellen Psychologie hatte in Zürich die volle Zustimmung eines Professors gefunden, doch fühlte ich damals, daß ich darauf nicht meine Lebensarbeit aufbauen konnte. Das feste Lebensziel fand ich dann darin, Landarzt zu werden, um als solcher unmittelbar dem einfachen Volke helfen zu können.

Meine wissenschaftlichen Veröffentlichungen lenkten indessen die Aufmerksamkeit medizinischer Kapazitäten auf mich. Schon damals wurde von führenden russischen Wissenschaftern große Arbeit geleistet. Die Forschungsarbeit stand im engen Zusammenhang mit dem Problem der Langlebigkeit, das besonders eingehend studiert worden war. Man berief mich zur Mitarbeit nach Moskau. Ich legte die Leitung des Krankenhauses in Dubrovka in die Hände meines Hilfsarztes und reiste ab. Aber die Forschertätigkeit allein vermochte mich nicht zu befriedigen. Der kranken Menschheit unmittelbar zu helfen, blieb auch weiter meine Neigungsund Herzenssache.» - 167

Maslenikow begab sich in die Küche, goß den Samowar mit frischem Wasser voll, legte glühende Kohlen nach und kam wieder zurück.

«Und was gibt's sonst Neues in Dubrovka?» stellte ich die Zwischenfrage.

«Es dürfte dir bekannt gewesen sein, daß Nilka ein tüchtiger Landwirt war, nicht wahr?»

«Ja, und?»

позже даже брошюры, не из-за амбиций или стремления к профессорской должности, а для того, чтобы мое свободное время не тратилось зря. Моя докторская диссертация в области экспериментальной психологии получила полное одобрение профессора в Цюрихе, но в то время я чувствовал, что не могу основывать на ней работу всей своей жизни. Затем я нашел свою фиксированную цель в жизни — стать сельским врачом, чтобы как таковой я мог напрямую помогать простым людям.

Между тем мои научные публикации привлекли внимание медицинских авторитетов. Уже тогда большая работа была проделана ведущими российскими учёными. Исследование было тесно связано с проблемой долголетия, которая изучалась особенно подробно. Меня позвали на работу в Москву. Я передал управление больницей на Дубровке в руки своего помощника врача и уехал. Но одна исследовательская работа не могла меня удовлетворить. Непосредственная помощь больному человечеству осталась моей страстью и страстью». - 167

Масленников пошел на кухню, наполнил самовар свежей водой, добавил горящих углей и вернулся.

«А что еще нового на Дубровке?» Я задал вопрос.

«Ты, наверное, знал, что Нилка была хорошим фермером, да?»

«Да и?»

"This quality was his downfall. As a kulak he no longer had a place in Dubrovka. His property was nationalized. When the police came to the house to arrest Nilka, the audacity of the former hunter and good marksman was awakened. He felled the henchmen with well-aimed shots and then chose suicide. Tanja, Nilka's wife, still lives in Dubrovka with their four children, who are always close to their mother."

"What happened to Seversky?"

«The farmers tied young Seversky, my banker, who made it possible for me to build a hospital, to the branch of an old linden tree in the park. The manor house was first carefully robbed and then burned down. That happened at the beginning of November 1917.»

"Can you tell me something about Bondarenko?"

«Bondarenko has had a brilliant career. He is the chairman of the communist party in Kaluga and at the same time the commander of the local MVD troops. How strange, this man who fought against the police all his life is now the police chief himself!"

"Is the dairy still in operation?"

"Yes, it is still in operation and is run by one of your father's former workers, named Tikhon."

«According to newspaper reports, Kaluga was almost razed to the ground during the fighting in 1941/1942. Is that correct?"

«Diese Eigenschaft wurde ihm zum Verhängnis. Als Kulake hatte er in Dubrowka keinen Platz mehr. Sein Besitz fiel der Verstaatlichung anheim. Als die Polizei ins Haus kam, um Nilka zu verhaften, erwachte die Verwegenheit des ehemaligen Jägers und guten Schützen. Mit wohlgezielten Schüssen streckte er die Scherben nieder und wählte dann den Freitod. Tanja, Nilkas Frau, lebt noch in Dubrovka zusammen mit den vier Kindern, die unentwegt zur Mutter halten.»

«Was ist aus Sewerski geworden?»

«Den jungen Sewerski, meinen Bankier, der mir den Bau eines Krankenhauses ermöglichte, knüpften die Bauern am Ast einer alten Linde im Park auf. Das Herrenhaus wurde zuerst gewissenhaft ausgeraubt, hierauf niedergebrannt. Das geschah anfangs November 1917.»

«Kannst du mir von Bondarenko etwas berichten?»

«Bondarenko hat eine glänzende Karriere gemacht. Er ist Vorsitzender der kommunistischen Partei in Kaluga und zugleich Kommandant der lokalen MWD-Truppen. Wie seltsam, dieser Mann, der sein ganzes Leben lang gegen die Polizei kämpfte, ist jetzt selber Polizeichef!»

«Ist die Molkerei noch im Betrieb?»

«Ja, sie ist noch im Betrieb und wird von einem früheren Arbeiter deines Vaters, namens Tichon, geleitet.»

«Zeitungsberichten zufolge soll Kaluga während den Kämpfen in den Jahren 1941/1942 beinahe dem Erdboden gleichgemacht worden sein. Stimmt das?»

«Это качество стало его падением. Как кулаку ему уже не было места на Дубровке. Его имущество было национализировано. Когда в дом пришла полиция, чтобы арестовать Нильку, в бывшем охотнике и метком стрелке проснулась дерзость. Он сразил приспешников меткими выстрелами, а затем решил покончить жизнь самоубийством. Таня, жена Нилки, до сих пор живет в Дубровке с четырьмя детьми, которые всегда рядом с матерью.»

«Что случилось с Северским?»

«Колхозники привязали молодого Северского, моего банкира, который помог мне построить больницу, к ветке старой липы в парке. Усадебный дом сначала тщательно ограбили, а затем сожгли. Это произошло в начале ноября 1917 года.»

«Можете ли вы рассказать мне что-нибудь о Бондаренко?»

«Бондаренко сделал блестящую карьеру. Он является председателем компартии Калуги и одновременно командующим местными войсками МВД. Как странно, этот человек, который всю свою жизнь боролся с полицией, теперь сам стал начальником полиции!»

«Молокозавод еще работает?»

«Да, оно до сих пор работает, и им руководит один из бывших работников вашего отца, по имени Тихон.»

«По сообщениям газет, Калуга была практически сровнена с землей во время боев 1941/1942 года. Верно?»

"Unfortunately, this is largely true. When I drove to Dubrovka shortly after the war, I passed Kaluga. The city changed hands a few times as we went back and forth. Sometimes the Russians were on the attack and the Germans were on the defense, sometimes it was the other way around. It is obvious that the city suffered great damage. Especially down on the banks of the Oka, where the promenade paths were lined with beautiful villas, no stone was left unturned. There are mountains of rubble and ash there."

Original Page 169

Maslenikov turned to the padded double doors, opened the first and silently pushed the bolt. Then he said in a subdued voice: "If thirst for knowledge is something divine, curiosity is its earthly sister. Now I would also like to ask you something. I am interested in finding out firsthand whether it is true that Western countries are misinformed, or rather poorly informed, about Russia. We are told that our conditions are discussed lively abroad, but apparently not always objectively. In 90 percent of cases the reports are inaccurate. You are Swiss, but you also know Russia pretty well from your own experience. Give me an open and honest answer to my question."

"Certainly, that may be partly true," I replied, "that many things are misunderstood due to ignorance of Russian conditions. But how is the West supposed to learn about a country that lives in seclusion? Very little news flows westward via official channels. There is no choice but to extract background information from all Russian

«Leider trifft dies weitgehend zu. Als ich kurz nach dem Kriege im Auto nach Dubrowka fuhr, streifte ich Kaluga. Die Stadt wechselte beim Hin und Her ein paarmal den Besitzer. Bald waren die Russen im Angriff und die Deutschen in der Verteidigung, bald war es umgekehrt der Fall. Daß die Stadt dabei großen Schaden litt, liegt auf der Hand. Besonders unten an den Ufern der Oka, wo die Promenadenwege von schönen Villen umsäumt waren, blieb kein Stein auf dem andern. Dort liegen Berge von Schutt und Asche.» - 168

Maslenikow wandte sich nach der gepolsterten Doppeltüre, öffnete die erste und schob lautlos den Riegel vor. Dann sagte er mit gedämpfter Stimme: «Wenn Wissensdurst etwas Göttliches ist, so ist die Neugier seine irdische Schwester. Jetzt möchte auch ich dich etwas fragen. Es interessiert mich, aus erster Hand zu erfahren, ob es wahr ist, daß die westlichen Länder über Rußland falsch oder sagen wir lieber mangelhaft unterrichtet sind. Unsere Verhältnisse würden im Ausland lebhaft erörtert, sagt man uns, doch scheinbar nicht immer sachlich. In 90 Prozent der Fälle seien die Berichte unzutreffend. Du bist Schweizer, kennst aber auch Rußland ziemlich gut aus eigener Erfahrung. Gib mir offen und ehrlich Antwort auf meine Frage.»

«Gewiß, das mag zum Teil richtig sein», antwortete ich, «daß aus Unkenntnis der russischen Verhältnisse vieles falsch aufgefaßt wird. Aber wie soll sich der Westen über ein Land unterrichten lassen, das in der Klausur lebt? Es fließen äußerst wenige Nachrichten auf offiziellen Wegen westwärts. Es bleibt nichts anderes übrig, als aus allen russischen

«К сожалению, во многом это правда. Когда я вскоре после войны ехал на Дубровку, я проезжал Калугу. Город несколько раз переходил из рук в руки, пока мы ездили туда и обратно. Иногда русские атаковали, а немцы оборонялись, иногда наоборот. Очевидно, что городу был нанесен большой ущерб. Особенно на берегах Оки, где вдоль набережных стояли красивые виллы, ни один камень не остался незамеченным. Там горы щебня и пепла». - 168

Маслеников повернулся к обитым двусторчатым дверям, открыл первую и бесшумно толкнул засов. Затем он сказал приглушенным голосом: «Если жажда знаний — это нечто божественное, то любопытство — его земная сестра. Теперь я также хотел бы спросить вас кое о чем. Мне интересно узнать из первых рук, правда ли, что западные страны дезинформированы или, скорее, плохо информированы о России. Нам говорят, что наши условия оживленно обсуждаются за рубежом, но, видимо, не всегда объективно. В 90 процентах случаев отчеты неточны. Вы швейцарец, но и Россию неплохо знаете по собственному опыту. Дайте мне открытый и честный ответ на мой вопрос».

«Конечно, отчасти это может быть правдой, ответил я, «что многие вещи понимаются неправильно из-за незнания российских условий. Но как Западу узнать о стране, которая живет в уединении? Очень мало новостей поступает на запад по официальным каналам. Нет другого выбора, кроме как извлечь предысторию из всех российских заявлений. Например, можно

statements. For example, one can read all the Russian newspapers that are sent abroad and interpret what is written and what is not written in order to form a coherent picture of a mosaic of findings, thoughts and hypotheses. "Russia should open its borders and let foreign newspaper reporters in so that they can find out about its conditions on the spot!"

Maslenikov rocked his head back and forth in amusement: "There is already an improvement in this respect. I would like to clarify: In the past, we actually did not allow journalists into the country, or only those who belonged to the Communist Party. Lately others have been coming in too. Just recently the reporter from a major daily newspaper in London called on me. He wanted to get to know the hospital facilities in the Soviet Union. I let him have his way, on orders from the Ministry of Health, of course. What should you hide there? It is a truism that the health service in the western states is half a horse's head ahead of that in our country. The private clinic in Zurich where I worked for a long time was more modern than the hospital that I head today. One must not forget that in this respect

Original Page 170

the new regime has inherited a heavily burdened legacy. That doesn't matter. We are moving forward, not backward."

I nodded and asked: "Why does Russia rail against everything that lies beyond its western borders? It keeps the whole world on tenterhooks with its failures."

Verlautbarungen Hintergründe herauszuklauben. Man kann beispielsweise alle ins Ausland gelangenden russischen Zeitungen lesen und deuten, was geschrieben wird und was nicht geschrieben wird, um sich aus einem Mosaik von Feststellungen, Gedanken und Hypothesen ein geschlossenes Bild zu machen. Rußland soll doch einmal seine Grenzen öffnen und die ausländischen Zeitungsberichterstatter hereinlassen, damit sie sich an Ort und Stelle über seine Zustände erkundigen können!»

Maslenikow wiegte belustigt den Kopf hin und her: «In dieser Hinsicht ist aber schon eine Besserung festzustellen. Ich präzisiere: Früher ließen wir in der Tat keine Journalisten ins Land, oder nur solche, die der KP angehörten. Neuerdings kommen auch andere herein. Erst kürzlich sprach der Berichterstatter einer großen Tagesszeitung in London bei mir vor. Er wollte die Spitäler in der Sowjetunion kennen lernen. Ich ließ ihn gewähren, auf Anordnung des Gesundheitsministeriums selbstverständlich. Was soll man da verstecken? Es ist doch eine Binsenwahrheit, daß der Gesundheitsdienst in den westlichen Staaten demjenigen in unserem Lande um eine halbe Pferdekopfsbreite voraus ist. Die Privatklinik in Zürich, wo ich lange Zeit arbeitete, war moderner eingerichtet als das Krankenhaus, dem ich heute vorstehe. Man darf nicht vergessen, in dieser Beziehung hat - 169

das neue Regime eine schwer belastete Erbschaft angetreten. Das macht nichts. Wir schreiten vor- und nicht rückwärts.»

Ich nickte und fragte: «Weshalb wettert Rußland gegen alles, was jenseits seiner Westgrenzen liegt? Mit seinen Ausfällen hält es die ganze Welt dauernd in Atem.»

прочитать все российские газеты, которые рассылают за границу, и интерпретировать написанное и ненаписанное, чтобы составить целостную картину мозаики выводов, мыслей и гипотез. «Россия должна открыть свои границы и впустить репортеров иностранных газет, чтобы они могли узнать о ее условиях на месте!»

Маслеников весело покачал головой: «В этом отношении уже есть улучшение. Хочу уточнить: раньше мы фактически не пускали в страну журналистов или только тех, кто принадлежал к Коммунистической партии. В последнее время стали приходить и другие. Совсем недавно ко мне зашел репортер крупной ежедневной газеты в Лондоне. Он хотел познакомиться с больничными учреждениями Советского Союза. Я предоставил ему возможность добиться своего, разумеется, по приказу Минздрава. Что вам следует там спрятать? Общеизвестно, что здравоохранение в западных штатах на полголовы опережает наше. Частная клиника в Цюрихе, где я долгое время работал, была более современной, чем больница, которую я возглавляю сегодня. Не следует забывать, - 169

что в этом отношении новый режим унаследовал тяжелое наследие. Ничего страшного. Мы движемся вперед, а не назад».

Я кивнул и спросил: «Почему Россия выступает против всего, что находится за ее западными границами? Она держит весь мир в напряжении своими неудачами».

Maslenikov's face tightened: "The breeding of hatred against a foreign power is always a useful stimulus for strengthening a revolutionary regime. This is obviously part of the fight for space in the sun. We never had any scruples when it came to choosing the means to achieve this."

Maslenikov stood up and looked at his watch. That was the signal to leave.

The musty air in the stairwell, with a hint of the smell of gas, enveloped me again. Maslenikov accompanied me to the front door. We shook hands goodbye. I waited in vain for the invitation to come back. My old friend stared after me for a while, then turned around with a sudden movement and went back to his apartment. I stayed in Moscow for years, but never saw Maslenikov again. He acted wisely. It is very likely that he refrained from reporting my one-time visit to the police. But if I had come to him more often, he would not have been able to keep this secret without seriously endangering his safety.

Encounter a person from the good old days

Diagonally to the left of the Bolshoi Theater in Moscow stands a mighty, old box. It is the Metropol tourist hotel with around 700 beds, built in the second half of the last century. The rooms of the state travel agency are located on the ground floor. Out of consideration for guests from foreign countries, they employ fluent staff without exception.

Maslenikows Gesichtszüge strafften sich: «Die Züchtung von Haß gegen eine ausländische Macht ist immer ein brauchbares Stimulans zur Stärkung eines revolutionären Regimes. Das gehört offenbar zum Kampf um den Platz an der Sonne. In der Wahl der Mittel dazu hatten wir nie Skrupel.»

Maslenikow erhob sich, schaute auf seine Armbanduhr. Das war das Zeichen zum Aufbruch.

Die muffige Luft im Treppenhaus, in der eine Spur von Gasgeruch hing, umfing mich erneut. Maslenikow begleitete mich bis zur Haustüre. Wir schüttelten uns zum Abschied die Hände. Ich wartete vergebens auf die Einladung zum Wiederkommen. Mein alter Freund blickte mir eine Weile nach, wandte sich dann mit einer ruckartigen Bewegung um und ging in seine Wohnung zurück. Ich blieb noch jahrelang in Moskau, sah jedoch Maslenikow nicht wieder. Er handelte klug. Sehr wahrscheinlich sah er davon ab, meinen einmaligen Besuch der Polizei zu melden. Wäre ich aber öfters zu ihm gekommen, hätte er dies ohne ernste Gefahr für seine Sicherheit nicht geheimhalten können.

Begegnung mit einem Menschen aus der guten alten Zeit

Schräg links vom Bolschoj Theater in Moskau steht dräuend ein mächtiger, alter Kasten. Es ist das Fremdenhotel Metropol mit seinen rund 700 Betten, erbaut in der zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts. In seinem Erdgeschoß befinden sich die Räume vom staatlichen Reisebüro. Mit Rücksicht auf die Gäste aus fremden Ländern wird dort ausnahmslos sprachgewandtes Personal beschäftigt.

Лицо Масленикова вытянулось: «Разжигание ненависти к иностранной державе всегда является полезным стимулом для укрепления революционного режима. Очевидно, это часть борьбы за место под Солнцем. У нас никогда не было никаких сомнений, когда дело доходило до выбора средств для достижения этой цели».

Маслеников встал и посмотрел на часы. Это был сигнал уйти.

Затхлый воздух на лестничной клетке с легким запахом газа снова окутал меня. Маслеников проводил меня до парадной двери. Мы пожали друг другу руки на прощание. Я напрасно ждал приглашения вернуться. Мой старый друг некоторое время смотрел мне вслед, затем резким движением развернулся и пошел обратно в свою квартиру. Я пробыл в Москве много лет, но больше Масленикова не видел. Он поступил мудро. Весьма вероятно, что он воздержался сообщить о моем одноразовом визите в полицию. Но если бы я приходил к нему чаще, он не смог бы сохранить эту тайну, не подвергая серьезной опасности свою безопасность.

Встреча с человеком из старых добрых времен

По диагонали слева от Большого театра в Москве стоит могучая старая ложа. Это туристическая гостиница «Метрополь» на около 700 мест, построенная во второй половине прошлого века. Помещения государственного туристического агентства расположены на первом этаже. Из уважения к гостям из зарубежных стран нанимают без исключения квалифицированный персонал.

I had work to do in Leningrad. According to the regulations, I announced my intended trip to the responsible office and received a telephone report that the ticket could be picked up at the Metropol travel agency upon presentation of the identification documents.

I approached the counter. A very old woman told me. I felt as if she had been waiting for me. She looked at me hard. Rather, a thoughtful smile ran across her wrinkled face. This struck me because in Soviet Russia you see more grumpy faces than friendly ones.

“Your passport please!” said the old woman in unaccented French.

I handed her my diplomatic passport. While the ticket agent leafed through it and made sure that the name of the holder was the same as the one on the ticket, I looked at it and wondered why I was receiving such attention. However, I couldn't find an explanation for this.

“Here you will get your passport back,” it came quietly from the old woman's bloodless lips, “and here is the ticket for sleeping car seat No. The travel costs are X rubles.”

I paid. On the way out I glanced at the receipt. Their signature read: «A. M. Engelhard».

Ich hatte in Leningrad dienstlich zu tun. Vorschriftsgemäß kündete ich meine beabsichtigte Reise bei der zuständigen Stelle an und erhielt den telefonischen Bericht, die Fahrkarte könne gegen Vorweisung der Ausweisschriften im Reisebüro Metropol abgeholt werden.

Ich trat an den Schalter heran. Eine hochbetagte Frau gab mir Bescheid. Es war mir, als ob sie auf mich gewartet hätte. - 170

Sie schaute mich fest an. lieber ihr faltenreiches Antlitz lief ein sinnendes Lächeln. Das fiel mir auf, denn in Sowjetrußland sieht man mehr mürrische als freundliche Gesichter.

«Ihren Paß, bitte!» sagte die alte Frau in akzentlosem Französisch.

Ich übergab ihr meinen Diplomatenpaß. Während die Schalterbeamte darin blätterte und sich davon überzeugte, daß der Name des Inhabers mit dem auf der Fahrkarte identisch war, betrachtete ich sie und zerbrach mir den Kopf über die Ursache der mir zuteilgewordenen Aufmerksamkeit. Eine Erklärung dafür konnte ich indessen nicht finden.

«Hier erhalten Sie Ihren Paß wieder zurück», kam es leise von den blutleeren Lippen der alten Frau, «und hier ist die Fahrkarte für den Schlafwagenplatz Nr. X im «Roten Pfeil», der heute um 22.30 Uhr von Moskau Richtung Leningrad abfährt. Die Fahrkosten betragen X Rubel.»

Ich bezahlte. Beim Hinausgehen warf ich einen flüchtigen Blick auf die Quittung. Deren Unterschrift lautete: «A. M. Engelhard».

У меня были дела в Ленинграде. По регламенту я сообщил о предполагаемой поездке в ответственный офис и получил по телефону сообщение, что билет можно забрать в турфирме «Метрополь» при предъявлении документов, удостоверяющих личность.

Я подошел к стойке. Мне рассказала очень старая женщина. У меня было такое ощущение, будто она ждала меня. Она пристально посмотрела - 170

на меня. Скорее, задумчивая улыбка пробежала по ее морщинистому лицу. Это меня поразило, потому что в Советской России больше сварливых лиц, чем дружелюбных.

“Паспорт, пожалуйста!” — сказала старуха на французском без акцента.

Я вручил ей свой дипломатический паспорт. Пока билетный кассир листал его и убеждался, что имя владельца совпадает с именем на билете, я смотрел на него и недоумевал, почему мне уделяется такое внимание. Однако объяснения этому я не нашел.

«Вот вы получите обратно свой паспорт, — тихо прозвучало из бескровных губ старухи, — а вот билет на спальное место № 1». Стоимость проезда «X рублей».

Я заплатил. На выходе я взглянул на чек. Их подпись гласила: «А. М. Энгельхард».

This surname only occurs sporadically in Russia. I quickly thought of the landlady of Klimovo and strained my memory. The image of Anna Mikhailovna Baroness von Engelhard from 1911 appeared in my mind's eye. She was a woman in her prime at the time. I compared the picture with the counter clerk at the Metropol travel agency. What a difference! Small, round, wrinkled with winking little eyes. Is it possible that these two people are identical? Maybe yes! The difficult times have not left Ms. von Engelhard unscathed. And thirty-five years is a long time, almost a generation of people!

With quick steps I hurried across Sverdlov Square towards the Hotel National.

The thought that my new acquaintance could be the wife of the former landowner of Klimovo no longer left me alone. To put an end to the guesswork, I called the Metropol travel agency eight days later, but not from the Hotel National, whose telephone exchange monitors all conversations, but rather I used an automatic telephone. Without giving my name, I asked to be contacted by Mrs. von Engelhard. The travel agency is not only intended for foreigners, locals can also use its services.

Original Page 172

If a foreigner speaks Russian, he often creates a gap in the MVD surveillance service. When I spoke to Frau von Engelhard, the listener couldn't possibly have known that a foreigner was involved. I enjoyed outwitting the Soviets, even if only in a harmless way.

Dieser Familienname kommt in Rußland nur ganz vereinzelt vor. Ich dachte blitzschnell an die Gutsherrin von Klimowo, strengte mein Gedächtnis an. Vor meinem geistigen Auge erschien schemenhaft das Bild von Anna Michailowna Baronin von Engelhard aus dem Jahre 1911. Sie war damals eine Frau in den besten Jahren. Ich verglich das Bild mit der Schalterbeamten im Reisebüro Metropol. Welcher Unterschied! Klein, rund, runzelig mit zwinkernden Aeuglein. Ist es möglich, daß diese beiden Menschen identisch sind? Vielleicht doch! Die schweren Zeiten sind eben an Frau von Engelhard nicht spurlos vorbeigegangen. Und fünfunddreißig Jahre sind eine lange Zeit, fast eine Menschengeneration!

Mit raschen Schritten eilte ich über den Swerdlow-Platz, dem Hotel National zu.

Der Gedanke, meine neue Bekannte könnte doch die Gattin des früheren Gutsherrn von Klimowo sein, ließ mir keine Ruhe mehr. Um dem Rätselraten ein Ende zu machen, rief ich acht Tage später das Reisebüro Metropol an, aber nicht etwa vom Hotel National aus, dessen Telefonzentrale alle Gespräche überwacht, sondern ich benützte einen Telephonautomaten. Ohne meinen Namen zu nennen, bat ich um Verbindung mit Frau von Engelhard. Das Reisebüro ist nicht nur für die Ausländer bestimmt, auch Einheimische dürfen seine Dienste in Anspruch nehmen. - 171

Wenn ein Ausländer Russisch spricht, bildet er im Ueberwachungsdienst der MWD oftmals eine Lücke. Als ich mit Frau von Engelhard sprach, konnte der Horcher unmöglich wissen, daß hier ein Ausländer im Spiele war. Ich hatte meine Freude daran, den Sowjets — wenn auch nur in harmloser Weise — ein Schnippchen zu schlagen.

Эта фамилия встречается в России лишь спорадически. Я быстро вспомнил о Климовской хозяйке и напряг память. Перед моим мысленным взором возник образ Анны Михайловны баронессы фон Энгельхард 1911 года, женщины в расцвете сил. Я сравнил картинку с кассиром в турфирме «Метрополь». Какая разница! Маленький, круглый, морщинистый, с подмигивающими глазками. Возможно ли, что эти два человека идентичны? Возможно! Трудные времена не оставили госпожу фон Энгельхард невредимой. А тридцать пять лет – это большой срок, почти поколение людей!

Быстрыми шагами я поспешил через площадь Свердлова к гостинице «Националь».

Мысль о том, что моя новая знакомая может быть женой бывшего Климовского помещика, уже не оставляла меня в покое. Чтобы положить конец догадкам, через восемь дней я позвонил в турфирму «Метрополь», но не из гостиницы «Националь», телефонная станция которой прослушивает все разговоры, а воспользовался автоматическим телефоном. Не называя своего имени, я попросил госпожу фон Энгельхард связаться со мной. Туристическое агентство рассчитано не только на иностранцев, его услугами могут воспользоваться и местные жители. - 171

Если иностранец говорит по-русски, он зачастую создает бреши в службе наблюдения МВД. Когда я разговаривал с фрау фон Энгельхард, слушательница не могла знать, что в этом замешан иностранец. Мне нравилось перехитрить Советы, пусть даже и безобидным способом.

Mrs. von Engelhard obviously immediately knew who she was dealing with. We didn't waste many words.

As agreed, we met the following evening, after the day's work, under the arcade of the Bolshoi Theater. Frau von Engelhard came without a trace of embarrassment. She lived in a modest one-room apartment in Sokolniki with her maid from Klimovo, who remained faithful to her former mistress even in the most difficult times. The girl took care of the household; At the same time, she was making money.

At a speed of 90 kilometers per hour, we raced deep beneath the earth's surface towards the suburb of Sokolniki. The train, consisting of many cars, was overcrowded at this hour of the evening. At each station there were people returning from work. We became more and more crowded together, finally like herrings in a barrel. It smelled of body fumes and wet clothes.

When the passenger in Sokolniki rises from the depths of the subway station into the daylight, the first thing he sees is the cathedral, built in 1911, with its many onion-shaped towers. Then his gaze wanders over the wide square, which is surrounded by one-story wooden houses. Poor working families mostly live here.

Despite her eighty-one years, Frau von Engelhard took small, quick steps toward her apartment. "We have to be careful!" she whispered to me anxiously.

Frau von Engelhard war offensichtlich sofort im Bilde, mit wem sie es zu tun hatte. Wir verloren nicht viele Worte.

Vereinbarungsgemäß trafen wir uns am folgenden Abend, nach dem Tagewerk, unter der Arkade des Bolschoj Theaters. Frau von Engelhard kam ohne eine Spur von Befangenheit. Sie bewohnte in Sokolniki eine bescheidene Einzimmerwohnung, zusammen mit ihrem Dienstmädchen aus Klimovo, das seiner ehemaligen Herrin auch in schwerster Zeit treu blieb. Das Mädchen besorgte den Haushalt; nebenbei ging es einem Verdienst nach.

Mit einer Stundengeschwindigkeit von 90 Kilometern rasten wir tief unter der Erdoberfläche dem Vorort Sokolniki zu. Die aus vielen Wagen bestehende Zugskomposition war um diese Abendstunde überfüllt. Auf jeder Station kamen noch Menschen hinzu, die von der Arbeit zurückkehrten. Wir wurden immer mehr zusammengepfercht, zuletzt wie Heringe in einem Faß. Es roch nach Körperausdünstung und nassen Kleidern.

Wenn der Fahrgast in Sokolniki aus der Tiefe der Untergrundbahnstation ans Tageslicht steigt, sieht er zuerst die im Jahre 1911 erbaute Kathedrale mit den vielen zwiebelförmigen Türmen. Dann schweift sein Blick über den weiten Platz, der von einstöckigen Holzhäuschen umsäumt ist. Hier wohnen meistens arme Arbeiterfamilien.

Ihren einundachtzig Jahren zum Trotz strebte Frau von Engelhard mit kleinen, raschen Schritten ihrer Wohnung zu. «Wir müssen vorsichtig sein!» flüsterte sie mir bange zu.

Госпожа фон Энгельхард, очевидно, сразу поняла, с кем имеет дело. Мы не тратили много слов.

Как и договаривались, мы встретились на следующий вечер, после рабочего дня, под пассажем Большого театра. Фрау фон Энгельхард пришла без тени смущения. Она жила в скромной однокомнатной квартире в Сокольниках со своей горничной из Климово, которая даже в самые трудные времена сохраняла верность бывшей хозяйке. Девушка занималась хозяйством; В то же время я зарабатывал деньги.

Со скоростью 90 километров в час мы мчались глубоко под земную поверхность в сторону пригорода Сокольники. Поезд, состоящий из множества вагонов, в этот вечерний час был переполнен. На каждой станции были люди, возвращавшиеся с работы. Нас становилось все теснее, и в конце концов мы стали как селедки в бочке. Пахло испарениями тела и мокрой одеждой.

Когда пассажир в «Сокольниках» поднимается из глубины станции метро на дневной свет, первое, что он видит, — это собор, построенный в 1911 году, с его многочисленными луковичными башнями. Затем его взгляд блуждает по широкой площади, окруженной одноэтажными деревянными домами. Здесь в основном живут бедные рабочие семьи.

Несмотря на свой восемьдесят один год, фрау фон Энгельхард делала маленькие, быстрые шаги к своей квартире. «Мы должны быть осторожны!» - прошептала она мне с тревогой.

I hastened to reply that I was of the same opinion.

A well-heated room welcomed us. Mrs. von Engelhard lit the samovar herself. The tiny kitchen was blackened with smoke, extremely primitive, as it existed in grandfather's time.

While my hostess was busy preparing dinner, I looked around the living room. Yellowed photographs hung on the walls. In the right corner, in front of the shiny silver and gold icon with the head of Christ, the red eternal light lamp burned. Some of the furniture was quite dilapidated.

As the wife of a large landowner and high magistrate, Mrs. von Engelhard was surrounded by immense wealth and abundance, took part in banquets and receptions in which the traditional pomp of the Tsardom was displayed, and also gave splendid parties herself. The Engelhard Palace on the Mojka in Saint Petersburg was considered a first-class social meeting place with its magnificently furnished halls in the style of Louis XIII to Louis XVI. I saw it from the outside on the occasion of my visit to Leningrad after the Second World War.

Then Engelhard's family sank into an early grave and their property was nationalized.

Frau von Engelhard came from the masses of the common people. A whim of fate led them to the Klimovo mansion. But even as a baron,

Ich beeilte mich zu erwidern, daß ich derselben Meinung sei.

Eine gut geheizte Stube nahm uns auf. Frau von Engelhard entfachte eigenhändig den Samowar. Die winzige Küche war rauchgeschwärzt, äußerst primitiv, wie sie zu Großvaters Zeiten schon bestanden hat.

Während meine Gastgeberin mit der Vorbereitung des Abendbrotes beschäftigt war, sah ich mich in der Wohnstube um. An den Wänden hingen vergilzte Photographien. In der rechten Ecke, vor der silber- und goldglänzenden Ikone mit - 172

dem Christuskopf brannte das rote Ewiglichtlämpchen. Das Mobiliar war zum Teil schon recht baufällig.

Als Gattin eines Großgrundbesitzers und hohen Magistraten war Frau von Engelhard von unermeßlichem Reichtum und Ueberfluß umgeben, nahm teil an Banketten und Empfängen, in denen sich der traditionelle Prunk des Zarentums entfaltete, und gab auch selber glänzende Feste. Das Engelhard'sche Palais an der Mojka in Sankt Petersburg galt mit seinen im Stil Louis XIII. bis Louis XVI. pompös ausgestatteten Sälen als gesellschaftlicher Treffpunkt erster Ordnung. Ich sah es von außen her, anlässlich meines Besuches in Leningrad nach dem Zweiten Weltkrieg.

Dann sank die Familie von Engelhard frühzeitig ins Grab, Ihr Besitz wurde verstaatlicht.

Frau von Engelhard kam aus der Masse des einfachen Volkes. Eine Laune des Schicksals führte sie in das Herrenhaus von Klimowo. Aber auch als Freifrau

Я поспешил ответить, что придерживаюсь того же мнения.

Нас встретила хорошо отапливаемая комната. Госпожа фон Энгельхард сама зажгла самовар. Крохотная кухня была закопчена, крайне примитивна, как существовала во времена дедушки.

Пока моя хозяйка была занята приготовлением ужина, я оглядел гостиную. На стенах висели пожелтевшие фотографии. В правом углу, перед блестящей серебряно-золотой иконой с - 172

главой Христа, горела красная лампада вечного света. Часть мебели была довольно ветхой.

Будучи женой крупного землевладельца и высокого магистрата, госпожа фон Энгельхард была окружена огромным богатством и изобилием, принимала участие в банкетах и приемах, на которых демонстрировалась традиционная пышность царства, а также сама устраивала великолепные вечеринки. Дворец Энгельгарда на Мойке в Санкт-Петербурге считался построенным в стиле Людовика XIII. Людовику XVI. помпезно обставленные залы как первоклассное место общественных встреч. Я видел его снаружи во время моего визита в Ленинград после Второй мировой войны.

Затем семья Энгельгарда рано канула в могилу, а их имущество было национализировано.

Фрау фон Энгельхард происходила из массы простого народа. Прихоть судьбы привела их в особняк Климово. Но даже будучи бароном, она

she never denied her origins. She fought many battles with her stingy and very strict husband when it was important to help poor people. That is why the farmers of Klimowo and the surrounding area honored the courageous woman even after the outbreak of the October Revolution in 1917, not least the Jews whom she tried to support during the pogrom years. The protector of poor people lost everything due to the political change, but not the sympathy of her fellow human beings.

Thanks to her language skills, Ms. von Engelhard found a job at the Metropol travel agency. However, she had to work there well beyond the usual age limit. With the pension of only 150 rubles a month, the old mother would have slowly starved to death. In the Soviet Union, no old man is left to his fate, writes the daily press. But that's the gray theory, in practice it's proven to be much different.

I was greeted with hospitality that I had not anticipated. The samovar hummed, sweet pastries made from the finest white flour stood in a basket on the cleanly set table, and I was allowed to sit in the back of an artistically carved armchair that had once stood in the Petersburg Palace.

In particularly difficult times, one piece after another of the saved inventory from the two houses in St. Petersburg and Klimovo went to

verleugnete sie ihre Herkunft nie. Mit dem geizigen und sehr strengen Gemahl focht sie manchen Kampf aus, wenn es galt, den armen Menschen zu helfen. Darum verehrten die Bauern von Klimowo und Umgebung die mutige Frau auch nach dem Ausbruch der Oktoberrevolution 1917, nicht zuletzt auch die Juden, denen sie in den Pogromjahren beizustehen versuchte. Die Beschützerin armer Leute verlor durch den politischen Umschwung alles, aber nicht die Sympathie ihrer Mitmenschen.

Dank ihrer Sprachkenntnisse fand Frau von Engelhard eine Anstellung beim Reisebüro Metropol. Dort mußte sie allerdings weit über die übliche Altersgrenze hinaus arbeiten. Mit dem Ruhegehalt von nur 150 Rubel im Monat hätte das alte Mütterchen langsam verhungern müssen. In der Sowjetunion ist kein Greis seinem Schicksal überlassen, schreibt die Tagespresse. Doch das ist die graue Theorie, in der Praxis sieht es erwiesenermaßen wesentlich anders aus.

Ich wurde mit einer Gastfreundschaft empfangen, wie ich sie nicht vorausgesehen hatte. Der Samowar summte, süßes Backwerk aus feinstem Weißmehl stand in einem Körbchen auf dem sauber gedeckten Tisch, und ich durfte im Fond eines kunstvoll geschnitzten Lehnsstuhles Platz nehmen, der einst im Petersburger Palais gestanden hatte.

Vom geretteten Inventar aus den beiden Häusern in St. Petersburg bzw. in Klimovo wanderten in besonders schweren - 173

никогда не отрицала своего происхождения. Она много раз сражалась со своим скрытым и очень строгим мужем, когда было важно помочь бедным людям. Именно поэтому крестьяне Климово и окрестностей чтили мужественную женщину даже после начала Октябрьской революции в 1917 году, не в последнюю очередь евреи, которых она пыталась поддержать в погромные годы. Из-за политических перемен защитница бедных людей потеряла все, но не сочувствие своих собратьев.

Благодаря своим языковым навыкам госпожа фон Энгельхард нашла работу в туристическом агентстве «Метрополь». Однако работать там ей пришлось далеко за пределами обычного возраста. Имея пенсию всего в 150 рублей в месяц, старая мать медленно умирала бы от голода. В Советском Союзе ни один старик не оставлен на произвол судьбы, пишет ежедневная пресса. Но это серая теория, на практике она оказывается совсем иной.

Меня встретили с гостеприимством, которого я не ожидал. Гудел самовар, сладкая выпечка из лучшей белой муки стояла в корзине на чисто накрытом столе, а мне разрешили сесть на спинку художественно резного кресла, стоявшего когда-то в Петербургском дворце.

В особенно тяжелые времена одна за другой часть спасенного инвентаря из двух домов в Петербурге и Климово отправлялась на барахолку, где их - 173

Original Page 174

the flea market, where they could be bought at cheap prices by wealthy people of the modern era. Only very few valuables were spared from being sold, for example the armchair mentioned above, the icon and a solid silver table candlestick, on whose five arms wax candles now burned. And finally, a large, precious stone sparkled on the old woman's left gold finger. She only wore this gem, on which many human and historical tragedies were attached, at home.

I talked to Ms. von Engelhard for a full three hours. She tried to answer all of my questions to the best of her knowledge and belief. Frau von Engelhard also had the moral courage - to use this strange-sounding expression - to sometimes contradict things where silence would have been advisable for security reasons. It was all a natural result of her outspoken personality. Strangely, she bore no grudge against the new regime. "We have made so many mistakes in our lives that nothing should surprise us," was her short verdict.

Every year, Mrs. von Engelhard traveled to Klimowo for a few weeks to relax. She now told me what she had seen there: The spirit in the Russian villages was so strong that thanks to the traditions and strict morals they upheld, the peasantry had not lost their individuality.

I also learned that my Uncle Leonard died at an advanced age of cancer and... a broken heart. Then I heard that his three sons, my childhood

Zeiten ein Stück nach dem andern auf den Flohmarkt, wo sie von zahlungskräftigen Leuten der Neuzeit zu billigen Preisen erstanden werden konnten. Nur ganz wenige Wertgegenstände blieben von der Veräußerung verschont, so beispielsweise der schon erwähnte Lehnstuhl, ferner die Ikone und ein massivsilberner Tischleuchter, auf dessen fünf Armen jetzt Wachsgerzen brannten. Und schließlich funkelte am linken Goldfinger der alten Frau ein großer, kostbarer Stein. Dieses Kleinod, an dem viele menschlichen und historischen Tragödien hingen, trug sie nur zu Hause.

Ich unterhielt mich mit Frau von Engelhard während vollen drei Stunden. Auf alle meine Fragen versuchte sie nach bestem Wissen und Gewissen zu antworten. Frau von Engelhard hatte auch die Zivilcourage — um diesen fremdklingenden Ausdruck zu gebrauchen — manchmal dort zu widersprechen, wo aus Sicherheitsgründen das Schweigen ratsam gewesen wäre. Das alles war ein natürliches Ergebnis ihrer ausgesprochenen Persönlichkeit. Seltsamerweise hatte sie keinen Groll gegen das neue Regime. «Wir haben in unserem Leben so viele Fehler gemacht, daß wir uns über nichts verwundern müssen», war ihr kurzes Urteil.

Frau von Engelhard reiste jedes Jahr für ein paar Wochen zur Erholung nach Klimowo. Was sie dort jeweils gesehen hatte, erzählte sie mir nun: Der Geist in den russischen Dörfern sei so stark, daß dank der von ihnen hochgehaltenen Tradition und Sittenstrengie die Bauernschaft ihre Eigenart nicht verloren habe.

Ich erfuhr ferner, daß mein Onkel Leonard hochbetagt an Krebs und an ... gebrochenem Herzen starb. Sodann vernahm ich, daß seine drei Söhne, meine Spielgefährten aus der Jugendzeit, schon vor vielen Jahren ihr Leben

могли купить по дешевке состоятельные люди современной эпохи. От продажи уцелели лишь очень немногие ценности, например упомянутое выше кресло, икона и массивный серебряный настольный подсвечник, на пяти ножках которого теперь горели восковые свечи. И наконец, на левом золотом пальце старухи сверкнул большой драгоценный камень. Этот драгоценный камень, на котором было связано множество человеческих и исторических трагедий, она носила только дома.

Я разговаривал с госпожой фон Энгельхард целых три часа. Она старалась ответить на все мои вопросы в меру своих знаний и убеждений. Фрау фон Энгельхард также имела моральное мужество — если использовать это странно звучащее выражение — иногда противоречить вещам, в которых молчание было бы желательно из соображений безопасности. Все это было естественным результатом ее откровенной личности. Как ни странно, она не питала обиды на новый режим. «Мы совершили в своей жизни столько ошибок, что ничто не должно нас удивлять», — был ее краткий вердикт.

Ежегодно госпожа фон Энгельхард ездила на несколько недель в Климово, чтобы отдохнуть. Теперь она рассказала мне, что она там увидела: Дух в русских деревнях был настолько силен, что благодаря поддерживаемым ими традициям и строгой морали крестьянство не утратило своей индивидуальности.

Я также узнал, что мой дядя Леонард умер в преклонном возрасте от рака и... разбитого сердца. Потом я услышал, что трое его сыновей, мои товарищи по играм в детстве, погибли много лет

playmates, had lost their lives many years ago. The youngest of them, David, died as a lieutenant in the First World War. Alexander was executed after the Soviets repeatedly unsuccessfully urged him to abandon Tolstoy's teachings. Nikolai remained missing since the outbreak of the Second World War. Nobody knows what became of him.

Later it was my turn to tell Mrs. von Engelhard what might interest her. The sad fate of Fritz Haueter, this loyal guardian of Bernese character and culture in the diaspora, clearly touched her heart. Although she only knew Haueter briefly, she valued him highly for his open-mindedness. Frau von Engelhard loved Haueter's

Original Page 175
ancestral home, the Simmental, where she had stayed as a holiday guest in the summer of 1903.

Finally, I talked about my encounter with Boris von Engelhard in Berlin in 1920. I gently added the rumors that circulated in Belarusian emigrant circles after his disappearance.

My hostess lowered her teacup and looked at me with sorrowful eyes.

"I had always feared that Boris's daring nature would ultimately have fallen into the captors' trap," said Mrs. von Engelhard in a subdued voice.

As a result, I visited the Metropol travel agency more often. Another year passed. I hadn't seen

lassen mußten. Der Jüngste von ihnen, David, fiel als Leutnant im ersten Weltkrieg. Alexander wurde hingerichtet, nachdem ihn die Sowjets mehrmals fruchtlos dazu aufgefordert hatten, von der tolstojschen Lehre abzulassen. Nikolai blieb seit Ausbruch des zweiten Weltkrieges verschollen. Niemand weiß, was aus ihm geworden ist.

Später kam ich an die Reihe, Frau von Engelhard zu berichten, was sie interessieren konnte. Das traurige Schicksal von Fritz Haueter, dieses treuen Hüters bernischen Wesens und bernischer Kultur in der Diaspora, ging ihr sichtlich zu Herzen. Sie hatte Haueter zwar nur flüchtig gekannt, ihn aber seiner Aufgeschlossenheit wegen hoch geschätzt. - 174

Frau von Engelhard liebte Haueters engere Heimat, das Simmental, wo sie im Sommer 1903 als Feriengast geweilt hatte.

Zuletzt kam ich auf meine Begegnung mit Boris von Engelhard vom Jahre 1920 in Berlin zu sprechen. Ich fügte in schonender Weise die Gerüchte bei, die nach seinem Verschwinden in den weißrussischen Emigrantenkreisen zirkulierten.

Meine Gastgeberin ließ die Teetasse sinken, schaute mich mit kummervollen Augen an.

«Ich hatte je und je befürchtet, Boris sei mit seinem Wagemut den Häschern schließlich doch in die Falle gegangen», sagte Frau von Engelhard mit gedämpfter Stimme.

In der Folge verkehrte ich öfters im Reisebüro Metropol. Ein weiteres Jahr ging ins Land. Ich sah Frau von

назад. Самый младший из них, Дэвид, погиб лейтенантом в Первую мировую войну. Александр был казнен после того, как Советы неоднократно и безуспешно убеждали его отказаться от учения Толстого. Николай оставался пропавшим без вести с начала Второй мировой войны. Никто не знает, что с ним стало.

Позже настала моя очередь рассказать госпоже фон Энгельхард о том, что могло ее заинтересовать. Печальная судьба Фрица Хаутера, этого верного хранителя бернского характера и культуры в диаспоре, явно тронула ее сердце. Хотя она знала Хаутера совсем недолго, она высоко ценила его за - 174

непредвзятость. Фрау фон Энгельхард любила более близкий дом Хаутера, Симменталь, где она остановилась в качестве гостя летом 1903 года.

Наконец, я рассказал о своей встрече с Борисом фон Энгельхардом в Берлине в 1920 году. Я мягко добавил слухи, циркулировавшие в белорусских эмигрантских кругах после его исчезновения.

Хозяйка опустила чашку чая и посмотрела на меня печальными глазами.

«Я всегда боялась, что смелая натура Бориса в конечном итоге попадет в ловушку похитителей», — сказала г-жа фон Энгельхард приглушенным голосом.

В результате я часто посещал турфирму «Метрополь». Прошел еще один год. Я давно не

Mrs. von Engelhard for a long time. When I knocked on the door of her apartment in Sokolniki on a frosty January evening, the farm girl from Klimovo greeted me. When I asked about Mrs. von Engelhard, she started crying. "Anna Mikhailovna closed her eyes forever last autumn," she said quietly, "God have mercy on her soul." With these words, Baroness von Engelhard's last servant turned to the image of Christ and crossed herself three times on her forehead, chest and both shoulders.

How is Judaism in Russia in 1956

I have informed my dear readers about the conditions under which the Jews lived in ancient Russia. I don't want to omit reporting what their fate is today.

When I visited Mrs. von Engelhard in Sokolniki that evening, I asked her about the Jewish colony in Klimovo. In conversation, she gave me the address of a Jewish friend in Leningrad who had often helped her out with food parcels in times of need. I knew him from the years before the First World War.

On the occasion of my second trip to Leningrad, I decided to pay my respects.

The Northern Express took me from Moscow to the former capital of Russia in a twelve-hour journey. The dead straight, around 650 km long railway line leads through a flat, sparsely populated landscape.

Engelhard seit längerer Zeit nicht mehr. Als ich an einem frostklirrenden Januarabend in Sokolniki an die Türe ihrer Wohnung klopfte, empfing mich das Bauernmädchen aus Klimovo. Auf meine Erkundigung nach Frau von Engelhard fing es an zu weinen. «Anna Michailowna hat im Herbst letzten Jahres die Augen für immer geschlossen», sagte es leise, «Gott sei ihrer Seele gnädig.» Bei diesen Worten wandte sich die letzte Dienerin der Freifrau von Engelhard dem Christusbild zu und bekreuzigte sich dreimal auf Stirn, Brust und beide Schultern.

Wie geht es dem Judentum im heutigen Rußland

Ich habe die verehrten Leserinnen und Leser davon unterrichtet, unter welchen Verhältnissen die Juden im alten Rußland lebten. Ich möchte es nicht unterlassen, zu berichten, welches ihr Schicksal heute ist.

Als ich Frau von Engelhard an jenem Abend in Sokolniki besuchte, erkundigte ich mich bei ihr nach der jüdischen Kolonie in Klimovo. Gesprächsweise gab sie mir die Adresse eines jüdischen Freundes in Leningrad, der ihr in Notzeiten oftmals mit Lebensmittelpaketen ausgeholfen hatte. — Ich kannte ihn aus den Jahren vor dem ersten Weltkrieg.

Anläßlich meiner zweiten Reise nach Leningrad entschloß ich mich, ihm meine Aufwartung zu machen.

Der Nordexpress brachte mich in zwölfstündiger Fahrt von Moskau nach der ehemaligen Kapitale Rußlands. Der schnurgerade, rund 650 km lange Schienenstrang führt durch eine topfebene, schwach besiedelte Landschaft.

видел госпожу фон Энгельхард. Когда морозным январским вечером я постучал в дверь ее квартиры в Сокольниках, меня поприветствовала хутрянка из Климово. Когда я спросил о госпоже фон Энгельхард, она заплакала. «Прошлой осенью Анна Михайловна навсегда закрыла глаза, — тихо говорило оно, — помилуй, Боже, ее душу». С этими словами последняя служанка баронессы фон Энгельхард повернулась к образу Христа и трижды перекрестилась на лбу, груди и обоих плечах.

Как сегодня обстоят дела с иудаизмом в России?

Я сообщил моим дорогим читателям об условиях, в которых жили евреи в древней России. Не хочу упустить возможность сообщить, какова их судьба сегодня.

Когда в тот вечер я посетил госпожу фон Энгельхард в Сокольниках, я спросил ее о еврейской колонии в Климово. В разговоре она дала мне адрес друга-еврея в Ленинграде, который часто помогал ей продуктовыми посылками в трудную минуту. — Я знал его еще за годы до Первой мировой войны.

По случаю моей второй поездки в Ленинград я решил засвидетельствовать свое почтение.

Северный экспресс доставил меня из Москвы в бывшую столицу России за двенадцать часов пути. Прямая железнодорожная линия длиной около 650 км проходит через равнинный, малонаселенный ландшафт.

There are few stations on this route. Only in Kalinin (formerly Tver) does the train make a longer stop and then cross the Volga at a leisurely

Original Page 176

pace. Later, on the left, in the distance, the blue Waldai Heights appear, for whose possession bitter battles were fought in the Second World War. After my arrival at the Moscow train station in Leningrad, a young, English-speaking girl from Intourist introduced herself in my sleeping compartment and accompanied me to a waiting car that took us to the giant Astoria hotel on Majorov Square.

Leningrad now has over three million inhabitants. As a port and industrial city, it plays an important role in the Soviet Union's economy. In political terms, however, things have become quiet since the government moved its headquarters to Moscow. What is particularly wonderful is its location and its Western European-looking architecture. When expanding the city, Peter the Great consulted foreign builders. The famous Italian architect W. Rastrelli gave the cityscape its special character through his buildings in the Baroque style.

The tomb of Peter the Great is located in Leningrad, in the Peter and Paul Fortress. This fortress, where the infamous casemates for political prisoners were located, used to be under strict military guard. Today everyone has easy access there. From Revolution Square I entered the vast fortress area through the Petrovsky

Es gibt auf dieser Strecke wenig Stationen. Nur in Kalinin (früher Twer) macht der Zug einen längeren Halt, um dann die - 175

Wolga in bedächtiger Fahrt zu überqueren. Später tauchen linksseits in der Ferne die blauen Waldaihöhen auf, um deren Besitz im Zweiten Weltkrieg erbitterte Kämpfe ausgefochten wurden. Nach meiner Ankunft auf dem Moskauer Bahnhof in Leningrad stellte sich ein junges, englisch sprechendes Mädchen vom «Intourist» in meinem Schlafabteil vor und begleitete mich zu einem bereitstehenden Auto, das uns in das Riesenhotel «Astoria» am Majorow-Platz brachte.

Leningrad zählt heute über drei Millionen Einwohner. Als Hafen- und Industriestadt spielt sie in der Volkswirtschaft der Sowjetunion eine bedeutende Rolle. In politischer Hinsicht ist es dagegen um sie still geworden, seit die Regierung ihren Sitz nach Moskau verlegt hatte. Wundervoll sind vor allem ihre Lage und ihre westeuropäisch anmutende Architektur. Beim Ausbau der Stadt zog Peter der Große ausländische Baumeister zu Rate. Der berühmte italienische Architekt W. Rastrelli gab dem Stadtbild durch seine Bauten im Barockstil ihr besonderes Gepräge.

In Leningrad befindet sich das Grab Peter des Großen, und zwar in der Peter-Pauls-Festung. Früher wurde diese Festung, wo sich die berüchtigten Kasematten für politische Häftlinge befanden, militärisch streng bewacht. Heute hat dort jedermann ohne weiteres Zutritt. Vom Revolutionsplatz gelangte ich durch das Petrowski-

На этом маршруте мало станций. Лишь в Калинине (бывшая Тверь) поезд делает более длительную остановку и неторопливым - 175

шагом пересекает Волгу. Позже слева, вдали, появляются голубые Валдайские высоты, за обладание которыми шли ожесточенные бои во Второй мировой войне. После моего прибытия на Московский вокзал в Ленинграде молодая англоговорящая девушка из «Интуриста» представилась в моем спальном купе и проводила меня до ожидающего автомобиля, который отвез нас в гигантский отель «Астория» на площади Майорова.

В Ленинграде сейчас проживает более трех миллионов жителей. Как портовый и промышленный город, он играет важную роль в экономике Советского Союза. Однако в политическом плане все стало тихо после того, как правительство перенесло свою штаб-квартиру в Москву. Что особенно замечательно, так это его расположение и западноевропейская архитектура. При расширении города Петр I консультировался с иностранными строителями. Особый характер городскому пейзажу придал знаменитый итальянский архитектор В. Растрелли своими постройками в стиле барокко.

Могила Петра Великого находится в Ленинграде, в Петропавловской крепости. Эта крепость, где располагались печально известные казематы для политических заключенных, раньше находилась под строгой военной охраной. Сегодня каждый имеет

Gate. The cathedral, which was rebuilt in the 18th and partly in the 19th century, rises in the open square with the pointed, golden tower, the symbol of this port city. Today the cathedral only serves as a museum. In the anteroom, an old mother in a short sheepskin, high felt boots and a brightly colored headscarf was keeping watch.

I entered the church interior through a heavy, wrought iron gate. Tall, narrow windows, whitewashed, completely bare walls. Matt white marble coffins shine in front of and on the gallery. The autocrats of all the Russians from long-vanished eras rest here. Each coffin lid is adorned with an Orthodox cross (with a crossbar) and at the foot of each is the name of the deceased. The sarcophagus of Peter the Great can be found in the front row on the far right on the wall. In the twilight I deciphered the carved writing in Old Slavonic: "Peter I the Great, creator of Russia's greatness, son of Tsar Alexei, born on June 9, 1672, died on February 8, 1725." The Soviet government did not

Original Page 177
fail to respect this brilliant ruler; The flag of the House of Romanov hangs permanently at half-mast above the sarcophagus.

I left the realm of the dead and stepped out into the open, breathing a sigh of relief. All around are high bulwarks and deep casemates. The latter bears the names of prominent personalities who languished here for years because they had rebelled against the arbitrary rule of the tsarist

Tor in das weite Festungsareal. Auf freiem Platz erhebt sich die im 18. und teilweise noch im 19. Jahrhundert umgebaute Kathedrale mit dem spitzen, goldenen Turm, dem Wahrzeichen dieser Hafenstadt. Die Kathedrale dient heute lediglich als Museum. Im Vorraum hielt ein altes Mütterchen in kurzem Schaffell, hohen Filzstiefeln und buntfarbigem Kopftuch Aufsicht.

Durch eine schwere, schmiedeiserne Pforte betrat ich das Kircheninnere. Hohe, schmale Fenster, weißgetünchte, vollkommen kahle Wände. Vor und auf der Empore leuchten mattweiße Prunksärge aus Marmor. Hier ruhen die Alleinherrscher aller Reußen aus längst entschwundenen Zeitepochen. Jeden Sargdeckel ziert ein orthodoxes Kreuz (mit Querbalken) und am Fußende steht jeweils der Name des Verblichenen. Der Sarkophag Peters des Großen findet sich in der vordersten Reihe ganz rechts an der Wand. Im Dämmerlicht entzifferte ich die eingemeißelte Schrift in altslawischer Sprache: «Peter I. der Große, Schöpfer von Rußlands Größe, Sohn des Zaren Alexej, geboren am 9. Juni 1672, verstorben am 8. Februar 1725.» Auch die Sowjetregierung hat diesem - 176

genialen Herrscher die Achtung nicht versagt; über dem Sarkophag hängt in Permanenz auf Halbmast die Flagge des Hauses Romanow.

Ich verließ das Reich der Toten und trat aufatmend ins Freie. Ringsherum hohe Bollwerke und tiefe Kasematten. Bei den letzteren sind die Namen von prominenten Persönlichkeiten angebracht, die hier jahrelang deshalb schmachteten, weil sie sich gegen die Willkürherrschaft des Zarenregimes aufgelehnt hatten. An der altersgrauen Eichenholztüre der Zelle Nr. 42 las ich den Satz: «Hier

свободный доступ туда. С площади Революции я попал на обширную территорию крепости через Петровские ворота. Собор, перестроенный в 18 и частично в 19 веке, возвышается на открытой площади с остроконечной золотой башней, символом этого портового города. Сегодня собор служит только музеем. В передней дежурила старушка-мать в коротком тулупе, высоких валенках и ярком платке.

Я вошел внутрь церкви через тяжелые кованые ворота. Высокие, узкие окна, побеленные, совершенно голые стены. Гробы из матового белого мрамора сияют перед галереей и на ней. Здесь покоятся самодержцы всех русских давно минувших эпох. Крышку каждого гроба украшает православный крест (с перекладиной), а у подножия каждого - имя усопшего. Саркофаг Петра Великого находится в первом ряду, справа на стене. В сумерках я расшифровал высеченную надпись на старославянском языке: «Петр I Великий, создатель величия России, сын царя Алексея, 9 июня 1672 года рождения, умер 8 февраля 1725 года». - 176

Советское правительство не преминуло уважать этого блестящего правителя; Над саркофагом постоянно приспущен флаг Дома Романовых.

Я покинул царство мертвых и вышел на открытое пространство, вздохнув с облегчением. Вокруг высокие валы и глубокие казематы. Последний носит имена выдающихся личностей, которые годами томились здесь, восстав против произвола царского режима. На серой дубовой двери камеры № 42 я прочитал фразу: «Здесь был заключен

regime. On the age-gray oak door of cell number 42 I read the sentence: "The great Russian novelist and thinker Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky was imprisoned here and later banished to Siberia."

Finally I climbed to the highest bastion, where an ancient cannon has maintained its place under a linden tree to this day. Which former St. Petersburg resident does not remember this cannon, which in pre-revolutionary times announced the exact noon hour to the city's population every day with a shot? This was the so-called "admiral's hour," according to which all clocks in St. Petersburg were based.

I thoughtfully looked at this old cannon, which can look back on a glorious past. On her barrel I read the initials "I. P. L", which apparently means "Emperor Peter I." should be called; The year 1720 is written next to it. I stood at the back of the gun carriage. In my field of vision was the wonderful panorama with the countless villas, castles and palaces, whose battlements and towers glittered and sparkled in the evening sun. From the sea, which one cannot see, only senses, the wind comes as before. Seen from the outside, the former imperial city has lost nothing of its beauty and elegance. It seemed to me as if the hand of time had reached back and transported me to distant centuries to report on the splendid eras of Peter I and Catherine II right up to the beginning of the 20th century, where I spent happy, carefree youth in this country spent. So there was no October Revolution in 1917, it was all just a bad dream!

The sound of a siren suddenly pulled me out of these contemplations. Down on the wide waters of the

wurde der große russische Romanschriftsteller und Denker Fjodor Michailowitsch Dostojewski eingekerkert und später nach Sibirien verbannt.»

Zuletzt stieg ich auf die höchste Bastion, wo eine uralte Kanone unter einem Lindenbaum ihren Platz bis auf den heutigen Tag zu behaupten vermochte. Welcher ehemalige Petersburger erinnert sich nicht an diese Kanone, die in vorrevolutionären Zeiten der Stadtbevölkerung alltäglich durch einen Schuß die genaue Mittagsstunde bekannt gab? Das war die sogenannte «Admiralsstunde», nach der sich alle Uhren von St. Petersburg richteten.

Gedankenvoll betrachtete ich diese alte Kanone, die auf eine glorreiche Vergangenheit zurückblicken kann. Auf ihrem Rohr las ich die Initialen «I. P. L», was offenbar «Imperator Peter I.» heißen soll; daneben steht das Jahr 1720. Ich stand hinten an der Geschützlafette. In meinem Blickfeld lag das herrliche Panorama mit den unzähligen Villen, Schlössern und Palästen, deren Zinnen und Türme in der Abendsonne gleißten und funkelten. Vom Meere, das man nicht sieht, nur ahnt, kommt wie vor Zeiten der Wind. Von außen her gesehen hat die frühere Kaiserstadt an Schönheit und Eleganz nichts eingebüßt. Es war mir, als hätte der Zeiger der Zeit zurückgegriffen, mich in ferne Jahrhunderte versetzt, um von den glanzvollen Epochen Peters I. und Katharinas II. an bis zum Anfang des 20. Jahrhunderts zu berichten, wo ich in diesem Lande frohe, unbeschwerde Jugendjahre verbrachte. Es gab also keine Oktoberrevolution 1917, sondern alles war nur ein böser Traum!

Ein Sirenengeheul riß mich jäh aus diesen Betrachtungen heraus. Unten auf den breiten Fluten

в тюрьму, а затем сослан в Сибирь великий русский писатель и мыслитель Федор Михайлович Достоевский».

Наконец я поднялся на самый высокий бастион, где под липой до сих пор сохранилась древняя пушка. Кто из бывших петербуржцев не помнит эту пушку, которая в дореволюционные времена каждый день выстрелом возвещала населению города точный полдень? Это был так называемый «адмиральский час», по которому строились все часы в Петербурге.

Я задумчиво посмотрел на эту старую пушку, способную вспомнить славное прошлое. На ее стволе я прочитал инициалы «И. П. Л», что, видимо, означает «Император Петр I». следует позвонить; Рядом написан год 1720. Я стоял позади лафета. В поле моего зрения была чудесная панорама с бесчисленными виллами, замками и дворцами, зубцы и башни которых блестели и сверкали в лучах вечернего солнца. С моря, которого не видно, а только чувствуешь, ветер дует, как прежде. Если смотреть снаружи, бывший имперский город не утратил своей красоты и элегантности. Мне казалось, будто рука времени потянулась назад и перенесла меня в далекие века, чтобы сообщить о великолепных эпохах Петра I и Екатерины II, вплоть до начала XX века, где я провел счастливую, беззаботную юность в этом страна потратила. Так что никакой Октябрьской революции 1917 года не было, это был всего лишь страшный сон!

Из этих размышлений меня неожиданно вырвал звук сирены. Внизу, над широкими водами Невы,

Neva, a bow wave roared high, indicating that the stately ship was running full speed ahead. The blood-red flag with a sickle and hammer on the quarterdeck brought me completely back to the present.

Original Page 178

My stay in Leningrad lasted five days. One evening I went to see my Jewish friend, whom we would like to call Rasskin for the same reasons as Maslenikov. I announced my arrival by telephone in advance. I said an old acquaintance from Klimovo wanted to shake his hand. Rasskin murmured a few words of joyful surprise into the earpiece. I walked the way to his apartment. In this way the traces of my off-duty forays should be covered up. I stopped briefly at the Nikolayevsky Bridge, leaned against the railing and looked at the Neva flowing along in the silvery glow of the full moon. I also glanced backwards. The quay was deserted!

When I finally stood in front of Rasskin, his eyes widened, he grabbed his head with both hands and thought about who the sudden visitor could be. I finally said my name.

"I apologize," said Rasskin, "for not recognizing you immediately, but the span of 35 years is an eternity in the short human life."

I agreed with him and apologized for breaking the unwritten laws of the country with my visit.

der Newa rauschte eine Bugwelle hoch auf und zeigte an, daß das stattliche Schiff volle Fahrt voraus lief. Die blutrote Flagge mit Sichel und Hammer auf dem Achterdeck brachte mich vollends in die Gegenwart zurück. - 177

Mein Aufenthalt in Leningrad dauerte fünf Tage. An einem Abend suchte ich meinen jüdischen Freund auf, den wir aus gleichen Ueberlegungen wie bei Maslenikow schlechthin Rasskin nennen wollen. Mein Kommen kündete ich vorher telephonisch an. Ich sagte, ein alter Bekannter aus Klimowo möchte ihm die Hand drücken. Rasskin murmelte ein paar Worte der freudigen Ueberraschung in die Hörmuschel. Den Weg bis zu seiner Wohnung legte ich zu Fuß zurück. Auf diese Weise sollten die Spuren meines außerdienstlichen Streifzuges verwischt werden. Bei der Nikolajewski-Brücke hielt ich kurz an, lehnte mich an das Ufergeländer und schaute auf die im Silberglanz des Vollmondes dahinfließende Newa. Ich warf auch einen Blick nach rückwärts. Der Kai war menschenleer!

Als ich endlich vor Rasskin stand, machte er kreisrunde Augen, griff sich mit beiden Händen an den Kopf und dachte nach, wer der plötzliche Besuch sein könnte. Ich nannte schließlich meinen Namen.

«Ich bitte um Entschuldigung», sagte Rasskin, «daß ich dich nicht sofort erkannt habe, aber die Zeitspanne von 35 Jahren ist, gemessen am kurzen Menschenleben, eine Ewigkeit.»

Ich pflichtete ihm bei und entschuldigte mich meinerseits, mit meinem Besuch sozusagen die ungeschriebenen Landesgesetze durchbrochen zu haben.

высоко ревела носовая волна, указывая на то, что величественный корабль мчался на полной скорости вперед. Кроваво-красный флаг с серпом и молотом на юте полностью вернул меня в настоящее. - 177

Мое пребывание в Ленинграде продолжалось пять дней. Однажды вечером я зашел к своему другу-еврею, которого мы хотели бы назвать Раскиным по тем же причинам, что и Маслеников. О своем приезде я сообщил заранее по телефону. Я сказал, что старый знакомый из Климово хочет пожать ему руку. Расскин пробормотал в наушник несколько слов радостного удивления. Я пошел к его квартире. Таким образом следует замести следы моих внеслужебных набегов. Я недолго остановился у Николаевского моста, прислонился к перилам и посмотрел на текущую Неву в серебристом сиянии полной луны. Я также посмотрел назад. Набережная была пуста!

Когда я, наконец, оказался перед Раскиным, его глаза расширились, он схватился за голову обеими руками и задумался о том, кто же мог быть этот внезапный гость. Наконец я назвал свое имя.

«Прошу прощения, — сказал Расскин, — что не узнал вас сразу, но 35 лет — это вечность в короткой человеческой жизни».

Я согласился с ним и извинился за то, что своим визитом нарушил неписаные законы страны.

My eyes fell on the right doorpost of the living room. A metal container, the so-called mesura, was attached there, in which there was a roll of parchment. These doorpost signs can be found in many Jewish homes. They mean: "Hear, O Israel, the Eternal, our God, the Eternal is one!"

Rasskin remained a pious Jew, despite all the religious persecution in the Soviet Union. It is very likely that he was able to afford this extravagance because he was non-partisan, i.e. H. was not a member of the Communist Party.

We sat down and smoked cigarettes and drank tea for many hours. I heard everything from Rasskin for my notes on the Jewish question in the new Russia. I would like to reproduce his comments below:

"When the tsars ruled Russia," Rasskin began, "we Jews were subjected to the worst persecution. It was not until the outbreak of the

Original Page 179
revolution on March 12 (February 27) 1917 that we achieved full political equality. The Law of the Temporary Democratic Government of April 3 (March 22), 1917 abolished all legal restrictions on Jews regarding housing, employment, education, etc. The Jews were admitted to the administration, judiciary, etc., elected to the city administration in all cities with a significant Jewish population, and they even gained easy access to the officers' schools.

Mein Blick fiel auf den rechten Türpfosten des Wohnzimmers. Dort war ein metallener Behälter, die sogenannte Mesura, befestigt, worin sich eine Pergamentrolle befand. Diese Türpfostenzeichen finden sich in vielen jüdischen Häusern. Sie bedeuten: «Höre, Israel, der Ewige, unser Gott, der Ewige ist einzig!»

Rasskin war also ein frommer Jude geblieben, allen Religionsverfolgungen in der Sowjetunion zum Trotz. Sehr wahrscheinlich durfte er sich diese Extravaganz aus dem Grunde leisten, weil er parteilos war, d. h. der KP nicht angehörte.

Wir setzten uns, rauchten Zigaretten und tranken Tee, viele Stunden lang. Was ich von Rasskin für meine Aufzeichnungen über die jüdische Frage im neuen Rußland wissen wollte, vernahm ich restlos. Ich will seine Aeußerungen nachstehend wiedergeben:

«Als die Zaren über Rußland herrschten», begann Rasskin, «waren wir Juden schlimmsten Verfolgungen ausgesetzt. Erst - 178

mit dem Ausbruch der Revolution am 12. März (27. Februar) 1917 erreichten wir die volle politische Gleichberechtigung. Das Gesetz der Zeitweiligen Demokratischen Regierung vom 3. April (22. März) 1917 hob alle Rechtsbeschränkungen der Juden hinsichtlich des Wohnrechtes, der Beschäftigung, der Bildung usw. auf. Die Juden wurden zur Verwaltung, Justiz usw. zugelassen, in allen Städten mit einer bedeutenden jüdischen Bevölkerung in die Stadtverwaltung gewählt, ja selbst zu den Offiziersschulen erlangten sie ohne weiteres Zutritt.

Мой взгляд упал на правый косяк гостиной. Туда же был прикреплен металлический контейнер, так называемая месура, в котором находился рулон пергамента. Эти таблички на дверных косяках можно найти во многих еврейских домах. Они означают: «Слушай, Израиль, Вечный, Бог наш, Вечный един!»

Раскин оставался набожным евреем, несмотря на все религиозные гонения в Советском Союзе. Вероятно, что он мог позволить себе такую расточительность потому, что был беспартийным, т.е. ЧАС. не был членом коммунистической партии.

Мы сели, курили сигареты и пили чай в течение многих часов. Я все слышал от Расскина по моим заметкам по еврейскому вопросу в новой России. Я хотел бы воспроизвести его комментарии ниже:

«Когда Россией правили цари, — начал Расскин, — мы, евреи, подвергались жесточайшим гонениям. Лишь с началом революции - 178

12 марта (27 февраля) 1917 года мы добились полного политического равенства. Закон Временного демократического правительства от 3 апреля (22 марта) 1917 г. отменил все юридические ограничения для евреев в отношении жилья, труда, образования и т. д. Евреи были допущены в администрацию, судебную систему и т. д., избраны в городское управление во всех городах со значительным еврейским населением и даже получили свободный доступ в офицерские школы.

The proclamation of equal rights for Jews did not meet with any difficulties among the population. But great economic prospects also opened up for the Jews.

The Bolshevik Revolution of November 7th (October 25th) 1917 provoked civil war in the country. The occupation of some former positions in the government of the Soviet state by a number of Jews (Trotsky, Sverdlov, Uritsky, Zinoviev, Kamenev, etc.) provided the counter-revolutionary elements in the country with material for anti-Semitic propaganda, so that the uprisings and battles of the anti-Bolshevik armies were characterized by terrible excesses against the Jews, whose victims numbered approximately 100,000 murdered people, thousands of violated women, and economically ruined the entire Jewish population in Ukraine and Belarus.

The attitude of Russia's Jewish population, which consisted mainly of lower middle class people, towards the Bolshevik overthrow was naturally negative. All parties, including the socialist ones, fought the Bolshevik dictatorship, and it was not until 1919 that part of the Jewish workers took the stand of Soviet power.

As far as religious matters are concerned, the Jewish population of Russia, which today enjoys the rights of a national minority, is in the same position as all other nations. The Soviet government recognizes the principle

Die Proklamierung der Gleichberechtigung der Juden stieß auch bei der Bevölkerung auf keinerlei Schwierigkeiten. Aber auch auf wirtschaftlichem Gebiet eröffneten sich den Juden große Aussichten.

Die bolschewistische Revolution vom 7. November (25. Oktober) 1917 rief im Lande den Bürgerkrieg hervor. Die Besetzung einiger früherer Stellen in der Regierung des Sowjetstaates durch eine Reihe von Juden (Trotzki, Swerdlow, Uritzky, Sinowjew, Kamenew u. a.) lieferte den konterrevolutionären Elementen im Lande Material für antisemitische Propaganda, so daß die Aufstände und Kämpfe der antibolschewistischen Armeen von schrecklichen Ausschreitungen gegen die Juden begleitet waren, deren Opfer ungefähr 100 000 ermordete Menschen, Tausende von geschändeten Frauen zählten, und die gesamte jüdische Bevölkerung in der Ukraine und in Weißrußland wirtschaftlich zugrunde richteten.

Die Stellung der hauptsächlich aus Kleinbürgern bestehenden jüdischen Bevölkerung Rußlands zu dem bolschewistischen Umsturz war naturgemäß negativ. Sämtliche Parteien, auch die sozialistischen, bekämpften die bolschewistische Diktatur, und erst 1919 stellte sich ein Teil der jüdischen Arbeiterschaft auf den Standpunkt der Sowjetmacht.

Was die religiösen Angelegenheiten anbetrifft, so befindet sich die jüdische Bevölkerung in Rußland, welche heute die Rechte einer nationalen Minderheit genießt, in der gleichen Lage wie alle anderen Nationen. Die Sowjetregierung erkennt das Prinzip der Religionsfreiheit für alle Bürger an.

Провозглашение равноправия евреев не встретило никаких затруднений среди населения. Но перед евреями открылись и большие экономические перспективы.

Большевистская революция 7 ноября (25 октября) 1917 спровоцировала гражданскую войну в стране. Занятие ряда евреев (Троцкий, Свердлов, Урицкий, Зиновьев, Каменев и др.) некоторых прежних должностей в правительстве Советского государства предоставило контрреволюционным элементам в стране материал для антисемитской пропаганды, поэтому что восстания и сражения антибольшевистских армий характеризовались ужасными бесчинствами против евреев, жертвы которых насчитывали около 100 000 убитых людей, тысячи насилиемых женщин и экономически разорили все еврейское население Украины и Белоруссии.

Отношение еврейского населения России, состоящего в основном из представителей низшего среднего класса, к большевистскому свержению было, естественно, негативным. Все партии, включая социалистические, боролись с большевистской диктатурой, и только в 1919 году часть еврейских рабочих встала на сторону Советской власти.

В вопросах религии еврейское население России, пользующееся сегодня правами национального меньшинства, находится в таком же положении, как и все другие народы. Советское правительство признает принцип свободы вероисповедания для всех граждан.

of religious freedom for all citizens. In reality, she watches the practice of religious customs with a skeptical eye.

The situation of the Jews is particularly difficult in the economic area. The occupations in which Jews were previously mainly employed are hit hardest by the economic policies of the Soviet government.

Original Page 180

Private trade, which supported almost two-fifths of Russian Jewry, is being persecuted by all possible means (high taxes, lawlessness, even measures of an administrative nature such as arrests, deportations, etc.). Already at the time of "military communism" (1918-1921), the government had taken strict measures against private trade, which left a significant part of the Jewish population impoverished, if not destroyed. The situation of the traders who could not remain in their profession was very difficult. They were all deprived of rights and were actually outside the law. They had no right to ration cards, and their children were not accepted into workshops, institutions or vocational schools.

The craftsmen were also exposed to persecution as "private entrepreneurs" for years, so that a significant number of them had to give up this profession.

Under all these circumstances, a large number of unemployed and declassed Jews emerged. Half of the Jewish population in Soviet Russia lives in hardship and misery as a result of communist

In Wirklichkeit verfolgt sie die Ausübung der religiösen Bräuche mit scheelen Augen.

Besonders schwierig ist die Lage der Juden auf wirtschaftlichem Gebiet. Von der ökonomischen Politik der Sowjetregierung werden am meisten jene Berufe getroffen, in denen - 179

die Juden früher hauptsächlich beschäftigt waren. Der Privathandel, der fast zwei Fünftel der russischen Judenheit ernährte, wird mit allen Mitteln (hohe Steuern, Rechtlosigkeit, auch Maßnahmen administrativer Natur wie Verhaftungen, Deportationen usw.) verfolgt. Schon zur Zeit des «militärischen Kommunismus» (1918—1921) hatte die Regierung gegen den Privathandel strenge Maßnahmen ergriffen, durch die ein erheblicher Teil der jüdischen Bevölkerung verarmte, wenn nicht gar zugrundegegangen ist. Die Lage der Händler, die in ihrem Berufe nicht verbleiben konnten, war sehr schwierig. Sie wurden sämtlich rechtlos und standen tatsächlich außerhalb des Gesetzes. Sie hatten kein Recht auf Lebensmittelkarten, ihre Kinder wurden in Werkstätten und Anstalten sowie in Berufsschulen nicht aufgenommen.

Auch die Handwerker waren jahrelang als «Privatunternehmer » der Verfolgung ausgesetzt, so daß ein erheblicher Teil von ihnen diesem Beruf entsagen mußte.

Unter all diesen Verhältnissen entstand unter den Juden eine große Zahl von Arbeitslosen und Deklassierten. Die Hälfte der jüdischen Bevölkerung in Sowjetrußland lebt infolge der kommunistischen Wirtschaftspolitik in Not und Elend, ohne daß

На самом деле она смотрит на соблюдение религиозных обычаев скептически.

Положение евреев особенно тяжелое в экономической сфере. Профессии, в которых раньше в основном были заняты евреи, больше всего пострадали от экономической политики советского правительства. Частная торговля, которая содержала почти две пятых российского еврейства, преследуется всеми возможными способами (высокие налоги, беззаконие, даже меры административного характера, такие как аресты, депортации и т. д.). Уже во времена «военного коммунизма» (1918-1921 гг.) правительство приняло строгие меры против частной торговли, в результате чего значительная часть еврейского населения осталась в нищете, а то и вовсе уничтожена.

Положение торговцев, которые не могли оставаться в своей профессии, было очень тяжелым. Все они были лишены прав и фактически находились вне закона. Они не имели права на продовольственные карточки, а их детей не принимали в мастерские, учреждения и профессионально-технические училища.

Мастера также годами подвергались гонениям как «частные предприниматели», в результате чего значительному числу из них пришлось отказаться от этой профессии.

При всех этих обстоятельствах появилось большое количество безработных и деклассированных евреев. Половина еврейского населения Советской России живет в лишениях и нищете в результате коммунистической экономической политики, без

economic policy, with no prospect of any improvement."

Rasskin's statements about the situation of his co-religionists correspond exactly with the observations that I was able to make during my years of stay in the Soviet Union. I often met with other Jewish families and was always reminded of Rasskin's truthful statements. They reduce to absurdity the versions often bandied about in Belarusian emigrant circles that Jews in Soviet Russia are doing relatively better economically than the rest of the population.

The Eternal Clay Streets

In the summer of 1947 I wanted to visit the graves of my parents and maternal grandparents in Murentsevo near Kaluga. One July evening I walked along the dead-straight Gorky Street to the Belorussky train station to buy a ticket from Moscow to Kaluga and back. That was on a Friday. Departure was to take place the next day. There were a lot of people waiting in line in

Original Page 181
front of the counter. As I found out, they had to show their identity documents before receiving the ticket. When it was finally my turn and I said, "Kaluga, round trip," the counter clerk looked at me suspiciously. The cut of my clothes must have told him that a foreigner was standing in front of him.

"Wash doc!" (Your identification documents!) he spoke up in a cutting voice. I placed the Swiss

Aussichten auf irgendwelche Besserung vorhanden wären.»

Rasskins Darlegungen über die Lage seiner Glaubensgenossen stimmen mit den Beobachtungen, die ich während meines jahrelangen Aufenthaltes in der Sowjetunion machen konnte, genau überein. Ich verkehrte öfters auch in anderen jüdischen Familien, wobei ich immer wieder an die wahrheitsgetreuen Aeußerungen Rasskins denken mußte. Sie führen die in weißrussischen Emigrantenkreisen vielfach herumgebotenen Versionen, es gehe den Juden in Sowjetrußland wirtschaftlich verhältnismäßig besser als der übrigen Bevölkerung, ad absurdum.

Die ewigen Lehmstraßen

Im Sommer 1947 wollte ich die in Murenzewo bei Kaluga liegenden Gräber meiner Eltern und Großeltern mütterlicherseits besuchen. An einem Juliabend begab ich mich zu Fuß über die schnurgerade Gorkistraße nach dem Weißrussischen Bahnhof, um dort eine Fahrkarte Moskau—Kaluga und zurück zu lösen. Das war an einem Freitag. Anderntags sollte die - 180

Abreise erfolgen. Vor dem Schalter standen viele Menschen Schlange. Wie ich feststellen konnte, mußten sie vor Erhalt der Fahrkarte ihre Identitätspapiere vorweisen. Als ich endlich an die Reihe kam und sagte: «Kaluga, Hin- und Rückfahrt », musterte mich der Schalterbeamte mit argwöhnischem Blick. Der Schnitt meiner Kleider dürfte ihm wohl verraten haben, daß ein Ausländer vor ihm stand.

«Waschi dokumenti!» (Ihre Ausweisschriften!) ergriff er mit schneidender Stimme das Wort. Ich legte den

каких-либо перспектив на улучшение».

Заявления Раскина о положении его единоверцев в точности соответствуют тем наблюдениям, которые мне удалось сделать за годы пребывания в Советском Союзе. Я часто встречался с другими еврейскими семьями, и мне всегда напоминали правдивые заявления Раскина. Они доводят до абсурда часто обсуждаемые в кругах белорусской эмигранта версии о том, что евреи в Советской России живут относительно лучше в экономическом отношении, чем остальная часть населения.

Вечные глиняные улицы

Летом 1947 года я хотел посетить могилы своих родителей, бабушек и дедушек по материнской линии в Муренцево под Калугой. Однажды июльским вечером я пошел по прямой улице Горького до Белорусского вокзала, чтобы купить билет из Москвы в Калугу и обратно. Это было в пятницу. На следующий день должно быть - 180.

Отправление происходит. Перед стойкой стояло много людей в очереди. Как я узнал, перед получением билета им пришлось предъявить документы, удостоверяющие личность. Когда наконец подошла моя очередь и я сказал: «Калуга, туда и обратно», кассир посмотрел на меня подозрительно. Покров моей одежды, должно быть, подсказал ему, что перед ним стоит иностранец.

«Помойся, док!» (Ваши документы, удостоверяющие личность!) — проговорил он резким голосом. Я положил швейцарский паспорт

passport on the marble slab in front of the counter. The officer leafed through it until he found the page where the Soviet entry visa was written. His findings now determined whether I should see the graves of my loved ones again or not. Behind me, a Tovarish lamented his complaint about the loss of time. Finally, the all-powerful man he was to me at that moment raised his eyes: "Whether you are allowed to travel to Kaluga as a foreigner remains a discretionary question that is left to the Foreign Ministry to decide. Please go there." With these words he gave me back the passport and with a rude gesture asked the person behind me to come to the counter.

I followed the advice of the counter clerk at the Belorussian Railway Station in Moscow. However, the corresponding request to the protocol department of the USSR Foreign Ministry remained unanswered.

The MVD's constant fear of spies from the West has made the Soviet Union almost as inaccessible to the ordinary, unofficially invited foreigner as Mecca is to the infidel. In 1953, however, some American newspaper publishers had received visas to travel to Moscow. To their surprise, when they arrived at Vnukovo airport, they were greeted with exquisite politeness. To their even greater surprise, they received rare permission, among other things. to photograph the interior of the Kremlin, which until then had been forbidden to newspaper correspondents living in Moscow. Even more: These Americans were allowed to go on trips to places where only invited, politically left-

Schweizerpaß auf die Marmorplatte vor dem Schalter. Der Beamte blätterte darin, bis er die Seite fand, auf der das sowjetische Einreisevisum eingetragen war. Auf seinen Befund kam es jetzt an, ob ich die Gräber meiner Lieben noch einmal sehen sollte oder nicht. Hinter mir jammerte ein Tovarisch seine Klage über den Zeitverlust. Endlich hob der Allgewaltige, der er für mich in diesem Augenblick war, den Blick: «Ob Sie als Ausländer nach Kaluga fahren dürfen, bleibt eine Ermessensfrage, die zu entscheiden dem Außenministerium anheimgestellt ist. Wenden Sie sich bitte dorthin.» Mit diesen Worten gab er mir den Paß zurück und forderte mit einer unwirschen Handbewegung meinen Hintermann auf, an den Schalter zu treten.

Ich befolgte den Rat des Schalterbeamten vom Weißrußischen Bahnhof in Moskau. Allein, das entsprechende Gesuch an die Protokollabteilung des Außenministeriums der UdSSR blieb unbeantwortet.

Die ständige Angst des MWD vor Spionen aus dem Westen hat die Sowjetunion für den gewöhnlichen, nicht offiziell eingeladenen Ausländer beinahe so unzugänglich gemacht wie Mekka für den Ungläubigen. Im Jahre 1953 hatten allerdings einige amerikanische Zeitungsverleger Visa für die Reise nach Moskau erhalten. Bei der Ankunft auf dem Flughafen Wnukowo wurden sie zu ihrer Überraschung mit ausgesuchter Höflichkeit empfangen. Sie erhielten zu ihrer noch größeren Überraschung die seltene Erlaubnis, u. a. das Innere des Kremls zu photographieren, was den in Moskau lebenden Zeitungskorrespondenten bis dahin untersagt war. Noch mehr: Diese Amerikaner durften Ausflüge an Orte unternehmen, an die sonst

на мраморную плиту перед стойкой. Офицер полистал его, пока не нашел страницу, где была написана советская въездная виза. Его выводы теперь определяли, увижу ли я снова могилы своих близких или нет. Позади меня Товарищ посетовал на потерю времени. Наконец всемогущий человек, которым он был для меня в тот момент, поднял глаза: «Разрешено ли вам приезжать в Калугу как иностранцу, остается дискреционным вопросом, который остается решать Министерству иностранных дел. Пожалуйста, идите туда». С этими словами он вернул мне паспорт и грубым жестом попросил человека позади меня подойти к стойке.

Я последовал совету кассира Белорусского вокзала в Москве. Однако соответствующий запрос в протокольный отдел МИД СССР остался без ответа.

Постоянный страх МВД перед шпионами с Запада сделал Советский Союз почти таким же недоступным для обычного, неофициально приглашенного иностранца, как Мекка для неверных. Однако в 1953 году некоторые издатели американских газет получили визы для поездки в Москву. К их удивлению, когда они прибыли в аэропорт Внуково, их встретили с изысканной вежливостью. К еще большему удивлению, они получили, помимо прочего, редкое разрешение фотографировать интерьеры Кремля, что до этого было запрещено корреспондентам газет, проживающим в Москве. Более того: этим американцам было разрешено совершать поездки в места, куда в

leaning delegations are otherwise allowed. For the first time in a very long time, Soviet press representatives took part in receptions organized by the American Embassy and the foreign

Original Page 182
correspondents in Moscow for the publishers, which the Soviet Russians reciprocated.

This course of action is obviously calculated to make a favorable impression on the world public. It was merely a gesture which, measured by Soviet standards, appears significant enough, but does not change the basic attitude towards foreigners in the slightest. For the time being, the foreigners remain isolated, unwanted, even suspected of unfriendly actions towards the host country and are therefore kept away from contact with the Russian population. Even the weekly newspaper Krokodil, the only joke paper in the USSR, now and then makes open mockery of the treatment of foreigners who have entered the Soviet Union.

When my plan to go to Kaluga by train failed, I tried to get there by car. For the outward journey I chose the famous Old Kaluga Street. It is famous for its scenic charm and is often sung about in folk tunes. Outside the outskirts of the city, a so-called cat's paw road, hostile to feathers, immediately began, but after a few kilometers it ended in a dirt road. This typical Russian overland road has neither a

nur eingeladene, politisch linksgerichtete Abordnungen zugelassen werden. Erstmals seit sehr langer Zeit nahmen sowjetische Pressevertreter wieder an Empfängen teil, die von der Amerikanischen Botschaft und den in Moskau weilenden ausländischen Korrespondenten - 181

für die Verleger veranstaltet wurden und welche die Sowjetrussen erwiderten.

Diese Handlungsweise ist offensichtlich darauf berechnet, einen vorteilhaften Eindruck auf die Weltöffentlichkeit zu machen. Es handelte sich dabei lediglich um eine Geste, die — an Sowjetmaßstäben gemessen — freilich bedeutend genug erscheint, jedoch an der grundsätzlichen Haltung gegenüber Ausländern nicht das geringste ändert. Vorerst bleiben die Ausländer isoliert, unerwünscht, sogar unfreundlicher Handlungen gegenüber dem Gastland verdächtigt und daher ferngehalten von der Fühlungnahme mit der russischen Bevölkerung. Selbst die Wochenzeitung «Krokodil», das einzige Witzblatt in der UdSSR, macht sich dann und wann mit unverhohlenem Spott über die Behandlung der in die Sowjetunion eingereisten Ausländer lustig.

Als mein Plan, mit der Eisenbahn nach Kaluga zu fahren, scheiterte, versuchte ich, im Auto dorthin zu gelangen. Zur Hinfahrt wählte ich die berühmte Alte Kaluga-Straße. Sie ist ihrer landschaftlichen Reize wegen berühmt und wird in den Volksweisen oft besungen. Außerhalb der Stadtperipherie begann sogleich eine federnfeindliche, sogenannte Katzenpfotenstraße, die aber nach ein paar Kilometern in eine Lehmstraße mündete. Diese typisch russische

противном случае допускаются только приглашенные политически левые делегации. Впервые за очень долгое время представители советской печати приняли участие в приемах, организованных американским посольством и иностранными - 181

корреспондентами в Москве для издателей, на что советские россияне ответили взаимностью.

Очевидно, что такой образ действий рассчитан на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на мировую общественность. Это был всего лишь жест, который по советским меркам выглядит достаточно значительным, но ни в малейшей степени не меняет основного отношения к иностранцам. Пока иностранцы остаются изолированными, нежелательными, даже подозреваемыми в недружественных действиях по отношению к принимающей стране и поэтому отстранены от контактов с российским населением. Даже еженедельник «Крокодил», единственная шуточная газета в СССР, время от времени открыто высмеивает обращение с иностранцами, въехавшими в Советский Союз.

Когда мой план поехать в Калугу на поезд провалился, я попытался добраться туда на машине. Для путешествия я выбрал знаменитую Старую Калужскую улицу. Он славится своим живописным очарованием и часто воспевается в народных мелодиях. За окраиной города сразу начиналась так называемая дорога «кошачьей лапки», враждебная перьям, но через несколько километров она заканчивалась грунтовой дорогой. Эта типичная российская сухопутная дорога не имеет ни твердого

solid surface nor a reliable base. The entire road consists only of earth - in the south of the country from black earth, in the north from clay - just as nature created it. When the weather is dry, people and animals are plagued by terrible dust, and when it rains, literally everything sinks into knee-deep mud. In addition, the frequent potholes endanger traffic. But no one is offended by the primitive road conditions, least of all the responsible ministry.

The radiator of my car kept rising and falling, and finally the up and down journey came to a premature end in a deep hole. In order not to risk a serious breakdown, I gave up the journey and turned back.

But even after this experience, I did not give up my intention to come to Kaluga or Murentsevo. I simply couldn't believe that two cities with over a million inhabitants (Kaluga now has over a million inhabitants) should not have a car connection and so I looked for a better route. Someone advised

Original Page 183
me to go via Malo-Yaroslavets. This city is small, but important as an industrial center, which is why it has a good, 100-kilometer-long road to Moscow.

After an hour and a half of driving, tall, smoking factory chimneys greeted us from the distance. I already believed that I would succeed, but at the southern exit of the city

Ueberlandstraße weist weder festen Belag noch ein zuverlässiges Grundbett auf. Der ganze Straßenkörper besteht nur aus Erdreich — im Süden des Landes aus Schwarzerde, im Norden aus Lehm — so wie die Natur ihn geschaffen hat. Bei trockenem Wetter werden Menschen und Tiere von einem fürchterlichen Staube geplagt, und wenn es regnet, versinkt buchstäblich alles in knietiefem Schlamm. Außerdem gefährden die häufigen Schlaglöcher den Verkehr. Aber niemand nimmt Anstoß an den primitiven Straßenverhältnissen, am allerwenigsten das zuständige Ministerium.

Der Kühler meines Wagens hob und senkte sich fortwährend, und schließlich kam die Berg- und Talfahrt in einem tiefen Loch zum vorzeitigen Abschluß. Um nicht eine folgenschwere Panne zu riskieren, gab ich die Fahrt auf und kehrte um.

Aber auch nach dieser Erfahrung verzichtete ich nicht auf den Vorsatz, nach Kaluga bzw. Murenzewo zu kommen. Ich konnte es einfach nicht fassen, daß zwei Millionenstädte (Kaluga zählt heute über eine Million Einwohner) keine Autoverbindung haben sollten und suchte daher nach einer besseren - 182

Route. Jemand gab mit den Rat, über Malo-Jaroslawetz zu fahren. Diese Stadt ist klein, jedoch bedeutend als Industriezentrum, welchem Umstand sie die gute, 100 Kilometer lange Autostraße nach Moskau zu verdanken hat.

Nach anderthalbstündiger Fahrt grüßten aus der Ferne hohe, rauchende Fabrikschlote. Ich glaubte bereits an ein Gelingen, aber am südlichen

покрытия, ни надежного основания. Вся дорога состоит только из земли – на юге страны из чернозема, на севере из глины – такой, какой ее создала природа. В сухую погоду людей и животных мучает жуткая пыль, а когда идет дождь, буквально все погружается в грязь по колено. Кроме того, частые выбоины ставят под угрозу движение транспорта. Но никто не обижается на примитивные дорожные условия, и уж тем более ответственное министерство.

Радиатор моей машины продолжал подниматься и опускаться, и, наконец, путешествие вверх и вниз преждевременно закончилось в глубокой яме. Чтобы не рисковать серьезной поломкой, я отказался от путешествия и повернул обратно.

Но даже после этого опыта я не отказался от намерения приехать в Калугу или Муренцево. Я просто не мог поверить, что два города-миллионника (в Калуге сейчас более миллиона жителей) не должны иметь автомобильного сообщения, и поэтому искал маршрут - 182

лучше. Кто-то посоветовал мне ехать через Мало-Ярославец. Город этот небольшой, но важный как промышленный центр, поэтому имеет хорошую, 100-километровую дорогу до Москвы.

Через полтора часа езды нас издалека приветствовали высокие дымящие фабричные трубы. Я уже верил, что у меня получится, но на южном выезде из города появился

there was a sign saying "50 kilometers to Kaluga," and immediately a desolate dirt road began again. The painful experiences on Old Kaluga Street were repeated here in exactly the same way. Not far from me there was a heavy truck with a broken axle, a deterrent example for daring drivers.

I slammed on the brakes and the car rolled to a stop on the side of the road. All around it was a flat landscape, over which the shimmering heat of midsummer brooded all the way to the distant horizon.

Like Fritz Haueter back then, I was now also impressed by the size and width, by these distances that were unusual for us Swiss. I sat in the hot back of the car for a long time. The hope of getting back to Kaluga and from there to Murentsevo finally disappeared. I thought about what could have caused the Russians not to improve their poor road conditions.

I spoke to a collective farmer who came towards me barefoot about the bad road. With a wave of his hand he pointed to the nearby factory building, the broad side of which was perforated like a sieve. Close by there were numerous storey-deep shell craters. Off to the side in the open field stood heavy tanks with gun barrels stretched high into the sky. The farmer was right; the war had recently raged here. There was now deep peace, but the earth was scarred by war for many years to come. What a surprise, I found myself in the middle of the former approach area of the German armies against the heart of Russia!

Stadtausgang stand auf einem Wegweiser «50 Kilometer bis Kaluga», und sofort begann wieder eine trostlose Lehmstraße. Die schmerzlichen Erlebnisse auf der Alten Kalugastraße wiederholten sich hier in genau gleicher Weise. Unweit von mir stand dräuend ein schwerer Lastwagen mit gebrochener Achse, sozusagen als abschreckendes Beispiel für verwogene Autofahrer.

Ich trat auf die Bremse, der Wagen rollte aus, stand am Straßenrand still. Ringsherum topfebene Landschaft, über die bis zum fernen Horizont flimmernde Hochsommerhitze brütete.

Wie seinerzeit Fritz Haueter, war jetzt auch ich von der Größe und Weite, von diesen für uns Schweizer ungewohnten Distanzen beeindruckt. Ich saß lange im heißen Fond des Wagens. Die Hoffnung, noch einmal nach Kaluga und von dort bis Murenzewo zu kommen, schwand endgültig. Ich dachte nach, was die Russen wohl veranlassen konnte, ihre mißlichen Straßenverhältnisse nicht zu sanieren.

Ich sprach mit einem Kolchosenbauern, der mir barfuß entgegenkam, über die schlechte Straße. Mit einer Handbewegung wies er nach dem nahen Fabrikgebäude, dessen Breitseite wie ein Sieb durchlöchert war. Dicht daneben lagen zahlreiche stockwerk tiefe Granattrichter. Abseits auf freiem Felde standen schwere Tanks mit weit in den Himmel gereckten Geschützrohren. Der Bauer war im Recht, hier hatte noch unlängst der Krieg gerast. Wohl herrschte jetzt tiefer Friede, aber die Erde war auf viele Jahre hinaus kriegsvernarbt. Was Wunder, ich befand mich mitten im ehemaligen Anmarschgebiet der deutschen Heere gegen das Herz Rußlands!

указатель «50 километров до Калуги», и тут же снова началась пустынная грунтовая дорога. Тяжелые переживания на Старой Калужской улице повторились и здесь точно так же. Неподалёку от меня стоял большегруз со сломанной осью, отпугивающий пример для смелых водителей.

Я нажал на тормоз, и машина остановилась на обочине. Вокруг был плоский пейзаж, над которым до самого далекого горизонта витала мерцающая жара середины лета.

Как и Фриц Хаутер тогда, я теперь тоже был впечатлен размером и шириной, этими непривычными для нас, швейцарцев, расстояниями. Я долго сидел на жарком заднем сиденье машины. Надежда вернуться в Калугу, а оттуда в Муренцево окончательно исчезла. Я задумался о том, что могло заставить россиян не улучшить свои плохие дорожные условия.

Я говорил с колхозником, который пришел ко мне босиком, о плохой дороге. Взмахом руки он указал на соседнее здание фабрики, широкая сторона которого была дырявой, как решето. Рядом находились многочисленные воронки от снарядов высотой в один этаж. В стороне, в открытом поле, стояли тяжелые танки с вытянутыми высоко в небо стволами орудий. Фермер был прав: недавно здесь бушевала война. Теперь воцарился глубокий мир, но земля была изранена войной на долгие годы вперед. Каково же было мое удивление: я оказался посреди бывшего участка подхода немецких армий к сердцу России!

However, it is hardly appropriate to blame everything on the war. My personal opinion, as far as it counts, is different.

History shows that in all wars Russia made clever use of the means given to her by nature. His geographical location allowed him to always fence with backup. The Euro-Asian hinterland with its enormous area offers any alternative options if necessary. Space is a power, von Clausewitz wrote in his works. The inhospitable steppes and the extremely harsh winter

Original Page 184
are loyal partisans. Added to this is the well-known "scorched earth" tactic, and finally the very poor traffic conditions that have existed since time immemorial play an essential role in national defense. Paralyzing the enemy's advance, systematically destroying everything that could be useful to him, and then destroying him with the aid of murderous climatic conditions has always been an outstanding characteristic of Russian defensive tactics. And it was successful, both against Napoleon I in 1812 and against Hitler 130 years later. Both invaders were driven out of the country. This shows that this system is not out of date. What the Russians might never have achieved in terms of fencing, their extras were able to accomplish effortlessly, given the winter and the antediluvian traffic conditions.

Apart from the military-strategic perspective, Russians should normally have a lively interest

Indessen geht es doch kaum an, dem Krieg alles in die Schuhe zu schieben. Meine persönliche Meinung — soweit sie etwas gilt — ist eine andere.

Die Geschichte lehrt, daß Rußland sich in allen Kriegen die Mittel geschickt zunutze machte, die ihm von der Natur verliehen worden sind. Seine geographische Lage gestattete es ihm, stets mit Rückendeckung zu fechten. Das euroasiatische Hinterland mit seiner ungeheuren Flächenausdehnung - 183

bietet notfalls beliebige Ausweichmöglichkeiten. Der Raum ist eine Macht, schrieb von Clausewitz in seinen Werken. Die unwirtlichen Steppen sowie der außerordentlich strenge Winter sind getreue Partisanen. Hinzu kommt noch die bekannte Taktik der «verbrannten Erde», und schließlich spielen die seit altersgrauen Zeiten sehr schlechten Verkehrsverhältnisse für die Landesverteidigung eine wesentliche Rolle. Den Vormarsch des Gegners lähmen, alles systematisch zerstören, was ihm nützlich sein könnte, und ihn dann mit dem Beistand mörderischer klimatischer Bedingungen vernichten, das war von jeher ein hervorragendes Charakteristikum der russischen Verteidigungstaktik. Und sie hatte Erfolg, sowohl 1812 gegen Napoleon I., als auch 130 Jahre später gegen Hitler. Beide Invasoren wurden des Landes vertrieben. Man ersieht daraus, daß dieses System nicht veraltet ist. Was die Russen fechtend vielleicht nie erreicht hätten, vermochten ihre Komparsen, der Winter und die vorsintflutlichen Verkehrsverhältnisse, mühelos zu vollbringen.

Abgesehen vom militärisch-strategischen Blickfeld sollten die Russen normalerweise auch aus Gründen

Однако вряд ли уместно винить во всем войну. Мое личное мнение - насколько это имеет значение - другое.

История показывает, что во всех войнах Россия умело использовала средства, данные ей природой. Его географическое положение позволяло ему всегда иметь подкрепление. Евроазиатская глубинка с ее огромным расширением территории при - 183

необходимости предлагает любые альтернативные варианты. Пространство — это сила, писал фон Клаузевиц в своих работах. Негостеприимные степи и чрезвычайно суровая зима — верные партизаны. К этому следует добавить известную тактику «выжженной земли», и, наконец, существенную роль в национальной обороне играют очень плохие дорожные условия, существующие с незапамятных времен. Парализующее продвижение противника, систематическое уничтожение всего, что могло быть ему полезно, а затем уничтожение его с помощью смертоносных климатических условий всегда было выдающейся чертой русской оборонительной тактики. И это имело успех как против Наполеона I в 1812 году, так и против Гитлера 130 лет спустя. Оба оккупанта были изгнаны из страны. Это показывает, что данная система не устарела. То, чего россиянам, возможно, никогда бы не удалось добиться в фехтовании, их статистам удалось сделать без особых усилий, учитывая зиму и допотопные условия дорожного движения.

Помимо военно-стратегической перспективы, россияне обычно должны иметь живой интерес

in modern roads for reasons of national economic prosperity, but it should not be forgotten that among them concerns about enemy invasions are much more deeply rooted than all other considerations and considerations.

Final word

My memories and notes have come to an end. As the dear readers have noticed, Vasily Petrovich Maslenikov is the hero of this book. I also wrote it in memory of him. The old warrior knows the West as well as the East. He has long since recognized that it is pointless to wait for the emergence of a genuine democracy in our terms in Russia. But Maslenikov is the classic example of a good comrade and loyal party member who is prohibited by a special code of honor from revealing more about his feelings about the disappointments he has experienced than he did during our nightly conversation in November 1946.

Even in the decades before the First World War, people in Russia were talking about the coming great revolution.

Original Page 185

Not all people believed in it. Many thought that popular anger would only be directed against the Tsardom and feudalism. As a result, everyone felt bad, even those who called the spirits.

der volkswirtschaftlichen Prosperität ein lebhaftes Interesse an modernen Straßen haben, doch darf nicht vergessen werden, daß bei ihnen die Bedenken gegen feindliche Invasionen viel tiefer verwurzelt sind als alle anderen Rücksichten und Ueberlegungen.

Schlußwort

Meine Erinnerungen und Aufzeichnungen sind zu Ende gegangen. Wie die verehrten Leserinnen und Leser feststellen konnten, ist Wassilij Petrowitsch Maslenikow der Held dieses Buches. Im Gedenken an ihn habe ich es auch geschrieben. Der alte Kämpfer kennt den Westen ebensogut wie den Osten. Er hat schon längst erkannt, daß es müßig ist, in Rußland auf die Entstehung einer echten Demokratie nach unseren Begriffen zu warten. Maslenikow ist aber das klassische Beispiel eines guten Kameraden und treuen Parteigängers, dem ein besonderer Ehrenkodex untersagt, von seinen Gefühlen über die erlebten Enttäuschungen mehr zu verraten, als er dies anlässlich unserer nächtlichen Unterredung im November 1946 getan hat.

Schon in den Jahrzehnten vor dem Ersten Weltkrieg sprach man in Rußland von der kommenden großen Revolution. - 184

Nicht alle Leute glaubten daran. Viele dachten, der Volkszorn werde sich nur gegen das Zarentum und den Feudalismus richten. In der Folge ging es dann allen schlecht, sogar jenen, die die Geister riefen.

к современным дорогам по соображениям национального экономического процветания, но не следует забывать, что среди них опасения по поводу вражеского вторжения укоренились гораздо глубже, чем все другие соображения и соображения.

Последнее слово

Мои воспоминания и заметки подошли к концу. Как заметили дорогие читатели, героем этой книги является Василий Петрович Масленников. Я тоже написал это в память о нем. Старый воин знает Запад так же хорошо, как и Восток. Он давно осознал, что бессмысленно ждать появления в России настоящей демократии в наших условиях. Но Масленников — классический пример хорошего товарища и преданного члена партии, которому особый кодекс чести запрещает раскрывать больше своих чувств по поводу пережитых разочарований, чем он это сделал во время нашей ночной беседы в ноябре 1946 года.

Даже за десятилетия до Первой мировой войны люди в России говорили о грядущей великой революции. - 184

Не все люди в это верили. Многие думали, что народный гнев будет направлен только против царизма и феодализма. В результате всем стало плохо, даже тем, кто вызывал духов.

On the warning call relating to the Battle of Morgarten on November 15, 1315

Beware of the morning garden

the Bernese chronicler Justinger reported around 1420 that the noble people of Hünenberg had shot arrows feathered with parchment described in this way over the Letzi Wall to their neighbors, the people of Schwyz.

We want to repeat this warning today. One can only be amazed at how gullible and naive Russian foreign policy experts consider the West to be; But you are also amazed at how patiently they work to pursue their goals!

Unfortunately, we in the West tend to beat our chests quite complacently. Don't we have a much higher standard of living? Private initiative, the right to criticize, freedom of choice, the rule of law. Oh yes, to a certain extent we have all of that, and we want to be very well and deeply aware of what great values these are, despite all their imperfections. But all these goods and achievements are at risk, more seriously and decisively than through red divisions and atomic bombs, if we lose what cannot be replaced: solidarity. — The world before 1914 also seemed to be wonderfully in order, full of achievements and supported by constant progress. Then it fell apart, totally and finally, because only a minority took part in all those

Zu dem auf die Schlacht am Morgarten vom 15. November 1315 sich beziehenden Mahnruf

Hütet Euch am Morgarten

weiß der Berner Chronist Justinger um 1420 zu berichten, daß die edlen Leute von Hünenberg ihren Nachbarn, den Schwyzen, über die Letzimauer hinweg Pfeile, gefiedert mit so beschriebenem Pergament, zugeschossen hatten.

Wir wollen heute diesen Mahnruf wiederholen. Man muß nur staunen, für wie leichtgläubig und naiv die russischen Außenpolitiker den Westen halten; staunen aber auch darüber, mit welcher Geduld sie an der Verfolgung ihrer Ziele arbeiten!

Leider pflegen wir uns im Westen recht selbstgefällig an die Brust zu schlagen. Haben wir nicht einen viel höheren Lebensstandard? Die Privatinitiative, das Recht der Kritik, die Freiheit der Wahl, den Rechtsstaat. O ja, bis zu einem gewissen Grad haben wir freilich das alles, und wir wollen uns sehr wohl und tief bewußt sein, was für große Werte das trotz aller Unvollkommenheit sind. Aber all diese Güter und Errungenschaften sind gefährdet, ernster und entscheidender als durch rote Divisionen und Atombomben, wenn wir dabei das verlieren, was durch nichts ersetzbar ist: die Solidarität. — Auch die Welt vor 1914 schien wunderbar in Ordnung zu sein, voll von Errungenschaften, getragen von stetem Fortschritt. Dann ging sie entzwei, total und endgültig, weil an all jenen Worten, auf

О предупредительном звонке по поводу битвы при Моргартене 15 ноября 1315 г.

Остерегайтесь утреннего сада

Около 1420 года бернский летописец Юстингер сообщил, что знатные жители Хюненберга стреляли стрелами с пергаментными перьями, описанными таким образом, через стену Летци своим соседям, жителям Швица.

Мы хотим повторить это предупреждение сегодня. Можно только удивляться тому, насколько доверчивыми и наивными российские внешнеполитические эксперты считают Запад; Но вы также будете поражены тем, как терпеливо они работают для достижения своих целей!

К сожалению, мы на Западе склонны довольно самодовольно бить себя в грудь. Разве у нас не гораздо более высокий уровень жизни? Частная инициатива, право критиковать, свобода выбора, верховенство закона. О да, в определенной степени все это у нас есть, и мы хотим очень хорошо и глубоко осознавать, какие это великие ценности, несмотря на все их несовершенства. Но все эти блага и достижения окажутся под угрозой, более серьезной и решительной, чем красные дивизии и атомные бомбы, если мы потеряем то, что невозможно заменить: солидарность. Мир до 1914 года тоже казался удивительно упорядоченным, полным достижений и поддерживаемым постоянным прогрессом. Потом оно развалилось окончательно и окончательно, потому что во всех тех словах, которыми так

words that humanity was so proud of. Only a social upper class and - geographically - only Europe and North America. Today, prosperity in Western Europe and North America is once again brilliant. But it is always only a small part of the world to which its values are accessible, and even within that small part there are millions who are excluded from them. That is very dangerous. Among those excluded, this situation can create a solidarity that is directed against us.

die die Menschheit so stolz war, nur eine Minderheit teil hatte. Nur eine soziale Oberklasse und — geographisch — nur Europa und Nordamerika. Heute ist die Prosperität in Westeuropa und Nordamerika wiederum glänzend. Aber es ist immer nur ein kleiner Teil der Welt, für den ihre Werte zugänglich sind, und auch innerhalb dieses kleinen Teils gibt es Millionen, die davon ausgeschlossen werden. Das ist sehr gefährlich. Bei den Ausgeschlossenen kann dieser Zustand eine Solidarität erwecken, die sich gegen uns richtet. - 185

гордилось человечество, принимало участие лишь меньшинство. Только социальный высший класс и – географически – только Европа и Северная Америка. Сегодня процветание в Западной Европе и Северной Америке снова блестяще. Но его ценности всегда доступны лишь небольшой части мира, и даже внутри этой небольшой части миллионы людей исключены из них. Это очень опасно. Среди тех, кто исключен, эта ситуация может создать солидарность, направленную против нас. - 185

Biographical Notes

Waldemar "Volodya" Kunz (1892-1973)
David Kunz (1864–1895), father of Waldemar
Eugenie Zurbruegg Kunz (1868-1900),
mother of Waldemar
Eugenie "Schenja" Kunz (*1890), sister of Waldemar
Nikolai "Kolja" Kunz (1894-1922), brother of Waldemar
Nilka, assistant from Dubrowka
Akulina, Chambermaid from Waldemar's infancy
Nikolaj Kunz (1870-1913), uncle of Waldemar
Miss Mina Streit, who passed away in July 1954
Wasska, son of Piotr Maslenikow

A contradiction

On original page 39 Akulina who cared for Waldemar as an infant said, "what would Eugenie Ivanovna blissfully say (that meant my mother) if she could see her grown son" but on original page 8, he also said "My father [David Kunz] first ran the dairy in Pitschenischeno (seven kilometers from Klimovo), and after three years he inherited that of his late father-in-law, Johann Zurbrügg, in Murenzevo, Kaluga Governorate

Place Notes

Kaluga, Gubernate town
Moscow University
"My father first ran the dairy in Pitschenischeno (seven kilometers from Klimovo), and after three years he inherited that of his late father-in-law, Johann Zurbrügg, in Murenzevo, Kaluga Governorate.
Murenzevo"
Tsarina Ekaterina II, the Great, to her favorite Serge Severski
Baron von Engelhard's estate in Klimovo